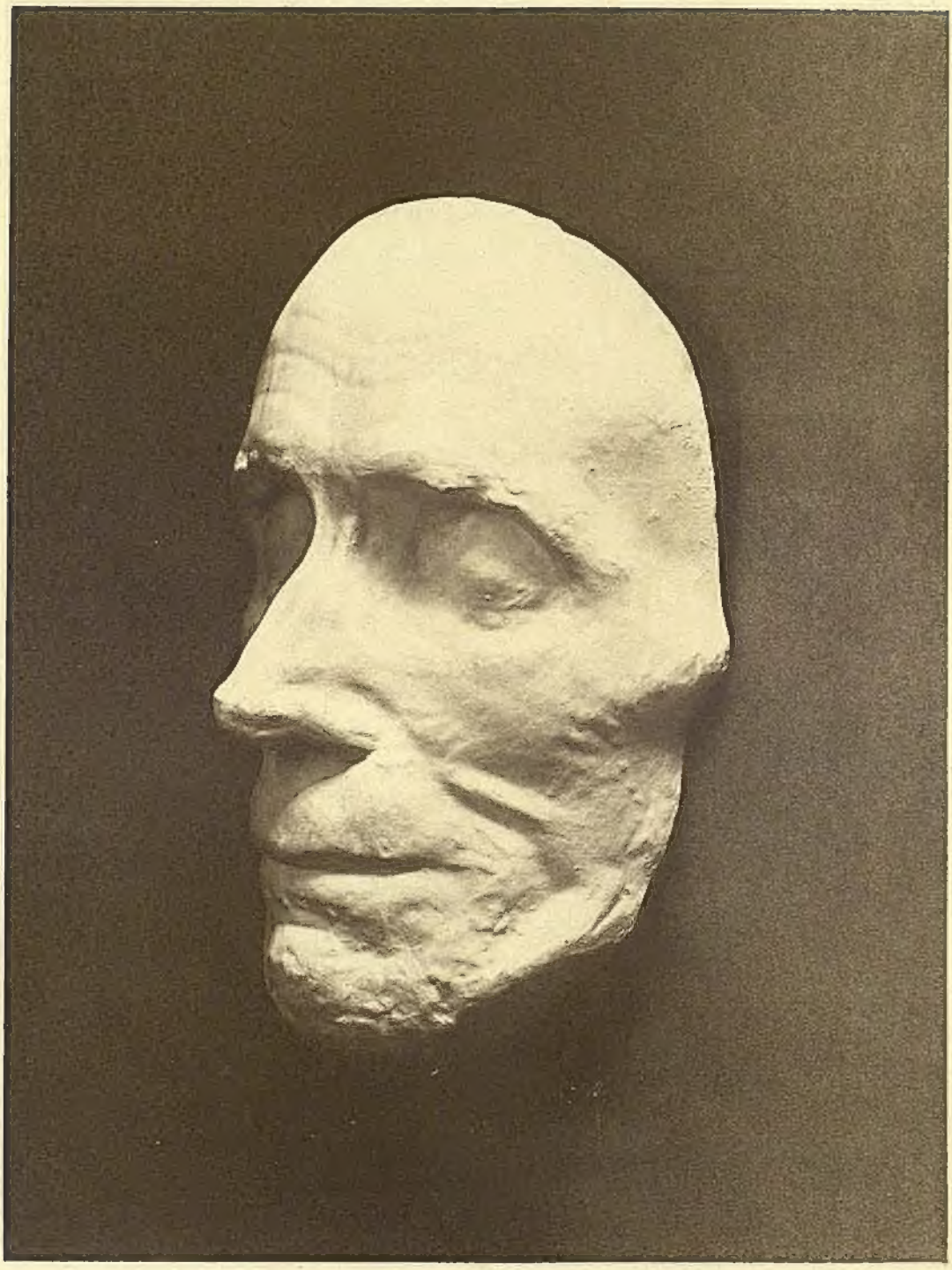
Ll 65/404
m.3
1884



1800 г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 11 МАЯ 1884 Г. ФОТОТИПІЯ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУД. БУМАГЪ.

ГЕНЕРАЛИСИМУСЪ КНЯЗЬ СУВОРОВЪ.

И 65/404

ГЕНЕРАЛИСИМУСЪ

КНЯЗЬ СУВОРОВЪ.

А. ПЕТРУШЕВСКАГО.

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

СО СНИМКОМЪ СЪ МАСКИ И ДВУМЯ КАРТАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.
1884.

9120

924

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

9р 1126043.

2007081665

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

На пути въ армію; 1799.

Военные успѣхи Французовъ въ послѣдніе годы; новая коалиція съ участіемъ въ ней Россіи; назначеніе Суворова въ Италію по просьбѣ союзниковъ.—Пріѣздъ его въ Петербургъ; выходки; общее удовольствіе; благосклонность къ нему Государя съ оттѣнкомъ недовѣрія.—Отъѣздъ въ армію; посѣщеніе въ Митавѣ французскаго короля - претендента; разныя встрѣчи въ пути; прибытіе въ Вѣну.—Аудіенція у Императора; смотръ войскъ; народныя овація; переговоры о будущей кампаніи; ихъ неудовлетворительность.—Прощальная аудіенція; инструкція Суворову; ея вредное значеніе.—Прибытіе Суворова въ Верону; встрѣча. — Залогъ будущихъ его успѣховъ; французская и его собственная военныя теоріи; основное ихъ сходство, при неодинаковости происхожденія и частныхъ различіяхъ.

Франція продолжала вести войну съ замѣчательнымъ упорствомъ. Какъ и въ началѣ, успѣхи и неудачи перемежались, но въ результатѣ выигрывала она. Послѣ Польской войны, въ 1795 году Пруссія заключила съ республикою миръ, уступивъ ей свои за-рейнскія земли; при этомъ почти вся сѣверная Германія была объявлена нейтральною; вслѣдъ затѣмъ вышла изъ коалиціи и Испанія; войну продолжала Австрія во главѣ южной Германіи. Кампанію того года она окончила довольно счастливо: Французы ретировались за Рейнъ, и обѣ арміи заключили перемиріе. Но слѣдующій 1796 годъ не походилъ на предшествовавшій. На Рейнѣ, послѣ первыхъ неудачъ, Австрійцы, благодаря эрцъ-герцогу Карлу, еще успѣли повернуть дѣло въ свою пользу, прогнали Французовъ за Рейнъ и заключили съ ними

перемиріе. Но въ Италіи дѣла шли иначе. Несмотря на совершенное разстройство французскихъ войскъ, военный геній Бонапарта перетянулъ весь успѣхъ на свою сторону. Послѣ продолжительной кампаніи, Австрійцы потеряли половину своей арміи и лишились почти всѣхъ итальянскихъ союзниковъ, поставленныхъ въ необходимость трактовать прямо съ Бонапартомъ и принимать отъ него безпрекословно всякія условія, какъ бы они тяжелы ни были. Такимъ образомъ Сардинія, Парма, Модена, Неаполь, папа — одни за другими мирились съ Франціей, а Генуа поступила подъ ея покровительство. Даже Англія стала тяготиться долгой, безуспѣшной войной и вступила въ переговоры съ республикой. Австрія осталась одинокою, т.-е. слишкомъ слабою.

Слабость эта оказалась въ слѣдующемъ 1797 году, когда Бонапартъ открылъ весенній походъ. Австрійцы поручили главное начальствованіе эрцъ-герцогу Карлу, но и онъ не въ состояніи былъ поправить испорченнаго дѣла. Прошло какихъ-нибудь 20 дней со времени открытія кампаніи, и Французы были уже въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Вѣны. Съ разрѣшенія императора, эрцъ-герцогъ Карлъ вошелъ съ Бонапартомъ въ переговоры, и 18 апрѣля заключилъ въ Леобенѣ перемиріе.

Одна надежда Австріи оставалась на Россію. Еще съ начала 1796 года, императоръ Францъ неоднократно умолялъ Екатерину о помощи; Русская Императрица наконецъ согласилась, но вошла въ переговоры съ Пруссіею и Англіею, надѣясь склонить ихъ на содѣйствіе. Переговоры затянулись, Екатерина скончалась, а Павелъ I отказался отъ всѣхъ военныхъ предпріятій своей матери, рѣшившись дать Россіи отдыхъ послѣ 40 лѣтъ военной тревоги. Въ намѣреніи этомъ онъ однако выстоялъ не долго: подошли разныя обстоятельства, которыя вмѣстѣ съ отвращеніемъ къ принципамъ французской революціи, заставили его измѣнить свою иностранную политику. Первымъ по времени подобнымъ обстоятельствомъ было Леобенское перемиріе.

По смыслу договоровъ, заключенныхъ между Австріей и Россіей въ 1792 и 1794 годахъ, первая имѣла право требовать отъ послѣдней вспомогательнаго 12,000-наго корпуса войскъ, въ случаѣ непріятельскаго вторженія въ предѣлы наслѣдственныхъ

владѣній императора. Теперь именно это и случилось. Францъ обратился къ Павлу I, умоляя спасти Австрію отъ гибели; Русскій Государь немедленно приказалъ приготовить часть полевыхъ войскъ къ походу и вошелъ въ обширные дипломатическіе переговоры, съ намѣреніемъ добиться успокоенія Европы. Это однако къ цѣли не привело, а Россію въ войну втянуло. Прежде всего Императоръ Павелъ имѣлъ случай разубѣдиться въ искренности и чистосердечіи Вѣнскаго двора: октября 6 Австрія заключила съ Франціей окончательный мирный договоръ въ Кампоформіо. Большая часть Венеціянской республики съ Истріей и Далмаціей отошли къ Австріи; Іоническіе острова къ Франціи; ей же окончательно уступлены Нидерланды; Ломбардія съ владѣніями моденскими и тремя римскими легатствами вошла въ составъ новой Цисальпійской республики. Всѣ спорные вопросы между Германіей и Франціей постановлено рѣшить на особомъ конгрессѣ въ Раштатѣ, но въ секретныхъ статьяхъ сущность дѣла предрѣшена: императоръ призналъ Рейнъ границею Франціи, съ условіемъ вознагражденія владѣтелей германскихъ внутри Германіи посредствомъ секуляризаціи; въ томъ числѣ Австрійскій домъ долженъ былъ получить архіепископство Зальцбургское и часть Баваріи. Такимъ образомъ Австрія выходила изъ долгой и безуспѣшной борьбы безъ потери и даже выигрывала въ округленіи границъ. Но такой предательскій способъ дѣйствій нанесъ ей потерю нравственную: она на долго утратила вліяніе свое въ Италіи и даже въ Германіи. Впрочемъ этотъ мирный договоръ не состоялся. Во время конгресса Франція продолжала дѣйствовать въ прежнемъ смыслѣ, если не оружіемъ, то насиліемъ; изъ Генуэзской республики сдѣлана Лигурійская, изъ Голландіи Батавская, изъ Швейцаріи Гельветическая, изъ Папской области Римская; сверхъ того предъявлены новыя условія, о которыхъ не было и помина въ Кампоформіо. Надежды на окончательный миръ совершенно разсѣялись, и если война не возобновилась немедленно, то единственно потому, что и Австрія, и Франція тянули время для приготовленій къ формальному разрыву.

Австріи это замедленіе нужно было главнымъ образомъ для того, чтобы добиться фактическаго содѣйствія Россіи, что было

уже не такъ трудно, какъ въ началѣ, ибо нашлись облегчающія обстоятельства. Входя во владѣніе Іоническими островами, Французы арестовали на островѣ Занте русскаго консула; обнаружилось участіе Франціи въ замыслахъ по возстановленію Польши; Домбровскій формировалъ въ сѣверной Италіи на счетъ Франціи польскій легіонъ, для кадровъ будущей польской арміи. Со своей стороны и Императоръ Павелъ подавалъ Франціи поводы къ заявленіямъ неудовольствія: формировался корпусъ русскихъ войскъ для помощи Австрійцамъ; принятъ въ русскую службу 7,000-ный корпусъ французскихъ эмигрантовъ принца Конде; приглашенъ въ Россію и помѣщенъ въ Митавѣ французскій король-претендентъ Людовикъ XVIII (графъ Прованскій), и ему назначено содержаніе по 200,000 рублей ежегодно. Кромѣ того снаряжался черноморскій флотъ на помощь Турціи, въ обезпеченіе ея отъ покушеній со стороны Французовъ; на основаніи прежнихъ договоровъ отправлены на соединеніе съ англійскимъ флотомъ двѣ эскадры изъ Балтійскаго моря; запрещенъ Французамъ въѣздъ въ Россію; конфискованы находившіеся въ Россіи французскіе корабли, товары и капиталы въ государственномъ заемномъ банкѣ. Очевидно составлялась противъ Франціи новая коалиція, только дѣло подвигалось медленно.

Ускорили его сами Французы. По предложенію генерала Бонапарта, сдѣланному въ 1797 году, директорія рѣшилась снарядить экспедицію въ Египетъ и Сирію, съ цѣлью учрежденія тамъ французской колоніи, расширенія сбыта французскихъ мануфактуръ и для военнаго предпріятія противъ англійской Индіи. Планъ былъ фантастическій, неисполнимый даже для такого генія, какимъ оказался Бонапартъ; но подобное дерзкое предпріятіе должно было придать новый блескъ французскому оружію и сильно возвысить въ глазахъ Французовъ предводителя, того же самаго Бонапарта. Можетъ быть изъ этихъ побужденій оно и развилось въ головѣ честолюбиваго Наполеона. Приготовленія къ экспедиціи производились дѣятельно, съ сохраненіемъ глубокой тайны и съ принятіемъ разныхъ мѣръ для замаскированія настоящей цѣли предпріятія. Все это удалось, и 19 мая 1798 года большой военный и огромный транспортный флоты

вышли изъ Тулона, неся на себѣ десантную армію въ 37,000 человѣкъ. По счастливой случайности не встрѣтившись съ англійскою эскадрою адмирала Нельсона, Бонапартъ явился передъ Мальтою, принадлежавшею ордену св. Іоанна Іерусалимскаго, овладѣлъ островомъ, оставилъ въ немъ гарнизонъ и поплылъ дальше. Остальной путь до Египта тоже совершенъ благополучно, и высадка произведена успѣшно.

Этотъ новый вызывающій поступокъ Французской директоріи много содѣйствовалъ успѣху образованія коалиціи, въ особенности по отношенію къ Русскому Императору. Мальтійскій орденъ, давно не имѣвшій никакого военнаго и политическаго значенія, потому что былъ историческимъ анахронизмомъ, заслужилъ расположеніе Павла I, какъ представитель анти-демократическихъ ученій. Русскій Государь принялъ въ 1797 году титулъ покровителя ордена, потомъ возложилъ на себя званіе великаго магистра и съ обычною своею страстностью принялъ къ сердцу интересы отжившаго учрежденія. Такимъ образомъ захватъ Мальты Французами явился новымъ, могущественнымъ поводомъ къ непріязненнымъ поступкамъ противу Франціи со стороны Императора Павла.

Составилась новая коалиція; къ ядру ея изъ Россіи, Англіи и Австріи присоединились Турція и Неаполь; начались приготовленія. Первоначальное предположеніе о посылкѣ въ Австрію 12,000 человѣкъ расширено, и цифра доведена до 70,000. Одинъ изъ корпусовъ, генерала Розенберга, былъ готовъ къ выступленію еще въ августѣ, но отправленіе его замедлилось по винѣ самихъ Австрійцевъ, вслѣдствіе мелочныхъ ихъ придирокъ къ статьѣ договора о продовольствіи, такъ что Павелъ I приказалъ даже распустить войска по квартирамъ, до полученія удовлетворительнаго отвѣта изъ Вѣны. Лишь въ половинѣ октября войска Розенберга начали переходить границу, въ числѣ около 22,000 человѣкъ, а когда подошли къ Дунаю, то стали готовиться къ походу и остальныя. Другой корпусъ, подъ начальствомъ Германа, изъ 11,000 человѣкъ, предназначался частью въ помощь королю Неаполитанскому, частью на островъ Мальту; третій 36,000-ный князя Голицына, замѣненнаго потомъ Нумсеномъ, долженъ былъ

дѣйствовать въ Германіи. Кромѣ того изготовлялись и всѣ прочія войска западной границы, въ составѣ двухъ армій, на случай надобности. Флотъ, какъ мы видѣли, былъ уже въ дѣйствіи въ 1798 году. Нѣсколько эскадръ разновременно отплыли въ Нѣмецкое море и соединились съ англійскимъ флотомъ для блокады батавскаго флота, но ограничивались положеніемъ наблюдательнымъ. Черноморская эскадра Ушакова, съ присоединенной къ ней небольшой турецкой, отплыла къ Іоническимъ островамъ и успѣшно очищала ихъ отъ Французовъ.

Такимъ образомъ первоначальная политика Павла I, стремившаяся исключительно къ мирнымъ цѣлямъ, въ два года времени преобразилась въ совершенно противуположную. Войны еще не было, но она приближалась самымъ ходомъ событій, служившихъ явнымъ отрицаніемъ недавнихъ договоровъ. Австрія заняла часть Швейцаріи, принадлежавшую Тиролю; Франція навязала Гельветической республикѣ новый договоръ, выпудивъ отъ нея 18,000 вспомогательнаго войска; французская же безцеремонная политика заставила короля Сардинскаго отречься отъ престола и удалиться на островъ Сардинію; Пьемонтъ присоединенъ къ Франціи. Неаполитанскій король, не выждавъ времени, открылъ враждебныя дѣйствія въ средней Италіи, но успѣха не имѣлъ, на англійскомъ кораблѣ переѣхалъ на островъ Сицилію, и Французы провозгласили вмѣсто Неаполитанскаго королевства Парфенопейскую республику. Въ Раштатѣ все еще продолжались безплодные переговоры, а между тѣмъ Французы занимали правый берегъ Рейна.

Зима 1798—99 годовъ приближалась къ исходу. Для увеличенія своихъ силъ, Австрія рѣшилась сдѣлать попытку, обратившись къ Павлу I съ просьбою—обратить всѣ три вспомогательные корпуса ей на помощь. Хотя это не согласовалось съ договоромъ, но Русскій Императоръ согласился и велѣлъ корпусу Германа слѣдовать въ сѣверную Италію, а корпусу Римскаго-Корсакова (назначеннаго вмѣсто Нумсена) въ южную Германію, на помощь Австрійцамъ. Кромѣ того, къ этому послѣднему были присоединены войска принца Конде. Извѣстіе о такой сговорчивости Русскаго Императора и доброжелательномъ

отношеніи его къ союзнику, было принято въ Вѣнѣ съ нескрываемымъ восторгомъ. Вѣнскій кабинетъ тѣмъ болѣе цѣнилъ рыцарскій поступокъ Павла I, что самъ не былъ способенъ на что-либо подобное, по своей традиціонной политикѣ и по свойствамъ своего тогдашняго руководителя—барона Тугута. Приготовленія къ войнѣ закипѣли, и близкое открытіе кампаніи сдѣлалось несомнѣннымъ, такъ какъ Французы потребовали очищенія въ двухъ-недѣльный срокъ австрійскихъ владѣній отъ русскихъ войскъ.

Оставалось одно обстоятельство, затруднявшее Вѣнское правительство—выборъ въ Италіи главнокомандующаго. Эрцъ-герцогъ Карлъ получилъ назначеніе на другой театръ войны; между австрійскими генералами равносильный ему не отыскивался, и потому рѣшились ввѣрить армію въ Италіи венгерскому палатину эрцъ-герцогу Іосифу; но такъ какъ принцъ былъ очень молодъ и никогда на войнѣ не бывалъ, то слѣдовало пріискать ему хорошаго помощника и руководителя. Дѣло значитъ въ сущности не измѣнилось, и выборъ лица оставался такимъ же труднымъ, какъ и прежде. Послѣ долгихъ колебаній, положено обратиться къ Русскому Императору съ новой просьбой — соизволить на назначеніе «знаменитаго мужествомъ и подвигами» Суворова.

Всей Европѣ былъ извѣстенъ этотъ наиболѣе прославившійся изъ русскихъ генераловъ, особенно со времени послѣдней Польской войны. Въ Австріи же онъ пріобрѣлъ громкую извѣстность еще раньше, когда во вторую Турецкую войну, вмѣстѣ съ принцемъ Кобургскимъ, одержалъ двѣ блестящія побѣды, доставившія полное удовлетвореніе національному самолюбію Австрійцевъ, страдавшему отъ многочисленныхъ неудачъ. Эти побѣды выдвинули принца Кобургскаго, но послѣдующія войны разочаровали въ немъ, показавъ, что онъ свѣтилъ не своимъ собственнымъ, а заимствованнымъ свѣтомъ. Затѣмъ Польская война заставила прозрѣть и слѣпыхъ, выказавъ вновь побѣдоносныя свойства Суворова и обнаруживъ въ немъ источникъ того свѣта, который послужилъ Кобургу ореоломъ при Фокшанахъ и Рымникѣ. Кандидатура Суворова для войны противъ

Французовъ подтверждалась и послѣдними распоряженіями Екатерины II, назначившей его начальникомъ вспомогательнаго корпуса. Такая общность доказательствъ въ пользу Суворова подкрѣплялась съ другой стороны невозможностью выбора главнокомандующаго, или эрцъ-герцогу Іосифу руководителя, изъ числа австрійскихъ генераловъ. Правда, хроническіе неуспѣхи Австрійцевъ зависѣли, по крайней мѣрѣ на половину, отъ несчастной системы вожденія главнокомандующихъ на помочахъ, но это основное зло, видимое для всѣхъ, особенно впослѣдствіи, оставалось невидимымъ для самого заинтересованнаго правительства. Такимъ образомъ Вѣнскій кабинетъ, или лучше сказать надменный баронъ Тугутъ—его фактическій руководитель, рѣшился, отложивъ въ сторону національную щекотливость, ввѣрить веденіе предстоявшей войны иноземцу [1]).

Впрочемъ рѣшеніе это было вызвано не одними перечисленными причинами. Тугутъ и его партія не любили Россіи и, вынужденные обстоятельствами вымаливать у нея помощь войсками, едва-ли могли сами собой, безъ посторонняго сильнаго давленія, сдѣлать послѣдній, самый трудный шагъ въ признаніи военной несостоятельности Австрійской имперіи. Скорѣе это было дѣломъ Англіи, если не всецѣло, то значительною долей. Въ состоявшейся коалиціи она играла очень важную роль и стало быть имѣла большое вліяніе, такъ какъ практическіе государственные люди Англіи никогда не продавали дешево услугъ своей страны. Литература даетъ не мало данныхъ для убѣжденія, что въ выборѣ Суворова участвовала Англія; а въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ прямо говорится, что Англія указала на Суворова и склонила Вѣнскій дворъ на этотъ выборъ. Можетъ быть Англія же настояла на устраненіи эрцъ-герцога Іосифа и назначеніи русскаго фельдмаршала главнокомандующимъ. На такое заключеніе наводитъ одно изъ писемъ Суворова къ графу С. Р. Воронцову, русскому послу въ Лондонѣ. Говоря про «патріотическое участіе» Воронцова въ назначеніи его, Суворова, главнокомандующимъ, онъ пишетъ: «не могу я описать ощутительную признательность къ оказываемому благоволенію Его Великобританскаго Величества въ избраніи моемъ на предле-

жащій мнѣ трудный подвигъ». Во всякомъ случаѣ избраніе Суворова произошло извнѣ [2]).

«Суворовъ явился изъ заточенія тощъ и слабъ, но живой духъ удержалъ и безъ блажи ни на пядь, чѣмъ много теряетъ», читаемъ мы въ одномъ современномъ письмѣ. Представляясь Государю, онъ бросился къ его ногамъ, сдѣлалъ земной поклонъ и по своему выказывалъ разные другіе признаки преданности. По словамъ очевидца, все это видимо выводило Павла I изъ терпѣнія, однако онъ сдерживался. Въ тотъ же день, 9 февраля, Суворовъ былъ снова зачисленъ на службу съ чиномъ фельдмаршала, но безъ объявленія въ приказѣ. Нѣсколько дней спустя, Государь возложилъ на него большой крестъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, съ подобающей церемоніей, причемъ Суворовъ стоялъ на колѣняхъ. Въ это же время Суворовъ получилъ просьбу отъ одной вдовы, Синицкой, которая ему писала: «70 лѣтъ живу на свѣтѣ, 16 взрослыхъ дѣтей схоронила; 17-го, послѣднюю мою надежду, молодость и запальчивый нравъ сгубили: Сибирь и вѣчное наказаніе достались ему въ удѣлъ, а гробъ для меня еще не отворился». Суворовъ обратился къ Государю съ просьбой о помилованіи бывшаго капитана Синицкаго, и Государь не отказалъ. Суворовъ отвѣчалъ Синицкой: «утѣшенная мать, твой сынъ прощенъ; аллилуія, аллилуія, аллилуія». Не сдерживая своей причудливой натуры, прорывавшейся въ сотнѣ разныхъ странностей, онъ однако не дѣлалъ ничего преднамѣренно-непріятнаго для Государя, какъ въ прошлый свой пріѣздъ: это не имѣло бы теперь смысла. Такимъ образомъ онъ не прикидывался недоумѣвающимъ или изумленнымъ при видѣ новыхъ порядковъ, формъ и уставовъ, не затруднялся снимать шляпу, не путался со шпагой садясь въ карету, не производилъ никакого замѣшательства на разводѣ [3]).

Пріемъ его петербургской публикой былъ самый восторженный. За нимъ тѣснились толпы, раздавались привѣтствія и пожеланія; почтеніе, уваженіе выражались при всякомъ случаѣ самымъ разнообразнымъ образомъ. Восходило солнце славы, и бѣдствія двухъ минувшихъ лѣтъ придавали ему особенный

блескъ. Въ арміи вѣсть о назначеніи Суворова главнокомандующимъ произвела электрическое дѣйствіе, особенно въ войскахъ, которыя назначались на войну. Даже въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, гдѣ ютились недоброжелатели и завистники Суворова, все какъ будто преобразилось въ смыслѣ общаго настроенія. Всѣ повалили къ нему съ поклономъ и поздравленіями; вынужденно-надѣтая личина равняла друзей съ недругами до неузнаваемости. Любезностямъ, комплиментамъ не было ни конца, ни мѣры; но Суворовъ помнилъ прошлое, различалъ людей, и многимъ изъ его новообъявившихся поклонниковъ пришлось съ притворною улыбкой жаться и ёжиться подъ его проніей и сарказмомъ. Въ числѣ явившихся на поклонъ былъ и Николевъ. Такая безтактность застала Суворова въ расплохъ, и онъ не нашелъ въ себѣ достаточно великодушія, чтобы оставить ее безъ вниманія; назвалъ Николева «первымъ своимъ благодѣтелемъ» и велѣлъ Прохору посадить его «выше всѣхъ». Прохоръ взмостилъ стулъ на диванъ, заставилъ Николева сѣсть на это дѣйствительно «высокое» мѣсто, при громкомъ смѣхѣ присутствовавшихъ, и Суворовъ почтилъ своего сконфуженнаго гостя изысканными поклонами [4]).

Суворову дано было 30,000 р. на подъемъ, назначено по 1,000 р. въ мѣсяцъ столовыхъ; приказано не производить съ него взысканія по претензіи Ворцеля, а предоставить послѣднему искать убытковъ обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ съ тѣхъ, кто продалъ его лѣсъ и поташъ. Такое исключеніе въ ущербъ Ворцелю послѣдовало потому, что претензіи прочихъ лицъ были уже удовлетворены; о нихъ не упоминалось какъ о дѣлѣ прошломъ. Да и по Ворцелевскому дѣлу разрѣшеніе послѣдовало нѣсколько поздно, потому что болѣе 9,000 руб. было уже къ тому времени взыскано; теперь ихъ пришлось требовать обратно, и вся эта путаница осталась при жизни Суворова не распутанной. Оба русскіе корпуса, направленные въ Италію, были отданы въ полное подчиненіе Суворову, и отъ нихъ отнято право непосредственныхъ представленій къ самому Государю, данное имъ раньше. Суворову разрѣшено требовать усиленія русскихъ войскъ подъ его начальствомъ, когда онъ най-

детъ то нужнымъ. Рескрипты Государя слѣдовали одинъ за другимъ и отличались выраженіями благоволенія и благосклонности. Императоръ Павелъ потребовалъ книгу Антинга, чтобы подробнѣе познакомиться съ прежними кампаніями своего полководца. Случилось даже одно мелочное, но многозначительное обстоятельство. Суворовъ просилъ у Государя дозволенія на кое-какія перемѣны въ войскахъ, противъ существующаго положенія. Павелъ I разрѣшилъ, сказавъ: «веди войну по своему, какъ умѣешь». Это было верхомъ снисходительности со стороны Государя; жаль только, что и просьба Суворова, и разрѣшеніе дошли до насъ безъ дальнѣйшихъ подробностей, которыя могли бы освѣтить кое-что изъ случившагося впослѣдствіи [5]).

Довѣріе Государя къ Суворову было однако неполное; доказательство тому —высочайшій рескриптъ къ генералу Герману, тотчасъ по отправленіи Толбухина за Суворовымъ въ село Кончанское. Этимъ рескриптомъ возлагалась на Германа обязанность: «имѣть наблюденіе за его, Суворова, предпріятіями, которыя могли бы повести ко вреду войскъ и общаго дѣла, когда будетъ онъ слишкомъ увлекаться своимъ воображеніемъ, заставляющимъ его иногда забывать все на свѣтѣ. Итакъ, хотя онъ по своей старости уже и не годится въ Телемаки, тѣмъ не менѣе однако же вы будете Ментором, коего совѣты и мнѣнія должны умѣрять порывы и отвагу воина, посѣдѣвшаго подъ лаврами». Германъ не затруднился принять на себя такое щекотливое порученіе; это былъ цеховой тактикъ, смотрѣвшій на военное дѣло какъ на графическое искуство и не подозрѣвавшій, что въ немъ нельзя принимать людей только за счетныя единицы. Онъ весь обозначился въ отвѣтѣ своемъ Государю; толкуя про глубокій строй, про параллельный боевой порядокъ, про направленіе маршей и лагерныя расположенія, онъ видитъ въ Суворовѣ только «старыя лѣта, блескъ побѣдъ и счастіе, постоянно сопровождавшее всѣ его предпріятія». Послѣдствія не замедлили разочаровать Государя на счетъ Германа и многихъ иныхъ, коихъ онъ принималъ за корифеевъ военнаго искуства, и доказали, что оно, это искуство, находилось именно въ рукахъ Суворова, несмотря на порывы его «воображенія».

Впрочемъ, опять-таки Государь былъ совсѣмъ не одинокъ въ опасеніяхъ на счетъ Суворова. Онъ боялся его «воображенія», другіе находили въ немъ излишній «натурализмъ», третьи ожидали всякихъ золъ отъ его «своенравія». Все это въ сущности сводилось къ излишней пылкости Суворова, т.-е. къ главному его недостатку — запальчивости. Но развѣ одна запальчивость дѣйствовала въ Суворовѣ, развѣ не выкупались его недостатки сторицею громадными достоинствами и даже не были ли эти недостатки только оборотною стороною его несравненныхъ военныхъ качествъ? Какъ видно, въ мнѣніи его судей — нѣтъ. Его просто не понимали, и это непониманіе шло такъ далеко, что сочли возможнымъ приставить къ нему дядьку, тогда какъ одна мысль — о руководительствѣ Суворовымъ на боевомъ полѣ — представляется намъ нынѣ (и вполнѣ справедливо) чѣмъ то совершенно не понятнымъ.

Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что распоряженіе о надзорѣ за Суворовымъ послѣдовало значительно раньше, чѣмъ прочія, свидѣтельствовавшія о довѣріи къ нему Государя. Но это не измѣняетъ дѣла, такъ какъ первое не было отмѣнено, и менторство Германа не осуществилось лишь потому, что онъ получилъ назначеніе на другой театръ войны.

Суворовъ выѣхалъ изъ Петербурга въ послѣднихъ числахъ февраля и ѣхалъ не очень скоро, особенно за Митавой, такъ какъ дорога съ каждымъ днемъ ухудшалась, да и здоровье его не могло уже выдерживать безостановочной ѣзды прежнихъ лѣтъ, замѣтно разстроившись въ Кончанскѣ, о чемъ прямо говорится въ письмахъ его приближенныхъ съ дороги. Остановки дѣлались дважды въ день, для обѣда и чая, каждый разъ на три часа, «ради пищеваренія, прежде чѣмъ тронуться въ дальнѣйшій путь»,—обстоятельство новое, прежде не встрѣчавшееся. Кромѣ того сдѣланы болѣе продолжительныя остановки въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Первая по времени была въ Митавѣ, въ замкѣ герцога. Желающихъ представиться Суворову собралось въ пріемномъ залѣ великое множество. Отворилась дверь, показался Суворовъ босой, въ одной рубашкѣ, сказалъ: «Суворовъ сейчасъ выйдетъ» и скрылся. Весьма скоро, черезъ нѣсколько

минутъ, онъ появился снова, но уже въ полной формѣ, и сдѣлалъ пріемъ. Выходка эта имѣла цѣлью показать, насколько онъ еще расторопенъ, вопреки носившимся слухамъ о его старости и дряхлости. Послѣ пріема Суворовъ пошелъ пѣшкомъ по улицамъ, за нимъ валили толпы народа; придя на гауптвахту, онъ замѣтилъ, что караулу былъ принесенъ обѣдъ, сѣлъ вмѣстѣ съ солдатами, съ большимъ апетитомъ поѣлъ каши и затѣмъ поѣхалъ къ французскому королю-претенденту, жившему въ Митавѣ-же [6]).

На Людовика онъ произвелъ впечатлѣніе большое, но смѣшанное: и въ хорошую, и въ дурную сторону. Людовикъ упоминаетъ про его «причуды, похожія на выходки умопомѣшательства, если бы не исходили изъ разсчетовъ ума тонкаго и дальновиднаго»; говоритъ про «обезьянскую физіогномію, про ухватки до того странныя и уморительныя, что нельзя смотрѣть безъ смѣха или сожалѣнія». Въ отзывѣ претендента разумѣется упоминается про жестокость Суворова, про его кровожадность, про вѣру въ колдовство, въ таинственное вліяніе свѣтилъ, и вообще высказываются избитыя, пошлыя понятія о Суворовѣ, которыя успѣли уже сдѣлаться ходячими. Представляясь Людовику, Суворовъ преклонился предъ нимъ почти до земли, поцѣловалъ руку и полу платья. Людовикъ сказалъ, что твердо увѣренъ въ его, Суворова, побѣдѣ; Суворовъ отвѣчалъ, что уповаетъ на помощь Божію, считаетъ Божескимъ наказаніемъ, что не встрѣтится съ Бонапартомъ, находящимся въ Египтѣ, и надѣется увидѣться въ будущемъ году съ Людовикомъ во Франціи. Суворовъ поддерживалъ разговоръ «съ ловкостью бывалаго придворнаго» и до такой степени занялъ своего собесѣдника, что тотъ не замѣтилъ, какъ пролетѣлъ часъ времени. Выйдя отъ претендента, Суворовъ встрѣтился на подъѣздѣ съ однимъ абатомъ, который поднесъ ему книгу своего сочиненія; Суворовъ принялъ ее «съ изящною вѣжливостью версальскаго царедворца». Пріѣхавъ домой, онъ раздѣлся, окатился холодной водой, надѣлъ шубу и пошелъ къ столу. Обѣдалъ онъ въ шубѣ, стоя, самъ пятъ; на столѣ не было ни скатерти, ни салфетокъ; ѣли рыбу и пшонную кашу; выпили въ заключеніе порядочную чашу пунша.

Такъ описалъ Людовикъ свое свиданіе съ Суворовымъ, и трудно теперь сказать, въ чемъ именно это описаніе погрѣшало противъ дѣйствительности по предвзятости взглядовъ. Признавая въ Суворовѣ «дарованія великаго военнаго генія», Людовикъ не скрываетъ однако того неблагопріятнаго впечатлѣнія, которое произвелъ на него русскій полководецъ своею «внѣшностью». Отзывъ его имѣетъ для насъ значеніе, потому что былъ первымъ при вступленіи Суворова въ Европу; потомъ его повторяли и многіе другіе, съ варьяціями лишь въ частностяхъ.

Продолжая путь, Суворовъ доѣхалъ до Вильна. Остановившись предъ главною гауптвахтой, онъ, не выходя изъ экипажа, принялъ почетный рапортъ отъ командира квартировавшаго въ Вильнѣ Фанагорійскаго полка. Тутъ находились всѣ власти гражданскія и военныя, толпы городскихъ жителей, Фанагорійскіе офицеры и солдаты. Суворовъ пожелалъ видѣть старыхъ гренадеръ, своихъ прежнихъ знакомцевъ; человѣкъ 50 подошли. Суворовъ поздоровался, назвалъ ихъ витязями, чудо-богатырями, своими милыми; обращался ко многимъ по-имянно, подзывалъ поближе, цѣловался. Легко понять, какое дѣйствіе произвело это свиданіе на старыхъ, сѣдыхъ Суворовскихъ сослуживцевъ, издавна сроднившихся въ пороховомъ дыму со своимъ любимымъ начальникомъ. Солдаты переглянулись, выступилъ впередъ гренадеръ Кабановъ и сталъ просить, чтобы Суворовъ взялъ полкъ къ себѣ въ Италію, противъ Французовъ. «Хотимъ, желаемъ», подхватили другіе. Просьба была невозможная: росписаніе войскъ было составлено давно и, при извѣстныхъ взглядахъ Государя, вмѣшиваться въ это дѣло не слѣдовало. Но не желая огорчить своихъ боевыхъ товарищей отказомъ, Суворовъ обѣщалъ просить Государя; тутъ же приказалъ перемѣнить почтовыхъ лошадей и отправился въ дальнѣйшій путь. Немного спустя, въ Италіи, онъ вспомнилъ про своихъ любимыхъ Фанагорійцевъ и пожалѣлъ, что ихъ съ нимъ нѣтъ, а еще вдвое жалѣли объ этомъ гренадеры, попавшіе въ неумѣлыя руки, въ Голландію [7]).

Зима была очень снѣжная, ухабы и сугробы дѣлали дорогу мѣстами совсѣмъ непроѣзжею. Въ одномъ изъ сугробовъ экп-

пажъ Суворова засѣлъ; къ счастію подоспѣлъ шедшій походомъ эскадронъ кираспрскаго полка и принялся вытаскивать. Все время, пока солдаты работали, Суворовъ кричалъ: «ура, ура, храбрые рымникскіе карабинеры», узнавъ полкъ, участвовавшій въ знаменитой кавалерійской атакѣ на турецкіе окопы подъ Рымникомъ. Что дальше, то ѣзда становилась затруднительнѣе, такъ что Суворовъ бросилъ наконецъ экипажъ и сѣлъ въ почтовыя сани. Марта 3 пріѣхалъ онъ въ Кобринъ и рѣшился остановиться тутъ на нѣсколько часовъ, выжидая экипажъ, но судя по маршрутнымъ числамъ дальнѣйшаго пути, остался по какимъ-то причинамъ нѣсколько дней. Вѣроятно большая часть этого времени пошла на распоряженія по имѣнію; Суворовъ ожидалъ еще высочайшаго рѣшенія по прежнимъ на него искамъ и возвращенія деревень отъ офицеровъ на предложенныхъ условіяхъ, однако ни теперь, ни послѣ не дождался. Изъ кобринской переписки также видно, что между лицами его свиты происходили какія-то неудовольствія или интриги по поводу одного изъ нихъ, котораго одни принимали за шпіона и хотѣли немедленно выжить, другіе же противились, чтобы не компрометировать Хвостова передъ генералъ-прокуроромъ, а послѣдняго передъ Государемъ. Рѣчь шла о какомъ-то sieur Wenkov; въ чемъ именно было дѣло, не знаемъ; младшій Горчаковъ настоялъ, чтобы подозрѣваемый субъектъ былъ посланъ изъ Вѣны или изъ другого мѣста въ Петербургъ съ порученіемъ, безъ возврата къ арміи, ибо-де «по крайней мѣрѣ будетъ замаскировано». По всей вѣроятности, происходила обыкновенная скрытая борьба вокругъ Суворова изъ-за личныхъ самолюбій, своекорыстныхъ интересовъ и т. под., а онъ про нее и не подозрѣвалъ. Присутствіе же въ свитѣ Суворова тайнаго правительственнаго агента ничѣмъ не подтверждается, и въ дѣлахъ тайной экспедиціи нѣтъ на это ни малѣйшаго намека. Тайная экспедиція была учрежденіемъ очень небольшимъ; ее составляли въ то время начальникъ Макаровъ, два его секретаря, три чиновника канцеляріи и двое для порученій. Изъ послѣднихъ одинъ, Николевъ, разъѣзжалъ по Россіи по разнымъ дѣламъ, а другой, Фуксъ, состоялъ при корпусѣ Розенберга, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

Продолжая путь изъ Кобрина, Суворовъ получилъ отъ Государя нѣсколько рескриптовъ, «весьма милостивыхъ и благоволительныхъ»; около 9 числа перевалилъ въ Брестѣ границу и 14 марта вечеромъ пріѣхалъ въ Вѣну. Онъ остановился въ домѣ русскаго посольства; посолъ, графъ Разумовскій, заранѣе распорядился, чтобы въ комнатахъ фельдмаршала не было зеркалъ, бронзы и вообще никакой роскоши, и чтобы была приготовлена постель изъ сѣна [8]).

На слѣдующій день назначена была у императора аудіенція; Суворовъ поѣхалъ вмѣстѣ съ графомъ Разумовскимъ. Толпы любопытныхъ образовали собою шпалеры по всѣмъ улицамъ, отъ самаго посольскаго дома до дворца; даже дворцовая лѣстница и смежные коридоры были полны зрителями. Вездѣ гремѣли «виваты» императору Павлу и Суворову; на восторженные клики народа, Суворовъ отвѣчалъ виватами императору Францу. Прибывъ во дворецъ, Суворовъ былъ приглашенъ къ императору одинъ, и полчаса пробылъ съ нимъ наединѣ; послѣ него дана аудіенція Разумовскому; затѣмъ приняты офицеры, находившіеся въ свитѣ Суворова. Разговоръ Франца съ Суворовымъ остался неизвѣстнымъ даже въ общихъ чертахъ; послѣдній доносилъ Павлу I объ аудіенціи очень коротко и упомянулъ только объ одной подробности, именно что Австрійскій императоръ очень недоволенъ медленнымъ движеніемъ русскихъ корпусовъ, почему приказано Розенбергу и Герману спѣшить. Да и этимъ донесеніемъ Суворовъ не поторопился, отправивъ его передъ самымъ отъѣздомъ своимъ изъ Вѣны. Графу Разумовскому въ аудіенціи также ничего не высказано, кромѣ благодарности и соотвѣтствующихъ случаю любезностей. Суворовъ вернулся домой при тѣхъ же овиціяхъ народа; на другой день ѣздилъ представляться императрицѣ, эрцъ-герцогамъ и французскимъ принцессамъ, но по причинѣ великаго поста отказался быть на обѣдѣ у Разумовскаго, куда съѣхался весь высшій кругъ Вѣны. Подъ тѣмъ же предлогомъ онъ не принялъ ни одного подобнаго приглашенія отъ министровъ и другихъ знатныхъ лицъ; отчего, во избѣжаніе отказа, не былъ приглашенъ къ столу и императоромъ. Есть извѣстіе, что находясь въ Вѣнѣ, Суворовъ видѣлся

и бесѣдовалъ съ принцемъ де-Линемъ (отцомъ), съ принцемъ Кобургскимъ, съ отставнымъ генераломъ Карачаемъ, котораго и уговорилъ поступить снова на службу въ войска подъ его, Суворова, начальство; но затѣмъ большихъ пріемовъ онъ не дѣлалъ и обширнаго знакомства не водилъ.

Вообще онъ старался вести въ Вѣнѣ свой обычный образъ жизни, вставалъ за-долго до свѣта, обѣдалъ въ 8 часовъ утра. Одинъ изъ его не многихъ выѣздовъ былъ въ Шенбруннъ, чтобы взглянуть на отдѣленіе Розенбергова корпуса, проходившее на театръ войны. Въ этотъ день Вѣна почти опустѣла; все повалило въ Шенбруннъ, гдѣ встрѣчалъ русскую колонну императоръ Францъ. Не будучи сюда приглашенъ, Суворовъ сидѣлъ въ каретѣ и смотрѣлъ оттуда на войска; Францъ его замѣтилъ и предложилъ верховую лошадь; Суворовъ сѣлъ верхомъ и рядомъ съ императоромъ смотрѣлъ проходившія русскія войска.

По словамъ очевидца-иностранца, вся Вѣна нравственно преобразилась съ пріѣздомъ Суворова. Объ немъ только и было рѣчи; его оригинальность, жесты, слова разбирались въ мельчайшихъ подробностяхъ, перетолковывались, извращались за предѣлы вѣроятнаго. «Радость, довѣріе и надежду» внушало присутствіе Суворова всѣмъ, отъ послѣдняго горожанина до высшаго вельможи; казалось новая жизнь прихлынула широкимъ потокомъ. Даже въ императорѣ замѣтили перемѣну; удовольствіе свѣтилось въ его глазахъ; онъ сдѣлался веселъ, какъ не бывалъ дотолѣ. Да и было отчего: онъ получилъ въ свое распоряженіе вождя, доселѣ не побѣжденнаго; получилъ вспомогательныя войска, сроднившіяся съ побѣдой. Послѣднія нововведенія новаго царствованія — полезныя принесли свою долю пользы, — вредныя не успѣли еще проникнуть глубоко. Русскія войска все еще были войсками Рымника, Измаила, Праги; предводитель ихъ оставался прежнимъ Суворовымъ [2]).

Сначала все шло хорошо, даже лучше, чѣмъ Суворовъ могъ ожидать, такъ какъ было отмѣнено прежнее предположеніе о порученіи главнаго начальствованія въ Италіи эрцъ-герцогу палатину подъ наблюденіемъ и руководствомъ Суворова, и рѣшено отдать послѣднему союзную армію въ качествѣ главнокоман-

дующаго. Это повлекло за собою новое для него повышеніе; чтобы подчинить ему, генералу иностранной службы, австрійскія войска, признано нужнымъ поставить его ступенью выше самыхъ старшихъ австрійскихъ генераловъ итальянской арміи, пожаловавъ чинъ фельдмаршала. Ему обѣщана была свобода дѣйствій на театрѣ войны; объ этомъ говорено и ему, и графу Разумовскому барономъ Тугутомъ и самимъ императоромъ, а Разумовскій доносилъ въ Петербургъ. Однако Вѣнскій кабинетъ все-таки желалъ, чтобы Суворовъ изложилъ ему свои предположенія о планѣ предстоящей кампаніи; отъ этого требованія и зародились несогласія и взаимное недовѣріе. Францъ прислалъ для совѣщанія съ Суворовымъ нѣкоторыхъ членовъ гофкригсрата, а въ другой разъ одного генерала, хорошо знакомаго съ итальянскимъ театромъ войны; Суворовъ отвѣчалъ, что рѣшитъ дѣло на мѣстѣ, по тамошнимъ даннымъ. Послѣ этого пріѣхали 4 члена гофкригсрата съ изготовленнымъ планомъ кампаніи *до р. Адды*, прося его именемъ императора исправить или измѣнить проектъ, въ чемъ онъ признаетъ нужнымъ. Суворовъ зачеркнулъ крестомъ записку и написалъ снизу, что *начнетъ* кампанію переходомъ черезъ Адду, а кончитъ гдѣ Богу будетъ угодно. Онъ иногда разговаривалъ объ этомъ предметѣ съ Разумовскимъ, передавая ему основные принципы своего военнаго искуства и особенности своей тактики, но это было совсѣмъ не то, что требовалось Вѣнскому кабинету, и Разумовскій справедливо доносилъ Государю, что не считалъ полезнымъ передавать слова Суворова [10]).

Послѣдствіемъ такихъ неудачныхъ негоціацій должно было явиться нѣчто въ родѣ холодности между Суворовымъ и Тугутомъ, который привыкъ властвовать безраздѣльно и руководить самимъ гофкригсратомъ, хотя къ военному дѣлу не имѣлъ серьезной подготовки, а тѣмъ меньше дарованія. Подобное вступленіе ничего хорошаго впереди не обѣщало, потому что сталкивались руководитель съ исполнителемъ, которые еще другъ друга близко не знали и надѣялись одинъ другого сломить, не подозрѣвая въ своемъ противникѣ всего упорства и энергіи, которыми онъ въ дѣйствительности обладалъ. Повидимому въ такомъ поворотѣ виноватъ былъ болѣе Суворовъ, чѣмъ Австрійское правитель-

ство, но это кажется только съ перваго взгляда. Суворовъ зналъ, что такое гофкригсратъ и долженъ былъ сразу отъучить его отъ всякихъ поползновеній на руководительство. Это удивительное учрежденіе могло вырости не на всякой почвѣ; его можно объяснить только узкимъ военнымъ методизмомъ эпохи и принципіальною недовѣрчивостью правительства ко всему и ко всѣмъ. Только на этихъ основахъ и понятно существованіе придворнаго военнаго совѣта, составлявшаго планы войнъ, походовъ и всякаго рода военныхъ дѣйствій, стоявшаго на точномъ ихъ исполненіи, безъ измѣненій до полученія на то разрѣшенія, и строго каравшаго ослушниковъ. Заставить командующаго генерала ходить на помочахъ, протянутыхъ изъ столицы, иногда Богъ знаетъ на какое разстояніе и при какихъ условіяхъ,—значило дѣлать его безсильнымъ при малѣйшей перемѣнѣ обстоятельствъ. Даровитому генералу подобная опека была невыносима, а обладающему такими особенностями какъ Суворовъ — совсѣмъ невозможна.

При своихъ основныхъ взглядахъ на военное дѣло и при громадномъ опытѣ, Суворовъ лучше всякаго другого понималъ, что прекрасно составленные планы кампаній могутъ оказаться исполнимыми только частію, а иногда и совершенно измѣниться, потому что имъ будетъ противодѣйствовать непріятель, котораго силы и способы съ вѣрностью опредѣлить нельзя, и который имѣетъ свои собственныя намѣренія и цѣли. Суворовъ всегда принималъ къ соображенію случай на войнѣ, а потому отвергалъ всякіе законченные планы дѣйствій, гдѣ все предусматривается и предрѣшается. Онъ признавалъ практически-возможными только самыя общія предначертанія, предоставляя все остальное указанію обстоятельствъ, и въ этомъ смыслѣ постоянно говорилъ и писалъ, ссылаясь на Юлія Цезаря. Онъ имѣлъ сильное нерасположеніе къ планамъ писаннымъ, тщательно разработаннымъ, да еще коллегіальнымъ образомъ; и дѣйствительно такіе планы, составляя секретъ многихъ, рѣдко остаются въ тайнѣ и попадаютъ обыкновенно въ руки непріятеля. Будучи знатокомъ исторіи, особенно военной, и изучивъ въ совершенствѣ войны XVIII столѣтія, Суворовъ не могъ не видѣть, что несчастная манія —

все предвидѣть, все комбинировать на бумагѣ и направлять каждый шагъ главнокомандующаго изъ кабинета, — дорого обходилась Австріи уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, и только одна эта держава, по непонятной слѣпотѣ, не замѣчала фальши въ своей системѣ. «Въ кабинетѣ врутъ, а въ полѣ бьютъ», постоянно говаривалъ Суворовъ про подобныя тенденціи.

Такимъ его взглядамъ вовсе не противорѣчатъ составленные имъ—замѣтка о войнѣ въ Финляндіи и планъ дѣйствій въ Турціи (Прилож. II и III). Первая указываетъ лучшій способъ противодѣйствія непріятелю, въ связи съ системою возводимыхъ укрѣпленій. Второй состоитъ изъ мелочныхъ исчисленій нашихъ морскихъ силъ, изъ общихъ соображеній о ходѣ операцій и изъ изслѣдованія неизвѣстной части театра войны; число кампаній опредѣляется отъ 2 до 4. Примѣромъ того, въ какихъ общихъ чертахъ Суворовъ признавалъ единственно-практичными планы кампаній, можетъ служить Приложеніе VIII.

При всемъ томъ можетъ быть сдѣлано замѣчаніе, что правительство государства, которое столько лѣтъ подрядъ несло громадныя жертвы и терпѣло военныя неудачи, не могло продолжать войну безъ обозначенія ея ближайшихъ цѣлей, ввѣрившись слѣпо одному лицу, вдобавокъ иностранцу. Можетъ быть указано, что Суворову слѣдовало понять свое положеніе и, въ интересахъ самаго дѣла, не обрекать робкое, обезкураженное правительство на роль не только бездѣйственную, но и лишенную контроля. Иначе говоря, отказавшись отъ предъявленія подробнаго плана кампаніи, въ духѣ гофкригсрата, не долженъ ли былъ русскій полководецъ изложить письменно, или хоть словесно, свои соображенія въ самыхъ общихъ чертахъ? Вѣдь сложилось же у него въ головѣ общее направленіе предстоявшихъ дѣйствій; отчего же ему было не подѣлиться своими мыслями съ гофкригсратомъ? Утвердительный отвѣтъ едва-ли былъ бы вѣренъ. Конечно Суворовъ составилъ себѣ общее предположеніе, но сообщеніе его гофкригсрату ни къ чему не привело бы. Изъ разговора Суворова съ королемъ-претендентомъ Людовикомъ мы видѣли, что онъ разсчитывалъ выгнать Французовъ изъ Италіи и затѣмъ, въ настоящемъ или будущемъ году, внести войну въ предѣлы

Франціи. Изъ словъ Суворова, записанныхъ въ Кончанскѣ Прево-де-Люміаномъ, мы познакомились съ планомъ дѣйствій противъ Франціи, который Суворовъ считалъ соотвѣтствующимъ обстоятельствамъ. Развѣ что нибудь подобное могло удовлетворить Вѣнскій кабинетъ? Конечно нѣтъ. Всякій планъ Суворова показался бы ему во-первыхъ слишкомъ смѣлымъ и рискованнымъ. Затѣмъ, при томъ анализѣ, которымъ только и существовалъ гофкригсратъ и который приложимъ лишь къ обстоятельно выработаннымъ проектамъ военныхъ операцій, — планы общіе представлялись неуловимыми для взвѣшиванія, измѣриванія и прикидыванія къ масштабу; они непремѣнно требовали разработки, ибо тогда только подходили подъ уровень критики. Окажи Суворовъ уступчивость, сдѣлай первый шагъ,—отъ него потребовали бы и второго, и третьяго, а при нѣкоторомъ діалектическомъ искуствѣ, подобное требованіе явилось бы вполнѣ естественнымъ и логичнымъ. Между тѣмъ второго и третьяго шаговъ Суворовъ самъ не зналъ, отлагая ихъ до знакомства съ дѣломъ на мѣстѣ. Ему пришлось бы или погрузиться въ безплодныя измышленія, противѣчившія характеру его военнаго дарованія, или пуститься въ препирательство и споры и на этого рода аренѣ понести несомнѣнное пораженіе, въ чемъ онъ сознавался еще подъ Фокшанами. А конечнымъ результатомъ было бы составленіе гофкригсратомъ собственнаго закопченнаго, округленнаго проекта, къ чему попытка уже и была сдѣлана относительно начала кампаніи до Адды.

Вотъ по какимъ причинамъ Суворовъ долженъ былъ отказаться и отказался отъ изложенія своихъ намѣреній. Можетъ быть слѣдовало ему сдѣлать это нѣсколько иначе, при помощи болѣе мягкихъ пріемовъ, не обижая самолюбій. Но таковъ онъ былъ искони и передѣлать себя не могъ, да вѣроятно и не хотѣлъ. Если онъ въ этомъ смыслѣ проступился, то еще болѣе провинились австрійскіе властные люди, стоявшіе у дѣла. Русскій императоръ не навязывалъ Австріи Суворова; она сама признала его якоремъ своего спасенія, сдѣлала своимъ фельдмаршаломъ, обѣщала широкія полномочія. При такихъ исключительныхъ условіяхъ можно было не обращать особеннаго вни-

манія на формы, на внѣшность, а заботиться объ одной сущности. Но ничто такъ не живуче, какъ дурныя традиціи, и ничто такъ не чувствительно, какъ самолюбіе, особенно если подъ нимъ нѣтъ ничего или есть очень малое.

Суворову было больше нечего дѣлать въ Вѣнѣ. Здѣсь успѣлъ написать его портретъ «первый вѣнскій живописецъ» Крейцингеръ, по протекціи одного изъ близкихъ, за что и отблагодарилъ протектора портретомъ съ его собственной особы. Портретъ Суворова остался въ Вѣнѣ какъ бы на память; оригиналъ въ нее болѣе не возвращался. Выѣздъ въ армію назначенъ былъ на 24 число; наканунѣ была назначена императоромъ отпускная аудіенція. Суворовъ, кончившій переговоры съ Вѣнскимъ кабинетомъ ничѣмъ, далъ только въ одномъ частномъ обществѣ шутливое обѣщаніе—не слѣдовать примѣру другихъ, не обращаться съ Французами такъ деликатно какъ съ дамами, ибо онъ уже старъ для подобныхъ любезностей. Но онъ жестоко ошибся, полагая, что выѣдетъ изъ Вѣны съ пустыми руками, т.-е. съ полной волей. На прощальной аудіенціи императоръ Францъ принялъ его по прежнему весьма благосклонно и снова заявилъ ему полную свою довѣренность, но при этомъ вручилъ инструкцію съ изложеніемъ главнѣйшихъ указаній для первоначальнаго хода кампаніи [11]).

Послѣ вступительныхъ комплиментовъ, въ которыхъ между прочимъ значились и «великія, испытанныя дарованія» Суворова, инструкція гласила, что цѣлью первыхъ наступательныхъ дѣйствій должно быть прикрытіе австрійскихъ владѣній и постепенное удаленіе отъ нихъ опасности непріятельскаго вторженія. Для этого надлежитъ обратить усилія въ Ломбардію и въ страну по лѣвому берегу р. По; достигнутые успѣхи оградятъ южный Тироль отъ непріятеля, освободятъ отъ Французовъ полуденную Италію и дадутъ возможность усилить союзную армію въ Италіи частью тирольскихъ войскъ. Согласно съ этимъ, Суворовъ долженъ былъ отрядить часть войскъ въ Полезину и въ низовья По, для наблюденія за непріятелемъ со стороны Феррары, а съ главными силами двинуться къ Минчіо, перейти се, овладѣть Пескьерою и потомъ или осадить Мантуу, или бло-

кировать ее, продолжая наступленіе къ рѣкамъ Оліо и Аддѣ. Предположенія свои о дальнѣйшихъ затѣмъ дѣйствіяхъ Суворовъ обязанъ былъ сообщить императору. Наконецъ, чтобы вниманіе его, Суворова, не было отвлекаемо отъ главныхъ военныхъ соображеній заботами о предметахъ побочныхъ, поручено генералу Меласу вести съ гофкригсратомъ переписку о продовольствіи и другихъ потребностяхъ [12]).

Эта инструкція была именно тѣмъ самымъ, во избѣжаніе чего Суворовъ не хотѣлъ обязываться предъ гофкригсратомъ никакими заранѣе составленными предположеніями. Неисправимое Австрійское министерство вытребовало Суворова для тѣхъ же дѣйствій ощупью, съ оглядкой, въ которыхъ оно упражнялось до того времени. По духу и буквѣ документа слѣдовало ожидать длинной, безцвѣтной кампаніи, съ нескончаемымъ маневрированіемъ и съ зимними квартирами пожалуй по прежнему за Адижемъ. Робость проглядывала во всемъ планѣ вмѣстѣ съ обычной недовѣрчивостью къ главнокомандующему. Это былъ, такъ сказать, заранѣе изготовленный приказъ, со вставленнымъ именемъ Суворова вмѣсто «имя-рекъ». Для такого плана положительно не стоило вызывать Суворова изъ Кончанска; мало того, назначать его на постъ главнокомандующаго при подобныхъ условіяхъ было прямо вредно, потому что онъ во всю свою военную карьеру постоянно боролся съ непрошенной опекой, въ какихъ бы размѣрахъ она ни проявлялась. Упоминается въ инструкціи и объ операціяхъ за Аддой, но это какъ бы на всякій случай; притомъ употребляется пріемъ для парализованія свободы дѣйствій главнокомандующаго еще худшій, чѣмъ до Адды: предписывается предварительное представленіе въ Вѣну предположеній. Въ заключеніе инструкціи проглядываетъ недовѣріе къ Суворову, какъ къ иностранцу, передачею въ вѣдѣніе Меласа хозяйственной части.

Такимъ образомъ сдѣлано было то самое, что передъ тѣмъ поручено четыремъ членамъ гофкригсрата, но отвергнуто Суворовымъ, даже больше, потому что его мнѣнія теперь не спрашивали. Пристрастіе къ системѣ, къ бумагѣ, закрыло отъ Вѣнскаго кабинета живого, даровитаго человѣка. Не знаемъ, какъ отнесся

Суворовъ къ полученной инструкціи, ибо не находимъ ровно ничего ни въ офиціальной, ни въ частной перепискѣ его и его близкихъ. Вѣроятнѣе всего, что онъ рѣшился держаться данныхъ правилъ лишь по стольку, по скольку они будутъ отвѣчать обстоятельствамъ и его собственнымъ предположеніямъ, вытекающимъ изъ условій мѣста и времени. Онъ вѣдь дѣлалъ такъ всегда, не только отступая отъ инструкцій, но даже дѣйствуя вопреки инструкціямъ. Онъ полагалъ, что успѣхъ все покроетъ и извинитъ, какъ было до сихъ поръ. Что касается до хозяйственно-распорядительной части, то передача ея другому была по всей вѣроятности даже пріятна Суворову, по крайней мѣрѣ на первое время. Его всегда тяготили этого рода заботы, и еще недавно ему пришлось дорого поплатиться за хозяйственную часть безъ всякой вины. Однако, въ настоящемъ случаѣ предположенія и надежды Суворова, если они дѣйствительно были таковы, скоро рушились, и ему пришлось принять много горя.

Конечно, въ нѣкоторой долѣ своего послѣдующаго разочарованія виноватъ онъ самъ. Отражая посягательства Вѣнскаго кабинета на свою свободу дѣйствій, онъ этимъ и ограничивался, не добиваясь категоричности рѣшенія, а между тѣмъ только такая категоричность въ состояніи была поставить дѣло на твердую почву и устранить недоразумѣнія въ будущемъ. Не дойдя до конца, Суворовъ далъ поверхность надъ собою Австрійскому императору, что и выразилось внезапно появившейся инструкціей. Недостатокъ положительныхъ выводовъ въ переговорахъ сказался, между прочимъ, еще и въ томъ, что потомъ каждая сторона считала себя правою, и Францъ оправдывался передъ Русскимъ Государемъ тѣмъ, что поступилъ на основаніи вѣнскихъ переговоровъ. Такимъ образомъ, если строго придерживаться истины, то несмотря на высказанныя раньше соображенія, нельзя вину во всѣхъ плачевныхъ послѣдствіяхъ отнести безраздѣльно на Вѣнскій кабинетъ, а Суворова признать только несчастной жертвой. На Суворова несомнѣнно падаетъ извѣстная доля вины, хотя она и составляетъ очень небольшую величину сравнительно съ виною Вѣнскаго кабинета, излюбленная

система котораго заключала въ себѣ самой корни всевозможныхъ, ничѣмъ не отвратимыхъ золъ.

Выѣзжая изъ Вѣны, Суворовъ поблагодарилъ графиню Разумовскую за гостепріимство, надѣлъ на нее золотое сердечко на золотой цѣпочкѣ, замкнулъ сердечко и ключикъ оставилъ при себѣ. Направившись на Брукъ и Виллахъ, онъ сталъ обгонять русскія войска, которыя теперь шли ускореннымъ маршемъ и, по собственному свидѣтельству Суворова, сдѣлали въ 19 дней 88 миль, несмотря на непогоду, разлитіе рѣкъ, бездорожье и гористыя мѣстности. Къ 3 апрѣля авангардъ подъ начальствомъ князя Багратіона былъ уже въ Веронѣ, но такъ какъ войска двигались эшелонами, то послѣдній изъ нихъ находился еще въ 12 переходахъ назади. На встрѣчу Суворову, въ Виченцу, выѣхалъ генералъ-квартирмейстеръ арміи маркизъ Шателеръ; Суворовъ пригласилъ его къ себѣ въ карету. Здѣсь Шателеръ развернулъ карту и сталъ объяснять расположеніе и движенія войскъ, наводя Суворова на изложеніе мыслей о планѣ предстоящихъ дѣйствій. Суворовъ слушалъ разсѣянно и, въ видѣ отвѣта, произносилъ иногда только слова: «штыки, штыки» [13]).

Въ этотъ день были привезены въ Верону и выставлены трофеи, добытые недавно одержанной надъ Французами побѣдой. Здѣсь, какъ и почти во всѣхъ другихъ мѣстахъ Италіи, населеніе дѣлилось на двѣ главныя партіи, — сторонниковъ и противниковъ Франціи и ея режима. Первая партія была въ началѣ сильна, но отъ безмѣрныхъ грабежей и насилій Французовъ быстро рѣдѣла и потомъ, благодаря побѣдамъ Суворова, уменьшилась до размѣровъ ничтожныхъ. При видѣ трофеевъ, впечатлительный народъ пришелъ въ восторгъ, раздались радостныя восклицанія, образовалось гулянье, открылось празднество. Австрійскія власти и успѣвшіе съѣхаться сюда русскіе генералы готовились къ встрѣчѣ Суворова; народъ это узналъ и толпами повалилъ за-городъ, по дорогѣ. Въ 6 или 7 верстахъ за-городомъ толпы встрѣтили экипажи; въ одномъ сидѣлъ Суворовъ съ Шателеромъ, въ трехъ или четырехъ другихъ — офицеры свиты и прислуга фельдмаршала; эскортъ состоялъ изъ 8 казаковъ. Раньше, на дорогѣ, было Суворову не мало торже-

ственныхъ и сочувственныхъ встрѣчъ, но такой какъ здѣсь нигдѣ еще не бывало, даже въ Вѣнѣ. Толпы окружили карету Суворова, остановили ее, укрѣпили на ней какое-то принесенное изъ города знамя и съ криками провожали до самыхъ городскихъ воротъ. Тутъ прибавились новыя толпы, которыя на каждомъ шагу впередъ все умножались; многотысячное сборище кричало виваты то Суворову, то Францу и Суворову, двигалось, волновалось и на разные лады высказывало свой восторгъ при видѣ знаменитаго полководца. Въ такой тріумфальной обстановкѣ, вечеромъ 3 апрѣля, подъѣхалъ Суворовъ не безъ труда къ приготовленному для него помѣщенію и быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ [14]).

Слишкомъ большія перемѣны произошли въ его судьбѣ за послѣдніе два мѣсяца; очень великъ былъ почетъ, оказанный ему въ чужихъ земляхъ [15]). Эти восторженныя встрѣчи и пріемы не могли вѣдь быть выраженіемъ благодарности за прошлое, какъ въ Россіи; они обозначали твердую надежду на будущее, выражали увѣренность, что побѣдная судьба русскаго полководца не измѣнить ему и впереди. Имѣла ли эта увѣренность твердое подъ собою основаніе, и не была ли она самообольщеніемъ? Вѣдь говорили же скептики, что Французы не Турки и не Поляки, и что достаточное для одолѣнія послѣднихъ, окажется безсильнымъ противъ первыхъ. Не одна зависть или зложеланіе диктовали такія слова; сомнѣніе вытекало и изъ событій послѣднихъ лѣтъ. Несмотря на анархію внутри, на разложеніе правительственныхъ и общественныхъ элементовъ, на дезорганизацію арміи, на оскудѣніе источниковъ матеріяльнаго благосостоянія,—Франція не только выстаивала противу соединенной Европы, но еще грозила ей и всѣ свои частныя военныя неудачи приводила въ результатѣ къ положительному успѣху. Много лѣтъ подрядъ коалиція напрягала свои усилія, арміи ея выростали одна за другой какъ изъ земли, истощенная казна наполнялась снова, — а побѣдная звѣзда Франціи не только не меркла, но блестѣла все ярче. Не были ли правы скептики, сомнительно качавшіе головой, когда противъ такого неодолимаго врага прибѣгали, въ видѣ послѣдняго средства, къ

вызову на театръ войны чудака-генерала, имѣвшаго доселѣ дѣло только съ безпорядочными толпами выродившихся Отомановъ и съ бандами разъединенныхъ политическимъ разномыслiемъ Поляковъ?

Они не были правы. Выставляя различiе между Французами съ одной стороны, и Поляками и Турками — съ другой, да и то далеко невѣрно, они принимали въ соображенiе одну дѣйствующую силу, забывая о другой. А между тѣмъ въ этой другой силѣ, т.-е. въ Суворовѣ, и заключалась главная данная для наиболѣе вѣрнаго рѣшенiя вопроса, на сколько можетъ подлежать рѣшенiю въ настоящемъ вопросъ о будущемъ.

Французская военная система, благодаря которой Францiя съ успѣхомъ противустояла Европѣ такое долгое время, родилась изъ обстоятельствъ и сложилась подъ ихъ вліянiемъ. Въ началѣ революцiи анархiя, охватившая всю Францiю, разрушила въ войскахъ дисциплину; армiя въ настоящемъ смыслѣ перестала существовать, и открывшаяся война доказала это воочiю. Стали пiскивать средства и нашли указанiе на поляхъ сраженiй. Слѣдовало избѣгать правильнаго боя и замѣнять крупныя столкновенiя рядомъ мелкихъ стычекъ; задирая непрiятеля, тревожа его безпорядочнымъ огнемъ, учащать усилiя и въ массахъ людей находить для этого способы. При революцiонномъ возбужденiи, а особенно при террорѣ, дѣло не могло стать за людьми, и они поступали подъ знамена въ большомъ числѣ. Правда, не было ни средствъ, ни времени для обмундированiя, снаряженiя, обученiя людей, и противъ непрiятеля приходилось высылать не солдатъ, а свѣжихъ рекрутъ, но это оказывалось достаточнымъ въ виду новопринятаго образа дѣйствiй. Даже не измѣнили уставъ въ смыслѣ его упрощенiя, разсуждая правильно, что сущность дѣла не въ немъ, а въ примѣненiи уставныхъ правилъ къ практикѣ. Обученiе по необходимости стало самымъ поверхностнымъ и отнюдь не обращалось въ цѣль, какъ въ другихъ европейскихъ армiяхъ; смыслъ его заключался въ усвоенiи людьми общаго условнаго языка, безъ чего не будетъ взаимнаго пониманiя. Далѣе этого не шли, и это удовлетворяло. Былъ введенъ разсыпной строй и колонны,

требующіе меньшей дрессировки людей, въ стрѣлки разсыпались цѣлые полки, колонны походили на кучи; дѣйствовали палетами, занимали непріятеля малой войной.

Первые военные успѣхи придали смѣлости революціонному правительству; политика и война сдѣлались наступательными. Попытка — выработать соотвѣтствующій обстоятельствамъ способъ военныхъ дѣйствій — преобразилась въ систему, по духу родную дочь революціи. Ополченія росли; не подготовленные люди прибывали во множествѣ, но уже находили въ своихъ полкахъ боевую, опытную школу. Французскія колонны, не теряя времени на маневрированіе и стрѣльбу, въ которыхъ были слабы, смѣло бросались въ штыки и прорывали тонкій строй непріятеля, который привыкъ видѣть въ штыкѣ средство не заурядное, а послѣднее. Кромѣ многочисленности и готовности сойтись на штыкъ, французскія войска успѣли пріобрѣсти надъ противникомъ и другія преимущества. Они были во-первыхъ легки, не имѣли обоза, палатокъ, даже зачастую одежды, обуви, продовольствія; ибо на снабженіе всѣмъ этимъ не хватало ни времени, ни средствъ; все надлежало добыть самимъ впереди, въ непріятельской странѣ, а до тѣхъ поръ терпѣть и изворачиваться. Во-вторыхъ, будучи всегда на легкѣ, они отличались отъ непріятеля быстротой походныхъ движеній, чему помогала по-неволѣ усвоенная выносливость, привычка къ лишеніямъ, умѣнье довольствоваться малымъ и надежда найти впереди большее. Въ-третьихъ, что самое главное, французская армія отличалась энергіей въ веденіи военныхъ операцій. Кромѣ возбудительныхъ свойствъ революціоннаго увлеченія, энергія снисходила на армію отъ генераловъ-выскочекъ. Не нужны были для занятія высокаго военнаго поста ни рожденіе, ни образованіе, ни долгая служба или старшинство; адвокаты, ремесленники, отставные сержанты—безпрестанно появлялись на верхнихъ ступеняхъ военной іерархіи. Они правда безпрерывно смѣнялись новыми и исчезали безслѣдно сотнями, но тѣ десятки, которые оставались и продолжали идти впередъ, были люди съ характеромъ, съ дарованіемъ, смѣлые, отважные. Всѣмъ обязанные революціи, они сознательно принимали и рев-

постно проводили ея военную систему. Случай на войнѣ игралъ въ ихъ образѣ дѣйствій выдающуюся роль; рисковали они очень многимъ, не отступая передъ опасеніемъ большой потери, такъ какъ тутъ же, рядомъ, видѣли возможность еще бо́льшаго выигрыша. Они всегда употребляли средства, отвѣчающія цѣли; преслѣдовали эту цѣль съ настойчивостью изумительною; считали, что ничего не сдѣлано, пока остается хоть что нибудь сдѣлать; каждому усилію давали такое напряженіе, какъ будто это усиліе было послѣднимъ.

Такимъ образомъ французскія войска, наэлектризованныя первыми успѣхами, воспитались на послѣдующихъ. Вмѣстѣ съ тактикою, которой учила война, выросла своеобразная дисциплина, отвѣчавшая духу націи. Оставаясь вдалекѣ отъ недостижимыхъ требованій рафинированной школы, въ видѣ стройности и чистоты пріемовъ и эволюцій, неподвижности и безмолвности строя, геометрической правильности построеній и т. п., французскія войска однако перестали уже быть прежними безформенными кучами и пріобрѣли навыкъ къ гармоническому совокупному дѣйствію трехъ родовъ оружія. Они продолжали пользоваться перевѣсомъ числа, ибо за нѣкоторыми изъятіями были многочисленнѣе непріятеля, или же получали надъ нимъ численный перевѣсъ искуствомъ тактическихъ и стратегическихъ движеній. Избѣгая по прежнему правильныхъ сраженій и стараясь дѣйствовать рядомъ мелкихъ стычекъ, они, въ случаѣ неизбѣжности генеральнаго боя, прибѣгали къ обходу, охвату и прорыву. Французская военная система измѣнила не только видъ сраженій, но и стратегическихъ дѣйствій на театрѣ войны: неподвижность была побѣждена движеніемъ, арміи взяли верхъ надъ крѣпостями, марши вытѣснили осады. Старая тактика—осмотрительная, выжидающая, съ робко-разсчитанными шагами, не могла устоять. Корифеи ея теряли голову, отыскивая причины своихъ пораженій, но долго ничего не находили, такъ какъ въ глубь дѣла не вникали, да и то что видѣли глазами, уразумѣть правильно не могли. Имъ по неволѣ приходилось удовольствоваться довольно безсмысленнымъ утѣшеніемъ, что Французы побѣждали *не по правиламъ*.

Тактики—рутиперы скорѣе поняли бы весь секретъ, если бы въ приговорѣ своемъ были смѣлѣе и логичнѣе; они нашли бы тогда, что Французы вели войну не то, что *не по правиламъ*, а *вопреки правилъ*. И дѣйствительно, Французы дѣйствовали прямо на перекоръ непреложнымъ и безусловнымъ военнымъ принципамъ времени. Вступивъ въ сраженіе, они мало заботились о прикрытіи фланговъ, о надежномъ обезпеченіи сообщеній, о сбереженіи людей, а атаковали смѣло, беззавѣтно и пристрастіе къ штыку простерли даже до крайности, за что и платились впослѣдствіи, какъ напримѣръ въ Испаніи. Склонность—атаковать во чтобы то ни стало, обнаруживала во Французахъ не только большой перевѣсъ надъ противникомъ въ духовной силѣ, но и искуство, такъ какъ атака имѣетъ громадныя преимущества передъ выжидательной обороной, сбивая съ толку нерѣшительнаго противника, который предполагаетъ въ атакующемъ какія-нибудь особенныя соображенія. Когда нельзя было обойти, охватить непріятеля, ударить ему во флангъ или въ тылъ, Французы не колебались идти на прорывъ, бить въ лобъ, несмотря ни на какія потери. Они переправлялись черезъ рѣки днемъ, въ виду непріятеля, нерѣдко вплавь, или наводили мосты прямо подъ его огнемъ; горы переходили съ конницей и артиллеріей; переносили на рукахъ орудія, возили ихъ людьми вмѣсто лошадей, взбирались на кручи и спускались въ пропасти, увязая по плечи въ снѣгу. Зимнія кампаніи вошли въ правило; палатокъ не было; бивуакировали безъ одежды, полунагіе; форсированные марши производили безъ обуви; ходили въ атаку впроголодь. Правда, тоже самое можно встрѣтить не у однихъ Французовъ, но и у всѣхъ другихъ, въ разныя времена; только все это имѣетъ значеніе исключенія, вносимаго въ лѣтопись подвига. Во французскихъ же войскахъ, въ эпоху революціонныхъ войнъ, исключеніе сдѣлалось правиломъ; что было рѣдкимъ, стало обычнымъ; что считалось маловѣроятнымъ, повторялось каждый день. Солдатъ считалъ себя обязаннымъ дѣлать все, что отъ него требуетъ война, и былъ убѣжденъ въ своей годности на все; онъ усвоилъ себѣ привычку — не имѣть ни къ чему привычки. Вся французская военная доктрина сложилась на

выполненіи того, что для дюжиннаго благоразумія считалось невозможнымъ.

Не будетъ большой натяжки, если эту доктрину назовемъ для краткости *теоріей невозможнаго*. Дѣлать противное тому, что дѣлалось прежде и дѣлается другими теперь; выбирать исполненіе самое трудное; предпочитать предпріятія, которыя робкая школа непріятеля отвергала, ибо довольствовалась полумѣрами,—вотъ сущность французской теоріи. Нерѣшительности, робости, — quasi-математическому разсчету, Французы противупоставили діаметрально противуположное: смѣлость и даже дерзость. Они обязаны теоріи невозможнаго наибольшими успѣхами, ихъ противники наибольшими пораженіями, Европа— наиболѣе изумительными военными событіями. Теорія эта породила въ арміяхъ коалиціи удручающее убѣжденіе, будто они имѣли противъ себя неодолимое превосходство въ средствахъ и источникахъ; она вселила въ нихъ если не вѣру въ непобѣдимость Французовъ, то сомнѣніе въ собственныхъ силахъ. Одолѣть Французовъ могли только новые люди, имѣвшіе другія средства, обладавшіе военными принципами, однородными съ французскими; противъ теоріи невозможнаго требовалась тоже теорія невозможнаго. Ее принесъ съ собой Суворовъ [16]).

Суворовская военная система не порождена обстоятельствами, а родилась изъ особенностей его военнаго дарованія. Главная ея основа — человѣкъ и духовная его сила; главные атрибуты — энергія, смѣлость, быстрота, простота. Система эта родилась у Суворова въ своей основѣ совсѣмъ готовая, лѣтъ за 30 до революціонныхъ войнъ; она ясно выразилась въ его командованіи полкомъ и получила приложеніе къ дѣлу въ первую же войну. Основнымъ условіемъ своей теоріи Суворовъ ставилъ *боевое* воспитаніе и обученіе войскъ; устава онъ не измѣнялъ, ибо не могъ и не считалъ нужнымъ; все вниманіе обратилъ на примѣненіе уставныхъ правилъ къ практикѣ; на впѣшнихъ требованіяхъ не останавливался; обученіе за цѣль не принималъ. Онъ напиралъ на развитіи въ людяхъ отваги и упорства, на воспитаніи солдатскаго сердца въ самоотверженіи, въ закалкѣ его до притупленія инстинкта самосохраненія, до парализованія впеча-

тлительности ко всякаго рода неожиданностямъ. «Испуганъ,— на половину побѣжденъ», гласилъ Суворовскій принципъ. Воспитывая въ этомъ смыслѣ войска, Суворовъ пріучилъ ихъ не бояться за свои фланги и тылъ; онъ влилъ въ нихъ убѣжденіе, что самое вѣрное, прямое и даже наименѣе опасное средство одерживать побѣду—заключается въ томъ, чтобы искать ее въ серединѣ непріятельскихъ батальоновъ. «Смерть бѣжитъ отъ сабли и штыка храбраго», говорилъ онъ: «счастье вѣнчаетъ смѣлость и отвагу». Въ наставленіи молодымъ офицерамъ, изданномъ во Франціи въ 1802 году, сказано: «кто выжидаетъ нападенія, тотъ уже почти побѣжденъ». Это существеннѣйшее правило французской теоріи невозможнаго, было такимъ же и въ Суворовской теоріи; все сводилось къ наступленію и атакѣ; рѣшителемъ судебъ боя признавался штыкъ; отступательныя движенія исключались изъ обученія; намекъ на ретираду считался растлѣвающимъ [17]).

Суворовская система, благодаря его методу воспитанія и обученія войскъ, была цѣльнѣе и совершеннѣе французской со стороны военно-педагогической. Французскіе солдаты приходили на войну рекрутами, Суворовскіе рекруты являлись въ бой солдатами. Въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ французская система была законченнѣе. Формы Суворовскаго строя менѣе отвѣчали характеру тактическихъ требованій и хотя видоизмѣнялись по указанію обстоятельствъ, но не складывались окончательно въ смыслѣ нормальныхъ. Выросшій на линейной тактикѣ, Суворовъ не могъ отъ нея отрѣшиться; употреблялъ стрѣлковъ, но не переходилъ къ разсыпному строю; употреблялъ для атаки колонны, но также и развернутый строй. Онъ не былъ безусловно не правъ. Для быстрой исполнительности, сплоченности и единодушія въ дѣйствіи—сомкнутый строй предпочтительнѣе разсыпного; что касается до колонны, то хотя она болѣе чѣмъ тонкая линія пригодна для сильнаго удара въ штыки, но это различіе почти исчезаетъ при высокомъ градусѣ нравственной силы войскъ и извѣстномъ характерѣ ихъ воспитанія и обученія. А Суворовскія войска именно этимъ условіямъ и удовлетворяли.

Одно изъ существенныхъ различій между системами французскою и Суворовскою заключалось въ томъ, что первая сложилась и развивалась подъ вліяніемъ перевѣса численности; Суворовъ же дѣйствовалъ почти постоянно меньшимъ числомъ противъ бо̀льшаго. Въ немногихъ лишь дѣлахъ силы непріятельскія не превосходили его собственныхъ, а еще рѣже численный перевѣсъ бывалъ на сторонѣ Русскихъ. Этимъ между прочимъ и обусловливалась, по его взглядамъ, необходимость наступленія и атаки, и атака практиковалась чаще въ видѣ прорыва, т.-е. фронтально. Обходъ и охватъ употреблялись рѣже, такъ какъ при малой численности атакующихъ, представлялись опасными, или не хватало на нихъ времени. Не пренебрегая ударами во флангъ и тылъ, Суворовъ однако, по сказаннымъ причинамъ, не придавалъ имъ чрезмѣрнаго значенія, также какъ и непремѣнному обезпеченію собственныхъ фланговъ и тыла. Заботясь о томъ и о другомъ въ каждой своей диспозиціи, онъ не вязалъ себя этими условіями и постоянно издѣвался надъ тактиками-рутинерами, говоря, что они непремѣнно примкнутъ фланги къ чему нибудь, хоть къ навозной кучѣ и лужѣ, не справившись, достаточно ли въ лужѣ воды для плаванія лягушекъ.

Характеристика остальныхъ сторонъ Суворовской системы еще болѣе дѣлаетъ ее однородною съ французскою. Простота его соображеній была замѣчательная, и ей соотвѣтствовала простота исполненія. Быстрота его доходила до маловѣроятнаго развитія, и онъ буквально побѣждалъ неподвижность движеніемъ. Это было не легко; русская армія отличалась тяжеловѣсностью, вслѣдствіе значительнаго количества обозовъ и большой ноши пѣхотинца; но Суворовъ обходилъ то, что не въ силахъ былъ измѣнить: онъ оставлялъ обозы позади, облегчалъ движеніе солдата попутными мѣстными средствами; наконецъ просто шелъ впередъ, не обращая вниманія на число отсталыхъ и утѣшая себя соображеніемъ, что остающихся въ строю храбрыхъ и энергическихъ людей будетъ достаточно для одолѣнія непріятеля. Это было не увлеченіемъ, а логикой; время стоило гораздо дороже; «одна минута рѣшаетъ исходъ баталіи, одинъ часъ успѣхъ кампаніи, одинъ день судьбы имперій», говоритъ онъ, прибавляя: «я дѣйствую не часами, а

минутами». Подобно Французамъ, Суворовъ считалъ главнымъ элементомъ войны армію, не любилъ осадъ, не связывалъ себя магазинами или депо и считалъ скорость движеній важнѣе достоинствъ позицій. Энергія Суворова высказывалась не въ одной быстротѣ движеній, а рѣшительно во всемъ, особенно въ бою. Онъ обладалъ такой нравственной упругостью, что препятствія не уменьшали, а увеличивали его настойчивость, передъ которою наконецъ гнулась или ломалась воля противника. Эта характерная черта была едва ли не самой выдающеюся особенностью его личности. «Знаешь ли, почему якобинцы взяли верхъ и владычествуютъ теперь во Франціи», говорилъ онъ французу-эмигранту, своему подчиненному: «потому, что у нихъ твердая, глубокая воля, а вы, ваша братія, *не умѣете хотѣть*». Оттого полумѣръ Суворовъ не зналъ; передъ трудностями въ своихъ разсчетахъ не останавливался; случаю давалъ широкое мѣсто въ своихъ успѣхахъ, ибо умѣлъ имъ пользоваться моментальпо. «У фортуны длинные волосы на лбу, а затылокъ голый», говаривалъ онъ: «пролетѣла,—не поймаешь». Его отвагу и смѣлость можно было бы назвать дерзостью, если бы онѣ не коренились въ глубокой увѣренности Суворова въ себѣ; эта-то увѣренность, выросшая на испытанной вѣрности усвоенныхъ принциповъ, и дѣлала его всегдашнимъ побѣдителемъ [18]).

По военачальнику были и войска. Обладая богатыми природными качествами, русскій солдатъ въ школѣ Суворова еще вырасталъ и складывался въ героя. «Гдѣ проходитъ олень, тамъ пройдетъ и солдатъ», сказалъ Суворовъ въ 1793 году, т.-е. когда его взгляды и афоризмы нельзя уже было заподозрить въ абстрактности, и въ поясненіе еще прибавилъ: «не надо допускать ущерба дѣлу». И точно, Суворовскіе солдаты не ходили, а летали, несмотря ни на какія препятствія, въ родѣ ли болотистыхъ дорогъ, или пустого желудка. Въ бою Суворовская школа отражалась на войскахъ еще полнѣе. Зимній штурмъ крѣпости, гдѣ засѣла цѣлая армія, оказался возможнымъ для корпуса, сравнительно слабаго, почти съ половиною спѣшенныхъ казаковъ, изнуреннаго и обезкураженнаго недавнею блокадой. Здѣсь же, подъ Измаиломъ, во время штурма, колонна обогнула каменную

батарею и шла впередъ, не обращая вниманія на то, что въ тылъ ей производился жестокій огонь. Подъ Прагой штурмующей колоннѣ внезапно стала грозить съ фланга конница; часть колонны выстроила фронтъ на лѣво и бросилась въ штыки, а другая часть продолжала штурмовать, какъ ни въ чемъ не бывало: кавалерія исчезла. Подъ Кобылкой физическая невозможность задержала пѣхоту назади; нѣсколько эскадроновъ легкой и тяжелой кавалеріи спѣшились и ударили на пѣхотную часть въ сабли: успѣхъ получился полный. На Рымникѣ, гдѣ происходилъ бой противу вчетверо сильнѣйшаго непріятеля и успѣхъ доставался тяжело, признано нужнымъ подѣйствовать на Турокъ и ударомъ, и неожиданнымъ впечатлѣніемъ: на неоконченный ретраншаментъ, защищавшій позицію, пущена въ атаку конница; Турки были разбиты. Суворовскія войска дѣйствовали со смѣлостью беззавѣтной; дрались «какъ отчаянные», по собственному выраженію Суворова, который къ этому прибавлялъ: «а ничего нѣтъ страшнѣе отчаянныхъ». Ихъ настойчивость и упорство казалось не знали иного предѣла, кромѣ побѣды; по выраженію одного иностранца, русскіе батальоны «обладали твердостью и устойчивостью бастіоновъ» [19]).

Изъ сказаннаго видно, что у Суворова все необычное и рѣдкое стало повседневнымъ, чудесное низведено къ обычному, по рутинной оцѣнкѣ неисполнимое сдѣлалось возможнымъ. Изъ его великой души, безъ внѣшнихъ вліяній и напора обстоятельствъ, выросла система дѣйствій, построенная на *теоріи невозможнаго*. Также точно, только еще сильнѣе Французовъ, Суворовъ успѣлъ вселить въ непріятеля, Турокъ и Поляковъ, страхъ къ его имени. Такъ же не понимали его системы и говорили, что онъ дѣйствуетъ не по правиламъ, что ему везетъ счастіе. Непониманіе или нежеланіе понять его военную теорію привело къ тому, что сомнѣвались въ будущемъ его успѣхѣ противъ Французовъ, тогда какъ одна Суворовская теорія для войны съ Французами въ то время и годилась. Да и потомъ, послѣ войны, раздались въ пользу Суворова лишь немногіе слабые голоса. Такъ, неизвѣстный авторъ замѣчательной брошюры, по которой преимущественно изложена выше французская система войны, про-

молвился, что «Австрійцы какъ будто стали понимать эту систему, но имъ не доставало смѣлости въ исполненіи и рѣшимости прибѣгнуть къ крупнымъ средствамъ; Суворовъ же соединилъ то и другое, и Французы были побѣждены». Да еще престарѣлый прусскій фельдмаршалъ Мёлендорфъ объяснялъ одному изъ русскихъ государственныхъ людей, что «только завистью, невѣжествомъ или глупостью можно объяснить мнѣніе, будто Суворову везло одно счастье; онъ былъ первымъ и единственнымъ полководцемъ, который понялъ духъ и свойства современной французской арміи и сразу нашелъ вѣрный способъ для успѣшнаго противу нея дѣйствія» [20]). Не пускаясь въ поиски за другими однородными сужденіями, замѣтимъ, что и два приведенныя не отличаются особенною вѣрностью. Вступая въ войну съ Французами, Суворовъ не прибѣгалъ ни къ какимъ новымъ средствамъ, а приложилъ къ дѣлу лишь свой обычный способъ дѣйствій. Онъ отправлялся противъ Французовъ со своей старой, давно сложившейся теоріей и несъ съ собою увѣренность въ побѣдѣ; увѣренность эта, поддержанная 30-лѣтнимъ опытомъ, не измѣнила ему и при новыхъ обстоятельствахъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Итальянская кампанія: Адда; 1799.

Ходъ кампаніи до прибытія Суворова.—Пріемы у Суворова, его прокламаціи и распоряженія по боевой подготовкѣ австрійскихъ войскъ.—Наступательное движеніе; взятіе Брешіи; порядокъ похода; неудовольствіе Австрійцевъ; выговоръ Меласу.—Занятіе Бергамо и Кремы.—Расположеніе непріятеля на р. Аддѣ; диспозиція Суворова; дѣло при Лекко; переправа у С. Джервазіо; сраженіе у Вапріо; Меласъ у Кассано; Вукасовичъ у Бривіо; плѣненіе Серюрье.—Смятеніе въ Миланѣ; занятіе города; торжественная встрѣча Суворова; любопытство, возбуждаемое имъ и Русскими.—Прибытіе корпуса Розенберга.—Уничтоженіе Цисальпійской республики и учрежденіе временнаго правленія; народное возстаніе въ Италіи.—Боевыя наставленія Суворова и обученіе войскъ; планъ дѣйствій, не одобренный въ Вѣнѣ.—Упреки Суворову въ медлительности; объясненіе.

Когда Суворовъ пріѣхалъ въ Италію, прологъ кампаніи 1799 года былъ уже разыгранъ.

Дѣла Франціи находились въ очень не блестящемъ видѣ, благодаря между прочимъ тому, что французскія войска оставались, послѣ потерь минувшаго года, не укомплектованными. Конскрипція шла такъ медленно, что въ февралѣ всѣ арміи республики получили въ общемъ итогѣ только 40,000 конскриптовъ, между тѣмъ какъ ожидалось впятеро больше. Коалиція обладала средствами гораздо болѣе значительными, но Французская директорія не унывала, мечтала даже о завоеваніяхъ и выработала наступательный планъ кампаніи. Она дѣйствовала въ настоящемъ случаѣ съ дерзостью, очертя голову; но за исключеніемъ нѣкоторыхъ крайностей въ подробностяхъ,

въ поведеніи ея не усматривается ничего новаго. Дѣлалось тоже самое, что въ предшествовавшія 6 или 7 лѣтъ, и что въ концѣ концовъ приводило къ успѣху; сонливости, нерѣшительности, робости союзниковъ въ замыслахъ и въ исполненіи,— Французы противуставляли энергію, пылкость, отвагу. Революціонная система, воплотившаяся и въ политикѣ ихъ и въ войнѣ, доселѣ ихъ выручала; какъ же было не держаться ея въ будущемъ?

Въ южной Германіи кампанія открылась въ началѣ марта; Австрійцами начальствовалъ эрцъ-герцогъ Карлъ, Французами генералъ Журданъ. Произошло два крупныхъ дѣла—при Острахѣ и при Штокахѣ, оба нерѣшительныя, хотя численный перевѣсъ былъ на сторонѣ Австрійцевъ, и при болѣе энергическомъ образѣ дѣйствій, они могли бы добиться результата полнаго и блестящаго. Послѣ 5-недѣльной кампаніи, Французы отступили за Рейнъ, но удержали въ своихъ рукахъ многія на немъ переправы.

Въ Альпахъ военныя дѣйствія начались среди полной зимы, и Граубинденъ былъ немедленно занятъ Французами при огромныхъ потеряхъ Австрійцевъ, а затѣмъ республиканцы вторглись въ Тироль и, хотя принуждены были потомъ оттуда ретироваться, но удержались въ Граубинденѣ. Пользуясь неподвижностью противника подъ командою генераловъ Готце и графа Бельгарда, Французы, предводимые способнымъ, энергическимъ Массеной, сдѣлали все, что только было возможно, и понесли потери ничтожныя сравнительно съ австрійскими. Успѣхъ ихъ, при тройномъ превосходствѣ силъ Австрійцевъ, былъ изумительный, почти неправдоподобный. Различіе двухъ военныхъ теорій высказалось тутъ наиболѣе ярко, благодаря неспособности австрійскихъ генераловъ, связанныхъ кромѣ того гофкригсратомъ.

На третьемъ театрѣ войны, въ сѣверной Италіи, дѣйствія начались позже, чѣмъ въ Швейцаріи и на Рейнѣ. Начальство надъ Австрійцами ввѣрено было барону Меласу, 70-лѣтнему старику, который имѣлъ за собой опытность, отличался личнымъ мужествомъ, но какъ предводитель былъ нерѣшителенъ, неискусенъ, неспособенъ. Меласъ отказывался отъ почетнаго назначенія, отговариваясь старостью и недугами, но правительство настаивало; ему дозволили ѣхать въ армію не спѣша, со всевозможнымъ

комфортомъ; онъ этимъ воспользовался и прибылъ въ Верону лишь за нѣсколько дней до Суворова. Временное начальствованіе войсками поручено было барону Краю, генералу дѣятельному, мужественному и рѣшительному, но съ военнымъ дарованіемъ, не превышавшимъ уровня посредственности. Французскими войсками начальствовалъ генералъ Шереръ, старый, дряхлый, слабый характеромъ и неспособный; войска не любили его, не довѣряли ему, да и онъ самъ согласился принять надъ ними начальство съ большою неохотой.

По общему плану директоріи, Шереръ долженъ былъ дѣйствовать наступательно, что онъ и сдѣлалъ. Произошла встрѣча и кровопролитный бой на р. Адижѣ, который однако не имѣлъ существенныхъ результатовъ. Французы одержали рѣшительный верхъ на своемъ лѣвомъ флангѣ и отчасти въ центрѣ, но правое крыло ихъ было разбито. Обѣ стороны понесли большія потери, и затѣмъ остались въ бездѣйствіи. Вторая ихъ встрѣча была при Маньяно: обѣ стороны понесли значительный уронъ, Французы потеряли больше Австрійцевъ. Рѣшительнаго результата сраженіе не имѣло; полной побѣды или пораженія не было; но Шереръ отступилъ въ ту же ночь; Австрійцы преслѣдовали его одними передовыми разъѣздами до Минчіо.

Довольствуясь своей полу-побѣдой, Край не воспользовался ни перевѣсомъ силъ, ни выгодами положенія; онъ все поджидалъ Меласа и подкрѣпленій и потерялъ дорогое время безповоротно. Прибылъ наконецъ и Меласъ, но бездѣйствіе продолжалось: ждали генераловъ Отта, Вукасовича, русскихъ войскъ, Суворова. Шереръ не считая возможнымъ удержаться на Минчіо, спокойно отступилъ, усиливъ гарнизоны Мантуи и Пескьеры. Выждавъ три дня, Меласъ перевелъ армію чрезъ Минчіо и перенесъ главную квартиру въ Валеджіо. Въ этотъ самый день Суворовъ въѣхалъ въ Верону.

Онъ пріѣхалъ вечеромъ. Въ пріемный залъ стали тотчасъ же собираться находившіеся въ Веронѣ русскіе и австрійскіе генералы, высшія лица мѣстнаго духовенства, гражданской администраціи, представители разныхъ сословій. Спустя нѣсколько минутъ вышелъ Суворовъ, поклонился всѣмъ и подошелъ подъ

благословеніе архіепископа. Архипастырь сказалъ ему привѣтствіе, а затѣмъ и городская депутація. Суворовъ выслушалъ добрыя пожеланія, объяснилъ, что присланъ выгнать Французовъ, защитить троны и вѣру, возстановить миръ и тишину; просилъ у архіепископа молитвъ, а прочимъ рекомендовалъ вѣрность и повиновеніе законамъ. Произнеся свое короткое слово, онъ остановился, какъ бы собираясь съ мыслями, но потомъ, наклонивъ голову въ видѣ поклона, вышелъ. Всѣ стали расходиться, остались только русскіе генералы и нѣсколько австрійскихъ. Суворовъ опять показался, поклонился и, зажмуривъ глаза, обратился къ Розенбергу съ просьбою—познакомить его съ сослуживцами. Розенбергъ сталъ представлять, произнося чинъ и фамилію каждаго. Суворовъ стоялъ зажмурившись и при имени лица, съ которымъ прежде не служилъ, открывалъ глаза, дѣлалъ поклонъ и говорилъ: «не слыхалъ, познакомимся». Этотъ отзывъ, довольно обидный для многихъ, считавшихъ себя людьми извѣстными, измѣнился, когда Розенбергъ называлъ фамилію генерала, сослуживца Суворова, или извѣстнаго ему по хорошей репутаціи. Суворовъ обращался къ такимъ съ ласковымъ привѣтствіемъ, вспоминалъ старое время, сулилъ доброе будущее. Съ особенною теплотою отнесся онъ къ молодому генералу Милорадовичу, вспомнилъ какъ онъ, Милорадовичъ, будучи ребенкомъ, ѣздилъ на палочкѣ, размахивая деревянной саблей; очень похвалилъ пироги, которыми угощалъ его отецъ; поцѣловался со своимъ старымъ знакомымъ и пообѣщалъ ему геройскую будущность. Еще задушевнѣе принялъ Суворовъ Багратіона, который служилъ подъ его начальствомъ на Кавказѣ, во вторую Турецкую и въ послѣднюю Польскую войну. Онъ встрепенулся при имени Багратіона, вспомянулъ про прежнее славное время, обнялъ «князя Петра», какъ онъ его называлъ, поцѣловалъ его въ глаза, въ лобъ, въ губы, сказалъ: «Господь Богъ съ тобою» и своею сердечною привѣтливостью тронулъ его до слезъ.

Кончивъ пріемъ, Суворовъ сталъ широкими шагами ходить по комнатѣ; потомъ остановился и принялся произносить главные афоризмы своего военнаго катехизиса, какъ бы подтверждая ихъ значеніе и на новомъ театрѣ войны, при новомъ непріятелѣ. За-

молчавъ, онъ какъ будто погрузился на нѣсколько моментовъ въ думу, но затѣмъ быстро повернувшись къ Розенбергу, проговорилъ: «ваше высокопревосходительство, пожалуйте мнѣ два полчка пѣхоты и два полчка казачковъ». Розенбергъ не уразумѣлъ приказанія и отвѣчалъ, что все войско въ его, Суворова, волѣ. По лицу Суворова пробѣжала тѣнь; онъ обратился къ Розенбергу съ разными вопросами, но либо формою, либо духомъ отвѣтовъ остался не доволенъ: отъ нихъ отдавало не Суворовской школой. Суворовъ отвернулся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, нахмурился и, не обращаясь ни къ кому, промолвилъ: «намека, догадка, лживка, краткомолвка, краснословка, немогузнайка; отъ немогузнайки много, много бѣды». Послѣ того, приклонивъ голову въ видѣ поклона, онъ вышелъ; генералы разошлись, ушелъ и Розенбергъ, не понявшій сдѣланнаго ему замѣчанія [1]).

Всю ночь горѣла илюминація и народъ праздничалъ на улицахъ. Вставъ по обыкновенію чуть свѣтъ, Суворовъ рано утромъ выѣхалъ за городъ, въ лагерь первопришедшаго эшелона русскихъ войскъ; можно догадаться, какая восторженная была ему встрѣча. Возвратившись домой, онъ нашелъ въ пріемной вчерашнихъ русскихъ генераловъ и снова обратился къ Розенбергу на счетъ «двухъ полчковъ пѣхоты и двухъ полчковъ казачковъ». Розенбергъ отвѣчалъ по вчерашнему. Тогда князь Багратіонъ, знавшій Суворова ближе, чѣмъ кто либо другой изъ присутствовавшихъ, вышелъ впередъ и сказалъ: «мой полкъ готовъ, ваше сіятельство». Суворовъ обрадовался, что его приказаніе понято, и велѣлъ Багратіону готовиться къ выступленію. Багратіонъ вышелъ, предложилъ нѣсколькимъ начальникамъ частей идти подъ его начальствомъ въ авангардѣ и вернулся доложить Суворову, что отрядъ къ выступленію сейчасъ будетъ готовъ. Суворовъ поцѣловалъ Багратіона, благословилъ его и велѣлъ идти быстро. Не наступилъ еще полдень, какъ Багратіонъ выступилъ по направленію къ Валеджіо. Войска шли бодро, съ пѣснями; ихъ всюду встрѣчали, провожали и сопровождали массы любопытныхъ разныхъ сословій и состояній, пѣшкомъ и во всевозможныхъ экипажахъ, отъ деревенской крестьянской повозки до щегольской коляски. Многіе шли рядомъ съ войсками, втискивались въ ряды,

пожимали руки, предлагали солдатамъ вино, хлѣбъ, табакъ; уставшихъ подвозили въ своихъ повозкахъ. Первое походное движеніе русскихъ войскъ походило больше на торжественное шествіе возвращавшихся съ войны побѣдителей.

Въ тотъ же день, 4 апрѣля, Суворовъ выѣхалъ изъ Вероны въ Валеджіо, издавъ прокламацію къ народамъ Италіи. Подобныя воззванія имѣютъ большею частію значеніе одной формальности, но въ настоящемъ случаѣ Суворовская прокламація была мѣрой въ высшей степени умѣстной и полезной. Революціонныя войны не походили на предшествовавшія; тутъ шло дѣло не о взаимныхъ распряхъ государей, исходъ которыхъ почти ничего не измѣнялъ въ судьбѣ народовъ, а объ измѣненіи всей соціальной системы, о перерожденіи человѣческихъ обществъ въ понятіяхъ, нравахъ, основныхъ законахъ. Питтъ справедливо называлъ революціонныя войны «борьбою вооруженныхъ мнѣній». Обращеніе къ народамъ сдѣлалось существенно нужнымъ, и если союзники пренебрегали этой мѣрой, то Французы прибѣгали къ ней постоянно. Суворовъ придержался ихъ примѣра. Онъ призывалъ Итальянцевъ къ оружію за Бога, вѣру, законныя правительства, на защиту собственности каждаго, частнаго и общаго спокойствія; указывалъ на чрезмѣрные поборы, налоги и систематическія насилія Французовъ; на горести и бѣдствія, внесенныя революціонерами въ мирныя дотолѣ страны, подъ предлогомъ свободы и равенства. Обѣщая освобожденіе Италіи отъ всѣхъ этихъ бѣдъ, онъ требовалъ содѣйствія всѣхъ сословій и предостерегалъ, что сторонники Французовъ, которые будутъ упорствовать въ своихъ замыслахъ, подвергнутся разстрѣлянію, а имѣнія ихъ секвестру.

Воззваніе Суворова не осталось пустымъ документомъ; оно, какъ сѣмя, пало на подготовленную почву, которую представляла изъ себя большая часть итальянскаго народа, особенно сельское населеніе. Народныя возстанія сдѣлались вскорѣ заурядными явленіемъ, прямымъ слѣдствіемъ отступленія Французовъ или появленія союзныхъ войскъ; послѣднія почти всюду были встрѣчаемы какъ защитники и избавители. Конечно, одни

слова значатъ мало, и побѣды союзниковъ послужили главною силой, поднимавшей мирное населеніе; но побѣды служили продолженіемъ прокламаціи, убѣждая, что въ настоящемъ случаѣ слово ладится съ дѣломъ.

Апрѣля 5, въ Валеджіо, представлялись Суворову австрійскіе генералы. Нѣкоторые писатели свидѣтельствуютъ, что и генералы, и вообще австрійскія войска ожидали Суворова въ Италіи съ добрыми надеждами, приняли его съ полнымъ довѣріемъ. Со своей стороны и онъ былъ съ ними ласковъ и любезенъ, выказалъ особенную привѣтливость по отношенію къ Меласу и Краю, а послѣднему даже сказалъ, что тотъ открылъ ему путь къ дальнѣйшимъ побѣдамъ. Познакомившись съ генералами, Суворовъ пожелалъ видѣть и войска, для чего все, что можно, было собрано изъ ближайшихъ окрестностей Валеджіо на смотръ. Болѣе часа пристально и внимательно всматривался онъ въ проходившія передъ нимъ войска и, когда смотръ кончился, сказалъ окружавшимъ: «шагъ хорошъ, — побѣда!» [2]).

Войска австрійскія были дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ хороши, и Край между австрійскими генералами итальянской арміи занималъ по своимъ боевымъ качествамъ едвали не первое мѣсто, но въ отзывѣ главнокомандующаго все-таки была преувеличенная похвала, весьма понятная и даже необходимая для перваго знакомства. Въ близкомъ кружкѣ Суворовъ былъ не такъ снисходителенъ и, хваля распоряженія и дѣйствія Края при Маньяно, онъ однако указывалъ на неполноту одержанной побѣды, насмѣшливо говоря: «но вдругъ нечистый духъ шепнулъ — *унтеркунфт*,—и преслѣдованіе разбитыхъ Французовъ остановилось» [2]). Вообще, при присущихъ австрійской арміи понятіяхъ о военномъ искуствѣ и боевыхъ требованіяхъ, войска и особенно генералы австрійскіе далеко не подходили подъ Суворовскій идеалъ. Съ первыхъ же своихъ шаговъ онъ открылъ въ нихъ основной порокъ— «немогузнайство», которое тотчасъ же и окрестилъ соотвѣтствующимъ нѣмецкимъ словомъ, составленнымъ изъ нѣсколькихъ — «нихтбештимтзагерство»; затѣмъ появились и другія

выраженія, никогда Нѣмцами не слыханныя, созданныя ироніей Суворова. Вслѣдствіе различій между Австрійцами и (особенно Суворовской школы) Русскими, потребовались нѣмецкія слова для выраженія понятій, которыхъ въ русскомъ военномъ лексиконѣ Суворова не было. Къ числу такихъ словъ относилось и вышеприведенное «унтеркунфтъ», что значило теплый уголокъ, удобное помѣщеніе, кабинетъ, или въ переносномъ смыслѣ спокойствіе, комфортъ,—вообще все противуположное условіямъ военнаго времени и боевой службы. Впослѣдствіи прибавились къ этимъ словамъ и нѣкоторыя другія.

Такъ какъ обстоятельства, со времени сраженія при Маньяно, успѣли измѣниться, и теперь ошибку Края исправлять было уже поздно, то Суворовъ не перешелъ въ наступленіе тотчасъ же, а рѣшился выждать два дня приближавшейся части русскихъ войскъ и немного подъучить Австрійцевъ. Въ прежнія войны онъ пользовался, можно сказать, моментами для боевой подготовки тѣхъ изъ своихъ войскъ, которыя не состоя подъ его начальствомъ въ мирное время, не имѣли случая усвоить его боевыхъ правилъ. Тѣмъ болѣе это было необходимо теперь, когда шло дѣло о войскахъ чужихъ, выдержавшихъ нѣсколько лѣтъ неудачной войны. Поэтому русскіе офицеры были разосланы въ австрійскіе полки съ цѣлью передачи имъ Суворовскихъ требованій. Кромѣ того, пользуясь свободнымъ временемъ, Шателеръ предложилъ Суворову произвести рекогносцировку. Австрійцы были очень пристрастны къ рекогносцировкамъ, демонстраціямъ, ложнымъ атакамъ и прочему, что прямо противорѣчило Суворовской военной теоріи. Поэтому предложеніе Шателера было принято очень неблагосклонно. «Рекогносцировки»? возразилъ съ досадою Суворовъ, можетъ быть подъ недавнимъ впечатлѣніемъ разныхъ вѣнскихъ ходовъ и подходовъ: «не хочу; онѣ нужны только для робкихъ и предостерегаютъ противника; кто хочетъ найти непріятеля, найдетъ и безъ нихъ... Штыки, холодное оружіе, атаки, ударъ — вотъ мои рекогносцировки». Шателеру вѣроятно впервые привелось услышать такое рѣзкое осужденіе излюбленныхъ Австрійцами пріемовъ, но онъ скоро долженъ былъ убѣдиться, что подъ прихотливою манерою вы-

ражаться, чудаковатый фельдмаршалъ скрывалъ замѣчательно вѣрный военный взглядъ.

Австрійцамъ очень не понравилось распоряженіе Суворова объ обученіи ихъ полковъ русскими офицерами, на которыхъ они смотрѣли нѣсколько свысока. Помимо уровня офицерскаго образованія, который въ русской арміи былъ гораздо ниже, русскія войска и во многомъ другомъ уступали австрійскимъ. Въ нихъ не было генеральнаго штаба въ надлежащемъ его значеніи, ни правильно организованныхъ штабовъ для большихъ частей войскъ; прибыли войска безъ собственнаго интендантства, которое условлено было замѣнить австрійскими соотвѣтствующими учрежденіями. Армія была обременена обозами, матеріальная часть артиллеріи отличалась тяжеловѣсностью и другими недостатками, такъ что вновь введенныя облегченныя орудія не составили замѣтнаго улучшенія; артиллерія и кавалерія значительно уступали пѣхотѣ въ боевыхъ качествахъ. Русскія войска, не исключая и пѣхоты, не могли похвастать и своимъ обученіемъ; оно было тщательное, но одностороннее и не полное; налегали преимущественно на первоначальное строевое образованіе солдата и на маневрированіе небольшими частями; обученіе дѣйствіямъ большими единицами оставалось пренебреженнымъ. Пристрастные писатели, изображающіе дѣло по внушеніямъ предвзятой мысли, идутъ дальше и утверждаютъ, что русскія войска отличались отсутствіемъ всякаго обученія, замѣняя его дикою, фанатическою храбростью. Это преувеличеніе, не выдерживающее критики, вмѣстѣ съ тѣмъ косвенно высказываетъ истину, что побѣдная репутація русскихъ войскъ была велика въ Европѣ, а если прибавить къ ней знаменитое имя Суворова и принять въ соображеніе, чему именно приказано было обучать Австрійцевъ, то окажется, что развѣ только щекотливость національнаго чувства могла внушить австрійскимъ офицерамъ неудовольствіе на распоряженіе Суворова. Какъ бы то ни было, они должны были повиноваться [4]).

Не довольствуясь разсылкою инструкторовъ, Суворовъ, какъ нѣкоторые свидѣтельствуютъ, составилъ нѣсколько небольшихъ

наставленій въ видѣ приказовъ по войскамъ. Дѣлалось это съ цѣлью развитія въ боевыхъ упражненіяхъ Австрійцевъ смѣлости и отваги и ослабленія привычекъ педантизма и робости. Не вводилось никакихъ усложненій, не затрогивался уставъ въ ширинѣ его программы, а только учебныя цѣли превращались въ боевыя средства, и сосредоточивалось обученіе на тѣхъ изъ нихъ, которыя, по Суворовскимъ понятіямъ, были существенны и вели кратчайшимъ путемъ къ побѣдѣ. Была уже раньше изложена система Суворовскаго обученія; эта система сокращалась до минимума и сводилась къ небольшому числу эволюцій. Однако, приводя Австрійцевъ къ штыку и саблѣ, какъ къ рѣшителямъ побѣды, Суворовъ не ограничивается атакой и ударомъ, а даетъ короткія наставленія и по другимъ предметамъ, даже такого общаго смысла, какъ сознательное отношеніе каждаго служащаго къ службѣ. Встрѣчаются тутъ, въ тактическихъ пріемахъ, и нѣкоторыя перемѣны противъ «Науки побѣждать», вслѣдствіе измѣнившихся частностей въ условіяхъ боя. Но Суворовскіе взгляды и требованія до того не подходили къ общепринятому шаблону, что повергли Австрійцевъ въ большое изумленіе, чему отчасти способствовала и внѣшняя сторона наставленій — отрывочный, лаконическій, неправильный языкъ. (См. Приложеніе IX) [5]).

Подготовка австрійскихъ войскъ продолжалась всего два дня, и повтореніе предполагалось въ будущемъ, при дневкахъ и другихъ остановкахъ; по крайней мѣрѣ такъ было приказано. Впрочемъ нельзя принять за несомнѣнное, что все вышеизложенное было сдѣлано Суворовымъ именно въ Валеджіо. Вѣрнѣе допустить, что онъ, слѣдуя своему нетерпѣливому характеру, приступилъ тутъ къ обученію Австрійцевъ или сдѣлалъ лишь первоначальныя къ тому распоряженія; самое же дѣло могло быть здѣсь, по краткости времени, лишь затронуто или начато, къ чему намъ и придется вернуться вскорѣ.

Апрѣля 7 подошли всѣ русскія войска, составлявшія дивизію генералъ-лейтенанта Повало-Швейковскаго; на слѣдующій день армія двинулась тремя колоннами къ р. Кіезѣ, но 9 число простояла опять на мѣстѣ. Въ головѣ всѣхъ колоннъ посланы

были казаки; къ австрійскому авангарду присоединенъ Багратіонъ; русскому корпусу Розенберга придано нѣсколько австрійскихъ эскадроновъ, въ томъ числѣ 4 отъ полка Карачая, стараго знакомца и любимца Суворова. Апрѣля 10 армія направилась къ рѣкѣ Меллѣ.

Суворовъ ежеминутно ждалъ встрѣчи съ Французами; изъ замѣтокъ его видно, что эта первая встрѣча съ новымъ, незнакомымъ доселѣ непріятелемъ сильно его занимала и даже нѣсколько заботила. Онъ считалъ дни, соображая время присоединенія къ арміи слѣдующей русской дивизіи; припоминалъ дѣйствія принца Савойскаго въ этихъ мѣстахъ въ началѣ столѣтія. Но Французы отступали къ Аддѣ, истребляя или бросая изъ запасовъ все то, чего не могли поднять, и удерживая въ своихъ рукахъ лишь тыльныя крѣпости. Первымъ такимъ пунктомъ на пути союзниковъ была Брешіа, значительный городъ съ цитаделью. Понимая цѣну впечатлѣнія, которое должна была произвести первая его боевая встрѣча съ Французами, Суворовъ приказалъ штурмовать Брешію, если она не сдастся добровольно, и поручилъ это дѣло Краю. Австрійцы подойдя къ городу, открыли по немъ артиллерійскій огонь и заняли командующія высоты съ сѣверной стороны; Багратіонъ расположился съ западной и преградилъ Французамъ пути отступленія. Французскій генералъ Бузэ не могъ съ малыми силами оборонять обширнаго города, а потому отступилъ въ цитадель. Жители города, раздраженные поборами и насиліями Французовъ, отворили союзникамъ городскія ворота и опустили мосты, а сами бросились грабить дома французскихъ сторонниковъ и рубить деревья вольности. Австрійцы и Багратіонъ одновременно вошли въ городъ и стали готовиться къ штурму цитадели, такъ какъ на предложеніе сдаться—Бузэ отвѣчалъ выстрѣлами. Однако Французы не выдержали. Видя дѣятельныя приготовленія и догадываясь, что они дѣлаются не для одного только устрашенія, Бузэ измѣнилъ свое первоначальное намѣреніе и послѣ нѣсколькихъ часовъ канонады сдался, не дождавшись атаки, безусловно. Гарнизонъ вмѣстѣ съ госпиталемъ оказался въ 1264 человѣка; орудій союзникамъ досталось 46.

Дѣло было не крупное, по въ смыслѣ перваго шага важное. Въ Вѣнѣ были довольны, въ Петербургѣ тоже. Находясь въ Павловскѣ при полученіи этого извѣстія, Императоръ Павелъ приказалъ отслужить въ придворной церкви благодарственный молебенъ и потомъ провозгласить многолѣтіе «побѣдоносцу Суворову-Рымникскому». Такой же молебенъ отслуженъ и въ Петербургѣ; кромѣ того Государь удостоилъ Суворова очень милостивымъ рескриптомъ. «Начало благо», писалъ онъ: «дай Богъ, чтобы вездѣ были успѣхи и побѣда. Вы же, умѣя съ нею обходиться, вѣрно и въ службѣ нашей ее изъ рукъ вашихъ не выпустите, въ чемъ поможетъ вамъ успѣть особенная и давнишняя личная привязанность ея къ вамъ самимъ». Награждая, по представленію Суворова, отличившихся и во главѣ ихъ князя Багратіона, Государь велѣлъ всѣмъ офицерамъ, бывшимъ въ дѣлѣ, объявить монаршее благоволеніе, а унтеръ-офицерамъ и рядовымъ выдать по рублю. «Дай Богъ имъ здоровья», говорилось въ концѣ рескрипта: «а бить непріятеля станемъ; этого дѣла они были и будутъ мастера». Государь выразилъ свое вниманіе къ Суворову еще и другимъ путемъ. Когда, при возглашеніи фельдмаршалу многолѣтія послѣ молебна, молодой графъ Аркадій, растроганный и смущенный такою неожиданностью, бросился передъ Императоромъ на колѣни и поцѣловалъ его руку, то Государь похвалилъ его сыновнія чувства и велѣлъ ему ѣхать въ Италію, къ отцу, сказавъ: «учись у него, лучше примѣра тебѣ дать и въ лучшія руки отдать не могу».

Въ донесеніи Суворова взятіе Брешіи пріукрашено; городъ названъ крѣпостью на томъ основаніи, что окруженъ каменною стѣной съ башнями; кромѣ того сказано, что цитадель производила 12 часовъ артиллерійскій огонь и сдалась лишь «по упорномъ сопротивленіи». Стилистическія прикрасы впрочемъ не скрываютъ истиннаго хода дѣла, да и самъ Суворовъ въ донесеніи говоритъ, что въ русскихъ войскахъ убитыхъ и раненыхъ не было. Этотъ первый нанесенный Французамъ ударъ, такъ дешево стоившій, далъ въ руки союзниковъ литейный заводъ, обезпечилъ сообщеніе арміи съ Тиролемъ и,

главное, произвелъ нравственное вліяніе на весь край въ ущербъ Французамъ и ихъ приверженцамъ. Порядокъ былъ возстановленъ въ городѣ не безъ труда, однако Суворовъ, зная подвижной темпераментъ Итальянцевъ, приказалъ обезоружить жителей всей области, учредивъ въ ней прежнее правленіе.

Союзная армія продолжала наступленіе къ р. Меллѣ. Порядокъ походныхъ движеній былъ предписанъ Суворовымъ въ общихъ чертахъ тотъ же, который практиковался у него въ прежнихъ войнахъ, съ выступленіемъ ночью и съ частыми роздыхами; разсчетъ приводился къ тому, чтобы въ 14 часовъ войска могли сдѣлать до 30 верстъ. Однако, на самомъ дѣлѣ, это удавалось далеко не всегда: пересѣченная мѣстность, дождливая погода, частыя переправы и недостатокъ распорядительности сильно замедляли движеніе. Предположенные 14-часовые переходы требовали часто гораздо больше времени и сопровождались безпорядками въ родѣ столкновенія колоннъ и проч., а иногда войска и въ цѣлыя сутки не доходили до назначеннаго для ночлега пункта. Въ особенности оказался труднымъ одинъ изъ переходовъ, когда войска не попали на переправу по маршрутамъ, переходили рѣку подъ проливнымъ дождемъ, промокли до костей и сильно утомились. Въ нѣкоторыхъ австрійскихъ полкахъ послышались жалобы на форсированные марши, раздался ропотъ, даже между офицерами. Это дошло до Суворова. Онъ очень разсердился, тѣмъ болѣе, что Меласъ, командовавшій колонною, былъ какъ бы за одно съ недовольными, потому что чувствуя себя нездоровымъ, рѣшился остановить войска, не выполнивъ маршрута, и дать имъ время обсушиться. Суворовъ написалъ ему грозное и вмѣстѣ съ тѣмъ саркастическое письмо, начавъ его словами: «до моего свѣдѣнія дошли жалобы на то, что пѣхота промочила ноги». Далѣе говорится, что «за хорошею погодой гоняются женщины, петиметры и лѣнивцы»; что «большой говорунъ, который жалуется на службу, будетъ какъ эгоистъ отрѣшенъ отъ должности»; что «у кого здоровье плохо, тотъ пусть и остается назади». Письмо кончается словами: «ни въ какой арміи нельзя терпѣть такихъ, которые умничаютъ; глазомѣръ, быстрота, натискъ, — на сей

разъ довольно». Кромѣ того есть свидѣтельство, будто Суворовъ, желая внушить Австрійцамъ понятіе о быстротѣ, какъ о требованіи нормальномъ, повседневномъ, а не исключительномъ,—приказалъ избѣгать употребленія словъ «форсированный маршъ» и сталъ остерегаться перемѣшиванія русскихъ войскъ съ австрійскими, допуская постоянное исключеніе только для казаковъ въ головѣ австрійскихъ колоннъ, ибо считалъ ихъ для такого рода службы незамѣнимыми [6]).

Армія продолжала наступленіе, но ни на Меллѣ, ни на Оліо Французовъ не нашла; остался только небольшой аріергардъ одной изъ французскихъ колоннъ у Палоцоло. Правая колонна союзной арміи, въ головѣ которой шелъ русскій генералъ Повало-Швейковскій со своей дивизіей, двигалась по этому направленію. Узнавъ, что переправа въ рукахъ Французовъ, Швейковскій остановилъ колонну и самъ поскакалъ къ авангарду Багратіона; послѣ перестрѣлки Французы отступили. Суворовъ сдѣлалъ замѣчаніе Швейковскому, за остановку колонны вмѣсто ускоренія ея движенія, и приказалъ: «сіе дневное правило внушить строго всѣмъ начальникамъ». Устройство переправы заняло не мало времени; первымъ перешелъ рѣку полковникъ Грековъ съ казаками, погнался за непріятельскимъ аріергардомъ и вслѣдъ за нимъ ворвался въ гор. Бергамо. Появленіе казаковъ было такое внезапное, что Французы не успѣли даже укрыться въ цитадель; казаки завладѣли и городомъ и цитаделью, захвативъ въ плѣнъ до 130 Французовъ, взявъ знамя, 19 осадныхъ орудій, много ружей и военныхъ запасовъ. Апрѣля 14 армія подошла къ Аддѣ и расположилась въ виду непріятельскихъ постовъ противуположнаго берега; авангардъ Багратіона продолжалъ преслѣдованіе Французовъ на Лекко. Въ это же время одинъ изъ австрійскихъ генераловъ занялъ Крему, другой подступилъ къ крѣпости Пицигетоне. Края Суворовъ еще раньше отправилъ въ Валеджіо для командованія войсками, оставленными въ тылу, и для блокады крѣпостей, занятыхъ Французами.

По прибытіи на Адду, французская армія имѣла подъ ружьемъ не больше 28,000 человѣкъ; но Шереръ рѣшился

тутъ держаться, чтобы успѣть присоединить къ себѣ прочія войска съ оконечностей фланговъ и сохранить связь съ корпусами, дѣйствовавшими въ Альпахъ и въ средней Италіи. Онъ разсчитывалъ на выгодность своего оборонительнаго положенія, такъ какъ рѣка широка и глубока, бродовъ имѣетъ очень мало и въ верхней своей части, до Кассано, течетъ въ возвышенныхъ, крутыхъ берегахъ, изъ коихъ правый, занятый Французами, командуетъ лѣвымъ. Но Шереръ не съумѣлъ воспользоваться выгодами этой естественной оборонительной линіи, растянувъ свои незначительныя силы почти на 100 верстъ. Союзная армія, силою въ 48 или 49,000, хотя также протянулась по Аддѣ отъ Пиццигетоне до Лекко, однако Суворовъ могъ двинуть 35,000 противъ непріятельскаго центра, слѣдовательно имѣлъ совершенно достаточныя силы для прорыва. Диспозиціею своею на 15 число онъ назначилъ австрійской дивизіи Отта устроить переправу у Санъ-Джервазіо, противъ Треццо; вслѣдъ за нимъ должны были переправиться главныя силы, а Меласу съ дивизіями Кейма и Фрелиха приказано было оставаться у Тревиліо, въ видѣ резерва, впредь до особаго приказанія.

Предположеніе это было отмѣнено вслѣдствіе донесенія Багратіона о сильномъ занятіи Французами своего крайняго лѣваго фланга при Лекко. Суворовъ задался мыслью, что тамъ находится цѣлая дивизія Серюрье, тогда какъ она была растянута отъ Лекко до Треццо и занимала Лекко небольшимъ лишь отрядомъ. Движеніе части войскъ, ближайшихъ къ Лекко, было поэтому остановлено, для подкрѣпленія въ случаѣ нужды Багратіона, и переправа арміи отложена. До полудня 15 числа Багратіонъ атаковалъ городъ, обнесенный каменною стѣной и защищаемый 4 батальонами и 1 эскадрономъ; кромѣ того съ противоположнаго берега дѣйствовала французская батарея. Одну колонну онъ повелъ прямо на городъ, другую послалъ въ обходъ, третью оставилъ въ резервѣ; небольшую часть расположилъ противъ моста, защищеннаго укрѣпленіемъ. Первая атака не удалась; Багратіонъ ввелъ въ дѣло резервъ, и Французы были выгнаны, но замѣтивъ съ высоты малочисленность русскаго отряда,

перешли снова въ наступленіе, вытѣснили въ свою очередь Русскихъ и стали грозить имъ отрѣзаніемъ пути отступленія. Багратіонъ прикрылся густою цѣпью застрѣльщиковъ и спѣшенныхъ казаковъ и послалъ за подкрѣпленіемъ. Какъ разъ во время пріѣхалъ на обывательскихъ подводахъ Милорадовичъ съ однимъ батальономъ, а затѣмъ подоспѣли еще два съ Повало-Швейковскимъ. Городъ былъ занятъ вторично, французская кавалерія, врѣзавшаяся въ русскую колонну, переколота штыками до послѣдняго человѣка. Непріятель, упорствуя въ своихъ усиліяхъ, послалъ съ той стороны рѣки отрядъ на лодкахъ, для высадки въ тылу Русскихъ, но русская полевая артиллерія, тамъ остановленная дурными дорогами, отбила вмѣстѣ со своимъ прикрытіемъ и эту попытку.

Въ одинъ изъ моментовъ боя, вѣроятно въ началѣ, до прибытія подкрѣпленія, Русскіе пытались атаковать и мостъ, но были отбиты. Этого обстоятельства нѣтъ въ офиціальномъ донесеніи, но про него упоминаютъ иностранные писатели, притомъ нѣкоторые съ пафосомъ, какъ о первой встрѣчѣ Французовъ съ «варварами», и означенною неудачною атакой Русскихъ ограничиваютъ все дѣло при Лекко. Съ русской же стороны идетъ извѣстіе, что французскій батальонъ просилъ пардона, а когда подошли Русскіе, то встрѣтилъ ихъ огнемъ [7]). Во всякомъ случаѣ попытка эта вѣроятно была сдѣлана, такъ какъ занятіе моста должно было входить въ цѣли боя; если же она не повторилась, то надо думать потому, что бой затянулся до вечера. А ночью австрійскій генералъ Вукасовичъ, принадлежавшій вмѣстѣ со Швейковскимъ и Багратіономъ къ правой колоннѣ союзниковъ, приблизясь верстъ на 12 — 13 къ Лекко, началъ тамъ (у Бривіо) устраивать переправу. Тогда Русскимъ нечего было уже дѣлать въ Лекко, и они отошли нѣсколько верстъ назадъ. Французская потеря убитыми и ранеными неизвѣстна; плѣнными она простиралась до ста человѣкъ; у Русскихъ убитыхъ и раненыхъ въ этомъ упорномъ дѣлѣ насчитано 365 человѣкъ.

Нельзя не упомянуть про прекрасный поступокъ Милорадовича въ боѣ при Лекко. Будучи старше Багратіона въ чинѣ и прибывъ къ нему на помощь съ батальономъ, онъ предоставилъ

Багратіону кончить дѣло, обѣщавшее успѣшный исходъ, сказавъ при этомъ, что здѣсь не мѣсто считаться старшинствомъ. Суворовъ лично благодарилъ Милорадовича за его поступокъ, упомянулъ о немъ въ донесеніи Государю и объявилъ въ приказѣ по арміи.

Такимъ образомъ, выжидая результатовъ столкновенія, происшедшаго на крайнемъ правомъ флангѣ, Суворовъ оставался все 15 число въ бездѣйствіи. Обстоятельство это никакого существеннаго ущерба послѣдующимъ операціямъ не нанесло, вслѣдствіе невозможности сосредоточенія въ короткое время растянутыхъ французскихъ войскъ. Попытка къ такому сосредоточенію была сдѣлана, но поздно. Въ этотъ самый день, 15 апрѣля *), получено было изъ Парижа увольненіе Шерера отъ званія главнокомандующаго, а вмѣсто него назначенъ состоявшій на лицо при арміи генералъ Моро. Во всю эпоху революціонныхъ войнъ, Франція, выставившая столько военныхъ дарованій, имѣла все таки мало такихъ способныхъ генераловъ какъ Моро, который не могъ идти въ сравненіи только съ однимъ Бонапартомъ. Онъ пользовался общимъ уваженіемъ, особенно въ арміи, былъ человѣкъ умный и образованный и хотя не отличался особенной предпріимчивостью и отвагой въ военныхъ предпріятіяхъ, но за то обладалъ устойчивостью характера, хладнокровіемъ, самообладаніемъ при всякихъ обстоятельствахъ, былъ неизмѣнно-ровенъ и никогда не увлекался впечатлѣніемъ минуты. Назначеніе Моро на мѣсто всѣми нелюбимаго Шерера было принято французскою арміей съ живою радостью и много прибавило ей нравственной мощи. Самъ Суворовъ отзывался постоянно съ уваженіемъ о Моро и, узнавъ о замѣнѣ имъ Шерера, изъявилъ удовольствіе, что вмѣсто «шарлатана» будетъ имѣть своимъ противникомъ истиннаго военнаго человѣка, а добытыя въ бою съ нимъ лавры окажутся и болѣе прочными, и болѣе блестящими.

Но декретъ Французскаго правительства о назначеніи новаго главнокомандующаго пришелъ слишкомъ поздно. Моро не

*) Числа обозначены въ настоящемъ сочиненіи вездѣ по старому стилю.

могъ уже во-время исправить ошибокъ своего предмѣстника: передъ лицомъ его находился энергическій противникъ, знавшій цѣну времени. Однако Моро не сложилъ рукъ въ бездѣйствіи, немедленно сдѣлалъ распоряженіе о передвиженіи войскъ и, получивъ донесеніе о приготовленіяхъ Вукасовича къ переправѣ при Бривіо, послалъ генералу Серюрье приказаніе — оставить у Треццо одинъ батальонъ, а съ прочими войсками дивизіи идти къ Бривіо.

Опоздай Суворовъ еще однимъ днемъ, онъ встрѣтилъ бы за Аддой совсѣмъ не то, что оказалось утромъ 16 числа. Ошибка эта была возможна, такъ какъ бой при Лекко затянулся до поздняго вечера, и разстояніе оттуда до главной квартиры было значительное. Но Суворовъ ее не сдѣлалъ, ночью приказалъ всѣмъ казачьимъ полкамъ немедленно идти отъ князя Багратіона къ Санъ-Джервазіо и велѣлъ сейчасъ устраивать въ этомъ пунктѣ переправу. Секендорфу, завладѣвшему уже Кремой, назначено переправляться на завтра въ Лоди, а Меласу атаковать предмостное укрѣпленіе у Кассано. За Меласомъ должны были идти русскія войска съ самимъ Суворовымъ [8]).

Мѣсто для переправы выбрано было выше Треццо, противъ Санъ-Джервазіо, самое неудобное. Одно изъ близкихъ къ Суворову лицъ и нѣкоторые его исторіографы говорятъ, что сдѣлано это нарочно, дабы отвлечь отъ избраннаго пункта вниманіе Французовъ. Это очень похоже на правду [9]). Изгибъ рѣки, чрезвычайно быстрое здѣсь теченіе, утесистые берега, — все это по общепринятымъ понятіямъ дѣлало наводку моста въ указанномъ мѣстѣ невозможною, особенно ночью, и дѣйствительно, понтонерный офицеръ прислалъ въ этомъ смыслѣ донесеніе, не въ состояніи будучи спустить понтоны съ высокаго утесистаго берега на воду. Но туда поѣхалъ Шателеръ и принялъ рѣшительныя мѣры: начатая въ полночь работа была къ 5 часамъ утра окончена. Тотчасъ же стали переправляться передовыя войска и, когда перешло нѣсколько ротъ егерей и нѣсколько сотенъ казаковъ, — французскій батальонъ, стоявшій въ Треццо, спохватился, но уже не могъ исправить своей оплошности. Мало того, казаки обскакали его съ тыла и онъ едва успѣлъ отсту-

пить. Моро, убѣдившійся теперь, что именно въ этихъ мѣстахъ союзники положили вести свою главную атаку, поскакалъ къ дивизіи Гренье, которая со стороны Кассано стала подходить къ Поццо и Вапріо, ниже Треццо, но едва не попалъ самъ въ руки казаковъ. Онъ приказалъ генераламъ Гренье и Виктору ускорить движеніе на позицію между Поццо и Вапріо, а Серюрье послалъ приказаніе — остановиться тамъ, гдѣ посланный его застанетъ.

Гренье съ частью своей дивизіи остановилъ быстрое движеніе генерала Отта, который имѣлъ подъ рукою еще очень мало войскъ; затѣмъ Французы, усилившись подошедшими батальонами, перешли въ наступленіе. Шателеръ приспѣлъ съ головными частями двигавшихся къ полю сраженія войскъ, причемъ австрійской кавалеріи отдано было Суворовымъ приказаніе— не ждать сбора каждаго полка, а атаковать непріятеля отдѣльными эскадронами, по мѣрѣ ихъ прибытія, что показалось Австрійцамъ очень страннымъ [10]). Но и это подкрѣпленіе не остановило Французовъ, пока донской атаманъ Денисовъ, собравъ свои полки, не ударилъ вмѣстѣ съ венгерскими гусарами на лѣвый флангъ непріятеля; лишь тогда пѣхота была опрокинута и прогнана къ Поццо. Тѣмъ временемъ подоспѣло еще нѣсколько австрійскихъ частей, бой усилился, Поццо и Вапріо были взяты. Моро потерялъ надежду удержаться на позиціи до прибытія Виктора и велѣлъ отходить на новую позицію между Кассано и Инцаго, тѣмъ паче, что въ тылу Французовъ, со стороны Кассано, раздавалась сильная канонада. Тамъ, согласно диспозиціи, Меласъ съ утра повелъ атаку; Французы держались однако крѣпко, въ продолженіе 5 часовъ, въ предмостныхъ укрѣпленіяхъ и за каналомъ, составлявшимъ фронтъ ихъ позиціи. Суворовъ приказалъ Меласу выбить ихъ во что бы то ни стало. Меласъ выставилъ большую батарею, навелъ черезъ каналъ мостъ, взялъ штурмомъ тетъ-де-понъ на Аддѣ, и Австрійцы ворвались въ Кассано вслѣдъ за бѣжавшими Французами, которые не успѣли даже поджечь мостъ и свести съ укрѣпленій орудія. Изъ Кассано Австрійцы продолжали движеніе въ поле и такимъ образомъ очутились въ тылу Французовъ, ретировавшихся отъ

Вапріо. Прямой путь отступленія на Миланъ былъ республиканской арміи отрѣзанъ, и она перешла на другія, болѣе кружныя дороги.

Потери обѣихъ сторонъ въ этомъ 12-часовомъ бою были большія, но, какъ и слѣдовало ожидать, очень не равномѣрныя. Союзники лишились свыше 1000 человѣкъ убитыми и ранеными; Французы гораздо больше, сколько же именно — опредѣлить трудно по разнорѣчивости извѣстій; во всякомъ случаѣ не меньше 3000 человѣкъ, считая тутъ же около 2000 плѣнныхъ; кромѣ того въ рукахъ союзниковъ осталось 19 французскихъ орудій и знамя. Потеря эта безъ сомнѣнія сильно бы возросла, если бы Французы были безотложно и дѣятельно преслѣдуемы; но обѣ колонны австрійской арміи остановились на полѣ выиграннаго сраженія въ полномъ изнуреніи, и за Французами пошли одни казаки.

Въ сраженіи при Вапріо-Кассано дѣйствовали одни австрійскія войска, изъ русскихъ принимали въ немъ участіе только казаки. Дѣломъ при Вапріо-Поццо управлялъ маркизъ Шателеръ [10]); самъ Суворовъ оставался на лѣвой сторонѣ Адды, какъ предполагалось впачалѣ, по диспозиціи. Принимая въ соображеніе это обстоятельство, а также и то, что наибольшая настойчивость и энергія замѣчаются въ дѣйствіяхъ войскъ Меласа, слѣдуетъ полагать, что Суворовъ находился именно въ этомъ пунктѣ.

Кромѣ удачной переправы двухъ колоннъ австрійской арміи у Кассано и Треццо, благополучно совершена и переправа Вукасовича у Бривіо. Войска Серюрье разрѣзаны были такимъ образомъ на двое; сѣверная часть едва успѣла отступить въ Комо и чрезъ Лугано къ Лагомаджіоре; другая, въ числѣ 3000 человѣкъ съ самимъ Серюрье, осталась ниже Бривіо у Вердеріо, исполняя приказаніе Моро—остановиться тамъ, гдѣ оно застанетъ. Другого распоряженія затѣмъ Моро прислать уже не могъ, такъ какъ атака союзниковъ у Поццо и Вапріо отрѣзала его отъ Серюрье. Находясь въ совершенной неизвѣстности о происходящемъ, слыша гулъ выстрѣловъ и справа и слѣва, Серюрье не зналъ на что рѣшиться и такъ простоялъ въ своей

позиціи весь день. Между тѣмъ онъ находился въ какихъ нибудь 7 — 8 верстахъ отъ Вапріо, и появленіе его въ тылу сражавшихся союзниковъ могло бы причинить имъ большія затрудненія; наконецъ, при недостаткѣ рѣшимости на такой шагъ, онъ все таки могъ спасти свой отрядъ, отретировавшись на Монцу. Но онъ предпочелъ оставаться на своей позиціи, усиливъ ее нѣсколькими укрѣпленіями, и такимъ образомъ самъ напросился на катастрофу [11]).

Послѣ побѣды 16 числа, всѣ союзныя войска направлены были къ Милану, Вукасовичу приказано идти туда же отъ Бривіо чрезъ Монцу, а за нимъ и Розенбергу. Вукасовичъ выступилъ 17 числа рано утромъ и передовыми войсками своими неожиданно наткнулся на отрядъ Серюрье. Французамъ предложено было положить оружіе, но полученъ отказъ. Тогда Вукасовичъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ до 7000 человѣкъ, атаковалъ позицію Французовъ съ праваго фланга и тыла. Серюрье упорно дрался и даже самъ пытался атаковать Австрійцевъ во флангъ, но замѣтивъ двигавшіяся вдали войска Розенберга, убѣдился въ безнадежности своего положенія и капитулировалъ. Кромѣ 250 генераловъ и офицеровъ, отпущенныхъ затѣмъ во Францію съ обязательствомъ не служить противъ союзниковъ до конца кампаніи, оказалось у Серюрье до 2700 нижнихъ чиновъ и 8 орудій.

Этимъ завершился переходъ союзниковъ чрезъ Адду. «Тако и другія рѣки въ свѣтѣ всѣ переходимы», писалъ Суворовъ Разумовскому въ Вѣну и называлъ Адду Рубикономъ на дорогѣ въ Парижъ. Вообще онъ былъ доволенъ дѣлами на Аддѣ, хвалилъ Императору Павлу Меласа за штурмъ Кассано, выставлялъ особенно храбрость Донскихъ казаковъ и атамана ихъ Денисова, Разумовскому писалъ, что «Меласъ дѣйствуетъ похвально», одобрительно отзывался объ Австрійцахъ, которые «бились хватски холоднымъ оружіемъ», хвалилъ венгерскихъ гусаръ [12]). Извѣстіе о побѣдахъ на Аддѣ было принято и въ Петербургѣ, и въ Вѣнѣ съ восторгомъ. Императоръ Францъ благодарилъ Суворова рескриптомъ; императоръ Павелъ двумя. Всѣ лица, представленныя Суворовымъ, получили награды; нижнимъ чинамъ приказано выдать по рублю; Суворову пожалованъ бриліантовый перстень съ

портретомъ Государя. «Дай Богъ вамъ здоровья», писалъ Павелъ I: «о многолѣтіи вашемъ опять вчера молились въ церкви, причемъ были и всѣ иностранные министры. Сына вашего взялъ я къ себѣ въ генералъ-адъютанты со старшинствомъ и съ оставленіемъ при васъ; мнѣ показалось, что сыну вашему и ученику неприлично быть въ придворной службѣ». Поздравительныхъ писемъ отъ своихъ знакомыхъ и отъ разныхъ лицъ Суворовъ получилъ кучу.

Французы быстро отступали на Павію и чрезъ Миланъ на Буфалору; но ихъ опережали вѣсти о происшедшимъ разгромѣ. Въ столицѣ Цисальпійской республики, Миланѣ, произошло страшное смятеніе; члены Цисальпійской директоріи, Французы, ихъ приверженцы и вообще горячіе республиканцы, бросились бѣжать въ Туринъ, подъ покровительствомъ отступавшихъ французскихъ войскъ. Хотя для путевыхъ сборовъ бѣглецы имѣли лишь нѣсколько часовъ времени, слѣдовательно не могли забрать съ собою слишкомъ много тяжестей, однако транспортъ все таки образовался такой большой, что сильно затруднилъ движеніе французской колонны, слѣдовавшей на Туринъ [11]). Какъ только Французы вышли изъ Милана, оставивъ въ цитадели 2400 гарнизона, а въ городѣ больше 400 больныхъ и раненыхъ,—появились казаки, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ. Найдя городскія ворота запертыми, они стали ихъ отбивать и потомъ ворвались въ улицы. Здѣсь встрѣтили они французскихъ офицеровъ и солдатъ, которые вышли изъ цитадели или не успѣли еще туда войти; произошло нѣсколько мелкихъ схватокъ и забрано больше 30 плѣнныхъ. Затѣмъ, очистивъ городъ отъ Французовъ, казаки окружили цитадель и такимъ образомъ провели ночь. Появленіе казаковъ произвело народное возстаніе; противники Французовъ бросились истреблять всякіе наружные знаки и эмблемы республиканскаго правленія и преслѣдовать тѣхъ изъ выдающихся республиканскихъ дѣятелей, которые не выѣхали изъ города. Казакамъ же пришлось оберегать и защищать преслѣдуемыхъ [13]).

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ казаковъ, вошелъ въ городъ Меласъ съ передовыми австрійскими войсками и былъ принятъ восторженно. Суворовъ тоже приближался къ Милану, но оста-

новился въ нѣсколькихъ верстахъ, отлагая свое вступленіе въ городъ до утра, такъ какъ было уже поздно. Рано утромъ 18 числа, въ Свѣтлое Христово Воскресенье, громадныя толпы повалили за городъ, съ духовенствомъ во главѣ, которому предшествовали кресты и хоругви. Австрійскія войска уже двигались къ городу; встрѣча произошла на дорогѣ. Суворовъ слѣзъ съ коня, подошелъ къ архіепископу, принялъ благословеніе, приложился къ распятію, поцѣловалъ руку архипастыря и сказалъ нѣсколько словъ, приличныхъ случаю. Продолжая путь въ сопровожденіи войскъ и возвращавшагося вмѣстѣ съ ними народа, Суворовъ былъ встрѣченъ у городскихъ воротъ Меласомъ, причемъ произошелъ комическій случай: видя, что фельдмаршалъ хочетъ его обнять, Меласъ потянулся къ нему съ лошади, но потерялъ равновѣсіе и свалился на земь. Вступленіе въ городъ было еще торжественнѣе загородной встрѣчи [10]). День стоялъ ясный, теплый и притомъ праздничный; улицы, окна, балконы, даже крыши были полны зрителей; гудѣлъ гулъ отъ привѣтственныхъ кликовъ и громогласныхъ изъявленій восторга. Въ этихъ заявленіяхъ радости было много искренности: дворянство, духовенство видѣли въ Суворовѣ возстановленіе прежнихъ своихъ правъ и привилегій; сословіе торговое и промышленное чаяло освобожденія отъ насильственныхъ займовъ и непомѣрныхъ налоговъ; прочіе либо привѣтствовали возстановленіе порядка, отвѣчавшаго ихъ понятіямъ и интересамъ, либо слѣдуя прирожденной впечатлительности, увлекались обстановкой и примѣромъ, заразительнымъ для подвижного темперамента. Суворову оказанъ былъ въ Миланѣ совершенно такой же блестящій, шумный пріемъ, какъ три года назадъ Бонапарту, и конечно значительная доля восторженно встрѣчавшихъ и привѣтствовавшихъ, состояла въ обоихъ случаяхъ изъ однихъ и тѣхъ же людей [11]). Тогда возбудительно дѣйствовали увлеченіе утопіей, фанатизмъ свободы, равенства и братства; теперь—религіозный фанатизмъ и разочарованіе, какъ послѣдствіе не сбывшихся чрезмѣрныхъ надеждъ и ожиданій.

Въ ряду причинъ дѣйствовало впрочемъ и любопытство. Суворовъ и Русскіе представляли собою явленіе не обычное, не такое, какъ сосѣди Италіи — Французы и ихъ генералъ Бонапартъ,

имѣвшій, такъ сказать, только вчерашнюю извѣстность. О Суворовѣ же давно говорили и писали; его военные подвиги отличались блескомъ и эфектностью, его странности придавали ему особенность, которой никто другой не имѣлъ, а потому могучее южное воображеніе рисовало его образъ въ фантастическихъ очертаніяхъ. Почти въ такой же степени возбуждали въ Итальянцахъ любопытство русскія войска, прибывшія на другой день, но въ настоящій моментъ представляемые казаками. Сѣверные люди, жившіе въ снѣгахъ и льдахъ, исполины съ дикимъ видомъ, варвары съ непонятными обычаями и особенностями,—такими изображала Русскихъ народная фантазія не въ одной Италіи. Всѣхъ озадачивали благочестіе и набожность Русскихъ, крестившихся у каждой церкви; казались совершенно непопятными троекратные поцѣлуи, которыми они обмѣнивались между собою при встрѣчахъ и даже надѣляли ими Итальянцевъ, принимавшихъ это привѣтствіе съ тупымъ изумленіемъ. Всякая мелкая особенность этихъ новыхъ людей привлекала на себя вниманіе и объяснялась на разные лады.

Фокусомъ общаго вниманія былъ разумѣется Суворовъ, а между тѣмъ онъ, какъ многіе повѣствуютъ, подшутилъ надъ Миланцами довольно безцеремонно. Онъ ѣхалъ позади встрѣчавшаго его духовенства, верхомъ, въ сопровожденіи Шателера и двухъ адъютантовъ, а предшествовали духовенству остальные высшіе чины арміи, во главѣ которыхъ находилось двое — генералъ Ферстеръ и статскій совѣтникъ Фуксъ въ шитомъ мундирѣ дипломатическаго чиновника. Фуксъ, изображая изъ себя Суворова, любезно раскланивался на обѣ стороны, за что потомъ Суворовъ его и благодарилъ. Едва ли однако все происходило такъ, какъ сказано. Суворову естественно надо было ѣхать или впереди, или назади всѣхъ, что онъ и сдѣлалъ, выбравъ послѣднее и взявъ въ свою свиту немного лицъ вовсе не для того, чтобы стушеваться въ процессіи, а скорѣе напротивъ. Понятно также, что народъ встрѣтилъ криками Фукса и Ферстера, какъ первыхъ, не зная кто они, и такъ какъ Фуксъ счелъ долгомъ отвѣчать на привѣтствія, то многіе и могли быть введены въ заблужденіе, принявъ его за Суворова. Раскланивался впрочемъ не одинъ Фуксъ,

а также и Ферстеръ, чего онъ не дѣлалъ бы, еслибы заранѣе было условлено—предоставить Фуксу роль Суворова. Вышеприведенное объясненіе этого случая просто выдумано, какъ и многое другое. А что Суворовъ благодарилъ потомъ Фукса словами: «спасибо, хорошо раскланивался, помилуй Богъ какъ хорошо», то во-первыхъ едва ли Суворовъ могъ и видѣть Фукса съ его поклонами, будучи отдѣленъ отъ него значительною частью процессіи, а во-вторыхъ въ благодарности его слышна шутливая иронія. Такъ надо полагать между прочимъ потому, что въ одномъ частномъ письмѣ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, мы находимъ довольно явственный намекъ на то, что Суворовъ былъ не совсѣмъ доволенъ происшедшей при въѣздѣ его въ Миланъ мистификаціей [14]).

Квартира Суворову была отведена въ домѣ, гдѣ передъ тѣмъ останавливался Моро. Хозяйка дома пригласила къ себѣ въ тотъ вечеръ большое и избранное общество; явился на приглашеніе и Суворовъ. Онъ былъ учтивъ, любезенъ, остроуменъ; отвѣты и возраженія его отличались мѣткостью и сарказмомъ, но не стало дѣло и за причудливыми выходками. Въ тотъ же вечеръ ожидали Суворова и въ театрѣ, гдѣ была подготовлена блистательная ему встрѣча, но онъ не поѣхалъ. Съ наступленіемъ темноты весь городъ былъ иллюминованъ.

На слѣдующій день назначено было торжественное молебствіе; войска выстроились по городскимъ улицамъ шпалерами. Между двумя ихъ рядами, въ парадной позолоченной каретѣ, поѣхалъ Суворовъ въ соборъ; какъ и наканунѣ, онъ былъ въ австрійскомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, при всѣхъ знакахъ отличія. При входѣ въ церковь, архіепископъ встрѣтилъ его въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукѣ, и призвалъ Божіе благословеніе на предстоящемъ ему поприщѣ. Суворовъ отвѣчалъ немногими словами, по итальянски, прося молитвъ. Пройдя въ соборъ, онъ преклонилъ колѣна и отказался занять приготовленное ему почетное мѣсто на возвышеніи, обитое краснымъ бархатомъ съ золотомъ. Огромный соборъ былъ совершенно полонъ молящимися и любопытными; богослуженіе шло съ внушительной торжественностью. Когда Суворовъ вышелъ изъ собора, многіе

изъ народа стали бросать ему подъ ноги вѣнки и вѣтви, становились на колѣна, ловили его руки или полу платья. Растроганный Суворовъ прослезился, благословлялъ каждаго, благодарилъ, совѣтовалъ молиться Богу, испрашивая у Него спасенія. «Какъ бы не затуманилъ меня весь этотъ фиміамъ», говорилъ онъ потомъ: «теперь вѣдь пора рабочая» [15]).

Въ этотъ день у него назначенъ былъ парадный обѣдъ; когда стали съѣзжаться гости—почетные жители и австрійскіе генералы—Суворовъ со всѣми христосовался. Тогда же ему представлены были три плѣнные французскіе генерала, въ томъ числѣ Серюрье; Суворовъ принялъ ихъ весьма ласково, пригласилъ къ столу и также похристосовался, заставляя ихъ по русски отвѣчать: «во истину воскресъ». За столомъ, когда онъ изъявлялъ сожалѣніе, что русскихъ войскъ не было при торжественномъ вступленіи въ Миланъ, вошелъ Розенбергъ и доложилъ, что его корпусъ прибылъ и расположился лагеремъ близъ города. Съ французскими генералами Суворовъ бесѣдовалъ преимущественно о кампаніяхъ послѣднихъ лѣтъ и очаровалъ ихъ любезностью, особенно Серюрье. Послѣдній замѣтилъ къ слову, что нападеніе Русскихъ на войска его дивизіи (вѣроятно при Лекко) было слишкомъ смѣлое; Суворовъ съ тонкой ироніей отвѣчалъ: «что дѣлать; мы, Русскіе, безъ правилъ и безъ тактики: я еще изъ лучшихъ». Разсказываютъ также, что прощаясь съ Серюрье, онъ сказалъ, что надѣется увидѣться съ нимъ въ Парижѣ. Это не было хвастовствомъ или фанфаронствомъ; Суворовъ дѣйствительно надѣялся (о чемъ и писалъ Разумовскому) въ будущемъ году дойти побѣдоносно до столицы Франціи. Могъ ли ему въ то время придти въ голову, послѣ такого начала кампаніи, постигшій ее исходъ [16])?

Милапскій пріемъ не затуманилъ голову Суворова, который даже не считалъ его вполнѣ искреннимъ; по крайней мѣрѣ, принимая представителей города, онъ поблагодарилъ ихъ за пріемъ и пожелалъ, чтобы ихъ чувства отвѣчали внѣшнимъ заявленіямъ [2]). Да и дѣло не было далеко еще окончено: въ цитадели сидѣли Французы, и австрійско-русскія войска заняли подъ городомъ три главныя дороги, а одинъ отрядъ бивакировалъ на

городской площади. Суворовъ объявилъ Цисальпійскую республику не существующей и учредилъ временное правленіе, впредь до полученія распоряженій изъ Вѣны, такъ какъ до Кампоформійскаго мира Австрія владѣла большею частью Ломбардіи. Все остальное онъ предоставилъ барону Меласу, какъ лицу, снабженному отъ австрійскаго правительства извѣстною долею довѣрія и полномочій. Меласъ тотчасъ же завелъ въ Миланѣ австрійскіе полицейскіе порядки, обезоружилъ и распустилъ народную гвардію, запретилъ ношеніе цисальпійскаго военнаго мундира, ввелъ въ обращеніе билеты вѣнскаго банка и проч. Была еще издана въ Миланѣ, за подписью Суворова, напыщенная прокламація къ войскамъ Французской республики; но она принадлежала не ему, а исходила изъ Вѣны и имѣла характеръ стереотипный, такъ какъ появлялась еще раньше, на другихъ театрахъ войны. Воззваніе это, какъ и слѣдовало ожидать, прошло вполнѣ безслѣдно.

Въ двѣ недѣли, со времени открытія военныхъ дѣйствій, было сдѣлано много: не только въ Ломбардіи, Романьи и Легатствахъ отозвались побѣды на Аддѣ и занятіе Милана, но онѣ не остались безъ вліянія и на отдаленныя части Италіи. Вездѣ сторонники Французовъ были обезкуражены, а противники ихъ подняли голову и стали смѣлѣе; мѣстами подымались грозныя народныя возстанія; мѣстами происходили первоначальныя вспышки и дѣлались попытки, хотя слабыя, но показывавшія поворотъ народнаго темперамента. Однако все это могло заглохнуть, безъ поддержки и безъ возбудительныхъ средствъ въ видѣ новыхъ успѣховъ союзныхъ армій. Суворовъ такъ и понималъ положеніе дѣла, а потому старался сократить свое пребываніе въ Миланѣ до наименьшаго срока. Его занимали не торжества; надо было время на необходимыя гражданскія и военныя распоряженія. Въ числѣ послѣднихъ главныя состояли въ слѣдующемъ.

Будучи официально доволенъ первыми своими успѣхами, онъ въ глубинѣ души былъ не совсѣмъ ими удовлетворенъ. Въ этомъ смыслѣ онъ обмолвился въ письмѣ къ графу Разумовскому, сказавъ, что войскамъ не хватало обученія: «выучить мнѣ своихъ неколи было; причины—что я выше описалъ». Слова «о причи-

нахъ» остаются не разъясненными [12]). Недостатокъ обученія, въ его Суворовскомъ смыслѣ, быть можетъ обнаружился и въ послѣдующемъ движеніи войскъ къ Милану. Существуетъ положительное свидѣтельство, что Суворовъ поручилъ въ Миланѣ маркизу Шателеру написать тактическія правила, общія для русскихъ и австрійскихъ войскъ, съ цѣлью приведенія къ однообразію походныхъ и боевыхъ движеній, лагернаго расположенія, дѣйствій въ бою, и затѣмъ объявилъ свои наставленія въ приказахъ по арміи. Они ни въ какихъ архивахъ не сохранились, т.-е. не найдены; въ источникѣ же, откуда почерпнуто свѣдѣніе объ ихъ изданіи, говорится, будто это была уже извѣстная намъ «Наука побѣждать» [9]).

Все это крайне темно и смутно. Вѣрно одно—Суворову не зачѣмъ было трогать воинскаго устава австрійскаго, какъ онъ прежде не трогалъ и русскаго, обучая войска на свой ладъ; сущность его требованій заключалась въ способѣ примѣненія уставныхъ правилъ, а не въ ихъ механизмѣ. Поэтому самому ему не было никакой надобности и согласовать уставы русскій и австрійскій, тѣмъ болѣе, что онъ еще на Аддѣ рѣшилъ—избѣгать перемѣшиванія тѣхъ и другихъ войскъ. Онъ не могъ поручить составленіе тактическихъ наставленій Шателеру, ученому нѣмецкому генералу, не знавшему ни русскаго языка, ни Суворовскаго военнаго катехизиса. Объявлять Австрійцамъ всю «Науку побѣждать» не было резона; безъ передѣлокъ они бы ее не поняли; да и за чѣмъ потребовалось бы тогда снабжать ихъ впослѣдствіи, въ концѣ кампаніи, дополнительной инструкціей (Прилож. IX, пунктъ Б), когда она заимствована изъ той же «Науки побѣждать», по крайней мѣрѣ по духу? Все это невольно наводитъ на заключеніе, что военно-педагогическіе приказы Суворова, помѣщенные въ приложеніи IX настоящей книги, были фактомъ, который однимъ отнесенъ ко времени пребыванія его въ Валеджіо, а другими къ позднѣйшему нахожденію въ Миланѣ. Такимъ же образомъ перепутаны нѣкоторыми писателями и подробности встрѣчи Суворова въ Веронѣ и Миланѣ. Высказанное предположеніе поддерживается еще тѣмъ, что командированіе русскихъ офицеровъ въ австрійскіе полки для обученія, тоже

относится одними къ Валеджіо, другими къ Милану. Итакъ, изданіе тактическихъ наставленій и разсылка инструкторовъ имѣли мѣсто или въ Валеджіо, или въ Миланѣ, или начаты въ первомъ и продолжены во второмъ, а по войскамъ объявлено именно то, что помѣщено въ Приложеніи IX, п. А, хотя быть можетъ приказъ этотъ дошелъ до насъ и не въ полномъ объемѣ.

Другое дѣло, порѣшонное Суворовымъ въ Миланѣ, было составленіе дальнѣйшаго плана дѣйствій противъ Французовъ, къ чему обязывала его инструкція, полученная отъ императора Франца въ Вѣнѣ. Суворовъ сдѣлалъ уже больше того, что говорилось въ этой инструкціи, но въ тылу его оставалось въ рукахъ Французовъ нѣсколько крѣпостей; ожидать ихъ взятія, значило терять время на второстепенныя цѣли, упуская главную—французскую армію. Армія эта должна была находиться въ худомъ состояніи, но оставленная въ покоѣ, могла оправиться и усилиться резервами изъ Франціи. Кромѣ того приходили извѣстія о движеніи къ сѣверу французскихъ войскъ изъ средней и южной Италіи, подъ начальствомъ Макдональда; было бы большой ошибкой со стороны союзнаго полководца — допустить соединеніе Макдональда съ Моро. Суворовъ принялъ все это въ разсчетъ и на пути отъ Адды къ Милану обдумалъ планъ дальнѣйшихъ операцій. Въ Миланѣ, при первомъ досугѣ, онъ призвалъ Шателера, передалъ ему свои соображенія въ подробности и приказалъ изложить все это на бумагѣ, въ формѣ плана дальнѣйшихъ дѣйствій. Шателеръ былъ очень удивленъ и не могъ удержаться отъ вопроса—когда успѣлъ онъ, Суворовъ, все это обдумать? Приказаніе главнокомандующаго было исполнено безотлагательно, и 20 апрѣля Суворовъ отправилъ составленный планъ на утвержденіе въ Вѣну, а копіи съ него командующимъ рейнскою и тирольскою арміями.

Сущность плана состояла въ слѣдующемъ. Не ожидая взятія крѣпостей въ тылу, меньшую часть арміи оставить для ихъ осады, а съ остальною продолжать наступленіе, препятствуя соединенію Макдональда съ Моро. Съ этою цѣлью перейти рѣки Тичино и По, двинуться на Макдональда, разбить его и потомъ обратиться къ Турину, къ арміи Моро. Связь между осадною и

дѣйствующею арміями союзниковъ поддерживать двумя отрядами; по взятіи Мантуи и Пескьеры, большую часть осадной арміи двинуть впередъ и обложить Тортону, а другому отряду овладѣть Генуей при содѣйствіи англійскаго флота; сѣверную Италію прикрывать со стороны Швейцаріи двумя отрядами тирольской арміи, которые содѣйствуютъ въ тоже время этой арміи въ вытѣсненіи Французовъ съ верховій Рейна и Инна. Командующій тирольскою арміей, Бельгардъ, двигается въ Граубинденъ, а эрцъ-герцогъ Карлъ съ рейнскою арміей направляется между Базелемъ и Констанцемъ въ тылъ Массены. Послѣ этого итальянская и тирольская арміи наступаютъ двумя колоннами: одною къ Тунскому озеру и Берну, другою въ верховья Роны и по сѣверному берегу Женевскаго озера.

Таковы вкратцѣ были соображенія Суворова; полный планъ излагается въ Приложеніи X, на языкѣ подлинника. Планъ этотъ вполнѣ отвѣчалъ цѣли войны, тогдашнимъ обстоятельствамъ и относительному расположенію силъ обѣихъ сторонъ. Правда, онъ былъ смѣлъ и обширенъ, и многія его частности вѣроятно потребовали бы при исполненіи перемѣны, но при огромномъ перевѣсѣ союзныхъ силъ, нельзя было считать программу Суворова рискованною. Не такъ взглянулъ на дѣло гофкригсратъ.

Тѣмъ временемъ въ Вѣнѣ заготовлялось напоминаніе Суворову о прежде данной ему инструкціи, т.-е. подтверждалось «ограничивать главныя дѣйствія лѣвымъ берегомъ По», обращая особенное вниманіе на покореніе тыльныхъ крѣпостей, дабы потомъ уже приступить къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ, въ зависимости отъ времени и обстоятельствъ. При этомъ дважды указывалось на необходимость завладѣнія Мантуей. Не успѣли отправить этотъ рескриптъ, какъ получили планъ Суворова и тотчасъ же написали отвѣтъ въ дополненіе къ рескрипту. Въ отвѣтѣ говорилось, что правило — ограничиваться лѣвымъ берегомъ По — не измѣняется, но ему не противорѣчитъ завладѣніе какою-нибудь крѣпостью праваго берега не въ дальнемъ отъ рѣки разстояніи; рекомендовалось особенному Суворова вниманію, чтобы у Края было довольно войскъ для покоренія Мантуи и чтобы прочія силы арміи не были слишкомъ разсѣяны. Согласо-

ваніе въ подробностяхъ движенія войскъ трехъ армій признано невозможнымъ; если изгнаніе Французовъ изъ Граубиндена совершится благополучно, то большая часть тирольскаго корпуса будетъ присоединена къ итальянской арміи; движеніе къ Лозаннѣ или по тамошней дорогѣ во Францію не допускать и въ предположеніи; пока не прибудетъ русскій корпусъ Нумсена, дотолѣ рейнская армія не можетъ дѣйствовать съ какою либо въ разсужденіи Швейцаріи важною цѣлью, такъ какъ это подвергло бы опасности Австрійскую имперію.

Такимъ образомъ предположенія Суворова были отвергнуты, ибо писалъ онъ ихъ подъ однимъ угломъ зрѣнія, а въ Вѣнѣ ихъ читали подъ другимъ. Это доказывается самимъ изложеніемъ причинъ; изъ нихъ только съ одною и можно согласиться — о невозможности согласованія подробностей; но подобная частность не можетъ браковать всего плана. Суворовъ не дождался въ Миланѣ этого непріятнаго документа и получилъ его по ту сторону По. Тѣ 4 дня, которые онъ провелъ къ Миланѣ, казались ему вѣчностью, чуть не преступнымъ бездѣйствіемъ, хотя, какъ мы видѣли, безъ дѣла онъ не сидѣлъ. Но впереди ожидало другое дѣло, требовавшее крайняго спѣха; Суворовъ принялъ на свою личную отвѣтственность продолженіе военныхъ дѣйствій, не ожидая инструкціи, и 20 апрѣля двинулъ войска къ р. По.

Есть однако строгіе судьи, упрекающіе его въ потерѣ времени на миланскія празднества и на другія дѣла второстепенной важности, вмѣсто неотступнаго преслѣдованія и полнаго истребленія слабой французской арміи. По ихъ словамъ, онъ могъ совершенно отрѣзать одну отъ другой двѣ французскія колонны и, поспѣшивъ переправиться чрезъ По, захватить путь отступленія на Геную. Все это прекрасно можно разсчитать по картѣ послѣ свершившихся событій, но очень трудно, а иногда и совсѣмъ невозможно предвидѣть въ самый моментъ полезнаго исполненія. Суворовъ не имѣлъ никакихъ извѣстій объ отступавшихъ Французахъ (обстоятельство, почти постоянно повторявшееся и послѣ); о возможности разрѣзать французскую армію узналъ впослѣдствіи и самъ писалъ изъ Турина Разумовскому, что если бы могъ преслѣдовать Французовъ по пятамъ, то «почти

бы никто изъ нихъ не спасся». Не имѣлъ онъ также никакой возможности устроить на По переправу раньше, чѣмъ это сдѣлалъ, по недостатку наличныхъ понтоновъ и отдаленности понтоннаго парка, взятаго у Французовъ. Изъ письма его къ Разумовскому, написаннаго изъ Милана, видно также, что уже ощущались препятствія къ быстрому движенію войскъ вслѣдствіе нераспорядительности австрійскаго интендантства: «быстрота столь велика, что заднія россійскія войска еще къ намъ не поспѣли, но еще и тутъ мѣшаетъ провіянтъ по томнымъ здѣшнимъ обычаямъ». Замѣчаній, подобныхъ приведеннымъ, можно при разсмотрѣніи всякаго случая надѣлать десятки, но они къ области дѣйствительной критики не принадлежатъ. По выраженію знаменитаго военнаго писателя, они, по отношенію къ разбираемому здѣсь факту, сдѣланы «на досугѣ» [17]).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Итальянская кампанія: Басиньяна, Маренго; 1799.

Распредѣленіе союзныхъ силъ; осада крѣпостей; приготовленія къ переправѣ черезъ По; прибытіе къ арміи великаго князя.—Перемѣны въ маршрутахъ войскъ; занятіе Тортоны; Розенбергъ у Борго-Франко; неисполненіе имъ полученныхъ приказаній; вмѣшательство великаго князя въ его распоряженія; неудачное дѣло при Басиньянѣ; приказъ по арміи.—Новое измѣненіе плана по ложнымъ слухамъ; встрѣча съ Французами при Маренго; неполный успѣхъ.—Движеніе къ Турину; обстановка Суворова на походѣ; занятіе Турина; шумный пріемъ; переговоры съ комендантомъ цитадели.—Сдача Александріи, Феррары и миланской цитадели; торжество въ Туринѣ.—Непріятности изъ Вѣны; негодованіе Суворова; переписка его съ Разумовскимъ.—Приписываемыя Суворову ошибки и грабежи войскъ; объясненіе.

Оставляя Миланъ, Суворовъ разсчитывалъ встрѣтить новаго противника — генерала Макдональда, который шелъ изъ южной Италіи и, по слухамъ, былъ уже довольно близко. Главная союзная армія двигалась къ Піаченцѣ и Парпанезе для переправы чрезъ По; Вукасовичъ былъ выдвинутъ къ Буфалорѣ, принцъ Роганъ и полковникъ Штраухъ прикрывали тылъ дѣйствующей арміи и сообщенія ея съ тирольскимъ корпусомъ, находясь у озера Комо и въ Вальтелинѣ. Во всей арміи подъ начальствомъ Суворова считалось почти 100,000 человѣкъ, но больше половины находилось позади, для блокады и осады крѣпостей, занятыхъ Французами, и для содержанія гарнизоновъ въ остальныхъ. Суворовъ не имѣлъ для своего утѣшенія даже надежды—получить вскорѣ сколько-нибудь значительную часть этихъ

силъ, удерживаемыхъ для второстепенныхъ цѣлей въ ущербъ главной задачѣ: осадныя средства были ограниченныя, и приходилось осаждать крѣпости по-очередно, одну послѣ другой. Но дѣлать было нечего, и ходъ военныхъ дѣйствій поневолѣ приходилось ставить въ зависимость отъ соображеній австрійской политики.

Войска выступили изъ Милана 20 апрѣля; въ это время присоединилась къ нимъ русская дивизія Ферстера, который самъ пріѣхалъ нѣсколько раньше. На слѣдующій день колонна Розенберга расположилась на По, противъ Парпанезе, а Меласа—у Казаль-Пустерленго. Авангарды обѣихъ колоннъ начали въ тотъ же день переправляться на лодкахъ безъ всякой помѣхи со стороны непріятеля, такъ какъ его тутъ уже не было; но помѣха явилась въ видѣ недостатка перевозочныхъ средствъ. Взятый у Французовъ понтонный паркъ пришлось бы долго буксировать къ мѣсту, противъ теченія, своихъ же понтоновъ было такъ мало, что требовалось въ добавокъ къ нимъ набирать разныя суда изъ окрестностей. Такимъ образомъ пошло почти 4 дня на устройство моста въ Піаченцѣ, а въ Парпанезе пришлось и совсѣмъ отъ него отказаться.

Тѣмъ временемъ разнеслись слухи, что Макдональдъ еще далеко и что Французы оставили даже Тортону,—крѣпость по правой сторонѣ По, имѣвшую весьма важное значеніе въ общемъ планѣ дѣйствій. Суворовъ тотчасъ же измѣнилъ свои распоряженія. Части Австрійцевъ, переправившихся на судахъ у Піаченцы, приказано идти къ Пармѣ и Моденѣ, для наблюденія пути приближенія Макдональда; русскимъ войскамъ двинуться къ Павіи; Вукасовичу наступать за Тичино. Не имѣя терпѣнія ожидать устройства мостовъ, надъ коими работали ниже устья Тичино, Суворовъ велѣлъ устраивать еще одинъ, но выше, въ Мецано-Корти. Вообще 3—4 дня по прибытіи на По, видна какая-то путаница въ распоряженіяхъ главной квартиры, чему между прочимъ способствовало частое отсутствіе самого главнокомандующаго и иногда на довольно большое разстояніе. Въ этомъ отношеніи Суворовъ не былъ человѣкомъ строгаго порядка, что и сказывалось при обстоятельствахъ слож-

ныхъ, каковы были тогдашнія. Съѣздилъ онъ, между прочимъ, и на поле знаменитаго сраженія подъ Павіей, гдѣ Французскій король Францискъ I потерпѣлъ пораженіе и попалъ въ плѣнъ въ 1525 году; былъ и въ монастырѣ, гдѣ временно содержался король. Любознательность его высказывалась здѣсь, въ Италіи, не въ первый и не въ послѣдній разъ подобнымъ образомъ, такъ какъ дѣйствовалъ онъ въ странѣ великихъ и частыхъ военныхъ столкновеній [1]).

Мостъ у Мецано-Корти устраивался, но Суворова томило нетерпѣніе. Онъ велѣлъ Багратіону переправиться еще выше, гдѣ ходилъ паромъ, и идти на развѣдки о непріятелѣ. Багратіонъ переправился, пошелъ къ Тортонѣ, наткнулся на небольшой непріятельскій отрядъ и, исполняя приказаніе — не завязывать дѣла, отошелъ къ Вогерѣ. По направленію къ этому же пункту тронулись австрійскія войска по изготовленному къ тому времени мосту у Піаченцы, а Розенбергъ продвинулся дальше Павіи, къ Дорно. Такимъ образомъ союзная армія расположилась по обѣ стороны По; связью служили мостъ у Мецано-Корти и паромъ у Червезино. Изъ всего этого можно заключить, что Суворовъ хотѣлъ занять центральную позицію между Моро и Макдональдомъ, дабы обратиться туда, куда обстоятельства потребуютъ. Тѣмъ не менѣе онъ находился въ полномъ недоумѣніи на счетъ непріятеля и путался въ своихъ предположеніяхъ. Такимъ же образомъ колебался и Моро, по крайней мѣрѣ первое время, ибо положеніе его было въ самомъ дѣлѣ трудное. Часть своихъ войскъ онъ направилъ къ Валенцѣ и Александріи, съ другою самъ двинулся къ Турину. Здѣсь онъ разрѣшилъ выдать жителямъ оружіе изъ арсенала, для обороны противъ союзныхъ войскъ, а они обратили его противъ самихъ Французовъ. Вспыхнули возстанія и въ другихъ мѣстахъ; пришлось отряжать войска, дробить силы, увеличивать гарнизоны крѣпостей. Затѣмъ, оставивъ въ Туринѣ 3,400 человѣкъ, Моро направился къ Валенцѣ и Александріи и между этими пунктами занялъ 26 апрѣля весьма важную стратегическую позицію. Отсюда онъ могъ дѣйствовать по обоимъ берегамъ По, поспѣть къ Турину раньше

Суворова и грозить его тылу, если бы онъ двинулся на Макдональда.

Въ этотъ самый день Суворовъ прибылъ въ Вогеру; часъ спустя пріѣхалъ туда же великій князь Константинъ Павловичъ, посланный Государемъ—начать свое боевое поприще въ школѣ Суворова.

Присылка великаго князя на театръ военныхъ дѣйствій вѣроятно имѣла помимо этой цѣли и другія; по крайней мѣрѣ присутствіе здѣсь Государева сына не замедлило вдохнуть новое рвеніе въ войска и произвело на населеніе благотворное въ интересѣ союзниковъ вліяніе [2]). Оно было радостнымъ событіемъ и для самого Суворова, по его вѣрноподданническимъ чувствамъ, но представляло для него и неудобство. Такія высокія особы стѣсняютъ, ибо отвѣтственность за нихъ, если не фактическая, то нравственная,—очень велика. Это было особенно вѣрно въ примѣненіи къ настоящему случаю, такъ какъ великому князю едва исполнилось 20 лѣтъ и, при своей необузданной пылкости и горячности, онъ требовалъ строгаго за собою надзора, иначе могъ и себя и другихъ ввести въ бѣду. Только строгостью и страхомъ можно было его сдерживать; онъ блѣднѣлъ при одномъ суровомъ словѣ своего отца — Государя. Но тутъ, въ арміи, обстановка и положеніе великаго князя были иныя; той тяжелой руки, которую онъ постоянно чувствовалъ надъ собою въ Петербургѣ, не существовало въ Италіи. Суворовъ правда не затруднился бы быть его строгимъ ментором, но въ званіи главнокомандующаго ему было не до того. И хотя великій князь пріѣхалъ не одинъ, кромѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей свиты, при немъ находился старый, заслуженный генералъ Дерфельденъ,—но назначеніе Дерфельдена состоялось не задолго до отъѣзда, и великаго князя онъ близко не зналъ; при особенностяхъ же натуры Константина Павловича, годилось ему въ руководители только лицо, авторитету котораго онъ привыкъ подчиняться издавна. Такимъ образомъ, неудобство присутствія Константина Павловича Суворовъ ощутилъ въ самомъ скоромъ времени.

Великій князь ѣхалъ въ армію подъ именемъ графа Рома-

нова. Въ Вѣнѣ онъ былъ принятъ самымъ блестящимъ образомъ и пробылъ тамъ около двухъ недѣль, въ продолженіе которыхъ не прерывалась цѣпь парадовъ и смотровъ, а также всякаго рода празднествъ. Не разъ торопилъ его Дерфельденъ, говоря, что знаетъ хорошо Суворова; что фельдмаршалъ начавъ военныя дѣйствія, поведетъ ихъ безостановочно, и великій князь рискуетъ ничего не застать [3]). Вырвавшись наконецъ, изъ Вѣны, Константинъ Павловичъ пріѣхалъ 24 апрѣля въ Верону. На другой день сдалась на капитуляцію Пескьера; сюда онъ въѣхалъ съ первыми австрійскими войсками и затѣмъ продолжалъ путь, всюду встрѣчаемый привѣтственными кликами населенія. Къ вечеру 26 числа, высокій гость былъ уже въ Вогерѣ и тотчасъ же поѣхалъ со своими сопутниками къ Суворову. Суворовъ, одѣтый въ китель, съ каской на головѣ и съ подвязаннымъ глазомъ, выскочилъ изъ другой комнаты, подошелъ къ великому князю, поклонился ему объ руку, т.-е. какъ бы желая поцѣловать его руку, и сказалъ: «сынъ нашего природнаго Государя!» Константинъ Павловичъ обнялъ его и спросилъ, что сдѣлалось съ его глазомъ. «Ахъ, Ваше Высочество»,—отвѣчалъ Суворовъ, «вчера проклятые немогузнайки опрокинули меня въ ровъ и чуть было всѣхъ моихъ косточекъ не разбили». Потомъ онъ подошелъ къ свитѣ великаго князя, стоявшей врядъ и, обратившись къ Константину Павловичу, сказалъ: «не вижу». Великій князь понялъ и сталъ представлять всѣхъ поимянно. Первымъ стоялъ Дерфельденъ, старинный пріятель и сослуживецъ Суворова, одинъ изъ лучшихъ русскихъ генераловъ конца прошлаго столѣтія, котораго Суворовъ любилъ и цѣнилъ очень высоко. Дерфельденъ былъ присланъ въ Италію не только въ качествѣ попечителя великаго князя, но и на тотъ случай, чтобы принять подъ свое начальство корпусъ Розенберга, если Суворовъ признаетъ нужнымъ этого послѣдняго смѣнить, какъ неспособнаго. Мало того, Дерфельденъ предназначался заступить мѣсто самого Суворова, если бы фельдмаршалу «приключилось какое несчастіе». Великій князь произнесъ имя Дерфельдена; Суворовъ открылъ глаза, обнялъ Дерфельдена, перекрестился, поцѣловалъ у него на груди

орденскій крестъ и сказалъ: «намъ должно Его Высочество, сына природнаго нашего Государя (поклонъ Константину Павловичу объ руку), беречь больше своихъ глазъ, потому что у насъ ихъ два, а великій князь здѣсь одинъ». Затѣмъ Константинъ Павловичъ представилъ Суворову остальныхъ, и всѣ разъѣхались по домамъ [3]).

На слѣдующій день, утромъ, Суворовъ пріѣхалъ къ великому князю въ полной формѣ австрійскаго фельдмаршала, въ сопровожденіи всѣхъ чиновъ главной квартиры, и представилъ строевой рапортъ о войскахъ русскихъ и австрійскихъ. Великій князь пригласилъ его въ кабинетъ, долго съ нимъ бесѣдовалъ наединѣ и когда вышелъ въ пріемную, то представилъ находившагося тутъ князя Эстергази, сопровождавшаго великаго князя изъ Вѣны. Суворовъ сказалъ Эстергази: «прошу донести императору, что я войсками Его Величества очень доволенъ; они дерутся *почти* также хорошо, какъ и Русскіе». Если справедливо, что Суворовъ сказалъ Эстергази именно эти слова, то конечно не безъ умысла; по всей вѣроятности онъ получилъ уже тогда изъ Вѣны дополнительную инструкцію, забраковавшую всѣ его планы, и захотѣлъ чѣмъ-нибудь выразить свое неудовольствіе [3]).

Въ этотъ же день, 27 числа, Константинъ Павловичъ обѣдалъ у Суворова, а потомъ отправился въ русскій лагерь впереди Павіи, у Дорно. Здѣсь онъ объѣхалъ войска, объявилъ имъ отъ имени Государя «благодарность и поклонъ» и остался при главной квартирѣ Розенберга.

Пока въ русской арміи происходило торжество по случаю прибытія великаго князя, Суворовъ получилъ извѣстіе, будто Французы, съ одной стороны, оставляютъ Валенцу и отступаютъ, а съ другой, что въ Тортонѣ ожидаются подкрѣпленія изъ Генуи. Извѣстія были прямо противуположны истинѣ, потому что Моро избралъ и занялъ позицію между Валенцой и Александріей. Суворовъ, столько разъ уже вводимый въ заблужденіе пустыми слухами, повѣрилъ однакоже и теперь, приказавъ на 27 число войскамъ произвести соотвѣтственныя движенія. Розенбергу приказано занять авангардомъ Валенцу;

Багратіону двинуться отъ Вогеры, обойти Тортону и отрѣзать сообщенія ея съ Александріей и Генуей; Карачаю подкрѣпить Багратіона; прочимъ австрійскимъ войскамъ идти отъ Вогеры къ Тортонѣ.

Маркизъ Шателеръ подошелъ съ передовыми частями австрійскихъ войскъ къ Тортонѣ 28 числа, при помощи жителей выломалъ ворота и овладѣлъ городомъ. На другой день въѣхалъ туда Суворовъ и отслужено благодарственное молебствіе, но 700 Французовъ заперлись въ цитадели и открыли изъ 70 орудій сильный огонь. Осадныхъ орудій не было; пришлось терпѣть и выносить огонь, ограничиваясь блокадою цитадели. По крайней мѣрѣ городъ все-таки былъ занятъ, т.-е. достигнутъ нѣкоторый успѣхъ; по другую же сторону По не было и этого. Авангардъ Розенберга, подъ начальствомъ генерала Чубарова, не нашелъ на рѣкѣ перевозныхъ средствъ: все было истреблено или забрано Французами. Суворовъ приказалъ удвоить усилія и увеличить отрядъ Чубарова; онъ до того былъ убѣжденъ въ очищеніи Французами Валенцы, что назначилъ Чубарову, по занятіи этого пункта, идти къ Александріи.

Розенбергъ придвинулся ближе къ своему авангарду; Чубаровъ выбралъ мѣсто переправы у Борго-Франко, въ 7 верстахъ ниже Валенцы. Здѣсь лежитъ островъ, отдѣленный отъ непріятельскаго берега узкимъ рукавомъ, переходимымъ въ бродъ; къ нему стали съ нашей стороны устраивать паромъ. Для отвлеченія вниманія Французовъ, Чубаровъ отрядилъ 2 батальона въ сторону, къ Валенцѣ, а казаки Семерникова и человѣкъ 30 егерей, переправившіеся на островокъ вплавь, перешли другой рукавъ въ бродъ и заняли деревню Басиньяну. Но Французы стали подходить; Русскіе, по своей малочисленности, не могли удержаться въ деревнѣ и послѣ небольшой перестрѣлки снова переправились на островъ.

Такимъ образомъ обнаружилось, что противуположный берегъ По занятъ Французами сильно и Валенца ими не очищена. Тоже самое подтвердилось вѣрнымъ извѣстіемъ, что Моро нѣтъ въ Туринѣ, а сосредоточился онъ у Александріи. Сувo-

рову приходилось опять мѣнять свои распоряженія; онъ рѣшился собрать свои силы у Тортоны и атаковать непріятельскую позицію за р. Танаро. Въ этомъ смыслѣ были разосланы приказанія, причемъ Розенбергу велѣно оставить предпріятіе на Валенцу, перейти на правый берегъ По ниже, у Камбіо, и присоединиться къ прочимъ войскамъ.

Для исполненія этого распоряженія, Розенбергъ приказалъ сдѣлать у Камбіо развѣдки и узналъ, что тамъ переправы нѣтъ. Между тѣмъ у Борго-Франко уже дѣйствовалъ большой паромъ, а потому Розенбергъ рѣшилъ переправить свои войска здѣсь, не подозрѣвая, что переправа приходится какъ разъ противъ непріятельской позиціи. Апрѣля 30 войска Чубарова медленно, малыми частями переѣзжали на паромѣ къ острову, и Розенбергъ стягивалъ свои главныя силы ближе къ мѣсту переправы. Въ этотъ день Суворовъ прислалъ второе приказаніе, въ подтвержденіе отданнаго наканунѣ; вслѣдъ за нимъ послѣдовало и третье, чтобы «спѣшить денно и ночно» къ сторонѣ общаго сбора войскъ. Но Розенбергъ затруднялся исполнить предписаніе фельдмаршала, несмотря на его безусловный характеръ, ибо получилъ извѣстіе, что вокругъ Валенцы находится не больше 1,000 Французовъ. И дѣйствительно, Моро видя настойчивыя, не скрываемыя приготовленія Русскихъ къ переправѣ у Басиньяны, принялъ это за демонстрацію, маскирующую сосредоточеніе силъ союзниковъ у Тортоны, оставилъ противъ Чубарова часть силъ, а все прочее направилъ на позицію у Бормиды, впереди Александріи. Розенбергу донесено, что все потянулось къ Александіи, и онъ рѣшился продолжать свою переправу у Басиньяны.

Утромъ 1 мая авангардъ Чубарова собрался весь на островѣ, тутъ же на берегу находились великій князь и Розенбергъ. Константинъ Павловичъ предложилъ Розенбергу, не мѣшкая дольше, начать переправу съ острова на тотъ берегъ. Розенбергъ отвѣчалъ, что отрядъ еще слишкомъ слабъ и лучше подождать, пока подойдутъ тянувшіяся войска. Константинъ Павловичъ вспылилъ и дозволилъ себѣ ѣдкое замѣчаніе, что Розенбергъ привыкъ служить въ Крыму, гдѣ было гораздо спо-

войнѣе и непріятеля никогда въ глаза не видали. Упрекъ былъ слишкомъ рѣзкій и вмѣстѣ съ тѣмъ несправедливый, потому что у Розенберга не было недостатка въ личномъ мужествѣ. Слова великаго князя оскорбили стараго служаку, у него не достало характера—не вмѣшивать личнаго чувства въ рѣшеніе вопроса, и приказаніе къ наступленію было отдано. Авангардъ Чубарова двинулся на непріятельскій берегъ въ бродъ, по поясъ въ водѣ; подошедшая часть Розенбергова корпуса начала переправляться на островъ [1]).

Жители Басиньяны встрѣтили Чубарова съ радостью и тотчасъ стали рубить дерево вольности; Русскіе двинулись по дорогѣ къ Валенцѣ и атаковали встрѣченнаго въ нѣсколькихъ верстахъ непріятеля. На подмогу скоро прибыли еще двѣ роты; въ головѣ ихъ великій князь бросился неустрашимо въ атаку. Успѣхъ былъ полный, но непродолжительный. Стали спѣшно возвращаться французскія войска, шедшія къ Александріи; прискакалъ самъ Моро и послалъ за новымъ подкрѣпленіемъ. Русскій отрядъ, состоявшій всего изъ 2500 человѣкъ, отступилъ, но продолжалъ держаться въ ожиданіи подкрѣпленія. Подмога не подходила, потому что одинъ изъ адъютантовъ Суворова, примчавшійся къ Розенбергу съ новыми настоятельными приказаніями—идти къ сторонѣ Тортоны, проѣзжая чрезъ Басиньяну, остановилъ переправу войскъ и даже велѣлъ идти назадъ батальонамъ, кои успѣли перейти на правый берегъ. Чубаровъ держался съ трудомъ; великій князь самъ поскакалъ за подкрѣпленіемъ; три батальона и двѣ роты одни за другими подошли къ полю сраженія и возстановили бой. Новыхъ подкрѣпленій уже не являлось, безпорядокъ какъ видно былъ полный, руководительства дѣломъ не существовало. Число Французовъ росло съ каждымъ часомъ; они стали близко грозить обоимъ флангамъ Русскихъ; но упорство русской пѣхоты было такъ велико, что Французы разбивались о русскіе батальоны, какъ волны объ утесы. Однако всему есть предѣлъ; на горахъ показались новыя французскія колонны, приходилось уступить поле сраженія во избѣжаніе большей бѣды. Послѣ 8-часового боя началось отступленіе; но войска остановились все таки передъ Ба-

синьяной и до наступленія ночи съ непоколебимой твердостью отбивали всѣ атаки.

Затѣмъ началось постепенное очищеніе французскаго берега; жители Басиньяны, нѣсколько часовъ назадъ встрѣчавшіе Русскихъ привѣтственными кликами, теперь стрѣляли по нимъ изъ оконъ. За недосугомъ они остались не наказанными, и Русскіе, преслѣдуемые Французами, мало-по малу перебрались на островъ. Но тутъ постигла ихъ новая бѣда: крестьяне, состоявшіе при паромной переправѣ, перерѣзали канатъ и скрылись, а паромъ унесло теченіемъ. Прошло не мало времени, пока его поймали, исправили и пустили въ дѣло для перевозки раненыхъ. Суматоха на островѣ была ужасная, особенно у переправы; лошадь великаго князя чего-то испугалась и занесла его въ рѣку, но казакъ Пантелѣевъ во-время бросился на помощь и вывелъ его на берегъ. Всю ночь производилась перевозка на паромѣ раненыхъ; всю ночь Русскіе держались на островѣ подъ огнемъ французскихъ орудій и отражали неоднократныя попытки непріятеля перейти въ бродъ черезъ рукавъ рѣки. Надо удивляться, какъ Французы не догадались удвоить, утроить силу своего огня; тогда ни одинъ человѣкъ не могъ бы спастись съ острова, тѣмъ болѣе, что войска стали переправляться на свою сторону когда уже разсвѣло.

Несчастное дѣло при Басиньянѣ стоило Русскимъ большихъ потерь; убитыхъ, раненыхъ и попавшихся въ плѣнъ насчитано почти 70 офицеровъ (одинъ генералъ) и до 1,200 нижнихъ чиновъ; кромѣ того въ рукахъ Французовъ осталось 2 русскія орудія, завязшія на пашнѣ. У непріятеля выбыло изъ строя до 600 человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ генералъ. Одинъ русскій плѣнный офицеръ на другой день бѣжалъ на французской лошади; казачьи посты спасли его отъ погони. Суворовъ велѣлъ возвратить Французамъ лошадь, захваченную бѣжавшимъ.

Въ ночь послѣ этого неудачнаго дѣла, т.-е. съ 1 на 2 мая, Суворовъ получилъ о немъ извѣстіе и тотчасъ же послалъ Розенбергу новое приказаніе — идти куда было велѣно раньше, приписавъ собственноручно: «не теряя ни минуты немедленно

сіе исполнить, или подъ военный судъ». Но посылки новаго приказанія было мало; до главной квартиры доходили тревожныя донесенія съ казачьихъ постовъ о движеніяхъ французскихъ войскъ, слышны были выстрѣлы, а войска Розенберга у назначенныхъ для нихъ переправъ не показывались. Суворовъ сталъ сомнѣваться въ благополучномъ возвращеніи Розенбергова корпуса и двинулъ было ему на выручку всѣ войска къ Камбіо. Но эта мѣра оказалась не нужной: Розенбергъ скоро показался у Камбіо, и непріятель не преслѣдовалъ его, оставаясь два дня въ бездѣйствіи.

Это была первая крупная неудача союзниковъ. Раздраженный Суворовъ написалъ сгоряча донесеніе Государю, выставляя опрометчивость Константина Павловича и указывая, что поведеніе его противорѣчитъ дисциплинѣ. Донесеніе это онъ однако отправилъ не сразу, а раздумывалъ и совѣтовался. Когда же оно было отправлено, Суворова снова взяло раздумье; онъ сталъ жалѣть, что поторопился, послалъ второго курьера въ догонку за первымъ и когда получилъ обратно бумагу, то разорвалъ ее и успокоился. Однако онъ не захотѣлъ пропустить происшедшій несчастный случай безъ вниманія, для чего и потребовалъ великаго князя къ себѣ. Чувствуя свою вину и желая отсрочить непріятность, если нельзя ея избѣгнуть, Константинъ Павловичъ послалъ одного изъ своей свиты, Комаровскаго, отговорившись, что прибудетъ самъ вмѣстѣ съ войсками. Суворовъ встрѣтилъ Комаровскаго грозно; упрекалъ его въ томъ, что онъ вмѣстѣ со своими товарищами допустилъ великаго князя до опасности быть убитымъ или попасться въ плѣнъ; обѣщалъ заковать ихъ всѣхъ и отправить съ фельдъегеромъ въ Петербургъ, и т. под. Суворовъ говорилъ съ одушевленіемъ и все время ходилъ по комнатѣ широкими шагами; Комаровскій стоялъ и молчалъ. Немного успокоившись, Суворовъ спросилъ, какъ великъ конвой великаго князя, нашелъ, что недостаточенъ, велѣлъ выдѣлить часть своего собственнаго при надежномъ штабъ-офицерѣ и приказалъ Комаровскому отправиться съ новымъ конвоемъ на встрѣчу великаго князя [5]).

Прибывъ къ Константину Павловичу, Комаровскій пере-

далъ ему все, что говорилъ фельдмаршалъ. «Такъ онъ очень сердитъ», сказалъ великій князь и задумался. Прибывъ въ главную квартиру, онъ скрѣпя сердце поѣхалъ къ Суворову; тотъ съ низкими поклонами и другими знаками почтенія встрѣтилъ его въ передней, пригласилъ въ кабинетъ и заперся съ нимъ вдвоемъ. Бесѣда продолжалась съ полчаса; великій князь вышелъ разстроенный, красный отъ слезъ. Суворовъ провожалъ его съ прежними поклонами; проходя пріемную, гдѣ стояла свита Константина Павловича, онъ обратился къ нимъ съ угрозами, назвалъ ихъ мальчишками, пообѣщалъ то же самое, что говорилъ Комаровскому, и затѣмъ продолжалъ провожать великаго князя до крыльца съ прежнею почтительностью.

Неизвѣстно, гдѣ находился и что дѣлалъ во время неудачнаго боя при Басиньянѣ Дерфельденъ; о немъ во всемъ этомъ происшествіи не упоминается нигдѣ ни слова.

Не ограничиваясь сдѣланнымъ великому князю строгимъ внушеніемъ, Суворовъ хотѣлъ отдать приказъ по арміи, приписавъ случившуюся неудачу «запальчивости и неопытности юности», но этотъ порывъ у него скоро прошелъ. Однако онъ помнилъ Басиньяну долго и когда, въ дурной часъ, разговоръ касался этого предмета въ присутствіи Константина Павловича, то Суворовъ, не относясь прямо къ великому князю, говорилъ: «молодо-зелено; не въ свое дѣло не мѣшаться». Вообще онъ съумѣлъ подѣйствовать на великаго князя въ томъ именно смыслѣ, какъ желалъ; Константинъ Павловичъ съ той поры проникся особеннымъ къ старому фельдмаршалу почтеніемъ и послушаніемъ. Будучи присланъ къ Суворову въ качествѣ ученика военнаго дѣла, онъ просилъ у него дозволенія—присутствовать при докладахъ и рѣшеніи дѣлъ. Суворовъ изъявилъ на это полное согласіе, но съ тѣмъ, чтобы другъ другу не мѣшать и даже одному другого не видѣть. Не знаемъ, долго ли и часто ли Константинъ Павловичъ пользовался этимъ дозволеніемъ, но присутствуя при занятіяхъ фельдмаршала съ его штабомъ, строго выполнялъ заключенное условіе: входилъ тихо, не кланялся и садился гдѣ нибудь въ уголку. Суворовъ со

своей стороны тоже дѣлалъ видъ, какъ будто не замѣчаетъ своего высокаго гостя.

На послѣднее, присланное въ Борго-Франко приказаніе Суворова съ угрозою военнымъ судомъ, Розенбергъ отвѣчалъ, что въ качествѣ подчиненнаго виноватъ безъ оправданія, но если главнокомандующій пожелаетъ разобрать все дѣло, то оправдаетъ его совершенно. Однако Суворовъ, при первомъ свиданіи, высказалъ ему крайнее свое неудовольствіе и не принялъ оттоворокъ, къ числу которыхъ принадлежали и ссылки на великаго князя. Отданъ былъ и приказъ по соединенной арміи, гдѣ хотя Розенбергъ не поименованъ, но косвеннымъ образомъ сдѣланъ ему строгій выговоръ. Суворовъ выставлялъ на видъ, что когда Русскіе храбро и успѣшно наступали на непріятеля, вдругъ услышали у себя въ тылу барабанный сигналъ къ отбою и сбору, чего не слѣдуетъ дѣлать и на ученьяхъ. Во время этого же дѣла, австрійскія войска Вукасовича стали производить противъ Казале демонстративную переправу, вблизи отъ сильнаго непріятеля, и понесли довольно чувствительную потерю. «Демонстраціи — игра юно-военныхъ», говоритъ Суворовъ въ своемъ приказѣ, указываетъ на ихъ безполезность и даже вредъ, объясняетъ, что нужны не демонстраціи, а «разъѣзды и обвѣщательные посты отъ конницы; развѣ въ ущельяхъ горъ пѣхота употреблена быть можетъ, и то съ великою осторожностью, чтобы отрѣзана не была. Иначе военный судъ разбирать будетъ». Отзываясь очень одобрительно о храбрости дѣйствовавшихъ при Басиньянѣ войскъ, Суворовъ въ приказѣ особенно хвалитъ Милорадовича, который шелъ въ атаку со знаменемъ въ рукѣ, въ ручномъ бою сломалъ свою саблю и потерялъ двухъ лошадей, подъ нимъ раненыхъ.

Государю было донесено объ этомъ дѣлѣ, какъ о послѣдствіи случившагося недоразумѣнія, впрочемъ не скрывая ни мало неудачи. Государь взглянулъ на происшедшій случай серьезно и снова уполномочивалъ Суворова заимѣнить Розенберга, если онъ недостаточно способенъ, Дерфельденомъ или кѣмъ инымъ, не стѣсняясь условіями старшинства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ I изъявилъ полное свое благоволеніе войскамъ; пожаловалъ всѣмъ

награды по представленію Суворова; нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ дѣлахъ, повелѣлъ выдать по рублю, а находившимся подъ командою великаго князя—по два. Суворовъ не смѣнилъ Розенберга. Онъ въ состояніи былъ такъ поступить сгоряча, подъ минутнымъ впечатлѣніемъ, но потомъ дѣлался по обыкновенію весьма снисходительнымъ, отличаясь большой такъ сказать инерціей. Такое его свойство мы имѣли возможность замѣтить давно, въ первую Турецкую войну, и даже раньше. Нѣкоторые хроникеры утверждаютъ, будто онъ былъ часто несправедливъ къ Розенбергу, подъ вліяніемъ интригъ своихъ приближенныхъ, и выставляютъ въ видѣ доказательства, что еще до своего прибытія къ арміи, онъ предложилъ Розенбергу выйти въ отставку, но потомъ взялъ свое оскорбительное слово назадъ. Быть можетъ все это вѣрно, но важнѣе всего результаты, а результатъ оказался все таки въ пользу Розенберга. Для объясненія взаимныхъ отношеній Суворова и Розенберга не мѣшаетъ еще сказать, что ихъ военныя натуры совсѣмъ не сходились; что Розенбергъ имѣлъ мало тѣхъ качествъ, которыя, по понятіямъ Суворова, именно и требовались въ военномъ человѣкѣ. Поэтому и безъ интригъ штабныхъ чиновъ понятно, почему Суворовъ не чувствовалъ къ Розенбергу особеннаго расположенія, тѣмъ болѣе, что зналъ его такимъ раньше. Да и не одинъ Суворовъ, а довольно распространенное мнѣніе во всей русской половинѣ его арміи было не въ пользу Розенберга, котораго просто не любили.

На этотъ разъ вмѣсто Розенберга поплатился другой: генералъ-маіоръ Чубаровъ 15 мая отставленъ Государемъ отъ службы, о чемъ и сообщено Суворову. Впрочемъ черезъ два мѣсяца онъ принятъ на службу снова, съ прежнимъ старшинствомъ [6]).

Неудача басиньянскаго дѣла, которое нѣкоторые военные писатели невѣрно называютъ демонстраціей, не имѣла важныхъ послѣдствій, кромѣ потери Суворовымъ времени въ ту самую пору, когда онъ собирался атаковать Моро. Непроизводительная трата времени продолжалась и въ слѣдующіе дни, потому что переправа Розенбергова корпуса производилась медленно, по недостатку перевозочныхъ способовъ и вслѣдствіе вздувшейся воды. Во время этого замедленія Суворовъ вдругъ принялъ про-

тивуположное рѣшеніе,—перенести всѣ свои силы на лѣвый берегъ. Причиною тому были новыя о непріятелѣ свѣдѣнія. Пришла вѣсть, что Макдональдъ задержанъ на пути; что онъ даже совсѣмъ останется въ неаполитанскихъ владѣніяхъ; объ этомъ, нѣсколько дней спустя, писалъ Суворову самъ императоръ Францъ, какъ объ извѣстіи «достовѣрномъ». Отовсюду шли также слухи, что Моро ожидаетъ подкрѣпленія и что 25,000 Французовъ идутъ съ Рейна черезъ Швейцарію въ сѣверную Италію. Какъ бы для пущаго убѣжденія Суворова пришло извѣщеніе, что принцъ Роганъ, прикрывавшій флангъ и тылъ Суворова со стороны Швейцаріи, разбитъ. Грозила большая опасность, и Суворовъ не колеблясь принялъ мѣры для ея предупрежденія.

Въ дошедшихъ до него вѣстяхъ и слухахъ опять таки было мало правды. Въ то время какъ Суворовъ, въ продолженіе апрѣля, сдѣлалъ въ Италіи такъ много, въ Швейцаріи и на Рейнѣ мѣсяцъ этотъ прошелъ почти въ полномъ бездѣйствіи, хотя Французы могли быть подавлены превосходными силами Австрійцевъ. Впрочемъ Французы все-таки принуждены были оставить Энгадинъ, причемъ небольшой французскій отрядъ, угрожаемый со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, отступилъ, открывъ Австрійцамъ путь къ С.-Готару, пункту чрезвычайно важному. Генералъ Лекурбъ собравъ свою дивизію, двинулся къ Белинцонѣ. Принцъ Роганъ слѣдовалъ къ этому же пункту; на Монте-Ченере произошла встрѣча, Роганъ былъ разбитъ и отброшенъ, а Лекурбъ занявъ Белинцону отрядомъ Луазона, отошелъ назадъ къ С.-Готару, не имѣя и въ мысляхъ продолжать наступательныя дѣйствія или идти на соединеніе съ Моро.

Что касается до Макдональда и Моро, то и о нихъ вѣсти были ложны. Первый отнюдь не разсчитывалъ оставаться въ южной Италіи, а напротивъ шелъ на соединеніе съ Моро. Послѣдній не ожидалъ сколько нибудь значительныхъ подкрѣпленій и даже не могъ оставаться долгое время въ своей позиціи у Александріи, такъ какъ весь лѣвый берегъ По находился въ рукахъ союзниковъ, лучшій путь къ Генуѣ былъ отнятъ занятіемъ Нови, въ тылу кипѣло народное возстаніе, за-

труднявшее до послѣдней степени продовольствіе войскъ, и почти всѣ сообщенія арміи были отрѣзаны.

Все это оставалось неизвѣстнымъ Суворову и открылось только впослѣдствіи, а потому задуманное имъ передвиженіе союзныхъ войскъ на лѣвый берегъ По назначено было начать 5 числа вечеромъ. Но помѣшалъ Моро, самъ того не подозрѣвая и имѣя о расположеніи союзниковъ самыя невѣрныя свѣдѣнія. Французскій главнокомандующій, находившійся въ положеніи не хорошемъ, рѣшился въ этотъ самый день открыть себѣ путь въ Геную черезъ Нови и Бокетскій проходъ. Съ этою цѣлью дивизія Викторра перешла Бормиду въ 6 часовъ утра и двинулась къ Маренго; находившіяся тутъ передовыя австрійскія войска подъ начальствомъ Карачая отступили, пославъ гонца въ австрійскій лагерь при Торре ди Гарофолло. Меласа не оказалось тамъ на лицо, поднялась суета, поѣхали за приказаніями къ Суворову въ Сале. Но такъ какъ туда было далеко и ждать долго, то генералъ Лузиньянъ рѣшился на свой страхъ идти съ дивизіею, которою временно командовалъ, двинулся въ путь и впереди Санъ-Джульяно встрѣтился съ Французами. Въ это же время проходилъ чрезъ С.-Джульяно авангардъ Багратіона, двигавшійся отъ Нови къ Камбіо, во исполненіе общаго плана. Онъ тотчасъ пошелъ на выстрѣлы и пристроился къ флангамъ Австрійцевъ. Лузиньянъ предложилъ Багратіону принять общее начальство, но тотъ отказался, предоставивъ эту честь австрійскому генералу. Союзники стройно двинулись съ барабаннымъ боемъ впередъ. Французы держались и даже пытались обойти фланги, но безуспѣшно: Багратіонъ отразилъ ихъ встрѣчными атаками. Казаки изрубили цѣлый эскадронъ французскихъ гусаръ, отрѣзали небольшую часть французской пѣхоты, приперевъ ее къ рѣкѣ Танаро, и тоже почти истребили. А тѣмъ временемъ стали подходить свѣжія австрійскія войска изъ своего лагеря; Моро увидѣлъ, что въ окрестныхъ мѣстахъ находятся главныя силы союзниковъ и въ 4 часа по полудни приказалъ отступать. Преслѣдованіе производилось очень вяло, такъ что Французы, имѣя на Бормидѣ всего одинъ мостъ, отретировались въ порядкѣ и разрушили за собою мостъ.

Суворовъ прискакалъ на поле сраженія, но не могъ поспѣть ни къ бою, ни даже къ преслѣдованію. Выслушавъ изложеніе дѣла, онъ остался недоволенъ недостаткомъ энергіи въ преслѣдованіи, можно даже сказать отсутствіемъ самаго преслѣдованія. «Упустили непріятеля», сказалъ онъ съ досадой. Онъ остался тутъ до слѣдующаго дня; поужиналъ поджареннымъ лукомъ съ хлѣбомъ и небольшимъ кускомъ балыка, ночевалъ на полѣ сраженія, а на утро разспрашивалъ казачьяго атамана Денисова о ходѣ боя и участіи въ немъ русскихъ войскъ, т.-е. хорошо ли Багратіонъ атаковалъ и билъ ли въ штыки. Денисовъ, находившійся съ Багратіономъ въ дурныхъ отношеніяхъ, высказалъ всю правду, а можетъ быть и больше [7]).

Въ дѣлѣ при Маренго 5 мая принимало участіе 7—8,000 Французовъ; союзниковъ было нѣсколько больше. Потери обѣихъ сторонъ, приблизительно одинаковыя, простирались отъ 500 до 600 человѣкъ у каждаго, въ томъ числѣ у Французовъ взято свыше 100 плѣнныхъ. Какъ басиньянское дѣло для Русскихъ, такъ и маренгское для Французовъ обошлись дешево и могли бы кончиться гораздо хуже, особенно послѣднее. При иномъ образѣ дѣйствій, союзники могли бы выманить всю французскую армію изъ-за Бормиды и нанести ей полное пораженіе. Но по несчастной случайности маренгское дѣло, подобно басиньянскому, происходило въ отсутствіе Суворова. Во всякомъ случаѣ честь побѣды при Маренго принадлежитъ Багратіону, который и былъ за него награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго.

Послѣ неудачной попытки — открыть себѣ прямой путь на Генуу, Моро покинулъ позицію при Александріи и ретировался двумя другими дорогами, болѣе кружными и трудными. Это осталось нѣсколько дней неизвѣстнымъ Суворову, и онъ сталъ приводить въ исполненіе свой прежній планъ, пріостановленное неожиданнымъ переходомъ Французовъ черезъ Борминду. Мая 7 войска тронулись и пошли по назначеннымъ маршрутамъ, но 10 и 11 числа простояли у Кандіи и Лангоско, пока строились черезъ По мосты. Тѣмъ временемъ Французы оставили Казале и Валенцу, которыя и были заняты союзниками; здѣсь найдено больше 100 человѣкъ русскихъ раненыхъ и 34 орудія,

въ томъ числѣ одно русское, потерянное при Басиньянѣ. Посланные за По казачьи разъѣзды не нашли Французовъ нигдѣ до самой рѣки Танаро; между жителями носились слухи объ отступленіи Моро на Асти, но куда онъ затѣмъ ушелъ, оставалось неизвѣстнымъ. Очищеніе Валенцы довольно ясно указывало, что Французы отступаютъ со своей позиціи при Александріи; но Суворовъ этого не разгадалъ и ихъ не преслѣдовалъ, хотя время для истребленія остатковъ республиканской арміи еще не ушло. Быть можетъ онъ предпочиталъ скорѣе занять Туринъ, что сулило ему большія выгоды. Даже когда было получено донесеніе, что небольшая крѣпость Чева, лежавшая въ тылу Моро въ Апеннинахъ, захвачена возставшими жителями, и Суворовъ велѣлъ послать туда гарнизономъ летучій отрядъ по чрезвычайно трудному и опасному пути,—и тогда онъ продолжалъ теряться въ догадкахъ на счетъ Моро. Идти за нимъ, тратить время на осаду своихъ тыльныхъ крѣпостей, завладѣть Туриномъ—такія представлялись ему главныя задачи. Всѣ три были не совмѣстимы, и онъ предпочелъ—продолжая блокаду и осаду опредѣленными на то корпусами и отрядами, овладѣть Туриномъ.

Рѣшеніе — уничтожить прежде армію Моро — было бы во многихъ отношеніяхъ предпочтительнѣе, такъ какъ Моро могъ уйти, а Туринъ нѣтъ; но невозможно отрицать и громадные выгоды для союзниковъ отъ немедленнаго захвата Турина. Занятіе этой столицы бывшаго Сардинскаго королевства было весьма важно въ отношеніи политическомъ; еще болѣе оно было полезно по тому нравственному впечатлѣнію, которое должно было произвести на всю Италію. Кромѣ того, держа въ своихъ рукахъ Туринъ, Суворовъ имѣлъ въ виду отрѣзать арміи Моро послѣдніе пути для полученія подкрѣпленій и запасовъ изъ Швейцаріи и Савоіи; онъ разсчитывалъ, что одинъ голодъ заставитъ Французовъ покинуть Пьемонтъ, а возстаніе жителей задержитъ ихъ до прибытія союзной арміи и совершеннаго ихъ истребленія, послѣ чего Генуа падетъ сама собою. Наконецъ, очень большое вліяніе на принятое Суворовымъ рѣшеніе оказало и то обстоятельство, что въ Туринѣ хранились огромные склады запасовъ, артиллерійскіе парки и арсеналъ. Суворовъ скор-

бѣлъ, что тратить столько времени и силъ на блокады и осады; турпнскія средства могли его въ извѣстной степени выручить. Все это, вмѣстѣ взятое, дѣйствительно представлялось очень вѣскимъ мотивомъ для принятаго Суворовымъ плана дѣйствій.

Союзная армія слѣдовала къ Турину двумя колоннами, подъ начальствомъ Меласа и Розенберга. Швейковскій былъ отряженъ для занятія Александріи; Оттъ и Край обезпечивали тылъ отъ покушеній Французовъ со стороны средней Италіи; сдѣланы и другія распоряженія для обезпеченія тыла и фланговъ, и Суворовъ спокойно продолжалъ съ арміею путь къ Турину. Походомъ онъ велъ себя почти также, какъ въ старое время въ Турціи и Польшѣ, но тутъ чаще ѣздилъ въ экипажѣ. Штабъ его не всегда находился при немъ, а часто разсылался въ разныя части колонны для присмотра, такъ что при главнокомандующемъ оставался иногда только небольшой казачій конвой и даже просто одинъ казакъ. Уѣзжая верхомъ впередъ, Суворовъ слѣзалъ съ лошади, ложился гдѣ нибудь невдалекѣ отъ дороги въ виноградникѣ или въ тѣни строенія и смотрѣлъ на мимо проходившія войска. Отсюда, совершенно неожиданно для всѣхъ, онъ шибко выѣзжалъ на дорогу, пристраивался къ какому-нибудь полку, ѣхалъ между солдатами и бесѣдовалъ съ ними. Завидѣвъ фельдмаршала, задніе спѣшили впередъ; усталые, отставшіе прибавляли шагу, пріободрялись; его окружали, къ нему тѣснились [8]).

На пути къ Турину жара стояла страшная; Суворовъ то присаживался въ карету, то ѣхалъ верхомъ. Карета была старомодная; купилъ ее Суворовъ у казаковъ, запрягались въ нее обывательскія лошади, кучеромъ служилъ одинъ изъ окрестныхъ крестьянъ, на запяткахъ иногда красовался кривой поваръ Мишка. Уже много лѣтъ, какъ Суворовъ не имѣлъ даже собственныхъ верховыхъ лошадей, а бралъ обыкновенно казачью, подъ экипажъ же употреблялъ или обывательскія или подъемныя. Не мудрено поэтому, что «немогузнайки» часто его вываливали или опрокидывали вмѣстѣ съ экипажемъ, и ему приходилось расплачиваться подбитыми глазами и помятыми боками. Австрійцы съ любопытствомъ посматривали на «ков-

чегъ», въ которомъ ѣхалъ главнокомандующій. Суворовъ сидѣлъ задумавшись, съ 2 или тремя лицами свиты, въ тѣснотѣ и духотѣ; потомъ вышелъ и сѣлъ верхомъ, другіе за нимъ. Желая объѣхать двигавшуюся колонну, онъ взялъ въ сторону и бойко перескочилъ довольно широкій ровъ, такъ что всѣ невольно вскрикнули. Обогнали колонну, ѣхали часа 4, войска остались далеко позади. Шателеръ былъ раньше посланъ впередъ съ нѣсколькими частями войскъ, для необходимыхъ распоряженій и переговоровъ съ непріятелемъ; Суворову хотѣлось пораньше узнать о результатахъ миссіи генералъ-квартирмейстера, — и онъ все ѣхалъ впередъ. Въ свитѣ его находилось всего 3—4 лица, конвой состоялъ изъ десятка казаковъ, не было проводника, а между тѣмъ Туринъ былъ занятъ Французами. Наступила ночь. Донской атаманъ Денисовъ обратился къ племяннику Суворова, князю Андрею Горчакову, съ совѣтомъ — остеречь фельдмаршала, такъ какъ его могутъ захватить въ плѣнъ. Горчаковъ отозвался, что не смѣетъ. Тогда Денисовъ заступилъ Суворову дорогу и объяснилъ, что ѣхать такимъ образомъ дальше—нельзя. Суворовъ отвѣчалъ, что ему необходимо видѣться съ Шателеромъ, Денисовъ вызвался за генералъ-квартирмейстеромъ съѣздить. Городъ былъ не далеко, Денисовъ отъискалъ Шателера и вскорѣ съ нимъ вернулся [7]).

Оказалось, что Шателеръ сдѣлалъ французскому гарнизону предложеніе—сдать городъ. Гарнизонъ состоялъ изъ 3,400 человѣкъ, подъ начальствомъ пьемонтскаго генерала Фіореллы, который отвѣчалъ, что будетъ защищаться до послѣдней крайности. Шателеръ приказалъ открыть артиллерійскій огонь по форштату; Французы отвѣчали тѣмъ же. Суворовъ отдалъ приказаніе, чтобы городъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ подходившими войсками, которыя должны были въ продолженіе завтрашняго дня, 15 числа, устроить батареи, вооружить ихъ къ вечеру, въ первомъ часу ночи на 16 число открыть огонь и, если къ 3 часамъ утра городъ не сдастся, штурмовать его. Сдѣлавъ это распоряженіе, Суворовъ приблизился къ предмѣстью, остановился у фонтана и восхищался прелестною итальянскою ночью, любовался прихотливыми очертаніями де-

ревьевъ, хвалилъ роскошную южную природу. А тѣмъ временемъ стали вблизи ложиться французскія ядра. Денисовъ, не теряя времени на убѣжденія, схватилъ фельдмаршала поперекъ и побѣжалъ съ нимъ въ сторону. Озадаченный Суворовъ вцѣпился ему въ волосы (но не драль), назвалъ его «проклятымъ», спрашивалъ съ негодованіемъ, что онъ дѣлаетъ. Денисовъ спустилъ его съ рукъ во рву и такъ какъ Суворовъ все хотѣлъ къ фонтану, то повелъ его яко-бы по желанію, но въ сущности въ другую сторону, подальше отъ ядеръ, и привелъ въ болѣе безопасное мѣсто. Суворовъ выразилъ свое неудовольствіе, но не настаивалъ на прежнемъ требованіи и провелъ тутъ остатокъ ночи [7]).

На разсвѣтѣ 15 мая одинъ изъ австрійскихъ полковъ занялъ предмѣстіе Баллоне, прочія войска двинулись на назначенныя имъ мѣста. Суворовъ поручилъ князю Горчакову написать опять генералу Фіореллѣ предложеніе сдаться, объяснивъ, что въ присутствіи многочисленной арміи сопротивленіе поведетъ къ одному безполезному кровопролитію. Комендантъ отвѣчалъ довольно дерзкимъ отказомъ, выразивъ въ письмѣ къ самому Суворову удивленіе, что каждый генералъ союзной арміи обращается къ нему, Фіореллѣ, съ подобными требованіями, а потому предупреждалъ, что болѣе не станетъ давать отвѣтовъ. «Атакуйте меня, и тогда буду отвѣчать», были заключительныя слова письма, съ прибавленіемъ угрозы, что если войска не очистятъ предмѣстія, то по нимъ будетъ открытъ огонь. Послѣ этого не стоило терять времени на переговоры, и Суворовъ отдалъ дополнительное приказаніе — открыть траншеи, ставить батареи и затѣмъ бомбардировать городъ два дня, приготовившись въ это время къ штурму.

Однако тутъ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, городъ былъ спасенъ самимъ населеніемъ. Жители Турина и національная гвардія впустили союзныя войска; вступленіе ихъ произошло такъ внезапно, что многіе изъ Французовъ не успѣли спастись въ цитадель и скрылись въ городскихъ домахъ. Фіорелла пытался было подать имъ помощь вылазкою изъ цитадели, но безуспѣшно. Французовъ перебито около сотни, вдвое

взято въ плѣнъ, втрое досталось больныхъ и раненыхъ; кромѣ того безъ малаго 400 орудій, 20,000 ружей и огромное количество всякаго рода военныхъ запасовъ. Въ 3 часа пополудни Суворовъ вступилъ съ войсками въ Туринъ. Улицы были полны народомъ, отовсюду раздавались восклицанія съ виватами императорамъ Францу и Павлу; пріемъ былъ даже болѣе шумный, чѣмъ въ Миланѣ. Великій князь въѣхалъ въ городъ при одномъ изъ австрійскихъ кавалерійскихъ полковъ, среди офицеровъ полка, но былъ узнанъ и потому сдѣлался предметомъ оживленныхъ овацій. Вечеромъ городъ иллюминовался.

Суворовъ помѣстился въ нижнемъ этажѣ одного дома; великому князю былъ отведенъ великолѣпный дворецъ, отъ котораго онъ отказался и провелъ ночь за-городомъ, въ расположеніи австрійскихъ войскъ. Фіорелла прислалъ парламентера съ объявленіемъ, что канонада будетъ производиться по городу до тѣхъ поръ, пока союзники его не очистятъ. Говорили тогда, что парламентеръ былъ присланъ съ цѣлью — развѣдать, гдѣ занялъ квартиру Суворовъ, дабы потомъ направить выстрѣлы въ ту сторону, и что хотя французскій офицеръ проѣзжалъ по улицамъ съ завязанными глазами, но какъ кажется успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Около полуночи съ 15 на 16 число огонь дѣйствительно былъ открытъ, такъ какъ Фіорелла считалъ справедливымъ наказать жителей за измѣну. Суворовъ юмористически доносилъ, что непріятель «поздравлялъ побѣдителей непрестанною пальбою, градомъ бомбъ, картечей и каленыхъ ядеръ до разсвѣта, причемъ убито въ городѣ изъ обывателей два человѣка и досталось жестоко черепицѣ крышъ». Однако едва ли ограничился этимъ вредъ отъ французской бомбардировки; въ трехъ мѣстахъ города загорѣлось; во дворѣ дома, занятаго фельдмаршаломъ, убито нѣсколько лошадей, оторвано нѣсколько рукъ и ногъ. Донской атаманъ рѣшился войти къ Суворову въ спальню. «Что ты, Карповичъ»,—спросилъ Суворовъ проснувшись или дѣлая видъ, что передъ тѣмъ спалъ. Денисовъ доложилъ, что бомбардируютъ изъ цитадели и мѣтко цѣлятъ въ этотъ домъ. «Оставь меня, я спать хочу»,—отвѣчалъ Суворовъ и повернулся лицомъ къ стѣнѣ. Денисовъ

вышелъ, но скоро послышался голосъ Суворова, требовавшаго къ себѣ дежурнаго генерала [7]).

Жители Турина пришли въ отчаяніе; если бы Фіорелла держалъ свое слово нѣсколько дней подрядъ, то городу бы не сдобровать. Желая успокоить мирныхъ гражданъ и отблагодарить ихъ за содѣйствіе при занятіи города, Суворовъ велѣлъ Горчакову написать французскому коменданту снова. Горчаковъ стыдилъ Фіореллу за принятое рѣшеніе; говорилъ, что если при занятіи Турина погибло нѣсколько Французовъ, то виновенъ въ этомъ одинъ онъ, Фіорелла, а не жители, ибо не могли же 300—400 человѣкъ отстоять такой обширный городъ противъ многочисленной арміи. Затѣмъ Горчаковъ предупреждалъ Фіореллу, что если канонада по городу возобновится, то будутъ выведены на эспланаду цитадели плѣнные Французы, не исключая больныхъ, и останутся подъ огнемъ до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться пальба по безвиннымъ гражданамъ. Угроза подѣйствовала: комендантъ объявилъ, что не станетъ стрѣлять по городу, если союзники обяжутся не вести атаки съ городской стороны. Суворовъ согласился, хотя часть цитадели, обращенная къ городу, была слабѣе прочихъ, и въ тотъ же день, 16 числа, была заключена въ этомъ смыслѣ капитуляція. Городское управленіе издало объявленіе, гдѣ заявляя глубокую признательность главнокомандующему за великодушную, человѣколюбивую попечительность о городѣ, приглашало жителей Турина спокойно и довѣрчиво приняться за обычныя занятія.

Въ тотъ же день было получено донесеніе о сдачѣ генералу Повало-Швейковскому Александріи на капитуляцію. Генералъ Гарданнъ, съ 3000 человѣкъ гарнизона, сдалъ городъ и отступилъ въ цитадель съ тѣмъ, чтобы союзники ничего не предпринимали противъ цитадели со стороны города и чтобы раненые Французы, оставленные въ городѣ, по выздоровленіи получили свободу и право вернуться въ отечество. Такихъ Французовъ было до 600, да 30 русскихъ и австрійскихъ плѣнныхъ; бывшіе въ крѣпости пьемонтскіе солдаты значительною долею вступили на службу въ союзную армію. Суворовъ былъ очень недоволенъ этими условіями, которыя противорѣчили данной

Швейковскому инструкціи, и выразился въ письмѣ къ Разумовскому такими словами: «рекрутъ генералъ-лейтенантъ Швейковскій сдѣлалъ капитуляцію какъ невѣжда съ комендантомъ александрійскаго замка о увольненіи оставшихся въ городѣ больныхъ и раненыхъ, съ другими не лучше артикулами». Досаду свою Суворовъ однако же въ офиціальномъ донесеніи скрылъ, помирившись съ невозможностью исправить дѣло [2]).

Получено также извѣстіе о переходѣ въ руки союзниковъ Феррары и миланской цитадели. Феррара (и городъ, и цитадель) была хорошо вооружена и снабжена, а цитадель нельзя было иначе взять, какъ правильною осадой. Но малодушный комендантъ, послѣ первыхъ выстрѣловъ генерала Кленау, причинившихъ въ цитадели пожаръ, согласился на капитуляцію передъ отрядомъ, который немногимъ превышалъ гарнизонъ, и положилъ оружіе съ обязательствомъ не служить полгода противу союзниковъ. Австрійцамъ достались 1500 ружей и 75 пушекъ. Послѣ кратковременной осады сдалась и миланская цитадель; гарнизонъ въ 2000 человѣкъ отпущенъ безъ оружія, съ условіемъ не служить противъ союзниковъ годъ; въ крѣпости найдено 119 орудій, въ томъ числѣ 30 осадныхъ, и много военныхъ припасовъ.

По случаю всѣхъ этихъ успѣховъ, назначено было празднество на 17 мая. Утромъ отслужено въ домѣ Суворова благодарственное молебствіе по чину православной церкви; потомъ главнокомандующій въ парадной формѣ, при всѣхъ знакахъ отличій, отправился въ богатой каретѣ въ соборъ. Въ этомъ торжественномъ шествіи его сопровождали генералы союзной арміи, всѣ верхами; народъ тѣснился около кареты, оглашая воздухъ криками. При входѣ въ церковь, Суворовъ былъ встрѣченъ духовенствомъ; во время молебствія усердно молился; артиллерія, разставленная на городскомъ валу, производила пальбу. Такимъ же порядкомъ возвратился Суворовъ домой и потомъ далъ парадный обѣдъ, пригласивъ знатнѣйшихъ лицъ города и нѣкоторыхъ генераловъ союзной арміи. Вечеромъ Суворовъ былъ въ свою очередь приглашенъ въ театръ, гдѣ приготовили ему торжественный пріемъ; при входѣ его въ ложу раздались общія

рукоплесканія, поднялся занавѣсъ и на сценѣ открылся храмъ славы, въ которомъ красовался бюстъ Суворова, окруженный эмблемами его побѣдъ. Суворовъ, подъ вліяніемъ смѣшаннаго чувства смущенія и удовольствія, прослезился и съ выраженіемъ глубокаго почтенія кланялся публикѣ. Возвращаясь домой, онъ ѣхалъ по иллюминованнымъ улицамъ; среди огней блистали литеры его имени.

По занятіи Турина, первымъ дѣломъ Суворова было возстановленіе въ Пьемонтѣ прежняго порядка вещей. Почти повсемѣстный радушный пріемъ союзниковъ давалъ основаніе предполагать, что такая мѣра совпадаетъ съ желаніемъ большинства населенія Сардинскаго королевства. Съ перваго дня вступленія въ сардинскія владѣнія, Суворовъ сталъ думать о возстановленіи королевства и королевской арміи, которая состояла изъ 40,000 хорошо обученныхъ войскъ, кромѣ 26,000 милиціи. Мѣрою этою онъ разсчитывалъ усилить свои средства для борьбы съ Французами и, находясь на пути къ Турину, поручилъ формированіе арміи графу Сентъ-Андре, генералу Латуру и подполковнику Атемсу. Еще раньше онъ издалъ прокламацію къ войскамъ пьемонтскимъ; въ ней говорилось, что союзники вступаютъ въ Пьемонтъ для возстановленія короля; что главнокомандующій приглашаетъ всѣхъ присоединиться къ избавителямъ и обѣщаетъ, что никому другому они не будутъ присягать, кромѣ короля Сардинскаго. Черезъ два дня объявлена другая прокламація, къ пьемонтскому народу, въ томъ же духѣ: народъ призывался къ оружію для защиты религіи и охраненія собственности каждаго. Кромѣ того Суворовъ приказалъ передовымъ партіямъ своихъ войскъ роспускать слухъ о скоромъ прибытіи герцога Аостскаго, а за нимъ и короля.

Дѣйствительно таковы и были намѣренія императора Павла; однако онъ, хотя не сразу, но сталъ допускать возможность противуположныхъ австрійскихъ замысловъ, и въ словесныхъ его повелѣніяхъ, которыя записывались Ростопчинымъ, мы встрѣчаемъ подъ 14 мая 1799 года: «заготовить декларацію Вѣнскому двору, въ случаѣ желанія и намѣренія его присвоить что нибудь въ Италіи». Когда же получено было донесеніе Су-

ворова о занятіи Турина и объ осадѣ цитадели, Государь написалъ ему 7 іюня: «коль скоро овладѣете туринскою цитаделью, увѣдомьте о семъ Сардинскаго короля, пригласите возвратиться въ Туринъ и возстановите на престолѣ» [10]).

Поступая такимъ образомъ на пути къ Турину, Суворовъ въ томъ же смыслѣ продолжалъ дѣйствовать и по занятіи города. Онъ возстановилъ должности, званія, титулы, ордена и проч., существовавшіе въ недавнее царствованіе Сардинскаго короля, а всѣ распоряженія по введенію новой администраціи возложилъ на особый временной верховный совѣтъ. Губернаторомъ Турина былъ назначенъ Сентъ-Андре, довѣренный короля, а управленіе Пьемонтомъ по дѣламъ политическимъ, административнымъ и военнымъ возложено на генерала де-Латура. Вторично объявлено то самое воззваніе, съ которымъ Суворовъ обратился къ пьемонтскому народу раньше. Національную гвардію, хотя она была происхожденія республиканскаго, онъ не счелъ полезнымъ роспускать, такъ какъ большинство національныхъ гвардейцевъ не сочувствовало французскому революціонному режиму. Національной гвардіи приказано продолжать службу для охраненія спокойствія въ городѣ, но отъ жителей велѣно отобрать оружіе и всякіе военные запасы, а также потребована выдача Французовъ, укрывавшихся въ домахъ.

Распоряженія Суворова были не долговѣчны; ему пришлось самому отмѣнить большую ихъ часть, прежде чѣмъ они успѣли дойти до Вѣны, потому что скоро получены указанія Австрійскаго правительства по поводу первыхъ принятыхъ мѣръ при вступленіи союзниковъ въ предѣлы Сардинскаго королевства. Мѣры эти возбудили въ Вѣнѣ крайнее неудовольствіе, и Австрійскій императоръ счелъ нужнымъ обратиться къ главнокомандующему съ новымъ рескриптомъ. Онъ писалъ, что въ земляхъ, занятыхъ союзными войсками по праву завоеванія, не можетъ быть признаваемо иной власти, кромѣ его, императора Австрійскаго; что поэтому все, относящееся до гражданскаго управленія и части политической, должно быть предоставлено распоряженіямъ Вѣнскаго кабинета; наконецъ, что пьемонтскіе солдаты должны быть призываемы не подъ знамена Сардинскаго короля,

а на службу Австрійскаго императора, ибо долгая война требуетъ покрытія потери людей способами чужихъ областей, отнятыхъ отъ непріятеля.

Послѣ этого рескрипта, своекорыстные виды Вѣнскаго двора обнаружились съ полною ясностью. Все внутреннее управленіе ввѣрялось австрійскимъ комиссарамъ; распоряженія по снабженію союзныхъ войскъ и употребленіе для того средствъ занятаго края поручено Меласу; офицеры и солдаты бывшихъ пьемонтскихъ войскъ принимались исключительно на пополненіе австрійской арміи, что конечно въ нѣсколько разъ уменьшило число охотниковъ. Всѣ прокламаціи и объявленія послѣ 16 мая издавались уже отъ имени не главнокомандующаго Суворова, а подчиненнаго ему генерала Меласа, какъ уполномоченнаго отъ Римскаго императора; о королѣ Сардинскомъ въ нихъ не упоминалось ни слова. Сѣмя неудовольствія между союзниками было брошено въ почву, и только измѣненіе австрійской политики могло устранить роковые для союза результаты. Но подобнаго измѣненія конечно нельзя было ожидать; эгоистическіе виды Вѣнскаго двора напротивъ того, по мѣрѣ успѣховъ Суворова, крѣпли, и поводы къ взаимнымъ неудовольствіямъ множились, потому что захватывали область не только политическую, но и военную.

И точно, Суворову было снова подтверждено Австрійскимъ императоромъ держаться плана операцій, изложеннаго въ двухъ прежнихъ рескриптахъ, и переходъ союзниковъ на правый берегъ По принятъ за нарушеніе данной инструкціи. Австрійскій императоръ опять выражалъ свою волю, чтобы всѣ предположенія Суворова были оставлены, а обращено исключительное вниманіе на взятіе Мантуи и цитадели миланской; чтобы для этого усилены были тамъ осадные корпуса; чтобы главная армія заняла положеніе, отвѣчающее только цѣли охраненія сдѣланныхъ завоеваній. Въ особенности заботились въ Вѣнѣ о скорѣйшемъ взятіи Мантуи и обращались съ безпрестанными объ этомъ подтвержденіями къ русскому послу Разумовскому, о чемъ онъ официально и сообщалъ Суворову. Но въ тоже время, пользуясь проѣздомъ чрезъ Вѣну въ Италію сына Суворова, Аркадія, Разу-

мовскій послалъ главнокомандующему съ этой вѣрной оказіей частное письмо, совѣтуя продолжать по прежнему, не заботясь о боязливости Вѣнскаго двора, который напуганъ прошедшими бѣдствіями, а послѣ самъ будетъ: «благодарить, славить и обожать». Совѣтъ былъ однако весьма рискованнаго свойства, въ виду неоднократныхъ подтвержденій за собственною подписью императора, и его легче было давать, чѣмъ исполнять, хотя исполнителемъ и былъ такой не охотникъ дѣйствовать по чужой указкѣ, какъ Суворовъ [11]).

Баронъ Тугутъ былъ вообще не доволенъ русскимъ полководцемъ, который не обнаруживалъ готовности состоять въ его услугахъ. Желчный нравъ и безпредѣльное самолюбіе руководителя Вѣнскаго кабинета не терпѣли въ исполнителяхъ ни малѣйшей самостоятельности; чего ради высшія ступени арміи были наполнены людьми крайне посредственными, но преданными первому министру и точными исполнителями его воли. Имѣя намѣреніе во что бы то ни стало согнуть волю Суворова передъ своею собственною, но не разсчитывая успѣть въ этомъ прямо, Тугутъ пошелъ къ цѣли окольнымъ путемъ и дѣйствовалъ чрезъ своихъ клевретовъ, занимавшихъ высшіе посты въ арміи. Интрига, сплетня, доносъ, противодѣйствіе главнокомандующему или по крайней мѣрѣ умышленно создаваемыя ему затрудненія,—сдѣлались явленіемъ повседневнымъ. Подъ предлогомъ—не отвлекать фельдмаршала къ предметамъ второстепенной важности,—гражданская, политическая и военно-хозяйственная власть вручены были тупому, ограниченному Меласу, которымъ руководить было гораздо удобнѣе. Завязались прямыя сношенія австрійскихъ генераловъ съ гофкригсратомъ; Суворовъ пересталъ имъ довѣрять, видя въ нихъ своихъ недруговъ и Тугутовыхъ шпіоновъ. Единство, стройность въ распоряженіяхъ исчезли; многочисленныя недоразумѣнія и неисправности, не только невольныя, но и умышленныя, участились; приказанія доходили до австрійскихъ войскъ медленно, невѣрно, иногда въ такомъ искалѣченномъ видѣ, который прямо противорѣчилъ первоначальному ихъ смыслу. Затрудненія и безпорядки въ снабженіи арміи продовольствіемъ возрастали по

днямъ; магазиновъ было мало, и войска на походѣ кормились большею частью реквизиціоннымъ способомъ, а лошади — подножнымъ кормомъ. Хлѣбъ, доходившій временами до солдатъ чрезъ посредство австрійскихъ комиссаровъ, сплошь да рядомъ былъ дурно испеченъ, изъ порченой муки, мясо не свѣжее, вино разбавленное водой, такъ что русскія войска, не избалованныя и не взыскательныя, жаловались.

Если при выѣздѣ своемъ изъ Вѣны къ арміи, Суворовъ, не связавшій себя никакими обязательствами относительно направленія военныхъ операцій, ласкался надеждой, что отдѣлался отъ гофкригсрата, то онъ ошибся жестоко. Если уступая Меласу свои обязанности внутренней службы, онъ, подъ впечатлѣніемъ кончанскихъ взысканій и дѣла Вронскаго, разсчитывалъ избавиться отъ обузы и большихъ непріятностей, то теперь приходилось ему убѣждаться въ противномъ. Если онъ полагалъ, что австрійское интендантство есть недосягаемый образецъ для русскаго,—то долженъ былъ значительно разочароваться и въ этомъ. Онъ принялся исправлять зло, на сколько возможно. Сдѣлано распоряженіе, чтобы приказанія сообщались изъ главной квартиры въ австрійскія войска не чрезъ Меласа, а прямо ближайшимъ начальникамъ, которые должны уже были сами доводить ихъ до свѣдѣнія Меласа. Велѣно австрійскому провіянтмейстеру и земскимъ комиссарамъ получать наряды и распоряженія отъ генералъ-квартирмейстера Шателера, знакомаго съ общимъ ходомъ и планомъ военныхъ операцій. Но эти и другія подобныя мѣры были палліативами, ослабляя временами зло, но не исцѣляя его. Они даже принесли извѣстную долю вреда; Шателеръ, который понравился Суворову, сблизился съ нимъ и открыто выказывалъ искреннее къ нему уваженіе,—былъ поставленъ въ необходимость дѣйствовать не такъ, какъ указывалось изъ Вѣны, сталъ въ холодныя отношенія съ Меласомъ и навлекъ на себя неудовольствіе Тугута.

Все это освѣщаетъ дѣло съ невидной его стороны и даетъ каждому не предубѣжденному возможность убѣдиться, что нити злой воли, портившей общую задачу союзниковъ, шли не отъ Суворова, а отъ Тугута. Этотъ узкоглазый руководитель австрій-

ской политики былъ, подобно Цезарю Борджіа, не разборчивъ въ выборѣ средствъ для достиженія цѣлей; онъ отличался кромѣ того какою-то неразумною ненавистью къ Россіи, можетъ быть именно изъ за того, что помощь Россіи была необходима Австріи какъ послѣдній рессурсъ. Что было дѣлать съ нимъ Суворову, особенно въ описываемый періодъ кампаніи, когда зло только что начинало назрѣвать и не поражало еще глазъ своею злокачественностью? Протестовать—безполезно и нельзя; жаловаться своему Государю—слишкомъ преждевременно; оставалось только переписываться съ русскимъ посломъ въ Вѣнѣ, побуждая его къ противудѣйствію интригамъ и кознямъ. Суворовъ такъ и поступилъ.

Въ нѣсколькихъ письмахъ къ графу Разумовскому онъ касается нѣкоторыхъ больныхъ мѣстъ тогдашняго положенія, особенно военной стороны предмета. Онъ пишетъ, что много бы набралось добровольныхъ пьемонтскихъ войскъ для борьбы съ Французами, если бы ихъ дозволено было формировать на предложенныхъ имъ, Суворовымъ, основаніяхъ; притомъ они ничего бы не стоили Австріи. Онъ указываетъ, что въ этомъ случаѣ примѣръ Французовъ, въ быстрыхъ ихъ завоеваніяхъ, заслуживаетъ полнаго вниманія, поясняя, что «послѣ можно распустить, если не нужно». Въ особенности настаиваетъ Суворовъ на наступательномъ образѣ дѣйствій, говоря, что въ офансивѣ Французы ушли дальше другихъ, что благодаря дефансиву была потеряна Италія съ предградіемъ Вѣны, а офансивомъ эрцъ-герцогъ Карлъ выгналъ изъ Германіи двѣ арміи. Объясняя невыгоду оборонительной, кордонной системы, Суворовъ вразумляетъ Разумовскаго, что такимъ образомъ погибли тутъ Болье, Альвинци и Вурмзеръ, а Бонапартъ побѣдилъ, и что ему, Суворову, видно также придется погибнуть, тѣмъ паче, что «недорубленный лѣсъ опять выростаетъ». Особенно сокрушало его требованіе, вслѣдствіе котораго значительная часть союзной арміи оставалась назади, при крѣпостяхъ. «Какъ бы ни была Мантуа драгоцѣнна», говоритъ онъ: «все же она не стоитъ потерянія лучшаго времени кампаніи», и восклицаетъ: «Спасителя ради, не мѣшайте мнѣ» [9]).

Такимъ образомъ видно, что ходъ кампаніи до занятія Турина вовсе не удовлетворялъ самого Суворова и, въ значительной степени, зависѣлъ не отъ его воли. Конечно онъ дѣлалъ ошибки, какъ объяснено въ своемъ мѣстѣ, и продолжалъ ихъ дѣлать въ Туринѣ, раздробивъ значительную часть своихъ силъ для овладѣнія краемъ и очищенія его до Альповъ. И хотя главная тому причина заключалась въ недостаткѣ свѣдѣній о Моро, но и въ этой скудости извѣстій Суворовъ не совсѣмъ правъ: въ его распоряженіи находилось гораздо больше войскъ, чѣмъ у Французовъ, особенно легкой конницы для развѣдочной службы; союзники владѣли всѣмъ краемъ вокругъ Моро и должны были имѣть о немъ вѣрныя свѣдѣнія гораздо скорѣе и легче, чѣмъ Моро о союзникахъ. Но и это замѣчаніе вѣрно не безусловно. Нѣкоторые внимательные участники Итальянской кампаніи замѣтили, что французская партія была сильна въ западной части сѣверной Италіи, и это обстоятельство должно было сильно затруднять циркуляцію вѣрныхъ о Французахъ извѣстій [13]). Торжественныя встрѣчи Суворова, а также народныя возстанія въ разныхъ мѣстахъ, не есть опроверженіе. Французскіе сторонники на итальянской территоріи очень уменьшились въ числѣ, но самые упорные и энергическіе только присмирѣли, стушевались и стали дѣйствовать втайнѣ. А подобные непримиримые и составляютъ дѣйствительную силу всякой партіи. Въ эту кампанію происходили безпрестанно такіе сюрпризы и неожиданности, что ихъ только и можно объяснить глубокимъ раздѣленіемъ Итальянцевъ на двѣ ничѣмъ не согласимыя политическія фракціи.

Вообще описываемый періодъ Итальянской кампаніи сложился подъ дѣйствіемъ многихъ причинъ, и приписывать все худое Суворову невозможно, при условіи соблюденія хоть тѣни безпристрастія. Развѣ все, начиная съ безусловныхъ вѣнскихъ инструкцій и кончая свойствами австрійскаго интендантства, не создавало русскому полководцу очарованнаго круга, изъ котораго онъ не могъ вырваться? Въ этомъ и заключается основная суть дѣла. Но чтобы исчерпать предметъ до конца, остается разсмотрѣть еще одно обстоятельство, которое потомъ было вы-

двинуто Австрійцами въ видѣ обвиненія Суворова и Русскихъ, именно грабительство войскъ.

Нельзя отрицать, что русскія войска, десятки лѣтъ воспитывавшіяся въ борьбѣ преимущественно съ Турками и Татарами, отличались извѣстною долею распущенности, тѣмъ болѣе, что обычай узаконилъ въ нихъ понятіе о правѣ на добычу. Но въ Италіи и обстановка войны, и присмотръ за войсками были уже не тѣ, что въ Турціи или Польшѣ. Бывали случаи грабительства, и въ началѣ быть можетъ не рѣдкіе, но это были случаи, а не система. При движеніи отъ Адды къ Милану, Суворовъ замѣтилъ нѣсколько русскихъ солдатъ на отлетѣ, велѣлъ ихъ схватить и тутъ же, на походѣ, прогнать сквозь строй [3]). Затѣмъ, послѣ выступленія изъ Милана, при устройствѣ переправы черезъ По, австрійскій понтонерный офицеръ донесъ о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ Русскими мѣстнымъ жителямъ и, какъ видно, жалоба эта была не первая. Суворовъ велѣлъ сообщить Розенбергу, чтобы грабежи солдатъ непремѣнно были прекращены; приказалъ разъискать, кто ограбилъ подателя жалобы и найденнаго наказать, а полковому командиру заплатить обиженному, что причитается. Но жалобы продолжались, и потому спустя нѣсколько дней былъ отданъ приказъ. Объявлялось, что за всѣ подобные безпорядки отвѣчаетъ генералъ-гевальдигеръ, который долженъ имѣть своихъ помощниковъ въ хвостѣ каждой колонны, при взводѣ драгунъ и десяткѣ казаковъ. «Судъ короткій», говорится въ приказѣ: «старшій въ полку или въ батальонѣ прикажетъ обиженному все сполна возвратить, а ежели чего не достаетъ, то заплатить обиженному на мѣстѣ изъ своего кармана; мародера—шпицрутенами по силѣ его преступленія, тѣмъ больше, ежели обиженнаго на лицо не будетъ». Суворовъ обращается и прямо къ Розенбергу: «Андрей Григорьевичъ, Бога ради учредите лучшій порядокъ; безчеловѣчіе и общій вредъ впредь падаютъ на особу вашего высокопревосходительства».

Кажется это увѣщаніе, вмѣстѣ съ предписанными мѣрами, въ извѣстной степени подѣйствовало. Разумѣется отдѣльные случаи продолжали проскакивать, но это зло неизбѣжное всегда и всюду. Возводить ихъ въ систему и на нихъ строить характе-

ристику арміи—пріемъ несправедливый и менѣе всего приличествующій Австрійцамъ, которые имѣютъ въ этомъ отношеніи собственный опытъ и дурную славу, распространенную въ западной Европѣ о Хорватахъ. Да и поводы къ самовольству и мародерству со стороны русскихъ солдатъ создавались Австрійцами же, т.-е. нераспорядительностью и неисправностью ихъ провіянтскихъ чиновъ и учрежденій. Багратіонъ, узнавъ однажды о прибытіи транспорта съ печенымъ хлѣбомъ для другихъ войскъ, удержалъ его для своего отряда, потому что уже третій день нуждался въ провіянтѣ. Казачій полковникъ Поздѣевъ доносилъ, что его полкъ третій день не получаетъ провіянта и фуража и что хотя онъ посылалъ съ требованіемъ въ магазинъ, но австрійскій генералъ Цопфъ не приказалъ выдавать. Подобныя жалобы заявлялись русскими начальниками часто, и русскій оберъ-провіантмейстеръ-лейтенантъ Крокъ рапортомъ подкрѣпляетъ ихъ справедливость. Какъ же было, при такихъ порядкахъ, удержать солдатъ отъ желанія—попользоваться чѣмъ нибудь у жителей? Даже въ лучшихъ случаяхъ, когда войска не нуждались въ самомъ необходимомъ, напримѣръ въ хлѣбѣ, имъ приходилось зачастую довольствоваться сухояденіемъ, вмѣсто простой, но сытной и питательной пищи, къ которой они привыкли въ Россіи. И это происходило въ богатой странѣ, полной продовольственныхъ способовъ, которые кололи глаза и раздражали апетитъ. Однажды, на какомъ-то переходѣ, группа солдатъ расположилась на берегу рѣки. Закусывали тѣмъ, что имѣли при себѣ, и смачивали горло водой, хлебая ее деревянными ложками прямо изъ рѣки. Наѣхалъ случайно Суворовъ; «что ребята вы тутъ дѣлаете», спросилъ онъ. «Итальянскій супъ хлебаемъ, ваше сіятельство», отвѣчали солдаты. Суворовъ слѣзъ съ лошади, подсѣлъ къ нимъ, взялъ ложку, похлебалъ воды, очень похвалилъ итальянскій супъ и потомъ сказалъ, что «теперь сытъ, совсѣмъ сытъ». Садясь на лошадь и прощаясь съ солдатами, онъ многозначительно имъ замѣтилъ, что Французы невдалекѣ, что у нихъ пропасть разнаго добра и что надо только до нихъ добраться, а тамъ ужъ не станетъ дѣла за приправой къ супу.

Каковы бы ни были нареканія на Суворова и на его русскія войска, Императоръ Павелъ былъ ими очень доволенъ, и вся Россія тоже. «Честные и вѣрные сыны отечества составляютъ хоръ, воспѣвающій побѣды ваши», писалъ Суворову Ростопчинъ: «а злодѣи ваши и тварь пресмыкающая грызетъ землю и бонтся блеска славы вашей». Государь приказалъ справиться, сколько есть готовыхъ крестовъ св. Анны, чтобы послать тотчасъ же Суворову 500, «въ его волю». Въ началѣ іюня Государь писалъ ему: «въ первый разъ увѣдомили вы насъ объ одной побѣдѣ, въ другой о трехъ, а теперь прислали реестръ взятымъ городамъ и крѣпостямъ. Побѣда предшествуетъ вамъ всемѣстно, и слава сооружаетъ изъ самой Италіи памятникъ вѣчный подвигамъ вашимъ. Освободите ее отъ ига неистовыхъ разорителей, а у меня за сіе воздаяніе для васъ готово. Простите, Богъ съ вами». И точно, въ полтора мѣсяца сѣверная Италія была очищена отъ непріятеля; въ рукахъ Французовъ оставались только крѣпости Мантуа и Кони да цитадели туринская, александрійская и тортонская.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Итальянская кампанія: Треббіа; 1799.

Нерѣшительныя дѣйствія въ Швейцаріи; дипломатическая переписка.—События на югѣ; движеніе Макдональда къ Апенинамъ, а союзниковъ къ Александріи; быстрый поворотъ ихъ на встрѣчу Французамъ.—Распорядительность Суворова; его наставленія и приказъ по арміи.—Упорное дѣло у Санъ-Джіованни; прибытіе Суворова; отступленіе Французовъ за Тидону; распоряженіе на слѣдующій день.—Атака; непослушаніе Меласа; отступленіе непріятеля за Треббію.—Возобновленіе боя на утро; вторичное ослушаніе Меласа; атака Лихтенштейна; бѣгство Французовъ.—Изнеможеніе войскъ; приготовленія къ завтрашней атакѣ; отступленіе непріятеля; бой на Нурѣ.—Упреки критиковъ Суворову; объясненіе.—Дѣло Моро съ Австрійцами у Касино-Гроссо.—Слабое преслѣдованіе Макдональда; сдача туринской цитадели.

Май близился къ исходу; съ новымъ мѣсяцемъ нарождались новыя, крупныя военныя событія. Но прежде, чѣмъ приступить къ ихъ описанію, необходимо окинуть бѣглымъ взглядомъ все, что произошло въ другихъ мѣстахъ, и подвести итоги.

Находясь въ Туринѣ, Суворовъ, согласно смысла вѣнскихъ предписаній, рѣшился начать осаду туринской цитадели, но немедленно приступить къ этому дѣлу ему не удалось: помѣшали непрерывные проливные дожди и потребовалось подвезти изъ Милана осадныя орудія. Была осадная артиллерія и въ Туринѣ, но въ недостаточномъ числѣ; Суворовъ же держался въ Италіи правила — приступать къ осадѣ крѣпостей не иначе, какъ съ весьма сильной артиллеріей, подавляя крѣпости артиллерійскимъ огнемъ, дабы сократить время осады. Сдѣланы были распоря-

женія и въ другихъ частяхъ театра войны, соотвѣтствующія новымъ обстоятельствамъ: выдвинуты небольшіе отряды для наблюденія за горными альпійскими проходами со стороны Савоіи и Дофинэ, заняты Пиньероль и Суза, Вукасовичу приказано двинуться къ Апеннинамъ; Швейковскій, Секендорфъ и Альканни направлены тоже въ горы долинами Бормиды, Орбы и Скривіи. Эти послѣднія распоряженія остались однако, какъ увидимъ ниже, не исполненными, по измѣнившимся внезапно обстоятельствамъ.

Армія эрцъ-герцога Карла, почти ничего не сдѣлавшая въ апрѣлѣ, немногимъ больше сдѣлала и въ маѣ. Назначенный состоять при эрцъ-герцогѣ въ качествѣ довѣреннаго лица отъ Русскаго Императора, генералъ-адъютантъ графъ Толстой, доносилъ, что Австрійцы, за сырою погодою, расположены по кантониръ-квартирамъ и что эрцъ-герцогъ не имѣетъ права рѣшительно ничего предпринимать, безъ предварительнаго согласія гофкригсрата. Уступая однако совѣтамъ Толстого, въ началѣ мая австрійскій полководецъ предпринялъ наступательное движеніе для изгнанія Французовъ изъ Граубинденa. Графъ Бельгардъ двинулся въ Граубинденъ изъ Энгадина, генералъ Готце изъ Форарльберга, эрцъ-герцогъ же ограничился на первое время демонстраціями. Когда, при огромномъ перевѣсѣ австрійскихъ силъ, Граубинденъ былъ занятъ, эрцъ-герцогъ вступилъ въ Швейцарію, впрочемъ чрезвычайно медленно и нерѣшительно. Обѣ части его арміи теперь соединились, но отъ этого энергіи въ ея дѣйствіяхъ не прибавилось. Произошло сраженіе; обѣ стороны понесли огромныя потери, особенно Австрійцы, при результатѣ неопредѣленномъ; спустя сутки Французы однако отступили, и Австрійцы заняли Цюрихъ. Затѣмъ, несмотря на свое численное превосходство, ни на пріобрѣтенную съ Цюрихомъ выгодную стратегическую позицію, они снова остановились и расположились по квартирамъ.

Это было въ концѣ мая; въ первыхъ же его числахъ Бельгардъ, войдя какъ было сказано въ Граубинденъ, сталъ ожидать приказаній отъ Суворова, подъ начальство котораго онъ долженъ былъ поступить по заранѣе утвержденному плану. Получивъ

это приказаніе, онъ долженъ былъ отдѣлить часть своихъ силъ для готовившейся атаки С.-Готара и съ остальными направился къ озеру Комо. Нападеніе произведено успѣшно, Суворовъ отдалъ благодарность командовавшему генералу Гадику за преимущественное употребленіе холоднаго оружія и при этомъ объявилъ по арміи, чтобы войска поступали всегда такимъ же образомъ: «пѣхота, не занимаясь слишкомъ много перестрѣлкою, должна бросаться на непріятеля въ штыки, а конница съ саблями врѣзываться въ ряды пѣхоты и кавалеріи». Суворовъ поторопился благодарить Гадика; съ послѣдовавшимъ затѣмъ наступательнымъ движеніемъ Французовъ съ двухъ сторонъ, генералъ этотъ совсѣмъ потерялъ голову и только случайно вышелъ изъ опаснаго положенія. Суворовъ ободрилъ его письмомъ и поощрялъ къ дальнѣйшимъ наступательнымъ дѣйствіямъ, но Гадикъ не трогался съ С.-Готара. Суворовъ разсердился и сдѣлалъ ему саркастически-рѣзкое замѣчаніе. «Вы побѣдили и остановились», писалъ онъ: «забились въ унтеркунфтъ и принимаетесь за нихтбештимзагерство». Объясняя далѣе, что надлежало преслѣдовать непріятеля и атаковать его съ тыла, Суворовъ говоритъ: «хотя непріятеля можно отрѣзывать лишь съ превосходными силами, иначе будешь самъ имъ отрѣзанъ, но другое дѣло атаковать съ тыла; тогда и съ малымъ отрядомъ можно его отрѣзать и принудить къ сдачѣ».

Однако, несмотря на бездѣйствіе Гадика, Французы сами отступили, и Австрійцы заняли большую часть малыхъ кантоновъ. Но они не воспользовались этимъ, и главная армія эрцъ-герцога Карла оставалась въ полномъ бездѣйствіи. Причиной тому были отчасти военныя соображенія Вѣнскаго кабинета, преимущественно же политическія и между ними главное — желаніе завладѣть Баваріей. Императоръ Павелъ, раздраженный конфискаціею въ Баваріи имѣній Мальтійскаго ордена, чуть было не попалъ на удочку австрійской политики; но поспѣшность, съ которою Баварскій курфюрстъ обѣщалъ исправить свою ошибку, остановила Русскаго Императора отъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Баваріи. Вѣнскій кабинетъ все дожидался, когда русскій корпусъ Римскаго-Корсакова (бывшій Нумсена), находив-

шійся въ пути, подойдетъ, обезоружитъ баварскія войска и передастъ Баварію управленію австрійскаго комиссара; а для замаскированія этой дѣйствительной причины, приводилась вымышленная,—будто русскій корпусъ необходимъ для подкрѣпленія праваго фланга Австрійцевъ. Вообще какъ на этотъ, такъ и на другой русскій корпусъ, Ребиндера, Вѣнскій кабинетъ возлагалъ большія надежды, но подъ вліяніемъ обстоятельствъ безпрестанно измѣнялъ свои предположенія на счетъ мѣста употребленія русскихъ вспомогательныхъ войскъ и обращался къ Павлу I съ просьбами, одна другой противорѣчащими. Все лѣто прошло въ дипломатической перепискѣ и переговорахъ о планѣ дѣйствій, въ ущербъ самимъ дѣйствіямъ. Императоръ Павелъ былъ наконецъ выведенъ изъ терпѣнія, и окончательное рѣшеніе его послѣдовало въ томъ смыслѣ, что Корсаковъ пойдетъ въ Швейцарію, а Ребиндеръ въ сѣверную Италію. Такъ и состоялось, но отношенія между двумя императорскими дворами сдѣлались холоднѣе.

Иначе впрочемъ и не могло быть при несогласныхъ цѣляхъ, къ которымъ стремились оба правительства. Русскій Государь поднялъ оружіе ради идеи, Австрійскій—съ затаенными эгоистическими намѣреніями. По мѣрѣ успѣховъ Суворова, алчность Вѣнскаго двора увеличивалась, апетитъ разгорался, и взоры стали обращаться нетолько на сосѣдніе Піемонтъ или Баварію, но и на южную Италію, такъ что даже въ дальнемъ Неаполѣ высказывалось различіе между русской и австрійской политикой.

Тамъ, въ недавно родившейся республикѣ Парѳенопейской, кипѣла кровопролитная война. Какъ и всюду въ Италіи, населеніе бывшаго Неаполитанскаго королевства распалось на двѣ партіи; но контрибуціи, несправедливые налоги, злоупотребленія и насилія Французовъ скоро уменьшили число сторонниковъ республиканскаго режима. Спокойствіе поддерживалось временно присутствіемъ французскихъ войскъ, но несмотря не это, возмущенія, мѣстами и не прекращавшіяся, скоро распространились и перешли въ общее возстаніе. Загорѣлась народная междуусобная война, полная совершеннѣйшаго варварства; подъ покровомъ патріотизма и политическихъ принциповъ происходили ежечасно и повсемѣстно звѣрства, неистовства и ужасы, отъ которыхъ стынетъ

кровь. Уполномоченный Неаполитанскаго короля, кардиналъ Руффо, прибывшій съ острова Сициліи для руководительства инсурекціей и для главнаго предводительства возставшимъ народомъ, объединилъ разрозненныя усилія инсургентовъ и сталъ постепенно подвигаться впередъ, занимая одну область за другою; но безпощадный, дикій характеръ войны все таки не измѣнился.

Король Фердинандъ, оставленный союзнымъ и родственнымъ дворомъ Вѣнскимъ, всю надежду свою возлагалъ на Русскаго Императора. Павелъ I повелѣлъ Суворову войти въ прямыя сношенія съ Неаполитанскимъ дворомъ и приказалъ обратить особенное вниманіе на возстановленіе въ Неаполѣ королевской власти. Въ томъ же смыслѣ даны были инструкціи адмиралу Ушакову, который начальствовалъ русско-турецкимъ флотомъ въ Средиземномъ морѣ. Ушаковъ, занятый на Іоническихъ островахъ заготовленіемъ продовольствія для своей эскадры и починкою кораблей, могъ только въ половинѣ апрѣля отрядить небольшую эскадру подъ начальствомъ Сорокина. Появленіе этой эскадры у неаполитанскихъ береговъ произвело страшное смятеніе между республиканцами и сильно подвинуло впередъ дѣло короля и роялистовъ. Но еще болѣе рѣшающимъ оказалось русское военное вмѣшательство, когда Сорокинъ въ началѣ мая послалъ внутрь королевства отрядъ изъ 400 солдатъ и матросовъ съ 4 пушками, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Белле, впослѣдствіи усиленный еще сотнею людей и 6 орудіями. Белле соединился съ Руффо, по его просьбѣ сталъ устраивать и обучать безпорядочныя толпы народной рати и потомъ, въ самыхъ послѣднихъ числахъ мая, рѣшился двинуться вмѣстѣ съ бандами Руффо къ Неаполю, для нанесенія окончательнаго удара Парѳенопейской республикѣ.

Командовавшій французскими войсками въ южной Италіи генералъ Макдональдъ, по вѣстямъ о первыхъ успѣхахъ Суворова обязанъ былъ двинуться къ сѣверу на выручку своихъ, однако запоздалъ поневолѣ, потому что требовалось время на сосредоточеніе войскъ, заготовленіе продовольствія, обезпеченіе всѣмъ нужнымъ укрѣпленныхъ пунктовъ и т. п. Какъ только

началось сосредоточиваніе войскъ и едва Французы покидали какую-нибудь часть края, тамъ тотчасъ вспыхивала инсурекція. Съ неимовѣрными усиліями успѣлъ Макдональдъ устроить свое выступленіе изъ Казерты 26 апрѣля и съ величайшими затрудненіями шелъ къ сѣверу, присоединяя къ себѣ по пути всѣ французскія войска, какія только можно было взять. Окруженныя инсургентами колонны Макдональда слѣдовали по странѣ опустошенной, терпѣли крайній недостатокъ въ продовольствіи, ежедневно отражали дерзкія нападенія бандъ и только къ 14 мая прибыли во Флоренцію, а затѣмъ 18 числа въ Лукку, гдѣ заняли позицію и оставались на ней до 29 мая, устраиваясь послѣ долгаго и труднаго пути.

Такимъ образомъ двѣ французскія арміи, силою до 55,000 человѣкъ, кромѣ гарнизоновъ, собрались на южномъ склонѣ Апенниновъ. Союзная армія превосходила обѣ французскія почти вдвое, но въ главномъ, дѣйствующемъ корпусѣ не насчитывалось и трети,—до такой крайней степени доходило раздробленіе союзныхъ силъ для прикрытія завоеваннаго края, осады крѣпостей и для охраненія сѣверной Италіи, окруженной съ трехъ сторонъ непріятелемъ. Это невыгодное расположеніе, порожденное главнымъ образомъ вѣнскими инструкціями, которыхъ Суворовъ принужденъ былъ держаться мѣстами по духу, а мѣстами и по буквѣ,—не мѣшало однакоже Австрійскому императору быть недовольну, какъ будто такой ненормальный порядокъ происходилъ всецѣло отъ доброй воли самого главнокомандующаго. Такъ наприм. Тугутъ находилъ, что Суворовъ могъ бы не тратить времени на осаду туринской цитадели, для чего требовался отдѣльный корпусъ, а просто взять ее штурмомъ,—обстоятельство въ высокой степени комичное, доказывающее до какой степени велико было Тугутово самомнѣніе. Тѣмъ не менѣе существовавшее раздробленіе силъ, безопасное въ виду однихъ остатковъ арміи Моро, могло обойтись союзникамъ дорого, если бы Макдональдъ не задержался въ Тосканѣ, а продолжалъ энергически наступать къ По; тогда передовые корпуса австрійскіе были бы несомнѣнно раздавлены, и Макдональдъ дошелъ бы до Тортоны прежде встрѣчи съ главными силами.

Суворовъ не могъ этого не понимать и потому принимать заботливыя мѣры къ обезпеченію своего тыла отъ непріятельскихъ покушеній, обративъ особенное вниманіе на піаченцкую цитадель, что потомъ и оправдалось, какъ мѣра проницательная и въ высшей степени благоразумная. Самъ же онъ, какъ мы видѣли, рѣшился преслѣдовать Французовъ въ Генуэзскую Ривіеру и отдалъ уже всѣ по этому приказанія, какъ вновь полученныя извѣстія заставили его опять измѣнить планъ. По слухамъ, показаніямъ, даже перехваченнымъ письмамъ выходило, что Макдональдъ моремъ переѣзжаетъ въ Ривьеру и что Моро получилъ значительныя подкрѣпленія, ожидая новыхъ чрезъ Бріансонъ. Присутствіе многочисленнаго французскаго флота въ генуэзской гавани еще болѣе усиливало достовѣрность извѣстій. Суворовъ пришелъ къ заключенію, что вѣроятнѣе всего слѣдуетъ ожидать наступленія непріятеля къ сторонѣ Турина и потому расположилъ части своей арміи такъ, чтобы можно было въ два-три дня сосредоточить къ угрожаемому пункту до 30.000 человѣкъ. Нѣсколько дней онъ выжидалъ въ Туринѣ, чтобы намѣренія противника обнаружились, но получаемыя свѣдѣнія, хотя неясныя и противорѣчивыя, не подкрѣпляли его предположенія; поэтому отъ пришелъ къ заключенію, что ошибался и что наступательныя дѣйствія Французовъ будутъ направлены скорѣе къ Александріи и Тортонѣ, слѣдовательно надобно сосредоточиться къ Александріи.

Исполненіе послѣдовало за рѣшеніемъ, не теряя времени. Самъ Суворовъ отправился изъ Турина 20 мая; къ Александріи потянулось все, что только можно было тронуть съ мѣста, и даже Краю приказано было идти туда же съ частью своихъ войскъ, преимущественно съ кавалеріей. Не ограничиваясь этими общими мѣрами, Суворовъ, въ виду важности приближающагося момента, выказалъ особенную заботливость и по частностямъ. Генералу Кейму онъ далъ наставленіе, какъ продолжать осаду туринской цитадели и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить себя отъ непріятеля, который показался бы со стороны Савоіи и Дофинэ; указалъ—гдѣ слѣдуетъ построить и возобновить укрѣпленія, сколько заготовить запасовъ для войскъ и для жителей и

проч. Бельгарду, который шелъ къ Александріи, приказано устроить мосты на рѣкахъ Бормидѣ и Танаро, чтобы армія могла свободно маневрировать; указано на Валенцу какъ на главный опорный и складочный пунктъ; велѣно укрѣпить ее. Кромѣ того послано приказаніе производить работы по прикрытію переправы у Мецано-Корти, также предмѣстій крѣпостей; приводить въ оборонительное положеніе Павію, Піаченцу и другіе пункты; ускорить развозку изъ туринскаго арсенала орудій, снарядовъ, пороха.

Эта распорядительность Суворова, показывающая, что его нельзя упрекнуть, вопреки мнѣнію многихъ, въ недостаткѣ предусмотрительности и осторожности, шла и вширь, и вглубь. Багратіону онъ пишетъ, что войска Бельгарда придутъ подъ Александрію изъ Тироля «не обученныя, чуждыя дѣйствія штыка и сабли», а потому «ваше сіятельство, какъ прибудете къ Асти, повидайтесь со мною и отправьтесь не медля къ Александріи, гдѣ вы таинство побіенія непріятеля холоднымъ ружьемъ Бельгардовымъ войскамъ откроете и ихъ къ сей побѣдительной атакѣ прилежно направите. Для обученія всѣхъ частей довольно двухъ и трехъ разъ, а коли время будетъ, могутъ больше сами учиться. А отъ ретирадъ отъучите. Наблюдите сіе крѣпко и надъ россійскими». Бельгарду, человѣку новому, Суворовъ начинаетъ предписаніе словами, что «дѣятельность есть важнѣйшее изъ всѣхъ достоинствъ воинскихъ»; почему, въ виду принятаго плана операцій, надлежитъ спѣшить, какъ только возможно, походомъ къ Александріи. Имѣя въ виду нераспорядительность австрійскаго интендантства, Суворовъ говоритъ дальше: «чтобы подкрѣплять войска, можете вы безденежно брать у обывателей вино и мясо. Идти имъ тѣмъ порядкомъ, какой у меня давно заведенъ, а именно: кашевары съ мясомъ и котлами во вьюкахъ выступаютъ въ 12 часовъ ночи впередъ, на 2 мили (у меня весь суточный переходъ отъ 4 до 5 миль); кашевары располагаются и варятъ. Войска поднимаются въ 3 часа ночи, идутъ милю, отдыхаютъ одинъ часъ, потомъ опять подымаются и идутъ милю, съ часъ отдыхаютъ, идутъ опять одну милю и приходятъ къ своимъ котламъ; кушанье готово, вино тамъ, ни

одного усталаго! Поѣвъ, отдыхаютъ до 4 часовъ по полудни, потомъ опять поднимаются и идутъ одну милю, такъ что въ 9 часовъ вечера приходятъ въ лагерь. Всѣ вьючныя лошади съ палатками были уже отправлены напередъ въ полдень; палатки поставлены, солдатъ подоспѣлъ и ложится отдыхать до 3 часовъ слѣдующаго утра, а тамъ снова походъ». Предписаніе оканчивается такъ: «спѣшите, ваше сіятельство, деньги дороги, жизнь человѣческая еще дороже, а время дороже всего».

Мая 30 войска двинулись съ разныхъ сторонъ къ Александріи, и 1 іюня тамъ уже сосредоточилось до 34,000 человѣкъ. Русскія войска, выступившія изъ Турина, сдѣлали въ сутки 50 верстъ по дорогамъ, совершенно испорченнымъ отъ проливныхъ дождей; имъ удалось это исполнить только благодаря тому, что колонну сопровождалъ лишь самый необходимый, легкій обозъ. Суворовъ объявилъ имъ благодарность въ приказѣ по арміи. Но такъ какъ ожидалось къ Александріи еще до 15000 человѣкъ, то австрійское провіянтское управленіе, привыкшее распоряжаться по заблаговременно составленнымъ маршрутамъ и не допускавшее въ свою программу внезапности, объявило невозможнымъ продовольствовать такую массу войскъ. Пришлось 2 іюня вечеромъ отсылать русскія войска опять назадъ къ Асти; но 3 іюня раннимъ утромъ, собираясь выступить съ ночлега на полупути дальше, Розенбергъ получилъ отъ Суворова новый приказъ,—идти опять на соединеніе съ нимъ, потому что получены новыя вѣсти и «Французы, какъ пчелы, почти изъ всѣхъ мѣстъ роятся къ Мантуѣ».

Вечеромъ 2 числа оказалось, что всѣ прежнія донесенія о Французахъ ложны. Макдональдъ вовсе не предполагалъ плыть моремъ къ Генуѣ, Моро не получалъ никакихъ подкрѣпленій (кромѣ одного батальона), ожидаемое наступленіе его къ Александріи и Тортонѣ было пустымъ слухомъ. Замѣтивъ излишнюю внимательность Суворова къ молвѣ и вѣстямъ, Моро воспользовался его слабой стороной и самъ распустилъ всѣ эти слухи, подкрѣпивъ ихъ разными передвиженіями войскъ, нападеніями на аванпосты союзниковъ и т.

под. Суворовъ попался въ ловушку и сначала не повѣрилъ доносившимся до него смутнымъ вѣстямъ о движеніи Макдональда впередъ, къ Моденѣ и Реджіо. А между тѣмъ это было вѣрно, въ чемъ Суворовъ убѣдился 2 числа вечеромъ, получивъ официальное донесеніе, что графъ Гогенцолернъ атакованъ 1 числа со своимъ передовымъ отрядомъ при Моденѣ большими силами и отброшенъ къ Мантуѣ.

Суворовъ пришелъ теперь окончательно къ сознанію слишкомъ большой своей довѣрчивости, что и изложилъ въ довольно большой замѣткѣ, ни для кого не предназначенной. Онъ пишетъ, что новости смѣняются одна другою ежеминутно; что шпіоны большею частію двойные шпіоны, т.-е. служатъ обѣимъ сторонамъ; что во всякомъ случаѣ они не станутъ много рисковать изъ за полученія вѣрныхъ свѣдѣній, а издали не въ состояніи судить о положеніи дѣлъ въ арміи. «Надо дѣйствовать по указаніямъ своего собственнаго разума», говоритъ онъ: «если не хочешь впасть въ сомнамбулизмъ».

Положеніе дѣлъ обрисовалось нельзя сказать, чтобы въ хорошемъ для союзниковъ смыслѣ, такъ какъ Макдональдъ могъ напасть на Края, освободить Мантуу, разбить нѣсколько разбросанныхъ корпусовъ и вообще надѣлать большихъ бѣдъ, будучи допущенъ слишкомъ близко. Но Суворовъ былъ не изъ такихъ, которые отъ неожиданности теряютъ голову и дѣлаются пассивными. Онъ даже усмотрѣлъ въ новомъ обстоятельствѣ больше добра, чѣмъ худа, потому что непріятель пересталъ быть неуловимымъ, сдѣлался осязательнымъ, и предстояла возможность съ нимъ встрѣтиться, т.-е. его разбить. И дѣйствительно, было бы гораздо хуже, если бы Суворовъ находился еще въ Туринѣ; не даромъ же онъ добивался занять центральную позицію между двумя французскими арміями. Теперь слѣдовало только торопиться, чтобы отпарировать опасность болѣе близкую и крупную, т.-е. Макдональда, а потомъ обратиться противъ Моро.

Суворовъ не потерялъ ни одного часа, хотя предшествовавшій планъ его еще не былъ вполнѣ исполненъ, подъ Алек-

сандріей успѣли сосредоточиться не всѣ назначенныя туда войска, и такимъ образомъ ему приходилось выставить противъ Французовъ силы меньшія, чѣмъ предполагалось. Приказавъ войскамъ двигаться съ наибольшимъ спѣхомъ къ сторонѣ Макдональда, Суворовъ велѣлъ Отту съ его дивизіей держаться между Пармой и Піаченцой; Краю — все, что можетъ быть отдѣлено отъ блокаднаго корпуса, послать на усиленіе главной арміи и другихъ отрядовъ; Бельгарду — прикрывать осаду александрійской цитадели и наблюдать за непріятелемъ въ Генуэзской Ривіерѣ. Объявлены и многія другія распоряженія, соотвѣтственныя случаю; сдѣлано сношеніе съ эрцъ-герцогомъ Карломъ; написано Кейму въ Туринъ—спѣшить осадою цитадели, «чтобы я не прежде васъ пропѣлъ Тебе Бога хвалимъ». Сверхъ всего дано наставленіе войскамъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать (см. Приложеніе X, Г), и взаключеніе объявленъ приказъ, для возбужденія энергіи въ дѣйствіяхъ и милосердія къ безоружнымъ и плѣннымъ. Въ приказѣ помѣщены слова, которыя солдаты должны заучить и употреблять въ предстоящемъ бою, въ родѣ *балезармъ, жетелезармъ* и проч.; внушалось, что непріятелей немного и то всякій сбродъ. Вообще Суворовъ, совершенно увѣренный въ побѣдѣ, хотѣлъ и въ войска перелить эту увѣренность, какъ лучшій залогъ успѣха, и конечно въ такомъ разсчетѣ началъ свой приказъ словами: «непріятельскую армію взять въ полонъ».

Всѣ его распоряженія были превосходны и въ высокой степени цѣлесообразны, но въ исполненіи нельзя было не наткнуться на препятствія. Главное затрудненіе заключалось въ устройствѣ переправъ, и даже приходилось измѣнять маршруты, чтобы избѣгнуть наводки новыхъ мостовъ. Напримѣръ войска, несмотря на палящій зной, сдѣлали переходъ въ 45 верстъ, а передъ тѣмъ потеряли цѣлые сутки изъ-за неготоваго моста. Спѣшить же надо было во что бы то ни стало; къ вечеру 31 мая Макдональдъ уже спустился съ Апенниновъ и расположился на позиціи отъ Болоньи до Вецпано. На слѣдующій день былъ имъ атакованъ передовой австрійскій отрядъ Гогенцолерна и понесъ сильное пораженіе, потерявъ свыше

1,500 плѣнныхъ, 3 знамени и 8 орудій, причемъ былъ раненъ самъ Макдональдъ. Край забилъ тревогу, и было впрочемъ изъ-за чего. Макдональдъ продолжалъ наступленіе, и 5 іюня дивизія Отта имѣла съ нимъ жаркое дѣло у Піаченцы; Оттъ принужденъ былъ отступить и расположиться у С.-Джіовани.

Узнавъ объ этомъ, Суворовъ приказалъ Меласу тотчасъ же идти впередъ на помощь Отту съ частью войскъ, а вслѣдъ затѣмъ, до разсвѣта, выступила 6 іюня и вся армія. Дойдя до Страделлы, войска расположились было въ 10 часовъ утра отдохнуть, но отъ Отта пришли новыя вѣсти: требовалась немедленная подмога. Слабый отрядъ его былъ въ критическомъ положеніи передъ несоразмѣрнымъ по численности непріятелемъ, который рѣшился уничтожить Австрійцевъ прежде, чѣмъ подойдетъ подмога. Суворовъ поскакалъ туда самъ, захвативъ изъ авангарда казачьи полки и взявъ съ собой Багратіона, который на это время сдалъ начальство надъ оставшимися войсками авангарда великому князю Константину Павловичу. Войскамъ приказано идти какъ можно скорѣе, напрягая послѣднія усилія, и въ томъ же смыслѣ прислано съ дороги нѣсколько подтвержденій.

Непріятель успѣлъ перейти чрезъ р. Тидону; войска Отта въ крайнемъ разстройствѣ отступали къ С.-Джіовани, какъ подоспѣлъ съ передовыми войсками Меласъ. Оттъ остановился и, пользуясь пересѣченною мѣстностью, сталъ успѣшно отбивать атаки. Но въ 3 часа дня Французы удвоили усилія, повели энергическую атаку съ фронта и послали въ обходъ праваго фланга Австрійцевъ Домбровскаго съ Поляками. Австрійская батарея изъ 8 орудій была захвачена, и надъ головами Меласа и Отта собирался послѣдній, неотразимый ударъ. Но въ этотъ рѣшительный моментъ показалось въ тылу густое облако пыли, и на полѣ сраженія явился Суворовъ съ 4 казачьими полками. Онъ поспѣлъ какъ разъ во время; нѣсколько дней спустя, Меласъ со слезами на глазахъ говорилъ Милорадовичу, что спасеніемъ своимъ обязанъ быстрому прибытію Русскихъ [1]). Собственно и не Русскихъ, а Суворова; Русскихъ прибыло такъ мало, что на сторонѣ Французовъ все-таки оставался большой

численный перевѣсъ, но эта разница пополнилась присутствіемъ Суворова.

Явился въ немъ геній войны, прилетѣлъ духъ побѣды. Вскакавъ на возвышеніе, онъ окинулъ долгимъ, внимательнымъ взглядомъ поле сраженія. Именно въ подобные моменты, когда дѣло касалось его неподражаемаго глазомѣра, онъ бывалъ истинно великъ. Два казачьи полка, не успѣвъ перевести духъ, полетѣли вправо, во флангъ Домбровскому, а противъ фронта его посланы драгуны; другіе два казачьи полка понеслись подъ начальствомъ Суворовскаго племянника, Горчакова, грозить правому флангу Французовъ. Войска Макдональда увидѣли казаковъ впервые, и не по пустому: наступленіе Французовъ задержалось, а Поляки приведены были въ совершенное замѣшательство. Успѣхъ конечно былъ минутный, но въ подобныхъ случаяхъ каждая минута и дорога. Показалась на дорогѣ голова русскаго авангарда. Исполняя приказаніе Суворова, великій князь не медлилъ; подъ палящимъ зноемъ пѣхота не шла, а бѣжала; колонна растянулась Богъ знаетъ какъ далеко; люди выбились изъ силъ, падали рядами и многіе изъ упавшихъ уже не вставали [2]). Но остальные продолжали идти на выстрѣлы, и скоро голова колонны подошла къ полю сраженія. То были храбрые изъ храбрыхъ; люди, не столько крѣпкіе тѣломъ, сколько могучіе духомъ; на нихъ-то всегда Суворовъ и разсчитывалъ, поставляя правиломъ, что «голова хвоста не ждетъ».

Войска подходили и выстраивались противъ фланговъ непріятеля, но полки и батальоны были очень слабы. Князю Горчакову назначено ударить въ правое крыло, Отту атаковать центръ, Багратіону лѣвый флангъ, — всѣмъ одновременно, не теряя времени на перестрѣлку. Багратіонъ подошелъ къ Суворову и вполголоса просилъ дозволенія—повременить, пока прибудетъ хоть часть отставшихъ, потому что роты не насчитываютъ и по 40 человѣкъ на лицо. Суворовъ отвѣчалъ ему на ухо: «а у Макдональда пѣтъ и по 20; атакуй съ Богомъ» [3]). Вся линія ударила дружно, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, Русскіе съ пѣснями. Мѣстность была чрезвычайно пересѣченная, что усиливало губительность огня Французовъ, которые

однакоже не ограничивались пальбою, а безпрестанно переходили къ штыковымъ атакамъ. Очень упорно они держались, но Суворовъ разъѣзжалъ по фронту и все повторялъ: «впередъ, впередъ, коли!» Союзники двигались не равномѣрно; успѣвалъ больше другихъ Багратіонъ. Онъ валилъ на Домбровскаго съ фронта, казаки налетали съ фланга и тыла, врывались въ каре, кололи, рубили, производя атаки одну за другою. Нѣсколько польскихъ батальоновъ были совершенно разсѣяны, подошедшая на помощь французская полубригада сбита, лѣвое крыло непріятельское опрокинуто за р. Тидону. Правое крыло изъ войскъ Виктора и Сальма держалось, но отступленіе Домбровскаго заставило и его ретироваться, чтобы не быть отрѣзаннымъ. Въ это время кавалерія Багратіона, прогнавъ Поляковъ, ринулась вдоль позиціи и ударила во флангъ отступавшему Виктору. Французы построили каре, но не выдержали стремительнаго нападенія; каре были разорваны, разсѣяны, и Французы съ великимъ трудомъ и потерями собрались по ту сторону Тидоны.

Къ 9 часамъ вечера дѣло было кончено, преслѣдованіе не производилось. Изъ предшествовавшаго изложенія можно понять, до какой степени были утомлены союзники; къ этому надо прибавить, что искрещенная канавами и заборами мѣстность боя еще болѣе увеличивала ихъ усталость; цѣлые эскадроны спѣшивались и вели лошадей въ поводу или вытаскивали ихъ изъ канавъ. Правда, къ концу боя начали подходить войска главной колонны, но они оказались также совершенно измученными большимъ и быстрымъ переходомъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что со всѣми подошедшими подкрѣпленіями, побѣдители имѣли не свыше 14—15,000 человѣкъ, т. е. на 3—4,000 меньше Французовъ. Было и то сдѣлано много: Макдональдъ разсчитывалъ раздавить Отта, а между тѣмъ наткнулся на самого Суворова, котораго полагалъ въ нѣсколькихъ дняхъ разстоянія.

Суворовъ поздравилъ войска съ побѣдой и вмѣстѣ съ великимъ княземъ поѣхалъ на ночлегъ въ С.-Джіовани. Французы отступили къ р. Треббіи, верстъ за 7 отъ Тидоны. Макдональдъ не имѣлъ еще всѣхъ своихъ войскъ подъ рукой: Оливье и Монришаръ находились назади въ разстояніи около перехода; съ

прибытіемъ ихъ Французы усилились бы больше чѣмъ въ полтора раза; сверхъ того Макдональдъ твердо надѣялся на содѣйствіе Моро. По этимъ соображеніямъ, онъ положилъ весь слѣдующій день провести въ выжидательномъ положеніи и атаковать союзниковъ лишь 8 числа. Но это не сходилось съ разсчетомъ Суворова, который рѣшилъ начать наступательныя дѣйствія съ слѣдующаго же утра, хотя подошли еще не всѣ войска. Ночью сдѣланы всѣ нужныя распоряженія; послано приказаніе одному изъ отдѣльныхъ отрядовъ, Чубарова, спѣшить на соединеніе съ арміей; разосланы офицеры собирать на дорогѣ отсталыхъ; велѣно въ тылу, у Парпанезе, устроить чрезъ По мостъ, чтобы ожидаемыя войска Края могли подойти къ арміи. Мостъ этотъ имѣлъ и другое, тайное назначеніе: онъ былъ нуженъ въ случаѣ неуспѣха, такъ какъ отступить по прежнему къ Александріи не представлялось возможнымъ, ибо союзниковъ встрѣтилъ бы Моро, движеніе котораго по слухамъ подготовлялось.

Такимъ образомъ, общій смыслъ своихъ послѣдующихъ дѣйствій Суворовъ основывалъ на сочетаніи отваги съ предусмотрительностью и осторожностью. Для внушенія войскамъ увѣренности въ побѣдѣ, онъ далъ диспозицію съ маршрутами до Нуры, т. е. на 30 верстъ впередъ; разослалъ наставленіе войскамъ, въ которомъ объ отступленіи не было помина, и не приказалъ употреблять команды *стой*. Чтобы одушевить Австрійцевъ, отданы пароль и лозунгъ *Терезія* и *Колинъ*, въ воспоминаніе побѣды при Колинѣ, одержанной Австрійцами въ Семилѣтнюю войну. Общій планъ дѣйствій Суворова вполнѣ отвѣчалъ обстоятельствамъ и заключался въ сосредоточеніи усилій противу лѣваго непріятельскаго фланга; этимъ угрожалось сообщенію Макдональда съ Моро и даже пути отступленія, а при наибольшемъ успѣхѣ союзниковъ, Французы могли быть приперты къ р. По. Суворовъ предписалъ строиться войскамъ въ двѣ линіи, на 300 шаговъ дистанціи, и правый флангъ свой назначилъ выдвинуть уступомъ впередъ, по образцу косвеннаго боевого порядка Фридриха Великаго.

Къ утру 7 іюня подъ ружьемъ состояло до 22,000 чело-

вѣкъ, но войска продолжали подходить цѣлый день; послѣднія пришли вечеромъ. Ихъ вводили въ дѣло по мѣрѣ прибытія, не ожидая общаго сбора [4]). Начало дѣйствій назначено было въ 7 часовъ утра, но по крайнему утомленію войскъ отложено до 10. Войска двинулись 3 колоннами; правая состояла изъ авангарда Багратіона, дивизіи Швейковскаго и двухъ австрійскихъ драгунскихъ полковъ; при ней находились Суворовъ и великій князь. Среднюю колонну составляли русская дивизія Ферстера, казачій и австрійскій драгунскій полки; лѣвую — австрійская дивизія Отта; резервъ—австрійская же дивизія Фрелиха. Начальство надъ двумя первыми колоннами поручено Розенбергу, а надъ третьей и надъ резервомъ — Меласу, хотя резервъ долженъ былъ держаться за средней колонной, чтобы подать помощь гдѣ потребуется. Изъ такого распредѣленія начальствованія, не отвѣчавшаго преобладающей важности праваго фланга, вышла путаница, какъ сейчасъ увидимъ.

Рѣки Тидона, Треббія и Нура текутъ почти паралельно и впадаютъ всѣ въ рѣку По. Изъ нихъ одна Треббія широка (до 1,000 шаговъ), глубину же имѣла небольшую и, подобно двумъ другимъ, была переходима въ бродъ. Но мѣстность была всюду чрезвычайно пересѣченная: канавы, рѣки, плотины, изгороди, виноградники встрѣчались на каждомъ шагу и весьма затрудняли движеніе. Войска тронулись съ мѣста по назначеннымъ направленіямъ бойко, но двигались очень тихо; только во второмъ часу Багратіонъ увидѣлъ непріятеля передъ собой вблизи. Суворовъ велѣлъ авангарду остановиться, оправиться и перевести духъ, такъ какъ солнце жгло безпощадно; вслѣдъ затѣмъ разослалъ въ другія колонны приказаніе—одновременно начинать атаку, и повелъ войска Багратіона впередъ. Дивизія Домбровскаго была атакована совершенно такимъ же образомъ, какъ наканунѣ, но оборонялась еще упорнѣе; это были все самые горячіе патріоты, эмигрировавшіе изъ своего отечества, которые ненавидѣли Суворова и Русскихъ вдвойнѣ. Они дрались отчаянно, въ рукопашныхъ схваткахъ дѣйствовали не только штыками, но и прикладами, и отстаивали каждый шагъ съ замѣчательною храбростью. Но Русскіе все-таки одолѣли;

Домбровскій отступилъ съ большой потерей; одинъ польскій батальонъ, вздумавшій атаковать Русскихъ съ тыла, былъ самъ отрѣзанъ и принужденъ положить оружіе. Французы хотя прислали сильную подмогу, которая могла отрѣзать войска Багратіона и уничтожить ихъ, но соединенными усиліями Швейковскаго и Розенберга она тоже была отбита.

Средняя и лѣвая колонны союзной арміи также имѣли успѣхъ, особенно послѣдняя, такъ какъ Мелассъ, вопреки диспозиціи, удержалъ у себя резервъ Фрелиха, хотя имѣлъ противъ себя слабую французскую бригаду. Благодаря этому обстоятельству, правое крыло было лишено поддержки и, имѣя только 11 батальоновъ, вынесло на себѣ всю тяжесть боя. Да и вся союзная армія могла попасть въ опасное положеніе, еслибы непріятель вздумалъ ее въ центрѣ прорвать, на что имѣлъ полную возможность, съ прибытіемъ въ этотъ день Оливье и Монришара. Такимъ образомъ, хотя союзники на всѣхъ пунктахъ имѣли 7 числа успѣхъ, но Французы, отброшенные за Треббію, все-таки удержались на правомъ ея берегу, благодаря Монришару и Оливье получили вновь значительный перевѣсъ въ силахъ и на будущій день могли располагать частью войскъ свѣжихъ, не вступавшихъ еще въ дѣло.

Спускалась темнота; перестрѣлка, исподоволь стихая, прекратилась; запылали костры по обоимъ берегамъ Треббіи, которая раздѣляла непріятелей; изможженныя усталостью войска готовились отдохнуть и подкрѣпиться. Вдругъ на лѣвомъ флангѣ союзниковъ, т. е. къ сторонѣ р. По, послышались выстрѣлы и перешли въ гулъ горячей пальбы. Три французскіе батальона, безъ приказанія, спустились въ рѣку и направились къ противуположному берегу; Австрійцы ихъ встрѣтили; подоспѣла съ обѣихъ сторонъ конница, и въ широкомъ, но мелкомъ руслѣ рѣки завязался бой, а съ береговъ грохотала артиллерія. Картина этого сухопутнаго боя въ водѣ, при лунномъ свѣтѣ, была очень оригинальна и живописна, но кровопролитіе произошло большое и совершенно безполезное: атаковали и стрѣляли не различая своихъ отъ чужихъ, артиллерія била по комъ попало, и только къ 11 часамъ ночи удалось прекратить эту кровавую

сумятицу. Да еще Розенбергъ, увлекшись въ жару боя, перешелъ Треббію съ нѣсколькими батальонами и, застигнутый тутъ спустившеюся ночью, запутался въ пересѣченной мѣстности. Опасаясь наткнуться на Французовъ, онъ остановился гдѣ былъ (въ тылу непріятельской позиціи, за лѣвымъ флангомъ), построилъ общее каре и далъ людямъ нѣсколько часовъ отдыха, соблюдая тишину. Розенбергъ находился въ положеніи очень опасномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень выгодномъ, еслибы съумѣлъ имъ воспользоваться; однако онъ, не зная мѣстности, видѣлъ только первое, и потому передъ разсвѣтомъ возвратился на лѣвый берегъ Треббіи, притомъ такъ счастливо, что не былъ даже замѣченъ непріятелемъ.

Суворовъ ночевалъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ, въ двухъ верстахъ отъ поля сраженія. Никакихъ перемѣнъ въ диспозиціи на завтрашній день онъ не сдѣлалъ; войска должны были наступать по прежнимъ направленіямъ. Меласу подтверждено отправить къ средней колоннѣ дивизію Фрелиха и прибавить къ этому резерву 10 эскадроновъ кавалеріи. Удивительно, съ какою снисходительностью отнесся Суворовъ къ ослушанію Меласа, между тѣмъ какъ, можетъ быть именно изъ-за него, предстоялъ на утро новый бой.

Наступленіе назначено было въ 8 часовъ утра, но вслѣдствіе усталости войскъ отсрочено, какъ и наканунѣ. Около 10 часовъ войска стали выстраиваться; одновременно начали дѣлать тоже самое и Французы. Макдональдъ имѣлъ такіе же наступательные проекты, какъ и Суворовъ, ибо будучи сильнѣе союзниковъ, онъ кромѣ того твердо надѣялся, что Моро пособитъ ему, зайдя въ тылъ союзникамъ, а Лапоннъ съ лигурійскимъ легіономъ выйдя изъ Апеннинъ въ Боббіо, ударитъ имъ во флангъ. Онъ даже разсчитывалъ, что это произойдетъ не позже 9 числа [5]). Въ такомъ разсчетѣ онъ назначилъ по диспозиціи общее наступленіе, съ обходомъ обоихъ фланговъ союзной арміи. Правое крыло его арміи составляли войска Ватрена и Сальма, въ центрѣ находились Оливье и Монришаръ, на лѣвомъ крылѣ Викторъ, Руска и Домбровскій; резерва не было. Французы тронулись раньше союзниковъ и стали переходить

рѣку колоннами на большихъ интервалахъ, которые заполнялись конницей и развернутыми батальонами, оставшимися на своемъ берегу для содѣйствія наступающимъ ружейнымъ огнемъ. Лѣвый флангъ завладѣлъ на Треббіи Ривальтой, и Домбровскій двинулся по высотамъ въ обходъ.

Суворовъ приказалъ Багратіону идти противъ Поляковъ, принимая вправо, и послалъ сказать Розенбергу, чтобы онъ все свое вниманіе обратилъ на правый флангъ. Багратіонъ смѣло ударилъ въ штыки, охвативъ Поляковъ справа и слѣва конницей. Послѣ упорнаго боя, Поляки были опрокинуты и едва спаслись за Треббію. Но вслѣдствіе движенія Багратіона вправо, на встрѣчу Домбровскому, образовался на позиціи пустой промежутокъ, приблизительно въ версту; Викторъ и Руска, пользуясь этимъ и своимъ перевѣсомъ въ числѣ, повели атаку на дивизію Швейковскаго. Русскіе стали сдавать назадъ. Французы напирали все настойчивѣе и не давали опомниться, смѣняя одну отбитую атаку другою. Происходило настоящее Суворовское отступленіе: русскія войска, не знакомыя съ ретирадами, отстаивали каждую пядь земли, переходили въ наступленіе, бросались въ штыки, встрѣчали непріятеля огнемъ чуть не въ упоръ. Одинъ гренадерскій полкъ былъ охваченъ непріятелемъ со всѣхъ сторонъ; повернувъ заднюю шеренгу лицомъ къ нападающимъ, онъ отстрѣливался и съ фронта, и съ тыла одновременно. Французы не могли ничего съ нимъ сдѣлать; онъ не давался въ руки и спасъ себя самъ, благодаря своей неустрашимости и Суворовской закалкѣ.

Бой пяти батальоновъ противъ пятнадцати былъ однако слишкомъ неровенъ, и истомленныя войска едва держались. Розенбергъ поскакалъ къ Суворову; изнеможенный отъ зноя, лежалъ онъ на землѣ, въ одной рубашкѣ, прислонившись къ огромному камню. Вслѣдъ за Розенбергомъ пріѣхалъ и Багратіонъ. Розенбергъ доложилъ, что его войска не въ состояніи больше держаться, и надо перейти въ полное отступленіе. «Попробуйте сдвинуть этотъ камень», сказалъ ему Суворовъ: «не можете? Ну, такъ въ той же мѣрѣ и отступленіе невозможно. Извольте держаться крѣпко, и ни шагу назадъ». Получивъ та-

кое категорическое приказаніе, Розенбергъ поѣхалъ обратно, къ своимъ, а Суворовъ послалъ Меласу приказаніе — усилить настойчивость дѣйствія (вѣроятно, чтобы оттянуть силы Французовъ) и потомъ обратился къ Багратіону съ привѣтствіемъ и вопросомъ — что и какъ. Багратіонъ объяснилъ, что Поляки отбиты и отброшены, но у Русскихъ убыль дошла до половины, что ружья плохо стрѣляютъ отъ накопленія пороховой грязи и что люди измучены до степени неспособности къ дальнѣйшему бою. — «Не хорошо, князь Петръ», сказалъ Суворовъ и крикнулъ: «лошадь». Ему подали коня, онъ вскочилъ въ сѣдло и какъ былъ, въ рубашкѣ, держа за рукавъ перекинутый черезъ плечо полотняный китель, поскакалъ вправо.

Подъѣхавъ къ войскамъ Розенберга, Суворовъ направился къ одному изъ отступавшихъ батальоновъ и сталъ кричать: «заманивайте, ребята, заманивайте,.... шибче,... бѣгомъ»,.. самъ же ѣхалъ впереди отступавшихъ. Сдѣлавши такимъ образомъ шаговъ сотню или двѣ, онъ скомандовалъ: «стой», и поворотилъ батальонъ впередъ, противъ непріятеля, а артиллеріи приказалъ усилить огонь. Солдаты ободрились, Суворовъ поскакалъ дальше, къ войскамъ Багратіона. Едва войска увидѣли своего чародѣя-начальника, какъ разомъ оживились; пропала усталость, явилась энергія, ружья стали стрѣлять, огонь усилился [5]). Съ барабаннымъ боемъ бросились они, по указанію Суворова, влѣво, на помощь Швейковскому и Розенбергу, и явились въ тылу Виктора и Руска. Неожиданное ихъ появленіе и стремительная атака сразу дали поворотъ дѣлу; Французы сочли эти войска за свѣжія, вновь прибывшія, и хотя были все-таки сильнѣе союзниковъ праваго крыла, но перешли въ поспѣшное отступленіе, причемъ двѣ полубригады ихъ сильно пострадали. Резервомъ они не запаслись, подкрѣпить отступавшихъ было некому, кромѣ Домбровскаго; но Поляки, разстроенные въ конецъ и деморализованные трехъ-дневными пораженіями, не въ состояніи были снова вступить въ бой и оставались на правомъ берегу Треббіи въ бездѣйствіи. Такимъ образомъ Викторъ и Руска были отброшены за рѣку, и лѣвое крыло Французовъ уже не переходило въ наступленіе.

Если, несмотря на геройство и необыкновенныя усилія малочисленныхъ войскъ Багратіона и Швейковскаго, они не одержали въ этотъ день болѣе рѣшительнаго успѣха надъ непріятелемъ и ограничились его отраженіемъ, то единственно потому, что лишены были помощи резерва: Меласъ опять его задержалъ у себя. Тупой старикъ никакъ не могъ понять, что его роль — второстепенная и что успѣхъ сраженія зависитъ отъ дѣйствій праваго фланга. Какъ бы предвидя упрямство Меласа, Суворовъ передъ самымъ началомъ дѣла опять послалъ ему подтвержденіе на счетъ отправки резерва. Не смѣя уже ослушаться прямо и безусловно, Меласъ рѣшился исполнить приказаніе хоть отчасти и отправилъ вправо кавалерію Лихтенштейна, удержавъ пѣхоту Фрелиха. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ собралъ военный совѣтъ, который и постановилъ, что засимъ лѣвая колонна никакихъ наступательныхъ дѣйствій предпринимать не въ состояніи, а должна ограничиться обороной.

Въ то время, какъ Лихтенштейнъ двигался къ правому флангу, Французы производили наступленіе по всей линіи и одною колонною обходили лѣвый флангъ союзниковъ. Особенно грозное положеніе приняли они противъ центральной дивизіи. Ферстеръ встрѣтилъ колонну непріятельскую штыковою атакой; въ этотъ же моментъ, по счастливой случайности, подошелъ Лихтенштейнъ и лихо атаковалъ Французовъ во флангъ. Прискакалъ сюда и Суворовъ; летая по рядамъ войскъ Ферстера, онъ направлялъ бой и все командовалъ «впередъ» [6]). Атакованный съ фронта и праваго фланга пѣхотою, драгунами и казаками, Монришаръ принужденъ былъ перейти въ отступленіе, которое скоро превратилось въ настоящее бѣгство, такъ что Французы едва остановились на той сторонѣ Треббіи. Почти къ такой же развязкѣ привела встрѣча Меласа съ Оливье, который повелъ изъ центра атаку на Австрійцевъ праваго фланга. Сначала Французы имѣли успѣхъ и поставили своихъ противниковъ въ положеніе опаспое, но Лихтенштейнъ, только что покончившій съ Монришаромъ, примчался къ Меласу на помощь, ударилъ атакующимъ Французамъ въ лѣвый флангъ, опрокинулъ ихъ конницу и врубился въ пѣхоту. Поддержанныя такъ кстати, войска Меласа

оправились отъ замѣшательства и перешли въ наступленіе; гоня Французовъ, они спустились въ рѣку и дошли до ея половины, но были остановлены сильнымъ огнемъ съ того берега. Въ свою очередь Французы тоже пустились было въ рѣку за Австрійцами, но также были отбиты огнемъ, и войска обѣихъ сторонъ съ тѣхъ поръ оставались на своихъ берегахъ. Отступленіе за Треббію войскъ Оливье заставило ретироваться и колонну Ватрена, посланную въ обходъ Меласа, что она и исполнила не безъ труда и потери, такъ какъ зашла уже довольно далеко.

Таковъ былъ результатъ сраженія 8 іюня къ 6 часамъ вечера. Суворовъ хотѣлъ продолжать наступательныя дѣйствія за Треббію, что и началъ было приводить въ исполненіе, но встрѣтилъ отпоръ [5]). Жара все еще стояла томительная, и войска дошли до совершеннаго изнеможенія; уступая необходимости, Суворовъ рѣшился отложить атаку до слѣдующаго дня. Цѣпи аванпостовъ протянулись по обоимъ берегамъ По; грохотъ батарей продолжался нѣкоторое время, но съ темнотой все стихло. Войска расположились на покой; самъ Суворовъ, почти не слѣзавшій съ коня всѣ три дня боя, чувствовалъ крайнее утомленіе и отправился вмѣстѣ съ великимъ княземъ на ночлегъ. Скоро собрались къ нему главные генералы; маскируя свою усталость, Суворовъ встрѣтилъ ихъ весело, поздравилъ съ «третьей побѣдой» и поручилъ передать благодарность храбрымъ войскамъ. Но несмотря на эту «третью» побѣду, онъ не могъ быть доволенъ полученными итогами, такъ какъ троекратно побитые Французы не бѣжали, а сохраняли внушительное положеніе. Надо было ихъ сломить во что бы то ни стало, и Суворовъ приказалъ войскамъ изготовиться къ раннему утру для возобновленія атаки.

Но Французы были уже сломлены и, лишь обладая большою нравственною упругостью, обманывали себя и другихъ. Отразивъ послѣднюю попытку союзниковъ къ переходу чрезъ Треббію, они сдѣлали все, что могли; внушительная оболочка сохранилась, но внутри ея скрывалось полное разрушеніе. Когда настала ночь, Макдональдъ собралъ въ Піаченцѣ военный совѣтъ, дабы на мнѣніяхъ генераловъ основать свои дальнѣйшія дѣйствія. Здѣсь

онъ получилъ очень неутѣшительныя свѣдѣнія: многіе полки пришли въ совершенное разстройство; убыль людей громадная, кавалерія истреблена почти на половину, Поляковъ осталось изъ 2,000 всего 300; нѣкоторыя полубригады потеряли по 40 офицеровъ; много ранено генераловъ; артиллерійскіе заряды на исходѣ; войска упали духомъ [7]). Вообще положеніе французской арміи было по-истинѣ ужасное, и генералы заявили Макдональду въ одинъ голосъ, что продолжать бой считаютъ невозможнымъ. Между тѣмъ объ арміи Моро, который долженъ былъ дѣйствовать одновременно съ Макдональдомъ, не было никакихъ извѣстій, также какъ и объ условленномъ появленіи Лапоппа на правомъ флангѣ у Суворова. Взамѣнъ того, по сдѣланному Суворовымъ распоряженію, австрійскіе отряды, усиленные частями войскъ Края, уже находились у Французовъ въ тылу и захватили Модену, Реджіо, Парму.

Дѣйствительно, Макдональду трудно было избрать что либо другое, кромѣ ретирады; при такихъ обстоятельствахъ принять новый бой могъ развѣ только Суворовъ. Приказано было тотчасъ же начать отступленіе тремя колоннами по направленію на разные пункты, а на берегу Треббіи оставить небольшую часть кавалеріи, чтобы поддерживать бивачные огни и тѣмъ какъ можно дольше оставить союзниковъ въ заблужденіи. Такъ и было исполнено.

Когда забрезжилъ свѣтъ, союзные аванпосты замѣтили, что непріятеля нѣтъ. Послали донесеніе Суворову; онъ уже одѣлся и собирался ѣхать къ войскамъ, назначивъ наступленіе раннимъ утромъ. Суворовъ сильно обрадовался и велѣлъ разослать трубачей въ окрестныя деревни съ объявленіемъ о побѣдѣ. Затѣмъ онъ тотчасъ же приказалъ начать преслѣдованіе непріятеля, для чего и направилъ Меласа на Понте-Нуру, а Розенберга съ русскими войсками на С.-Джорджіо, пославъ въ авангардѣ ихъ три батальона Чубарова, только вчера вечеромъ прибывшіе. Приказано: «сильно бить, гнать и истреблять непріятеля холоднымъ ружьемъ, но покоряющимся давать пардонъ». Отданы въ приказѣ еще кое-какія распоряженія на случай появленія Французовъ на флангѣ или въ тылу. Суворовъ полагалъ, что непріятель

очень не далеко или что онъ прибѣгнетъ къ какимъ-нибудь военнымъ хитростямъ, но ошибался, такъ какъ не зналъ еще всей истины о бѣдственномъ состояніи Французовъ.

Союзники тронулись въ 4 часа утра; часа черезъ три Меласъ занялъ Піаченцу и нашелъ тамъ больше 7,500 больныхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ 4 генераловъ. Здѣсь онъ вновь ослушался Суворова, ибо подъ вліяніемъ требованій гофкригсрата и вообще вѣнскихъ инструкцій, счелъ своею настоятельнѣйшею обязанностью—заняться разными распоряженіями, касающимися внутренней службы. Такимъ образомъ преслѣдованіе непріятеля было пріостановлено, а потомъ хоть и возобновилось, но только одною дивизіею Отта, который далъ спокойно отступить непріятельскому аріергарду.

Не такъ дѣйствовала русская колонна, при которой находился Суворовъ. Верстахъ въ 20 за Треббіей Французы были настигнуты и отброшены за Нуру. Тутъ, у С.-Джорджіо, Викторъ занялъ позицію; Суворовъ велѣлъ атаковать ее съ фронта и обоихъ фланговъ. Видя приближающагося непріятеля отовсюду, Викторъ не упорствовалъ и перешолъ въ отступленіе, но нѣсколько запоздалъ. Русскіе успѣли охватить его аріергардъ съ фланговъ; большая часть французскихъ войскъ разсѣялась, а славная 17 полубригада, извѣстная всей французской арміи, положила оружіе. Русская колонна продолжала движеніе еще нѣсколько верстъ, а передовыя войска преслѣдовали непріятеля почти всю ночь. Онъ отступалъ поспѣшно, почти бѣжалъ. Суворовъ какъ бы удвоилъ свою дѣятельность и энергію, весь день былъ на конѣ и только съ наступленіемъ ночи остановился вмѣстѣ съ великимъ княземъ.

Изъ описанія предшествовавшихъ дней можно видѣть, какіе маловѣроятные труды вынесли на себѣ войска. Суворовъ, при своей военной теоріи, почти не допускавшей компромиссовъ, пришелъ однако къ убѣжденію, что больше требовать нель и рѣшился дать людямъ отдыхъ. Перехваченное письмо Макдональда къ Моро и отбитая переписка Виктора убѣдили его, что вредъ, нанесенный Французамъ, слишкомъ великъ, чтобы могъ быть скоро исправленъ. «Макдональдъ бо-

лѣе чѣмъ разбитъ», писалъ онъ Краю и приказалъ продолжать преслѣдованіе одной дивизіи Отта. Отта сначала задержала внезапная прибыль воды въ р. Таро, а потомъ онъ сдѣлался медлительнѣе и осторожнѣе потерявъ почти цѣлый батальонъ, взятый Французами въ плѣнъ, остановился у Рубіера и послалъ за непріятелемъ лишь партіи легкой конницы.

Такова была побѣда на Треббіи, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ за 218 лѣтъ до нашей эры, Аннибалъ разбилъ на голову Римлянъ. Суворовъ очень гордился этимъ совпаденіемъ, говорилъ о немъ съ воодушевленіемъ и обратился къ одному австрійскому генералу съ вопросомъ, отчего Аннибалъ не пошелъ съ Треббіи прямо къ Риму. Тотъ отвѣчалъ, что вѣроятно и въ Карѳагенѣ былъ гофкригсратъ; отвѣтъ конечно долженъ былъ понравиться Суворову [8]). Но побѣда стоила очень дорого союзникамъ, такъ какъ сраженіе происходило въ античномъ родѣ; холодное оружіе, преимущественно штыкъ, дѣйствовало съ начала до конца и рѣшало судьбу боя. Съ большою точностью опредѣлить потерю нельзя, ибо хотя существуютъ донесенія, но не совсѣмъ между собою согласныя, и въ нихъ замѣчаются нѣкоторыя недомолвки. Недоразумѣнія начинаются съ исчисленія сражавшихся, такъ какъ число ихъ было не одинаковое во всѣ три дня, но несомнѣнно, что наивысшая цифра союзниковъ не доходила до 30,000 человѣкъ. Русскіе и Австрійцы участвовали въ сраженіи приблизительно въ одинаковомъ числѣ, и потери ихъ были круглымъ счетомъ тоже почти одинаковы, простираясь въ общемъ итогѣ до 5,500—6,000 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными. Въ числѣ раненыхъ и контуженныхъ находились Повало-Швейковскій и Багратіонъ; подъ Розенбергомъ ранено три лошади. Есть свидѣтельство, впрочемъ довольно сомнительное, будто Суворовъ выразился, что еще такая побѣда, и Французы будутъ въ Вѣнѣ [9]). Если онъ и сказалъ что нибудь подобное, то подъ какимъ-нибудь мимолетнымъ впечатлѣніемъ, въ видѣ досаднаго, жосткаго слова. Для вѣрной оцѣнки сужденій Суворова, необходимо всегда принимать въ разсчетъ подвижность и впечатлительность его темперамента, иначе нельзя будетъ вы-

браться изъ массы противорѣчій, и въ результатѣ получится весьма фальшивое о немъ понятіе.

Суворовъ не могъ давать такое преувеличенное значеніе своимъ потерямъ на Треббіи уже потому, что Французамъ былъ нанесенъ уронъ гораздо большій, и это доказывалось числомъ однихъ плѣнныхъ. Армія Макдональда имѣла въ своихъ рядахъ 33—35,000 человѣкъ; изъ нихъ только въ піаченцкомъ госпиталѣ оказалось больше 7,500, и самъ Суворовъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, спустя нѣсколько дней [10]), опредѣляетъ общее ихъ число въ 12,268 человѣкъ съ 4 генералами и 8 полковниками. По соразмѣрности съ ранеными, убитыхъ Французовъ не могло быть меньше 2,500—3,000, слѣдовательно минимумъ ихъ общей потери доходилъ до 15,000, въ 2½ раза больше союзной. Трофеи состояли въ 6 пушкахъ, 7 знаменахъ и большомъ количествѣ обоза; изъ числа попавшихся въ плѣнъ раненыхъ генераловъ, два было дивизіонныхъ (Оливье и Руска).

Награды послѣдовали щедрыя. Суворовъ представилъ длинный списокъ отличившимся, и Государь утвердилъ его цѣликомъ; нечего и говорить, что никто изъ генераловъ, главныхъ участниковъ дѣла, не былъ обойденъ; получилъ награду даже русскій посолъ въ Вѣнѣ. Всѣмъ полкамъ Розенбергова корпуса пожалованъ гренадерскій маршъ; нижніе чины получили по рублю на человѣка; сверхъ того Суворову выслано, для раздачи по его усмотрѣнію, 1000 знаковъ отличія. Никто не былъ забытъ, даже фельдъегеря; имъ дано по 100 рублей. Самому Суворову пожалованъ портретъ Государя, оправленный въ бриліанты, при рескриптѣ: «портретъ мой на груди вашей да изъявитъ всѣмъ и каждому признательность Государя къ великимъ дѣламъ своего подданнаго,—имъ же прославляется царствованіе наше». Сверхъ того императоръ Павелъ почтилъ Суворова другимъ рескриптомъ, выразившись въ немъ такъ: «поздравляю васъ вашими же словами—слава Богу, слава вамъ». Ростопчинъ писалъ ему: «вашъ непобѣдимый, спѣшу увѣдомить васъ, сколь Государь обрадованъ побѣдами вашими и какъ мы всѣ, честные люди, въ углу церкви молимъ Господа о сохраненіи героя россійскаго на славу отечества и жизнь безконечную». Историкъ Суворова, Антингъ, по-

желалъ быть свидѣтелемъ продолженія подвиговъ своего героя и ихъ лѣтописцемъ, съ разрѣшенія Государя отправился въ Италію и привезъ отъ Хвостова письмо. Хвостовъ сообщалъ, что Государь «неописанно доволенъ», что по случаю побѣдъ безпрестанные праздники, что за молебнами всегда возглашается побѣдительному вождю многолѣтіе, что и онъ, Хвостовъ, не обойденъ, а пожалованъ оберъ-прокуроромъ синода. При этомъ онъ замѣчаетъ, что Государь ожидаетъ съ нетерпѣніемъ подробной реляціи, ибо «сіе дѣло здѣсь много гремитъ; въ подобныхъ случаяхъ не надо скупиться на курьеровъ» [11]).

Въ Австріи вѣсть о побѣдѣ на Треббіи была принята съ восторгомъ, но дворъ уже имѣлъ противъ Суворова неудовольствія, а потому былъ сдержанъ, и императоръ Францъ не разщедрился, какъ увидимъ ниже. А между тѣмъ въ Вѣнѣ надѣялись на русскаго полководца и ожидали отъ него побѣдъ, какъ увѣрялъ Разумовскій въ своихъ къ нему письмахъ. Суворовъ не обманулъ этихъ ожиданій; извѣстіе о пораженіи Французовъ на Треббіи должно было имѣть тамъ даже двойную цѣну, такъ какъ передъ тѣмъ получено донесеніе о разбитіи Гогенцолерна и съ замираніемъ сердца ожидалась вѣсть о послѣдующихъ дѣйствіяхъ [12]). Но предшествовавшее время уже наложило свою печать на отношенія между Австрійскимъ правительствомъ и русскимъ полководцемъ, и затаенные замыслы перваго удерживали его вѣчно на сторожѣ противу второго.

Во Франціи уже давно были недовольны правительствомъ, и 30 преріаля (7 іюня) произошелъ тамъ переворотъ, измѣнившій составъ директоріи. Вслѣдъ затѣмъ въ Парижѣ получено извѣстіе о погромѣ на Треббіи, которое произвело потрясающее дѣйствіе на всю страну. Народная гордость едва выносила нанесенную ей глубокую рану; обвиняемые въ пораженіи генералы потребованы къ отвѣту въ Парижъ; законодательные совѣты, до 30 преріаля ревнивые и директоріи непріязненные, теперь сами выступили съ предложеніемъ чрезвычайныхъ способовъ, для спасенія отечества отъ близкой опасности—вторженія иноземцевъ.

И однакоже въ военной литературѣ послѣдующаго времени крупная Суворовская побѣда на Треббіи нашла мало справедли-

выхъ цѣнителей. Съ видимой неохотой отдавали должное его необыкновенно-быстрому маршу и замѣчательной точности комбинаціи въ сосредоточеніи войскъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы въ собственное утѣшеніе выдвигали соображенія, уменьшающія и чуть не уничтожающія достоинство всей операціи. Одни указывали, что соединенію Макдональда съ Моро болѣе всего воспрепятствовала помощь эрцъ-герцога Карла, въ видѣ оттянутаго отъ него отряда Гадика; другіе повѣствовали, что всѣ усилія Суворова разбились о мужество французскихъ войскъ и что искусное движеніе Моро изъ Апенниновъ заставило его бросить недоконченное дѣло преслѣдованія и такимъ образомъ довольствоваться полууспѣхомъ. Изложенныя выше страницы кажется могутъ служить достаточнымъ отвѣтомъ на подобные произвольные выводы. Но самыя странныя обвиненія исходили отъ Австрійцевъ; по ихъ свѣдѣніямъ выходитъ, что Суворовъ поставилъ союзную армію на Треббіи въ опасное положеніе между Макдональдомъ и Моро, и что его упорство въ продолженіе трехъ-дневнаго боя порождено было необходимостью выйти изъ этого положенія. Разсуждая по своему вполнѣ логически, эти строгіе судьи говорили, что рѣшимость Суворова—употребить послѣднія, страшныя усилія для боя на четвертый день, была прямымъ послѣдствіемъ отчаянія, такъ какъ для него иного выхода не было, и оставалось во чтобы то ни стало опрокинуть одного противника, прежде чѣмъ другой атакуетъ его съ тыла. Короче говоря, Суворова и его армію спасло «добровольное» отступленіе Макдональда [13]).

Тутъ дѣло уже не въ углѣ зрѣнія, а въ корнѣ понятій, или вѣрнѣе, въ чувствѣ, выростившемъ понятіе. Намъ извѣстно, что никакихъ сколько нибудь опредѣленныхъ вѣстей о Моро Суворовъ не получалъ до 10 числа и что, для обезпеченія отступленія, была имъ устроена у Парпанезе переправа; стало быть «отчаяніе» его есть плодъ досужаго воображенія, вмѣстѣ съ «добровольнымъ» отступленіемъ Французовъ. Всякій, знакомый съ предшествовавшимъ боевымъ поприщемъ Суворова, знаетъ, что упорство есть индивидуальная его особенность; что онъ воспитывалъ войска для «отчаяннаго» боя и что характеръ его военной теоріи заключался въ признаніи возможнымъ невозможнаго

для другихъ. Все это мы видимъ одинаково и въ первыхъ шагахъ его боевого поприща, и въ послѣднихъ, причемъ возрастающія препятствія не уменьшаютъ его упорства, а увеличиваютъ. Если же въ сраженіи при Треббіи эта упругость предводителя и войскъ высказывается нѣсколько больше, то причиною тому особенности всей обстановки. Слѣдуетъ помнить, что это было первое генеральное сраженіе между Французами и Русскими; переходъ черезъ Адду, гдѣ Русскіе участвовали въ дѣлѣ только мѣстами, къ счету не идетъ. Оба противника не имѣли другъ къ другу національной ненависти или вражды, но оба они привыкли быть побѣдителями многіе годы. Встрѣча ихъ въ большой битвѣ пріобрѣтала такимъ образомъ особенный оттѣнокъ; пораженіе не оправдывалось ни случайностью, ни несчастіемъ, а представлялось стыдомъ, ущербомъ чести военной. Оттого, можетъ статься, Русскіе и Французы дрались на Треббіи съ послѣднимъ напряженіемъ силъ.

Австрійцы, безспорно храбрые и мужественные воины, держались однако совсѣмъ другой военной теоріи, а потому боевыя особенности Суворова казались имъ ненормальными, и упорство его на Треббіи могло быть принято за проявленіе отчаянія. А если прибавить сюда зависть и затронутое національное чувство, такъ какъ ничего подобнаго кампаніи 1799 года ни передъ тѣмъ у нихъ не было, ни послѣ не повторилось,—то этимъ можно и ограничить объясненіе непріязненныхъ отзывовъ Австрійцевъ о Суворовѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію дальнѣйшихъ дѣйствій, остается отмѣтить два частныя обстоятельства, имѣющія связь со сраженіемъ при Треббіи. Въ большомъ ходу анекдотъ, будто въ одинъ изъ тяжелыхъ моментовъ боя (вѣроятно 8 числа), Меласъ прислалъ къ Суворову адъютанта съ вопросомъ—куда отступать, а Суворовъ отвѣчалъ—въ Піаченцу. Этого не было. До Суворова дошелъ потомъ слухъ, будто Меласъ послалъ къ нему или въ его штабъ «цыдулку» о томъ, что въ диспозиціи ничего не упомянуто про пути отступленія, но Суворовъ этой записки не видалъ и потому отвѣта на нее не давалъ никакого [14]). Другой случай, очень прискорбный, произошелъ въ Піа-

ченцѣ, гдѣ нѣсколько русскихъ офицеровъ обобрали находившагося въ госпиталѣ раненаго французскаго генерала Сальма. Получивъ жалобу, Суворовъ приказалъ разжаловать виновныхъ въ рядовые и потомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ наказать палками. Хотя много можно встрѣтить въ иностранныхъ источникахъ лжи о Суворовѣ и Русскихъ, но настоящій случай едва ли подходитъ къ категоріи злостныхъ вымысловъ, такъ какъ его передаетъ одинъ изъ панегиристовъ Суворова [15]).

Рѣшивъ дать своимъ войскамъ отдыхъ, Суворовъ дошелъ съ ними 10 числа до Фіоренцола на р. Ардѣ и остановился на дневку. Только здѣсь получилъ онъ донесеніе о покушеніи непріятеля на его флангъ и тылъ во время сраженія на Треббіи. Покушенія эти состояли въ слѣдующемъ. Для содѣйствія Макдональду, Моро послалъ по долинѣ Треббіи генерала Лапоипа съ 3,000-нымъ лигурійскимъ легіономъ; Лапоипъ дошелъ 5 іюня до Боббіо и отсюда могъ дѣйствовать во флангъ и въ тылъ союзникамъ, но не рѣшился этого сдѣлать, простоявъ почти три дня въ бездѣйствіи. Потомъ онъ надумался и двинулся къ Нурѣ, но узнавъ, что русскія войска уже тамъ, а Французы въ полномъ отступленіи, вернулся опять къ Боббіо. Освѣдомившись объ этомъ 10 числа, Суворовъ послалъ отряды для прикрытія обозовъ и для занятія Боббіо, такъ что Лапоипъ нашелъ этотъ пунктъ уже въ рукахъ непріятеля. Онъ вздумалъ было атаковать слабый русскій отрядъ, но былъ имъ разбитъ на голову, потерялъ больше 100 плѣнныхъ и бѣжалъ разными тропинками назадъ въ горы.

Суворову было также донесено, будто за Лапоипомъ надо ожидать самого Моро, однако это не оправдалось [10]). Моро началъ наступленіе тоже 5 числа, но не сюда, а къ Александріи; двигался онъ чрезвычайно медленно, съ цѣлью задержать Суворова у Александріи и дать Макдональду время появиться въ тылу союзниковъ. Велико было изумленіе Моро, когда онъ узналъ, что Суворова давно уже въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ; разсчеты его разлетѣлись прахомъ, но онъ все таки рѣшилъ продолжать наступленіе чрезъ Нови и Тортону, дабы атаковать Суворова въ тылъ. А такъ какъ влѣвѣ, подъ Александріей, стоялъ Бельгардъ, то фран-

цузскій главнокомандующій счелъ необходимымъ устранить предварительно это препятствіе. Іюня 9 произошло жаркое дѣло при Касино-Гроссо. Силы были неравныя: у Моро около 14,000 человѣкъ, у Бельгарда вдвое меньше. Сначала Австрійцы имѣли успѣхъ, но потомъ Французы одолѣли, и Бельгардъ былъ сильно побитъ, потерявъ убитыми, ранеными и плѣнными немногимъ меньше трети своего корпуса. Онъ однако отступилъ въ порядкѣ за Бормиду и сталъ укрѣпляться на новой позиціи. Моро, получивъ затѣмъ вѣсть о сраженіи на Треббіи и его развязкѣ, не рѣшился идти на встрѣчу Суворову, ни даже вторично атаковать успѣвшаго усилиться Бельгарда, а ограничился демонстраціями, чтобы отвлечь союзнаго главнокомандующаго отъ преслѣдованія и конечнаго истребленія арміи Макдональда. На этотъ разъ демонстраціи остались ни при чемъ, и союзная армія направилась противъ Моро не изъ боязни своего главнокомандующаго за тылъ, а потому, что по его мнѣнію, разбитіе Моро было бы гораздо лучшимъ довершеніемъ побѣды на Треббіи, чѣмъ преслѣдованіе разстроенной въ конецъ арміи Макдональда. Суворовъ оповѣстилъ Бельгарда, что выступаетъ обратно, дабы вмѣстѣ съ нимъ «угостить Моро», но вѣроятно по усталости войскъ, тронулся въ путь не тотчасъ же, а на другой день, 12 числа. Несмотря на палящій жаръ, движеніе было исполнено какъ разсчитано, и утромъ 15 числа назначена совмѣстная атака Суворова и Бельгарда на Моро. Но французскій главнокомандующій счелъ болѣе благоразумнымъ заблаговременно отретироваться въ Апенины.

Пока Суворовъ шелъ со спѣхомъ назадъ, на встрѣчу новому противнику, Оттъ продолжалъ преслѣдованіе Макдональда или, вѣрнѣе сказать, слѣдилъ за его отступавшими войсками. Французы двигались быстро; отряды, посланные имъ въ тылъ Краемъ, были слабы, а потому не представили серьезнаго препятствія ретирадѣ. Войска Отта скоро заняли Болонью, а затѣмъ и фортъ Урбано (Кастель-Франко),—послѣдній укрѣпленный пунктъ Цисальпійской республики. Суворовъ, по предложенію Отта, велѣлъ вывести изъ форта всѣ запасы, а укрѣпленія его срыть и подорвать, но Австрійскій императоръ не одобрилъ этого распоряженія, а приказалъ его отмѣнить, имѣя на то «особыя причины»,

какъ говорилось въ рескриптѣ. Въ дѣйствительности никакихъ «особыхъ» причинъ не было, а существовала одна общая, руководившая австрійскою политикой, которой непонятливый Суворовъ никакъ не хотѣлъ уразумѣть. Этимъ и кончились дѣйствія Отта, такъ какъ значительная часть его войскъ понадобилась для осады Мантуи; онъ расположился въ Пармѣ, Моденѣ и Реджіо, а вслѣдъ за непріятелемъ послалъ легкія конныя партіи. Макдональдъ не задавался уже широкими проектами, а заботился исключительно о спасеніи остатковъ своей арміи и потому рѣшился вести ее по морскому берегу, къ Генуѣ. Съ большимъ трудомъ и рискомъ исполнилъ онъ это движеніе; пѣхота прошла по горнымъ тропинкамъ, артиллерію и тяжести перевезли моремъ. Англійскій флотъ былъ въ то время далеко, а на сухомъ пути союзники прекратили преслѣдованіе,—вотъ двойная причина тому, что Французы выбрались изъ Тосканы безпрепятственно и счастливо. Въ тылу ихъ тотчасъ же, даже прежде ихъ отбытія, поднялись народныя возстанія и скоро обратились въ общее движеніе всей страны, даже безъ дѣятельной помощи союзниковъ. Сенатъ возстановилъ прежнее правительство и послалъ депутатовъ въ Вѣну, къ великому герцогу.

Пока все это происходило, Суворовъ давно уже находился въ Александріи. Онъ сюда возвратился ровно чрезъ 10 дней по выступленіи на встрѣчу Макдональду. Въ этотъ десятокъ дней форсированныхъ маршей, чередовавшихся съ упорными боями, его военное дарованіе высказалось во всемъ своемъ блескѣ. Какъ бы для полноты его торжества, союзники въ это же время завладѣли туринскою цитаделью послѣ короткаго, но упорнаго сопротивленія. Комендантъ и всѣ чины его штаба сдались военноплѣнными; гарнизонъ, почти въ 3,000 человѣкъ, отпущенъ на честное слово—не служить противъ союзниковъ впредь до размѣна; въ крѣпости найдено 562 орудія, 40,000 ружей, столько же пудовъ пороха. Казалось, не далекъ былъ и конецъ Итальянской кампаніи, но на дѣлѣ вышло не такъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Итальянская кампанія: Нови; 1799.

Въѣздъ Суворова въ Александрію; маневры и ученья; прибытіе дивизіи Ребиндера; капитуляція александрійской цитадели; осада тортонскаго замка; сдача Мантуи; Суворовъ-князь.—Событія въ южной и средней Италіи; бездѣйствіе въ Швейцаріи; начало неудовольствій между Суворовымъ и эрцъ-герцогомъ Карломъ.—Замѣчанія изъ Вѣны; ненормальное состояніе командованія; интриги; затрудненія со стороны провіантскаго вѣдомства.—Сильное неудовольствіе Суворова и его просьба объ отозваніи.—Наступательный его планъ; планъ Французовъ.—Колебанія новаго главнокомандующаго, Жубера; атака Австрійцевъ; смерть Жубера.—Неудачныя атаки Края, Багратіона и Дерфельдена; настойчивость Суворова; роздыхъ; возобновленіе атакъ по всей линіи, съ присоединеніемъ Меласа; побѣда.—Суворовъ въ концѣ боя; ночная тревога въ Нови.—Упреки критиковъ; объясненіе.—Приготовленія къ наступленію; отмѣна изъ Вѣны.

По возвращеніи съ Треббіи, Суворовъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Александрію, близко напоминавшій по своей обстановкѣ миланскій и туринскій. Суворовъ ѣхалъ верхомъ; по правую его руку находился великій князь, по лѣвую Меласъ—какъ старшій австрійскій генералъ [1]). Затѣмъ потянулась цѣлая вереница празднествъ, такъ какъ каждый царскій день справлялся непремѣнно. Утромъ совершалось молебствіе при пушечныхъ выстрѣлахъ; потомъ генералы и офицеры приносили поздравленіе великому князю и фельдмаршалу; въ день тезоименитства Государя, Суворовъ далъ великолѣпный балъ, поручивъ всѣ распоряженія Милорадовичу; въ день тезоименитства Импера-

трицы былъ балъ у великаго князя. Въ торжественные же дни объявлялись монаршія милости и происходила раздача наградъ. Послѣ обѣдни Суворовъ вносилъ въ алтарь на блюдѣ всѣ пожалованные знаки отличій, для окропленія святой водою, потомъ выносилъ ихъ изъ алтаря, вызывалъ каждаго изъ удостоившихся наградъ, приказывалъ стать на колѣни, надѣвалъ пожалованный орденъ и благословлялъ. Тоже самое исполнялось и съ австрійскими офицерами.

Не въ однихъ торжествахъ проходило конечно время. Черезъ два дня по прибытіи въ Александрію, Суворовъ уже началъ свои обычныя учебныя занятія. На первый разъ онъ произвелъ ученье русскимъ войскамъ; на слѣдующій день, 18 іюня, маневрировали русскія войска съ австрійскою кавалеріей, которою командовалъ великій князь; на третій день училась одна австрійская дивизія Фрелиха; затѣмъ черезъ три дня происходилъ совокупный маневръ Австрійцевъ и Русскихъ, пѣхоты и конницы, а чрезъ два дня къ нимъ присоединилась и артиллерія. Въ этотъ послѣдній день войска представились уже хорошо обученными, такъ что Суворовъ объявилъ имъ свою благодарность. Чрезъ нѣсколько дней произведено ночное ученье: войска подъ начальствомъ великаго князя примѣрно штурмовали городскую стѣну; спустя нѣкоторое время маневръ этотъ повторенъ, причемъ войска шли тремя штурмовыми колоннами и были снабжены всѣми принадлежностями для приступа. Но и этимъ Суворовъ не ограничивался, а пользовался случаями для передачи войскамъ своихъ наставленій всякими другими путями. Такъ напримѣръ, въ одномъ изъ его приказовъ по арміи мы читаемъ похвалу отрядному начальнику, оберъ-офицеру, за то, что онъ напалъ на непріятеля и прогналъ его, руководясь соображеніемъ, что «непріятель, дѣлающій напередъ угрозы, не расположенъ ничего предпринять, и въ такомъ случаѣ можно всегда одержать надъ нимъ поверхность, если ударить на него съ рѣшительностью» [2]).

Въ началѣ іюля союзныя войска еще усилились: пришла русская дивизія Ребиндера. Суворовъ послалъ въ Піаченцу штабъ-офицера для обученія вновь прибывшихъ войскъ, такъ какъ значительная ихъ часть не бывала въ прежнее время подъ

его начальствомъ, а спустя нѣсколько дней поѣхалъ туда и самъ [2]). Приказаніе о смотрѣ было дано съ вечера; стали чиститься, готовиться къ пріему вождя, имя котораго, давно дорогое русской арміи, въ послѣдніе мѣсяцы заблистало усугубленной славой непобѣдимости. Мало кто изъ солдатъ спалъ въ эту ночь, не потому что не было времени, а потому что не хотѣли, не могли. Раннимъ утромъ дивизія построилась по южной сторонѣ Піаченцы; городская стѣна покрылась сплошною массой горожанъ и раненыхъ Французовъ. Показался Суворовъ; онъ быстро ѣхалъ верхомъ съ многочисленной свитой. «Если бы не дисциплина», говоритъ одинъ изъ стоявшихъ тогда въ рядахъ: «то все войско кинулось бы ему на встрѣчу». Онъ прискакалъ къ срединѣ дивизіи, остановился и громкимъ голосомъ поздоровался, назвавъ солдатъ «братцами» и «чудо-богатырями». Отвѣтъ войскъ вырвался подобно «сильной бурѣ», а потомъ перешелъ въ раскатистое «ура». Суворовъ шибко объѣхалъ всю линію, привѣтствуя каждую часть, и затѣмъ приказалъ произвести маневръ, дабы ознакомиться со степенью подготовки войскъ. Ученье продолжалось съ часъ, послѣ чего полки проходили мимо фельдмаршала по-взводно, затѣмъ построились въ колонны и тѣсно сдвинулись къ одному мѣсту. Въ середину въѣхалъ Суворовъ и сказалъ короткую рѣчь. Онъ вспомянулъ прежнія побѣды надъ Турками и Поляками, перешелъ на недавнія побіенія Французовъ и высказалъ увѣренность, что непріятель и впредь будетъ битъ такими чудо-богатырями. Громовой крикъ 10,000 человѣкъ служилъ ему утвердительнымъ отвѣтомъ, и въ этомъ крикѣ звучала не условная формальность, а глубокая, несокрушимая увѣренность.

Войска разошлись, но изъ рядовъ ихъ были вызваны старые солдаты, лично извѣстные Суворову; ихъ набралось съ полсотни. Какъ только вошли они въ пріемную фельдмаршала и выстроились, появился онъ самъ. Поздоровавшись со всѣми, Суворовъ сталъ обходить старикovъ, припоминалъ имя почти каждаго, останавливался, заговаривалъ, вспоминалъ прошлое, съ нѣкоторыми цѣловался, велѣлъ выдать всѣмъ по кронталеру, иным самъ совалъ въ руку червонцы и, попрощавшись также привѣт-

ливо, какъ поздоровался, отпустилъ своихъ старыхъ знакомцевъ домой, приказавъ кланяться всѣмъ товарищамъ. Старые служивые вернулись въ роты въ чаду отъ восторга [4]).

Ребиндера Суворовъ любилъ и цѣнилъ, называлъ просто по имени, Максимомъ (что одно уже доказываетъ его расположеніе), но руководясь старшинствомъ, отдалъ его корпусъ подъ начальство Розенберга, а войска послѣдняго Дерфельдену. Суворовъ часто бывалъ недоволенъ Розенбергомъ, но лишить его команды не хотѣлъ, потому что это равнялось бы опозоренію стараго служаки, а позорить Розенберга было не за что. Вѣроятно въ силу подобныхъ соображеній Суворовъ и держалъ до сихъ поръ Дерфельдена при особѣ великаго князя, безъ всякаго командованія, а когда прибыла новая дивизія, то раздѣлилъ войска между обоими полными генералами, но Дерфельдену назначилъ корпусъ болѣе многочисленный. Донося объ этомъ въ Петербургъ, онъ пояснялъ, что Розенбергъ остался корпуснымъ командиромъ потому, что до сихъ поръ «похвально» служилъ.

Тѣмъ временемъ военныя дѣйствія велись въ духѣ австрійской политики, по программѣ гофкригсрата, т.-е. въ смыслѣ не нанесенія новыхъ ударовъ, а сохраненія и обезпеченія пріобрѣтеннаго. Послѣ сраженія на Треббіи, не ожидая напоминаній, Суворовъ счелъ неизбѣжнымъ перейти съ блокады Мантуи на осаду. У Края состояло 15,000 человѣкъ, да ожидалось столько же изъ разныхъ гарнизоновъ и изъ Австріи, но Суворовъ просилъ Края открыть осадныя работы теперь же. Кромѣ Мантуи, велись осадныя работы противъ цитадели александрійской и блокировался тортонскій замокъ.

Александрійская цитадель имѣла репутацію одной изъ лучшихъ итальянскихъ крѣпостей и была снабжена продовольственными и военными запасами на продолжительный срокъ. Осада производилась энергически, но и оборона тоже. Гарнизонъ дѣлалъ безпрестанныя вылазки, впрочемъ неудачныя, и хотя Суворовъ послалъ коменданту приглашеніе въ формѣ чуть не приказанія— «прекратить не могущія принести гарнизону никакой пользы вылазки, а терпѣливо ожидать рѣшенія своей участи», но на это не было обращено никакого вниманія. Когда прибыла изъ Ту-

рина осадная артиллерія, союзники повели дѣло еще энергичнѣе, и въ ночь на 11 іюля комендантъ подписалъ капитуляцію. Гарнизонъ сдался военноплѣннымъ, въ числѣ до 2,400 человѣкъ, сверхъ 300 больныхъ и раненыхъ; офицерамъ оставлены шпаги и все имущество; въ цитадели найдено 105 орудій, около 7,000 ружей, 6 знаменъ, много пороху и всякихъ военныхъ запасовъ; въ числѣ орудій оказались двѣ русскія пушки. Затѣмъ положено было приступить къ осадѣ цитадели тортонской, для чего и потребованы туда изъ подъ Александріи осадная артиллерія и часть войскъ. Такимъ образомъ Суворову приходилось поступать въ продолженіе всей кампаніи, перемѣщая осадныя средства отъ одной крѣпости къ другой, чтобы имѣть при каждомъ осажденномъ пунктѣ какъ можно больше артиллеріи. Разсчетъ его былъ вѣренъ: сберегались и люди, и въ особенности время.

Прежде чѣмъ открылись подъ Тортоной осадныя работы, сдалась Мантуа, одна изъ сильнѣйшихъ крѣпостей въ Европѣ, не столько впрочемъ по своимъ укрѣпленіямъ, какъ по свойствамъ окружающей мѣстности, преимущественно по вододѣйствіямъ. Мантуу почитали ключемъ сѣверной Италіи и видѣли въ ней обезпеченіе австрійскихъ границъ, оттого Вѣнскій кабинетъ такъ ею и дорожилъ. Комендантомъ въ Мантуѣ сидѣлъ одинъ изъ лучшихъ французскихъ инженеровъ, Фуасакъ-Латуръ, человѣкъ науки и опыта, но не обладавшій сильнымъ характеромъ. Гарнизону въ ней считалось до 10,000 человѣкъ; продовольствія было запасено на годъ. Сначала, въ продолженіе свыше 3 мѣсяцевъ, она была только блокирована; съ 25 іюня начались осадныя работы; осадный корпусъ состоялъ изъ австрійскихъ войскъ, при двухъ русскихъ ротахъ—артиллерійской и піонерной. Осада велась и энергично, и умѣлой рукой, такъ что съ половины іюля уже можно было видѣть скорый конецъ, который и не замедлилъ наступить, благодаря слабодушію Фуасакъ-Латура. Іюля 19 крѣпость была сдана; гарнизона въ то время насчитывалось 8,700 человѣкъ, въ томъ числѣ до 1,000 офицеровъ; солдаты отпущены на честное слово не служить противъ союзниковъ, а генералы и офицеры остались въ плѣну, впредь до размѣна въ тече-

ніе трехъ мѣсяцевъ. Кромѣ того 1,000 Поляковъ перешли въ руки Австрійцевъ какъ дезертиры; въ госпиталяхъ найдено 1,200 человѣкъ больныхъ и раненыхъ; побѣдителямъ досталось 675 орудій, флотилія канонерскихъ лодокъ и большіе запасы продовольствія.

Суворовъ приказалъ отслужить торжественный молебенъ, написалъ поздравительное письмо барону Краю и объявилъ благодарность войскамъ осаднаго корпуса. Во Франціи сдача Мантуи произвела всеобщее оцѣпенѣніе и была принята какъ позоръ для французскаго оружія; Фуасакъ-Латура предали суду и приговорили къ лишенію мундира. Въ Австріи впечатлѣніе было разумѣется самое радостное; ни одна побѣда Суворова не цѣнилась такъ высоко, какъ овладѣніе Мантуей. Императоръ Павелъ тоже былъ въ высшей степени доволенъ, что и ознаменовалъ возведеніемъ Суворова въ княжеское достоинство съ титуломъ Италійскаго. «Примите воздаяніе за славные подвиги ваши», писалъ онъ въ рескриптѣ 9 августа: «да пребудетъ память ихъ на потомкахъ вашихъ къ чести ихъ и славѣ Россіи». Суворовъ просилъ о награжденіи Края, но Государь не согласился, по той причинѣ, что «Римскій императоръ трудно признаетъ услуги и воздаетъ за спасеніе своихъ земель учителю и предводителю его войскъ».

Не меньше кого бы то ни было былъ доволенъ взятіемъ Мантуи самъ Суворовъ и въ письмѣ къ Хвостову изобразилъ это счастливо-оконченное предпріятіе такимъ образомъ. «Пріиде на Мантуу и бысть тма во всей странѣ до часа девятаго, о девятомъ же часѣ завѣса церковная раздрася съ вышняго края до нижняго, и бысть гласъ коменданта къ Краю: спаси мя и съ присными, яко нѣціи отъ здѣ сѣдящихъ не имутъ вѣры, дондеже пріидетъ часъ спасти жизнь ихъ отъ лютой смерти. И потрясеся земля, и каменіе распадеся, и пріиде Край спасти души страждущихъ» [5]). Суворовъ былъ радъ не потому, что получилъ княжескій титулъ (объ этомъ онъ узналъ спустя мѣсяцъ), а изъ открывшейся, по его мнѣнію, возможности—свободно, безъ стѣсненій и преградъ, повести наступательную войну по своей мысли. Онъ не переставалъ готовиться къ дви-

женію въ Генуэзскую Ривіеру съ самаго пораженія Макдональда на Треббіи и только ждалъ, чтобы съ точки зрѣнія Вѣнскаго кабинета наступила практическая къ тому возможность. Теперь, по взятіи Мантуи, пора эта казалось подошла, и онъ на другой же день написалъ Меласу, что можно приступить къ выполненію предположеннаго наступательнаго движенія безотлагательно. Но и на этотъ разъ Суворовъ не избѣгъ разочарованія, которое было тѣмъ тяжеле, что въ средней и полуденной Италіи событія не ждали, назрѣвали одно за другимъ и привели къ окончательному изгнанію Французовъ и возстановленію прежняго порядка вещей.

Къ концу іюня Тоскана была уже совершенно оставлена непріятелемъ, Флоренція освободилась, легкіе австрійскіе отряды захватили Ливорно, Лукку и друг. Дабы поддержать одушевленіе жителей, Суворовъ велѣлъ послать туда одинъ казачій полкъ, а русскому подполковнику графу Цукато поручилъ приводить въ устройство народныя ополченія и обучать ихъ дѣйствію холоднымъ оружіемъ. Во Флоренціи графъ Цукато былъ принятъ съ неистовымъ восторгомъ. Его встрѣтили у городскихъ воротъ духовенство, городскія власти и несмѣтныя толпы народа, окружили, носили на рукахъ, оборвали платье. Изъявлено было общее желаніе—воздвигнуть Суворову конную статую; готовили для (предполагаемаго) его въѣзда торжественную колесницу, на подобіе древнихъ тріумфальныхъ. Въ Ареццо пріемъ былъ не хуже; народъ выпрягъ лошадей графа Цукато и повезъ коляску; на него надѣли чудотворную икону, прикололи къ его шляпѣ окропленные святою водою цвѣты; улицы плюминовались, на площадяхъ горѣли щиты съ портретомъ или вензелемъ Суворова. Ополченія, составившіяся изъ людей всѣхъ сословій и состояній, учились у русскаго подполковника охотно и прилежно; простыя Суворовскія эволюціи имъ весьма правились. Отъ учебныхъ занятій не замедлили перейти къ боевой практикѣ; схватки съ Французами большею частью были удачны, благодаря многолюдству и одушевленію ополченцевъ, которые смѣло бросались въ атаку съ криками: «viva Maria! viva Souvorow!» Французскій генералъ Гарнье принуж-

день былъ стянуть всѣ свои немногочисленныя силы въ стѣны Рима и Чивитавеккіи, но и тутъ войска его не считали себя безопасными.

Республиканцы не были счастливѣе и на другой окопечности римскихъ владѣній, по адріатическому прибрежью. Болѣе всего помогалъ здѣсь союзникамъ глава инсургентовъ Лагоцъ, который измѣнивъ прежде Австрійцамъ съ патріотическою цѣлью, скоро разочаровался во Французахъ и сдѣлался злѣйшимъ ихъ врагомъ. Опасаясь однако за свою будущность и добиваясь формальнаго помилованія Римскаго императора, Лагоцъ обратился къ Суворову съ просьбою его покровительства и заступничества. Суворовъ отвѣтилъ ему, что прошедшее забывается, когда заглаживается искреннимъ и блистательнымъ раскаяніемъ, и благодарилъ за «дѣйствія, славныя для васъ самихъ и полезныя для общаго блага». Донесено было объ этомъ императору Францу, приказано ближайшимъ къ мѣсту дѣйствія австрійскимъ генераламъ войти въ прямыя съ Лагоцемъ сношенія. Но передъ этимъ временемъ Лагоцъ былъ задержанъ однимъ австрійскимъ офицеромъ, какъ измѣнникъ, и хотя вскорѣ затѣмъ освобожденъ и получилъ полное прощеніе императора, однако въ продолженіе его отсутствія ополченія успѣли частью разойтись сами собой, частью были разсѣяны Французами. Лагоцъ набралъ снова, въ нѣсколько дней, до 3,000 вооруженныхъ поселянъ съ 12 пушками и обратился къ Суворову съ просьбою — подкрѣпить его небольшимъ числомъ конницы и артиллеристовъ. Суворовъ не рѣшился исполнить эту просьбу безъ разрѣшенія императора—и хорошо сдѣлалъ. Императоръ Францъ отказалъ, а предоставилъ Суворову, если находитъ нужнымъ, отрядить казаковъ. Между тѣмъ близъ адріатическаго прибрежья появилась русская эскадра графа Войновича; было занято съ боя, десантомъ, нѣсколько приморскихъ пунктовъ и съ 1 августа открыты осадныя работы противъ важнѣйшаго изъ нихъ, Анконы, при содѣйствіи бандъ Лагоца.

Еще болѣе полные результаты возстанія оказались въ южной Италіи. При всемъ своемъ безсиліи, республиканское правительство продолжало предаваться самообольщеніямъ и питало

надежды совершенно безпочвенныя. Но едва показался въ виду Неаполя англійскій флотъ и приблизился кардиналъ Руффо съ авангардомъ капитана Белле изъ 600 человѣкъ при 6 орудіяхъ, всѣ мечты республиканцевъ разлетѣлись какъ дымъ. Городъ взятъ штурмомъ и въ продолженіе нѣсколькихъ дней представлялъ страшную картину убійствъ, пожаровъ и грабежей, доведенныхъ до варварства первобытнаго состоянія человѣческихъ обществъ. Кардиналъ Руффо не въ силахъ былъ обуздать неистовство своихъ бандъ и всю надежду возлагалъ на русскій отрядъ. Русскіе дѣйствительно возстановили въ городѣ нѣкоторое подобіе спокойствія и порядка, но по малочисленности своей могли сдѣлать это лишь тогда, когда больше 2,000 домовъ было разорено, по улицамъ валялись кучи труповъ и стояли лужи крови. Республиканскія войска капитулировали, но прибывшій въ это время англійскій адмиралъ, лордъ Нельсонъ, нашелъ заключенное условіе оскорбительнымъ для короля, отвергъ капитуляцію и настоялъ на безусловной сдачѣ. Лордъ Нельсонъ, ненавидѣвшій революцію всѣми силами души, приказалъ схватить замѣтныхъ участниковъ бывшаго переворота и предать суду, какъ измѣнниковъ. Судъ былъ только средствомъ для скорѣйшаго перехода къ казнямъ, и казни дѣйствительно не замедлили; вѣшали даже на мачтахъ англійскихъ кораблей. Но іюня 19 прибылъ къ Неаполю король Фердинандъ, и Нельсоновскія казни оказались дѣтскими игрушками. Дѣло мщенія и возмездія поведено въ другомъ масштабѣ; число приговоренныхъ къ смерти дошло до 40,000 человѣкъ; въ ссылку и вѣчное заточеніе назначено гораздо больше; доносы, пытки, личные разсчеты ежедневно увеличивали число тѣхъ и другихъ. Шесть мѣсяцевъ тянулись ежедневныя казни не только въ Неаполѣ, но и во всемъ королевствѣ. Это снова разбудило кровожадные инстинкты столичной черни; начались опять грабежи и убійства. Отрядъ Белле вынужденъ былъ оставаться безмолвнымъ свидѣтелемъ кровавыхъ сценъ и успѣлъ спасти лишь нѣсколько отдѣльныхъ лицъ, а потомъ принялъ участіе въ овладѣніи разными замками и крѣпостями, находившимися еще въ рукахъ Французовъ. Во второй половинѣ іюля на неапо-

литанской землѣ не оставалось уже ни одного вооруженнаго француза.

Такимъ образомъ, оставленные Макдональдомъ гарнизоны не принесли никакой пользы эфемерной Парфенопейской республикѣ. Но таково было распоряженіе директоріи, не разсчитавшей, что лишній десятокъ тысячъ былъ бы, при встрѣчѣ съ союзниками въ сѣверной Италіи, гораздо болѣе на мѣстѣ, чѣмъ гдѣ-либо. «Всѣ усилія мои», писалъ кардиналъ Руффо Суворову: «остались бы тщетными, безъ непрестанныхъ побѣдъ предводимаго вами воинства». Самъ король Фердинандъ признавалъ, что возвратился въ свою столицу благодаря Суворову и потому выражалъ ему живѣйшую признательность рескриптомъ отъ 25 іюля. И дѣйствительно, не въ Неаполѣ или Римѣ, а въ сѣверной Италіи рѣшалась судьба Неаполя и Рима и окончательно рѣшена на берегахъ Треббіи. Съ пораженіемъ Макдональда была отнята отъ Французской директоріи всякая возможность возстановленія французскаго владычества на Аппенинскомъ полуостровѣ.

Побѣды и успѣхи Суворова не всюду однако производили возбуждающее дѣйствіе, не во всѣхъ вливали энергію и рѣшимость: бездѣйствіе эрцъ-герцога Карла въ Швейцаріи продолжалось упорно. Тамъ силы обѣихъ сторонъ были почти одинаковы, но у Австрійцевъ гораздо больше сцентрированы; несмотря на это австрійскій главнокомандующій ничего не предпринималъ. На этотъ разъ его взгляды совпали съ понятіями гофкригсрата, вслѣдствіе рутинныхъ теоретическихъ соображеній, которыхъ эрцъ-герцогъ, при всей своей даровитости, былъ далеко не чуждъ. Какъ ни старался графъ Толстой, не могъ сдѣлать ничего: ожиданіе корпуса Римскаго-Корсакова выставлялось въ видѣ неодолимаго резона въ связи съ другими измышленіями. Мало того, самъ ничего не дѣлая, эрцъ-герцогъ мѣшалъ дѣлать и другимъ. Вѣнскій кабинетъ давно разрѣшилъ присоединеніе къ Суворовской арміи войскъ Гадика, но эрцъ-герцогъ не отпускалъ ихъ, ссылаясь на недостаточность своихъ силъ; когда же Суворовъ бросился на встрѣчу Макдональду, то по крайней и спѣшной необходимости, самъ притянулъ въ Пьемонтъ часть Гадиковыхъ

войскъ. Эрцъ-герцогъ пришелъ въ неописанное волненіе изъ за того, что такимъ образомъ якобы оставленъ безъ прикрытія ключъ театра войны (С.-Готаръ), и хотѣлъ уже выводить войска свои изъ малыхъ кантоновъ. Суворовъ не сталъ спорить и препираться, возвратилъ къ Швейцаріи оттянутыя оттуда войска, кромѣ 3 батальоновъ, но эрцъ-герцогъ этимъ не удовлетворился и рѣшилъ, что ему ничего не оставалось больше, «какъ вовсе отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій».

На подобныя неудовольствія эрцъ-герцога нельзя иначе смотрѣть, какъ на капризъ больного человѣка, ибо при силахъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ, не приходилось измѣнять наступательные проекты въ оборонительные изъ за убыли 1500—2000 человѣкъ. Эрцъ-герцогъ Карлъ былъ дѣйствительно человѣкъ больной, временами даже очень больной, да и во взглядахъ на военное искуство съ Суворовымъ не сходился. Какъ бы то ни было, армія эрцъ-герцога продолжала пребывать въ упорномъ бездѣйствіи, и неудовольствія между нимъ и Суворовымъ накоплялись.

Иначе и быть не могло при положеніи, которое создалось для русскаго полководца на театрѣ войны, въ періодъ, теперь описываемый. Даже такіе всесильные аргументы, какъ факты, не въ состояніи были сломить традиціонной системы Вѣнскаго кабинета, системы эгоизма, недовѣрчивости и робости. Едва побѣдоносный фельдмаршалъ успѣлъ возвратиться къ Александріи, какъ получилъ рескриптъ императора Франца, писанный 10 іюля. Въ немъ указывалось на «неоднократныя» повелѣнія объ ускореніи осады Мантуи; говорилось объ ожидаемомъ усиленіи Моро и соединеніи его съ Макдональдомъ; объ опасномъ положеніи Кейма, оставленнаго въ Туринѣ; о мѣрахъ къ спасенію его отряда при наступленіи непріятеля. Хотя императоръ вѣрилъ въ «опытность, храбрость и столь часто испытанное счастье» Суворова, но подтверждалъ: «совершенно отказаться отъ дальнихъ и невѣрныхъ предпріятій, и о всякомъ важномъ предположеніи или дѣйствіи предварительно доводить до его свѣдѣнія».

Отвѣтомъ на этотъ рескриптъ служила реляція Суворова о

побѣдѣ на Треббіи. Это нѣсколько успокоило Вѣнскій дворъ, но отнюдь не избавило главнокомандующаго отъ новыхъ уроковъ гофкригсрата. Іюня 29 императоръ Францъ снова писалъ ему, что хотя одержанная побѣда устраняетъ многія опасенія, но предписывается отложить всякія помышленія о наступательныхъ движеніяхъ, взамѣнъ того усилить корпусъ Края и «исключительное вниманіе обратить на покореніе Мантуи», а за нею Александріи, Тортоны, Кони и проч. Такъ какъ это же самое писалось Суворову и раньше, и послѣ, то понятно, что ему оставалось одно—безпрекословно подчиниться.

Слова императора о счастіи, постоянно покровительствующемъ Суворову, оскорбили его глубоко; въ нихъ сказывалась, сверхъ невѣрной оцѣнки, еще и неблагодарность. Упоминая про это въ письмѣ къ Разумовскому, Суворовъ говоритъ, что слышитъ такой отзывъ не впервые, что тоже самое говорила въ арміи ослиная голова. «Его Римско - Императорское Величество желаетъ», пишетъ онъ: «чтобы, ежели мнѣ завтра баталію давать, я бы отнесся прежде въ Вѣну». Въ другомъ его письмѣ читаемъ: «я въ Миланѣ,—изъ Вѣны получаю отвѣтъ о пріѣздѣ моемъ въ Верону; я только что въ Туринъ перешелъ,—пишутъ мнѣ о Миланѣ». Кромѣ того мы видѣли, что Суворовъ получилъ отъ императора Франца непріятное напоминаніе объ осадѣ Мантуи, когда уже всѣ распоряженія по этому предмету были сдѣланы. Подобными запоздалыми приказами изъ Вѣны была наполнена вся кампанія; гофкригсратъ привыкъ всѣмъ руководить и видѣть со стороны австрійскихъ генераловъ безпрекословное исполненіе. Но Суворовъ былъ человѣкъ другого характера и склада понятій. Онъ настойчиво требовалъ отъ Разумовскаго, чтобы этотъ ненормальный порядокъ былъ измѣненъ и чтобы гофкригсратъ вмѣшивался лишь «во внутреннія детали, и изъ 4 угловъ на 1000 верстъ отнюдь въ мои операціи не входилъ... Я воленъ, служу когда хочу, изъ амбиціи;... я не наемникъ, не мерсенеръ, который изъ хлѣба имъ послушенъ... У гофкригсрата одна и двѣ кампаніи мнѣ стоили мѣсяца, а какъ его владычество загенералисимствовало, можетъ мнѣ стать одинъ мѣсяцъ его кампаніи на цѣ-

лую кампанію... Выведите меня изъ пургаторіи, ничто не мило... Стыдно мнѣ было бы, чтобы остатки Италіи въ сію кампанію не опорожнить отъ Французовъ... Распутная тонкость Тугута сгубила прежде здѣсь двѣ лучшихъ арміи и повредила рейнскую... Честнѣе и прибыльнѣе воевать противъ Французовъ, нежели противъ меня и общаго блага» [6]).

Въ Вѣнѣ давно уже замѣтили, а теперь окончательно убѣдились, что русскій полководецъ вовсе не расположенъ быть слѣпымъ исполнителемъ присылаемыхъ ему приказаній, а принимаетъ изъ нихъ лишь то, что по его мнѣнію принять можно. Поэтому гофкригсратъ, для большей увѣренности въ исполненіи дѣлаемыхъ имъ распоряженій, сталъ многое передавать прямо подчиненнымъ Суворову австрійскимъ генераламъ и требовать отъ нихъ непосредственныхъ донесеній въ Вѣну. Такой порядокъ противорѣчилъ духу службы, да кромѣ того вводилъ въ ея исполненіе сумбуръ, потому что приказанія получались большею частью при измѣнившихся обстоятельствахъ, вели къ недоразумѣніямъ и противорѣчіямъ, отмѣняли распоряженія главнокомандующаго, подрывали авторитетъ его власти. Когда, въ бытность Суворова еще въ Туринѣ, онъ, по первымъ вѣстямъ о наступательномъ движеніи непріятеля, приказалъ временно присоединить отряды Отта и Гогенцолерна къ обсерваціонному корпусу Бельгарда, Край прислалъ ему копію съ вѣнскаго предписанія, гдѣ говорилось, что до взятія Мантуи ни одинъ солдатъ не долженъ быть отдѣляемъ изъ осаднаго корпуса. Во время осады туринской цитадели было перехвачено письмо коменданта Фіореллы, въ которомъ значилось, что тамошняя артиллерія никуда не годится. О такомъ открытіи было донесено, вѣроятно Кейомъ, прямо въ Вѣну, и оттуда послѣдовало Шателеру приказаніе— артиллерію эту не исправлять. Суворовъ узналъ про все это впослѣдствіи; артиллерія была по его приказанію все таки исправлена и дѣйствовала потомъ при осадѣ александрійской цитадели. Когда туринская цитадель сдалась, но донесеніе объ этомъ до Вѣны еще не дошло, Шателеръ получилъ оттуда замѣчаніе или сообщеніе, что осаду означенной крѣпости слѣдуетъ отложить до взятія Кони и Генуи («чего глупѣе!» замѣчаетъ Суворовъ),

и что ушедшій изъ подъ Турина Суворовъ можетъ быть побитъ на голову, а армія погибнуть при отступленіи, защищая множество протекающихъ въ ея тылу рѣкъ [6]).

Честный и благородный Шателеръ держалъ постоянно сторону Суворова и если иногда скрывалъ отъ него вѣнскія распоряженія, то не изъ двоедушія, а чтобы не прибавлять горечи въ его положеніе. Не такъ смотрѣли, въ большинствѣ, другіе генералы, а потому интриговали и своевольничали, благо въ Вѣнѣ поддержка была надежнѣе, чѣмъ у иноземца-фельдмаршала, котораго кабинетъ выносилъ уже съ трудомъ. Авторитетъ главнокомандующаго видимо падалъ, положеніе Суворова становилось съ каждымъ днемъ труднѣе, и борьба со скрытыми врагами утомляла его больше всякихъ другихъ трудовъ по командованію арміей. Подлинныя слова его переписки съ Разумовскимъ, Ростопчинымъ, Толстымъ, преимущественно съ первымъ, лучше всего это доказываютъ. «Суточные труды, скептическая огромная переписка съ бештимтзагерами, безпрестанныя отъ интригъ неудовольствія къ гофкригсрату—отчаяли меня... У нихъ отнять перо, бумагу и крамолу, и бештимтзагерамъ отнюдь не относиться въ гофкригсратъ... Истекающую отъ глупаго Демосфена-Дитрихштейна тайную кореспонденцію къ моимъ подчиненнымъ, для общей пользы крайне воспрепятствуйте: онъ развращаетъ генералъ-квартирмейстера—пространнаго геніума, дѣятельнаго спиритуса, вѣтреннаго юдиціума... Гофкригсратъ, не касаясь до меня, повелѣваетъ частными, мнѣ недовѣдомо; такъ генералъ-квартирмейстеру, отъ котораго я слѣдственно завишу... Проекторы, элоквенты, пустобаи питаютъ гофкригсратъ... Тугутъ шпіонируетъ здѣсь перепискаме съ генералъ-квартирмейстеромъ чрезъ своего учителя, Дитрихштейна; это старику не хвально, лучше писать прямо ко мнѣ, а разумнѣе черезъ васъ... Таковыя подлыя невѣжества, сопряженныя съ многомѣстными скрибенскими интригами противъ моего чужестранства, принуждаютъ меня не терпѣть ни часу и сложить съ себя мою должность... Вы одни дайте мнѣ къ тому способъ... чтобы мнѣ отнюдь не мѣшали гофкригсратъ и гадкіе проекторы... Подъяческій штиль, которымъ безъ моего вѣдома пишутъ въ гофкригсратъ, сколько ни взы-

скиваю, вывести не могу» [7]). И дѣйствительно безцеремонность, забвеніе приличій и неуваженіе Вѣнскаго двора къ главнокомандующему, выпрошенному имъ самимъ у Русскаго Государя, не знали границъ. Когда Суворовъ сталъ составлять планъ операцій (будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ), Шателеръ остановилъ его замѣчаніемъ, что это противорѣчитъ высочайшему повелѣнію и на вопросъ—какому, отвѣчалъ—полученному Меласомъ.

Въ Вѣну доходили жалобы на быстрые марши, къ которымъ часто прибѣгаетъ Суворовъ; австрійскіе генералы, не привычные къ его образу веденія войны, говорили (пишетъ Суворовъ), что «армія этими маршами изнурена, и если непріятель нападетъ, то все побьетъ и плѣнитъ; самъ честный, добрый старикъ Меласъ тѣмъ же отзывался». Въ Вѣнѣ засѣдали генералы той же школы, а потому предостереженіе это произвело большое впечатлѣніе и поддержало гофкригсратъ въ его взглядахъ на Суворова.

Когда Суворовъ сталъ настойчиво требовать присоединенія къ себѣ Гадика, согласно съ прежними распоряженіями гофкригсрата, ему было дано знать, что если онъ проситъ войскъ теперь, послѣ побѣды на Треббіи, то что же бы сталъ онъ требовать, еслибъ былъ разбитъ? Суворовъ разсердился и написалъ Разумовскому: «глупый министръ не знаетъ, что для пользы отъ побѣды надобно больше войска». Гофкригсратъ этимъ не ограничился и рѣшилъ отобрать нѣкоторыя войска отъ Суворова для передачи ничего не дѣлающему эрцъ-герцогу, такъ какъ послѣ побѣды на Треббіи, всѣ страхи и опасенія кабинета разсѣялись. Оставалось взять нѣсколько крѣпостей, и завоеванія были бы упрочены; затѣмъ въ Италіи не предстояло никакого дѣла, и армія Суворова становилась почти обсерваціоннымъ корпусомъ. Суворовъ не согласился съ такимъ взглядомъ и писалъ Разумовскому: «кабинетъ желаетъ доказать, что я долженъ быть только стражемъ передъ вѣнскими воротами... Кроя эрцъ-герцогову кровлю, мою раскрывать не надлежитъ, или предаться по прежнему непріятельскимъ закопамъ». Когда Вѣнскій кабинетъ возбудилъ вопросъ объ измѣненіи Ребиндерова назначенія, то Суворовъ, просившій Государя не дѣлать этого, пояснилъ, что «всю надежду на эрцъ-

герцога Карла потерялъ», а Разумовскому сообщилъ, что «какъ скоро Ребиндера отъ меня прочь, и я отсюда прочь». Государь согласился не съ Вѣнскимъ дворомъ, а съ Суворовымъ, — новый поводъ къ неудовольствіямъ на Суворова въ Вѣнѣ [3]).

Усилить свои войска Суворовъ могъ бы инымъ путемъ — средствами занятаго края, и въ этомъ смыслѣ нѣкоторые писатели дѣлаютъ укоръ его безпечности и недѣятельности, указывая на примѣръ Французовъ. Но мы видѣли раньше, что Суворовъ такъ и разсчитывалъ поступить, только распоряженія его были кассированы изъ Вѣны. Онъ самъ приводилъ Разумовскому въ примѣръ французскій образъ дѣйствій въ этомъ отношеніи, говорилъ, что можно бы сформировать и сильный корпусъ войскъ, и милицію подъ знаменами Сардинскаго короля. Хотя онъ неоднократно возобновлялъ свои представленія въ Вѣну, но успѣха нетолько не было, а еще получались весьма непріятные отвѣты. Подъ австрійскія же знамена Пьемонтцы не шли; все, что удалось изъ нихъ набрать, ограничилось 6 батальонами.

Продовольственная часть оставалась по прежнему совершенно не удовлетворительной, а при усиленныхъ движеніяхъ и внезапныхъ операціяхъ играла роль главнѣйшаго тормаза. Участникъ войны, служившій въ корпусѣ, бывшемъ Ребиндера, свидѣтельствуетъ, что солдаты получали хлѣбъ изъ муки, крупносмолотой изъ разнаго рода зерна; вкусомъ онъ былъ полукислый, почти прѣсный, «какъ трава, безъ малѣйшаго вкуса; мягкій— крошился, а о черствомъ и говорить нечего». Говядина выдавалась отъ скота дурного, очень стараго; часто попадалась и ослятина. Порціонныя водка и вино «были ближайшими родственниками итальянской воды» [4]). Все это говорится за время слѣдованія корпуса по Италіи до соединенія съ арміей, т.-е. за періодъ мирнаго похода; что же было при походахъ военныхъ, при передвиженіяхъ внезапныхъ, быстрыхъ? Было тоже самое, что описано прежде. Но при этомъ нельзя пропустить одной характерной черты, бросающей свѣтъ на несовсѣмъ честное отношеніе австрійской администраціи къ русскимъ вспомогательнымъ войскамъ. Состоявшій при Розенберговомъ корпусѣ, а потомъ при арміи Суворова, дипломатическій чиновникъ, командированный тайною

экспедиціей, Фуксъ, доносилъ генералъ-прокурору, что съ самаго вступленія русскихъ войскъ въ Италію, продолжается «великое нерадѣніе Австрійцевъ о нашемъ продовольствіи», и оттого происходятъ разные безпорядки. Австрійцы приводятъ въ свое оправданіе, что походы очень быстры, но (замѣчаетъ Фуксъ) и «австрійскія войска принуждены двигаться форсированными маршами, однако это на ихъ продовольствіи не отзывается» [9]). Такимъ образомъ выходитъ, что вышеприведенный авторъ записокъ не совсѣмъ правъ, утверждая, будто это дѣло шло «всемірнымъ провіянтскимъ порядкомъ».

Все это, вмѣстѣ взятое, превращало Суворова въ лицо, которое было не главнокомандующимъ, а какимъ-то представителемъ главнаго командованія съ одной внѣшней стороны, да и то не вполнѣ. Въ письмѣ къ Разумовскому онъ говоритъ, что никогда не можетъ добиться истинной цифры австрійскихъ потерь, ни приблизительнаго исчисленія потери непріятеля, а потому «въ описаніяхъ теменъ» [2]). Мало того, онъ утверждаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ Австрійцы просто лгали, подводя слишкомъ большіе итоги своимъ потерямъ. На основаніи повелѣнія Павла I, слѣдовало вести журналъ военныхъ дѣйствій (что впрочемъ постоянно дѣлалось и при Екатеринѣ), и Суворовъ поручилъ эту работу Фуксу. Фуксъ доноситъ въ половинѣ іюля генералъ-прокурору, что «къ составленію журнала есть препятствіе со стороны Австрійцевъ, ибо они никакихъ свѣденій не даютъ» [9]). Конечно отчасти этимъ же обстоятельствамъ русскіе военные архивы того времени обязаны своею неполнотою и разнорѣчіемъ архивныхъ документовъ. Къ той же категоріи слѣдуетъ отнести, что Суворовъ иногда отказывается отъ своихъ словъ. Такъ, послѣ Треббіи онъ пишетъ Краю: «при моемъ истощенномъ и слабомъ здоровьѣ, могу я часто подписывать необдуманно, въ особенности же когда мнѣ подкладываютъ что нибудь въ дипломатическомъ стилѣ, который такъ затемняетъ военное письмоводство», и затѣмъ приводитъ въ доказательство примѣръ.

Принужденный дѣйствовать въ подобной обстановкѣ, Суворовъ естественно долженъ былъ находиться въ напряженномъ

состояніи духа. Онъ былъ недоволенъ, раздраженъ, и высказывалъ это часто. Былъ онъ недоволенъ, между прочимъ, и русскимъ посломъ въ Вѣнѣ, графомъ Разумовскимъ, который подчинялся вполнѣ вліянію барона Тугута, смотрѣлъ его глазами, сдѣлался слѣпымъ его орудіемъ. Въ какой мѣрѣ русскій посолъ, по донесенію Фукса, былъ надмѣненъ и высокомѣренъ съ русскими генералами и офицерами [6]), въ такой мѣрѣ отличался уступчивостью и любезностью къ вершителямъ судебъ въ Вѣнскомъ кабинетѣ. Передъ Суворовымъ онъ лебезилъ, заискивалъ у него, льстилъ ему; величалъ фельдмаршала полководцемъ, подобнаго которому никогда не было и не будетъ; извинялъ боязливость Вѣнскаго кабинета предшествовавшими пораженіями; называлъ его «напуганнымъ кабинетомъ»; наивно увѣрялъ, что у двора недовѣрія къ нему, Суворову, совсѣмъ нѣтъ, а есть только опасеніе, чтобы онъ не пошелъ слишкомъ далеко. Всѣ эти любезности сначала какъ будто смягчали Суворова, потомъ шли ни во что; не выходя изъ формъ приличій и вѣжливости, онъ все настойчивѣе требовалъ отъ посла содѣйствія при Вѣнскомъ кабинетѣ и наконецъ сталъ писать ему безъ обиняковъ. Узнавъ, что въ корпусъ Ребиндера Разумовскій посылалъ прямо свои предписанія, Суворовъ ему пишетъ: «совѣтую вамъ, если случится въ чемъ ни есть къ войскамъ отнестись, чтобъ мнѣ о томъ для соображенія, какъ къ начальнику, сообщать изволили; не заводите другой гофкригсратъ, и одинъ всю мою вѣру и вѣрность крушитъ». Когда непріятности какъ-то перемежились, и Суворовъ на короткое время успокоился, онъ обратился къ женѣ Разумовскаго съ просьбой: «матушка графиня, высѣки графа, онъ предъ симъ много дурилъ» [7]). Вообще же холодность его къ Разумовскому росла съ каждымъ днемъ и кончилась совершеннымъ разрывомъ.

Не трудно понять, что касалось въ своихъ письмахъ Вѣнскаго кабинета, гофкригсрата, его приверженцевъ и большинства австрійскихъ начальниковъ,—Суворовъ не стѣснялся въ сарказмахъ и выраженіяхъ негодованія. «Вездѣ невѣжественный гофкригсратъ, робкій кабинетъ, непскореняемая привычка битымъ быть, унтеркунфтъ, бешпимтзагенъ.... Здѣшнія завоеванія не по

ихъ правиламъ, какъ они обыкли все терять до вѣнскихъ вратъ, которые перенесены быть могутъ въ Пресбургъ» [10]). Ненавистныхъ бештимтзагеровъ онъ ставитъ по срединѣ между дураками и плутами, и нападаетъ въ особенности на ихъ умѣнье—терять людей: «для короны—размѣнъ есть; для нихъ—не ихъ люди, чего жалѣть!... Бештимтзагеры убавили у меня изъ подъ ружья въ три раза почти больше, нежели мнѣ на трехъ баталіяхъ стоили Тидона, Треббія и Нура». Бельгарда онъ считаетъ дошедшимъ въ этой наукѣ до *мудрости*, такъ велики у него потери. Признавая отличныя дарованія эрцъ-герцога Карла, Суворовъ однакоже не даетъ пощады и ему за бездѣятельность, называетъ его «наитомнѣйшимъ» и говоритъ: «эрцъ-герцогъ сидитъ въ полномъ унтеркунфтѣ и тѣмъ бештимтзагеритъ всю бурю на меня, ибо у Французовъ до 10,000 съ Жубером сюда набавилось». Онъ увѣряетъ Толстого, что эрцъ-герцогъ могъ бы нанести Французамъ вдвое, втрое больше потери, еслибы прибѣгалъ чаще къ холодному оружію: «а штыками здѣсь, при мнѣ, Нѣмцы хорошо колютъ».

Не всѣхъ впрочемъ бракуетъ Суворовъ, бичуя своими злыми сарказмами; Меласъ, несмотря на его ограниченность, Край, Вукасовичъ, Шателеръ, Цахъ и нѣкоторые другіе составляютъ исключеніе. Достается и имъ, но не такъ, какъ настоящимъ «бештимтзагерамъ», а просто по натурѣ Суворова. Шателера онъ называетъ любя «милымъ вѣтрогономъ», своей «разрозненной библіотекой». При осадѣ александрійской цитадели Шателеръ былъ въ траншеѣ раненъ и потому не могъ оставаться при должности; Суворовъ взялъ отъ Края генералъ квартирмейстеромъ Цаха, говоря про него, что это «не Цах-гафтъ, а только Цахъ: добръ, тихъ, ученъ, но истинный проектный унтеркунфтеръ, и я въ комбустіи». Шателеръ больше не возвращался къ Суворову, такъ какъ жестоко провинился передъ гофкригсратомъ, осмѣивая его въ частныхъ своихъ письмахъ и горячо держа сторону главнокомандующаго. Письма эти были вскрыты въ государственной канцеляріи, и Тугутъ воспользовался случаемъ, чтобы разлучить съ Суворовымъ такого вреднаго человѣка. Спустя нѣсколько недѣль, Суворовъ въ одномъ изъ сво-

ихъ писемъ отозвался о Шателерѣ совсѣмъ не такъ, какъ прежде, назвавъ его шпіономъ Дитрихштейна. Онъ былъ положительно не правъ и выразился такимъ образомъ вѣроятно подъ какимъ нибудь минутнымъ впечатлѣніемъ; можетъ быть также и то, что креатуры Тугутовы успѣли оклеветать отсутствующаго.

Не привыкшій дѣйствовать со связанными руками, безъ участія своихъ дарованій и опытности, Суворовъ постоянно старался сбросить съ себя путы, но они отъ этого больше стягивались. Оставалось еще рѣшеніе—уйти, бросить блистательно-начатое дѣло; но для него, жившаго военной славой и для военной славы, это было почти самоубійствомъ. И однако онъ останавливался неоднократно на такомъ рѣшеніи, сообщая его Разумовскому. Іюня 21, послѣ изложенія невыносимости своего положенія, онъ кончаетъ письмо словами: «домой, домой, домой,— вотъ для Вѣны весь мой планъ», а спустя 4 дня посылаетъ въ Петербургъ прошеніе къ Государю. «Робость Вѣнскаго кабинета, зависть ко мнѣ, какъ чужестранцу, интриги частныхъ двуличныхъ начальниковъ, относящихся прямо въ гофкригсратъ, который до сего операціями правилъ, и безвластіе мое въ производствѣ сихъ (операцій) прежде доклада на тысячи верстахъ, принуждаютъ меня Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше просить объ отзывѣ моемъ, ежели сіе не перемѣнится. Я хочу мои кости положить въ своемъ отечествѣ и молить Бога за моего Государя».

Но Вѣнскій кабинетъ успѣлъ забѣжать впередъ. Онъ дѣлалъ Суворову сначала замѣчанія и укоры въ неповиновеніи, а когда эти мѣры оказались недѣйствительными, принесъ въ Петербургъ жалобу. Императоръ Павелъ не могъ конечно узнать правды изъ этой жалобы, а потому сообщилъ Разумовскому, что Суворовъ находится въ распоряженіи императора Франца; что «въ немъ нѣтъ недостатка ни усердія, ни доброй воли, а ремесло свое онъ знаетъ не хуже какого нибудь министра или посланника; пусть только ему предпишутъ, чего отъ него желаютъ, а ему останется исполнять». Въ Вѣнѣ конечно возрадовались такому отзыву и продолжали приводить Суворова къ повиновенію, но Суворовъ никакъ не соглашался превратиться въ мертвый инструментъ.

Тогда, 23 іюля, императоръ Францъ рескриптомъ напомнилъ ему, что онъ отданъ въ его, императора, распоряженіе: «а потому несомнѣнно надѣюсь, что вы будете въ точности исполнять предписанія мои».

Тѣмъ временемъ Императоръ Павелъ, получивъ прошеніе Суворова, увидѣлъ изъ-за чего возникло неудовольствіе, слухи о которомъ еще раньше доходили до его свѣдѣнія. Принимая въ соображеніе, что предъявляемыя Вѣнскимъ кабинетомъ къ Суворову требованія неудобоисполнимы и въ существѣ своемъ значительно разнятся отъ первоначальныхъ, Павелъ I просилъ Франца II принять мѣры, чтобы гофкригсратъ не давалъ предписаній, противныхъ его собственной (Франца II) волѣ, такъ какъ подобные поступки могутъ повести къ послѣдствіямъ, самымъ гибельнымъ для общаго дѣла. Сверхъ того дано Разумовскому повелѣніе—потребовать формально объясненій отъ самого Австрійскаго императора. Вскорѣ послѣ (31 іюля) послѣдовалъ на имя Суворова рескриптъ, гдѣ говорилось о необходимости предохранить себя «отъ всѣхъ каверзовъ и хитростей Вѣнскаго двора»; что же касается до «дальнѣйшихъ военныхъ операцій и особенной осторожности отъ умысловъ, зависти и хищности подчиненныхъ австрійскихъ генераловъ», то Государь предоставлялъ это «искуству и уму Суворова» [11]).

Такъ непроизводительно тратилось время, недѣли уходили за недѣлями въ осадахъ крѣпостей, и второстепеннымъ цѣлямъ войны жертвовались главныя. Болѣла душа Суворова, цѣнившаго время выше всего, но измѣнить ходъ дѣлъ былъ онъ не въ силахъ. А между тѣмъ въ позднѣйшей литературѣ именно на него обрушились нѣкоторые quasi—критики, относя его бездѣйствіе къ недостатку военнаго соображенія и разсчета. Опровергать такой взглядъ кажется нѣтъ надобности. Въ продолженіе своего вынужденнаго бездѣйствія, Суворовъ не разъ получалъ свѣдѣнія о готовящемся будто-бы наступательномъ движеніи непріятеля, достовѣрность которыхъ подкрѣплялась частыми передвиженіями французскихъ войскъ; но эти слухи оставались слухами. Не пропуская ихъ вовсе безъ вниманія и принимая кое-какія мѣры, Суворовъ однако сосредоточилъ свои мысли на другомъ пред-

метѣ, именно на собственномъ наступленіи въ Генуэзскую Ривіеру. Онъ постоянно и твердо держался этого предположенія, но послѣ категорическихъ, настойчивыхъ вѣнскихъ инструкцій, долженъ былъ отсрочить исполненіе до взятія Мантуи. Былъ заранѣе составленъ планъ операцій, который пересматривался и измѣнялся съ перемѣною обстоятельствъ; дѣлались приготовленія, отдавались предварительныя приказанія. Окончательно принятый Суворовымъ планъ состоялъ въ наступательномъ движеніи тремя колоннами: главная должна была направиться чрезъ Тендскій проходъ къ Ниццѣ, другая—угрожать Генуѣ со стороны Александріи, третья—идти вдоль морского берега. Планъ этотъ былъ имъ подписанъ 19 іюля, за нѣсколько часовъ до полученія донесенія о взятіи Мантуи, и тотчасъ по полученіи донесенія сталъ приводиться въ исполненіе. Суворовъ обратился къ австрійскимъ генераламъ не только съ приказаніемъ, но и съ просьбою—спѣшить всѣми распоряженіями, не останавливаясь ни передъ какими жертвами, и далъ на то десять дней сроку. Краю приказано, оставивъ въ Мантуѣ гарнизонъ и отрядивъ еще часть войскъ на усиленіе колонны генерала Кленау, назначенной идти по морскому берегу, съ остальными спѣшить къ Александріи, совершивъ этотъ путь (175 верстъ) непремѣнно въ 8 дней. Затѣмъ, чтобы сберечь время впереди, Суворовъ приказалъ овладѣть находившимся на предстоящемъ пути наступленія фортомъ Серавалле.

Городъ и фортъ были немедленно обложены, и въ ночь на 25 число открыты осадныя работы. Хотя по неприступному положенію крѣпостцы на утесѣ, приходилось вооружать брешь-батарею, втаскивая орудія по кручамъ на канатахъ, но все таки утромъ она была готова, открыла огонь и черезъ нѣсколько часовъ заставила фортъ замолчать. Французскіе передовые посты на Апеннинахъ пришли въ движеніе, начались мелкія нападенія, прошелъ слухъ о наступленіи республиканской арміи. Суворовъ встревожился и написалъ завѣдывающему осадой Багратіону, что Серавалле не стоитъ большихъ жертвъ, и въ случаѣ чего, лучше осаду бросить и отойти благовременно назадъ. «Токмо постыдно будетъ», прибавлялъ онъ: «ежели по пустому... я на

все даю вамъ волю». Багратіонъ воспользовался полномочіемъ и продолжалъ осаду; Суворовъ послалъ своего племянника, князя Горчакова, высмотрѣть положеніе непріятеля, поѣхалъ за нимъ самъ, и хотя тревога оказалась напрасной, но съѣздилъ туда вторично вечеромъ и остался на ночь. Приготовленія къ приступу устрашили гарнизонъ небольшой крѣпостцы, и 27 числа онъ сдался въ числѣ 180 человѣкъ военноплѣнными, а пятеро офицеровъ отпущены во Францію съ условіемъ не служить годъ противъ союзниковъ. Фортъ заняли Австрійцы.

Вскорѣ послѣ, именно 30 числа, прибыли подъ Александрію войска Края, и на слѣдующій день разослана въ войска диспозиція. Наступленіе положено начать 4 августа; остававшіеся 3 дня назначались на предварительныя передвиженія войскъ, на отдыхъ корпусу Края и на обученіе этого корпуса дѣйствію холоднымъ оружіемъ, что и поручено князю Багратіону. Но предположенное наступленіе союзниковъ было предупреждено Французами.

Во время невольнаго бездѣйствія Суворова, обстоятельства успѣли измѣниться и въ измѣненномъ видѣ укрѣпиться. Французская директорія приняла рядъ энергическихъ мѣръ къ увеличенію и устройству вооруженныхъ силъ и сдѣлала большія перемѣны въ персоналѣ высшаго военнаго управленія и командованія. Формировались новыя и переформировывались старыя арміи — рейнская, гельветическая, альпійская и итальянская. Двѣ первыя должны были вытѣснить эрцъ-герцога Карла изъ Швейцаріи до прибытія корпуса Римскаго Корсакова; назначеніе арміи альпійской, генерала Шампіонэ, состояло въ обезпеченіи южной Франціи и въ угроженіи союзникамъ въ Пьемонтѣ; итальянской выпадала главная роль — очистить Пьемонтъ и выручить Мантуу. Во всемъ этомъ разсчетѣ было очень много увлеченія; въ концѣ іюля, вмѣсто предположенныхъ 270,000 человѣкъ, въ четырехъ арміяхъ состояло всего 150,000; но смѣлые до нелѣпости военные планы директоріи не были одной фантазіей,—они находили себѣ оправданіе въ недавнемъ прошломъ. Итальянская армія вмѣсто предположенныхъ 70,000 человѣкъ, имѣла только 45,000, но несмотря на это и на численную силу союзниковъ въ сѣверной Италіи почти въ 110,000, она

все-таки должна была начать неотлагательно наступленіе. Ей дали и новаго главнокомандующаго, Жубера, а Моро перемѣщался на сѣверъ, для командованія рейнскою арміей.

Жуберъ прибылъ 24 іюля; Моро сдалъ ему армію, но предложилъ на первое время свое содѣйствіе; Жуберъ принялъ это благородное предложеніе съ искренней признательностью. Новому главнокомандующему не было еще 30 лѣтъ отъ роду; онъ имѣлъ солидное образованіе, какимъ могли тогда похвастать немногіе французскіе генералы, обладалъ замѣчательнымъ мужествомъ и врожденнымъ военнымъ дарованіемъ. Онъ готовился совсѣмъ не къ военному поприщу, но, поступивъ въ 1791 году рядовымъ въ одинъ изъ батальоновъ альпійской арміи, черезъ 4 года былъ уже бригаднымъ генераломъ, а еще года черезъ три попалъ въ главнокомандующіе одной изъ армій. Теперь, въ 1799 году, благодаря доброй его славѣ въ рядахъ войскъ, любви къ нему солдатъ, испытаннымъ республиканскимъ убѣжденіямъ и политической благонадежности, правительство поставило его на самый важный постъ въ борьбѣ съ коалиціей.

Пріѣздъ Жубера подѣйствовалъ на войска ободрительно, не исключая и высшихъ командующихъ лицъ; это одушевленіе какъ бы подкрѣплялось рѣшимостью новаго предводителя немедленно начать наступательныя дѣйствія. Но генералъ Сенъ-Спръ умѣрилъ его пылъ положительнымъ удостовѣреніемъ, что подъ Александріей находится огромная масса союзныхъ силъ. Жуберъ нѐ хотя отсрочилъ наступленіе, сталъ стягивать войска и собралъ военный совѣтъ. На совѣтѣ мнѣнія раздѣлились, такъ какъ о силѣ и расположеніи союзной арміи имѣлись различныя свѣдѣнія. Жуберъ рѣшилъ произвести движеніе такимъ образомъ, чтобы, по собраніи достовѣрныхъ данныхъ о непріятелѣ, придвинуть или правый свой флангъ къ лѣвому, или лѣвый къ правому. Сообразно съ этимъ, его войска двинулись нѣсколькими колоннами, и 1 августа лѣвое крыло заняло Акви, а часть праваго приблизилась къ Серавалле.

Если Французы, владѣвшіе горами, мало знали о силахъ и расположеніи союзниковъ на равнинѣ, то тѣмъ труднѣе было Суворову имѣть вѣрныя свѣдѣнія о Французахъ. Онъ пришелъ къ

убѣжденію, что Французы направляются главнымъ образомъ вдоль Скривіи, для освобожденія Тортоны, осада которой была предпринята нѣсколько дней назадъ, а потому, придерживаясь своихъ прежнихъ предположеній, задался цѣлью — выманить непріятеля изъ горъ и подавить его перевѣсомъ своихъ силъ, особенно конницы. Сообразно съ этимъ онъ расположилъ свои войска такимъ образомъ, чтобы противникъ былъ встрѣченъ передними частями откуда бы ни появился, а дальше позади размѣстилъ резервы. Когда же, на слѣдующій день, была занята Французами Капріята, а правое ихъ крыло придвинулось къ Нови, Суворовъ велѣлъ отправить всѣ обозы за Александрію и вызвалъ Багратіона къ своему мѣсту, приказавъ однакоже оставить при войскахъ Края штабъ-офицера, дабы продолжать ихъ обученіе.

Передъ разсвѣтомъ, 3 августа, войска французскаго лѣваго крыла подошли къ Нови; стоявшій тутъ Багратіонъ, держась предписаннаго образа дѣйствій, отступилъ съ легкой перестрѣлкой и остановился въ 3 верстахъ у Поцоло-Формигаро. Лѣвое крыло Французовъ двинулось на соединеніе съ правымъ, къ Пастуранѣ; Край долженъ былъ, согласно приказанію Суворова, атаковать, но умолялъ отсрочить атаку, отзываясь крайней усталостью войскъ. Къ удивленію, Суворовъ согласился; по всей вѣроятности онъ поддался на просьбу потому, что она шла отъ Края, боевыя качества котораго онъ цѣнилъ и потому ему вѣрилъ. Такъ Суворовъ поступалъ обыкновенно; припомнимъ почти однородный случай на Треббіи съ Розенбергомъ и Багратіономъ. Французы соединились на позиціи безпрепятственно.

Съ ранняго утра Суворовъ былъ на конѣ и разъѣзжалъ по войскамъ, появляясь то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ неожиданно; солдаты, по давнему обыкновенію, сбѣгались къ нему, окружали тѣсной толпой и привѣтствовали. Суворовъ здоровался съ ними, указывалъ на Французовъ, говорилъ, что надо ихъ выманить съ горъ въ чистое поле и побить, а если не спустятся, то пойти къ нимъ и побить ихъ тамъ; произносилъ нѣсколько лаконическихъ боевыхъ наставленій и уѣзжалъ дальше [4]). Ожидая каждую минуту боя, онъ дѣлалъ спѣшныя распоряженія по

всѣмъ частямъ и лично произвелъ рекогносцировку французской позиціи около Нови. Приказавъ своей свитѣ остаться, онъ выѣхалъ въ сопровожденіи одного казака къ своей передовой цѣпи, которая стояла на близкомъ ружейномъ выстрѣлѣ отъ непріятельской, и поѣхалъ вдоль ея. Французскіе генералы, смотрѣвшіе съ высотъ въ зрительныя трубы, узнали союзнаго главнокомандующаго по его необычному для другихъ костюму; онъ былъ въ одной рубахѣ и полотняномъ исподнемъ платьѣ. Непріятельскіе ведеты открыли сильный огонь, позади ихъ стала собираться кавалерія; опасаясь покушенія противъ фельдмаршала, великій князь выслалъ для его защиты два взвода австрійскихъ драгунъ, но Суворовъ вскорѣ самъ повернулъ назадъ. Онъ былъ совершенно увѣренъ въ побѣдѣ, отличался веселымъ расположеніемъ духа и даже написалъ стихи и послалъ ихъ Меласу:

Es lebe Säbel und Bajonnet:
Keine garstige Retraite!
Erste Linie durchgestrochen,
Andere umgeworfen.
Reserve nicht hält,
Weil da Bellegarde und Kray der Held.
Der letzte hat Suworow.
Den Weg zu denen Siegen
Gebannet.

Однако весь день 3 августа прошелъ, а бой не завязался; Французы не выразили желанія бросить свою крѣпкую позицію и спуститься на равнину. Суворовъ рѣшился атаковать ихъ самъ, притомъ не теряя времени, чтобы они не успѣли ни отретироваться, ни на позиціи укрѣпиться, а потому и назначилъ атаку на слѣдующее утро. Диспозиція Суворова не сохранилась ни въ документахъ, ни въ литературѣ, но въ несомнѣнномъ ея существованіи убѣждаютъ другіе документы [12]). Сверхъ того въ литературѣ имѣются указанія, что Суворовъ принялъ свое рѣшеніе по совѣту съ генералами. Одни говорятъ, что онъ спрашивалъ мнѣнія Меласа, и Меласъ нашелъ атаку Французовъ въ ихъ позиціи удобоисполнимою. По свидѣтельству другихъ, онъ собралъ военный совѣтъ, который въ лицѣ большин-

ства австрійскихъ генераловъ призналъ предпріятіе слишкомъ рискованнымъ и даже опаснымъ. Все по тѣмъ же источникамъ, Суворовъ съ такимъ заключеніемъ не согласился и, выставляя перевѣсъ силъ союзниковъ, качество ихъ войскъ, вліяніе недавнихъ побѣдъ на настроеніе ихъ духа,—указывалъ на сравнительную легкость разбитія Французовъ, пока они не собрали всѣхъ своихъ силъ и не укрѣпились на позиціи. Уступая настояніямъ главнокомандующаго, австрійскіе генералы будто бы отказались отъ своего мнѣнія и, полагаясь на его опытность и дарованія, признали атаку непріятеля возможною [13]).

Легко быть можетъ, что происходило что нибудь подобное наканунѣ сраженія при Нови, но только военный совѣтъ вѣроятнѣе совѣщанія съ однимъ Меласомъ, которое не въ духѣ Суворова и не имѣетъ за собой ни повода, ни цѣли. И въ прежнія войны Суворовъ прибѣгалъ иногда къ созыванію военнаго совѣта, не для того, чтобы искать въ заявленіяхъ другихъ лицъ рѣшимость или силу, въ себѣ самомъ не находимую, а на оборотъ, чтобы перелить въ другихъ свою увѣренность, которой быть можетъ многимъ изъ нихъ не доставало. Повидимому онъ и достигъ въ настоящемъ случаѣ своей цѣли; Край самъ вызвался вести главную атаку. Рѣшеніе Суворова — не откладывать атаку, поддерживалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ (и не онъ одинъ) считалъ Французовъ далеко не въ полныхъ ихъ силахъ, а именно въ числѣ 20,000 человѣкъ, да и цѣль ихъ дѣйствій сводилъ къ попыткѣ — освободить Тортону отъ осады.

Чтобы понять послѣдующія распоряженія Суворова, необходимо бросить взглядъ на позицію Французовъ. Она находилась на крутомъ гребнѣ небольшихъ высотъ, между рѣками Орбой и Скривіей; у самой подошвы горъ, на серединѣ между двумя рѣками, лежалъ городокъ Нови, обнесенный высокою каменною стѣной, окруженный предмѣстіями и садами. Садами же, а также виноградниками, отдѣльными домиками и строеніями были усѣяны скаты горъ, обращенные къ равнинѣ, перерѣзанные по всѣмъ направленіямъ заборами, изгородями, канавами. Позиція была вообще крѣпкая, почти неприступная съ фронта, но за то

правый ея флангъ уклонялся далеко назадъ по направленію къ Серавалле, гдѣ находился австрійскій гарнизонъ. Кромѣ того тылъ позиціи представлялъ большія затрудненія для отступленія; его прорѣзывали глубокіе овраги съ рѣчками почти параллельно фронту, и для ретирады имѣлось только двѣ дороги: за правымъ флангомъ и центромъ — на Гави и за лѣвымъ на Пастурану. Суворовъ предположилъ атаковать непріятеля съ лѣваго его фланга и возложилъ это на Края, у котораго было до 27,000 человѣкъ, т.-е. больше всей французской арміи по тогдашнимъ предположеніямъ, а въ дѣйствительности до трехъ четвертей ея. Лѣвѣе Края, противъ Нови, стоялъ Багратіонъ, а позади его, за Поцоло-Формигаро, Милорадовичъ; силы ихъ обоихъ простирались въ итогѣ до 10,000 и составляли лѣвое крыло союзной арміи. Правое крыло должно было стремительно атаковать Французовъ и гнать ихъ чрезъ Нови къ Серавалле, отрѣзывая отъ Гави остальныя непріятельскія войска; лѣвое крыло, съ самимъ Суворовымъ, предназначалось къ движенію за этою атакою, вдоль Скривіи къ Серавалле. Такимъ образомъ главныя дѣйствующія силы союзниковъ простирались до 36—37,000 человѣкъ, а резервомъ для нихъ служили Меласъ и Дерфельденъ съ 15,000, въ 6 — 7 верстахъ за Поцоло - Формигаро; изъ нихъ первому приказано было, въ случаѣ успѣха барона Края, забирать плѣнныхъ изъ французской колонны, которая будетъ отрѣзана отъ прочихъ войскъ и отброшена по направленію къ Тортонѣ. Наконецъ оставался въ распоряженіи Суворова еще 8,000-ный корпусъ Розенберга, стоявшій у Вигпцоло, для прикрытія Тортоны, а также на случай покушенія непріятеля къ той сторонѣ. Если ко всему этому прибавить 5,000-ный осадный тортонскій корпусъ Алкапни, то итогъ всѣхъ союзныхъ силъ получится въ 65,000 человѣкъ.

У Жубера было 35,000, не больше. Выѣхавъ 3 августа на высоты у Нови, онъ увидѣлъ передъ собою, какъ на ладони, всю союзную армію и могъ въ зрительную трубу сосчитать ея силы. Никакому самообольщенію уже не было мѣста: влѣвѣ тянулись длинныя линіи войскъ Отта, Бель-

гарда и Края, — стало быть Мантуа не только взята, но и союзныя войска изъ подъ нея сюда пришли; правѣе группировались другіе корпуса, такъ что свыше 50,000 непріятелей готовы были принять участіе въ бою, кромѣ удаленнаго резерва. Жубера одолѣло раздумье, безпокойство, даже уныніе. Онъ созвалъ военный совѣтъ; большинство совѣтовало отступить вслѣдствіе превосходства непріятельскихъ силъ и ожидать содѣйствія альпійской арміи. Жуберъ не рѣшался, признавая отступленіе въ виду многочисленнаго и отважнаго противника опаснымъ; продержалъ генераловъ до вечера, не въ силахъ будучи подавить своей тревоги и упадка духа, и наконецъ распустилъ ни съ чѣмъ, сказавъ, что черезъ два часа пришлетъ диспозицію къ ретирадѣ. Однако прошли многіе часы, а онъ ни на что не могъ рѣшиться; тѣшилъ себя надеждой, что Суворовъ отступитъ въ виду сильной непріятельской позиціи и ждалъ разсвѣта съ трепетнымъ чувствомъ страха, смѣшаннаго съ надеждой. Можно понять, въ какомъ напряженномъ состояніи была къ утру его нервная система, особенно если взять въ разсчетъ, что онъ поѣхалъ въ армію прямо изъ подъ вѣнца и, прощаясь съ женой, сказалъ ей, что вернется или побѣдителемъ, или мертвымъ. Французскія войска почевали, не занявъ даже боевой позиціи, но такъ какъ одинъ изъ дивизіонныхъ начальниковъ, генералъ Ватренъ, зарвался слишкомъ вправо отъ Нови, по равнинѣ, то послано ему приказаніе — вернуться какъ можно скрытнѣе до утра.

Не занималась еще заря, какъ Край тронулся съ мѣста и повелъ войска въ атаку, пославъ небольшой отрядъ обходомъ въ тылъ непріятеля, къ Пастуранѣ. Только одна французская дивизія занимала на лѣвомъ флангѣ позицію; резервъ находился позади Пастураны въ походныхъ колоннахъ. Передовыя части французской кавалеріи были сбиты, затрещала ружейная перестрѣлка. Надежды Жубера на отступленіе союзниковъ разлетѣлись прахомъ, онъ поскакалъ по направленію выстрѣловъ, бросился въ застрѣльщичью цѣпь и тутъ же былъ убитъ пулей на повалъ. Смерть его была скрыта отъ войскъ до самаго конца дѣла; главное начальство принялъ Моро.

Первая линія Края приблизилась къ подошвамъ высотъ, свернулась въ походныя колонны и стала подыматься. Моро послалъ на правый флангъ за подкрѣпленіемъ; вытянулись и резервы изъ Пастураны на-встрѣчу Австрійцамъ. Завязалась упорная борьба, кончившаяся тѣмъ, что Австрійцы были оттѣснены и сбиты съ высотъ на всемъ протяженіи своей боевой линіи, но отступили въ порядкѣ, подъ защитою огня своей артиллеріи. Французы удержались отъ преслѣдованія.

Во время боя, Край не разъ посылалъ къ Багратіону съ просьбой—атаковать непріятеля со своей стороны, дабы развлечь его вниманіе и силы, но Багратіонъ не рѣшился дѣйствовать вопреки диспозиціи. Однако онъ послалъ нѣсколькихъ ординарцовъ къ Суворову, одного послѣ другого; но они не возвращались. Багратіонъ поѣхалъ самъ, наѣхалъ у Поцоло-Формигаро на кучку генераловъ и адъютантовъ и увидѣлъ тутъ Суворова: онъ лежалъ на землѣ, завернувшись въ плащъ и спалъ, или дѣлалъ видъ, будто спитъ [14]). Дерфельденъ обратился къ пріѣхавшему съ какимъ-то вопросомъ; какъ только Багратіонъ сталъ говорить, Суворовъ вскочилъ, сказавъ, что крѣпко заснулъ, и принялся задавать своему любимцу вопросы о ходѣ дѣла. Узнавъ про неудачу Края, онъ послалъ ему приказаніе—возобновить атаку, велѣлъ одновременно съ нимъ атаковать Багратіону, а Милорадовичу продвинуться впередъ для поддержанія Багратіона.

Багратіонъ повелъ атаку прямо на Новп, Край—по прежнему. Непріятель, пользуясь пересѣченною мѣстностью, засѣлъ въ канавахъ, садахъ, въ строеніяхъ предмѣстія и встрѣтилъ Русскихъ сильнымъ огнемъ, но не остановилъ ихъ и, послѣ жаркой схватки, ретировался въ самый городъ. Русскіе повели атаку на городъ, но встрѣтили высокую и прочную стѣну, не поддававшуюся выстрѣламъ полевыхъ орудій; Русскіе повернули правѣе, по направленію къ высотамъ, и подъ ядрами и картечью продолжали атаку въ замѣчательномъ порядкѣ и съ еще болѣе замѣчательнымъ безстрашіемъ. Французы, отлично укрытые мѣстными предметами, были почти невидимы, тогда какъ ихъ противники, подвигаясь впередъ колоннами и оста-

навливаемые на каждомъ шагу канавами, изгородью и проч., были совершенно открыты выстрѣламъ, да и артиллерія ихъ не могла противодѣйствовать непріятельской, находившейся на верху и занявшей позицію за гребнемъ высотъ. Вдобавокъ ко всему, Французы вышли изъ Нови и ударили въ лѣвый флангъ атакующихъ. Хотя нападеніе это было отражено, однако наступать далѣе на продолженіи атаки представлялось для малочисленнаго отряда Багратіона совсѣмъ неосильнымъ, и войска его стали отходить назадъ подъ прикрытіемъ казаковъ и австрійскихъ драгунъ.

Въ это время противъ лѣваго ихъ фланга появилась французская колонна Ватрена; онъ запоздалъ придвинуться къ Нови, дѣлалъ это только теперь и такимъ образомъ случайно вышелъ во флангъ Русскимъ. Суворовъ, который все ждалъ наступленія непріятеля по Скривіи къ Тортонѣ, былъ удивленъ появленіемъ Французовъ именно отъ Скривіи, сейчасъ же двинулъ противъ нихъ большую часть войскъ Милорадовича и послалъ къ Дерфельдену въ Ривальту приказаніе — со спѣхомъ идти къ Нови. Войска Милорадовича и Багратіона пошли въ атаку лѣвѣе Нови; бригада Ватрена была отбита, но все таки атака на Нови не удалась и на этотъ разъ. Багратіонъ удвоилъ усилія, но снова безъ успѣха; мало того, генералъ Гарданъ опять вышелъ изъ Нови и ударилъ въ правый флангъ Багратіона, а двѣ остальныя бригады Ватрена, подойдя тѣмъ временемъ къ мѣсту боя, устремились на лѣвый флангъ войскъ Милорадовича. Лѣвому крылу союзниковъ стала грозить серьезная опасность, но въ этотъ критическій моментъ показались головы колоннъ Дерфельдена, которыя не шли, а бѣжали подъ палящимъ зноемъ на выручку товарищей.

Линія русскихъ войскъ, подкрѣпленная свѣжими частями, въ порядкѣ, какъ на мирныхъ маневрахъ, двинулась впередъ съ барабаннымъ боемъ. Натискъ произведенъ такой дружный, что Французы были опрокинуты и отброшены къ высотамъ, на которыхъ и поспѣшили укрыться. Русскіе не останавливаясь, произвели общій ударъ на высоты. Но теперь какъ и прежде, они встрѣтили преграду неодолимую и отхлынули.

устилая свой путь множествомъ павшихъ. Дерфельденъ повторилъ атаку,—та же неудача; онъ повелъ атаку въ третій разъ. Усилія были доведены до послѣдней степени напряженія, но привели къ убѣжденію въ неисполнимости предпріятія. Численный перевѣсъ Русскихъ ничего имъ не далъ, потому что огромныя потери быстро его уничтожили. Жаркое итальянское солнце жгло больше, чѣмъ при Треббіи; солдаты падали отъ разслабленія и жажды; легко-раненые умирали отъ изнуренія. Въ первомъ часу дня Суворовъ велѣлъ прекратить атаки.

Не трудно понять, какъ тяжело было ему отдать подобное приказаніе. Онъ можетъ быть и продолжалъ бы упорствовать, если бы распоряжался боемъ издали, но тутъ все происходило на его глазахъ, и въ ходѣ дѣла онъ принималъ непосредственное участіе. Можно сказать, что послѣ первыхъ безуспѣшныхъ атакъ, онъ почти безпрестанно былъ въ огнѣ. То онъ встрѣчалъ опрокинутый батальонъ и продолжалъ съ нимъ ретироваться, крича солдатамъ, какъ на Треббіи: «молодцы ребята, заманивай ихъ, заманивай; спасибо ребята, что догадалися», а потомъ останавливалъ батальонъ, говоря: «теперь пора назадъ, ребята, и хорошенько ихъ». То по первому звуку его голоса бѣжавшіе сами останавливались, строились и кидались снова на непріятеля. То онъ провожалъ батальоны послѣ предшествовавшей неудачи впередъ и, ѣдучи подъ пулями и картечью, ободрялъ солдатъ, а потомъ пускалъ ихъ на врага, приговаривая: «не задерживайся, иди шибко, бей штыкомъ, колоти прикладомъ... ухъ—махни, головой тряхни!» То наконецъ, выведенный изъ себя неудачами, онъ слѣзалъ съ коня и, катаясь передъ фронтомъ по землѣ, съ глубокой скорбью кричалъ: «ройте мнѣ могилу, я не переживу этого дня». Когда генералы и приближенныя лица принимались его успокоивать, онъ отвѣчалъ, что не перенесетъ пораженія при концѣ своего военнаго поприща; ему возражали, что отбитая атака не есть еще пораженіе [15]). Но всѣ эти успокоиванія и утѣшенія были фразами, общимъ мѣстомъ. Суворовъ самъ зналъ, что не только далеко до пораженія, но что развязка дѣла находится въ его рукахъ; тѣмъ не менѣе видъ бѣгущихъ солдатъ и послѣдовательно отбиваемыхъ

одна за другою атакъ производилъ въ немъ невыносимо-болѣзненное ощущеніе. Ярость, ѣдкая горечь, негодованіе, стыдъ кипѣли въ его душѣ и возбуждали необоримую потребность сломить встрѣченное противодѣйствіе. И хотя атака на Нови была въ сущности операціей почти демонстративною, главную же задачу исполнялъ Край, но Суворовъ, по свойству своей натуры, былъ наименѣе способенъ къ подобнаго рода дѣйствіямъ, и настойчивость его увеличивалась по мѣрѣ увеличивавшагося сопротивленія. Совершенно вѣрно охарактеризовалъ его Моро, когда кто-то впослѣдствіи пожелалъ узнать его мнѣніе о Суворовѣ при Нови. «Что же можно сказать», отвѣчалъ онъ: «о генералѣ, который обладаетъ стойкостью выше человѣческой, который погибнетъ самъ и уложитъ свою армію до послѣдняго солдата, прежде чѣмъ отступитъ на одинъ шагъ?» [16]).

Когда атаки Русскихъ прекратились, бой нѣсколько затихъ по всей линіи, такъ какъ усилія Края противъ лѣваго непріятельскаго крыла кончились еще раньше полнымъ неуспѣхомъ, несмотря на то, что упорныя нападенія Русскихъ у Нови не дозволили Моро подкрѣпить войсками отсюда свое лѣвое крыло. Такимъ образомъ планъ Суворова—сбить войсками Края Французовъ и зайти имъ въ тылъ—не удался совершенно, благодаря непоколебимому мужеству непріятеля и огромнымъ выгодамъ его позиціи. Союзный главнокомандующій уже по одной стойкости Французовъ теперь убѣдился, что армія ихъ находится въ полномъ сборѣ и потому нечего опасаться покушеній по долинѣ Скривіи. Меласъ, стоявшій у Ривальты на случай этихъ покушеній, а также чтобы докончать разбитаго непріятеля и забирать его въ плѣнъ, теперь представлялся въ видѣ драгоцѣннаго ресурса, тѣмъ болѣе, что Французы принуждены были ввести въ дѣло до полудня всѣ свои наличныя силы безъ остатка. Оставался у Суворова еще и Розенбергъ, однако онъ не былъ потребованъ; вѣроятно Суворовъ предпочелъ сохранить его на непредвидѣнный случай [17]). Обстоятельство это имѣетъ значеніе; оно доказываетъ—на сколько было далеко отъ Суворова сомнѣніе въ побѣдѣ, не говоря уже про его собственное пораженіе; иначе онъ притянулъ бы къ

себѣ обоихъ. Разсчетъ Суворова оправдался, оказалось достаточно одного Меласа.

За Меласомъ было послано $1^1/_2$ или 2 часами раньше того времени, какъ временно пріостановленъ бой,—обстоятельство, доказывающее, что Суворовъ не потерялъ головы подъ впечатлѣніемъ безуспѣшныхъ атакъ Нови. Но Меласъ на этотъ разъ сообразилъ, что Дерфельденъ взятъ подъ Нови вопреки диспозиціи, слѣдовательно надо принять на себя наступательное движеніе вдоль Скривіи, для котораго русскій корпусъ предназначался. Сверхъ того Меласъ не забылъ и приказанія о доканчиваніи и забираніи въ плѣнъ непріятеля, котораго Край долженъ разбить. Въ силу всего этого Меласъ выступилъ изъ Ривальты самъ, около 11 часовъ утра, пошелъ по обѣимъ сторонамъ Скривіи и на пути уже, приблизительно черезъ часъ, получилъ приказаніе—идти лѣвѣе позиціи русскихъ войскъ и атаковать съ фланга правое крыло Французовъ. Сообразно съ этимъ, Меласъ сталъ дѣлать перемѣны въ распредѣленіи своихъ колоннъ и потомъ продолжалъ движеніе. Хотя Суворовъ и говоритъ въ своихъ реляціяхъ, что Меласъ шелъ быстро и прибылъ вовремя, но реляціи писались послѣ одержанной побѣды, главною виновницею которой была помощь Меласа, а при подобныхъ условіяхъ ошибки и прегрѣшенія забываются. На самомъ же дѣлѣ, какъ нѣкоторые свидѣтельствуютъ, Меласъ прокопался въ пути довольно долго, что подтверждается и разсчетомъ времени, ибо съ частью своихъ войскъ примкнулъ къ лѣвому флангу Русскихъ не раньше двухъ часовъ по полудни. Прочія его войска продолжали движеніе по обоимъ берегамъ Скривіи.

До трехъ часовъ дня войска отдыхали и подкрѣпляли свои силы; затѣмъ бой возгорѣлся снова. Согласно приказанію Суворова, разомъ двинулась впередъ вся линія — и Край, и Дерфельденъ, и Меласъ; послѣдній, подкрѣпленный частью русскихъ войскъ, атаковалъ высоты, занятыя дивизіею Ватрена, т.-е. правый флангъ французской позиціи за Нови. Французы выставили на высотахъ всю свою артиллерію и встрѣтили союзниковъ страшнымъ огнемъ. Бой загорѣлся по всей линіи самый отчаянный; отдохнувшія войска набрались силъ и возобновили

дѣло съ новой энергіей. Французы держались твердо, какъ стѣна, и опять стали разбиваться объ эту стѣну бурно набѣгавшія людскія волны....

Но теперь сущность дѣла была уже не прежняя: союзники получили 8,000 человѣкъ подмоги и стали охватывать ими непріятельскій флангъ. Меласъ поднялся на высоты; двѣ его колонны, двигавшіяся по Скривіи, дошли до Серавалле, прогнали Домбровскаго, блокировавшаго фортъ, и затѣмъ частью заняли Арквату въ тылу французской позиціи, частью двинулись къ Нови для содѣйствія Меласу. Дивизія Ватрена, принужденная перемѣнить фронтъ правымъ флангомъ назадъ, держалась довольно слабо; цисальпійскій легіонъ почти совсѣмъ не держался и при первомъ натискѣ бѣжалъ въ паническомъ ужасѣ, офицеры впереди. Прискакалъ начальникъ праваго крыла, Сенъ-Сиръ, и съ одной полубригадой возстановилъ бой: наступленіе замедлилось, Меласовы войска подались даже назадъ, Французы захватили въ плѣнъ одного австрійскаго генерала и отбили два орудія. Дивизія Ватрена пришла въ себя, оправилась, начала выстраиваться; успѣхъ повидимому опять уходилъ отъ союзниковъ, но это продолжалось не долго. Русскіе послѣ кровопролитнаго боя ворвались наконецъ въ Нови и показались на высотахъ. Держаться Французамъ уже было нельзя, приходилось думать лишь объ отступленіи.

Но и отступать было почти некуда: прямой путь на Гави былъ захваченъ, и двумъ бригадамъ праваго французскаго крыла пришлось искать спасенія окольными дорогами. Лѣвое крыло Французовъ, сбитое Краемъ, могло отступать только на Пастурану, а туда уже двинулись Русскіе отъ Нови. Здѣсь столпились отступавшіе; узкія улицы деревни и глубокій оврагъ загромоздились пушками и обозами, и въ эту хаотическую массу полетѣли пули небольшого австрійскаго отряда. Нѣсколько лошадей было убито; обозъ сталъ, и единственная дорога закрылась для отступающихъ; а деревня и ея окрестности все наполнялись густыми толпами, въ которыхъ не пропадалъ ни одинъ выстрѣлъ. Къ довершенію бѣдствія стали подходить Русскіе и небольшой отрядъ занялъ кладбище; съ другой

стороны показались Австрійцы Края и двинулись въ атаку. Толпы Французовъ разсыпались во мгновеніе ока, все бросилось въ разныя стороны, куда попало. Одинъ батальонъ пытался обороняться, предводимый двумя генералами, которые съ нѣсколькими другими совѣщались въ Пастуранѣ о средствахъ къ спасенію арміи; но успѣха имѣть не могъ. Оба генерала, израненые, попались въ плѣнъ, а впереди деревни цѣлая бригада положила оружіе.

Отступленіе Французовъ, обратившееся потомъ, кромѣ части войскъ Сенъ-Спра, въ настоящее бѣгство, началось въ 6 часу вечера. Не задолго передъ тѣмъ, когда побѣда не подлежала уже сомнѣнію, Суворовъ послалъ Розенбергу приказаніе— идти изъ Вигпцоло къ Нови [17]), а самъ объѣхавъ нѣкоторыя войска, остановился въ какомъ-то домикѣ для отдыха и распоряженій. Было около 7 часовъ вечера, жара стояла еще сильная; Суворовъ велѣлъ открыть настежъ всѣ окна и быстрыми шагами ходилъ по комнатѣ; у двери стоялъ казакъ съ обнаженною саблей. Доложили, что пріѣхалъ какой-то офицеръ; приказано впустить. Вошелъ поручикъ Толль и доложилъ, что присланъ отъ Розенберга, который выступилъ въ 6 часовъ и спрашиваетъ приказанія — гдѣ по приходѣ расположиться. «Хорошо, мой другъ, сейчасъ дамъ приказаніе», сказалъ Суворовъ и послалъ за двумя или тремя лицами штаба, продолжая расхаживать взадъ и впередъ. Болѣе чѣмъ съ любопытствомъ смотрѣлъ молодой офицеръ на главнокомандующаго, имя котораго гремѣло во всей Европѣ и котораго онъ видѣлъ въ первый разъ. Суворовъ былъ въ томъ самомъ костюмѣ, что и во время боя: въ рубашкѣ, въ коротком исподнемъ платьѣ изъ лѣтней ткани и полусапогахъ; сухощавыя его ноги охватывались у самыхъ колѣнъ пряжками; весь онъ былъ покрытъ потомъ и пылью. Пришли чины штаба; Суворовъ продиктовалъ имъ нѣсколько приказаній, подошелъ потомъ къ Толлю и спросилъ его, заложены ли мины подъ Тортоною. Толль отвѣчалъ, что не знаетъ. Какъ ужаленный отскочилъ отъ него Суворовъ, закричалъ: «немогузнайка, опасный человѣкъ, схватите его», и забѣгалъ по комнатѣ съ разными страшными ужимками

и восклицаніями. Присутствовавшіе или опустили глаза, или обратились съ безмолвнымъ укоромъ къ молодому офицеру; Толль стоялъ въ оцѣпенѣніи отъ такого неожиданнаго поворота. Прошло минутъ десять во всеобщемъ замѣшательствѣ; затѣмъ Суворовъ успокоился, передалъ сконфуженному Толлю запечатанное приказаніе и отпустилъ его, сказавъ серьезно: «вы должны знать все, будьте впередъ осторожнѣе» [3]).

Войска, утомленныя до послѣдней степени болѣе чѣмъ полусуточнымъ боемъ, расположились на ночлегъ на самомъ полѣ сраженія; преслѣдованіе продолжали одни передовыя части. Французы бѣжали по всѣмъ направленіямъ; ихъ гнали, рубили, забирали въ плѣнъ кучами; лишь спустившаяся ночь дала имъ возможность свободнѣе вздохнуть. Какъ союзники понесли огромную потерю во время сраженія, такъ Французы особенно пострадали при отступленіи. Равнина, скаты и гребни возвышенности, лощины—были усѣяны тѣлами мертвыхъ и умирающими; даже на слѣдующее утро нельзя было проѣхать нѣсколько сотъ шаговъ, чтобы изъ-подъ копытъ лошади не раздался болѣзненный стонъ полумертваго страдальца [3]). Очевидецъ говоритъ, что тѣла лежали вокругъ Нови почти сплошь одно около другого, и было ихъ такъ много, «какъ на самомъ урожайномъ полѣ не могло быть сноповъ сжатаго хлѣба». Приходилось заботиться только о своихъ, да и на это потребовалось много времени; собирать же раненыхъ Французовъ, отвозить ихъ въ госпитали и хоронить мертвыхъ, приказано было окрестнымъ жителямъ» [4]).

Ночь наступила довольно свѣжая; на бивакахъ союзныхъ войскъ водворилась мало по малу тишина; истомленныя войска отдыхали; лишь издали, изъ горныхъ ущелій, доносились еще выстрѣлы: то передовыя партіи слѣдили за бѣгущими Французами. Вдругъ, около полуночи, раздалась ружейная трескотня въ Нови, потомъ затихла и опять возобновилась. Войска поднялись на ноги, стали въ ружье; Суворовъ послалъ туда одинъ русскій батальонъ. Оказалось, что нѣсколько сотъ Французовъ, не успѣвшихъ отступить со своими войсками, укрылись въ городскихъ домахъ, ближайшихъ садахъ и оврагахъ, а съ наступле-

ніемъ ночи собрались, при содѣйствіи жителей, большой толпой и напали на главный русскій караулъ. Караулъ встрѣтилъ ихъ выстрѣлами и штыками, но былъ подавленъ массою и почти поголовно легъ на мѣстѣ. Французы заперли городскія ворота и вознамѣрились обороняться, но подоспѣвшій русскій батальонъ отбилъ ворота и ворвался въ городъ. Французы были большею частью переколоты, а остальные разсѣялись и попрятались по домамъ. Между горожанами находилось много французскихъ сторонниковъ; два раза въ продолженіе кампаніи Багратіонъ, занимая Нови, долженъ былъ ихъ остерегаться, и все-таки они успѣвали наносить союзнымъ войскамъ вредъ. Въ настоящемъ случаѣ городскіе жители французской партіи поступали такимъ же образомъ, помогали Французамъ, укрывали ихъ и даже нѣсколько значительныхъ лицъ участвовало въ нападеніи на русскій караулъ, доказательствомъ чему служило пятеро изъ нихъ убитыхъ. Русскіе солдаты не сочли поэтому нужнымъ стѣсняться: многіе дома, гдѣ укрылись Французы, были взяты, всѣ попавшіеся подъ руку переколоты, имущество уничтожено и разграблено. Досталось конечно и не однимъ укрывателямъ, потому что разбирать было недосугъ, да и невозможно; но въ это время явился самъ Суворовъ и остановилъ самоволь-ство солдатъ [17]).

Этимъ эпилогомъ закончилось сраженіе при Нови. Отличительная его черта состоитъ въ необыкновенномъ упорствѣ обѣихъ сторонъ и въ естественномъ слѣдствіи этого упорства — огромныхъ потеряхъ. Самъ Суворовъ говорилъ, что не видалъ еще такого жестокаго по упорству дѣла [18]). У союзниковъ больше всего потерпѣли войска Края, находившіяся въ огнѣ съ ранняго утра до вечера; у него выбыло изъ строя больше 5,000 человѣкъ; въ русскихъ войскахъ убыль доходила почти до 2,000; общій итогъ потери союзниковъ простирался до 8,000; въ числѣ раненыхъ насчитывалось нѣсколько генераловъ. Уронъ Французовъ былъ еще значительнѣе; самыя умѣренныя показанія опредѣляютъ его въ 9,500 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными [19]), но въ сущности онъ былъ выше по меньшей мѣрѣ на 1,500, особенно если принять въ разсчетъ, что много раненыхъ Францу-

зовъ слѣдовало за своею отступавшею арміей при пособіи плѣнныхъ Австрійцевъ, которые были для этого къ нимъ приставлены [20]). Такъ какъ союзниковъ участвовало въ бою 52,000, а Французовъ 35,000, то процентное содержаніе потери Французовъ выходитъ вдвое больше, чѣмъ у союзниковъ; сверхъ того у Французовъ разбѣжалось нѣсколько тысячъ человѣкъ. Въ числѣ 4,600 плѣнныхъ Французовъ находилось 84 офицера и 4 генерала, изъ которыхъ двое, Груши и Партуно, были отправлены въ Петербургъ, такъ какъ Императоръ Павелъ еще раньше повелѣлъ прислать къ нему французскихъ генераловъ, которые будутъ «взяты въ полонъ безъ акорду». Сверхъ всего этого, въ рукахъ союзниковъ осталось 4 французскихъ знамени и отъ 37 до 39 орудій, т.-е. почти вся ихъ полевая артиллерія, состоявшая только изъ 40 орудій.

Суворовъ былъ очень доволенъ поведеніемъ войскъ въ бою, и русскихъ, и австрійскихъ, о чемъ и доносилъ обоимъ императорамъ, особенно одобрительно отзываясь о содѣйствіи, оказанномъ Меласомъ. Представленъ былъ длинный списокъ отличившихся, и Императоръ Павелъ пожаловалъ имъ щедрыя награды. Кромѣ того высочайше повелѣно: жалованье убитыхъ на войнѣ офицеровъ обратить въ пенсію ихъ женамъ по смерть, а дѣтямъ до совершеннолѣтія; семействамъ же убитыхъ офицеровъ, находившимся за границей, выдать еще, въ видѣ единовременнаго пособія, годовой пенсіонъ на возвратный путь въ Россію. Суворова Государь почтилъ рескриптомъ, написаннымъ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ; въ немъ говорилось, что Государь не знаетъ, чѣмъ наградить главнокомандующаго, который «поставилъ себя выше награжденій». Однако Государь придумалъ награду, и именно въ томъ родѣ, который для Суворова былъ особенно дорогъ. Послѣдовалъ приказъ, чтобы гвардія и всѣ войска, даже въ присутствіи Государя, отдавали Суворову воинскія почести, слѣдующія по уставу только особѣ Императора. «Достойному достойное», заключалъ Государь свой рескриптъ: «прощайте князь, живите, побѣждайте Французовъ и прочихъ, кои имѣютъ въ виду не возстановленіе спокойствія, но нарушеніе онаго».

Впечатлѣніе отъ новой, рѣшительной побѣды было въ Вѣнѣ и въ Петербургѣ полное, глубокое, но въ вѣнскихъ правительственныхъ кружкахъ принято по обыкновенію сдержанно, въ Петербургѣ же съ искреннимъ, горячимъ восторгомъ. Съ донесеніемъ отправленъ былъ состоявшій при Суворовѣ подполковникъ Кушниковъ; ему между прочимъ приказано было, при проѣздѣ чрезъ Вѣну, не являться Тугуту. Кушникова чуть не носили въ Петербургѣ на рукахъ, и Государь первый подавалъ всѣмъ примѣръ своими милостями: произвелъ его въ слѣдующій чинъ, пожаловалъ два ордена, въ томъ числѣ одинъ съ бриліантами, звалъ къ своему столу и къ обѣду, и къ ужину. Государь-наслѣдникъ, въ предвидѣніи зимней кампаніи, узнавъ, что у Кушникова нѣтъ теплаго верхняго платья, подарилъ ему свою шубу, сказавъ: «мнѣ нельзя ѣхать въ италійскую армію, такъ пусть тамъ будетъ хоть моя шуба» [5]). Вообще Суворовскому посланцу оказывали всюду самые разнообразные знаки вниманія, приглашали къ себѣ, разспрашивали о послѣднихъ мелочахъ, слушали какъ оракула.

Такое же глубокое, можно сказать потрясающее впечатлѣніе, только въ противоположномъ смыслѣ, произвело извѣстіе о побоищѣ при Нови во Франціи. Клубъ, сформировавшійся изъ остатковъ якобинской партіи, не зналъ границъ въ рѣзкихъ заявленіяхъ своего негодованія; оскорбленія посыпались на генераловъ, на Моро, на Жубера, даже на вдову Жубера. Да и въ правительственныхъ учрежденіяхъ говорилось тоже самое, только въ болѣе мягкой формѣ; національная гордость конвульсивно трепетала подъ нанесеннымъ ей новымъ, жестокимъ ударомъ [21]).

Распоряженія Суворова при Нови осуждаются иностранными писателями болѣе, чѣмъ въ какомъ другомъ дѣлѣ. Говорятъ про разновременность атакъ, про поздній призывъ Меласа, про неразсчетливое оставленіе Розенберга безъ всякаго употребленія, т.-е. про отсутствіе общей мысли въ веденіи боя; самые строгіе хулители выводятъ заключеніе, что Суворовъ одолѣлъ только числомъ и обнаружилъ полнѣйшее невѣжество въ военномъ дѣлѣ. Слѣдуетъ впрочемъ оговориться, что никто изъ критиковъ не

отрицаетъ храбрости Русскихъ, называя ее по обыкновенію «фанатическою», а одинъ изъ нихъ, наиболѣе безпристрастный, замѣчаетъ, что сраженіе при Нови между прочимъ доказываетъ, что «качество войскъ и непреклонная воля ихъ предводителя иногда могутъ заполнить ошибочность его соображеній» [27]). Въ настоящей главѣ предметъ изложенъ такимъ образомъ, чтобы самое дѣло могло служить прямымъ отвѣтомъ на приведенные приговоры и замѣчанія критики, а потому къ этой темѣ нѣтъ надобности возвращаться. Можно развѣ только добавить, что если настойчивость и упорство были злоупотреблены, то этотъ недостатокъ представляется ничтожной отрицательной величиной въ сравненіи съ тѣмъ громаднымъ положительнымъ достоинствомъ, которое присуще долгому и славному военному поприщу Суворова, благодаря тѣмъ же настойчивости и упорству. Самъ Суворовъ очень хорошо понималъ, что сраженіе при Нови можетъ послужить канвой для многихъ узоровъ порицанія и охужденія, а потому выразился, что «тактики будутъ ругать» его, въ чемъ и не ошибся [28]).

Но охуждаютъ не одно сраженіе, а также и распоряженія послѣ боя; ставятъ Суворову въ укоръ, что онъ не съумѣлъ воспользоваться побѣдой, дозволивъ совершенно разбитымъ Французамъ отступить, тогда какъ могъ ихъ истребить энергическимъ преслѣдованіемъ. Обвиненіе это еще менѣе основательно, чѣмъ первое, въ чемъ легко убѣдиться изъ обстоятельствъ, послѣдовавшихъ за побѣдою.

По ходу боя видно, въ какой крайней степени изнуренія должны были находиться войска къ вечеру 4 августа; серьезное преслѣдованіе немедленно, безъ передышки,—стало физически невозможнымъ.Ославъ за непріятелемъ легкія партіи, Суворовъ сдѣлалъ распоряженіе объ энергическомъ преслѣдованіи на слѣдующій день. Во главѣ русскихъ войскъ долженъ былъ идти Розенбергъ со своими свѣжими, не участвовавшими въ бою силами; онъ подошелъ къ Нови 4 числа поздно вечеромъ, провелъ тутъ ночь и тронулся дальше рано утромъ 5 числа. Прочіе корпуса, вслѣдствіе чрезмѣрной усталости, простояли на мѣстѣ до полудня и только тогда выступили. Розенбергъ въ тотъ же день

имѣлъ авангардное дѣло съ Французами; войска его, горѣвшія желаніемъ добыть хоть долю славы своихъ товарищей, не тратили много времени на перестрѣлку. Нѣсколько батальоновъ дружно и горячо ударили въ штыки, вмигъ сбили непріятеля и гнали его, не давая опомниться; до 130 человѣкъ взято въ плѣнъ и много полегло на мѣстѣ. Этимъ небольшимъ дѣломъ и ограничились дѣйствія Розенберга, ибо къ вечеру онъ получилъ приказаніе — вернуться назадъ, чрезъ Серавалле, куда и двинулся слѣдующимъ утромъ, а противъ непріятеля отправилъ только легкія партіи[24]). Такое же самое приказаніе — возвратиться на прежнія позиціи передъ Нови или занять другія указанныя мѣста,—получили остальныя войска 5 и 6 числа, и только что начатое преслѣдованіе непріятеля прекратилось.

Это спасло остатки французской арміи. Она находилась въ бѣдственномъ положеніи; два дня самъ главнокомандующій оставался въ совершенной неизвѣстности — гдѣ находятся войска его лѣваго крыла и что съ ними сталось. Австрійская бригада Нобили, участвовавшая наканунѣ въ обходномъ движеніи Меласовыхъ войскъ и занявшая въ тылу Французовъ Арквату, была съ трудомъ выбита оттуда отступавшими войсками праваго французскаго крыла, и для этого потребовалась цѣлая дивизія Ватрена. Что же было бы, если бы союзныя колонны напирали энергически на непріятеля съ тыла, не давая ему опомниться и поддерживая зародившуюся въ немъ панику? А между тѣмъ не Суворовъ былъ виновенъ въ этой ошибкѣ. На другой день послѣ новійскаго побоища, когда Розенбергъ давно ушелъ, а можетъ быть и прочія колонны тронулись, Меласъ объявилъ Суворову, что нѣтъ ни продовольствія, ни муловъ для движенія въ горы. Суворовъ могъ конечно отвѣтить, что еще съ 20 іюля отдано ему, Меласу, приказаніе—заготовить то и другое не позже 4 августа. По всей вѣроятности онъ и поставилъ это обстоятельство на видъ своему подчиненному; но дѣло оттого не измѣнялось, и фактъ неизбѣжнаго стоянія на мѣстѣ — оставался во всей своей фактической силѣ. Что касается до мѣстныхъ средствъ Ривіеры, то въ ней рѣшительно нельзя было найти продоволь-

ствія до подвоза моремъ, а потому идти туда съ двухдневнымъ запасомъ хлѣба было бы поступкомъ просто безразсуднымъ. Настоящій случай принадлежалъ къ категоріи тѣхъ, когда *невозможное* нельзя силою воли или генія превратить въ *возможное*, и остается ему подчиниться. Суворовъ такъ и сдѣлалъ. Но отказаться вовсе отъ своего намѣренія, т.-е. лишиться всѣхъ плодовъ своей побѣды, онъ не хотѣлъ и не могъ. Было приказано Меласу—добыть муловъ и продовольствіе съ наивозможною поспѣшностью и объявлено, что наступательное движеніе въ горы отсрочивается на нѣсколько дней. Однако и этотъ его разсчетъ оказался въ тотъ же несчастный день 5 августа сдѣланнымъ «безъ хозяина», потому что хозяиномъ въ арміи былъ не главнокомандующій, а вѣнскій гофкригсратъ.

По плану Суворова, составленному давно и объявленному кому слѣдуетъ для исполненія по взятіи Мантуи, между прочимъ генералъ Кленау долженъ былъ двинуться къ Генуѣ вдоль морского берега. Въ первыхъ числахъ августа Кленау началъ приводить этотъ планъ въ исполненіе и дошелъ до форта Санта-Марія, но тутъ получилъ прямо изъ гофкригсрата распоряженіе—прекратить наступленіе въ Ривіеру, возвратиться въ Тоскану и ничего не предпринимать до новыхъ приказаній изъ Вѣны. Въ тоже время и тоже изъ гофкригсрата получено Меласомъ высочайшее повелѣніе—собрать въ Тосканѣ немедленно 9,000-ный отрядъ подъ командою генерала Фрелиха, которому водворить тамъ порядокъ и обезоружить народныя ополченія, ожидая на мѣстѣ инструкцій изъ Вѣны. Кромѣ того Бельгарду дано прямое предписаніе—прибыть въ Вѣну, а Гогенцолерну—ѣхать въ Тоскану съ дипломатическимъ порученіемъ. Меласъ донесъ обо всемъ этомъ Суворову въ тотъ же день 5 августа, говоря между прочимъ слѣдующее: «такъ какъ означенное высочайшее повелѣніе должно быть исполнено безотлагательно, то я прямо уже сообщилъ о немъ по принадлежности и сдѣлалъ надлежащія распоряженія».

Такимъ образомъ, подкомандный генералъ дѣлалъ по арміи распоряженія и сообщалъ о нихъ главнокомандующему *для свѣдѣнія*, а другой генералъ, степенью еще ниже, получалъ

за нѣсколько сотъ верстъ приказаніе отъ правительства, разрушавшее составленный главнокомандующимъ планъ военныхъ дѣйствій. Казалось, какая-то роковая преграда постоянно воздвигалась между Генуей и Суворовымъ, будто указывая ему иной путь. Такъ на самомъ дѣлѣ и вышло.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ-ВТОРАЯ.

Итальянская кампанія: перемѣна театра войны; 1799.

Неудобное положеніе Суворова вслѣдствіе распоряженій, получаемыхъ изъ Вѣны.—Успѣхи Французовъ въ Швейцаріи; демонстраціи со стороны французской границы.—Капитуляція тортонскаго замка.—Союзный лагерь при Асти.—Чествованіе Суворова отовсюду; интересъ, возбуждаемый его именемъ; его занятія, образъ жизни, странности.—Новое распредѣленіе войскъ по театрамъ войны; назначеніе Суворова въ Швейцарію; его неудовольствіе и жалоба.—Несогласія между Римскимъ Корсаковымъ и эрцъ-герцогомъ Карломъ; бездѣятельность послѣдняго и удаленіе изъ Швейцаріи; объясненіе причинъ.—Переписка Павла I съ Суворовымъ.—Двукратное выступленіе послѣдняго изъ Италіи; порядокъ похода; сдача тортонскаго замка.—Прощаніе съ австрійскими войсками; мнѣніе Суворова о нихъ и поведеніе его по отношенію къ нимъ.—Опасенія за будущее.

Наступательное движеніе въ Генуэзскую Ривіеру представлялось такимъ естественнымъ шагомъ послѣ побѣды при Нови, что Суворовъ не сразу отъ него отказался, несмотря на сдѣланныя изъ Вѣны прямыя распоряженія въ противуположномъ смыслѣ. Да и не всѣ австрійскіе генералы приняли эти распоряженія къ безусловному исполненію; нашлись люди, которые подъ рискомъ личной отвѣтственности сочли долгомъ повиноваться не гофкригсрату, а главнокомандующему. Такъ, генералъ Кленау продолжалъ свое наступленіе по морскому берегу, впредь до измѣненія самимъ фельдмаршаломъ первоначальнаго плана дѣйствій, о чемъ ему и донесъ. Но надежды Суворова лопнули очень скоро; императоръ Францъ вторично подтвердилъ свою волю, въ надеждѣ, что «непріятель вынужденъ будетъ самъ по-

кинуть Ривіеру по недостатку продовольствія». Такимъ образомъ Клепау, успѣвшій приблизиться почти къ самой Генуѣ, но не поддержанный движеніемъ другихъ частей арміи, принужденъ былъ отступить съ урономъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Распущеніе ополченій тосканскихъ и особенно аретинскихъ, весьма для коалиціи полезныхъ и не провинившихся самовольствомъ или безначаліемъ, также представлялось мѣрой вредной въ военномъ и политическомъ отношеніи, и графъ Цукато поспѣшилъ выѣхать изъ Тосканы, чтобы спасти въ глазахъ итальянскаго народа честь русскаго офицера. Предначертанія Суворова, такъ хорошо задуманныя и успѣшно приводимыя въ исполненіе, разлетѣлись прахомъ одно за другимъ.

Нѣкоторымъ косвеннымъ утѣшеніемъ послужили Суворову вновь сложившіяся обстоятельства, которыя, по крайней мѣрѣ на первое время, отвлекли бы его отъ предположеннаго наступленія въ Ривіеру и безъ запрета Вѣнскаго двора. Со стороны Швейцаріи были получены непріятныя извѣстія. Принцъ Викторъ Роганъ и Штраухъ, вытѣсненные Французами изъ Валиса, съ большимъ урономъ были отброшены къ Домо д'Оссола и къ Белинцонѣ. Занятіемъ Симплона и С.-Готара Французы открыли себѣ путь въ тылъ итальянской союзной арміи; тревога распространилась до Милана, и Суворовъ поспѣшно двинулъ Края на подкрѣпленіе Штрауха и Рогана. Дѣло ограничилось одной тревогой, ибо Французы дальше не двигались, но за то стала грозить опасность со стороны крѣпости Кони. Тутъ уже давно происходили непрерывныя движенія французскихъ войскъ и почти ежедневныя аванпостныя стычки, но Суворовъ не обращалъ на нихъ большого вниманія, хотя и зналъ, что на границѣ собирается французская армія подъ начальствомъ Шампіонэ. Лишь при новыхъ, настойчивыхъ слухахъ о соединеніи Шампіонэ съ частью войскъ Моро, онъ далъ цѣпу тенденціознымъ вѣстямъ и приказалъ Краю спѣшить назадъ. Однако и эта тревога оказалась пустою; демонстраціи Шампіонэ производились такъ медленно и нерѣшительно, что сами разоблачали свое истинное значеніе, и Суворовъ спокойно оставался въ лагерѣ при Асти.

Пунктъ этотъ находился почти на половинѣ пути между Туриномъ и Тортоной и былъ избранъ какъ центральная позиція на случай предпріятій Французовъ со стороны Кони или Генуи. Осада тортонской цитадели, прерванная сраженіемъ при Нови, послѣ побѣды тотчасъ возобновилась, однако огонь осадныхъ батарей не имѣлъ большой дѣйствительности противъ казематированныхъ построекъ, и Суворовъ, въ нетерпѣніи, приказалъ корпусу Розенберга готовиться къ штурму. Уже не одинъ разъ подобныя крайнія его рѣшенія приводили къ искомому результату—сдачѣ крѣпостей; въ настоящемъ случаѣ угроза штурмомъ тоже произвела дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что разгромъ Французовъ при Нови отнималъ у храбраго и рѣшительнаго тортонскаго коменданта почти всякую надежду на освобожденіе крѣпости отъ осады. Августа 11 состоялась конвенція, которою заключено до 31 числа перемиріе, а въ этотъ день условлено сдать крѣпость на капитуляцію, если она не будетъ до того времени выручена французскою арміей, причемъ гарнизонъ получалъ свободу съ правомъ возвратиться во Францію, а со своей стороны давалъ обѣщаніе не служить противъ союзниковъ 4 мѣсяца. Условіе было выгодное для обѣихъ сторонъ, потому что, по тщательному исчисленію инженеровъ, требовалось при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ не меньше 3 недѣль для пробитія бреши. Но послѣдствія показали, что штурмъ, еслибъ онъ удался, былъ бы несравненно лучшимъ рѣшеніемъ, потому что капитуляціонный срокъ задержалъ Суворова въ Италіи и былъ одною изъ причинъ неудачи Швейцарской кампаніи.

Такимъ образомъ три недѣли пришлось Суворову простоять въ лагерѣ при Асти. Здѣсь, какъ и въ Александріи, справлялись торжественные дни, служились молебны, раздавались награды при церемоніальной обстановкѣ. Сюда стекались мирные жители страны и иностранцы посмотрѣть на побѣдоноснаго вождя; неслись отовсюду поздравленія, пожеланія дальнѣйшихъ успѣховъ, милости коронованныхъ особъ. Сардинскій король, выразивъ Императору Павлу глубокую признательность за все имъ совершенное для возстановленія прежнихъ порядковъ, обращался съ самыми любезными письмами и къ самому Суворову,

называлъ его «безсмертнымъ», изъявлялъ желаніе служить въ арміи подъ его начальствомъ; братья короля тоже просились въ русскую службу. Не довольствуясь словами, Карлъ Эмануилъ даровалъ Суворову высшія награды, какія только существовали въ королевствѣ: сдѣлалъ его «великимъ маршаломъ пьемонтскихъ войскъ и грандомъ королевства, съ потомственнымъ титуломъ принца и кузена короля», такъ что съ этого времени и самъ король, и его братья подписывались въ письмахъ къ Суворову: «Votre très-affectionné cousin». Городъ Туринъ, слѣдуя примѣру своего монарха, тоже почтилъ Суворова знакомъ особенной признательности: депутація отъ города прибыла въ Асти и поднесла побѣдоносному фельдмаршалу золотую шпагу, осыпанную драгоцѣнными камнями, съ благодарственною надписью. Множество поздравительныхъ и признательныхъ адресовъ получилъ Суворовъ также изъ разныхъ частей Италіи. Даже камердинеръ его, Прохоръ Дубасовъ, попалъ въ колею милостей: Сардинскій король наградилъ его двумя медалями за заботы по сбереженію здоровья Суворова [1]).

Императоръ Павелъ былъ чрезвычайно радъ, что его подданный, предводитель русскихъ войскъ, сдѣлался предметомъ такого вниманія и отличій, что и высказалъ въ любезномъ рескриптѣ на имя Сардинскаго короля, благодаря его за великодушную оцѣнку заслугъ Суворова и русской арміи. И самому Суворову Государь выразилъ по этому поводу свое благоволеніе, какъ бы не желая упустить случая—сдѣлать ему пріятное. Дозволивъ принять отличія, пожалованныя Карломъ Эмануиломъ, Государь написалъ: «чрезъ сіе вы и мнѣ войдете въ родство, бывъ единожды приняты въ одну царскую фамилію, потому что владѣтельныя особы между собою всѣ почитаются роднею».

Не только Россія и Италія чествовали русскаго полководца и восторгались при его имени; въ Англіи онъ тоже сдѣлался первою знаменитостью эпохи, любимымъ героемъ. Этому отчасти способствовали прославленныя странности Суворова, и Англичане, между которыми столько эксцентриковъ, смотрѣли въ то время на причуды и выходки Суворова довольно благосклонно. Газетныя статьи, касающіяся Суворова и его военныхъ подви-

говъ, появлялись чуть не ежедневно; издавались и особыя брошюры съ его жизнеописаніями, и карикатуры, способныя вызвать улыбку и теперь. На одной онъ изображенъ въ видѣ маленькаго, коренастаго человѣка съ огромной пастью; втыкая вилку въ толпы Французовъ, пѣшихъ и конныхъ, онъ пожираетъ ихъ разомъ десятка по полтора и по два, цѣликомъ, съ одеждою и оружіемъ, такъ что изо рта его торчатъ ноги, головы, шляпы, сапоги, ружья и проч. На другой карикатурѣ торжествующій Суворовъ надѣлъ петли на всѣхъ пятерыхъ французскихъ директоровъ, которыхъ и ведетъ въ Россію; у нихъ на лицѣ забавно изображены ужасъ и отчаяніе, а онъ, совершенно спокойный и самодовольный, держитъ веревку и толстыми, коротенькими своими ногами, въ сапогахъ съ длиннѣйшими шпорами, маршируетъ тихимъ шагомъ, покуривая трубку и не оглядываясь на своихъ плѣнниковъ [2]). Имя Суворова сдѣлалось даже предметомъ моды и комерческой спекуляціи; явились Суворовскія прически, Суворовскія шляпы, Суворовскіе пироги и проч. Въ театрахъ пѣли въ честь его стихи, на обѣдахъ пили за его здоровье; по словамъ русскаго посланника въ Лондонѣ, графа С. Р. Воронцова, Суворовъ и Нельсонъ были «идолами англійской націи, и ихъ здоровье пили ежедневно въ дворцахъ, въ тавернахъ, въ хижинахъ». По его же словамъ, на всѣхъ официальныхъ обѣдахъ, послѣ тоста за здоровье короля, провозглашалась здравица Суворову; мало того, однажды, послѣ смотра Кентской милиціи и волонтерамъ, когда лордъ Ромней угощалъ короля и все 9,000-ное войско обѣдомъ, король провозгласилъ первый тостъ за здоровье Суворова [3]).

Суворовскіе портреты пошли теперь сильно въ ходъ. С. Р. Воронцовъ обратился къ Суворову съ просьбою—выслать свой профиль для награвированія и когда получилъ желаемое, то благодарилъ въ выспренныхъ выраженіяхъ, говоря, что ему, Воронцову, не даютъ покоя, всѣ неотступно просятъ портретъ, всѣ жаждутъ имѣть изображеніе героя. Тоже самое происходило почти во всей Европѣ. Извѣстный кореспондентъ Екатерины II Гриммъ, находившійся въ 1799 году русскимъ резидентомъ въ Брауншвейгѣ, пишетъ С. Р. Воронцову, что принужденъ посто-

янно принимать цѣлыя процессіи желающихъ взглянуть на миніатюрный портретъ Суворова, подаренный ему, Гримму, Суворовымъ послѣ послѣдней Польской войны, и теперь, вслѣдствіе не прекращающихся просьбъ, заказалъ съ портрета гравюру. Въ Россіи слава Суворова доведена была патріотическимъ чувствомъ до апогея; онъ составлялъ гордость своего отечества; въ современной кореспонденціи безпрестанно наталкиваешься на слова: «пріятно быть русскимъ въ такое славное для Россіи время». Какъ ни щедро императоръ Павелъ награждалъ Суворова, но русскому обществу всего этого казалось мало; ожидали чего нибудь особеннаго, доселѣ не бывалаго, и на этотъ предметъ носились разные слухи. Дѣло не ограничилось одной молвой: въ московскомъ воспитательномъ домѣ напечатали рисунокъ новой звѣзды, якобы учрежденной Государемъ для пожалованія собственно Суворову, и рисунокъ этотъ продавался по 25 коп. за экземпляръ, а такъ какъ ничего подобнаго не предполагалось и слухъ пущенъ былъ ложный, то приказано было разъискивать выдумщика [1]).

Такимъ образомъ Суворовъ, сидѣвшій въ Асти, былъ предметомъ всеобщаго любопытства, изумленія и чуть не благоговѣнія въ анти-революціонной Европѣ, а въ революціонной Франціи возбуждалъ ужасъ; тамъ весьма многіе считали неизбѣжнымъ скорое вторженіе русскаго полководца въ предѣлы республики, и составлялись пари на счетъ продолжительности срока, нужнаго ему, чтобы достичь Парижа. Эти два хора друзей и враговъ, благопріятелей и зложелателей, были явленіемъ естественнымъ; ненормальнымъ представлялось лишь отношеніе къ дѣлу Австрійскаго правительства. Больше всѣхъ была обязана Суворову Австрія, а отъ Австрійскаго императора Суворовъ не видѣлъ еще ничего, кромѣ комплиментовъ и крупныхъ непріятностей. Въ документахъ того времени безпрестанно встрѣчаются указанія на это обстоятельство; даже въ перепискѣ лицъ дипломатическаго міра оно нерѣдко служитъ предметомъ недоумѣнія и негодованія.

Имѣя въ Асти досуги, Суворовъ по своему неизмѣнному правилу занимался обученіемъ войскъ; цѣпь ученій, маневровъ,

смотровъ не прерывалась. Въ лагерь стекались толпы любопытныхъ; они съ напряженнымъ вниманіемъ производили надъ русскими войсками наблюденія, силясь уловить въ ихъ устройствѣ и порядкѣ службы тайну постоянныхъ побѣдъ. Не ограничиваясь школою учебнаго поля, Суворовъ продолжалъ давать австрійскимъ генераламъ наставленія въ военномъ дѣлѣ. Совершенно вѣрно относя пораженіе Штрауха и Рогана раздробленію ихъ силъ, Суворовъ указывалъ Гадику, что его 13,000-ный корпусъ слишкомъ разбросанъ, ибо въ главномъ отрядѣ остается всего два батальона; что кордонная линія всегда можетъ быть опрокинута, потому что непріятель по своему усмотрѣнію выбираетъ одинъ пунктъ для нападенія; что всѣ пути и тропинки слѣдуетъ занимать не для упорной ихъ защиты, а только для наблюденія, дабы дать время сосредоточеннымъ главнымъ силамъ поспѣть на встрѣчу противника, гдѣ потребуется. Барону Краю Суворовъ писалъ, что «ни одного поста не должно считать крѣпостью; нѣтъ стыда уступить постъ превосходному въ числѣ непріятелю; напротивъ, въ томъ и состоитъ военное искуство, чтобы во время отступить безъ потери; упорное же сопротивленіе для удержанія иного поста стоило бы дорого, между тѣмъ впослѣдствіи придется все-таки отдать его превосходному непріятелю.... Уступленный постъ можно снова занять, а потеря людей невозвратима; нерѣдко одинъ человѣкъ дороже самаго поста».

Изъ этихъ коротенькихъ инструкцій видно, какъ здраво смотрѣлъ Суворовъ на кордонную войну, излюбленную Австрійцами. Въ письмахъ своихъ Разумовскому онъ тоже не разъ говорилъ про фальшивое направленіе ихъ военнаго искуства и упоминалъ про «знаменитый Лассіевъ кордонъ» въ послѣднюю Турецкую войну, который Турки прорывали когда хотѣли и гдѣ хотѣли. Приведенныя наставленія доказываютъ, что Суворовъ вовсе не требовалъ одолѣнія непріятеля всюду, при всякой встрѣчѣ, во что бы то ни стало, какъ это многіе полагаютъ. Онъ только не вводилъ отступательный принципъ въ обученіе войскъ, какъ начало деморализующее, и оттого, въ бесѣдахъ съ людьми противуположной военной школы, стоялъ въ качествѣ

военнаго педагога безусловно за свою наступательную теорію, не допуская иногда и такихъ изъятій, которыя самъ дѣлалъ на практикѣ. Однажды Меласъ, будучи раздражонъ сарказмами Суворова на счетъ ретирадъ, сказалъ ему съ досадой: «да, я вѣдь и забылъ, что вы генералъ Впередъ». Суворовъ отвѣчалъ ему: «правда, впередъ; но иногда оглядываюсь и назадъ, однако не для того, чтобы бѣжать, а чтобы напасть». Все это Меласу и другимъ было не вразумительно, и уроки Суворова принесли нѣкоторую пользу лишь на то время, какъ онъ командовалъ Австрійцами, дальше же не пошли. Онъ былъ слишкомъ оригиналенъ для рутинеровъ и педантовъ. Онъ самъ говоритъ въ одной коротенькой запискѣ, написанной передъ выступленіемъ изъ Италіи: «у меня правило — атаковать, не обороняться и слабому отряду благовременно уступать сильнѣйшему; но методику я вывесть не могъ» [5]).

И въ Асти, и въ Александріи, и въ другихъ мѣстахъ продожительнаго пребыванія, Суворовъ велъ свой обычный образъ жизни, съ незначительными лишь измѣненіями, которыя вызывались обстоятельствами. Вставалъ онъ чуть свѣтъ, нѣсколько разъ въ день обливался холодною водой, ходилъ одѣтый въ легкую лѣтнюю матерію, обѣдалъ въ 8 часовъ; работалъ въ кабинетѣ прилежно и много. Его посѣщали довольно часто, особенно въ послѣднее время, иностранцы, преимущественно Англичане, люди родовитые или высоко стоящіе; онъ съ ними бесѣдовалъ о предметахъ литературы, современной политики, военнаго дѣла. Бесѣда велась преимущественно за столомъ, оттого зачастую обѣдало у Суворова много приглашенныхъ; онъ даже переносилъ срокъ обѣденнаго времени съ 8 на 9 часовъ утра, говоря съ забавною серьезностью, что этого требуетъ приличіе, такъ какъ Англичане садятся за столъ позже всѣхъ европейцевъ. Обѣденное время служило для Суворова отдыхомъ и развлеченіемъ; онъ былъ за столомъ веселъ, разговорчивъ, шутливъ, засиживался долго, иногда часа по три, и оттого зачастую съѣдалъ и выпивалъ лишнее. Къ концу обѣда Суворовъ обыкновенно начиналъ дремать, такъ что кто-либо изъ адъютантовъ подходилъ къ нему и напоминалъ, что время вставать изъ-за стола, или камерди-

неръ Прохоръ толкалъ его безъ церемоніи подъ бокъ, говоря: «пора, сударь, спать». Имѣли они также полномочіе — удерживать хозяина отъ излишества въ ѣдѣ и питьѣ, только это право, или лучше сказать щекотливая обязанность, не всегда исполнялось съ успѣхомъ [1]).

Обѣдъ бывалъ обыкновенно прескверный, особенно въ постные дни, и только привычные люди могли имъ удовлетвориться; прочіе или почти ничего не ѣли, вставали изъ-за стола голодные и отправлялись куда-нибудь наверстывать недостатки Суворовской кухни,—или же, заставивъ себя сдѣлать честь знаменитому хозяину, разстраивали желудокъ и принимали лекарство. За столомъ же Суворовъ давалъ полный ходъ своимъ причудамъ; приказывалъ обносить водкой того, кто послѣ молитвы *Отче нашъ* не сказалъ *аминь;* смотрѣлъ, чтобы кто нибудь не просыпалъ невзначай соль; декламировалъ финскія пѣсни; осыпалъ сарказмами тѣхъ изъ приглашенныхъ генераловъ, кто какимъ-нибудь неловкимъ выраженіемъ или поступкомъ становился въ разрѣзъ съ Суворовскимъ складомъ понятій. Насмѣшекъ Суворова боялись всѣ, не исключая даже такихъ уважаемыхъ имъ лицъ, какъ Дерфельденъ. Въ отношеніи своей нетерпимости, а также всяческихъ странностей и причудъ, Суворовъ сдѣлалъ въ Италіи успѣхи; по мѣрѣ того, какъ положеніе и знаменитость его возрастали, онъ стѣснялъ себя все меньше, и выходки его переходили иногда изъ обыкновенныхъ невинныхъ чудачествъ въ распущенность и непристойность. Такъ, онъ часто появлялся въ окнѣ голый, т.-е. въ своемъ излюбленномъ домашнемъ лѣтнемъ костюмѣ, въ которомъ нѣсколько лѣтъ назадъ принималъ визитъ Платона Зубова. Заурядныя чудачества шли своимъ чередомъ; Меласа онъ часа по два держалъ, разсказывая ему про русскую масляницу, про блины, передавалъ ему эпизоды русской деревенской жизни, училъ произносить трудныя русскія слова и проч., или давалъ косвенныя военныя наставленія, цитируя свое боевое прошлое. Меласъ хлопалъ глазами, пыхтѣлъ, потѣлъ, пока наконецъ вырывался изъ этой пытки, и по поводу Суворовскихъ самовосхваленій замѣчалъ Фуксу, что этотъ человѣкъ подавляетъ своей гордыней,

на что впрочемъ имѣетъ и право. Разговаривая съ лордомъ Бентинкомъ, Суворовъ все натягивалъ свои яко бы спускавшіеся чулки, намекая на желаніе получить орденъ Подвязки; принимая молодого комиссаріатскаго чиновника, получившаго порученіе — купить для арміи 5,000 паръ сапоговъ, онъ бросился къ нему на шею и вскричалъ: «иди спасать Европу». Въ Асти его навѣстилъ одинъ 85-лѣтній маркизъ, пожелавшій познакомиться съ героемъ эпохи; дряхлый старикъ съ трудомъ втащился въ пріемную; Суворовъ его обнялъ, расцаловалъ и посадилъ, самъ предъ нимъ стоялъ и безпрестанно называлъ «папенькой», а окружающимъ пояснялъ, что юность должна чтить маститую старость. Состоявшій при немъ Фуксъ попалъ однажды подъ боевой огонь и, чтобы избавиться отъ подобныхъ сюрпризовъ на будущее время, сознался Суворову, что боится. «Не бойся ничего», сказалъ ему Суворовъ: «держись только около меня, я вѣдь самъ трусъ» [6]).

Всѣ подобныя шутки, выходки и дурачества практиковались почти исключительно въ людяхъ, въ обществѣ, за столомъ; въ кабинетѣ же, за дѣловыми занятіями, особенно глазъ на глазъ, имъ не было мѣста. Тутъ Суворовъ являлся совсѣмъ другимъ человѣкомъ, и развѣ только немогузнайство, или что нибудь равносильное, могло вызвать въ немъ какую-нибудь выходку чудака. Если онъ диктовалъ приказанія, исполнитель не смѣлъ вымолвить ни слова; при докладахъ также надлежало держать ухо востро и быть крайне внимательнымъ. Только приспособившись ко всѣмъ требованіямъ Суворова, лица, состоявшія при немъ, пріобрѣтали апломбъ и увѣренность въ себѣ, не боялись своего начальника и даже во многихъ отношеніяхъ вертѣли имъ по своему усмотрѣнію.

Непроизводительно для цѣлей войны проходили недѣли въ Асти. Тѣмъ временемъ дипломатія работала, но различіе цѣлей всѣхъ трехъ союзниковъ клало на эту работу печать не созданія, а разрушенія. Чего не успѣли сдѣлать Суворовскія побѣды, то не могло быть исполнено переговорами, разсужденіями и убѣжденіями.

Еще весной предполагалось расширить союзъ привлеченіемъ

въ него Пруссіи, сѣверныхъ германскихъ владѣній, Даніи и Швеціи, а также дополнить задачу коалиціи исторженіемъ Голландіи изъ рукъ Франціи. Проектъ расширенія союза не удался, но мысль о предпріятіи противъ Голландіи не была оставлена. Родилась она въ Лондонѣ; вырвать изъ рукъ непріятеля голландскій флотъ и завладѣть имъ или хоть истребить его,—было мечтою Лондонскаго кабинета, которая прикрывалась офиціальною цѣлью—уничтожить Батавскую республику и возстановить прежній порядокъ. Эта лицевая сторона предпріятія совершенно отвѣчала взглядамъ Русскаго Императора, а потому онъ сразу одобрилъ мысль и, не ожидая рѣшенія подробностей, приказалъ снаряжать войска и флотъ для экспедиціи противъ Батавской республики. Тоже самое дѣлалось въ Англіи; герцогъ Іоркскій былъ назначенъ главнокомандующимъ союзными силами; приготовленія производились съ чрезвычайнымъ спѣхомъ, но заключенный между двумя державами договоръ содержался, по настояніямъ изъ Лондона, въ секретѣ отъ Австріи.

Суворову было сообщено о морской экспедиціи къ берегамъ Голландіи, какъ о предпріятіи рѣшонномъ. Онъ постоянно былъ противникомъ крупныхъ дессантовъ съ обширными военными цѣлями и потому пришолъ въ отчаяніе отъ такой новости, представлялъ себѣ будущность предпріятія въ самомъ мрачномъ свѣтѣ и говорилъ: «Господи, да не буду я пророкомъ». Опасенія его сбылись, хотя и по другимъ причинамъ [1]).

Какъ только Вѣнскій кабинетъ провѣдалъ про секретъ Англіи и Россіи, онъ прежде всего позаботился приспособить Голландскую экспедицію къ своимъ интересамъ, а именно рѣшилъ направить дѣло къ возвращенію Нидерландовъ подъ владычество Австрійскаго дома, и принялся расчищать себѣ путь покламаціями къ бельгійскому народу, дипломатическими нотами и проч. Слѣдующею ступенью къ цѣли являлось предполагавшееся въ то время новое размѣщеніе союзныхъ войскъ по театрамъ войны. Первоначально было проектировано — Римскому Корсакову и принцу Конде занять Швейцарію и вторгнуться во Францію, но потомъ планъ этотъ измѣнился. Между Петербургомъ и Лондономъ рѣшено было оставить въ сѣверной

Италіи одни австрійскія войска, въ Швейцаріи сосредоточить всѣ русскія подъ начальствомъ Суворова, которыя и предназначались для вторженія во Франшъ-Контэ; эрцъ-герцогъ Карлъ долженъ былъ прикрывать ихъ правый флангъ, а австрійскія войска въ сѣверной Италіи — лѣвый; наконецъ, весь этотъ планъ рѣшено приводить въ исполненіе по совершенномъ утвержденіи союзниковъ въ Италіи и Швейцаріи. Предложеніе Англіи и Россіи сообщено было Вѣнскому двору, который потребовалъ въ немъ измѣненія: эрцъ-герцогу Карлу дѣйствовать на нижнемъ Рейнѣ, войдя въ связь съ англо-русскимъ десантнымъ корпусомъ въ Голландіи и стараясь поднять въ Бельгіи возстаніе противъ Французовъ, а для связи эрцъ-герцога и Суворова учредить небольшую промежуточную армію. Кромѣ того, Австрійское правительство предлагало отложить до будущаго года вторженіе въ предѣлы Франціи, перемѣщеніе же русскихъ войскъ изъ Италіи въ Швейцарію исполнить безотлагательно, но постепенно. Не усматривая въ этомъ контръ-проектѣ никакихъ заднихъ мыслей, Императоръ Павелъ согласился. Для него имѣло важность лишь то, что главное — вторженіе во Францію—оставалось во всей своей силѣ, хотя исполненіе и отлагалось; кромѣ того ему было очень пріятно, что это главное предпріятіе поручалось его войскамъ и его полководцу.

Суворовъ расходился со взглядами своего Государя на существенную часть вопроса. Онъ многократно говорилъ, что вторженіе во Францію подыметъ все ея населеніе на защиту родины и что пока республиканская армія не заявитъ себя за прежнее правительство, до тѣхъ поръ возстановленіе стараго режима окажется исполнимымъ лишь на бумагѣ, на языкѣ у проходимцевъ-эмигрантовъ и въ головѣ политическихъ мечтателей [7]). Прежде, при Екатеринѣ, онъ былъ другого мнѣнія, но съ тѣхъ поръ много прошло времени и много набралось новыхъ фактовъ. Однако онъ не навязывалъ своего взгляда и не упорствовалъ въ его принятіи, такъ какъ это было вопросомъ высшей политики, куда ему вторгаться не подобало. Но онъ былъ безусловно противъ мечтательныхъ предположеній о немедленномъ вторженіи въ республиканскіе предѣлы и счи-

талъ это возможнымъ лишь въ будущую кампанію, въ чемъ и сошелся со взглядами Вѣнскаго кабинета. Такое совпаденіе было случайнымъ; съ первыхъ же шаговъ примѣненія основного положенія къ дѣлу, главнокомандующій оказался въ разнорѣчіи съ вѣнскими прожекторами. Надо замѣтить, что планъ новаго распредѣленія армій по театрамъ войны былъ принятъ союзными кабинетами и сообщенъ къ исполненію до сраженія при Нови (полученъ позже), слѣдственно когда судьба Италіи еще не была рѣшена окончательно. Несмотря на это императоръ Францъ приказалъ Суворову—приводить въ исполненіе новый планъ безотлагательно. Суворовъ не могъ согласиться съ пользою подобной поспѣшности; даже послѣ побѣды при Нови онъ былъ убѣжденъ, что дѣло изгнанія Французовъ оканчивается лишь завладѣніемъ Генуэзской Ривіерой и послѣдними французскими крѣпостями; что нужно обезпечить за собою зимнія квартиры для успѣшнаго приготовленія къ новой кампаніи; что требуется около двухъ мѣсяцевъ времени для упроченія сдѣланныхъ въ Италіи завоеваній. Кромѣ того русскія войска не такъ были снаряжены, чтобы вести горную войну отдѣльно отъ Австрійцевъ; ихъ требовалось предварительно снабдить необходимыми запасами, зарядами, горными орудіями, понтонами; нуждались они также въ офицерахъ генеральнаго штаба, знакомыхъ съ краемъ. Наконецъ надлежало принять въ разсчетъ, что по первоначальному плану, Суворовъ долженъ былъ идти въ Швейцарію только съ 11.000 Дерфельдена, а императоръ Францъ требовалъ, чтобы онъ смѣнилъ также и Гадика. Это было уже физически невозможно, такъ какъ корпуса Дерфельдена едва хватило бы на смѣну Гадика, и Суворову пришлось бы, по словамъ его письма къ Ростопчину: «одному со свитою прибыть къ Римскому Корсакову на своемъ буцефалѣ». Обстоятельство это было устранено дозволеніемъ Императора Павла взять въ Швейцарію, кромѣ Дерфельдена, почти весь корпусъ Розенберга, но большая часть прочихъ невыгодныхъ сторонъ новаго плана, на которыя указывалъ Суворовъ Австрійскому императору, остались во всей своей неприкосновенности.

Всѣ эти доводы не привели однако ни къ чему. Вѣнскій дворъ настаивалъ на немедленной смѣнѣ войскъ, не слушая никакихъ резоновъ; разрѣшилъ оставить войска Гадика на прежнихъ ихъ позиціяхъ лишь на нѣкоторое время и подтвердилъ Суворову—не выводить изъ Италіи «ни одного австрійскаго солдата». Вѣнскій дворъ опасался, или дѣлалъ видъ, что опасается,—за свои собственныя владѣнія, за Германію, за только что завоеванную Италію, и взаимныя отношенія между нимъ и русскимъ полководцемъ становились все хуже. Еще раньше, тотчасъ послѣ побѣды при Нови, Суворовъ отправилъ къ Императору Павлу оригиналомъ полученное изъ Вѣны повелѣніе, дѣлавшее эту побѣду почти безцѣльною (см. главу 31). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ Ростопчину (около того времени уже первоприсутствующій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и графъ), что не можетъ продолжать службы, «когда хотятъ операціями править за тысячи верстъ, не зная, что всякая минута на мѣстѣ заставляетъ оныя перемѣнять». Онъ жаловался, что его «дѣлаютъ экзекуторомъ какого-нибудь Дитрихштейна и Тюрпина» (члены гофкригсрата) и просилъ доложить Государю, что послѣ генуэзской операціи будетъ ходатайствовать о своемъ отозваніи формально. Черезъ два дня онъ пишетъ Ростопчину снова, почти тоже; говоритъ, что боленъ и изнуренъ духомъ и «что долженъ вскорѣ въ какомъ ни есть хуторѣ или гробѣ убѣжища искать». Ростопчинъ убѣждаетъ его — отказаться отъ этого намѣренія. «Заклинаю васъ спасеніемъ Европы, славою вашею», пишетъ онъ: «презрите дѣйствіе злобы и зависти, вы имъ дѣлами вашими съ младыхъ лѣтъ подвержены были... Какъ могутъ заграждать вамъ путь тѣ, коихъ вы научили побѣждать и остановили бѣгущихъ, забывающихъ стыдъ, вѣрность и страхъ Господень». Въ другомъ его письмѣ читаемъ: «молю васъ со слезами и на колѣняхъ у ногъ вашихъ,—оставайтесь и побѣждайте. Вамъ ли обижаться гнусными хитростями коварнаго правленія, вамъ ли ждать соучастія въ главѣ вашей отъ гнусныхъ генераловъ, кои дожили, а не дослужились до сего званія? Вы ихъ оставите—и они докажутъ, что ихъ участь—или ничего не дѣлать, или быть повсемѣстно би-

тыми». Однако все это были слова, хотя бы и справедливыя, а Суворову, въ его трудномъ положеніи, требовалось нѣчто другое [8]).

Вѣнскія распоряженія о спѣшномъ перемѣнѣ театра войны подбавили горечи. «Сія сова, не съ ума ли сошла», пишетъ Суворовъ про Тугута: «или того никогда не имѣла?» Про эрцъ-герцога Карла онъ говоритъ: «эрцъ-герцогъ мнѣ безъ стыда относится, что ему только велѣно пещись о закрытіи наслѣдственныхъ земель, какъ будто земель только и есть!... Онъ близъ четверти года оставался въ унтеркунфтѣ подъ кровлею». Про австрійскихъ генераловъ, своихъ недоброжелателей, отзывается такъ: «найдетъ ли кто ихъ, чтобы не былъ мерсенеръ или бродфрессеръ? Всякій зависитъ отъ сателитовъ гофкригсрата и держится одинъ другого ихъ кабалами... Я съ недѣлю въ горячкѣ, хотя еще на ногахъ; давно всеподданнѣйше прошу объ отзывѣ: развалинъ храма Темиры зрѣть не могу» [9]). Императору Павлу Суворовъ откровенно излагаетъ и свою скорбь о минувшихъ непріятностяхъ, и свое недовѣріе къ будущему. «Начало моихъ операцій будетъ и должно зависѣть единственно отъ обстоятельствъ времени, назначеніе которому вѣнскій гофкригсратъ дѣлаетъ по старинному навыку къ таковымъ идеальнымъ политическимъ вымѣткамъ. Безпрерывныя оттого послѣдовавшія военныя неудачи, помрачавшія славу австрійскаго оружія, не научили его еще понынѣ той неоспоримой истинѣ, что отъ единаго иногда мгновенія разрѣшается жребій сраженія». Про будущія операціи онъ говоритъ, что для успѣха ихъ необходимѣе всего единодушное содѣйствіе всѣхъ союзныхъ войскъ, а между тѣмъ именно въ этомъ и сомнѣвается, выражая опасеніе, «чтобы эрцъ-герцогъ Карлъ и генералъ Меласъ, порабощенные гофкригсрату, не отозвались неимѣніемъ особеннаго отъ онаго на то повелѣнія». Не ожидаетъ онъ успѣха и отъ ихъ демонстрацій, предписываемыхъ планомъ, говоря, что лучше сосредоточивать войска для важныхъ операцій, чѣмъ разбивать ихъ для побочныхъ цѣлей на мелкія части.

Вмѣстѣ съ бѣглымъ критическимъ разборомъ минувшихъ дѣйствій и будущаго плана, Суворовъ посылаетъ другое доне-

сеніе, прося у Государя прощенія, что въ скорби сердца упомянулъ объ увольненіи въ отечество. Онъ привыкъ переносить съ презрѣніемъ личныя обиды, «но когда наглостью и дерзновенностью союзнаго, облагодѣтельствованнаго кабинета оскорблялись нѣкоторымъ образомъ слава и достоинство монарха моего и побѣдоноснаго мнѣ ввѣреннаго его оружія,—тогда долгомъ поставлялъ я уклониться въ мирное жилище». Письмо это было вызвано милостями и новыми выраженіями благоволенія и довѣрія Государя къ своему знаменитому подданному. Императоръ Павелъ не только на него не гнѣвался, но былъ тѣхъ же мыслей объ австрійской политикѣ. Не могъ русскій государь, даже и не съ темпераментомъ Павла Петровича, читать хладнокровно донесенія побѣдоноснаго полководца, гдѣ говорилось, что несмотря на побѣды, поднявшія пригнетенный духъ Австрійцевъ, онъ, Суворовъ, получаетъ отъ Римскаго императора «токмо равнодушныя письма, наполненныя иногда выговорами, или же предписаніями—относиться въ такой отдаленности о всѣхъ военныхъ операціяхъ предварительно къ нему». Не могъ онъ не согласиться и со словами Суворова: «не понятны для меня Вѣнскаго двора поступки, когда единое мановеніе Вашего Императорскаго Величества—возвратить войска въ имперію Вашу—можетъ ниспровергнуть всѣ заносчивые его умыслы».

Вѣнскому двору, впрочемъ, не было никакого разсчета затрогивать «славу и достоинство Русскаго Государя и его побѣдоноснаго оружія», потому что Россія представляла еще изъ себя колодезь, изъ котораго Австріи приходилось пить. Но собственные свои интересы были для послѣдней такъ дороги, а близорукость руководителей ея политики такъ велика и средства къ достиженію цѣлей до того не разборчивы, что подтасовка, благодаря Суворову, обнаружилась въ игрѣ раньше, чѣмъ было полезно для Австріи, и имѣла подобіе посягательства на чужое достоинство. Своекорыстные виды Вѣнскаго двора въ особенности скоро обнаружились по отношенію къ итальянскимъ владѣтелямъ, преимущественно къ Сардинскому королю. Мы уже знакомы съ этимъ предметомъ и видѣли, что распоряженія Су-

ворова, измѣненныя или отмѣненныя Вѣнскимъ кабинетомъ, частью исходили прямо изъ повелѣній Императора Павла, частью принимались самимъ Суворовымъ, но совершенно соотвѣтствовали направленію политики Петербургскаго кабинета. Въ Вѣнѣ забили тревогу; полетѣли дипломатическія ноты въ Петербургъ; была пущена въ ходъ угроза, что въ случаѣ вызова Карла Эмануила съ острова Сардиніи въ Пьемонтъ, австрійскія войска будутъ оттуда выведены въ Ломбардію. Тѣмъ временемъ Суворовъ послалъ Пьемонтскому королю приглашеніе—возвратиться въ свои владѣнія твердой земли и сообщилъ объ этомъ Разумовскому; но посолъ не посмѣлъ передать такой новости Тугуту, а сталъ умолять Суворова—отсрочить исполненіемъ опасной мѣры. Подоспѣло затѣмъ и рѣшеніе изъ Петербурга; устраняя поводъ къ размолвкѣ, Императоръ Павелъ уступилъ желанію союзника. Изъ Вѣны послано Суворову соотвѣтствующее повелѣніе и поставлена ему на видъ его обязанность—безпрекословно исполнять повелѣнія Вѣнскаго кабинета.

Суворовъ попалъ въ положеніе щекотливое, однако сообщилъ Карлу Эмануилу, что союзные дворы рѣшили отложить возвращеніе Его Величества въ Туринъ до болѣе благопріятнаго времени, когда Французы будутъ изгнаны изъ всей сѣверной Италіи. Между тѣмъ Карлъ Эмануилъ, на основаніи прежняго рѣшенія Павла I, прислалъ къ Суворову своего намѣстника, графа Сентъ-Андре. Сентъ-Андре понялъ свое неловкое положеніе, старался сообразоваться во всемъ съ австрійскимъ уполномоченнымъ, но возобновилъ предположеніе о сборѣ пьемонтскихъ войскъ и милиціи. Суворовъ передалъ это на усмотрѣніе Вѣнскаго кабинета, но получилъ отрицательный и непріятный отвѣтъ. Кромѣ того ему сообщалось, что императоръ не соизволяетъ на принятіе имъ, Суворовымъ, званіе фельдмаршала сардинскихъ войскъ, ибо пока австрійская армія занимаетъ Пьемонтъ, не можетъ быть настоящей сардинской арміи. Сардинскій же король тѣмъ временемъ готовился къ отъѣзду, такъ какъ, по затруднительности сообщеній острова Сардиніи съ материкомъ, не получилъ еще посланнаго ему приглашенія остаться, а герцогъ Аостскій уже прибылъ въ Ливорно и писалъ оттуда Суворову,

что будетъ скоро «имѣть счастіе лично познакомиться съ освободителемъ Италіи». Суворову пришлось изворачиваться; онъ отклонилъ свиданіе съ герцогомъ Аостскимъ, пріѣхавшимъ въ Александрію; скрѣпя сердце, не дозволилъ ему переселиться въ помѣстье близъ Турина, указавъ на другое, болѣе уединенное мѣстопребываніе, и до самаго своего отъѣзда изъ Италіи съ нимъ не видѣлся. Извѣщеніе короля Сардинскаго о предстоящемъ его возвращеніи было отослано въ Петербургъ; туда же пошло и прошеніе священной коллегіи кардиналовъ, правившей дѣлами Римской церкви, вмѣсто находившагося въ заключеніи папы. Отъ коллегіи являлась депутація и къ самому Суворову, но свиданіе это, въ виду вѣнской политики, не могло повести ни къ какому результату.

Такимъ образомъ вся почти Италія обратилась за покровительствомъ къ Русскому Императору; къ нему же стремились надежды и многихъ другихъ второстепенныхъ государей европейскихъ, потому что французская революціонная пропаганда и алчные замыслы Австріи были для всѣхъ Сциллой и Харибдой, которыя одинаково грозили гибелью. Со своей стороны Австрія хотя нуждалась еще въ союзѣ, но уже тяготилась присутствіемъ союзниковъ тамъ, гдѣ настало время пожинать плоды въ свою собственную пользу. Такою представлялась ей въ тотъ моментъ Италія; русскія войска, и въ особенности ихъ предводитель, были тамъ уже не только безполезными, но прямо вредными. Надо было сбыть съ рукъ во что бы то ни стало, чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, этого неподатливаго человѣка, этого вопителя за принципы, вѣрнаго и убѣжденнаго исполнителя воли своего Государя. Ревность и зависть подсказывали тоже самое. Нѣсколько игриво, но въ сущности вѣрно писалъ въ сентябрѣ Гриммъ графу С. Р. Воронцову: «если держаться одной газеты Вѣнскаго двора, Суворовъ командуетъ арміею невидимо, подобно тому, какъ Провидѣніе управляетъ землей, съ тѣмъ лишь различіемъ, что Провидѣнію иногда служили молебны, тогда какъ о Суворовѣ не упоминалось. Вы мнѣ разъяснили дѣло; я не зналъ, что главное начальствованіе принадлежало Тугуту и что Суворова взяли только для того, чтобы снабдить барона первымъ адъютантомъ.

Надо сознаться, что генералиссимусъ Тугутъ выказалъ большое умѣнье въ выборѣ людей и что онъ напалъ на человѣка самаго покладистаго, способнаго вполнѣ подчиниться его дурацкимъ идеямъ» [10]).

Было бы конечно лучше, если бы поворотъ во взглядахъ Русскаго Государя на австрійскую политику произошелъ раньше. Но этому препятствовала дальность разстоянія для сношеній, желаніе Павла I довести дѣло до конца на благо монархической Европѣ, извороты Вѣнскаго кабинета, присутствіе въ Вѣнѣ такого посланника, какъ графъ Разумовскій, и проч. Разумовскій, гордый и надмѣнный со своими, Русскими, былъ покорнѣйшимъ слугой Тугута и свои дипломатическія способности употреблялъ не столько на проведеніе въ Вѣнѣ взглядовъ и воли Русскаго Государя, сколько на истолкованіе Петербургскому двору Тугутовскихъ идей въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Въ числѣ словесныхъ высочайшихъ повелѣній, мы находимъ еще 31 декабря 1798 года такое: «отставить Разумовскаго, а вмѣсто него Колычева» [11]). Быть можетъ, это былъ простой взрывъ вспыльчивости Павла I, такъ какъ повелѣніе осталось не исполненнымъ, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, какъ давно начали появляться поводы къ неудовольствію Государя на посла. Въ 1799 году, марта 31, послѣдовало повелѣніе—назначить помощникомъ Разумовскому по военной части Колычева; но Разумовскій ревниво отстранялъ его отъ дѣлъ и не допускалъ до переписки съ Суворовымъ, самъ же между тѣмъ продолжалъ свои извороты, больше всего опасаясь раздражать желчнаго Тугута. Но такой образъ дѣйствій только затягивалъ дѣло, ни мало его не исправляя, и неудовольствіе Государя и Суворова на Разумовскаго увеличивалось. Въ послѣднихъ числахъ іюля было выражено ему Государемъ негодованіе въ весьма категорической формѣ, съ изложеніемъ всѣхъ причинъ, и сказано: «я желалъ бы также, чтобы вы, при каждомъ сношеніи вашемъ съ барономъ Тугутомъ, помнили, что вы русскій и посланникъ мой въ Вѣнѣ по моимъ дѣламъ». Вслѣдъ затѣмъ получено было въ Петербургѣ первое прошеніе Суворова объ отставкѣ, препровождено къ Разумовскому и повелѣно испросить по этому поводу особую аудіенцію

у Австрійскаго императора, которому объявить, что если Вѣнскій кабинетъ не измѣнитъ своего поведенія относительно фельдмаршала, то послѣдній уполномоченъ собрать русскія войска въ одно мѣсто и дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Разумовскій, получивъ это повелѣніе, сообщилъ Суворову, что такъ какъ русскія войска съ нимъ, Суворовымъ, предположено нынѣ перевести въ Швейцарію, то угроза Государя уже теряетъ свое значеніе, а потому онъ, Разумовскій, рѣшился ее не передавать, въ интересѣ сохраненія союза, въ чемъ и падѣется получить одобреніе фельдмаршала. Суворовъ отвѣтилъ сухимъ письмомъ, въ которомъ изложилъ полное свое несогласіе съ мнѣніемъ посла, прибавивъ: «вообще, гдѣ нѣкоторымъ образомъ оскорбляется слава оружія Его Величества, тамъ потребны твердость духа и большая настоятельность». О «неумѣстной деликатности» Разумовскаго Суворовъ сообщилъ Ростопчину, говоря, что «усильнѣйшія настоянія русскаго посла и большая твердость въ Вѣнѣ, были бы для дѣлъ службы въ теченіе нынѣшней кампаніи гораздо полезнѣе». Вмѣстѣ съ тѣмъ Суворовъ объявилъ, что онъ прекращаетъ свои сношенія съ Разумовскимъ, а будетъ во всемъ относиться къ Колычеву. Письмо его было конечно доложено Государю, до котораго приблизительно въ тоже время дошло и отвѣтное донесеніе Разумовскаго. Въ своей длинной депешѣ посолъ пытался оправдаться лично и оправдать политику Тугута, говоря между прочимъ, что «передалъ Австрійскому императору слово въ слово все то, что высочайшимъ повелѣніемъ было предписано», тогда какъ Суворову написалъ, какъ мы видѣли, совершенно другое. По всей вѣроятности, это обстоятельство окончательно убѣдило Павла I въ непригодности Разумовскаго для поста, имъ занимаемаго, почему его и замѣстилъ въ скоромъ времени Колычевъ. А Суворовъ, въ одномъ изъ первыхъ обращеній своихъ къ Колычеву, просилъ его «исправить колеблемость общаго блага наиспѣшнѣйше и исторгнуть его изъ опасности», находя, что для этого «лучше дѣло трактовать посторонимъ образомъ, нежели отъ моего имени, терзаемаго и въ горячкѣ отъ сателитовъ Тугута». Суворовъ былъ правъ, но дѣло зашло уже слишкомъ далеко, да и баронъ

Тугутъ не благоволилъ къ Колычеву въ той же мѣрѣ, въ какой былъ расположенъ къ Разумовскому, и нѣсколько времени не хотѣлъ даже входить въ офиціальныя съ нимъ сношенія.

Полное возстановленіе между союзниками прежняго согласія сдѣлалось теперь едва ли возможнымъ также и вслѣдствіе настроенія Императора Павла. Мы видѣли, что первый признакъ недовѣрія къ Вѣнскому кабинету обнаружился въ Русскомъ Государѣ раньше, чѣмъ явились къ тому поводы со стороны Суворова; видѣли также, что до Государя доходили слухи помимо фельдмаршала о зародившихся неудовольствіяхъ и что Павелъ I принялъ ихъ къ сердцу. Послѣ того причины къ недовольству Вѣнскимъ дворомъ быстро умножались, такъ какъ Русскій Государь, взявъ подъ свое покровительство курфирста Баварскаго и герцога Виртембергскаго, закрылъ Австрійскому правительству въ южной Германіи путь земельныхъ захватовъ, и оно старалось вознаградить себя въ Италіи. Въ этомъ заключается вся сущность дѣла; неудовольствія съ Суворовымъ не составляютъ собою причины самостоятельной; они выросли изъ того же корня, и Вѣнскій дворъ выдвинулъ ихъ на первый планъ лишь въ видѣ ширмы. Императоръ Павелъ уже сталъ догадываться, что Австрія ведетъ войну единственно изъ своекорыстныхъ разсчетовъ; въ его рескриптахъ попадаются заявленія, что замыслы Вѣнскаго двора не лучше посягательствъ Франціи; говорится «о хитростяхъ и каверзахъ» этого двора; австрійскому послу въ Петербургѣ объявляется, что Русскій Государь, «служа общему дѣлу, не служитъ дому Австрійскому». Вопросъ получалъ такую постановку, что нельзя уже было отдѣлываться однимъ молчаніемъ или отводить глаза дипломатической риторикой. Баронъ Тугутъ объяснилъ тогда Разумовскому, что Австрійское правительство разсчитываетъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ разграниченіи итальянскихъ государствъ, т.-е. присоединить къ Австріи часть владѣній Сардинскаго короля и отдѣлить извѣстную долю отъ Папской области, для вознагражденія другихъ итальянскихъ государей за требуемыя отъ нихъ уступки и для округленія австрій-

скихъ владѣній. Разумовскому сверхъ того дано замѣтить, что Русскій Императоръ можетъ и самъ сдѣлать при этомъ нѣкоторыя пріобрѣтенія, если дозволитъ Австріи свободно распорядиться въ Италіи; въ противномъ же случаѣ Австрія выйдетъ изъ союза.

Императоръ Павелъ вступивъ въ войну съ безкорыстными цѣлями, не соблазнился предложеніями Тугута, а потребовалъ болѣе опредѣлительныхъ объясненій. Затѣмъ прибавились новыя неудовольствія: препятствія со стороны Вѣнскаго кабинета къ присоединенію виртембергскихъ войскъ къ русскимъ, происки Австрійцевъ на Іоническихъ островахъ, но больше всего продолжавшіяся обиды Суворову, козни противъ него австрійскихъ «генераловъ-министровъ и министровъ-генераловъ», пренебреженіе къ заслугамъ русскихъ офицеровъ. Императоръ Францъ все это отрицалъ, поясняя Разумовскому, что Суворовъ никакихъ предписаній не получалъ отъ гофкригсрата иначе, какъ за собственною императора подписью; что всѣ повелѣнія ему давались на основаніи личнаго съ нимъ въ Вѣнѣ соглашенія; что всѣ его жалобы не основательны; что самъ императоръ имѣлъ много причинъ жаловаться на фельдмаршала, но не дѣлалъ и не дѣлаетъ этого въ уваженіе его заслугъ и скораго отбытія въ Швейцарію. Большая часть объясненій Франца II совсѣмъ не состоятельна, остальное обусловливается различіемъ въ точкахъ зрѣнія. До какой степени жалобы Суворова были справедливы—это мы видѣли въ подробности; провинился ли онъ предъ Францомъ II, дѣйствуя въ духѣ своего правительства и добиваясь рѣшительныхъ результатовъ кампаніи, — это тоже не нуждается въ разъясненіи; за чьимъ подписаніемъ получались предписанія отъ гофкригсрата,—это не имѣетъ значенія. Важно лишь то,—противорѣчили ли эти предписанія, по своему смыслу, соглашенію, состоявшемуся въ Вѣнѣ, во время пребыванія тамъ Суворова. На этотъ вопросъ нѣтъ категорическаго отвѣта; видно только, что вѣнскіе переговоры не были надлежащимъ образомъ резюмированы и оформлены, а это и повлекло за собой крупное недоразумѣніе съ плачевными послѣдствіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно нельзя допустить, чтобы Суворовъ

согласился въ Вѣнѣ на нѣчто подобное тому, что съ нимъ потомъ продѣлывалось; характеръ Суворова, свойство его дарованія и все его прошлое въ томъ удостовѣряютъ. Легко быть можетъ, что онъ просто не уразумѣлъ предложенныхъ ему въ Вѣнѣ условій командованія, потому что понять ихъ точно и опредѣлительно, въ томъ именно смыслѣ, какъ потомъ требовали и объясняли изъ Вѣны, не только не могъ онъ, но и никакой другой генералъ, не воспитанный въ школѣ гофкригсрата. А еще вѣрнѣе, и всѣмъ ходомъ кампаніи подтверждается, что переговоры велись въ Вѣнѣ замаскированые, отвѣчавшіе задней мысли Тугута, который на этотъ разъ ошибся въ разсчетѣ, но по самомнѣнію и упрямству продолжалъ стоять на своемъ.

Въ силу ли этихъ соображеній или еще какихъ нибудь добавочныхъ причинъ, но Императоръ Павелъ не придалъ большой цѣны объясненію Франца. Въ словесныхъ высочайшихъ повелѣніяхъ, записанныхъ Ростопчинымъ, мы встрѣчаемъ подъ 7 сентября такое: «приготовить отвѣтъ Римскому императору на его жалобы на Суворова, что поведеніе Суворова и приказанія, ему данныя его Государемъ, говорятъ за него». Непріятности тѣмъ временемъ продолжались, и одна изъ нихъ оказалась особенно оскорбительной. При отпускѣ французскихъ плѣнныхъ на обмѣнъ, Меласъ прислалъ къ нимъ письмо, совѣтуя не идти на Геную, во избѣжаніе грабительства и притѣсненій отъ русскихъ войскъ. Вѣроятно этотъ же самый случай имѣлъ въ виду и Фуксъ, донося около того времени (въ концѣ августа) генералъ-прокурору, что «Меласъ причиняетъ всевозможныя подлыя шиканства, ибо управляется маіоромъ гр. Радецкимъ, адъютантомъ кн. Суховскимъ и маіоромъ Червенко, которые всѣ находятся подъ покровительствомъ любовницы Тугутова секретаря». Такой обиды Павелъ I не могъ перенести и потребовалъ отъ Вѣнскаго двора удовлетворенія «за дерзость и неподчиненность господина Меласа». Изъ Вѣны спросили объясненія у Меласа, онъ отвѣчалъ молчаніемъ [12]).

Кромѣ того Вѣнскій кабинетъ совершилъ поступокъ, близко граничившій съ предательствомъ, и имѣвшій роковыя для русскихъ войскъ послѣдствія въ осеннюю Швейцарскую кам-

панію. Для объясненія этого необходимо обратиться нѣсколько назадъ.

Когда русскія войска Римскаго Корсакова стали подходить къ Швейцаріи, самъ Корсаковъ пріѣхалъ въ главную квартиру эрцъ-герцога Карла и узналъ отъ него съ изумленіемъ, что всѣ австрійскія войска, до послѣдняго солдата, перейдутъ въ Германію и оставятъ въ Швейцаріи однихъ Русскихъ. Корсаковъ возражалъ, что это противорѣчитъ условленному плану кампаніи, что австрійскія войска должны были очистить Швейцарію отъ Французовъ до прихода Русскихъ, но этого не сдѣлали; что русская армія въ Швейцаріи со вспомогательными баварскими и швейцарскими войсками предполагалась въ 70,000 человѣкъ, а у него, Корсакова, имѣется меньше 30,000, съ которыми онъ конечно не въ состояніи держаться на протяженіи 200 верстъ противъ 70 — 80-тысячнаго непріятеля. Эрцъ-герцогъ соглашался, что слѣдовало бы повременить выступленіемъ, но оговаривался положительными и безусловными приказаніями Вѣнскаго кабинета. Однако онъ имѣлъ совѣсть и, обладая крупнымъ военнымъ талантомъ, понималъ, что представляется превосходный случай, усилясь войсками Корсакова, нанести Французамъ рѣшительное пораженіе. Онъ рѣшился замедлить выступленіемъ изъ Швейцаріи и, перейдя рѣку Ааръ, двинуться въ тылъ непріятельской арміи. Предпріятіе это, не представляя большого риска, обѣщало послѣдствія самыя рѣшительныя, но кончилось жалкимъ, почти комическимъ образомъ. Къ переправѣ сосредоточился главный корпусъ въ 37,000 Австрійцевъ и Русскихъ; въ ночь съ 5 на 6 августа стали наводить понтоны, но дно рѣки оказалось каменистымъ, а теченіе быстрымъ, и къ полудню на противномъ берегу сосредоточилось до 10,000 французскихъ войскъ. Попытка была брошена, хотя одинъ офицеръ англійской службы и брался навести понтоны, замѣнивъ якоря камнями.

Въ русскихъ войскахъ приняли эту слабую, нерѣшительную попытку за недостойную продѣлку, за пустую комедію, сыгранную только для виду, такъ какъ Австрійцы стояли на этомъ мѣстѣ нѣсколько мѣсяцевъ и должны были знать раньше

препятствія къ переправѣ. Суворовъ жестоко издѣвался. Въ одномъ письмѣ онъ писалъ: «Бештиптзагеръ разумѣетъ, что нельзя перейти Ааръ въ мокрыхъ шинеляхъ.... далѣе унтеркунфтъ потребенъ». Въ другомъ говорилось: «генералъ-штабной поручикъ эрцъ-герцогу доноситъ, что по каменистому грунту сей рѣки, понтоновъ утвердить не можно; тотчасъ — гальтъ и назадъ. Князь Алексѣй Горчаковъ (находившійся въ корпусѣ Римскаго Корсакова) какъ слышалъ: «передъ баталью при Вапріо или Кассано, Адда была несравненно въ берегахъ стремительнѣе и грунтъ каменистѣе»; отвѣтъ—такъ доноситъ поручикъ. Принцъ и всѣ—подъ унтеркунфтъ, вкупѣ и поручикъ: былъ сильный дождь».

Вслѣдъ затѣмъ, по успленнымъ убѣжденіямъ англійскаго посланника Виккама, графа Толстого и Римскаго Корсакова, эрцъ-герцогъ рѣшился сдѣлать еще одну, уже послѣднюю попытку къ изгнанію Французовъ изъ Швейцаріи. Но это предположеніе хоть и стало приводиться въ исполненіе, однако было прервано въ самомъ почти началѣ новымъ рѣшеніемъ эрцъ-герцога—немедленно выступить на Рейнъ, вслѣдствіе полученныхъ оттуда свѣжихъ извѣстій, причемъ онъ предоставлялъ Корсакову дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Корсаковъ пошелъ къ Цюриху и съ 18 августа началъ смѣну австрійскихъ войскъ русскими. Но безнадежность будущаго положенія Корсакова до того была ясна, что эрцъ-герцогъ оставилъ въ Швейцаріи еще генерала Готце съ 20—25,000 человѣкъ для спеціально-австрійской надобности — прикрытія Граубинодена и Тироля. Такимъ образомъ онъ все-таки не исполнилъ въ точности то повелѣніе Вѣнскаго двора, на основаніи котораго уходилъ, и, рискуя отвѣтственностью, принялъ полумѣру, не рѣшившись принять цѣлой мѣры.

Онъ уходилъ съ 36,000 человѣкъ на Рейнъ, гдѣ Французы вторгнулись въ Германію именно для того, чтобы отвлечь Австрійцевъ отъ Швейцаріи. Двинувшись къ Филипсбургу, эрцъ-герцогъ принудилъ Французовъ отказаться отъ блокады этой крѣпости; потомъ, слѣдя за отступавшимъ непріятелемъ, приблизился къ Мангейму и здѣсь, при громадномъ перевѣсѣ въ

силахъ, уничтожилъ слабый французскій отрядъ. Республиканская армія опять расположилась по лѣвому берегу Рейна, а австрійская осталась въ спокойствіи охранять Германію отъ возможности новаго вторженія. Здѣсь получилъ эрцъ-герцогъ новое повелѣніе—вывести изъ Швейцаріи и войска Готце, тотчасъ по прибытіи туда Суворова.

Что же однако могло заставить Австрійцевъ поступить такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы соединившись съ Корсаковымъ, вытѣснить изъ Швейцаріи единственную остававшуюся у Французской директоріи неразстроенную армію и затѣмъ угрожать Франціи, положеніе которой сдѣлалось бы тогда критическимъ? Наступательная демонстрація Французовъ на Рейнѣ не представлялась достаточной тому причиной; ихъ дѣйствующая армія не превосходила тутъ 12,000, слѣдовательно ничего серьезнаго сдѣлать не могла. Эрцъ-герцогъ оправдывается тѣмъ, что и характеръ дѣйствій Французовъ, и ихъ силы опредѣлились лишь впослѣдствіи, а въ то время оставались неизвѣстными; но съ такимъ объясненіемъ нельзя согласиться. Дутые планы директоріи не могли создавать большихъ армій изъ ничего въ продолженіе немногихъ недѣль, наглядымъ чему доказательствомъ служилъ главный до осени театръ войны въ Италіи. «Напуганный кабинетъ», послѣ Суворовской кампаніи пріободрившійся, не могъ считать на Рейнѣ дѣйствующій непріятельскій корпусъ въ 40 — 50 тысячъ вмѣсто 15 — 20. Наконецъ, если и допустить возможность такой ошибки, то все-таки самый коротвій и выгодный путь эрцъ-герцогу на Рейнъ лежалъ черезъ армію Массены, противъ которой онъ могъ дѣйствовать съ превосходными силами. Русскіе того времени видѣли въ поступкѣ Австрійцевъ, кромѣ грубой военной ошибки, спасшей непріятельскую армію,—злоумышленіе, зависть, коварство, предательство. Не такъ рѣзко и положительно, но въ томъ же приблизительно направленіи высказались также нѣкоторые иностранные писатели, изъ которыхъ не всѣ были панегиристами Суворова. Одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ военныхъ историковъ говоритъ, что выказанная гофкригсратомъ поспѣшность не можетъ быть оправдана никакими поли-

тическими и военными соображеніями и что она противорѣчитъ не только правиламъ войны, но и простому здравому смыслу [18]).

Приговоръ этотъ совершенно справедливъ; надо его только пояснить мотивами въ дополненіе къ сказанному раньше. Главнымъ побужденіемъ Вѣнскаго двора къ такому неприглядному поступку было желаніе распорядиться безъ помѣхи въ Италіи и принять участіе въ добычѣ, которую обѣщала англо-русская экспедиція въ Голландію. Какъ всегда бываетъ у политиковъ ограниченныхъ, ближайшія выгоды заслонили собою соображеніе о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ. Австрія не думала отказываться отъ коалиціи, это было еще слишкомъ рано; походъ Русскихъ въ Швейцарію хотя и могъ кончиться неудачей, но мысль о Суворовѣ не вязалась съ понятіемъ о неуспѣхѣ, да и прибыть на новый театръ войны онъ долженъ былъ скоро, раньше, чѣмъ вышло въ дѣйствительности. Что касается Русскаго Государя, то предпринятое имъ служеніе любимой идеѣ обѣщало, что прочность союза Австріи съ Россіей въ состояніи выдержать много испытаній, ибо перемѣнчивый характеръ Павла I отличался въ подобныхъ случаяхъ стойкостью и упрямствомъ. Кромѣ того, неподатливость и неуступчивость Суворова, вѣрность его основамъ петербургской политики, наконецъ тайная зависть, которая чувствовалась къ нему и къ русскимъ войскамъ,—все это, не замѣтно для руководителей Вѣнскаго кабинета, подбавляло въ нихъ и безъ того недальновидныя соображенія новые мотивы для извѣстнаго способа дѣйствій. Традиціонная привычка — получать военные успѣхи преимущественно съ помощью союзниковъ или чужихъ генераловъ въ австрійской службѣ, расширять свою территорію не оружіемъ, а политикой и союзами,—придавала Вѣнскому кабинету увѣренность на искони извѣданномъ пути. Наконецъ, въ поспѣшности Австрійскаго правительства очистить Швейцарію, могла дѣйствовать и неумышленная ошибка, такъ какъ гофкригсрату, составленному изъ бездарностей и руководимому невѣждою въ военномъ дѣлѣ — Тугутомъ, не трудно было впасть въ комбинацію совершенно фальшивую.

Про эрцъ-герцога Карла этого сказать нельзя; онъ имѣлъ большія военныя дарованія и не обладалъ лишь такимъ душевнымъ величіемъ, которое въ крайнихъ случаяхъ жизни, по одному внушенію долга и совѣсти, дѣлаетъ человѣка способнымъ къ безграничной отвѣтственности. Онъ былъ слишкомъ мягокъ, не избѣгалъ полумѣръ, впадалъ иногда въ нерѣшительность; вообще не имѣлъ мощной, стальной воли Суворова. Сверхъ того, какъ нѣкоторые не безъ основанія полагаютъ, опасеніе столкновеній съ русскимъ фельдмаршаломъ, не отличавшимся уступчивостью, тоже играло при этомъ не послѣднюю роль и побудило эрцъ-герцога — воспользоваться для оставленія Швейцаріи естественнымъ предлогомъ, въ видѣ внезапнаго вторженія небольшой французской арміи на правую сторону Рейна. Слѣдуетъ также положить на вѣсы и непріятности, происходившія безпрестанно между нимъ и Римскимъ Корсаковымъ, отъ которыхъ эрцъ-герцогъ избавлялся только разлукой съ русскимъ генераломъ.

Генералъ-лейтенантъ Римскій Корсаковъ, о которомъ Императоръ Павелъ имѣлъ очень выгодное мнѣніе, былъ человѣкъ образованный и не безъ достоинствъ, но заносчивъ, самонадѣянъ, надмѣненъ и гордъ, отличался упрямствомъ и своенравіемъ, ни во что ставилъ чужія мнѣнія и питалъ очень высокія понятія о самомъ себѣ. Онъ имѣлъ самый пренебрежительный взглядъ на иностранныя арміи, особенно на французскую, что одно доказываетъ его непригодность на назначенный ему высокій постъ, а между тѣмъ не представлялъ со своей стороны ровно ничего, что оправдывало бы такія понятія. Онъ не съумѣлъ завести въ своемъ штабѣ какое-нибудь подобіе порядка и никому изъ приближенныхъ лицъ не оказывалъ довѣрія, а между тѣмъ не расположенъ былъ самъ все дѣлать; беззаботность и безпечность возведены были имъ въ административный принципъ, и во всѣхъ частяхъ корпуснаго управленія царилъ полнѣйшій хаосъ. Съ перваго появленія на театрѣ войны, начались у Римскаго Корсакова споры и столкновенія съ австрійскими генералами и неудовольствія съ эрцъ-герцогомъ. Выказанная Австрійцами двуличность, ихъ

зависть и стремленіе къ подвохамъ, разумѣется не сгладили недостатковъ Корсакова и, по словамъ англійскаго дипломатическаго агента Викгама, только усилили его недовѣрчивость и вселили въ него справедливыя опасенія. Самыя дѣйствія эрцъ-герцога въ теченіе двухъ недѣль, безплодныя передвиженія, безконечные толки и отсутствіе всякаго результата, тоже не въ состояніи были внушить русскому генералу ничего такого, что бы измѣнило его воззрѣнія на союзниковъ. Онъ не сдерживалъ себя, его капризамъ и своенравію не было конца, и наконецъ до того надоѣлъ эрцъ-герцогу, что желаніе избавиться отъ такого человѣка могло сдѣлаться одною изъ побудительныхъ причинъ къ выступленію Австрійскаго принца изъ Швейцаріи.

Это выступленіе было роковымъ для коалиціи. Мѣра терпѣнія Русскаго Императора истощилась. Австрійскій посланникъ графъ Кобенцель пытался успокоить его неторопливою, *постепенною* смѣною русскихъ войскъ; но въ опроверженіе его словъ, эрцъ-герцогъ Карлъ уже приближался объ эту пору къ Мангейму. Государь приказалъ объявить Кобенцелю, что поступки Вѣнскаго кабинета принудятъ его совсѣмъ разорвать союзъ; однако дорожа своей любимой мыслью о спасеніи Европы, «все равно отъ Французовъ или отъ Цесарцевъ», и опасаясь сепаратнаго мира между Австріей и Франціей, Павелъ I пріостановился исполненіемъ угрозы. Лондонскій кабинетъ тоже нашелъ необходимымъ вмѣшаться въ дѣло, ибо Тугутъ недавно увѣрялъ лично англійскаго посланника, что Австрійцы выступятъ изъ Швейцаріи не иначе, какъ по занятіи ихъ позицій равными силами Русскихъ. Но Тугутъ, самъ изъявившій желаніе — словесно объясниться съ англійскимъ повѣреннымъ при союзныхъ арміяхъ лордомъ Мюльгравомъ, отрекся отъ своихъ предложеній и отказался имѣть съ нимъ свиданіе, такъ что англійское министерство дало предписаніе своему посланнику въ Вѣнѣ, лорду Минто, откланяться и выѣхать изъ Вѣны, если Тугутъ будетъ упорствовать въ своемъ отказѣ.

Руководитель австрійской политики, начинавшій путаться въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ, усилилъ систему ухищреній

и происковъ. Между прочимъ, онъ далъ порученіе—укротить гнѣвъ Павла I—первому своему клеврету, графу Дитрихштейну, который отправлялся въ Петербургъ въ огромной и блестящей свитѣ эрцъ-герцога палатина, жениха великой княжны Александры Павловны. Но это нисколько не помогло. Еще до прибытія въ Петербургъ свадебнаго поѣзда, Государь отправилъ 7 сентября повелѣніе Суворову. Рескриптъ начинался ссылкою на «неподвижность эрцъ-герцога Карла, корыстолюбивые виды Вѣнскаго двора, вѣками засвидѣтельствованное хитрое и двоякое его поведеніе, лесть въ словахъ и дѣлахъ, въ числѣ коихъ неожиданный свадебный пріѣздъ эрцъ-герцога Іосифа». Затѣмъ, Суворову давалось полномочіе на всѣ могущіе произойти случаи; поручалось сохраненіе чести и достоинства Государя и славы русскаго оружія; признавалось нужнымъ, по овладѣніи остальными крѣпостями въ Италіи, соединить всѣ русскія войска въ Швейцаріи, по прежде сообщенному плану, и разрѣшалось дѣйствовать оттуда—*куда и какъ заблагоразсудитъ*. Если Вѣнскій кабинетъ приступитъ къ сепаратному миру съ Франціей, то Суворовъ уполномочивался или оставшись въ Швейцаріи, продолжать войну своими силами, или возвратиться съ арміею въ Россію, предоставивъ вѣроломныхъ союзниковъ суду Божію. Въ заключеніе говорилось: «мужайтесь, князь Александръ Васильевичъ, и идите на труды, аки на побѣды; живите съ Богомъ и со славою».

Нѣсколько дней позже сообщено въ Вѣну, что Государь, оставаясь вѣрнымъ своимъ цѣлямъ, рѣшается совершенно отдѣлить свои войска отъ австрійскихъ, съ тѣмъ, чтобы они дѣйствовали подъ начальствомъ Суворова въ Швейцаріи независимо. Въ концѣ рескрипта къ нему прибавлено: «весьма желаю, чтобы императоръ Римскій одинъ торжествовалъ надъ своими врагами или чтобы онъ снова убѣдился въ той истинѣ, столь простой и осмилѣтнимъ опытомъ доказанной, что для низложенія врага, бывшаго уже разъ у самыхъ воротъ Вѣны, необходимы между союзниками единодушіе, правдивость и въ особенности искренность». Въ тотъ же день 16 сентября графъ Ростопчинъ написалъ Суворову: «Государю угодно было бы,

чтобы вы, по выходѣ изъ Италіи, попросили абшида отъ Римскаго императора; зачѣмъ вамъ носить мундиръ столь несправедливаго противъ васъ государя»? [14]).

Но Государь, заботясь о сосредоточеніи русскихъ войскъ въ Швейцаріи, о планѣ ихъ дѣйствій и другихъ крупныхъ вопросахъ осенней кампаніи, не вполнѣ себѣ уяснилъ опасность ближайшую, — которой подвергался Римскій Корсаковъ. Донесенія Суворова открыли ему глаза, и Павелъ I сталъ сильно безпокоиться за судьбу русскаго корпуса. Онъ еще раньше далъ повелѣніе, чтобы Корсаковъ не предпринималъ никакихъ важныхъ дѣйствій безъ разрѣшенія Суворова, а теперь поручилъ послѣднему полное распоряженіе корпусомъ въ Швейцаріи и указалъ поспѣшить соединеніемъ съ нимъ. Не довольствуясь этимъ, онъ, подъ вліяніемъ душевной тревоги, обдумывалъ мѣры на разные случаи и сообщалъ ихъ Суворову, называя вѣнскую политику «гнусною», австрійскихъ министровъ «безчестными» и т. под. Но не смотря на это, онъ все еще не покидалъ мысли о возможности лучшаго оборота дѣлъ и излагалъ свои предположенія о вступленіи Суворова во французскіе предѣлы. Болѣзненная сила воображенія увлекала Павла I за предѣлы возможнаго и питала въ немъ утѣшенія и надежды, для которыхъ не имѣлось уже разсудочныхъ основаній. Онъ даже обратился съ декларацією ко всѣмъ членамъ Германской имперіи, приглашалъ ихъ присоединить свои войска къ русскимъ и сообщилъ Суворову свои виды на разные случаи, если бы къ русскимъ войскамъ примкнули контингенты Германскихъ владѣтелей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ до такой уже степени не довѣрялъ своему союзнику, что на случай вторженія Суворова во Францію, предостерегалъ его отъ «двухъ задвижекъ», разумѣя австрійскія арміи эрцъ-герцога Карла и Меласа. Допуская также возможность отдѣльнаго мира между Австріей и Франціей, онъ обдумывалъ мѣры къ защитѣ предѣловъ своей Имперіи, писалъ Суворову о сохранномъ возвращеніи войскъ въ Россію и предназначалъ его для командованія всей вооруженной силой на западной границѣ Имперіи.

Велико было довѣріе Государя къ Суворову. Подозритель-

ный, недовѣрчивый, склонный къ ограниченію всякой власти, кромѣ своей собственной, Павелъ I давалъ однакоже своему полководцу обширнѣйшія, безграничныя полномочія. Точно также онъ поступалъ, сообщая Суворову свои наставленія, или вѣрнѣе сказать мысли, на разные случаи; онъ какъ будто боялся сказать что нибудь лишнее, связать подданнаго обязательностью указаній государя. Въ подобныхъ рескриптахъ Павелъ I постоянно дѣлаетъ оговорки, предоставляющія Суворову полную волю—принять или не принимать указаніе; употребляетъ слова «совѣтую», «на ваше усмотрѣніе» и другія подобныя. Въ одномъ изъ рескриптовъ онъ выражается даже такъ: «сіе предлагаю, прося простить меня въ томъ и возлагая на васъ самихъ избрать—что дѣлать;... вѣрьте, что я знаю цѣну вамъ». Такое отношеніе Павла къ Суворову, порожденное обстоятельствами, дѣйствительно было единственно-возможнымъ путемъ; подробныя обязательныя инструкціи оказались бы неисполнимыми или гибельными. Во всякомъ случаѣ, возможность подобныхъ безграничныхъ полномочій едва ли могла даже присниться членамъ Вѣнскаго кабинета, по отношенію къ своимъ генераламъ.

Выступленіе Суворова съ одними русскими войсками, при обстоятельствахъ самыхъ неблагопріятныхъ, сдѣлалось такимъ образомъ неотвратимымъ. Надо было торопиться, но въ срокѣ капитуляціи тортонской цитадели заключалось препятствіе; Суворовъ остался выжидать, съ тѣмъ, чтобы потомъ наверстать быстротою похода. Однако такое выжиданіе было крайне томительно въ виду тревожнаго будущаго, а потому онъ рѣшился положиться на авось, тронувшись въ путь хоть нѣсколькими днями прежде срока. Рано утромъ, 28 августа, Дерфельденъ выступилъ изъ Асти, а Розенбергъ изъ Ривальты,—оба по направленію къ С. Готару. Но въ тотъ же день, къ вечеру, получено извѣстіе, что непріятель тремя сильными колоннами показался изъ горъ для освобожденія Тортоны, а потому Суворовъ приказалъ войскамъ возвратиться. Обратный походъ произведенъ съ быстротою замѣчательною, за что объявлена отъ фельдмаршала благодарность. Августа 30 Моро, не зная еще о возвращеніи русскихъ войскъ, предпринялъ вторую попытку къ осво-

божденію Тортоны, но удостовѣрившись собственными глазами въ присутствіи корпуса Розенберга, отступилъ. Въ тотъ же день австрійскія войска заняли, по условію капитуляціи, караулы у цитадельныхъ воротъ, и на завтра французскій гарнизонъ, въ числѣ почти 1,100 человѣкъ, вышелъ изъ крѣпости, оставивъ 75 орудій, большое число ружей, пороху и другихъ запасовъ. Въ 7 часовъ утра русскія войска снова выступили въ путь по направленію къ Швейцаріи.

Поступокъ Суворова заслуживаетъ вниманія. Австрійскія войска уже были сданы Меласу, который оставался въ Италіи самостоятельнымъ главнокомандующимъ; и всякое промедленіе въ движеніи русскихъ корпусовъ, могло нанести вредъ имъ самимъ на новомъ театрѣ войны. Несмотря на это, Суворовъ счелъ долгомъ выполнить свою обязанность до конца, хотя гофкригсратъ и эрцъ-герцогъ Карлъ поступили съ нимъ самимъ совсѣмъ иначе. Очевидно, на чьей сторонѣ союза находилась честность.

Русскія войска слѣдовали къ Сенъ-Готару, тяжести ихъ направились кружнымъ путемъ чрезъ Верону, Тироль, Форарльбергъ и по сѣверному берегу Боденскаго озера, а полевая артиллерія по озеру Комо, чрезъ Кіавенну, въ долину Энгадинъ и затѣмъ чрезъ Ландекъ и Блуденцъ въ Фельдкирхъ. Не только полевыя, но и полковыя орудія шли въ этой колоннѣ; взамѣнъ ихъ Русскіе должны были получить 25 горныхъ пушекъ, и къ дѣйствію изъ этой новой артиллеріи приказано было пріучить прислугу. Войска были облегчены до послѣдней возможности. Въ продолженіе Итальянской кампаніи они имѣли при себѣ гораздо меньше обозовъ, чѣмъ въ предшествовавшія войны съ Поляками и Турками, но, по замѣчаніямъ иностранныхъ писателей, были все-таки слишкомъ обременены тяжестями. Давняя привычка и злоупотребленія поощряли офицеровъ и солдатъ прибѣгать къ разнымъ изворотамъ, чтобы обойти распоряженіе. Напримѣръ, было строжайше запрещено офицерскимъ женамъ слѣдовать за арміей; несмотря на то многія дамы переодѣвались въ мужское платье и не разставались съ мужьями, прячась отъ Суворова. Теперь все, что тре-

бовало перевозочныхъ средствъ, было послано въ дальнюю отдѣльную колонну; при корпусахъ не оставалось никакихъ тяжестей, кромѣ вьюковъ. Многіе офицеры даже вьюковъ не имѣли, ни верховыхъ лошадей, а шли пѣшкомъ со скатанною шинелью черезъ плечо и несли на себѣ узелъ съ провизіей. Войска двигались весьма быстро, но безъ утомленія и безъ отсталыхъ. Распоряженія отличались точностью, порядокъ соблюдался образцовый. Выступали въ 2 часа утра, въ 10 часовъ солдатъ находилъ на привалѣ готовую кашу, подкрѣплялъ силы, раздѣвался и спалъ нѣсколько часовъ. Въ 4 часа, когда полуденный зной начиналъ спадать, выступали въ походъ снова, шли часовъ шесть и, приходя около 10 часовъ на ночлегъ, находили готовый ужинъ [15]).

По донесенію Фукса генералъ-прокурору, Австрійцы разставались съ Суворовымъ не безъ тайной боязни за будущее, а жители, противники французскаго режима и Французовъ, съ сожалѣніемъ и печалью [16]). Августа 27, наканунѣ перваго своего выступленія, Суворовъ отдалъ по арміи прощальный приказъ. Онъ благодарилъ генераловъ за усердіе и дѣятельность, за стараніе исполнять волю государя, за благоразуміе и храбрость; офицеровъ за примѣрную храбрость и сохраненіе совершеннаго порядка и дисциплины; нижнихъ чиновъ за неизмѣнное мужество, храбрость и непоколебимость. Онъ удостовѣрялъ армію въ своемъ неограниченномъ къ ней уваженіи, не находя словъ, чтобы выразить—на сколько ею доволенъ и съ какимъ сожалѣніемъ съ нею разстается. «Никогда не забуду храбрыхъ Австрійцевъ», говорилось въ концѣ приказа: «которые почтили меня своею довѣренностью и любовью; воиновъ побѣдоносныхъ, сдѣлавшихъ и меня побѣдителемъ». Въ тотъ же день австрійскіе генералы и лица главной квартиры откланивались Суворову. Въ эту минуту все старое-худое было забыто, тѣмъ болѣе, что и шло оно преимущественно не отъ подчиненныхъ, а изъ Вѣны; Суворовъ не могъ подавить своего смущенія, своей грусти и, обнимаясь съ Меласомъ, прослезился.

Не слѣдуетъ смотрѣть на это прощаніе съ одной офиціаль-

ной стороны и сомнѣваться въ искренности обнаруженныхъ Суворовымъ чувствъ и высказанныхъ имъ словъ. Онъ былъ положительно доволенъ австрійскими войсками; частные случаи противуположнаго свойства не могутъ служить этому опроверженіемъ, особенно при напряженномъ внутреннемъ состояніи, въ которомъ почти постоянно находился Суворовъ, благодаря вѣнскимъ непріятностямъ. Въ письмахъ его къ разнымъ лицамъ мы не разъ встрѣчаемъ признаніе, что Австрійцы служатъ и дерутся хорошо, что они опытны въ пріемахъ войны въ тамошнихъ мѣстахъ и т. под. Къ гр. Воронцову, въ Лондонъ, Суворовъ писалъ, даже послѣ швейцарскаго похода: «на австрійскія войска я не имѣю причины жаловаться, потому что бывъ побуждаемы соревнованіемъ, способствовали они многимъ успѣхамъ и, не взирая на порабощеніе всѣхъ и каждаго генерала къ начальствующему ими министру, съ должнымъ согласіемъ исполнялъ каждый свою обязанность, и всѣ они имѣли ко мнѣ привязанность». Въ боевомъ отношеніи особенно хороши были ихъ драгуны; артиллерія стояла выше русской; внутреннее устройство хозяйственной части въ войскахъ и управленіе ею, госпитальная часть, генеральный штабъ, — далеко оставляли за собой русскіе. Замѣчались и недостатки; «Цесарцы долго равняются», писалъ Суворовъ Ростопчину; въ предшествовавшихъ главахъ были указанія и на другія, болѣе существенныя; но самымъ крупнымъ изъ нихъ были злоупотребленія по провіянтской части, хотя организована она была довольно хорошо. Въ боевомъ отношеніи русскія войска должны были конечно больше удовлетворять Суворовскимъ требованіямъ; однако казаки, умѣвшіе дѣйствовать въ разсыпномъ пѣшемъ строѣ, все таки не въ состояніи были замѣнить собою драгунъ; за то пѣхота, по отзыву одного иностраннаго писателя, стояла «неизмѣримо выше австрійской». Этому можно повѣрить, въ виду Суворовской школы, имѣвшей своимъ предметомъ больше всего пѣхоту.[17]).

Будучи доволенъ войсками союзными и въ особенности своими («наши — нельзя лучше»), Суворовъ положилъ однако много труда, чтобы ввести между тѣми и другими единство и

гармонію, чтобы возбуждать соревнованіе, не распаляя зависти, и питать благородное соперничество, устраняя антагонизмъ. Трудность этой задачи исходила изъ боевого прошлаго обѣихъ армій, изъ различія ихъ военныхъ системъ и усложнялась злокозненностью вѣнскихъ принциповъ, вливавшихъ ядъ во взаимныя отношенія Русскихъ и Австрійцевъ. Не давая въ перепискѣ своей пощады Тугутовымъ сателитамъ и приспѣшникамъ и, при случаѣ, издѣваясь надъ австрійской боевой неумѣлостью, Суворовъ однако отличался замѣчательнымъ тактомъ въ отношеніяхъ своихъ къ войскамъ и ихъ начальникамъ, какъ главнокомандующему подобало, и постоянно проводилъ между Австрійцами и Русскими примиряющее начало. Въ концѣ августа онъ пишетъ графу Толстому: «въ продолженіе нынѣшней кампаніи никогда не цвѣло лучшаго согласія, какъ посреди нашихъ и союзныхъ войскъ; сіе не въ порядкѣ вещей и правилъ; но я какъ сіи, такъ и многія другія сдѣлалъ фальшивыми: соревнованіе подало взаимно рука рукѣ помощь и пополняло недостающее». Нерѣдко являлись къ нему русскіе и австрійскіе генералы съ жалобами и претензіями другъ на друга, но Суворову всегда почти удавалось уладить несогласіе, не пуская его вглубь. Неожиданное острое слово, шутливый разсказъ о постороннемъ предметѣ, даже гримасы или забавные скачки, — вотъ средства, къ какимъ онъ прибѣгалъ, чтобы развеселить и успокоить недовольныхъ. Когда это не могло пособить, приходилось прибѣгать къ убѣжденіямъ, уговариваніямъ, не прикасаясь къ чувствительной струнѣ, не трогая больного мѣста. Даже на самомъ верху арміи приходилось улаживать подобныя столкновенія, напримѣръ между Меласомъ и Розенбергомъ. Изъ одной диктованной Суворовымъ записки видно, что между этими двумя лицами существовало «ревнованіе зависти: я сдѣлалъ, я сдѣлалъ; я хорошъ, тотъ худъ; я билъ, не онъ; его били, я поправилъ: а все то въ полной дружбѣ». Суворовъ говоритъ въ запискѣ, что «эти термины подлы,... (служатъ) для эгоизма и для собственныхъ мелкихъ интересовъ или только для ребячьяго и трактирнаго хвастовства». Положимъ такъ, но тѣмъ труднѣе была эта непрерывная миротворная миссія для Суво-

рова, при его характерѣ и темпераментѣ, и если въ союзной арміи не происходило крупныхъ раздоровъ, не проявлялось въ Италіи постояннаго рѣзкаго антагонизма, то этимъ она была обязана своему главнокомандующему [18]).

Оставляя Италію, Суворовъ несъ въ своемъ сердцѣ чувство свято исполненнаго долга и спокойной совѣсти; къ этому чувству хотя и примѣшивалось сознаніе неудовлетворительности военнаго результата, но не онъ, Суворовъ, былъ тому виною. Это соображеніе, впрочемъ, не могло его избавить отъ горечи при воспоминаніи о прошломъ и отъ нѣкоторой тревоги при ожиданіи будущаго. Опасеніе за будущее волновало и Императора Павла, увеличиваясь съ каждымъ днемъ; «жду съ нетерпѣніемъ прихода вашего въ Швейцарію», писалъ Государь: «и заранѣе жалѣю о трудахъ, кои вы въ семъ походѣ понесете». Впрочемъ и въ Государѣ, и въ другихъ, подобныя опасенія, такъ сказать разбавлялись надеждою на военныя дарованія Суворова, и письмо къ нему графа С. Воронцова изъ Лондона можетъ быть въ этомъ отношеніи названо выразителемъ общаго русскаго мнѣнія того времени, да и не одного русскаго. Воронцовъ писалъ, что личное присутствіе Суворова въ Швейцаріи служитъ утѣшеніемъ и ручательствомъ за будущіе успѣхи; что особа русскаго главнокомандующаго стоитъ цѣлой арміи, особенно когда онъ будетъ дѣйствовать свободно, не спрашиваясь Вѣны; что въ Швейцаріи не будетъ уже ни интригъ презрѣннаго Тугута, ни зависти австрійскихъ генераловъ, которые, будучи постоянно биты, нынѣ, благодаря Суворовской кампаніи въ Италіи, пребываютъ въ изумленіи, что могутъ вести войну уже не пятясь назадъ.

Въ Суворовѣ дѣйствительно заключалась надежда на добрый исходъ Швейцарской кампаніи, и онъ самъ отнюдь не считалъ дѣло потеряннымъ, но оно представлялось ему очень труднымъ и даже сомнительнымъ. Злѣе прежняго сдѣлались его сарказмы. Тугута онъ называетъ совой, подъячимъ, потерявшимъ Нидерланды, Швейцарію и Италію, систему его—глупою; про эрцъ-герцога Карла говоритъ, что онъ «опочивалъ больше трехъ мѣсяцевъ по указу»; про себя упоминаетъ: «меня не

будетъ, не будетъ ни одного, кто противу Тугута правду скажетъ». Государю онъ пишетъ, что, исполняя высочайшую волю, онъ ведетъ храброе русское войско на новыя поля сраженій, гдѣ или поразитъ врага, или умретъ со славою за отечество и государя. Къ Хвостову онъ обращается со словами, болѣе откровенными: «не ручаюсь, какъ пройду чрезъ горло сильнаго непріятеля»; гр. С. Воронцову пишетъ: «хотя въ свѣтѣ ничего не боюсь, скажу—въ опасности отъ перевѣса Массены мало пособятъ мои войска отсюда, и поздно»; еще позже кладетъ замѣтку: «Массена не будетъ насъ ожидать и устремится на Корсакова, потомъ на Конде». Существуютъ и другія свидѣтельства, что Суворова озабочивала будущая кампанія. Въ немъ конечно не замѣчается уныніе, но довольно и того, что сложившіяся обстоятельства заставили его пытливо заглядывать впередъ, допуская возможность дурного исхода. Уже и это состояніе было для него ненормальнымъ, и озабоченность выказывалась въ немъ помимо его желанія. Князь Андрей Горчаковъ пишетъ Хвостову, что Суворовъ очень слабъ и едва ходитъ, а причиной тому безпрестанныя заботы. Старые солдаты, знакомые съ Суворовымъ издавна, и тѣ замѣчали, что онъ погруженъ въ глубокую думу, и находили даже перемѣну въ выраженіи его лица. Да и не естественно было бы въ настоящемъ случаѣ съ его стороны равнодушіе, или безпечность, или неразумный оптимизмъ, вообще надежда на одно счастье. Суворовъ хотя привыкъ къ своему счастью и сжился съ нимъ, но отношеніе его къ этому счастью было всегда активное. Много лѣтъ назадъ онъ говорилъ Потемкину, что «повелѣвалъ» счастьемъ; слова эти требовали особенно въ настоящее время приложенія къ дѣлу; теперь больше, чѣмъ когда-либо, нужно было завладѣть счастьемъ и не подчиняться обстоятельствамъ, а править ими. Оттого на Суворова и легла дума, и въ одномъ изъ писемъ къ Ростопчину онъ высказалъ косвеннымъ образомъ программу своихъ настоящихъ и будущихъ дѣйствій: «геройство побѣждаетъ храбрость, терпѣніе—скорость, разсудокъ — умъ, трудъ—лѣнь, исторія—газеты» [19]).

Дѣйствительно положеніе дѣлъ было серьезное; смутно ли,

ясно ли, но это разумѣли всѣ, и потому понятны полныя негодованія слова Гримма, нѣсколько позже высказанныя имъ въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову: «я не знаю, чѣмъ все это кончится, что съ нами будетъ; но я спрашиваю: сколько Французская директорія платитъ за все это и кому именно?» [20]).

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Швейцарская кампанія: С. Готаръ, Чортовъ мостъ; 1799.

Силы воюющихъ. — Расположеніе войскъ въ Швейцаріи. — Различныя туда пути; путь, избранный Суворовымъ; недостатки принятаго плана. — Неподготовленность русскихъ войскъ къ горной войнѣ; наставленіе Суворова. — Движеніе Русскихъ; Суворовъ въ походѣ. — Троекратная атака Сенъ-Готара; осужденіе Суворова критиками; опроверженіе. — Вымышленный анекдотъ. — Обходное движеніе Розенберга; дѣло при Урзернѣ; отступленіе Французовъ. — Преслѣдованіе по указанію Суворова; соединеніе Суворова съ Розенбергомъ. — Атака Урнеръ-Лоха и Чортова моста; причины удачи и малой потери. — Занятіе Альторфа; безпрепятственное отступленіе Французовъ и занятіе ими фланговой позиціи; объясненіе причинъ. — Критическое положеніе Суворова; пути изъ Альторфа; избраніе самаго прямого и труднаго; приговоры критики; объясненіе.

При выступленіи Суворова изъ Италіи, силы воюющихъ на трехъ смежныхъ театрахъ войны были слѣдующія. На Рейнѣ эрцъ-герцогъ Карлъ имѣлъ 44,000 человѣкъ противъ 50,000 Французовъ; изъ этихъ послѣднихъ значительно больше половины было разбросано по крѣпостямъ. Въ сѣверной Италіи Меласъ командовалъ 85,000; французскихъ войскъ подъ главнымъ начальствомъ Шампіонэ было никакъ не больше 50,000. Въ Швейцаріи со стороны союзниковъ находились корпуса Римскаго Корсакова въ 24,000 человѣкъ и (временно, до прибытія Суворова) Готце въ 22,000; кромѣ того оставалось за Рейномъ изъ корпуса Корсакова 3,000; да ожидались: принцъ Конде съ 5,000 и Суворовъ съ 21,000 человѣкъ; у Массены же состояло подъ начальствомъ больше 84,000.

Изъ этого видно, что на главномъ театрѣ войны, въ Швейцаріи, численный перевѣсъ былъ на сторонѣ Французовъ, а если бы Готце оставилъ Швейцарію, то неравенство силъ сдѣлалось бы разительнымъ. Эта невыгода увеличивалась еще расположеніемъ союзныхъ войскъ и, въ заключеніе, усугубилась принятіемъ дурного плана дѣйствій.

Корсаковъ стоялъ впереди Цюриха, раздробивъ и разсѣявъ свои силы вдоль р. Лимата и нижняго Аара; по Цюрихскому озеру были расположены войска принца Александра Виртембергскаго; лѣвѣе, по Линтѣ и Валенштатскому озеру стоялъ Готце, въ Саргансѣ — Елачичъ, а дальше, съ заворотомъ впередъ до Дисентиса, — Линкенъ (бригады Зимбшена и Ауфенберга). Пути изъ Швейцаріи въ сѣверную Италію охраняли отряды Штрауха, принца Рогана и Гадика. Армія Массены тоже была растянута; лѣвый ея флангъ находился на Рейнѣ у Базеля, фронтъ тянулся по Аару, Лимату, Альбису, Линтѣ и дальше до С. Готара; правый флангъ охранялъ доступы изъ Италіи въ Валисъ. Но Французы были во-первыхъ сильнѣе, а во-вторыхъ болѣе сосредоточены на важнѣйшей части позиціи, по р. Лимату, такъ что расположеніе ихъ представлялось гораздо болѣе выгоднымъ, чѣмъ союзниковъ.

Оказывавшіяся на сторонѣ союзниковъ невыгоды могли быть въ извѣстной степени возмѣщены быстрымъ прибытіемъ Суворова туда, гдѣ его присутствіе было особенно нужно, т.-е. если не къ Лимату, то хоть въ долину верхняго Рейна. Но онъ этого не сдѣлалъ.

Изъ многихъ путей, представлявшихся ему на выборъ, два были выгоднѣе другихъ, именно чрезъ Кіавенну и гору Сплюгенъ, или чрезъ Беллинцону и гору Бернардину. Слѣдуя по одному изъ этихъ путей, онъ могъ безпрепятственно соединиться съ Линкеномъ, а затѣмъ идти кружнымъ путемъ чрезъ Куръ и Саргансъ, или прямо перейти горный хребетъ къ верховьямъ Липты и сойтись тамъ съ Елачичемъ и Готце. Въ особенности предпочтителенъ былъ путь на Сплюгенъ. Хотя онъ лежалъ значительною частью по дурнымъ дорогамъ, но не требовалъ отъ арміи особыхъ приготовленій и слѣдовательно лишняго времени; съ нею

могла идти и ея полевая артиллерія, и весь путь совершался вдали отъ непріятеля. Русскіе прибыли бы по этому направленію на соединеніе съ Лотце не позже 14 сентября, даже можетъ быть нѣсколько раньше, и до ихъ прибытія не требовалось со стороны Корсакова и Готце никакихъ наступательныхъ предпріятій, а надлежало только удерживаться на своихъ позиціяхъ. Это послѣднее условіе было исполнимо, потому что Массена, не смотря на энергическія приготовленія, не могъ никоимъ образомъ перейти въ наступленіе раньше 14 числа, т.-е. дня, въ который произошло роковое цюрихское сраженіе. Не понадобилось бы также ослаблять Корсакова отдѣленіемъ части его силъ на подкрѣпленіе Готце, какъ это было сдѣлано, а въ худшемъ случаѣ, соединеніе Суворова съ Готце несомнѣнно послужило бы если не къ устраненію происшедшей съ Корсаковымъ катастрофы, то къ уменьшенію зла, ибо Массенѣ, тотчасъ послѣ одержанной побѣды, пришлось бы сводить счеты съ новоприбывшимъ полководцемъ и его закаленными войсками.

Но Суворовъ избралъ другой путь и предпочелъ иной образъ дѣйствій. Онъ нашелъ наилучшимъ двинуться изъ Белинцоны чрезъ С. Готаръ въ верховья рѣки Рейсы, а затѣмъ долиною этой рѣки и обоими берегами Люцернскаго озера наступать къ Люцерну; причемъ отрядъ Штрауха долженъ былъ способствовать операціи противъ С. Готара и въ ущельѣ Рейсы, а Ауфенбергъ угрожать тылу непріятеля, атакованнаго въ долинѣ Рейсы. Въ то же время предписывалось Линкену перейти отъ Иланца къ Гларису на соединеніе съ Елачичемъ, наступающимъ отъ Саргапса къ Молису, а Готце, получивъ отъ Корсакова 5,000 человѣкъ, соединиться съ Линкеномъ и Елачичемъ, наступать къ Эйнзидельну и войти у Швица въ связь съ прибывающимъ туда Суворовымъ, направивъ часть своихъ силъ къ Цугу. Наконецъ, Римскому Корсакову назначено, одновременно со всѣмъ этимъ, атаковать непріятеля на Лиматѣ.

Планъ былъ и сложенъ, и ошибочно разсчитанъ. Разобщенное движеніе отдѣльныхъ колоннъ, съ разныхъ точекъ обширнаго полукружія къ центру, было трудно исполнимо по условіямъ мѣстности и опасно въ виду болѣе сосредоточеннаго и

болѣе сильнаго противника. Непріятель принимался въ разсчетъ какъ бы совершенно бездѣйствующій и равнодушный ко всему, что вокругъ него происходитъ, тогда какъ Массена былъ военачальникъ противоположныхъ качествъ. Маршруты для корпусовъ Дерфельдена и Розенберга разсчитаны такъ, какъ будто не существовало ни непріятеля, чрезъ котораго надо пробиваться, ни затрудненій собственно въ пути. Движеніе по Люцернскому озеру проектировалось по береговымъ дорогамъ, вовсе не существовавшимъ; вообще незнакомство съ топографіею края обнаруживалось въ диспозиціи поразительное, можно сказать непостижимое. Въ довершеніе всего и разсчетъ по продовольствію войскъ сдѣланъ ошибочный. Изъ соображенія разныхъ документовъ и данныхъ видно, что первоначально Суворовъ предполагалъ взять съ собою 14-дневный или по крайней мѣрѣ 10-дневный запасъ провіанта [1]), но потомъ, вѣроятно вслѣдствіе необоримыхъ затрудненій, ограничился 7-дневнымъ. На подвозъ изъ Италіи разсчитывать было нельзя, а если бы и представилась возможность обезпечить сообщенія, то назначенная маршрутомъ скорость движенія войскъ сдѣлала бы подвозъ неисполнимымъ. Такимъ образомъ, по плану признано возможнымъ ограничиться 7-дневнымъ запасомъ до самаго Швица, а тамъ предположено получить продовольствіе чрезъ посредство Корсакова и Готце. Но при дутомъ маршрутѣ до Швица, и надежда на Готце и Корсакова была неосновательной, потому что они сами часто нуждались въ продовольствіи для своихъ собственныхъ войскъ.

Итакъ, весь этотъ искуственный планъ оказывался несостоятельнымъ, а между тѣмъ въ основаніе его была положена характерная Суворовская мысль, которую можно оспаривать, но нельзя упрекнуть въ нелѣпости или фальши. Суворовъ, предпочитавшій пути къ успѣху самые прямые и короткіе, дѣйствія самыя быстрыя и рѣшительныя, изложилъ въ особой запискѣ свои руководящія идеи такимъ образомъ. На всей непріятельской позиціи, самая сильная часть есть лѣвое крыло (отъ р. Аара вправо), не только по числу войскъ, но и по условіямъ мѣстности. Тамъ 30,000 войскъ занимаютъ горный хребетъ, во мно-

гихъ мѣстахъ совсѣмъ недоступный или обстрѣливаемый батареями; переправа чрезъ Лиматъ для атаки этой позиціи также очень затруднительна, потому что атакующій можетъ дѣйствовать только изъ одного пункта, Цюриха, подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ. Гораздо доступнѣе правое непріятельское крыло, гдѣ мѣстность хотя и весьма гориста, «но выгоды съ обѣихъ сторонъ одинаковы, а при нападеніи между озерами Люцернскимъ и Цугскимъ можно противопоставить непріятелю даже большое протяженіе фронта». Выгодность подобнаго направленія дѣйствій увеличивается еще тѣмъ, что первоначально мы будемъ имѣть дѣло съ непріятелемъ, числомъ ниже насъ. Слѣдовательно остается только рѣшить — какимъ образомъ можно скорѣе и легче опрокинуть правое непріятельское крыло. Если для этого соединиться съ Австрійцами при Дисентисѣ, то надо подыматься на 4 недоступныхъ горныхъ хребта, употребивъ на это столько времени, а можетъ быть и больше, сколько нужно для достиженія Люцерна. Мы имѣли бы съ лѣваго фланга цѣлую непріятельскую дивизію, пришлось бы наступать вверхъ по долинѣ Рейсы и, чтобы не было задержки у Чортова моста, частью силъ дѣйствовать со стороны Белинцоны чрезъ С. Готаръ, въ тылъ непріятеля за этимъ мостомъ. Слѣдовательно остается единственнымъ средствомъ атаковать С. Готаръ со стороны Белинцоны.

Суворовъ не хотѣлъ терять времени на кружное движеніе для одного предварительнаго соединенія съ Австрійцами; онъ предпочиталъ идти кратчайшей къ цѣли дорогой, ударить на противника и выйти французской арміи во флангъ и въ тылъ. «Истинное правило военнаго искуства», писалъ онъ въ началѣ сентября къ Готце: «прямо напасть на противника съ самой чувствительной стороны, а не сходиться, робко пробираясь окольными дорогами, чрезъ что самая атака дѣлается многосложною, тогда какъ дѣло можетъ быть рѣшено прямымъ, смѣлымъ наступленіемъ». Въ настоящемъ случаѣ онъ однако ошибался, принимая длинное за короткое и сложное за простое, вслѣдствіе незнакомства съ театромъ войны и ошибочныхъ свѣдѣній о непріятельскихъ силахъ. Одни

историки обвиняютъ въ этомъ его самого, другіе (большинство) Австрійцевъ.

Австрійцы вели войну въ Швейцаріи давно, приспособились къ тамошнему роду дѣйствій и должны были знать страну не хуже Французовъ. Суворовъ не имѣлъ о ней такого обстоятельнаго понятія, чтобы могъ составить самъ планъ операцій и приложить его къ дѣлу, не справляясь ни съ чьими взглядами. Поэтому онъ, какъ мы видѣли, протестовалъ противъ веденія войны въ Швейцаріи одними русскими войсками, безъ содѣйствія австрійскихъ, и на этомъ же основаніи потребовалъ себѣ офицеровъ австрійскаго генеральнаго штаба. Ихъ было 9 человѣкъ съ подполковникомъ Вейротеромъ во главѣ, который и раньше, во время Итальянской кампаніи, находился при штабѣ Суворова. Тотъ же Вейротеръ былъ вліятельнымъ лицомъ при прежнихъ главнокомандовавшихъ австрійскими арміями въ Италіи, генералахъ Альвинци и Вурмзерѣ, и продолжалъ быть главнымъ стратегическимъ проекторомъ и воротилой въ первые годы нынѣшняго столѣтія, чѣмъ и пріобрѣлъ большую, но унылую извѣстность. Онъ составлялъ во время швейцарскаго похода Суворова всѣ предположенія и диспозиціи и велъ военную переписку фельдмаршала; не можетъ быть сомнѣнія, что ему же главнымъ образомъ принадлежитъ и планъ кампаніи. Хотя Вейротеръ принадлежалъ больше, чѣмъ кто-либо, къ категоріи военныхъ людей, которыхъ Суворовъ называлъ «проектными унтеркунфтерами» и надъ которыми постоянно подсмѣивался, но это нисколько не мѣшало русскому полководцу пользоваться и даже дорожить ихъ услугами и содѣйствіемъ, такъ какъ онъ встрѣчалъ въ нихъ то, чего въ русскихъ не было — знаніе, особенно когда дѣло шло о такомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, какъ Швейцарія.

Существуетъ вѣское свидѣтельство одного изъ участниковъ похода, что Русскіе давали предпочтеніе пути на Сплюгенъ, Куръ и Саргансъ, но Австрійцы изъявили сомнѣніе въ достоинствахъ такого выбора и предложили планъ движенія чрезъ С. Готаръ въ долину Рейсы. Русскіе, не зная мѣстныхъ условій въ подробности, не могли оспаривать австрійское пред-

ложеніе и должны были согласиться. Римскій Корсаковъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что впослѣдствіи Суворовъ самъ признавался въ ошибочности принятаго плана, объясняя, что былъ введенъ въ заблужденіе союзниками и что вся диспозиція была составлена однимъ изъ австрійскихъ офицеровъ его штаба. Кромѣ того, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ эрцъ-герцогу Карлу послѣ Швейцарской кампаніи, онъ выражается, что принялъ предложенный ему планъ «больше по довѣрію, чѣмъ по убѣжденію». Нѣкоторые прямо указываютъ на Вейротера, какъ на автора проекта, говоря, что Суворовъ имѣлъ къ нему большое довѣріе и потому одобрилъ сущность плана, приказавъ въ немъ сдѣлать лишь нѣкоторыя измѣненія. Указывается и на эти измѣненія; они состояли въ исключеніи изъ диспозиціи мѣръ на случай отступленія, а также въ отказѣ отъ учрежденія комуникаціонной линіи съ тыломъ, въ видѣ цѣпи отрядовъ. Историкъ свидѣтельствуетъ при этомъ, будто Суворовъ объяснилъ Вейротеру, что Русскіе не знаютъ ни горной страны, ни постовой войны; что въ мелкихъ отрядахъ они легко могутъ быть обойдены, отрѣзаны и т. п.; что такимъ образомъ комуникація съ тыломъ будетъ уничтожена, а главный дѣйствующій корпусъ безъ всякой надобности ослабленъ; что русскія войска, скученныя вокругъ него, Суворова, представляютъ самую лучшую и надежную силу, съ которою онъ можетъ отвѣчать за все [2]). Трудно провѣрить документально приводимое свидѣтельство, но нельзя не замѣтить, что приписываемыя Суворову слова значительною долею подтверждаются ходомъ кампаніи. Кромѣ того они подкрѣпляются косвенно другимъ лицомъ, которое разсказываетъ, что когда Суворову кто-то замѣтилъ во время кампаніи, что тылъ его совсѣмъ не обезпеченъ, то онъ отвѣчалъ: «у насъ, Русскихъ, нѣтъ тыла» [3]).

Впрочемъ, при незнакомствѣ Русскихъ съ краемъ, при неподготовленности войскъ къ тамошней войнѣ, при заявленной необходимости въ австрійскомъ генеральномъ штабѣ и вообще при всей обстановкѣ дѣла, излагаемой въ настоящей главѣ и отчасти объясненной раньше, едва ли нужны болѣе категорическія доказательства, что выборъ пути въ Швейцарію шелъ не

съ русской, а съ австрійской стороны. Вотъ если бы приходилось утверждать противное, тогда безъ подробнѣйшаго изслѣдованія обойтись было бы нельзя. Не можетъ противорѣчить нашему заключенію и характеръ Суворова. Если бы фельдмаршалъ имѣлъ серьезныя данныя для предпочтенія пути на Сплюгенъ или Бернардину, то несомнѣнно его бы и выбралъ, несмотря ни на какія оспариванія; но онъ своего мнѣнія составить не могъ по отсутствію прочныхъ основаній. Оспаривать планъ Вейротера ему не приходилось еще и потому, что случайно или съ умысломъ взглядъ австрійскаго стратегическаго проектора подошелъ къ военнымъ принципамъ Суворова: кратчайшій путь къ конечной цѣли, отрицаніе полумѣръ, рѣшительность дѣйствій. Суворовъ этотъ планъ и одобрилъ, положившись въ оцѣнкѣ всего прочаго на экспертовъ. Вообще характерныя особенности Суворова нисколько не дѣлали его недоступнымъ тамъ, гдѣ онъ не могъ положиться на одного себя, какъ въ настоящемъ случаѣ. Онъ не только готовъ былъ выслушать знатоковъ, но самъ къ нимъ обращался за совѣтомъ. Такъ, еще изъ Асти онъ сообщилъ главныя свои предположенія о швейцарскомъ походѣ Штрауху, Готце и Линкену, какъ людямъ, близко знакомымъ съ краемъ, требуя ихъ замѣчаній; два первые доставили свои предположенія, Суворовъ ихъ одобрилъ и поручилъ Вейротеру соединить въ общій планъ, что и составило окончательную диспозицію.

Но если Суворову на мысль не приходили тѣ ужасныя препятствія, которыя онъ потомъ встрѣтилъ на избранномъ пути, то это служитъ только къ усугубленію вины экспертовъ-совѣтодателей. Коварства, злого умысла тутъ допустить нельзя, потому что неудача Суворова и русскихъ войскъ хотя могла пріятно пощекотать злорадство завистливаго и неблагодарнаго союзника, за то наносила собственнымъ его планамъ и интересамъ прямой ущербъ. Современники, особенно Русскіе, не задумывались надъ такимъ тяжкимъ обвиненіемъ, но историческая даль мѣняетъ уголъ зрѣнія и отрезвляетъ страстные приговоры. Однако нельзя не признаться, что негодованіе, родившееся изъ оскорбленнаго патріотическаго чувства, коренилось отчасти и на соображеніи, которое до сей поры не можетъ быть вполнѣ опровергнуто. Это

соображеніе заключается въ вопросѣ: неужели Австрійцы до такой степени были незнакомы съ театромъ предстоявшей кампаніи, что направили Суворова на самое худшее рѣшеніе незавѣдомо для самихъ себя? Какъ ни странно подобное невѣдѣніе, но приходится его признать за фактъ. Готце, напримѣръ, доносилъ Суворову, что «по достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ», общая численность французскихъ войскъ въ Швейцаріи не превосходитъ 60,000 человѣкъ, т. е. ошибся почти въ $1^1/_2$ раза; онъ же показалъ дивизію Лоржа на оконечности праваго французскаго фланга, тогда какъ она стояла на лѣвомъ флангѣ, по Лимату. Чего же можно было ждать отъ Вейротера и другихъ, находившихся не на мѣстѣ будущаго дѣйствія, а при штабѣ Суворова? Въ защиту ихъ можетъ быть также приведено, что въ Суворовскомъ планѣ упоминается про «весьма дурныя горныя дороги» въ долинѣ верхней Рейсы; что въ донесеніи Готце говорится вскользь о движеніи Ауфенберга чрезъ Альторфъ въ кантонъ Швицъ «по пѣшеходной тропинкѣ»; что наконецъ у Суворова были свои понятія о качествѣ дорогъ и возможности движенія по нимъ и что внушать ему иной взглядъ было бы напрасною тратою времени. Однако сущность дѣла заключалась не въ условномъ различіи взглядовъ. Какимъ образомъ введено въ операціонный планъ береговое движеніе по Люцернскому озеру, когда тамъ сообщеніе производилось исключительно водою? Какимъ образомъ могло проскочить въ диспозиціи выраженіе: «колонна выступаетъ изъ Альторфа до Швица и идетъ тотъ же вечеръ 14 миль далѣе», когда тутъ «далѣе» дороги вовсе не существовало? Причиною тому могла быть или высшая степень небрежности, или полное незнаніе. Еще удивительнѣе, что на невозможность обогнуть сухопутно Люцернское озеро не указали ни Готце, ни Штраухъ, у которыхъ Суворовъ просилъ указаній на «мѣстныя затрудненія и способы края».

Вообще на всемъ этомъ лежитъ печать какого-то рока; зоркій Суворовъ, въ силу обстоятельствъ, слишкомъ много положился на другихъ. А между тѣмъ онъ считалъ исходъ предстоящей кампаніи подлежащимъ нѣкоторому сомнѣнію, что обязывало его къ большей осмотрительности, тѣмъ паче, что Австрійцы уже

неоднократно его проучивали. И если все, изложенное выше, не можетъ служить ему оправданіемъ, то по крайней мѣрѣ объясняетъ путь, которымъ онъ былъ приведенъ къ неожиданной развязкѣ. Путь этотъ длиненъ; его открываетъ эрцъ-герцогъ Карлъ несвоевременнымъ выступленіемъ за Рейнъ, и онъ не завершается еще составленіемъ ошибочнаго плана дѣйствій. Принятый планъ, при всей своей неудовлетворительности, не приводилъ еще къ бѣдственному результату, если бы былъ выполненъ безъ потери времени; но и тутъ Суворову суждено было потерпѣть неудачу.

Еще въ то время, когда Русскіе выступали изъ подъ Тортоны, Суворовъ просилъ у Меласа для горнаго похода муловъ, которыхъ тотъ имѣлъ въ достаточномъ числѣ для надобностей русской арміи. Но Меласъ далъ ихъ только подъ горную артиллерію, а въ остальныхъ отказалъ, увѣряя Суворова, что должныя распоряженія сдѣланы и что мулы будутъ ожидать въ Белинцонѣ прихода Русскихъ. Суворовъ разсчитывалъ подойти къ С.-Готару 6 сентября и 8 предпринять атаку непріятельской позиціи, а потому форсированнымъ маршемъ прибылъ 4 числа въ Таверну; но тутъ узналъ, что муловъ, вмѣсто ожиданныхъ 1430, нѣтъ ни одного. Суворовъ былъ въ крайнемъ негодованіи и сталъ придумывать средства къ выходу изъ своего положенія. Великій князь посовѣтовалъ употребить подъ вьюки казачьихъ лошадей, такъ какъ въ Швейцаріи большое число конницы было бы въ тягость, и спѣшенные казаки представлялись болѣе полезными, чѣмъ конные. Хотя степныя казачьи лошади по качествамъ своимъ далеко не подходятъ къ муламъ и въ горной войнѣ ихъ замѣнить не въ состояніи, но въ настоящемъ случаѣ выбирать было не изъ чего, и Суворовъ принялъ съ благодарностью благой совѣтъ великаго князя. Стали приготовлять на скорую руку подобіе вьючныхъ сѣделъ и собирать по окрестностямъ мѣшки, ибо австрійское провіянтское вѣдомство не заготовило ровно ничего. Сначала предположено было употребить подъ вьюки 2500 казачьихъ лошадей и заготовить 5000 мѣшковъ, но для сокращенія задержки ограничились 1500 лошадей и 3000 мѣшковъ. Вейротеръ торопилъ австрійскихъ провіянтскихъ чиновниковъ, разсылалъ по окрестностямъ казаковъ; Суворовъ писалъ Меласу, до-

носилъ въ Вѣну, въ Петербургъ. Императору Францу онъ донесъ, что сдѣлалъ 8-дневный походъ въ 6 дней совершенно понапрасну и что «рѣшительныя выгоды быстроты и стремительности нападенія потеряны для предстоящихъ важныхъ дѣйствій». Императору Павлу онъ писалъ, что время проходитъ, а Австрійцы только обманываютъ «двусмысленными постыдными обнадеживаніями» и что положеніе его корпусовъ можетъ «сдѣлаться весьма опаснымъ». Ростопчину сообщалось, что «пришли въ Белинцону, но нѣтъ лошаковъ, нѣтъ лошадей, а есть Тугутъ, и горы, и пропасти»; говорилось, что «Тугутъ вездѣ, а Готце нигдѣ» [1]).

Меласъ извинялся, оправдывался, сваливалъ всю вину на одного провіянтмейстера, обѣщалъ съ него взыскать, просилъ къ себѣ снисхожденія, увѣрялъ въ своемъ уваженіи и преданности. Тѣмъ временемъ прибыло нѣсколько сотъ муловъ, но они были законтрактованы только до Белинцоны; пришлось уговаривать погонщиковъ остаться при арміи на весь походъ. Спустя два-три дня прибыло еще нѣсколько сотъ; дѣлались послѣднія распоряженія, работа кипѣла днемъ и ночью; но дѣло чуть не усложнилось съ другой стороны. Въ концѣ августа французская дивизія крайняго праваго фланга стала производить демонстраціи; принцъ Роганъ и Гадикъ отступили, Меласъ забилъ тревогу. Суворова это однако не смутило; онъ принялся передвигать казачьи партіи, якобы подкрѣпляя Штрауха и Рогана, распустилъ слухъ, что движеніе въ Швейцарію начнется не раньше 20 числа, и даже отдалъ объ этомъ приказъ по войскамъ. Въ тревогѣ и неустанныхъ трудахъ прошло 5 сутокъ,—потеря невознаградимая. Сентября 8 Розенбергъ выступилъ къ Белинцонѣ, гдѣ долженъ былъ ждать дальнѣйшихъ приказаній; въ тотъ же день Суворовъ собралъ въ Тавернѣ военный совѣтъ для окончательнаго утвержденія диспозиціи къ нападенію на С.-Готаръ, а 10 числа утромъ тронулся въ путь съ корпусомъ Дерфельдена. Всѣ тяжести и полевая артиллерія слѣдовали другими путями, какъ уже было сказано.

Войска шли въ Швейцарію съ прежнею вѣрою въ самихъ себя и въ своего предводителя, мало озабочиваясь тѣмъ, что имъ предстояла не только перемѣна мѣста, но и новый образъ дѣй-

ствій. Не многимъ изъ Русскихъ удалось испытать на Кавказѣ образчикъ того, что теперь предстояло впереди; огромное большинство привыкло только къ дѣйствіямъ на равнинахъ и въ степяхъ. Это обстоятельство также имѣетъ значеніе при оцѣнкѣ трудностей Швейцарской кампаніи, и нѣкоторые иностранные писатели не упустили раздуть его въ органическій недостатокъ Суворовской арміи, которая будто бы умѣла только ломить прямо въ штыки и не имѣла понятія объ огнестрѣльномъ боѣ [5]). Суворовъ конечно зналъ, что войска его нуждаются въ дополнительной подготовкѣ; но зналъ онъ и то, что привитыя имъ боевыя начала служатъ одинаково всюду, и на равнинахъ, и въ лѣсахъ, и въ горахъ. Недостающія войскамъ свѣдѣнія онъ изложилъ въ видѣ особаго наставленія или правилъ, касающихся какъ походныхъ движеній, такъ и боя, что и приказалъ объявить по арміи (см. Приложеніе XI). Вмѣстѣ съ тѣмъ, приготовляясь къ общему со всѣхъ сторонъ нападенію на Французовъ, онъ не забылъ и Австрійцевъ; напомнилъ имъ о необходимости держать силы въ совокупности, собирать вѣрныя свѣдѣнія о непріятелѣ и всѣмъ отрядамъ находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Кромѣ того онъ выразилъ Готце и Линкену желаніе, чтобы войска ихъ какъ можно чаще упражнялись въ дѣйствіи холоднымъ оружіемъ, которому союзники обязаны своими побѣдами въ Италіи, а для обученія Австрійцевъ приказалъ Корсакову командировать свѣдущихъ офицеровъ.

Французы тоже приготовлялись къ встрѣчѣ въ Швейцаріи съ новыми врагами; по крайней мѣрѣ директорія сочла нужнымъ посовѣтовать это Массенѣ. Помимо «сѣверныхъ варваровъ, полудикарей» и другихъ стереотипныхъ эпитетовъ, которыми Французское правительство сочло нужнымъ маскировать свои опасенія, оно, противорѣча самой идеѣ своего посланія, говоритъ, что французскія войска въ Италіи привыкли уже не бояться русской пѣхоты. Всѣ эти оговорки приличія сопровождаются внушеніемъ, что, какъ ни полезно наступленіе Французовъ праваго фланга противъ Австрійцевъ, но еще важнѣе побѣда надъ Русскими, дабы поддержать духъ войскъ; Массену предостере-

гаютъ, что, дѣйствуя противъ Русскихъ, слѣдуетъ принимать самыя обдуманныя предосторожности, бить массами, сохранять резервъ для возстановленія боя, потому что новый противникъ отличается стремительностью въ натискѣ и стойкостью въ огнѣ. Массена, получивъ такой совѣтъ, счелъ нужнымъ ободрить свои войска приказомъ по арміи; онъ выразилъ увѣренность, что Французы одержатъ верхъ и оправдаютъ свою старинную славу въ штыковомъ бою, но предупреждалъ, что Русскіе дѣйствуютъ этимъ оружіемъ гораздо лучше Австрійцевъ.

Сентября 10 главныя силы Суворова тронулись изъ Таверны къ Белинцонѣ, а Розенбергъ изъ Белинцоны двинулся вверхъ по р. Тичино. Погода стояла очень дурная: дождь лилъ ливмя, рѣзкій вѣтеръ прохватывалъ насквозь, ночи были сырыя и холодныя; войска дрогли на бивакахъ. На третій день корпусъ Дерфельдена, преодолѣвъ множество на пути препятствій, расположился у Даціо, туда же подошла отъ Біаско австрійская бригада Штрауха. Розенбергъ продолжалъ свое движеніе въ обходъ непріятельской позиціи на Сенъ-Готарѣ. Дорога для его колонны была длиннѣе и хуже, съ безпрестанными крутыми спусками и подъемами, подъ непрерывающимся дождемъ, по скользкимъ косогорамъ, съ переправами въ бродъ чрезъ потоки по колѣно, даже по поясъ. Солдаты на ходу выбивались изъ силъ; нѣсколько человѣкъ сорвалось съ крутизны и расшиблось, погибло также нѣсколько вьюковъ съ лошадьми. Переходы были не въ мѣру велики; войска подымались съ разсвѣтомъ и шли почти безостановочно до самой ночи, а придя на ночлегъ, не всегда находили даже хворостъ для бивачныхъ костровъ. При всемъ томъ отсталыхъ было очень мало; солдаты пособляли другъ другу и облегчали ношу тѣхъ, которые выбивались изъ силъ [6]). Такимъ образомъ колонна успѣла сдѣлать по трудной горной дорогѣ около 75 верстъ въ трое сутокъ и, пройдя 12 числа Дисентисъ, гдѣ стояла австрійская бригада Ауфенберга, пришла къ ночи въ Тавечъ. Но и здѣсь ей не удалось отдохнуть, потому что на завтра предстоялъ дальнѣйшій походъ съ атакою непріятеля, а ночь простояла бурная и холодная, съ постояннымъ дождемъ.

Несмотря на всѣ трудности и невзгоды, войска были бодры и, по замѣчанію одного изъ участниковъ похода, готовы были въ бой не только съ Французами, но и съ Австрійцами. Союзники успѣли внушить къ себѣ большую непріязнь въ рядахъ русскихъ войскъ, не сами непосредственно, а какъ исполнители Тугутовой воли. Не только офицеры, но и солдаты знали имя австрійскаго министра, толковали въ границахъ своихъ понятій о его интригахъ и вѣроломствѣ, считая его чѣмъ-то въ родѣ чумы. Особа его служила темою для разговоровъ; кто изъ офицеровъ былъ по свѣдущѣе, разсказывалъ анекдоты, вспоминалъ былыя времена, приводилъ случаи неблагодарности Австрійцевъ къ Россіи. Не мудрено поэтому, что солдаты изъявляли въ шутку готовность бить «не только синекафтанниковъ, но и бѣлокафтанниковъ», и такъ какъ австрійское коварство и вѣроломство не подлежали въ ихъ мысляхъ никакому сомнѣнію, то горячая ихъ любовь къ обиженному Суворову дошла до обожанія [6]).

А онъ самъ, предметъ этого обожанія, находился среди нихъ по прежнему простой, доступный, бодрый, изображая собою перваго солдата своей арміи. Какъ всегда, онъ ѣхалъ на казачьей лошади, въ легкомъ костюмѣ, прикрытый кромѣ того тонкимъ, ничѣмъ не подбитымъ плащомъ, который хотя прослылъ въ войскахъ за «родительскій», но былъ сшитъ 7 лѣтъ назадъ, въ Херсонѣ. Голову Суворова прикрывала не каска, какъ обыкновенно, а круглая широкополая шляпа, неизвѣстно почему предпочтенная наперекоръ сезону. Возлѣ него тащился на казачьей же лошади и новый его поклонникъ, сердце котораго онъ успѣлъ заполонить, Антоніо Гамма, хозяинъ дома, гдѣ Суворовъ въ Таверпѣ квартировалъ. Съ перваго же свиданія съ знаменитымъ фельдмаршаломъ, Гамма почувствовалъ къ нему большое влеченіе, которое съ каждымъ днемъ увеличивалось и дошло до того, что забывъ свои годы, семью и домашнія дѣла, Гамма далъ обѣщаніе—слѣдовать за Суворовымъ въ Альпы. Несмотря на возраженія и доводы родныхъ, 65-лѣтній старикъ настоялъ на своемъ намѣреніи, поѣхалъ съ Суворовымъ, находился при немъ весь походъ до Кура неотлучно, служилъ мѣстами проводникомъ и не разъ приносилъ войскамъ пользу [7]).

Отъ Даціо, гдѣ остановилась колонна Дерфельдена, до Айроло, занятаго передовымъ французскимъ постомъ, оставалось всего 10 верстъ. Сенъ-Готаръ угрюмо смотрѣлъ на пришельцевъ; при тогдашнемъ ненастьѣ, видъ его былъ вдвойнѣ суровъ и внушителенъ. Гору эту охраняла бригада Гюдена; другая, Луазона, расположена была вблизи, по долинѣ верхней Рейсы; общая численность ихъ простиралась приблизительно до 9,000 человѣкъ. Незначительны были эти силы, но мѣстность удвоивала, если не утроивала средства обороны. Особенно недоступна была позиція со стороны Италіи; тянувшаяся тутъ тропинка пересѣкала горные водотоки, безпрестанно спускалась въ глубокія ущелья и подымалась по кручамъ. Въ бурное время и при зимнихъ метеляхъ она дѣлалась опасною до степени недоступности, что и подтверждалось многочисленными несчастными случаями, и только христіанское самоотверженіе небольшой общины, занимавшей Госпись, странноприимный домъ, выстроенный на высотѣ 6,800 футовъ, умѣряло цифру жертвъ. Атака Сенъ-Готара съ этой стороны была дѣломъ очень труднымъ и рискованнымъ, оттого Суворовъ и послалъ Розенберга обходомъ въ тылъ французской позиціи, но положиться на одинъ обходный корпусъ также было нельзя, потому что непріятель могъ его подавить. На этомъ соображеніи была построена диспозиція. Атакующія войска Дерфельдена дѣлились на три колонны; правая, изъ авангарда Багратіона и дивизіи Швейковскаго, должна была обойти лѣвый флангъ непріятельской позиціи, отрядивъ отъ себя нѣсколько батальоновъ еще правѣе; лѣвая, изъ двухъ австрійскихъ батальоновъ Штрауха и одного русскаго, направлялась къ верховьямъ р. Тичино; средняя, изъ дивизіи Ферстера и двухъ остальныхъ австрійскихъ батальоновъ, шла черезъ Айроло. Боковымъ колоннамъ приказано выступить въ 3 часа ночи 13 числа, средней—держаться нѣсколько сзади, чтобы не нести преждевременной напрасной потери; въ головѣ всѣхъ колоннъ имѣть піонеровъ, а артиллеріи находиться при средней.

Утро встало пасмурное, мглистое; дождь пересталъ, но густыя облака лѣпились по ребрамъ горъ. Продвинувшись отъ Даціо впередъ, войска, согласно диспозиціи, разошлись въ разныя

стороны; князь Багратіонъ взялъ вправо и сталъ взбираться на кручи, пославъ небольшой отрядъ за отступившими отъ Айроло французскими постами и отрядивъ правѣе себя три батальона и спѣшенныхъ казаковъ. Передовой отрядъ слишкомъ горячо гналъ посты и зарвался въ атаку сильной французской позиціи; начальникъ былъ убитъ; другой, заступившій его мѣсто, раненъ. Багратіонъ поддержалъ отрядъ нѣсколькими ротами, а правый французскій флангъ успѣла обойти лѣвая союзная колонна: Французы отступили и заняли новую позицію. Здѣсь ихъ атаковала средняя колонна, усиленная дивизіей Швейковскаго, которую Суворовъ не послалъ за Багратіономъ вѣроятно потому, что собственными глазами удостовѣрился въ непомѣрныхъ трудностяхъ подъема правой колонны въ горы. Французы, мастерски пользуясь оврагами, скалами, каменьями, производили губительный огонь, и хотя двѣ правыя русскія колонны своимъ обходнымъ движеніемъ заставили ихъ перейти въ отступленіе, однако они не разъ еще останавливались на выгодныхъ позиціяхъ и давали отпоръ, прежде чѣмъ поднялись на самую вершину горы.

Здѣсь благопріятныя для Французовъ условія мѣстности увеличивались въ нѣсколько разъ, тѣмъ паче, что на подкрѣпленіе Гюдена успѣли прибыть ближайшія войска Луазона. Русскіе отважно пошли штурмовать съ фронта позицію противника впереди Госписа, но Французы били ихъ изъ за утесовъ и каменьевъ чуть не на выборъ, и атака была отбита. Одушевленные присутствіемъ Суворова и великаго князя, войска двинулись вторично, и опять съ той же неудачей и еще большей потерей. А Багратіонъ все не показывался на флангѣ; войска его, карабкавшіяся по утесамъ и стремнинамъ цѣликомъ, на глазъ, безъ всякихъ тропинокъ, изнемогали отъ усталости, тратили много времени, а подвигались впередъ мало. Вершина горы предъ ними все какъ будто выростала и уходила вдаль, или совершенно застилалась облаками, которыя обхватывали войска густымъ туманомъ. Люди помогали другъ другу, подсаживали одинъ другого, упирались штыками, прибѣгали къ разнымъ уловкамъ, а дѣло все плохо спорилось, и безъ конца тянулись эти грозныя, недосягаемыя выси.

День склонялся къ вечеру; было 4 часа, ночной темноты оставалось ждать не долго. Суворовъ сталъ опасаться за Розенберга, о которомъ не было никакого слуха, а между тѣмъ подъ его начальствомъ находилась почти треть арміи, и порученная ему операція отличалась большою смѣлостью замысла. Опасеніе это поддерживалось необыкновеннымъ упорствомъ французской обороны, какъ бы указывавшей на двойную цѣль противника. Суворовъ велѣлъ штурмовать французскую позицію въ третій разъ. Войска двинулись и вслѣдъ за тѣмъ, почти одновременно, показались противъ непріятельскаго лѣваго фланга, на снѣжной вершинѣ, головные люди колонны Багратіона. Французы этого не ожидали, тотчасъ бросили позицію и стали поспѣшно ретироваться. Дѣло было Суворовымъ выиграно, Сенъ-Готаръ занятъ.

Изъ этого описанія видно, какъ несправедливо многіе иностранные писатели порицаютъ Суворова за то, что онъ, упорствуя во фронтальныхъ атакахъ, несмотря на убѣжденія Вейротера, будто бы только вечеромъ послалъ обходныя колонны, которыя и рѣшили дѣло въ его пользу. Скорѣе можно сказать, что онъ, какъ при Нови и въ силу тѣхъ же причинъ, былъ слишкомъ нетерпѣливъ, прибѣгая къ троекратной атакѣ, но данныя для подобнаго заключенія имѣются только теперь, когда весь ходъ дѣла ясенъ, а въ то время разсчитать фронтальную атаку одновременно съ фланговою было невозможно уже по однимъ свойствамъ мѣстности. Атака Сенъ-Готара дѣйствительно могла обойтись Русскимъ гораздо дешевле, если бы Розенбергъ не мѣшкалъ, какъ ниже увидимъ, но тутъ Суворовъ ни при чемъ; поджидать же Розенберга, отряженнаго по длинному и кружному пути, было дѣло не мыслимое.

Къ этому времени относится очень распространенный анекдотъ, будто русскіе солдаты, устрашенные видомъ горъ и трудностями похода, отказались идти впередъ, а Суворовъ пригрозилъ имъ, что ляжетъ отъ срама здѣсь въ могилу, велѣвъ рыть и могилу. Ничего подобнаго не было; по всей вѣроятности этотъ драматическій анекдотъ выдуманъ по поводу слѣдующаго случая. Въ головѣ одной изъ колоннъ ѣхали два офицера,— одинъ австрійскаго генеральнаго штаба, другой русскій поддан-

ный изъ нѣмцевъ. Разговоръ, который они между собою вели, коснулся щекотливаго предмета—отношеній Австрійскаго правительства къ Россіи, Суворову и русскимъ войскамъ. Русскій не сдержалъ своего негодованія, австріецъ вступился за правительство съ горячностью; произошла ссора, дошло дѣло до крупныхъ словъ, можетъ быть до брани; австріецъ сгоряча бросилъ голову колонны, она остановилась, а онъ, встрѣтивъ Багратіона, въ сердцахъ сказалъ ему: «бранятся, не идутъ». На этой скромной основѣ должно быть и выросла эфектная, но ложная по духу сцена, попавшая и въ исторію, и въ романъ.

Когда Госпись перешелъ въ руки Русскихъ, подъѣхалъ Суворовъ и былъ встрѣченъ престарѣлымъ, сѣдымъ пріоромъ съ братіей. Пріоръ пригласилъ фельдмаршала подкрѣпить силы скромной трапезой, но Суворовъ просилъ отслужить прежде благодарственный молебенъ, молился усердно, а потомъ принялъ угощеніе, состоявшее изъ картофеля и гороха. За трапезой велась оживленная бесѣда; подъ вліяніемъ побѣды, Суворовъ былъ веселъ, любезенъ, хвалилъ обитель за христіанскіе подвиги на пользу ближняго, благодарилъ за гостепріимство. Пріоръ былъ человѣкъ образованный и не могъ не подивиться массѣ знаній и огромной начитанности русскаго полководца, который къ тому же велъ съ нимъ бесѣду на нѣсколькихъ языкахъ.

Тѣмъ временемъ войска собрались на вершинѣ горы, перевели духъ и стали спускаться вслѣдъ за Французами, которые съ геройскимъ упорствомъ рѣшились продолжать оборону. На первой занятой позиціи они не могли удержаться, но въ дальнѣйшемъ отступленіи были подкрѣплены остальными войсками Луазона, которыя привелъ самъ начальникъ дивизіи Лекурбъ. Онъ двинулся на встрѣчу Суворову, но получивъ извѣщеніе, что тылу его угрожала колонна Розенберга, занялъ оборонительную позицію вблизи деревни Госпиталь съ тѣмъ, чтобы хоть до ночи остановить наступленіе Суворова.

Розенбергъ выступилъ изъ Тавеча съ разсвѣтомъ и пошелъ по долинѣ В. Рейна, имѣя впереди Милорадовича. Французскіе аванпосты были сбиты и отступили на вершину горы Кристальтъ, къ двумъ стоявшимъ тамъ батальонамъ; русскія войска

повели наступленіе на нихъ прямо и въ обходъ лѣваго фланга. Французы, пользуясь мѣстными прикрытіями, встрѣтили ихъ сильнымъ огнемъ, но были сбиты смѣлою атакой передового батальона Милорадовича и затѣмъ заняли новую позицію по обѣимъ сторонамъ озера Оберъ-Альпъ. Отсюда выбить ихъ было труднѣе, хотя войска Розенберга успѣли стянуться почти всѣ и имѣли огромный перевѣсъ числа. Общая атака тремя колоннами по обоимъ берегамъ озера встрѣтила упорную оборону и кромѣ того была затруднена болотистой мѣстностью; однако Милорадовичу удалось сбить правое французское крыло. Это побудило непріятеля къ общему поспѣшному отступленію; хотя онъ и пытался останавливаться еще на нѣсколькихъ позиціяхъ, но дѣятельный Милорадовичъ не давалъ ему утвердиться, и подъ-конецъ отступленіе обратилось почти въ бѣгство. Этому способствовала, между прочимъ, чрезвычайная энергія войскъ Розенберга, одушевленныхъ чувствомъ соревнованія, такъ какъ они почти не имѣли случая принимать участіе въ побѣдахъ Итальянской кампаніи.

Французы спустились къ деревнѣ Урзернъ и, вмѣстѣ съ оставленнымъ тамъ по распоряженію Лекурба резервомъ, построились въ боевой порядокъ. Русскіе стягивались и устроивались на вершинѣ горы, подъ которою Французы готовились къ новой ихъ встрѣчѣ; впереди русской боевой линіи разсыпанъ былъ батальонъ егерей. Непріятель пробовалъ бросать сюда гранаты, но онѣ не наносили никакого вреда. Такъ прошло нѣсколько часовъ, наступалъ вечеръ, густыя облака осѣдали по ребрамъ горы книзу и наконецъ заволокли непроницаемымъ туманомъ всю долину: и Урзернъ, и Французы стали не видны. Въ это только время войска получили приказаніе—спускаться внизъ; велѣно это сдѣлать какъ можно поспѣшнѣе, но безъ всякаго шума и затѣмъ выстраиваться въ линію. Спускъ былъ очень крутой, такъ что большинство предпочло скатиться съ горы сидя; тишина была соблюдена образцовая, и боевая линія выстроилась у подошвы горы, не замѣченная непріятелемъ. По данному приказанію, линія дала ружейный залпъ и кинулась въ штыки, съ крикомъ *ура*, на невидимаго противника. Французы

были озадачены внезапной атакой, но присутствія духа не потеряли и встрѣтили Русскихъ стойко; однако ударъ былъ такъ силенъ и стремителенъ, что отразить его не могли, и смятые, охваченные съ фланговъ, дали тылъ. Небольшое число бѣглецовъ направилось чрезъ Урнеръ-Лохъ къ Чортову мосту, большая же часть отступила по направленію къ Госпиталю и присоединилась къ Лекурбу [1]). Кромѣ 220 человѣкъ убитыми и плѣнными, Французы потеряли 3 орудія, да въ руки побѣдителей попало до 370,000 патроновъ и провіянтъ, котораго хватило на суточную дачу Розенбергову корпусу. Преслѣдованіе не производилось за туманомъ и ночною темнотою.

Розенбергъ сдѣлалъ здѣсь большую ошибку. Придя къ спуску въ Урзернскую долину между 2 и 3 часами дня, онъ прислушиваясь къ выстрѣламъ Суворова нашелъ, что они доносились издалека и что поэтому атаковать непріятеля слишкомъ еще рано [1]). Не держись онъ этого фальшиваго соображенія, то не только избавилъ бы колонну Дерфельдена отъ лишняго боя, занявъ въ тылу Лекурба Урзернъ, но находившіяся на С.-Готарѣ французскія войска едва ли могли избѣжать тогда истребленія или плѣна въ полномъ своемъ составѣ. Не было у Розенберга отговорки и въ усталости войскъ; хотя его дивизія сдѣлала въ этотъ день, при непрерывномъ почти боѣ, 18 верстъ, что много для непривычныхъ войскъ въ горной странѣ, но колонна Дерфельдена при худшихъ еще условіяхъ прошла 24 версты.

Блистательный дебютъ русскихъ войскъ въ горной войнѣ стоилъ не дешево: изъ строя выбыло до 2,000 человѣкъ. Потеря Французовъ неизвѣстна, но она должна быть меньше. Они бѣжали по двумъ главнымъ направленіямъ: одни къ западу, чрезъ Фурку къ верховьямъ Роны; другіе же, въ огромномъ большинствѣ, направились вмѣстѣ съ Лекурбомъ чрезъ горы въ долину Гешенепъ. Лекурбъ былъ генералъ даровитый, рѣшительный и смѣлый, настоящій представитель французской военной школы той эпохи. Онъ могъ бы отступить чрезъ Фурку въ Валисъ, но тогда Суворову открылся бы свободный путь къ Люцернскому озеру съ находившеюся тамъ французскою

флотиліей. Этого было достаточно для Лекурба, чтобы принять рѣшеніе, для генераловъ другой школы невозможное: онъ побросалъ всю свою артиллерію въ Рейсу и ночью сталъ пробираться чрезъ дикій горный хребетъ Бетцбергъ. Густой туманъ и ночная тьма сильно затрудняли ему и безъ того невѣроятный по трудностямъ путь, гдѣ извивались рѣдкія, мало посѣщаемыя тропинки и по которому сами мѣстные жители считали невозможнымъ движеніе войскъ. Но за то эти самые туманъ и темнота, не дозволявшіе различать едва видимыя тропы, спасли войска Лекурба отъ непріятеля: Французы цѣлую ночь карабкались по горнымъ высямъ и ущельямъ, перевалили гребень на высотѣ 7,800 футовъ, спустились утромъ къ деревнѣ Гешенень и стали на пути Суворова.

Суворовъ послалъ небольшую часть войскъ для преслѣдованія непріятеля къ сторонѣ Фурки, а другой, подъ начальствомъ генералъ-маіора графа Каменскаго, приказалъ раннимъ утромъ двинуться къ Цумдорфу и Гешенену [1]). Штраухъ остался на южной сторонѣ Сенъ-Готара, прикрывать дорогу чрезъ Нифенскій проходъ въ долину Тичино; прочія войска, едва державшіяся отъ усталости на ногахъ, расположились на ночлегъ гдѣ стояли, вокругъ деревни Госпиталь, отбуда Лекурбъ былъ выбитъ уже въ ночную тьму. Погода стояла холодная и сырая, солдаты дрогли, несмотря на разведенные огни. Верстахъ въ 4 прорѣзывались черезъ ночную тьму огни другого бивака,—то былъ корпусъ Розенберга; но каждый изъ русскихъ лагерей принималъ другой за непріятельскій, а между тѣмъ непріятель, въ началѣ ночи, находился почти какъ разъ между ними. Великій князь ночевалъ въ Айроло; Суворовъ посреди войскъ, въ деревнѣ. Передъ полуночью онъ написалъ Готце и Римскому Корсакову, что трудные обходы замедлили взятіе Сенъ-Готара, что войска недавно прибыли къ Госпиталю, что завтра наступленіе будетъ продолжаться, и онъ надѣется дойти къ вечеру до Альторфа, какъ назначено диспозиціей. Онъ видимо былъ доволенъ только что кончившимся 13 числомъ и на конвертѣ съ бумагами, отправляемыми къ Готце, написалъ собственноручно:

Am 20—sind die Tragthiere bereit,
Den 21—zieht Rosenberg zum Streit,
Den 22—folgt Tierfeld zur Schlacht,
Den 24—ist Gotthardsberg erobert durch Macht.
Dann haben wir durch Säbl und Bajonett
Die Schweitz von ihrem Untergang gerett't.

Въ 6 часовъ утра 14 числа Суворовъ выступилъ изъ Госпиталя, соединился у деревни Урзернъ съ Розенбергомъ и продолжалъ движеніе внизъ по р. Рейсѣ. Съ версту дальше, дорога по правому берегу врѣзывается въ утесы, отвѣсно спускающіеся въ русло рѣки, такъ что сообщеніе идетъ пробитымъ въ скалахъ тунелемъ, который называется Урнеръ-Лохъ и имѣлъ въ то время 80 шаговъ длины при 4 шагахъ ширины. Нѣсколько ниже по теченію рѣки, дорога лѣпится въ видѣ карниза по отвѣсной скалѣ и круто спускается къ аркѣ Чортова моста, который составляетъ съ нею прямой уголъ. На этомъ пространствѣ Рейса несется какъ бы въ щели или трещинѣ, между нависшими надъ ней горами; вода имѣетъ большое паденіе и низвергается нѣсколькими водопадами; потокъ реветъ, покрытый пѣной, и ревъ его слышится далеко кругомъ. Центромъ этой дикой, величественной картины служитъ Чортовъ мостъ, смѣло переброшенный надъ пропастью, на высотѣ 75 футовъ отъ воды. Мостъ, длиною около 30 шаговъ, состоялъ изъ двухъ каменныхъ арокъ; большая соединяла правый берегъ съ выдающеюся скалою лѣваго, малая связывала эту скалу съ лѣвымъ берегомъ. Съ моста дорога дѣлаетъ опять крутой поворотъ; продолжая извиваться лентой по ущелью, она нѣсколько разъ переходитъ съ одного берега на другой и только передъ деревнею Гешенень вырывается изъ мрачной трещины на свѣтъ Божій. Если бы рядъ этихъ узкихъ проходовъ былъ защищенъ хотя небольшими, но достаточными силами, особенно артиллеріей, и оборона велась энергически, то атака рѣшительно не могла имѣть успѣха, а дурно-соображенная повела бы и къ большимъ потерямъ. Къ счастію, распоряженія атакующаго были хороши, а оборона республиканцевъ слаба [3]).

Съ разсвѣтомъ Розенбергъ началъ наступленіе, согласно по-

лученному приказанію. Впереди шелъ Милорадовичъ, за нимъ остальныя войска дивизіи, потомъ Дерфельденъ. Французы занимали лѣвый берегъ рѣки; ихъ было немного, никакъ не больше двухъ батальоновъ, вѣроятно изъ числа разбитыхъ наканунѣ при Урзернѣ; можно также заключить изъ сличенія разныхъ описаній, что республиканцы имѣли всего одно орудіе, а если и нѣсколько больше, то изъ самыхъ мелкихъ калибровъ. Въ надеждѣ ли на неприступность позиціи, или вслѣдствіе поздняго прибытія къ мѣсту обороны и неизбѣжной суэты, но только они не подготовили разрушеніе моста до появленія атакующихъ и не препятствовали ихъ наступленію вплоть до Урнеръ-Лоха. Небольшой передовой отрядъ съ пушкою оставленъ былъ впереди моста для обороны этого тунеля; тутъ собственно и началось дѣло. Какъ только голова передового русскаго батальона втянулась въ тунель, передовой французскій отрядъ встрѣтилъ его ружейными и пушечными выстрѣлами. Форсированіе прохода повело бы къ значительнымъ и напраснымъ потерямъ, поэтому для облегченія фронтальной атаки произведены были два фланговыя движенія: отрядъ въ 300 человѣкъ посланъ вправо, въ горы, надъ Урнеръ-Лохомъ; другому, человѣкъ въ 200, приказано перебираться чрезъ каменистое ложе Рейсы на ту сторону и угрожать флангу и тылу французской зарѣчной позиціи. Оба эти маневра принадлежали къ числу такихъ, которые вызываются только крайностью, но оба они, благодаря энергіи войскъ, удались вполнѣ. Маіоръ Тревогинъ съ 200 егерями спустился къ руслу съ огромными усиліями и, одолѣвая еще большія трудности, сталъ перебираться черезъ Рейсу. Вода была не глубока, но колѣно и лишь мѣстами по поясъ, но главная опасность заключалась въ быстротѣ теченія. Добравшись до берега, люди стали карабкаться вверхъ по крутизнамъ, на видъ совершенно недоступнымъ. Въ виду удачи этой рискованной переправы, посланъ по слѣдамъ смѣлой команды цѣлый батальонъ, который, не безъ потерь конечно, перешелъ рѣку длиннымъ фронтомъ, такъ что на той сторонѣ очутилась довольно значительная сила. На переправу и затѣмъ на движеніе въ тылъ и флангъ фран-

цузской позиціи по скаламъ, потребовалось не мало времени, такъ что колонна полковника Трубникова, посланная въ обходъ Урнеръ-Лоха, исполнила свою задачу раньше.

Едва показались его люди на склонахъ утесовъ позади тунеля, Французы пришли въ смятеніе и второпяхъ стали разрушать мостъ. Такъ какъ большая арка, надъ самымъ потокомъ, была конечно болѣе капитальной постройки, чѣмъ малая береговая, то принялись за послѣднюю, что было и сподручнѣе, потому что она находилась на французской сторонѣ. Передовому французскому отряду приходилось теперь думать о собственномъ спасеніи, а не объ оборонѣ тунеля; надо полагать, что часть его успѣла перебраться на лѣвый берегъ, а другая осталась на правомъ отрѣзанною. Передовой русскій батальонъ, замѣтивъ у Французовъ суету, возобновилъ атаку, безпрепятственно прорвался чрезъ Урнеръ-Лохъ и бросился на отрѣзанныхъ Французовъ въ штыки. Съ противуположнаго берега открылся по немъ огонь, но слабый; Французы передового отряда частью были переколоты или сброшены въ рѣку, частью искали спасенія, спрыгивая съ утесовъ и пытаясь перебраться по руслу, что однако могло удасться немногимъ. Пушку свою они впрочемъ спасли отъ русскихъ рукъ, сбросивъ ее въ рѣку. Русскіе кинулись къ мосту; главная арка оставалась не тронутой, но вмѣсто второй арки, зіялъ широкій и глубокій провалъ: Французы уже успѣли, несмотря на огонь русскихъ стрѣлковъ праваго берега, преградить наступающему непріятелю путь.

Завязалась перестрѣлка между обоими берегами, которая не придвигала дѣла къ исходу, такъ какъ исправлять мостъ подъ выстрѣлами въ упоръ было невозможно. Но къ этому времени, переправившіяся въ бродъ на французскую сторону части русскихъ войскъ успѣли одолѣть путь по горнымъ высямъ лѣваго берега и начали спускаться къ мосту. Онѣ представляли внушительную силу, потому что съ ними случайно сошелся тутъ генералъ Каменскій, получившій еще съ вечера приказаніе перебираться чрезъ хребетъ Бетцбергъ и слѣдовать за Лекурбомъ, для обхода Урнеръ-Лоха и Чортова моста. Французы

не могли дальше держаться въ этомъ мѣстѣ и стали отступать, а русскія войска лѣваго берега подъ начальствомъ Каменскаго ихъ преслѣдовали. Отступленіе сдѣлалось для Французовъ неизбѣжнымъ еще и потому, что согласно общему плану похода, австрійскій генералъ Ауфенбергъ, спустившись съ Дисентиса долиною Мадеранъ, занялъ Амстегъ на Рейсѣ, выбивъ оттуда незначительный французскій отрядъ, и такимъ образомъ очутился у Французовъ въ тылу. Хотя Лекурбъ заставилъ Ауфенберга отойти по долинѣ Мадеранской, но Австрійцы все-таки оставались вблизи, сохраняя угрожающее положеніе.

Какъ только обнаружилось намѣреніе Французовъ ретироваться отъ моста, Русскіе праваго берега бросились впередъ и принялись за устройство на скорую руку перехода чрезъ разрушенную арку. Разобрали ближній сарай, притащили бревенъ и досокъ, перекинули ихъ чрезъ провалъ и стали укрѣплять чѣмъ попало; маіоръ князь Мещерскій 1 употребилъ для этого свой офицерскій шарфъ, а за нимъ и другіе офицеры сдѣлали тоже самое. Когда перекинутые чрезъ обвалъ зыбкіе и узкіе мостки изобразили собою нѣкоторое подобіе переправы, храбрецы стали переходить, помогая другъ другу; нѣкоторые оборвались и расшиблись, другіе были убиты или ранены, такъ какъ отступающіе Французы все еще обстрѣливали мостъ. Скоро французскіе выстрѣлы замолкли или не долетали, и временная переправа сдѣлалась удобопроходимѣе, но едва ли она способствовала усиленію преслѣдованія, потому что требовала много времени для малаго числа людей; сборный отрядъ Каменскаго былъ Французамъ страшнѣе и опаснѣе. Приступлено было тотчасъ къ основательной поправкѣ поврежденной части моста піонерами, и въ 5 часу дня вся задержанная колонна русскихъ войскъ двинулась впередъ [10]).

Дѣло у Чортова моста продолжалось довольно короткое время и не причинило большихъ потерь ни той, ни другой сторонѣ, но надо полагать, что у Французовъ выбыло изъ строя все-таки больше, такъ какъ часть ихъ передового отряда была истреблена, и отрядъ Каменскаго уложилъ свыше 200 человѣкъ на горахъ и вдоль дороги. Малая потеря атакующаго зависѣла отъ

хорошо скомбинированной атаки и отъ слабой обороны, которая въ свою очередь обусловливалась недостаточными средствами Французовъ и быстрымъ наступленіемъ Русскихъ. Эта слабая оборона и въ особенности неполная порча Чортова моста, дали нѣкоторымъ поводъ заключать, будто Лекурбъ заманивалъ Суворова глубже въ долину Рейсы, откуда Русскимъ не было выхода и гдѣ они должны были поэтому погибнуть. Соображеніе это страдаетъ натянутостью, потому что Лекурбу было вовсе не до грандіозныхъ замысловъ: онъ самъ рисковалъ быть отрѣзаннымъ и окруженнымъ и заботился единственно о томъ, чтобы выйти изъ своего затруднительнаго положенія.

Небольшая армія Суворова продолжала наступленіе, но подвигалась впередъ медленно, задерживаемая разными препятствіями, преимущественно мостами. Четыре раза перебѣгала дорога съ одного берега Рейсы на другой; всѣ 4 моста непріятель старался испортить, но при спѣшномъ отступленіи это ему удалось только отчасти, и возстановленіе всѣхъ четырехъ переправъ не было для Русскихъ такъ затруднительно, какъ исправленіе Чортова моста [1]). Однако все-таки требовались работа и время, такъ что въ этотъ день Суворовъ едва успѣлъ подвинуться впередъ отъ Госпиталя на 12 верстъ. Въ Гешененѣ присоединился Каменскій, въ Вазенъ армія пришла ночью и тутъ осталась до утра. Сентября 15 войска поднялись въ 5 часовъ и продолжали путь; въ авангардѣ шелъ Милорадовичъ. Онъ быстро бросился къ Амстегу и, благодаря этой быстротѣ, предупредилъ новую остановку: отступавшій къ Альторфу Лекурбъ едва успѣлъ зажечь мостъ, какъ нагрянули Русскіе, затушили огонь, перебрались по тлѣвшимъ бревнамъ и доскамъ и выбили французскій аріергардъ изъ деревни; послѣ чего отрядъ Ауфенберга, державшійся вблизи въ оборонительномъ положеніи, получилъ возможность присоединиться къ русской арміи и продолжалъ съ нею наступленіе. Слѣдуя далѣе по Рейсѣ, Суворовъ дошелъ до впаденія въ нее рѣчки Шахенъ, по имени которой называлась и долина, узкая и длинная, тянувшаяся вправо. Тутъ Лекурбъ занялъ позицію, имѣя въ тылу Альторфъ; мосты были сняты; дорогу обстрѣливала артиллерія; кромѣ того онъ отрядилъ часть

войскъ въ 4 деревни по лѣвому берегу Рейсы, на флангѣ двигавшихся русскихъ войскъ.

Всѣ силы Лекурба состояли изъ 6,000 человѣкъ, слѣдовательно попытка его дать отпоръ Суворову передъ Альторфомъ не имѣла серьезнаго значенія, да она была бы и безцѣльна, такъ какъ съ занятіемъ Альторфа Суворовъ ровно ничего не пріобрѣталъ и въ исполненіи своего плана впередъ не двигался. Оттого корпусу Розенберга не потребовалось большихъ усилій, чтобы заставить Французовъ покинуть избранную позицію и ретироваться на Флюэленъ и Зеедорфъ, послѣ чего Лекурбъ расположилъ почти всѣ свои войска за лѣвымъ берегомъ Рейсы и въ этомъ фланговомъ положеніи, относительно Суворова, остался, снявъ мосты.

Около полудня русскія войска заняли Альторфъ и нашли тутъ небольшой продовольственный магазинъ, который пришелся какъ нельзя болѣе кстати. Французы были оставлены въ покоѣ и даже не сдѣлана рекогносцировка ихъ позицій,—обстоятельство, которое нѣкоторые ставятъ Суворову въ большую ошибку. Указываютъ, что ему не стоило большого труда разбить Лекурба, вмѣсто того, чтобы оставлять его у себя въ этотъ день на флангѣ, а въ слѣдующіе дни въ тылу; завладѣть же Зеедорфомъ и Флюэленомъ значило пресѣчь Французамъ сообщеніе по Люцернскому озеру, такъ какъ это были единственные пункты ихъ нагрузки и выгрузки. Это замѣчаніе несправедливо. Суворовъ принялъ въ тотъ же день такое рѣшеніе на счетъ послѣдующихъ своихъ дѣйствій, для котораго нѣсколько часовъ отдыха войскамъ и сохраненіе подъ ружьемъ на лицо каждаго лишняго солдата было гораздо важнѣе, чѣмъ обезпеченіе фланговъ или тыла и пресѣченіе Французамъ сообщенія съ южною частью озера. Дальнѣйшій ходъ операцій совершенно его оправдываетъ. А если разбить Лекурба и отнять отъ него два прибрежные пункта, которые вдобавокъ были укрѣплены, не удалось бы въ тотъ же самый день 15 числа и вызвало бы остановку съ этою цѣлью подъ Альторфомъ на завтра, то такая потеря врѣмени, въ виду условленнаго общаго плана швейцарскаго похода, была бы не вознаградима и не простительна. Вѣдь Суворовъ еще не зналъ

тогда, что весь этотъ планъ уже разрушенъ побѣдами Французовъ на Лиматѣ и Линтѣ.

По прибытіи въ Альторфъ, онъ наткнулся однако на первые признаки несостоятельности своего плана. Тотчасъ за Альторфомъ, во Флюэленѣ, кончалась дорога, называвшаяся тогда сенъготарскою, и дальнѣйшее сообщеніе производилось исключительно водой; а такъ какъ въ продолженіе уже нѣсколькихъ мѣсяцевъ водянымъ путемъ владѣли Французы, то Суворовъ въ Альторфѣ былъ, какъ говорится, припертъ къ стѣнѣ. Принимали ли составители плана швейцарскаго похода посѣщаемыя горными охотниками тропинки за ѣзжія дороги, или разсчитывали они завладѣть непріятельскою флотиліей Люцернскаго озера,—во всякомъ случаѣ они жестоко ошиблись и ошибкою своею поставили русскія войска въ критическое положеніе. Съ лѣвой стороны озера существовали двѣ тропинки: одна шла отъ Зеедорфа чрезъ Бауенъ, Эматтенъ, Бекенридъ и Буоксъ; другая изъ Аттингаузена къ старому абатству Энгельбергу; но обѣ онѣ были таковы, что проводники не рекомендовали ихъ одиночнымъ путешественникамъ, дѣлая исключеніе развѣ для смѣлыхъ альпійскихъ туристовъ. Правый берегъ былъ еще хуже. Тутъ хотя и тянулась отъ самаго начала озера узкая и длинная долина Шахенская, но это одна изъ самыхъ дикихъ альпійскихъ долинъ; она начинается какъ бы трещиной въ скалистой стѣнѣ, и постепенно поднимаясь, все болѣе съуживается. По ней вьется горная тропинка, которая ведетъ чрезъ проходъ Клаузенъ въ верховья Линты; путь этотъ хотя трудный, не представлялъ однако какихъ нибудь неимовѣрныхъ препятствій, но велъ не туда, куда по диспозиціи надо было идти. Другой путь былъ еще лучше и безопаснѣе: обратившись по Рейсѣ назадъ, до Амстега, идти по Мадеранской долинѣ къ верховьямъ Рейна, т.-е. такъ, какъ пришелъ на соединеніе съ Русскими Ауфенбергъ. Но дорога эта не приближала къ цѣли, Швицу, а еще больше отъ нея отдаляла. Затѣмъ оставались еще двѣ тропинки: изъ Шахенталя чрезъ высокій снѣговой хребетъ Росштокъ въ Муттенскую долину, по которой есть сообщеніе со Швицемъ. Эти двѣ горныя тропы могли быть названы путями сообщенія развѣ только въ

насмѣшку; онѣ были доступны въ позднее время года однимъ смѣлымъ охотникамъ за сернами, привыкшимъ съ малолѣтства карабкаться по горнымъ ребрамъ, трещинамъ, высямъ и падямъ. Эти тропинки не только не входили въ разсчеты австрійскаго генеральнаго штаба при Асти, но и существованія ихъ тамъ не подозрѣвали, а сдѣлались они извѣстны Суворову тутъ, въ Альторфѣ, когда пришлось искать выхода изъ безнадежнаго положенія.

Положеніе Русскихъ войскъ въ Альторфѣ дѣйствительно стоило этого названія и представлялось тѣмъ болѣе ужаснымъ, что Суворовъ не былъ къ нему подготовленъ; отчаянныя обстоятельства не складывались постепенно, а обрушились внезапно. Выполнить точнымъ образомъ диспозицію было нельзя, потому что въ Альторфъ войска прибыли сутками позже, а Швицъ оказался недосягаемымъ. Въ продовольствіи чувствовалась крайняя нужда; почти все, что несли на себѣ люди, было съѣдено; во вьюкахъ оставалось немного, да они же сильно отстали, растянувшись на пути до Госпиталя, если не до Айроло, и часть ихъ погибла вмѣстѣ съ вьючнымъ скотомъ въ пропастяхъ, а остальное могъ захватить непріятель. О Линкенѣ не было ни извѣстій, ни слуху, и вдобавокъ гдѣ-то зародилась и стала ходить смутная молва объ упорномъ боѣ, будто бы происходившемъ наканунѣ на Линтѣ. Будущее подернулось зловѣщей дымкой; вопросы, одинъ другого безпокойнѣе, назойливо требовали немедленнаго рѣшенія. А откуда было явиться этому рѣшенію, когда всѣ данныя были отрицательныя и ни одного положительнаго, когда смущенному уму не на чѣмъ было опереться въ своихъ выводахъ, и въ надвинувшейся грозовой тучѣ не проглядывало ни одного просвѣта? Оно могло быть подсказано только волей, и точно, въ своей не преклоняющейся ни передъ чѣмъ волѣ Суворовъ нашелъ быстрое рѣшеніе. Онъ положилъ—не отступать отъ плана, который былъ для него, Суворова, обязателенъ уже потому, что служилъ основаніемъ для операцій Линкена, Іелачича, Готце, Корсакова, а согласно съ этимъ—двинуться не теряя времени къ Швицу.

Что касается до выбора дороги, то изъ двухъ тропинокъ,

проходящихъ чрезъ Росштокскій хребетъ, для Суворова предпочтительною должна была представиться та, которая ведетъ къ дер. Муттенъ прямѣе; ее онъ дѣйствительно и выбралъ. Тропа эта, по словамъ экспертовъ, оказывалась по степени проходимости худшею изъ двухъ; да и вообще всѣ свѣдѣнія, у пастуховъ и охотниковъ собранныя, были не радостны и тревожны. *Конечно ни одна армія никогда не двигалась по такому пути*, говорятъ многіе изъ писателей, повѣствовавшихъ объ этомъ необычайномъ походѣ. Но трудность заключалась не въ одной дорогѣ; люди были измучены 7-дневнымъ непривычнымъ походомъ, обувь ихъ разорвана, провіянтъ израсходованъ; вьючный скотъ, особенно казачьи лошади, значительною долею обезножены или по совершенной негодности брошены; самъ Суворовъ, голова и душа небольшой арміи, боленъ, слабъ физическими силами, истерзанъ нравственно огорченіями и оскорбленіями, измученъ кознями, завистью и подвохами. Онъ однако не измѣнилъ ни себѣ, ни своему довѣрію къ войскамъ, возлагая на нихъ новое испытаніе, даже мѣру котораго нельзя было впередъ опредѣлить. Высказанный имъ нѣсколько лѣтъ назадъ афоризмъ—«гдѣ прошелъ олень, тамъ пройдетъ и солдатъ», долженъ былъ осуществиться.

Нечего и говорить, что такая рѣшимость Суворова, не укладывающаяся подъ мѣрку обыденнаго, ходячаго благоразумія, многими не одобряется. Не останавливаемся на обвиненіяхъ его въ варварствѣ, безпощадномъ погубленіи тысячъ жизней и иныхъ подобныхъ укорахъ, высказываемыхъ нѣкоторыми изъ его хулителей, которые задались мыслью—не находить въ немъ ничего хорошаго. Ужъ одни эти крѣпкія слова и сильныя выраженія обнаруживаютъ тенденцію и указываютъ на слабость критики, которая дѣйствительно не стоитъ того, чтобы на ней долго останавливаться. Но и между цѣнителями болѣе или менѣе безпристрастными, приходится встрѣчать охужденіе Суворова за принятое имъ рѣшеніе и за его плачевныя послѣдствія, причемъ эти послѣдствія въ сущности и составляютъ критерій [11]). Говорятъ, что ему надлежало дать подъ Альторфомъ отдыхъ войскамъ, дабы привести ихъ въ нормальное по возможности со-

стояніе; тогда онъ узналъ бы о разбитіи Корсакова на Лиматѣ, и ему предстоялъ бы только одинъ полезный путь—чрезъ Шахенталь въ долину верхней Линты; слѣдовательно, было бы обойдено множество трудовъ и опасностей и понесено гораздо меньше потерь. Такое замѣчаніе не состоятельно, потому что основано на разбитіи Французами Корсакова и Готце, т.-е. на данныхъ, которыя получились позже, въ Муттенталѣ. А въ Альторфѣ рѣшеніе о выборѣ пути зависѣло отъ соображенія—слѣдуетъ или нѣтъ держаться общаго плана дѣйствій, принятаго передъ выступленіемъ въ походъ? Если Суворовъ держался этого плана до Альторфа, то почему же онъ могъ не держаться его выходя изъ Альторфа? Вѣдь о случившемся несчастіи носился только одинъ смутный слухъ, въ родѣ тѣхъ, что безпрестанно зарождались во время Итальянской кампаніи, и Суворовъ имѣлъ непререкаемое основаніе разсчитывать, что спасеніе его маленькой арміи зависѣло отъ точнѣйшаго исполненія плана, а не отъ неисполненія его. Что бы стали говорить тѣже самые критики, еслибы Суворовъ, поддавшись альторфскимъ впечатлѣніямъ, измѣнилъ свой путь, и погромъ Корсакова и Готце оказался бы слѣдствіемъ, а не причиною этого измѣненія? Если правда, что побѣдителя не судятъ и что военный успѣхъ покрываетъ все, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что неудачѣ или даже бѣдствію нѣтъ ни оправданія, ни извиненія. Избравъ горную тропу на Муттенъ, Суворовъ поступилъ совершенно правильно, а если онъ остановился на этомъ рѣшеніи, несмотря на трудности практическаго исполненія, то нельзя же ставить полководцу въ вину, что онъ прибѣгаетъ въ крайнихъ случаяхъ къ средствамъ крайнимъ, на которыя у другого не хватило бы духу.

Все объясненіе настоящаго обстоятельства къ этому въ сущности и сводится. Ровно ничего произвольнаго не будетъ въ утвержденіи, что на мѣстѣ Суворова, изъ сотни генераловъ, едва ли одинъ поступилъ бы такъ, какъ онъ. Естественнѣйшимъ выходомъ изъ критическаго положенія прежде всего представилось бы отступленіе прежнимъ путемъ на Сенъ-Готаръ, а такъ какъ подобная ретирада была неисполнима, по нахожденію непріятеля на флангѣ и въ тылу, то былъ бы предпочтенъ путь чрезъ Ша-

хенталь или, еще вѣрнѣе, Мадеранталь. Росштокскій перевалъ не остановилъ бы на себѣ чье либо вниманіе; для этого слѣдовало быть Суворовымъ. И если избравшіе путемъ своего слѣдованія Шахенскую или Мадеранскую долины, сохранили бы гораздо лучше свои войска и не испили бы чаши бѣдствій, которая досталась на долю Суворова и его многострадальной арміи, то сдѣлались ли бы они отъ этого больше, а онъ меньше? Могутъ назвать этотъ вопросъ праднымъ, но въ такомъ случаѣ не съ бо̀льшимъ ли основаніемъ заслуживаетъ названія праздной та критика, изъ которой вопросъ самъ собой возникаетъ?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Швейцарская кампанія: Муттенталь, Кленталь, Рингенкопфъ; 1799.

Трудное движеніе чрезъ Росштокскій хребетъ. — Дѣйствія аріергарда и авангарда. — Дурныя вѣсти; разгромъ Римскаго Корсакова и Готце; боязливыя дѣйствія Линкена и Елачича; Суворовъ оставленъ на произволъ судьбы. — Его отчаянное положеніе; военный совѣтъ; разстройство Суворова. — Наступленіе къ Кленталю; неудачная атака Французовъ; ихъ отступленіе и оборона при Нетсталѣ и Нефельсѣ. — Розенбергъ въ Муттенталѣ; рекогносцировка Массены; упорное дѣло на другой день; паническое бѣгство Французовъ. — Движеніе Розенберга на соединеніе съ Суворовымъ. — Ужасное состояніе русскихъ войскъ; раздраженіе противъ Австрійцевъ; новое рѣшеніе Суворова; военный совѣтъ. — Возводимыя на русскія войска несправедливыя обвиненія. — Выступленіе изъ Гларуса; дѣйствія аріергарда. — Бѣдственный переходъ чрезъ Рингенкопфъ. — Суворовъ-генералисимусъ. — Опроверженіе дѣлаемыхъ ему упрековъ; мѣстныя легенды; особенное значеніе Швейцарской кампаніи.

Въ 5 часовъ утра 16 сентября войска Суворова тронулись въ трудный походъ. Впереди шелъ Багратіонъ, за нимъ Дерфельденъ, потомъ Ауфенбергъ; Розенбергъ долженъ былъ прикрывать движеніе съ тыла, а аріергардъ его — держаться у Альторфа до той поры, пока будутъ пропущены впередъ всѣ отставшіе вьюки.

По мѣрѣ подъема, тропинка становилась уже и круче, а мѣстами, на голыхъ скалахъ, и вовсе пропадала. Приходилось двигаться большею частію въ одиночку, гуськомъ, по голымъ

каменьямъ, скользкой глинѣ, рыхлому снѣгу; взбираться какъ бы по лѣстницѣ, на ступеняхъ которой съ трудомъ умѣщалась подошва ноги, или же по грудамъ мелкихъ камешковъ, осыпавшихся отъ каждаго шага. Со вчерашняго утра начался опять дождь, который и продолжалъ идти съ перерывами, а когда и стихалъ, то люди, двигаясь на высотѣ облаковъ и тучь, все равно были охватываемы густымъ туманомъ, и платье ихъ промокало насквозь. Вдобавокъ дулъ по временамъ рѣзкій вѣтеръ, становившійся при промокшемъ платьѣ вдвойнѣ чувствительнымъ; отъ него дрожь прохватывала казалось до костей, ноги и руки коченѣли. Требовались большое вниманіе и осторожность, чтобы не сорваться со скользкаго пути и не полетѣть внизъ, а когда туманъ сгущался или надъ головою чернѣла туча, то опасность увеличивалась, ибо приходилось лѣзть ощупью, двигаться на авось. Еще труднѣе, почти невозможнымъ дѣлалось движеніе ночью, когда, при ненастьѣ, не видно было ни зги и истощенныя дневнымъ походомъ силы солдатъ отказывались служить. Части войскъ останавливались на привалъ, гдѣ встрѣчались площадки; но такіе ночлеги служили больше утѣшеніемъ, чѣмъ на дѣйствительную пользу, потому что леденящій вѣтеръ гулялъ тутъ свободнѣе, пробирая насквозь, а голая, безпріютная высь не давала ни прутика для бивачнаго огня [1]).

Предшествовавшій походъ по дикой горной странѣ послужилъ, правда, школою для войскъ, но онъ перемежался упорными боями, а не отдыхами, и войска не имѣли досуга привести свое снаряженіе въ исправное состояніе. Обувь солдатская, и въ особенности офицерская, теперь въ теченіе немногихъ часовъ совсѣмъ сбилась и пришла въ негодность; у иныхъ отодрались подошвы. О какихъ-нибудь приспособленіяхъ, въ родѣ напримѣръ сандалій съ желѣзными шипами, не было и помину, ибо не имѣлось ни времени, ни опытности, какъ у Французовъ, искусившихся бойцовъ горной войны. Въ довершеніе бѣдствія нечѣмъ было подкрѣпить силы; вьюки съ провіантомъ тянулись позади, а при себѣ или ничего не было, или очень немногое, и эту малость надо было расходовать бережливо. Кто былъ позапасливѣе, тотъ сохранилъ муку, розданную въ Альторфѣ, въ

ожиданіи огня, чтобы спечь изъ нея лепешки. Другого харчевого подспорья не было; иные раздобылись въ прежнее время картофелемъ или сыромъ, но это все уже вышло, да и большинство солдатъ употребляло сыръ лишь въ послѣдней крайности, считая его гнилью. Офицеры и генералы бѣдствовали чуть ли не больше, и солдаты имъ охотно помогали, чѣмъ могли: чинили обувь на привалѣ, дѣлились харчами изъ послѣднихъ скудныхъ остатковъ. Милорадовичъ на бивакѣ съѣлъ у одного солдата спеченную изъ альторфской муки пригорѣлую лепешку, очень ее похвалилъ, поблагодарилъ хозяина и прислалъ ему взамѣнъ небольшой кусочекъ сыра,—половину всего, что имѣлъ самъ. Солдатъ не взялъ сыру, а вмѣстѣ съ другими своего десятка или капральства составилъ складчину, по сухарику съ брата, и все это съ кусочкомъ сухого бульона, взятаго съ убитаго французскаго офицера, отнесъ въ узелкѣ къ Милорадовичу, который поблагодарилъ и принялъ [1]).

Часами становилось полегче: переставалъ дождь, стихалъ вѣтеръ, отыскивался матеріалъ для бивачныхъ костровъ, и люди пріободрялись, словно оживали, даже заливалась «русская пѣсня съ рожками и самодѣльными кларнетами», какъ свидѣтельствуетъ участникъ [2]). Подкрѣпляли и поддерживали солдатъ также бравые начальники своимъ примѣромъ. Великій князь сдѣлалъ цѣлый переходъ пѣшкомъ при авангардѣ князя Багратіона; Суворовъ то ѣхалъ верхомъ, то шелъ пѣшкомъ при переднихъ частяхъ и безпрестанно былъ на виду у солдатъ. Проѣзжая мимо людей, остановившихся въ широкомъ мѣстѣ перевести духъ, продрогшихъ, голодныхъ, сумрачныхъ, — онъ затянулъ пѣсню: «что съ дѣвушкой сдѣлалось, что съ красной случилось». Раздался дружный хохотъ, и солдаты повеселѣли. Имъ было конечно не до величественныхъ видовъ, открывавшихся съ верхнихъ частей Кинцигъ-Кульма; но въ минуты облегченія не оставались незамѣченными и длинная полоса Люцернскаго озера, тянувшагося внизу налѣво, и тучи, ходившія подъ ногами, и глухое роботаніе грома, раздававшееся эхомъ по ущельямъ, и голубоватыя вспышки молній. Эти рѣдкія минуты развлеченія смѣнялись однако многими, безконечно-долгими часами трудовъ,

муки и опасностей, особенно когда кончился подъемъ и начался спускъ въ долину Муттенъ. Люди, выбившись изъ силъ, въ скользкихъ мѣстахъ сползали внизъ сидя; особенно трудно было коннымъ, а тѣмъ паче лошадямъ и муламъ, навьюченнымъ артиллеріей, зарядами и патронами. Они едва передвигали ноги, несмотря на понужденія погонщиковъ; обивали копыта до совершенной невозможности продолжать путь; истомленные безкормицей и усталостью, падали или срывались съ узкой тропы, летѣли стремглавъ съ кручи и разбивались о камни, увлекая за собою нерѣдко и погонщиковъ. Малѣйшая неосторожность и невниманіе, каждый невѣрный шагъ грозили смертью. Совсѣмъ истомились люди отъ этого напряженнаго состоянія и, какъ блага, жаждали встрѣчи съ непріятелемъ «на чистомъ мѣстѣ» [2]).

Какъ тяжелъ былъ переходъ, видно по времени, которое на него потребовалось. Голова авангарда спустилась къ деревнѣ Муттенъ чрезъ 12 часовъ по выступленіи изъ Альторфа, хотя разстояніе между этими двумя пунктами не превышало 15—16 верстъ; хвостъ колонны прибылъ въ Муттенъ на другой день къ ночи, а вьюки тянулись еще двое сутокъ. Разсчетъ Суворова не оправдался: прямой путь оказался сравнительно длиннымъ и обозначался страшнымъ слѣдомъ людей, лошадей и муловъ, искалѣченныхъ, умиравшихъ и мертвыхъ. Впрочемъ нѣтъ категорическихъ данныхъ для утвержденія, что потеря людей на этомъ переходѣ доходила до цифры значительной; по крайней мѣрѣ были полки, которые почти не имѣли убившихся [2]). Самая большая потеря должна была оказаться между казачьими лошадьми, употребленными подъ вьюки. За то переходъ этотъ изумилъ всѣхъ, и тропинка, перейденная русскими войсками, изображается на многихъ картахъ Швейцаріи надписью: «путь Суворова въ 1799 году». Самъ смѣлый до дерзости Лекурбъ, по словамъ одного авторитетнаго писателя, не рѣшился бы на такой подвигъ и не считалъ эту тропинку въ числѣ военныхъ путей сообщенія [3]).

Крайняя мѣра, принятая Суворовымъ, подѣйствовала на непріятеля внушительно: аріергардъ Розенберга, два раза атакованный Французами и оба раза отбившій нападеніе прево-

сходныхъ силъ, былъ затѣмъ оставленъ въ покоѣ, и весь вьючный обозъ, подъ прикрытіемъ спѣшенныхъ казаковъ, успѣлъ втянуться на горную тропинку. По выраженію того же иностраннаго писателя, «требовалось все холодное мужество Русскихъ» аріергарда, чтобы армія Суворова могла спокойно совершить свой безпримѣрный переходъ. Но дѣло тутъ не въ одномъ аріергардѣ, а въ отважности всего предпріятія, которая подавляла мысль противника и парализовала его волю; аріергардъ былъ только видимымъ представителемъ этого «холоднаго мужества», остановившаго Французовъ.

Какъ успѣшно удалось аріергарду исполнить возложенную на него задачу, такъ удачны были и первые шаги авангарда въ Муттенталѣ. Приближаясь къ Муттену, Багратіонъ узналъ, что тамъ находится передовой постъ Французовъ, выдвинутый отъ Швица. Захвативъ съ собою небольшую часть егерей и казаковъ изъ головы колонны, Багратіонъ, пользуясь пригорками и перелѣсками, незамѣтно окружилъ Французовъ, считавшихъ себя въ полной безопасности, и произвелъ внезапное нападеніе. Весь постъ, въ числѣ до 150 человѣкъ, былъ или переколотъ, или взятъ въ плѣнъ, послѣ чего войска русскаго авангарда, несмотря на свое крайнее утомленіе, провели ночь въ полной готовности къ бою, въ ожиданіи нападенія со стороны Швица, котораго однакоже не было.

Спустившись въ Муттенскую долину и ожидая, пока стянутся остальныя войска, Суворовъ послалъ утромъ 17 числа вправо, къ сторонѣ Гларуса, сотню конныхъ казаковъ, чтобы собрать какія-нибудь свѣдѣнія о Линкенѣ. Казаки вернулись съ дурными новостями: про Линкена не было слуху, а Кленталь занимали Французы. Одинъ изъ историковъ говоритъ, будто Суворовъ послалъ съ казаками предложеніе французскому генералу Молитору — положить оружіе, потому-де, что онъ, Молиторъ, окруженъ, но Молиторъ прогналъ казаковъ, передавъ имъ вѣсть о погромѣ Корсакова и Готце. Все это выдумано, такъ какъ Суворовъ не зналъ о нахожденіи Французовъ въ Кленталѣ, и казаки были посланы именно для развѣдыванія о положеніи непріятеля. Страшныя вѣсти получены Суворовымъ дѣйстви-

тельно въ этотъ самый день, но отъ окрестныхъ жителей. Это уже не было смутнымъ слухомъ, въ родѣ носившагося въ Альторфѣ: Корсаковъ и Готце разбиты на голову и далеко отброшены, Елачичъ отступилъ, сильный французскій корпусъ занялъ Гларисъ, и Массена стягиваетъ войска къ Швицу.

Катастрофа произошла 14—15 сентября; Массена предполагалъ атаковать союзниковъ позже, но вступленіе Суворова въ Швейцарію заставило его поторопиться; однако больше, какъ на одинъ день, онъ сократить срокъ не могъ. Корсаковъ расположилъ свои войска какъ нельзя хуже и не только не принималъ мѣръ противъ непріятельскаго наступленія, но можно сказать напрашивался на пораженіе. Массена напротивъ готовился къ бою съ осмотрительностью, съ искуствомъ и въ глубокой тайнѣ; съ такимъ же искуствомъ и выдержкою онъ произвелъ и нападеніе. По справедливому замѣчанію лучшаго историка войны 1799 года, гр. Милютина, атака Массены на Лиматѣ имѣла, въ общемъ своемъ ходѣ, очень много общаго съ переходомъ Суворова чрезъ Адду, но при этомъ Корсаковъ вовсе не походилъ на Моро. Русскіе были застигнуты въ расплохъ; отъ самонадѣянности, кичливости и безпечности, предводитель ихъ перешелъ въ другую крайность и совершенно потерялъ голову. Безпорядокъ былъ невѣроятный, граничившій съ полнымъ хаосомъ; распоряженій никакихъ. Правый флангъ, подъ командою генерала Дурасова, оставался во время дѣла въ бездѣйствіи, обманутый демонстраціями Французовъ; онъ бродилъ на обумъ и только случайно избѣжалъ истребленія. Отряженіе въ помощь Готце 5,000 человѣкъ, согласно общему плану дѣйствій, было исполнено лишь наканунѣ атаки Массены и способствовало увеличенію разстройства; впрочемъ очень сомнительно, чтобы нахожденіе этихъ войскъ на лицо могло измѣнить исходъ дѣла, вслѣдствіе совершенной разрозненности дѣйствій и отсутствія общихъ распоряженій. Если ко всему этому прибавить значительный перевѣсъ силъ на сторонѣ Французовъ, то станетъ понятно, почему Римскій Корсаковъ подвергся подъ Цюрихомъ совершенному разгрому и корпусъ его понесъ страшныя потери. Число убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ простиралось до 8,000, въ томъ числѣ много

офицеровъ и 3 генерала; знаменъ потеряно 9, орудій 26, обозъ почти весь.

Исходъ могъ быть еще гибельнѣе, если бы русскія войска своею беззавѣтною храбростью и стойкостью не восполняли отчасти недостатковъ высшаго командованія. Самъ Массена отдавалъ имъ въ этомъ отношеніи справедливость. Послѣ пораженія, войска нисколько не упали духомъ и жаждали отмести; офицеры же говорили, что Русскихъ побилъ не непріятель, а свой собственный генералъ [4]). Одинъ Римскій Корсаковъ смотрѣлъ на дѣло иначе и находилъ причину пораженія всюду, особенно въ образѣ дѣйствій Дурасова, но не въ самомъ себѣ. Императоръ Павелъ былъ очень огорченъ цюрихскимъ пораженіемъ и повелѣлъ Суворову, подробно разсмотрѣвъ распоряженія Корсакова и Дурасова, представить свое мнѣніе. Суворовъ донесъ, что Римскій Корсаковъ не виноватъ, а причиною происшедшаго есть Дурасовъ, «поелику занятъ будучи одною лишь канонадою и угроженіемъ переправы, не поспѣшалъ соединиться съ прочими войсками, въ бою бывшими». Съ заключеніемъ Суворова трудно согласиться; вѣроятно онъ основался на донесеніяхъ Римскаго Корсакова, не затребовавъ объясненія отъ Дурасова; послѣдній былъ конечно виноватъ, но не въ той мѣрѣ, какъ первый. Во всякомъ случаѣ Суворовъ, произнося свой приговоръ, не кривилъ душой и не руководился побочными соображеніями и разсчетами. Въ донесеніи Корсакова Государю дважды было указано на откомандированіе, по приказанію Суворова, части войскъ къ Готце, какъ на распоряженіе, повлiявшее на дурной исходъ боя; уже одно это обстоятельство подсказывало Суворову рѣшеніе не въ пользу Корсакова. Императоръ Павелъ рѣшилъ иначе; онъ повелѣлъ отставить отъ службы и Римскаго Корсакова, и Дурасова; та же участь постигла и трехъ генераловъ, попавшихъ въ плѣнъ.

Русскія войска отступили на правую сторону Рейна и расположились близъ Шафгаузена, уничтоживъ за собой мосты. Французы преслѣдовали ихъ только вначалѣ: Массена былъ озабоченъ движеніемъ Суворова.

Одновременно съ цюрихскимъ сраженіемъ происходилъ и

бой на Линтѣ. Въ самомъ началѣ дѣла, Готце и его начальникъ штаба были убиты; австрійскія войска понесли полное пораженіе, потерявъ почти половину своихъ людей убитыми, ранеными и плѣнными. Они отступили чрезъ Санъ-Галленъ къ Рейнеку и тутъ перешли на правую сторону Рейна, разрушивъ за собой мосты. Одержавшій побѣду французскій генералъ Сультъ преслѣдовалъ ихъ очень слабо; его вниманіе было тоже обращено къ верховьямъ Линты и Рейсы.

Прочіе отдѣльные отряды Австрійцевъ хотя избѣжали плачевной участи Корсакова и Готце, но также совершенно покинули Суворова. Елачичъ и Линкенъ, исполняя общій планъ кампаніи, продвинулись впередъ; первый изъ нихъ, встрѣтивъ упорное сопротивленіе, а потомъ услышавъ про катастрофу на Линтѣ, впалъ въ такую панику, что отретировался за Рейнъ къ Майенфельду. Линкенъ поступилъ еще хуже; будучи вмѣстѣ съ Елачичемъ сильнѣе французскаго генерала Молитора, противъ котораго они оба дѣйствовали, онъ не пособилъ Елачичу, дѣйствовалъ боязливо, медленно и только увеличивалъ этимъ отвагу и рѣшительность Французовъ. Онъ долженъ былъ понимать, на сколько обязательнымъ представлялось для него движеніе впередъ и открытіе сообщенія, или по крайней мѣрѣ сношеній, съ Суворовымъ. Несмотря на это онъ, будучи въ однихъ силахъ съ Молиторомъ, простоялъ противъ него у Гларіса 16 и 17 числа, не предпринявъ общей атаки, а когда узналъ о событіяхъ на Лиматѣ и Линтѣ и объ отступленіи Елачича, то самъ ретировался. Между тѣмъ въ этотъ послѣдній день, 17 числа, сотня казаковъ Суворова доходила до Кленталя, для открытія съ нимъ сообщенія. Такимъ образомъ Линкенъ окончательно выдалъ Французамъ Суворова, что называется головой, и никѣмъ не преслѣдуемый отошелъ до самаго Иланца.

Суворовъ остался противъ Французовъ на всемъ театрѣ войны одинъ со своей маленькой арміей, истощенной, истомленной въ конецъ, безъ продовольствія, безъ артиллеріи и, главное, безъ всякой надежды на чью либо помощь или содѣйствіе. Массена былъ не изъ такихъ генераловъ, какъ Линкенъ или Елачичъ; не теряя часа времени, онъ поѣхалъ по Люцернскому

озеру въ Альторфъ и, узнавъ тутъ, что Суворовъ ушелъ, немедленно произвелъ рекогносцировку по направленію къ Шахенталю. Вдоль пройденнаго русскими войсками начала тропинки, по склонамъ горъ, валялись трупы людей, лошадей и муловъ; было подобрано нѣсколько человѣкъ еще живыхъ, но искалѣченныхъ, или недалекихъ отъ смерти вслѣдствіе усталости и голода. Удостовѣрившись, что Суворовъ долженъ быть уже въ Муттенталѣ, Массена вернулся въ Швицъ и приказалъ сосредоточиваться туда части своихъ войскъ, а другимъ подкрѣпить Молитора, дабы такимъ образомъ запереть Русскимъ эти два единственные выхода изъ западни, въ которую они попались. Массена былъ убѣжденъ, что русскимъ войскамъ нѣтъ спасенія и что они принуждены будутъ сдаться; выѣзжая изъ Цюриха въ Альторфъ, онъ обѣщалъ плѣннымъ русскимъ офицерамъ увеличить чрезъ нѣсколько дней ихъ общество фельдмаршаломъ и великимъ княземъ. Послѣдніе успѣхи затуманили Массенѣ голову, и онъ поторопился слишкомъ легко и хвастливо оцѣнить своихъ новыхъ противниковъ.

Положеніе Суворова въ Муттенталѣ было безъ сомнѣнія отчаянное. Теплой одежды не было, да и лѣтняя имѣла видъ рубища, а обувь и того хуже; въ сухарныхъ мѣшкахъ людей не оставалось почти ничего; вьюки съ провіянтомъ тянулись еще сзади, и Богъ знаетъ сколько изъ нихъ погибло въ пропастяхъ; артиллеріи, кромѣ горной, не было; заряды и патроны на исходѣ; кавалерійскія лошади обезножены и истощены совершенной безкормицей. Нравственный гнетъ безвыходнаго положенія усугублялся еще горечью сознанія, что ничего подобнаго не случилось бы, если бы войска не потеряли 5 дней въ Тавернѣ. Теперь и судьба войскъ, и военная честь Россіи, и собственная репутація Суворова,—все это зависѣло отъ того, какое рѣшеніе будетъ имъ, Суворовымъ, принято и какъ исполнено. На него легла тяжкая дума, особенно по полученіи 18 числа донесенія отъ генерала Линкена обо всемъ совершившемся; озабоченность его была такъ велика, что ее замѣчали даже солдаты [2]). Подвигъ предстоялъ такой трудный, что требовалось для его совершенія полное единодушіе всѣхъ и каждаго, высшая сте-

пень единенія между предводителемъ и подчиненными, подъемъ нравственной силы до послѣдняго предѣла. Суворовъ приказалъ собраться у себя военному совѣту, пригласивъ великаго князя и 10 генераловъ; австрійскаго генерала Ауфенберга не позвали [5]).

Иностранные историки свидѣтельствуютъ, что Суворовъ, увидя себя въ западнѣ, пришелъ въ такую ярость, что рѣшилъ выбить Французовъ изъ Швица и выйти въ тылъ непріятельской арміи, и что только настойчивыя убѣжденія нѣсколькихъ лицъ удержали его отъ такого отчаяннаго намѣренія. Русскіе источники говорятъ противное, а одинъ изъ участниковъ кампаніи утверждаетъ, что австрійскіе офицеры генеральнаго штаба указывали Суворову на Швицъ, какъ на лучшій путь дѣйствій, но онъ не согласился. Русскіе источники оказываются болѣе основательными; но очень вѣроятно, что Суворовъ, въ первомъ порывѣ, хотѣлъ идти на Швицъ. Предпріятіе было бы въ высшей степени дерзкимъ, но непреклонная воля Суворова, увѣренность въ себѣ и своихъ войскахъ, безнадежныя обстоятельства, грозившія завершить катастрофой его долгое побѣдоносное поприще,—все это могло внушить ему рѣшеніе, которое не пришло бы другому въ голову. Намѣренія этого онъ держался не долго, такъ какъ опасности такого плана были слишкомъ велики и очевидны, и военному совѣту, собравшемуся 18 числа, самъ указывалъ на него, какъ на неисполнимое.

Первымъ явился на совѣщаніе Багратіонъ; Суворовъ въ полной фельдмаршальской формѣ, сильно встревоженный и взволнованный, ходилъ шибко по комнатѣ, отпуская отрывистыя слова и ѣдкія фразы на счетъ парадовъ и разводовъ, неумѣнья вести войну, искуства быть битымъ и т. под. Онъ не обратилъ никакого вниманія на Багратіона, можетъ быть даже совсѣмъ не замѣтилъ его прихода, такъ что тотъ счелъ болѣе умѣстнымъ выйти и явиться вмѣстѣ съ другими. Суворовъ встрѣтилъ ихъ поклономъ, закрылъ глаза, какъ бы собираясь съ мыслями, и потомъ съ огнемъ во взорѣ, съ одушевленнымъ лицомъ сталъ говорить сильно, энергично, даже торжественно. Онъ будто

преобразился; никто никогда не видалъ его въ такомъ настроеніи. Объяснивъ вкратцѣ, что произошло на Лиматѣ, на Линтѣ и съ остальными австрійскими отрядами, Суворовъ, не сдерживая своего негодованія, припомнилъ всѣ затрудненія въ ходѣ Итальянской кампаніи, какія постоянно имѣлъ отъ Тугута и гофкригсрата; говорилъ, что Русскіе удалены изъ Италіи, чтобы не мѣшали австрійскимъ захватамъ, что преждевременный выходъ изъ Швейцаріи эрцъ-герцога Карла былъ вѣрхомъ Тугутова вѣроломства, что задержка Русскихъ въ Тавернѣ носитъ на себѣ явные признаки измѣны, что благодаря этому предательству, Корсаковъ разбитъ, а онъ, Суворовъ, опоздалъ придти и не успѣлъ предупредить скопленія непріятельскихъ войскъ на Лиматѣ и Линтѣ. Сказавъ это, Суворовъ остановился, какъ бы давая время генераламъ вникнуть въ его рѣчь, и потомъ продолжалъ. Онъ объяснилъ, что сухарей у людей очень мало, зарядовъ и патроновъ и того меньше; что на Швицъ идти невозможно, отступать же стыдно; что со времени дѣла на Прутѣ при Петрѣ Великомъ, русскія войска никогда не находились въ такомъ отчаянномъ положеніи, какъ нынѣ. «Помощи ждать не откуда, надежда только на Бога да на величайшее самоотверженіе войскъ, вами предводимыхъ; только въ этомъ и спасеніе», продолжалъ говорить Суворовъ своимъ подчиненнымъ съ возрастающимъ волненіемъ, горестью и негодованіемъ: «спасите честь Россіи и ея Государя, спасите его сына!» Съ этими словами онъ, въ слезахъ, бросился къ ногамъ великаго князя [6]).

Впечатлѣніе было потрясающее. Это былъ не тотъ Суворовъ, котораго всѣ привыкли видѣть въ бою, на походѣ, въ лагерѣ, то грознаго, то шутливаго и причудливаго, но всегда смотрѣвшаго впередъ съ полною увѣренностью въ успѣхъ, и не допускавшаго мысли о неудачѣ, тѣмъ паче пораженіи. Едва ли кто видѣлъ прежде на глазахъ его слезы; никому не приводилось въ прежніе годы замѣчать на его лицѣ такую тревогу и волненіе. Всѣ присутствовавшіе инстинктивно двинулись впередъ, чтобы поднять Суворова отъ ногъ великаго князя, но Константинъ Павловичъ, самъ потрясенный до глубины души, уже поднялъ фельдмаршала на ноги и, весь въ слезахъ, обнималъ его

и покрывалъ поцѣлуями. Потомъ всѣ, какъ бы по заранѣе принятому соглашенію, взглядами обратились къ Дерфельдену, который, помимо своего старшинства, пользовался всеобщимъ уваженіемъ за свои личныя и боевыя качества. Дерфельденъ обратился къ Суворову съ задушевнымъ словомъ, но съ лаконичностью, которая всегда приводила Суворова въ восторгъ. Онъ сказалъ, что теперь всѣ знаютъ, что случилось, и видятъ, какой трудный подвигъ предстоитъ имъ впереди, но и онъ, Суворовъ, также знаетъ, до какой степени войска ему преданы и съ какимъ самоотверженіемъ онъ любимъ. Поэтому, какія бы бѣды впереди ни грозили, какія бы несчастья ни обрушились, войска вынесутъ все, не посрамятъ русскаго имени и если не суждено имъ будетъ одолѣть, то по крайней мѣрѣ они лягутъ со славой. Когда Дерфельденъ кончилъ, всѣ въ голосъ, съ энтузіазмомъ, съ увлеченіемъ подтвердили его слова, клянясь именемъ Божіимъ, и не было лести у нихъ на языкѣ, ни обмана въ ихъ сердцѣ. Суворовъ слушалъ Дерфельдена съ закрытыми глазами и опущенной головой; когда же раздался сердечный, горячій крикъ присутствовавшихъ, поднялъ голову, взглянулъ на всѣхъ свѣтлымъ взглядомъ, поблагодарилъ и изъявилъ свою твердую надежду, что будетъ побѣда, двойная побѣда—и надъ непріятелемъ, и надъ коварствомъ.

Главная цѣль была достигнута: нравственная связь между войсками и предводителемъ скрѣплена и удостовѣрена на жизнь и смерть. Начались совѣщанія о планѣ послѣдующихъ дѣйствій. Великій князь говорилъ противъ движенія къ Швицу, находя, что оно отдалило бы Русскихъ отъ соединенія съ союзными войсками, путь же на Гларисъ приближаетъ и къ Линкену, и къ кое-какимъ средствамъ продовольствія. Совѣтъ согласился съ великимъ княземъ, постановивъ выступить на Гларисъ и продолжать маршъ на Саргансъ и дальше, по указанію обстоятельствъ, для соединенія съ войсками Корсакова и Готце; постановлено было также собрать о случившемся съ ними вѣрнѣйшія свѣдѣнія. Относительно провіянта совѣтъ рѣшилъ довольствоваться по необходимости существующимъ его запасомъ, выдавая людямъ половинные раціоны и дополняя недостающее сы-

ромъ и мясомъ, чтобы продовольствія достало на 10 дней. Какимъ образомъ совѣтъ опредѣлилъ наличный запасъ провіанта 5-дневной пропорціей, остается неизвѣстнымъ, потому что вьюки еще не прибыли, да и много изъ нихъ погибло; въ постановленіи о мясѣ и сырѣ тоже было много условнаго, такъ какъ военныя дѣйствія происходили въ очень разоренной странѣ. Хоть и доставались войскамъ кое-какіе случайные запасы по пути отъ Сенъ-Готара, но все это немедленно съѣдалось; въ деревнѣ Муттенъ великій князь приказалъ скупить на его счетъ все, что только тамъ было съѣстного, и раздать войскамъ, но и тутъ конечно могло быть собрано только ничтожное количество сравнительно съ потребностью. Слѣдовательно войскамъ предстояли усиленные боевые и походные труды, а продовольствіе уменьшалось,—нелогичность печальная, но неизбѣжная.

Тутъ же, въ военномъ совѣтѣ, Суворовъ продиктовалъ диспозицію. Въ авангардѣ назначено идти Ауфенбергу, выступивъ въ тотъ же день, 18 числа, а на другой день остальнымъ войскамъ, кромѣ корпуса Розенберга и дивизіи Ферстера, которые остаются въ аріергардѣ и должны удерживать непріятеля изъ Швица, пока всѣ вьюки перевалятъ чрезъ гору Брагель. Розенбергу приказано держаться упорно, отбивать непріятеля съ напряженіемъ всѣхъ силъ, но отнюдь не преслѣдовать его дальше Швица. Участвовавшіе въ военномъ совѣтѣ откланялись Суворову и разошлись, унося въ сердцѣ своемъ небывалое доселѣ впечатлѣніе и сохраняя слѣды его въ выраженіи лица; особенно гнѣвно и грозно смотрѣли Дерфельденъ и Багратіонъ.

Войска выступили, какъ назначено было диспозиціей. Ауфенбергъ сбилъ съ горы Брагель непріятельскіе посты, спустился въ Кленталь и остановился на ночлегѣ, не доходя озера. На утро Молиторъ атаковалъ Австрійцевъ, потѣснилъ ихъ и потомъ сдѣлалъ предложеніе — положить оружіе. Ауфенбергъ вступилъ было въ переговоры, испуганный ретирадой чрезъ Брагель и не надѣясь на скорую помощь Русскихъ, но какъ разъ во-время подоспѣлъ Багратіонъ. Переходъ чрезъ Брагель былъ легче, чѣмъ чрезъ Росштокъ, но подъемъ все-таки сильно утомилъ войска, и русская колонна очень растянулась. Только въ третьемъ часу послѣ

полудня Багратіонъ спустился въ Кленталь, болотистой мѣстностью, между перелѣсками, и направился по дорогѣ, огибавшей Кленское озеро съ сѣверной стороны. Два батальона наступали по дорогѣ, два лѣвѣе, одинъ полкъ держался еще лѣвѣе, карабкаясь по горамъ для обхода Французовъ, а самъ Багратіонъ взялъ вправо, дабы угрожать лѣвому флангу непріятеля. Ауфенбергъ, извѣщенный о приближеніи Багратіона, прервалъ переговоры и сталъ отступать; Молиторъ, твердо убѣжденный, что Массена не выпуститъ Суворова изъ Муттенталя, преслѣдовалъ Австрійцевъ горячо, считая ихъ своей вѣрной добычей. Внезапно появился на его лѣвомъ флангѣ Багратіонъ, скрытно пробравшійся болотистымъ лѣсомъ, и съ крикомъ *ура* бросился въ штыки. Велико было изумленіе Французовъ, совсѣмъ не ожидавшихъ новаго врага; встрѣченные штыковою атакой и съ фронта, и съ фланга, они подались назадъ и хотя пытались удержаться, отстрѣливаясь, но Багратіонъ не далъ имъ опомниться, возобновляя постоянно атаки.

Молиторъ отступалъ по узкой дорогѣ, усиливаясь подходившими отъ Гларіса подкрѣпленіями. Занята была сильная позиція у восточной оконечности озера, по гребню крутыхъ горъ, лѣвымъ флангомъ къ озеру; позиція эта, на разстояніи отъ берега до подошвы горъ, усиливалась каменною оградой церкви. Русскіе наступали по той же узкой дорогѣ, гдѣ могли проходить рядомъ только два человѣка; по временамъ движеніе затруднялось огромными камнями и сваленными деревьями. Шедшій въ головѣ австрійскій батальонъ, по выходѣ изъ тѣснины былъ встрѣченъ залпомъ и подался назадъ; протиснувшійся впередъ русскій батальонъ бросился въ атаку, но былъ тоже отбитъ. Багратіонъ возобновлялъ атаку нѣсколько разъ, но безуспѣшно; спереди осыпалъ атакующаго градъ пуль и картечи, съ праваго фланга производился живой огонь изъ-за каменьевъ противоположнаго берега. Спускалась ночь; войска, утомленныя 20-верстнымъ переходомъ по горнымъ высямъ, чрезъ снѣговой хребетъ, очень нуждались въ отдыхѣ. Багратіонъ отложилъ атаку до слѣдующаго дня; лишь перестрѣлка продолжалась, несмотря на ночную темноту. Ночью же подо-

шла и дивизія Швейковскаго, потерявъ на переходѣ много вьюковъ. Отдыхъ предстоялъ не завидный въ близкомъ сосѣдствѣ съ непріятелемъ: приказано стоять въ совершенной тишинѣ; огни дозволено развести только въ мѣстахъ, скрытыхъ отъ непріятеля горами. Ненастье продолжалось; крупныя капли дождя перемежались съ хлопьями снѣга; непроницаемый туманъ мѣшалъ разглядѣть что-либо въ десяти шагахъ. Войска провели ночь почти безъ сна; Суворовъ и великій князь ночевали въ овечьемъ хлѣву.

Неудача вечернихъ атакъ заставила князя Багратіона принять дополнительныя мѣры къ обезпеченію успѣха на утро. Пользуясь туманомъ и непроглядною темнотою, нѣсколько батальоновъ взобрались на утесы влѣво и расположились на полугорьѣ, въ двѣ линіи, очень близко отъ Французовъ, а подполковникъ графъ Цукато съ 2 батальонами, 4 австрійскими ротами и 2 сотнями спѣшенныхъ казаковъ пробрался еще дальше и занялъ почти отвѣсные утесы, командовавшіе правымъ непріятельскимъ флангомъ. Войска были голодны, многіе люди нѣсколько дней не видали сухарей; они были босы и почти голы, но всѣ съ нетерпѣніемъ ждали встрѣчи съ Французами [2]). Въ результатѣ боя лежала ихъ надежда на лучшее, на выходъ изъ настоящаго положенія; смерти не боялись, о ней и не думали. Появился въ отрядѣ Багратіона Суворовъ, измокшій, дрожавшій въ своемъ жиденькомъ плащѣ; онъ искалъ Багратіона и найдя его, сталъ говорить, что непремѣнно надо пробиться на слѣдующій день къ Гларису, что употребить на это нужно всѣ усилія. Багратіонъ успокоивалъ его, говоря, что въ Гларисѣ будемъ во что бы то ни стало и объяснилъ, какія сдѣланы распоряженія на утро. Суворовъ одобрилъ принятыя мѣры, похвалилъ твердую рѣшимость Багратіона и, провожаемый имъ, вернулся къ своему ночлегу.

Около полуночи Французы, услышавъ вѣроятно шумъ на своемъ правомъ флангѣ, послали туда патрули для осмотра горъ. Патрули наткнулись на русскій пикетъ, обмѣнялись съ нимъ нѣсколькими выстрѣлами и отступили. Обстоятельство это однако нѣсколько обезпокоило Молитора; не задолго до свѣта

онъ послалъ другой, болѣе сильный отрядъ, еще выше по горамъ, вѣроятно чтобы занять тутъ пунктъ и обезпечить флангъ; но отрядъ опоздалъ, гора уже была въ рукахъ Русскихъ. Тогда Французы разомъ открыли сильный ружейный огонь по всей линіи, несмотря на темноту. Это послужило какъ бы сигналомъ русскимъ войскамъ, занимавшимъ кручи; всѣ кинулись впередъ, на выстрѣлы, съ крикомъ *ура*. Много тутъ сорвалось людей и убилось; еще больше пострадали Французы отъ этой страшной, неистовой атаки на-угадъ, на огонь. Войска Дерфельдена, стоявшія внизу, на дорогѣ, тоже повели атаку фронтально и мигомъ выбили Французовъ изъ-за церковной стѣны. Атакованный съ фронта и фланга, угрожаемый съ тыла, Молиторъ перешелъ поспѣшно въ отступленіе и былъ преслѣдуемъ по узкой горной дорогѣ 6 верстъ, не мало потерявъ людей убитыми, ранеными и плѣнными. Затѣмъ онъ занялъ позицію у Нетсталя, чтобы обезпечить свое соединеніе съ войсками, находившимися у Гларіса, гдѣ и держался довольно долго, несмотря на настойчивыя атаки Багратіона. Выбитый наконецъ изъ Нетсталя съ потерею пушки, знамени и 300 плѣнныхъ, Молиторъ отступилъ къ Нефельсу, по обоимъ берегамъ р. Линты.

Здѣсь, впереди деревни, Французы заняли крѣпкую позицію, гдѣ опять долго и упорно отражали Багратіона. Однако какъ ни ослаблены были войска Багратіона предшествовавшими боями и тяжелымъ походомъ по горамъ, все же они числомъ превосходили отрядъ Молитора, а потому, при неослабѣвавшей энергіи и настойчивости, заняли деревни Нефельсъ и Молисъ, лежащія на разныхъ берегахъ Линты, и взяли у Французовъ знамя, двѣ пушки и до сотни плѣнныхъ. Молиторъ перешелъ было въ полное отступленіе, но скоро подошли къ нему на помощь давно ожидаемыя передовыя войска Газана. Французы получили теперь перевѣсъ въ силахъ, завладѣли снова Молисомъ, перешли мостъ, ударили во флангъ русскимъ войскамъ, занимавшимъ Нефельсъ, и выбили ихъ оттуда. Багратіонъ въ свою очередь атаковалъ Нефельсъ и прогналъ Французовъ, которые затѣмъ снова пошли въ атаку. Пять или шесть разъ

переходила деревня изъ рукъ въ руки и, когда послѣдній разъ была занята Русскими, Багратіонъ получилъ отъ Суворова приказаніе — отойти къ Нетсталю, гдѣ въ то время уже сосредоточились остальныя войска Дерфельдена. Былъ вечеръ, когда Багратіонъ выступилъ изъ Нефельса; замѣтивъ это, Газанъ двинулъ въ атаку всѣ свои силы и самъ повелъ гренадеръ въ штыки; однако на этотъ разъ Французы тоже были отбиты, а войска Багратіона совершенно спокойно отступили къ Нетсталю.

Пока половина русскихъ войскъ прокладывала себѣ такимъ образомъ выходъ изъ Муттенской долины, другая половина оставалась около Муттена, обезпечивая съ тыла движеніе первой. Главныя силы Розенберга стояли у деревни лагеремъ, авангардъ находился передъ францисканскимъ монастыремъ, передовые посты еще версты на полторы впереди. Всего было въ строю тысячи четыре, считая и спѣшенныхъ казаковъ; три полка аріергарда находились еще на пути чрезъ Росштокскій хребетъ, такъ какъ вьюки продолжали тянуться по горной тропѣ. Французы въ Швицѣ были сильнѣе вдвое и ждали новыхъ подкрѣпленій; Массена прибылъ изъ Альторфа 19 числа и самъ дѣлалъ всѣ распоряженія. Онъ однако не зналъ и не могъ знать, гдѣ именно находится маленькая русская армія: наканунѣ онъ могъ удостовѣриться лишь въ томъ, что Русскіе ушли изъ Альторфа въ Муттенталь. Массена положилъ безотлагательно произвести рекогносцировку и на добытыхъ свѣдѣніяхъ основать свой дальнѣйшій образъ дѣйствій.

Около 2 часовъ по полудни французскія колонны, въ предшествіи густой цѣпи застрѣльщиковъ, показались передъ русскими передовыми войсками. Авангардъ Розенберга нѣсколько разъ ходилъ въ штыки, но всякій разъ былъ отбиваемъ и потерялъ было одну пушку, однако овладѣлъ ею снова и еще захватилъ французскую гаубицу. Часа черезъ два появилось подкрѣпленіе изъ главныхъ силъ Розенберга и вмѣстѣ съ авангардомъ атаковало Французовъ, которые перешли въ отступленіе и, угрожаемые съ обоихъ фланговъ двумя спѣшенными казачьими полками, ретировались до самаго Швица съ довольно

ощутительнымъ урономъ. Цѣль усиленной рекогносцировки была достигнута, Массена могъ опредѣлить приблизительно силы Русскихъ, оставшихся у Муттена, и удостовѣрился, что Суворовъ съ большею частью своихъ войскъ ушелъ дальше. Русскіе же полагали, какъ это часто случается, что отразили настоящее нападеніе, и въ донесеніи Розенберга, а затѣмъ и Суворова, встрѣча съ Французами 19 числа приняла значеніе упорнаго дѣла и одержанной надъ сильнымъ непріятелемъ побѣды, что въ дѣйствительности произошло лишь на другой день [7]).

Къ ночи прибыли въ Муттенъ остальные вьюки, тянувшіеся изъ Шахенталя чрезъ Росштокскій хребетъ, а вслѣдъ за ними спустился съ перевала и аріергардъ. Такимъ образомъ силы Розенберга возросли приблизительно тысячъ до семи, но и Массена получилъ также подкрѣпленіе, такъ что въ Швицѣ сосредоточилось никакъ не меньше 10,000 человѣкъ. Ночь и утро прошли спокойно; новаго нападенія Русскіе совсѣмъ не ожидали, подъ вліяніемъ вчерашняго дѣла, принятаго за побѣду. А между тѣмъ готовился рѣшительный ударъ. Три французскія колонны съ артиллеріею и застрѣльщиками появились по обѣимъ сторонамъ рѣки и повели наступленіе бойко и рѣшительно; цѣпи застрѣльщиковъ протягивались за ихъ фланги, занимая скаты горъ. Передовые посты Русскихъ отступили, авангарду приказано было оттягивать назадъ, не завязывая серьезнаго дѣла; онъ это и исполнилъ, лишь по временамъ давая французской цѣпи острастку внезапными ударами, да изъ цѣпи русскихъ стрѣлковъ храбрецы осаживали штыками непріятельскихъ налетовъ. Тѣмъ временемъ Розенбергъ придвинулъ свои главныя силы на нѣсколько сотъ шаговъ впередъ и вытянулъ ихъ въ двѣ линіи поперегъ долины, а отступавшему авангарду отдалъ приказаніе, приблизясь къ первой линіи, раздаться вправо и влѣво и быстро отходить къ флангамъ. Маневръ былъ исполненъ вполнѣ хорошо, и колонны французскія внезапно очутились предъ грознымъ строемъ, занимавшимъ всю ширину долины. Артиллерія французская открыла огонь, пѣхота стала развертываться въ линіи, продолжая наступле-

ніе съ барабаннымъ боемъ и музыкой; русская первая линія, подпустивъ непріятеля на ружейный выстрѣлъ, дала залпъ и разомъ, съ крикомъ *ура*, бросилась въ атаку.

Французы были ошеломлены, стали пріостанавливаться, заминаться, открывать мѣстами бѣглый огонь; но русскіе батальоны приближались такъ стремительно и грозно, что и мгновенія нельзя было терять. Колебаніе продолжалось не долго: центръ непріятеля дрогнулъ и побѣжалъ, не выждавъ удара; фланговыя колонны, болѣе слабыя числомъ, послѣдовали его примѣру. Русскіе продолжали наступленіе яростно и дошли до такой степени возбужденія, что нѣкоторые батальоны второй линіи опережали первую, дабы добраться до непріятеля. Опрокинувшійся зарядный ящикъ загородилъ дорогу, по которой отступала французская артиллерія; въ большой суматохѣ не успѣли во время очистить ей путь, и 5 орудій достались Русскимъ. Очевидецъ говоритъ, что трудно себѣ представить какою паникою были объяты Французы; они потеряли всякое присутствіе духа и бѣжали безъ оглядки въ смертномъ ужасѣ [7]). Аріергардъ ихъ остановился было для отпора при устьѣ ущелья, въ очень крѣпкой позиціи, усиленной заранѣе укрѣпленіями, но атакованный съ фронта и обойденный съ фланга, не выстоялъ, бѣжалъ. На мосту чрезъ р. Муотту, гдѣ столпились бѣжавшіе, аріергардъ снова пытался остановить бурное преслѣдованіе, но опять безъ всякаго успѣха, и поплатился тутъ еще двумя орудіями, которыя были тотчасъ обращены противъ бѣглецовъ и провожали ихъ толпы французскими ядрами. Трудность преслѣдованія заключалась для Русскихъ лишь въ томъ, чтобы догнать бѣгущихъ, на что не хватало силъ, до того поспѣшно и безпорядочно было бѣгство. Гдѣ удавалось настигнуть Французовъ, тамъ ихъ рубили и кололи почти безотпорно; плѣнные сдавались цѣлыми толпами. Пораженіе нанесено было такое полное, и Французы приведены въ такое разстройство, что начали устраиваться только позади Швица, а русскія войска прекратили преслѣдованіе лишь при выходѣ изъ ущелья, передовые же отряды дошли до самаго Швица и Брунена, занявъ послѣдній.

Такъ кончилось это знаменитое сраженіе, составляющее одинъ изъ самыхъ блестящихъ подвиговъ русскаго оружія. Корпусъ Розенберга сослужилъ 20 сентября большую службу и не только выполнилъ свою трудную задачу съ полнымъ успѣхомъ, но сдѣлалъ больше, чѣмъ разсчитывалъ самъ Суворовъ. Весь ходъ этого кровопролитнаго сраженія былъ таковъ, какъ будто происходилъ въ присутствіи и подъ руководствомъ Суворова; войска дрались съ одушевленіемъ, трудно поддающимся описанію. Ребиндеръ и Милорадовичъ были выступающими героями дня; незамѣтный, какъ бы исчезающій въ присутствіи другихъ Суворовскихъ сподвижниковъ Розенбергъ доказалъ свое право на мѣсто въ ихъ блестящей плеядѣ. Розенбергъ не пользовался такою любовью войскъ, какъ другіе, онъ былъ генералъ особой категоріи и школы, его не долюбливалъ и Суворовъ; но не все дурное, ему приписываемое, было справедливо. Кто не любимъ, тотъ и виноватъ. На другой день послѣ Нови, когда корпусъ Розенберга, преслѣдуя Французовъ, былъ внезапно остановленъ и остался въ бездѣйствіи, всѣ винили въ этомъ его, Розенберга, а между тѣмъ онъ получилъ на то положительное приказаніе отъ Суворова [2]). Сентября 19, во время усиленной рекогносцировки Французовъ, авангардъ Ребиндера не былъ въ скорости поддержанъ Розенбергомъ; стали говорить, что причиною тому личная непріязнь Розенберга къ Ребиндеру, тогда какъ гораздо легче было подобрать десятокъ другихъ болѣе простыхъ объясненій, тѣмъ паче, что Розенбергъ былъ тутъ главнымъ начальникомъ и нанося умышленный вредъ своему авангарду, онъ дѣлалъ бы зло самому себѣ. Въ настоящемъ случаѣ, въ бою 20 сентября, Розенбергъ велъ себя безукоризненно: принялъ отличную диспозицію, ѣздилъ по фронту войскъ, ободрялъ солдатъ, приказывалъ не терять времени на пустую перестрѣлку, а драться по Суворовски, работая штыкомъ. Есть извѣстіе, будто Суворовъ не былъ доволенъ сраженіемъ въ Муттенталѣ и обошелъ Розенберга въ представленіи къ наградамъ, но это свѣдѣніе страдаетъ нелогичностью и натяжкой, а потому не заслуживаетъ вѣры. Гораздо достовѣрнѣе другое, утверждающее, что 20 сентября прими-

рило Суворова съ Розенбергомъ и исправило ихъ взаимныя отношенія [8]).

Сраженіе 20 сентября не оцѣнено по своему достоинству до сихъ поръ иностранными писателями, а Французы говорятъ о немъ не иначе, какъ подъ сурдинкой. Они понесли тутъ огромныя потери, точный итогъ которыхъ трудно опредѣлить по разнорѣчивости свѣдѣній, но его надо искать между предѣлами 3—4000 человѣкъ. Однихъ плѣнныхъ взято больше 1000, въ томъ числѣ генералъ и 15 офицеровъ. Потеря Русскихъ нигдѣ не показана; изъ хода дѣла видно, что она должна быть несравненно ниже французской. Поселяне и казаки всю ночь и слѣдующее утро подбирали раненыхъ, сносили ихъ въ большой каменный домъ въ Муттенѣ и рыли могилы для убитыхъ. Взятыя у непріятеля пушки были заклепаны и зарыты въ землю. У убитыхъ Французовъ оказалось не мало съѣстного: водка и вино въ маленькихъ плоскихъ склянницахъ, сыръ, хлѣбъ, сухари и т. п.; у рѣдкаго изъ нихъ не было денегъ или цѣнныхъ вещей; все это конечно было обобрано Русскими. Кромѣ того, не вдалекѣ отъ Швица, въ лѣсу, казаки нашли нѣсколько мѣшковъ съ сорочинскимъ пшеномъ, сыромъ, колбасами и другими припасами, — вѣроятно маркитанскіе запасы, брошенные при поспѣшномъ бѣгствѣ. Авангардъ, получившій такимъ образомъ добычу, разговѣлся въ этотъ вечеръ горячимъ, наваривъ въ водоносныхъ фляжкахъ похлебку изъ разныхъ разностей [9]).

Ночь прошла спокойно, непріятель смирно стоялъ въ своей позиціи за Швицемъ, не трогаясь съ мѣста; казачьи разъѣзды невозбранно сновали подъ городомъ. Русскіе отдохнули и повеселѣли. Въ эту же ночь, или подъ утро, Розенбергъ получилъ отъ Суворова приказаніе — начать движеніе для присоединенія къ главнымъ силамъ. Трудна была эта задача, въ виду многочисленнаго непріятеля съ тыла и горы Брагель впереди; но нравственное вліяніе побѣды сгладило неравенство положенія Русскихъ съ Французами. Розенбергъ прибѣгнулъ еще къ хитрости: онъ послалъ въ Швицъ приказаніе — заготовить хлѣба, мяса и вина на 12,000 Русскихъ, которые должны вступить

въ городъ, что конечно тотчасъ же сдѣлалось извѣстнымъ Французамъ. Цѣлый день они прождали нападенія Русскихъ; только къ вечеру напало на Массену сомнѣніе, и онъ рѣшился сдѣлать рекогносцировку. Но Розенбергъ выступилъ еще съ утра, и хотя Французы погнались за нимъ по Муттенталю, до горы Брагель, однако не могли настичь даже аріергарда. Побитый и обманутый Массена оставилъ въ Муттенталѣ нѣсколько батальоновъ, а прочія свои войска повелъ кружнымъ путемъ, чрезъ Эйнзидельнъ, на соединеніе съ Молиторомъ. Впослѣдствіи, въ 1807 году, бесѣдуя съ однимъ русскимъ генераломъ, Массена вспомнилъ Суворова, хвалилъ его военныя дарованія и сказалъ, что никогда не проститъ ему одного выиграннаго имъ въ Швейцаріи перехода [2]).

Въ Муттенѣ Французы нашли цѣлый госпиталь. Не имѣя возможности везти за собою тяжело-раненыхъ, Суворовъ велѣлъ оставить ихъ здѣсь съ лекаремъ, нѣсколькими фельдшерами и офицеромъ, знавшимъ французскій языкъ. Офицеръ былъ снабженъ письмомъ къ начальнику первыхъ французскихъ войскъ, которыя вступятъ въ Муттенталь; великодушію ихъ поручались русскіе раненые. Такихъ раненыхъ послѣ Розенберга осталось — до 600 человѣкъ Русскихъ и больше 1,000 Французовъ. Офицеръ, штабсъ-капитанъ Селявинъ, возвратился въ Россію въ слѣдующемъ году, съ засвидѣтельствованнымъ Французскимъ правительствомъ документомъ о прекрасномъ исполненіи возложеннаго на него Суворовымъ порученія [2]).

Тѣмъ временемъ корпусъ Розенберга шелъ форсированнымъ маршемъ, почему и успѣлъ подняться на гору Брагель до французской погони. Переходъ чрезъ Брагель былъ Розенбергу затруднительнѣе, чѣмъ Суворову, потому что выпалъ свѣжій снѣгъ и продолжалъ идти въ перемежку съ мелкимъ дождемъ, при сильномъ, холодномъ вѣтрѣ. Вьюки растянулись, ночи приходилось проводить почти безъ огней, на мокрой землѣ. Всюду видѣлись еще свѣжіе слѣды недавнихъ побоищъ, но тѣла русскихъ убитыхъ были похоронены. Наконецъ 23 числа войска прибыли къ Гларису и здѣсь имѣли утѣшеніе

нѣсколько подкрѣпить свои силы. Достался ли Русскимъ французскій продовольственный магазинъ, или былъ сдѣланъ сборъ припасовъ съ городскихъ жителей, но только каждый солдатъ получилъ по немногу пшеничныхъ сухарей и по фунту сыра [2]).

Въ ужасномъ видѣ находился наличный остатокъ Суворовской арміи: люди были оборваны, босы, истощены походомъ и голодомъ, патроновъ почти не оставалось, такъ же какъ и артиллеріи, вьючнаго обоза не было и половины. Не только офицеры, но даже генералы не выдѣлялись изъ общаго фона картины; Ребиндеръ обходилъ войска въ сапогахъ безъ подошвъ. Казалось, что чаша горя и бѣдствій дошла до краевъ, что человѣческая выносливость и терпѣніе достигли послѣдняго своего предѣла; но это только казалось, а на самомъ дѣлѣ худшее ожидало впереди.

Въ Гларисѣ пропала послѣдняя надежда Суворова на помощь и содѣйствіе Австрійцевъ: Линкенъ давно покинулъ долину Линты и безъ всякой необходимости отступилъ въ Граубинденъ. Раздраженіе противу Австрійцевъ достигло высшей степени; не можетъ быть сомнѣнія, что его вполнѣ раздѣлялъ и Суворовъ. Австрійцы поставили его въ положеніе, доселѣ имъ не испытанное, несмотря на долгую военную карьеру; они привели его къ краю пропасти, гдѣ его слава непобѣдимости могла исчезнуть какъ миражъ. Пробиваясь чрезъ Муттенталь и Кленталь, онъ имѣлъ въ виду продолжать наступленіе къ Везену, чтобы открыть себѣ путь на Саргансъ, соединиться съ Елачичемъ, потомъ съ Петрашемъ, временно-замѣнившимъ Готце, и наконецъ съ Корсаковымъ. Но жалкія распоряженія Австрійцевъ, начиная съ выступленія эрцъ-герцога Карла изъ Швейцаріи, до того осязательно доказывали ненадежность союзниковъ, что рискъ, которому подвергались русскія войска преслѣдуя такой планъ, вовсе не соотвѣтствовалъ выигрышу. Надо было думать уже не о томъ, чтобы поправить положеніе дѣлъ коалиціи въ Швейцаріи, а заботиться только о себѣ, т.-е. объ однихъ русскихъ войскахъ; требовалось имѣть въ виду одинъ *свой* интересъ и пренебречь союзнымъ интересомъ, который неотразимою силою фактовъ

сдѣлался теперь *чужимъ*. Иначе говоря, Суворову предстояло принять рѣшеніе о спасеніи военной чести и славы Россіи, какъ можно меньше рискуя и помышляя лишь о томъ, чтобы сохранить остатокъ арміи отъ пораженія и истребленія.

Такое движеніе было въ сущности отступленіемъ, и если Суворовъ на него рѣшился, то значитъ имѣлъ важныя причины. Какъ ни капитальны вышеприведенныя его соображенія, но едва ли они одни руководили имъ. Онъ самъ говорилъ, что идти на Саргансъ было бы «благороднѣе», т.-е. больше соотвѣтствовало его принципамъ; ради одного этого обстоятельства онъ могъ принять такое рѣшеніе, даже выкидывая изъ своего разсчета интересы союзниковъ. Но противъ подобнаго смѣлаго плана возвышало свой голосъ ужасное состояніе его арміи и, въ особенности, недостатокъ артиллеріи и патроновъ, бывшихъ на послѣднемъ исходѣ. Въ его перепискѣ мы находимъ два письма, Ростопчину и эрцъ-герцогу Карлу, гдѣ онъ говоритъ, что отсутствіе патроновъ заставило его уклониться отъ новыхъ сраженій и повернуть на Паниксъ. И точно, держаться прежняго плана, не имѣя средствъ къ огнестрѣльному дѣйствію, было бы безуміемъ. Суворовъ нашелъ въ себѣ силу, чтобы подавить свои личные взгляды и поступить объективно [10]).

По всему выходитъ, что такая резолюція была имъ принята тотчасъ по прибытіи въ Гларисъ, потому что онъ не поддержалъ малочисленный авангардъ Багратіона въ Нефельсѣ, велѣлъ ему прекратить атаки и въ слѣдующіе дни не возобновлялъ нападенія. Прошло, правда, три дня въ бездѣйствіи, но это потому, что требовалось выждать Розенберга. Нѣкоторые писатели сильно порицаютъ Суворова за принятое имъ рѣшеніе, говоря, что Елачичъ и Петрашъ не замедлили бы оказать ему свое содѣйствіе, при его движеніи чрезъ Нефельсъ къ Саргансу. Это обвиненіе, идущее изъ австрійскаго источника, едва-ли чего-нибудь стоитъ, послѣ только-что приведенныхъ соображеній, подкрѣпляемыхъ всѣмъ ходомъ кампаніи. Имъ, этимъ критикамъ, кажется въ порядкѣ вещей все, сдѣланное Петрашемъ, Елачичемъ и Линкеномъ; они не считаютъ нуж-

пымъ объяснять отсутствіе въ этихъ генералахъ всякой инициативы для выручки главнокомандующаго изъ бѣдственнаго его положенія, а признаютъ болѣе логичнымъ упрекать его самого въ непринятіи рѣшенія, которое походило бы на va-banque азартнаго игрока, знающаго, что онъ окруженъ шулерами. Приводятъ въ доказательство, что принятое Суворовымъ рѣшеніе — отступить чрезъ хребетъ Паниксеръ — стоило ему бо́льшей потери, чѣмъ могла обойтись попытка къ прорыву чрезъ Нефельсъ и Молисъ къ Саргансу. Но этотъ выводъ, во первыхъ, совершенно гадателенъ и голословенъ, а во вторыхъ — не вѣренъ. Никакъ нельзя опредѣлить иначе, какъ громадной цифрой, потерю русской арміи въ отчаянномъ наступленіи безъ провіянта, безъ патроновъ и артиллеріи. Затѣмъ, помимо естественнаго желанія Суворова — устраниться отъ всякихъ военныхъ дѣйствій въ виду злокачественности союзниковъ,—выборъ пути чрезъ Паниксеръ былъ вовсе не такимъ опаснымъ рѣшеніемъ, какимъ оказался по послѣдствіямъ. Тропинка была очень не хороша, но гораздо лучше пути чрезъ Росштокскій хребетъ; ее недавно проходилъ Линкенъ-дважды, она была обыкновеннымъ сообщеніемъ между Гларисомъ и долиною верхняго Рейна. Если движеніе по ней сдѣлалось для Русскихъ гораздо болѣе гибельнымъ, чѣмъ предполагалось, то единственною тому причиной было обстоятельство непредвидѣнное и новое: въ горахъ внезапно выпалъ большой снѣгъ [7]).

Суворовъ собралъ военный совѣтъ, такъ какъ положеніе дѣлъ было очень серьезное, а онъ въ подобныхъ случаяхъ дѣлился съ подчиненными своею рѣшимостью. Обстоятельныхъ свѣдѣній объ этомъ совѣтѣ нѣтъ; не знаемъ даже, кто именно были приглашены; но есть извѣстіе, что великій князь возсталъ противъ предлагаемаго Суворову австрійскимъ генеральнымъ штабомъ движенія на Молисъ, Везенъ и Саргансъ и что мнѣніе это было совѣтомъ принято. Послѣдовало рѣшеніе — взять путь кружный, но безопасный — по Зернфталю, чрезъ Энги, Эльмъ, гору Рингенкопфъ (Паникъ) на Иланцъ, а потомъ на Куръ и Майенфельдъ къ Фельдкирху, откуда уже легко было соединиться съ Корсаковымъ, забравъ по дорогѣ

обозы и полевую артиллерію, отправленные изъ Италіи чрезъ Граубинденъ и Тироль. Суворовъ принялъ это рѣшеніе, какъ совпадавшее съ его собственнымъ взглядомъ, и послалъ приказъ Линкену — заготовить въ Курѣ къ 25 числу провіянтъ для русскаго корпуса на два дня. Тяжело-раненые оставлялись въ Гларисѣ, въ на-скоро устроенномъ госпиталѣ; поручивъ ихъ попеченію жителей, Суворовъ оставилъ также письмо къ начальнику перваго французскаго отряда, который вступитъ въ Гларисъ, прося его о человѣколюбивомъ обхожденіи съ Русскими и обѣщая со своей стороны тоже самое относительно плѣнныхъ Французовъ.

Нѣкоторые австрійскіе историки истолковываютъ по своему принятое Суворовымъ рѣшеніе, указывая какъ на его причину, на существовавшее несогласіе между русскими генералами и на уныніе, обуявшее ихъ въ высшей степени. Противъ такого обвиненія говоритъ все. Уныніе, не отражающееся въ дѣйствіяхъ, не есть уныніе, а его мы не находимъ въ фактахъ, начиная съ перваго дня вступленія Русскихъ въ Швейцарію. Весь походъ есть напротивъ живое, полнѣйшее отрицаніе упадка духа. Внезапное появленіе унынія въ Гларисѣ представляется также не логичнымъ: вступленіе Русскихъ въ Гларисъ было побѣдное и тутъ не произошло ничего такого, что не было бы предвидимымъ послѣдствіемъ предшествовавшаго. Въ той же мѣрѣ заслуживаетъ вѣры свидѣтельство о внутреннихъ несогласіяхъ въ русской арміи. Если подъ этимъ разумѣть несходство мнѣній, которое быть можетъ обнаружилось на военномъ совѣтѣ, то въ этомъ явленіи нѣтъ ничего ненормальнаго, а если что иное, то что же именно? Прослѣдивъ все военное поприще Суворова, можно ли допустить въ его войскахъ что-нибудь въ родѣ внутренняго разложенія? Дѣло представится яснѣе и проще, если взять въ разсчетъ, что мнѣніе австрійскаго генеральнаго штаба было отвергнуто; что однимъ изъ мотивовъ такого рѣшенія было недовѣріе къ союзникамъ; что въ Гларисѣ негодованіе Русскихъ на Австрійцевъ должно было подняться еще на нѣсколько градусовъ, и едва ли кто, начиная съ великаго князя, стѣснялся его выказывать.

Если уже пускаться въ изслѣдованіе причинъ, побудившихъ Русскихъ отступать на Иланцъ и Куръ, то найдемъ не унынie, а негодованіе, не внутреннее разложеніе, а недовѣріе къ союзникамъ, которыхъ всѣ называли предателями. Такое заключеніе по крайней мѣрѣ прямо вытекаетъ изъ всего предшествовавшаго, а не является внезапно, изолированнымъ фактомъ, для котораго надо искуственно подбирать основу. Слишкомъ неблагодарное дѣло — отыскивать въ Суворовскихъ войскахъ то, что прямо противорѣчитъ побѣднымъ началамъ ихъ духовной организаціи, и по справедливому замѣчанію одного участника этой войны, щедрость Австрійцевъ на подобныя обвиненія вовсе не пристала къ нимъ, особенно предъ судомъ ихъ собственной военной исторіи [7]). Кстати будетъ привести слова и другого писателя (не русскаго): «въ эту кампанію Австрійцы, не будучи биты, до того зазнались, что стали оспаривать у Русскихъ всякое мужество, о чемъ и говорили по всей Германіи; при всякой неудачѣ, понесенной Русскими, они не могли скрыть своей радости, а по окончаніи Швейцарской кампаніи хвастались, что благодаря только ихъ содѣйствію, Суворову удалось оттуда выбраться безъ бо́льшихъ бѣдъ» [4]). Если въ этомъ свидѣтельствѣ посторонняго лица и допущено, быть можетъ, нѣкоторое преувеличеніе, то основа такихъ австрійскихъ отзывовъ все-таки остается однородною съ вышеприведенными обвиненіями Суворовской арміи въ унынiи и внутреннихъ раздорахъ. Тамъ и тутъ дѣйствуетъ одна и та же тенденція, а потому и отвѣтъ въ обоихъ случаяхъ будетъ одинаковый, который изложенъ выше.

Войска тронулись въ путь ночью съ 23 на 24 сентября. Милорадовичъ шелъ въ авангардѣ, за нимъ вьюки, потомъ остальныя войска Розенберга и наконецъ Дерфельденъ; въ аріергардѣ находился Багратіонъ. Ауфенберга уже не было, онъ двинулся двумя днями раньше. Утромъ, узнавъ объ отступленіи Русскихъ, Французы немедленно пустились вслѣдъ за ними. Когда вьючный обозъ еще втягивался въ тѣснину, Французы повели атаку, сильно потрепали казаковъ и опрокинули ихъ на пѣхоту. Багратіонъ остановился впереди Швап-

дена и выстроилъ боевую линію, прикрывъ оба фланга, такъ какъ правому грозила французская обходная колонна, отряженная заблаговременно. Артиллерія непріятельская открыла огонь; у Русскихъ пушекъ не было, и они встрѣтили Французовъ ружейною пальбой, а потомъ все время дѣйствовали штыками. Нѣсколько часовъ продолжался неравный бой; 5,000-ный непріятельскій корпусъ сильно ломилъ, учащая атаки; аріергардъ русскій, не имѣвшій въ рядахъ и 2,000 человѣкъ, отбивалъ натиски натисками. По требованію Багратіона, прибылъ изъ хвоста колонны одинъ полкъ, аріергардъ перешелъ въ наступленіе, отбросилъ Французовъ, пользуясь ихъ замѣшательствомъ отошелъ за Шванденъ и занялъ новую позицію. Въ это время и Французы получили подмогу: какъ разъ въ нужную пору подошли головныя части отряда, посланнаго Массеной изъ Шахенталя чрезъ Клаузенпасъ въ помощь Молитору. Но и это не помогло; Русскіе, по сознанію самихъ Французовъ, дрались какъ отчаянные, всѣ усилія непріятеля разбивались объ ихъ энергію, а необходимость приберегать послѣдніе патроны—только увеличивала ихъ стойкость и упорство. Не зная отступленій, воспитанные и обученные только нападать, идти впередъ, бить,—Суворовскіе батальоны не ограничивались сдерживаніемъ Французовъ, переходили въ атаку, дерзко бросались въ штыки и не только останавливали сильнаго непріятеля, но заставляли его осаживать назадъ. Тутъ сказалась фактическая повѣрка того будто бы уныніе, которое открыли въ русскихъ войскахъ ихъ союзники.

Продержавшись такимъ образомъ на трехъ позиціяхъ, Багратіонъ отошелъ къ вечеру на четвертую, за дер. Маттъ. Здѣсь непріятель прекратилъ преслѣдованіе, но всю ночь тревожилъ Русскихъ, такъ что въ батальонахъ часть людей оставалась постоянно подъ ружьемъ. Послѣ полуночи 25 числа, войска снова тронулись въ путь, который, благодаря глубокому выпавшему снѣгу, оказался труднѣе всѣхъ прежнихъ. По крутому подъему на высокій снѣговой хребетъ извивалась тропинка, допускавшая движеніе только въ одиночку; она шла большею частью по косогору, иногда по краю отвѣсныхъ обрывовъ, безпрестанно то

спускаясь въ глубокія пропасти, гдѣ приходилось переходить чрезъ горные быстротоки, то опять подымаясь на вершины. Ночь на 25 число была темная и ненастная; за недостаткомъ горючаго матеріала, люди не разводили бивачныхъ огней и тронулись въ путь мокрые, продрогшіе; днемъ ненастье продолжалось, валилъ густыми хлопьями снѣгъ пополамъ съ дождемъ, и дорога все больше и больше портилась. Сначала люди вязли въ грязи, потомъ въ глубокомъ и рыхломъ снѣгу; жалкая обувь у кого и была, окончательно теперь пропадала, ибо размокшіе и изорванные сапоги, слѣзая съ ногъ, оставались глубоко въ снѣгу. Чѣмъ выше подымались, тѣмъ труднѣе становился путь; наконецъ снѣгъ совсѣмъ занесъ и скрылъ тропинку. Тучи въ видѣ непроницаемаго тумана обволакивали двигающуюся вереницу людей; войска карабкались на обумъ, ничего не видя передъ собою, и сами отъискивали дорогу, такъ какъ, въ довершеніе несчастія, проводники разбѣжались или попрятались. Огромные каменья съ грохотомъ катились въ бездны, вѣтеръ завывалъ, вздымая вьюгу и заметалъ послѣдніе признаки пути. Кто ѣхалъ верхомъ, тому приходилось слѣзать, но не иначе, какъ спустившись задомъ, черезъ крупъ, и затѣмъ идти за лошадью, держась за ея хвостъ; люди подымались въ гору чуть не на четверенькахъ, спускались внизъ сидя. Къ ночи большая часть войскъ едва успѣла добраться до вершины хребта; всякій остановился тамъ, гдѣ застигла его ночная тьма. Ночь не принесла ничего хорошаго: вѣтеръ на вершинѣ былъ еще чувствительнѣе и вдобавокъ завернулъ морозъ. Каждый ютился какъ могъ, отъискивая себѣ убѣжище отъ вѣтра и стужи; не было ничего для разведенія огня. Безконечною казалась эта ужасная ночь, а для многихъ она была и послѣднею: къ утру нѣсколько человѣкъ замерзло и довольно многіе отморозили члены [11]).

Спускъ съ Рингенкопфа, вслѣдствіе морозной ночи, сдѣлался еще труднѣе подъема. Сильный вѣтеръ сдулъ въ лощины весь снѣгъ и оставилъ на скалахъ только тонкій слой льда, сгладившій всѣ мелкія неровности и углубленія, гдѣ нога могла бы утвердиться и удержаться. Поэтому переходъ 26 сентября былъ еще бѣдственнѣе вчерашняго, особенно для вьючнаго скота [7]).

Къ полудню войска собрались у дер. Панибсъ, къ вечеру дошли до города Иланца, гдѣ удалось добыть немного дровъ и хоть сколько нибудь обогрѣться, а на слѣдующій день пришли въ Куръ. Движеніе тутъ уже не представляло и подобія прежнихъ бѣдствій; кромѣ того войска знали, что въ Курѣ запасено для нихъ продовольствіе, и надежда на скорый конецъ безвременья подкрѣпляла ихъ силы. Дѣйствительно, въ Курѣ были выданы войскамъ дрова, отпущенъ печеный хлѣбъ, мясная и винная порціи,—и люди ощутили такую степень благосостоянія, съ которою давно уже не были знакомы. Въ истинно-ужасномъ видѣ прибыли войска въ Куръ, но въ тотъ же самый день уже нельзя было узнать на лицахъ людей, что они прошли черезъ цѣлую цѣпь нечеловѣческихъ испытаній. Солдаты принялись исправлять амуницію, чинить обувь себѣ и офицерамъ; въ лагерѣ происходило давно не бывалое движеніе, раздавался говоръ, сыпались веселыя шутки, слышались даже пѣсни: вся горечь недавняго прошлаго была совершенно забыта. Какъ бы обновленная пришла маленькая Суворовская армія въ Фельдкирхъ 1 октября и здѣсь расположилась лагеремъ.

Если офицерамъ и даже генераламъ достались на долю въ этомъ походѣ тѣже самые труды и лишенія, какъ и солдатамъ, то немногимъ лучше было Суворову и великому князю. По донесенію Фукса генералъ-прокурору, 4 дня не было хлѣба и приходилось спать въ болотѣ; по его же удостовѣренію, при выходѣ изъ альпійскихъ ущелій, встрѣчены были два быка, вмигъ убиты и распластаны, и каждый, добывъ кусокъ мяса, принялся жарить его на палочкѣ или шпагѣ, въ томъ числѣ и Суворовъ [12]). Тутъ если что и прибавлено, то не очень многое, потому что напр. Каменскій заплатилъ однажды червонецъ за 3-фунтовой хлѣбъ въ мѣстѣ обитаемомъ. Разумѣется Суворову не приходилось голодать буквально, а довольствоваться сухаремъ не было для него большимъ лишеніемъ, но атмосферныя невзгоды должны были отражаться на немъ чувствительнѣе, такъ какъ еще въ Италіи здоровье его замѣтно повихнулось. Но и въ этомъ отношеніи онъ старался не выдѣляться изъ общаго уровня и, будучи прикрытъ однимъ легкимъ плащемъ, переносилъ терпѣливо вьюгу,

стужу, вѣтеръ, дождь, ѣхалъ бодро на казачьей лошади или шелъ пѣшкомъ, показывался войскамъ на походѣ или привалѣ, заговаривалъ съ солдатами, шутилъ, острилъ. Онъ даже слишкомъ бравировалъ, стараясь примѣромъ своимъ доказать, что всѣ эти невзгоды ровно ничего не значатъ; по крайней мѣрѣ одинъ иностранецъ, встрѣтившій его при выходѣ изъ горъ, увѣряетъ, что онъ былъ одѣтъ въ холщевомъ кителѣ и ежедневно окачивался холодною водой [13]). Другой вопросъ—что происходило у него на сердцѣ, и какія душевныя муки ему приходилось выносить при видѣ ужасающей массы бѣдствій, обрушившихся на его армію. Но и въ этомъ отношеніи онъ, такъ сказать, притерпѣлся, по крайней мѣрѣ видѣвшіе его при переходѣ чрезъ Паниксеръ (Рингенкопфъ) не замѣчали на его лицѣ тревоги или озабоченности [2]). Бодрость поддерживалась въ немъ силою воли, и если бывали минуты, когда онъ сомнѣвался въ спасеніи своемъ и своей многострадальной арміи, то и тогда находилъ утѣшеніе въ томъ, что непріятелю не дастся, что смерть на мѣстѣ все покроетъ, и будетъ онъ жертвою чужого предательства, а не собственнаго малодушія [14]).

Требовалась дѣйствительно необоримая душевная сила, чтобы вынести въ концѣ своего 40-лѣтняго боевого поприща славную, но бѣдственную Швейцарскую кампанію, съ ея вѣнцомъ—переходомъ чрезъ Рингенкопфъ. Раненые, какъ мы видѣли раньше, были оставлены въ Гларисѣ, т. е. отданы въ руки непріятеля, какъ и въ Муттенталѣ. Слѣдовало по настоящему оставить и горную артиллерію, но Суворовъ взялъ ея остатки съ собой и потерялъ всю въ началѣ перехода, такъ какъ при спускѣ съ Рингенкопфа уже не было ни одного орудія [7]). Есть свидѣтельство, что онъ, видя невозможность ихъ перевезти, но не желая отдать въ руки непріятеля, велѣлъ свалить въ одну общую яму, засыпать землей и водрузить сверху небольшой деревянный крестъ, какъ надъ свѣжею людскою могилой. Много дней спустя эта хитрость была открыта окрестными жителями, пушки попали въ руки Французовъ и были включены въ число трофеевъ, отбитыхъ отъ Русскихъ [15]). Кромѣ всей артиллеріи, русская армія лишилась на этомъ перевалѣ больше 300 вьюковъ, оборвав-

шихся вмѣстѣ съ вьючными лошадьми въ пропасти. Число погибшихъ людей нигдѣ не опредѣляется; нѣтъ причинъ полагать, чтобы оно было очень значительно; въ этомъ смыслѣ говорится и въ перепискѣ Ростопчина. Довольно того, что на переходѣ этомъ люди много выстрадали; особенно много вынесли французскіе плѣнные, еще легче Русскихъ одѣтые [16]). Во всякомъ случаѣ потерю Русскихъ во время Швейцарской кампаніи нельзя опредѣлять иначе, какъ общимъ итогомъ, потому что весь походъ состоялъ изъ непрерывной цѣпи крупныхъ и мелкихъ дѣлъ, неудобо-отдѣляемыхъ одно отъ другого. Да и огульный счетъ можетъ быть подведенъ только подъ цифру не столько вѣрную, сколько вѣроятную, и мы, по соображеніи имѣющихся немногихъ данныхъ, не ошибемся въ свою пользу, если примемъ, что вся потеря съ С.-Готара до Кура, въ продолженіе 17 дней, была нѣсколько ниже одной трети наличнаго состава, который въ началѣ кампаніи простирался до 21,000 человѣкъ. Изъ этого числа наибольшая доля выпадаетъ на раненыхъ, оставшихся въ рукахъ Французовъ по невозможности транспортировки. Французы со своей стороны потеряли въ дѣйствіяхъ противъ Суворова нѣсколько меньше, можетъ быть до 5,000, въ томъ числѣ 1,400 плѣнныхъ, которыхъ Суворовъ вывелъ съ собою изъ Швейцаріи и сдалъ въ Курѣ Австрійцамъ.

Вся Европа слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ за разыгрывавшейся въ Швейцаріи кровавой драмой; газеты ловили новости на лету и сообщали съ театра войны сотни былей и небылицъ безъ всякаго разбора. Не трудно понять, до какого градуса возросло это вниманіе въ Россіи и въ какомъ безпокойствѣ находился Императоръ Павелъ, получая извѣстія о происходившемъ позже всѣхъ. И дѣйствительно, до Петербурга было такъ далеко, что и тревоги, и радости, и распоряженія — все это тамъ происходило заднимъ числомъ. Такъ напримѣръ, донесеніе Суворова о началѣ швейцарскаго похода могло придти въ Петербургъ лишь въ то время, когда кампанія была окончена; Ростопчинъ пишетъ Суворову о своемъ безпокойствѣ на счетъ будущности Корсакова тогда, когда уже 10 дней раньше Корсаковъ былъ разбитъ. Это обстоя-

тельство еще усиливало безпокойство Государя и его правительства, потому что увеличивало ихъ безсиліе — помочь чѣмъ нибудь полководцу, заброшенному на другой край материка. Переписка государственныхъ людей съ Суворовымъ и между собою показываетъ, что на него одного возлагалась вся надежда, но что эта надежда не спасала отъ «мучительной тревоги». Ростопчинъ пишетъ ему, что безпокойство Государя превосходитъ всякую мѣру: «и дорого бы я далъ, чтобы ему принесть извѣстіе не о побѣдѣ (ихъ довольно и слишкомъ было), но о соединеніи вашемъ съ Корсаковымъ». Въ другихъ его письмахъ къ разнымъ лицамъ читаемъ: «дѣла въ Швейцаріи худы, нѣтъ никакихъ вѣстей о Суворовѣ;... мы въ мучительной тревогѣ, отъ Суворова никакихъ извѣстій, а съ нимъ великій князь; газеты противорѣчатъ, то онъ побѣждаетъ, то разбитъ и уничтоженъ». Государь самъ пишетъ Суворову: «вы должны были спасать царей, теперь спасите русскихъ воиновъ и честь вашего Государя». «Главное — возвращеніе ваше въ Россію и сохраненіе ея границъ», говорится въ другомъ рескриптѣ, а о предписываемыхъ распоряженіяхъ приказывается не секретничать: «дабы отнять чрезъ сіе способъ у Вѣнскаго двора—воспользоваться присутствіемъ вашимъ съ войсками и доставить себѣ какія-либо выгоды въ мерзскихъ своихъ намѣреніяхъ». Отдаются высочайшія повелѣнія — «о цесарскихъ побѣдахъ не служить болѣе молебновъ; курьерамъ къ Суворову не заѣзжать въ Вѣну, коли нѣтъ туда писемъ; объявить Кобенцелю, что Государь не обязанъ дѣлать что угодно Тугуту; сообщить эрцъ-герцогу Іосифу, что Дидрихштейнъ можетъ представиться ко двору и оставаться на праздники, но послѣ нихъ онъ лучше сдѣлаетъ, если уѣдетъ въ Вѣну, ибо Императоръ не любитъ интригановъ» [17]).

Въ 20 числахъ октября въ Петербургѣ были наконецъ получены вѣрныя извѣстія о Швейцарской кампаніи и ея исходѣ. «Да спасетъ васъ Господь Богъ за спасеніе славы Государя и русскаго войска», писалъ Ростопчинъ Суворову: «что скажутъ злодѣи ваши и злодѣи геройства? Казненъ языкъ ихъ молчаніемъ... До единаго всѣ ваши награждены, унтеръ-

офицеры всѣ произведены въ офицеры... Дидрихштейнъ не видалъ Государя и такъ уѣхалъ... Принцъ Фердинандъ Вюртембергскій вздумалъ было худо о васъ говорить, оправдывая Вѣнскій дворъ, но съ нимъ съ тѣхъ поръ съ самимъ ничего не говорятъ... Въ Вѣнѣ ваше послѣднее чудесное дѣло удостоиваютъ названіемъ *une belle retraite*; еслибы они умѣли такъ ретироваться, то бы давно завоевали всю вселенную». Государь писалъ: «побѣждая всюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, не доставало вамъ одного рода славы — преодолѣть и самую природу; но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ». Тогда же Государь вызывалъ въ Петербургъ своего сына Константина Павловича съ тѣмъ, чтобы онъ ѣхалъ не чрезъ Вѣну, а Ростопчину повелѣно: «если дойдетъ до объясненія съ Вѣнскимъ кабинетомъ, то объявить, что доколѣ баронъ Тугутъ будетъ въ дѣлахъ, то связи никакой съ нимъ быть не можетъ [18]).

Послѣ тревожныхъ опасеній, волновавшихъ Императора Павла многіе дни и не дававшихъ ему покоя, полученная отъ Суворова реляція являлась цѣлительнымъ бальзамомъ. Въ основѣ характера Павла I лежалъ истинно-рыцарскій духъ, и спасеніе чести русскаго оружія въ обстоятельствахъ безнадежныхъ было въ его глазахъ величайшею національною заслугой. Поэтому онъ пожаловалъ 29 октября Суворову званіе генералисимуса, сказавъ при этомъ Ростопчину, что другому этой награды было бы много, а Суворову мало; почтилъ новаго генералисимуса самымъ благосклоннымъ рескриптомъ и кромѣ того повелѣлъ военной коллегіи вести съ нимъ переписку не указами, а сообщеніями. Спустя нѣсколько дней приказано проектировать статую генералисимуса; когда проектъ былъ представленъ, то Государь утвердилъ его и повелѣлъ приступить къ работѣ [19]). Великому князю былъ пожалованъ титулъ Цесаревича; всѣ представленные Суворовымъ получили щедрыя награды; однихъ знаковъ св. Анны 2 и 3 степени роздано до 200; нижнимъ чинамъ выдано по 2 рубля на человѣка.

Безусловные порицатели Суворова повѣствуютъ, что этотъ

«якобы непобѣдимый варваръ погубилъ половину своей арміи и ретировался со стыдомъ и яростью въ сердцѣ». Читатель, ознакомившійся теперь со всею жизнью Суворова и съ ходомъ послѣдней его кампаніи, можетъ самъ оцѣнить и «варварство» Суворова, и «стыдъ», которому подвергается генералъ за такія военныя дѣйствія, какъ швейцарскій походъ. Очевидно, въ подобныхъ отзывахъ говоритъ не критика, а національное фанфаронство и жгучее чувство глубоко-уязвленнаго самолюбія, которому было нанесено Суворовымъ въ 1799 году столько тяжелыхъ ранъ. Предпріятіе Суворова въ Швейцаріи было бѣдственно, и планъ его совершенно не удался, но самый размѣръ бѣдствія и полнота неудачи способны возбудить только гордость, утвердить сознаніе совершеннаго подвига и вполнѣ удовлетворить чувству военной чести, самому требовательному и щекотливому. Неудачная Швейцарская кампанія до того внушительна и грандіозна, что поражаетъ воображеніе. Въ Швейцаріи до послѣдняго времени не совсѣмъ еще вымерли преданія о Суворовѣ, и многіе суевѣрные Граубинденцы смѣшивали горнаго духа Рюцебаля съ Суворовымъ. Еще недавно жила тамъ легенда, а можетъ быть и теперь живетъ между склонными ко всему чудесному горцами, будто много лѣтъ послѣ смерти Суворова, не разъ видѣли его на высяхъ Сенъ-Готара, верхомъ на сѣрой лошади; что въ горныхъ тѣснинахъ и ущельяхъ верхней Рейсы неоднократно появлялась тѣнь сѣдого старика и огневыми глазами осматривала мѣста, обагренныя русскою кровью [20]). Но мало того, что Швейцарская кампанія Суворова есть богатый матеріалъ для легенды, она и по военно-историческому смыслу своему выходитъ изъ ряда смѣлыхъ военныхъ предпріятій. Эта 17-дневная эпопея не могла быть задумана или предначертана заранѣе; она сложилась въ силу обстоятельствъ, подъ направленіемъ Суворовскаго дарованія. Она есть вѣнецъ воинскаго поприща Суворова, крайнее выраженіе его военной теоріи; онъ тутъ сдѣлалъ все, на что только способна человѣческая воля. Если весь ходъ и особенно результатъ этого феноменальнаго предпріятія можетъ привести къ вопросу или замѣчанію критики, то никакъ не въ томъ смыслѣ, что Суворову

не удалось одолѣть Массену и выгнать Французовъ изъ Швейцаріи. Вопросъ складывается совсѣмъ иначе, именно—какимъ образомъ самъ Суворовъ выбрался съ театра войны, пожертвовавъ меньше, чѣмъ третьею долей своей арміи, тогда какъ вся она, вмѣстѣ со своимъ предводителемъ, должна была остаться въ рукахъ Французовъ, на что твердо надѣялся и Массена.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Разрывъ союза; 1799.

Переписка Суворова съ эрцъ-герцогомъ Карломъ; острый ея характеръ; раздражительность и колебанія Суворова; причины. — Соединеніе Корсакова и Конде съ Суворовымъ; различный ихъ пріемъ.—Ненависть Русскихъ къ Австрійцамъ.—Зимнія квартиры; конецъ боевого поприща Суворова.—Военная его характеристика: военный человѣкъ вообще, тактикъ, стратегикъ; его заграничная извѣстность; память о немъ въ Россіи и русскихъ войскахъ. — Голландская экспедиція англо-русскихъ войскъ; ея неудача; охлажденіе Павла I къ Англіи. — Остановка Суворова въ Прагѣ; переговоры и планы военныхъ дѣйствій. — Признаки перемѣны въ политикѣ Франціи; новые поводы къ неудовольствіямъ на Вѣнскій дворъ; окончательный разрывъ союза Россіи съ Австріей и затѣмъ съ Англіей.—Выступленіе русскихъ войскъ въ дальнѣйшій путь.

Пока Суворовъ пробивалъ себѣ путь въ Швейцаріи чрезъ непріятельскія войска, Римскій Корсаковъ успѣлъ усилиться корпусомъ принца Конде и нѣсколькими баварскими и швейцарскими батальонами. Прибылъ также къ границамъ Швейцаріи испуганный вѣстью о цюрихскомъ погромѣ эрцъ-герцогъ Карлъ со значительною частью своей арміи. Представлялась снова возможность—дать дѣламъ въ Швейцаріи другой оборотъ, двинувъ соединенныя силы на лѣвую сторону Рейна, пока большая часть непріятельскихъ войскъ находилась противъ Суворова. Но такъ какъ для австрійскихъ наслѣдственныхъ земель опасность миновала, то эрцъ-герцогъ Карлъ, помня строгія инструкціи Вѣнскаго кабинета, предпочелъ остаться въ бездѣйствіи. Корсаковъ рѣшился одинъ предпринять демонстрацію, ради отвлеченія

отъ Суворова хоть части непріятельскихъ силъ, что и исполнилъ, понеся однако значительную потерю и притомъ безъ существенной надобности, такъ какъ Суворовъ находился уже внѣ опасности.

То были послѣднія дѣйствія Русскихъ въ Швейцаріи, и въ первыхъ числахъ октября вся страна, за исключеніемъ Граубиндена, находилась снова въ рукахъ Французовъ. Правда, и въ это время силы союзниковъ все еще имѣли, въ общей сложности, значительный численный перевѣсъ надъ непріятельскими, но они находились подъ начальствомъ двухъ главнокомандующихъ, другъ отъ друга независимыхъ и ни въ чемъ между собою не сходныхъ. Да и все предшествовавшее положило между Русскими и Австрійцами такую грань, что они были союзниками только по названію, и всякая попытка къ дѣйствіямъ сообща должна была оказаться неисполнимой.

Доказательства не замедлили обнаружиться. Суворовъ, предпринявшій движеніе на Иланцъ и Куръ между прочимъ по недовѣрію къ союзникамъ и вслѣдствіе рѣшимости—устраниться отъ совмѣстныхъ съ ними дѣйствій, сталъ однако обдумывать новый планъ вторженія въ Швейцарію во время самаго перехода чрезъ Рингенкопфъ. Изъ Панкса онъ сообщилъ объ этомъ эрцъ-герцогу Карлу, а на пути изъ Кура въ Фельдкирхъ послалъ ему и планъ дѣйствій. Предположеніе Суворова состояло въ томъ, чтобы корпусамъ Дерфельдена, Розенберга и Петраша наступать изъ Фельдкирха чрезъ С. Галленъ къ Винтертуру; Римскому Корсакову, принцу Конде и части австрійскихъ войскъ вступить въ Швейцарію съ сѣверной стороны; затѣмъ, по соединеніи всѣхъ силъ на р. Турѣ, наступать къ Цюриху и отбросить непріятеля за Лиматъ. Планъ отличался практичностью, ибо войска Массены были въ то время очень разбросаны; но эрцъ-герцогъ его не одобрилъ и предложилъ нѣкоторыя измѣненія. А между тѣмъ, во время трехъ-дневнаго пребыванія въ Фельдкирхѣ, Суворовъ, измѣнилъ свои мысли, такъ какъ увидѣлъ до какой сильной степени войска его разстроены и получилъ кромѣ того извѣстіе о громадныхъ потеряхъ Корсакова подъ Цюрихомъ. По всей вѣроятности рѣшеніе это поддерживалось

и возвратившимися сомнѣніями на счетъ союзниковъ. Какъ бы то ни было, онъ двинулся 4 числа берегомъ Боденскаго озера на соединеніе съ Корсаковымъ, чтобы затѣмъ расположиться на винтеръ-квартирахъ для приведенія войскъ въ порядокъ.

Прибывъ на другой день въ Линдау, онъ получилъ отвѣтъ эрцъ-герцога съ замѣчаніями на предложенный планъ дѣйствій. Суворовъ нисколько не оскорбился замѣчаніями и 5 числа отвѣчалъ, что совершенно соглашаясь на планъ эрцъ-герцога, дѣлаетъ распоряженіе для немедленнаго его исполненія. Но сомнѣнія опять взяли верхъ, порывъ упорной воли миновалъ, уступивъ разсудку, и Суворовъ на другой же день написалъ эрцъ-герцогу, что занятъ теперь приведеніемъ въ устройство своихъ войскъ и считаетъ необходимымъ отложить военныя операціи на нѣкоторое время. Письмо это высказывало не всю правду; отправляя его, Суворовъ уже положилъ возвратиться къ рѣшенію, принятому еще въ Гларисѣ, т. е. вовсе отказаться отъ военныхъ дѣйствій, и съ этою цѣлью собралъ на другой день, 7 октября, военный совѣтъ.

На военномъ совѣтѣ Суворовъ объявилъ, что имѣетъ мало надежды на успѣхъ наступательной операціи, о которой завязаны переговоры съ эрцъ-герцогомъ Карломъ, и что на дѣйствительное содѣйствіе послѣдняго едва ли можно положиться, такъ какъ обѣщанія его неопредѣлительны и могутъ привести къ однимъ демонстраціямъ. Военный совѣтъ рѣшилъ единогласно, что отъ Австрійцевъ ничего кромѣ предательства ожидать нельзя, а потому отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій надлежитъ отказаться, сосредоточивъ всѣ заботы исключительно на устройствѣ войскъ. Суворовъ принялъ это рѣшеніе къ исполненію и донесъ обоимъ императорамъ, прося утвержденія. Въ перепискѣ его проскальзываетъ и еще одинъ мотивъ принятаго рѣшенія, о которомъ онъ не упоминаетъ офиціально: необходимость подчиненія ему, Суворову, арміи эрцъ-герцога Карла. Про это обстоятельство онъ проговаривается въ письмѣ къ Ростопчину, посланномъ одновременно съ донесеніемъ Императору Павлу, объясняя, что только при такомъ общемъ начальствованіи можетъ быть устранено вмѣшательство

Тугута и прибавляя, что «до особы эрцъ-герцога это не касается—тутъ онъ или нѣтъ» [1]). Такая же мысль проводится въ письмахъ Суворова и нѣсколько позже. Дѣйствовало ли тутъ честолюбіе Суворова, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ взглядъ его въ настоящемъ дѣлѣ былъ вѣренъ, и безъ подчиненія обѣихъ армій одному главнокомандующему, общій планъ дѣйствій представлялся не мыслимымъ.

Вслѣдъ затѣмъ подошли войска Корсакова и принца Конде, такъ что составилась одна соединенная подъ начальствомъ Суворова русская армія, силою въ 35,000 человѣкъ. Явились къ нему, въ Липдау, и Корсаковъ, и Конде; но пріемъ имъ былъ различный. Ведя войну съ Французами не только по долгу подданнаго, повинующагося Государю, но и по убѣжденію, потому что былъ горячимъ монархистомъ и убѣжденнымъ христіаниномъ, Суворовъ, сверхъ того, питалъ глубокое сочувствіе къ несчастію французской королевской фамиліи и личное уваженіе къ принцу Конде. Послѣдній въ свою очередь «считалъ за счастіе» служить подъ начальствомъ непобѣдимаго генералиссимуса, давно объ этомъ мечталъ и въ такомъ смыслѣ ему писалъ. По всему этому, пріемъ принцу Конде былъ оказанъ полный уваженія и почтенія; Суворовъ даже удержался отъ причудливыхъ выходокъ и рѣзкихъ странностей. Не такъ поступилъ онъ съ Римскимъ Корсаковымъ, служа отголоскомъ всей арміи. Надѣвъ полную форму и всѣ ордена, Суворовъ вышелъ въ пріемный залъ, гдѣ уже находились лица главной квартиры, и сталъ ходить по комнатѣ съ замѣтнымъ волненіемъ, то закрывая глаза, то охорашивался и приговаривая: «Александръ Михайловичъ человѣкъ придворный, учтивый, дѣлалъ Французамъ на караулъ, надо принять его съ почетомъ». Наконецъ пріѣхалъ Корсаковъ, со смущеніемъ вошелъ въ пріемную и направился къ Суворову со строевымъ рапортомъ въ рукѣ. Суворовъ отступилъ на шагъ, выпрямился и, глядя Корсакову прямо въ глаза, сказалъ: «Адда, Треббіа, Нови — родныя сестры, а Цюрихъ?» При этомъ онъ закинулъ голову назадъ и сдѣлалъ презрительную гримасу. Корсаковъ молча протянулъ къ нему рапортъ, но Суворовъ не удовольствуясь сказаннымъ,

схватилъ эспонтонъ, сталъ дѣлать имъ пріемы и язвительно спрашивалъ: «какъ вы дѣлали Массенѣ на караулъ,—такъ, или эдакъ?» Затѣмъ, попятившись къ дверямъ кабинета, онъ поманилъ за собою Корсакова и заперъ за нимъ дверь. Какой между ними происходилъ разговоръ, осталось неизвѣстнымъ; стоявшіе у самой двери не могли разслышать ни одного слова; но Корсаковъ вышелъ больше прежняго разстроенный, быстро прошелъ пріемную и уѣхалъ.

Между тѣмъ эрцъ-герцогъ Карлъ, получивъ отъ Суворова извѣщеніе объ отсрочкѣ наступательныхъ дѣйствій, пожелалъ разъяснить дѣло кратчайшимъ путемъ—личнымъ свиданіемъ. Суворовъ отклонилъ свиданіе подъ предлогомъ нездоровья. Эрцъ-герцогъ послалъ къ нему графа Колоредо, дабы убѣдить въ необходимости словесныхъ личныхъ объясненій, въ любомъ мѣстѣ, по назначенію Суворова; но Суворовъ снова отказался, прося сообщить письменно свои намѣренія. Онъ, человѣкъ дѣла, а не слова, избѣгалъ той арены, на которой былъ сравнительно слабъ. Еще въ первую Польскую войну просилъ онъ Бибикова избавить его отъ переговоровъ съ Австрійцами, объясняя, что «чортъ ли съ ними сговоритъ»; впослѣдствіи тоже уклонялся, когда могъ, отъ словопреній, считая самымъ приличнымъ «предоставить діалектику денщикамъ»; передъ Фокшанами, какъ и теперь, отказался отъ свиданія съ сотоварищемъ. Въ настоящемъ случаѣ предлагаемое эрцъ-герцогомъ свиданіе было для Суворова вдвойнѣ опасно, потому что упорная воля такъ и тянула его на продолженіе кампаніи, вопреки требованіямъ разума, и онъ уже не разъ ей поддавался. Суворовъ сознавалъ, что эрцъ-герцогъ Карлъ могъ безъ особеннаго труда склонить его на возобновленіе операцій, на перекоръ неблагопріятной дѣйствительности и зрѣлымъ соображеніямъ; слѣдовало значитъ отвратить эту опасность. «Юный эрцъ-герцогъ Карлъ хочетъ меня оволшебить своимъ демосфенствомъ», писалъ онъ Толстому: «вы съ нимъ на три шага, рѣшите съ нимъ и меня развѣ увѣдомьте, у меня же на его бештимтзагенъ отвѣтъ готовъ». Вотъ гдѣ заключается смыслъ поведенія Суворова въ настоящемъ случаѣ, а не въ оскорбленномъ мелочномъ самолюбіи,

какъ утверждаютъ многіе по внѣшнимъ признакамъ, безъ изслѣдованія сути дѣла. Да и хронологія переписки Суворова съ эрцъ-герцогомъ говоритъ противъ подобнаго скороспѣлаго заключенія.

Вслѣдъ затѣмъ, 8 октября, Суворовъ получилъ высочайшія повелѣнія (данныя между 7 и 18 сентября), съ выраженіемъ сильнаго неудовольствія на Вѣнскій дворъ и съ изложеніемъ мѣръ даже на случай разрыва и возвращенія войскъ въ Россію (о нихъ упоминалось раньше). Теперь слѣдовало уже отбинуть всякую мысль о продолженіи кампаніи и заботиться только о сохраненіи и устройствѣ войскъ. Между тѣмъ эрцъ-герцогъ продолжалъ переписку, и неудовольствіе его росло. Онъ говорилъ Суворову, что смѣнилъ войска Корсакова и Конде своими только для того, чтобы дать Русскимъ возможность перейти въ наступленіе; что имъ слѣдуетъ по меньшей мѣрѣ прикрыть Форарльбергъ; что онъ, эрцъ-герцогъ, будетъ протестовать противъ оставленія Русскими театра войны и отвѣтственность за послѣдствія возлагаетъ на Суворова; что онъ, наконецъ, «требуетъ» отмѣнить принятое рѣшеніе, и т. под. Суворовъ, раздраженный предложеніемъ—стеречь австрійскую границу, указалъ эрцъ-герцогу, что его преждевременное выступленіе изъ Швейцаріи было виною всѣхъ злоключеній русскихъ войскъ, что бѣдственное состояніе этихъ войскъ можетъ быть исправлено только отдыхомъ, хорошимъ довольствіемъ и полнымъ снабженіемъ, а потому они удаляются на зимнія квартиры въ Баварію. Эрцъ-герцогъ опровергалъ обвиненіе, будто онъ былъ причиной неудачи кампаніи; укорялъ Суворова въ томъ, что распредѣленіе русской арміи по квартирамъ въ Баваріи сдѣлано безъ соглашенія съ нимъ, эрцъ-герцогомъ; наконецъ просилъ замедлить хоть на 5 дней выступленіемъ, пока австрійскія войска успѣютъ произвести необходимыя передвиженія. На послѣднее Суворовъ согласился.

Въ перепискѣ этой, принявшей подъ-конецъ характеръ почти личный, обѣ стороны были не правы, но Суворовъ пошелъ дальше эрцъ-герцога Карла и дозволилъ себѣ выраженія и выходки, которыхъ можно было избѣжать. Въ одномъ письмѣ

онъ писалъ: «такой старый солдатъ, какъ я, можетъ быть проведенъ разъ, но было бы съ его стороны слишкомъ глупо поддаться вторично». Въ другомъ письмѣ, написанномъ наканунѣ выступленія изъ Линдау, говорилось: «наслѣдственныя владѣнія должны быть защищаемы завоеваніями безкорыстными; для этого нужно привлечь народную любовь справедливостью, а не покидать Нидерландовъ, не жертвовать двумя прекрасными арміями и Италіей. Вамъ говоритъ это старый солдатъ, который почти 60 лѣтъ несетъ лямку; который водилъ къ побѣдамъ войска Іосифа и Франца; который утвердилъ въ Галиціи владычество знаменитаго дома Австрійскаго; который не любитъ болтовни Демосфеновой, ни академиковъ, только путающихъ здравый смыслъ, ни сената Аннибалова. Я не знаю зависти, демонстрацій, контръ-маршей; вмѣсто этихъ ребячествъ—глазомѣръ, быстрота, натискъ, — вотъ мои руководители». Наконецъ, въ отвѣтъ на послѣднее письмо эрцъ-герцога, гдѣ движеніе русской арміи съ театра войны названо было «отступленіемъ», Суворовъ съ негодованіемъ писалъ, что онъ во всю свою жизнь не зналъ ни отступленій, ни обороны, а ведетъ теперь войска на отдыхъ. Къ этому онъ прибавилъ язвительное и не совсѣмъ вѣрное замѣчаніе, что въ началѣ кампаніи «оборонительное положеніе въ Тиролѣ стоило свыше 10,000 человѣкъ, т.-е. больше, чѣмъ завоеваніе Италіи».

Такая ненормальность отношеній двухъ главнокомандующихъ вытекала изъ хода предшествовавшей кампаніи и усиливалась новыми поводами. Петербургскія и вѣнскія письма, полученныя Суворовымъ въ Фельдкирхѣ и Линдау, трактовали о происках и замыслахъ Тугута и подбавили горечи и раздраженія къ существовавшимъ неудовольствіямъ. Къ темамъ политическимъ и военнымъ присоединился вопросъ личнаго самолюбія: до Суворова дошли слухи (оказавшіеся потомъ вымысломъ), будто Вѣнскій дворъ намѣренъ лишить его фельдмаршальскаго званія. Весьма вѣроятно также, что раздражительное состояніе Суворова увеличивалось необходимостью — отказаться отъ продолженія кампаніи, не загладивъ послѣднихъ неудачъ. По крайней мѣрѣ въ письмахъ своихъ къ эрцъ-герцогу, онъ не разъ

говоритъ о своихъ надеждахъ на продолженіе войны противъ Франціи и не считаетъ минувшую кампанію послѣднею. Въ свою очередь и эрцъ-герцогъ Карлъ, хотя втайнѣ сознававшій вину своего правительства и свою собственную по отношенію къ Русскимъ, имѣлъ причины къ неудовольствію противъ послѣднихъ, особенно противъ Суворова, такъ какъ они затрогивали національное самолюбіе Австрійцевъ. Мы уже говорили, что Русскіе не стѣснялись выраженіемъ своего негодованія къ союзникамъ, называя ихъ поведеніе измѣною, предательствомъ и проч.; все это конечно доходило до эрцъ-герцога и должно было его возмущать, а тѣмъ болѣе случаи, особенно рѣзкіе, каковы слѣдующіе.

Когда Суворовъ, спустившись съ Рингенкопфа, прибылъ въ Плацъ, ему здѣсь представился генералъ Линкенъ, который такъ малодушно бѣжалъ отъ Французовъ, бросивъ главнокомандующаго на произволъ судьбы. Суворовъ, желая выразить ему свое неудовольствіе, спросилъ насмѣшливо: «по скольку непріятелей солдаты ваши могутъ посадить на штыкъ?—мои насаживаютъ по шести». Линкенъ, задѣтый за живое, отвѣчалъ холодно, что его солдаты дѣлаютъ, что̀ въ силахъ, и дѣлаютъ не дурно. Суворовъ перемѣнилъ тонъ и обошелся съ Линкеномъ ласково. Если этотъ анекдотъ, какъ надо полагать, справедливъ, то Суворовъ сдѣлалъ совсѣмъ не то, что требовалось, ибо задѣлъ ни въ чемъ неповинныхъ австрійскихъ солдатъ, а самого генерала, во всемъ виноватаго, оставилъ въ сторонѣ.

Во время нахожденія русской главной квартиры въ Линдау, Аркадій Суворовъ сдѣлалъ у себя танцовальный вечеръ, пригласивъ между прочимъ нѣсколькихъ австрійскихъ офицеровъ, и предупредилъ ихъ, что будетъ великій князь. Австрійцы пріѣхали; великій князь прибылъ нѣсколько позже и, увидѣвъ ихъ, сказалъ, чтобы они сейчасъ уѣзжали, потому что ему непріятно ихъ присутствіе. Офицеры отвѣчали, что при всемъ своемъ глубокомъ къ нему почтеніи, они не могутъ исполнить приказанія, потому что находятся на императорско-королевской службѣ, которая обязываетъ, а потому избавятъ великаго князя отъ своего присутствія, когда сочтутъ это приличнымъ. Послѣ того

они остались на балу еще около часа. Константинъ Павловичъ вообще не терпѣлъ Австрійцевъ и ни мало не скрывалъ этого; нѣсколько позже, въ Мемингенѣ и Аугсбургѣ, онъ показывалъ имъ отвращеніе, которое граничило съ оскорбленіемъ [2]).

Октября 13, въ Линдау, происходилъ у Суворова пріемъ. Въ залѣ находилось множество русскихъ офицеровъ и между ними генералъ Римскій Корсаковъ; тутъ же были присланный отъ эрцъ-герцога Карла генералъ (вѣроятно Колоредо) и отъ принца Конде герцогъ Беррійскій. Суворовъ вышелъ въ пріемную, обратился къ герцогу, обошелся съ нимъ очень любезно, расхваливалъ принца Конде и его корпусъ и жалѣлъ, что въ послѣднихъ дѣйствіяхъ противъ Французовъ, эмигранты были расположены и употреблены не такъ какъ слѣдуетъ. Съ упрекомъ этимъ онъ отнесся къ австрійскому генералу, замѣтивъ, что не хотѣли ли ихъ погубить? и потомъ сказалъ герцогу Беррійскому, что впредь ничего подобнаго не случится и Конде будетъ самъ себѣ хозяиномъ. Затѣмъ онъ опять обратился къ австрійцу: «вы мнѣ привезли приказаніе отъ эрцъ-герцога; въ Вѣнѣ — я у его ногъ, но здѣсь совсѣмъ другое, и получаю я приказанія только отъ моего Государя». Послѣ этого суроваго замѣчанія, Суворовъ сталъ обходить русскихъ офицеровъ; отличившихся въ Швейцарскую кампанію хвалилъ, съ нѣкоторыми цаловался, а къ генералу, бывшему однимъ изъ главныхъ виновниковъ цюрихскаго несчастія, обратился съ весьма жесткимъ словомъ и далъ ему совѣтъ — подать въ отставку. Слышавшій это Римскій Корсаковъ, ожидая вѣроятно и на свою долю какой нибудь непріятности, постарался скрытно уйти. Суворовъ однако это замѣтилъ и обратился ко всѣмъ: «вы видѣли, господа, что Корсаковъ ушелъ, хотя ни онъ мнѣ, ни я ему не сказали ни слова. Онъ болѣе несчастливъ, чѣмъ виновенъ; 50,000 Австрійцевъ шагу не сдѣлали, чтобъ его поддержать,—вотъ гдѣ виновные. Они хотѣли его погубить, они думали погубить и меня, но Суворовъ на нихъ.... (крѣпкое слово)... Скажите эрцъ-герцогу», прибавилъ Суворовъ, повернувшись къ австрійскому генералу, «что онъ отвѣтитъ передъ Богомъ за кровь, пролитую подъ Цюрихомъ» [3]).

Во всемъ этомъ прискорбномъ эпилогѣ Швейцарской кампаніи, Суворовъ дѣйствовалъ въ качествѣ представителя русскаго имени. Русская армія, отъ генерала до солдата, была такъ возмущена поведеніемъ союзниковъ, что еслибы Суворовъ трактовалъ Австрійцевъ впятеро хуже, то это никому не показалось бы излишествомъ. Такого же взгляда держался и Императоръ Павелъ; онъ зашелъ даже дальше, потому что въ это время уже рѣшилъ разойтись съ союзникомъ и, получивъ отъ Суворова переписку его съ эрцъ-герцогомъ Карломъ, выразилъ генералиссимусу полное свое одобреніе. Изъ всего этого видно, на сколько невѣрно утвержденіе многихъ иностранныхъ писателей, будто Суворовъ самовольно оставилъ театръ войны и былъ-причиною разрыва.

Октября 19 Суворовъ выступилъ изъ Линдау, на другой день прибылъ въ Лейткирхъ, а 26 числа въ Аугсбургъ. Русская армія заняла все пространство между Иллеромъ и Лехомъ, главная квартира перенесена въ Аугсбургъ. Союзныя войска разстались, чтобы уже больше не свидѣться; послѣдняя Суворовская кампанія и все его боевое поприще были кончены.

Поприще это было славное, блестящее и поучительное. Во всѣхъ войнахъ за послѣдніе 30 лѣтъ, гдѣ Суворовъ принималъ участіе, онъ рѣзко выдѣлялся изъ ряда; второстепенная и третьестепенная роли, ему выпадавшія, ограниченная сфера дѣйствій, конкуренція военныхъ талантовъ Екатерининской эпохи, несправедливости высшихъ начальниковъ, — ничто не въ состояніи было затереть Суворова. Всѣ степени онъ взялъ съ боя; всѣмъ былъ обязанъ своему личному достоинству.

Прежде всего и больше всего Суворовъ былъ чрезвычайно цѣльнымъ типомъ *военнаго человѣка вообще*, или, въ обширномъ смыслѣ, *солдата*. Мало сказать, что военное дѣло и конечное его выраженіе — война были его страстью, они были его жизнью. Съ дѣтскихъ лѣтъ Суворова, военное призваніе сдѣлалось преобладающимъ элементомъ его существованія, который надъ всѣми прочими господствовалъ и ими управлялъ. Внѣ военной профессіи для него не было дѣятельности, которая могла бы

его сколько нибудь удовлетворить; когда въ 1798 году ему показалось, что военное поприще его кончилось безповоротно, онъ пожелалъ идти въ монастырь, т. е. отрѣшиться отъ міра и посвятить себя Богу. Строго-логично было это рѣшеніе. Личныя качества Суворова, свойства, понятія, привычки, потребности,— все это вырабатывалось, формировалось и направлялось къ одной конечной цѣли. Онъ былъ военнымъ до послѣднихъ мелочей будничнаго житья, но понимая военное призваніе и служеніе широко, онъ, наперекоръ понятіямъ времени, употребилъ всю силу характера, чтобы образовать свой умъ и обогатить его познаніями, притомъ отнюдь не одними спеціальными. Мало было въ ту эпоху такихъ образованныхъ и такъ хорошо подготовленныхъ къ своему поприщу генераловъ, какъ Суворовъ, и не только въ Россіи, но во всей Европѣ. Поэтому очень странно читать въ иностранной литературѣ стеоретишныя фразы о невѣжествѣ Суворова, о его незнакомствѣ съ теоріей военнаго дѣла и т. под., или же о неумѣньи приложить свои знанія къ практикѣ. Послѣднее еще имѣетъ кое-какой внѣшній смыслъ, такъ какъ Суворовское военное искуство выработалось иначе, чѣмъ у другихъ, хотя образцы для изученія были для всѣхъ одни и тѣже, и произошло это исключительно по его индивидуальности и непосредственности. Но первое обвиненіе не основано ровно ни на чемъ; оно есть недоразумѣніе или непониманіе предмета, который трактуется. Суворовъ въ продолженіе всей своей жизни любилъ умственныя занятія, относился всегда сознательно и критически къ современнымъ военнымъ событіямъ, опредѣлялъ ихъ истинный смыслъ примѣрами изъ военной исторіи. Не ограничиваясь собою, онъ старался привить тоже самое и къ другимъ; мы видѣли у него подобіе военныхъ совѣтовъ въ мирное время и попытку завести научныя бесѣды; знаемъ также, что его требованія доходили въ извѣстной степени до низшихъ ступеней военнаго сословія, ибо онъ настаивалъ, дабы каждый солдатъ «понималъ свой маневръ». Что касается до личной любознательности Суворова, то она была вполнѣ живая; отпуская знакомаго офицера за-границу въ отпускъ или для служебной надобности, онъ требовалъ отъ такого лица отчета въ видѣн-

номъ и замѣченномъ, читалъ отчетъ съ интересомъ и по немъ выводилъ о писавшемъ заключеніе [4]).

Физическая природа Суворова также была вполнѣ приспособлена къ военному поприщу, и началъ онъ себя соотвѣтственнымъ образомъ воспитывать съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, благодаря чему и дожилъ до 70-ти, несмотря на слабую свою комплекцію. Онъ былъ чрезвычайно умѣренъ въ своихъ потребностяхъ, безъ всякаго надъ собою насилія, и ненавидѣлъ роскошь, придавая ей растлѣвающее вліяніе. Не зналъ онъ даже комфорта, смѣшивая его съ роскошью, и удобства жизни понималъ въ самыхъ неприхотливыхъ формахъ: не то чтобы онъ могъ довольствоваться малымъ въ случаѣ надобности, но просто не видѣлъ потребности обставлять свою жизнь лучше лагернаго образца. Это весьма существенная его особенность; военные люди такого склада являются чрезвычайно рѣдко, и между генералами XVIII вѣка Суворовъ красуется въ этомъ отношеніи въ видѣ самородка. Онъ велъ жизнь солдатскую не изъ за какой нибудь задней мысли, не вслѣдствіе какого нибудь разсчета, а только потому, что считалъ ее для военнаго человѣка единственно подходящею; на этомъ же основаніи не зналъ онъ шлафроковъ, перчатокъ, шубъ и проч. По его мнѣнію, военный человѣкъ обязанъ быть по своимъ физическимъ качествамъ всегда молодъ, а потому долженъ смотрѣть на старость какъ на болѣзнь, которой можно избѣжать предупредительнымъ средствомъ — суровою, строгою жизнью. Собственно поэтому онъ не любилъ въ старости зеркалъ, какъ назойливыхъ докладчиковъ о большомъ числѣ прожитыхъ лѣтъ; потому же самому онъ не ходилъ, а бѣгалъ, не ѣздилъ, а скакалъ, не обходилъ стоящій на пути стулъ, а перепрыгивалъ черезъ него, какъ бы удостовѣряя себя и другихъ, что обладаетъ легкостью и прыткостью молодого человѣка. Такой складъ мирной жизни Суворова дѣлалъ его человѣкомъ, для котораго труды, лишенія и всякія неудобства военнаго времени не представляли ничего неожиданнаго, новаго и непривычнаго. Онъ попадалъ тутъ въ знакомую среду, въ свою нормальную атмосферу и, какой бы высокій постъ въ арміи ни занималъ, сразу дѣлался

въ ней первымъ солдатомъ по своимъ военнымъ качествамъ, становился органическою частью коллективнаго цѣлаго, называемаго арміей. Чужого, пришлаго, заимствованнаго въ немъ не было ничего; знакомиться съ войсками или знакомить ихъ съ собою не представлялось никакой надобности, и это не потому, что ему предшествовала слава: онъ былъ такимъ и въ то время, когда вовсе еще не пользовался извѣстностью.

Будучи преисполненъ страха Божія, Суворовъ отличался горячимъ благочестіемъ и строгимъ соблюденіемъ всѣхъ уставовъ церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, при всей независимости своего характера, былъ преданнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ подданнымъ. Въ немъ неизмѣнно пребывалъ животворящій элементъ—патріотизмъ; онъ горячо любилъ свое отечество, гордился именемъ русскаго и, напоминая часто солдатамъ, что они русскіе люди, дѣлалъ это для поддержанія въ нихъ нравственной силы и чувства національнаго достоинства. Солдата онъ любилъ и сердцемъ, и головой; во взысканіяхъ съ провинившихся былъ строгъ, но въ оцѣнкѣ вины отличался снисходительностью; не доводилъ понятія о дисциплинѣ до трепета подчиненныхъ передъ начальникомъ; былъ отъявленнымъ врагомъ педантства и мелочной требовательности. Образчикомъ его взгляда на этотъ предметъ можетъ служить приказъ, отданный по войскамъ въ Италіи, гдѣ онъ проситъ офицеровъ не снимать шляпъ при его появленіи, а взамѣнъ того побольше заботиться о порядкѣ въ войскахъ [5]).

Всѣ эти военныя достоинства Суворова дополнялись огромною массою качествъ чисто-боевыхъ. Начиная съ никогда не ослабѣвавшей энергіи и ничѣмъ не парализуемой иниціативы, переходя къ упорству и настойчивости и кончая мужествомъ и личною храбростью,—Суворовъ сосредоточивалъ въ себѣ все, что формируетъ военнаго человѣка. По справедливому замѣчанію одного иностраннаго писателя, трудно указать на такое военное качество, котораго бы въ немъ не было, и мало кто можетъ быть въ этомъ отношеніи приравненъ къ Суворову [6]). Имѣя передъ собою исторію всей его жизни, скажемъ больше. Не только изъ крупныхъ военныхъ дѣятелей вообще, но даже изъ величайшихъ полководцевъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, едва ли

найдется кто либо, который бы представлялъ собою такой цѣльный и полный типъ военнаго человѣка, какъ Суворовъ.

Засимъ онъ заслуживаетъ особеннаго вниманія какъ *тактикъ* на полѣ сраженія и какъ *военный наставникъ и учитель*. Воспитывая и обучая войска исключительно для войны, Суворовъ проводитъ эту задачу со строгою послѣдовательностью. Онъ не поддается никакимъ военно-мирнымъ искушеніямъ, а если дѣлаетъ уступки, то по-неволѣ, въ силу дѣйствующей извнѣ необходимости, сводя ихъ по возможности къ минимуму; когда же принужденъ поступаться сущностью, то устраняется отъ дѣла и сходитъ съ поприща, которому посвятилъ всю жизнь. Въ силу такого метода, войска Суворова являются на поле сраженія не только съ чисто-боевыми воспитаніемъ и обученіемъ, какія только удободостижимы въ мирное время, но представляютъ собою дѣйствующую силу, гармонически отвѣчающую личнымъ боевымъ качествамъ предводителя, слѣдствіемъ чего является побѣда.

Тактика Суворова простая, живая и подвижная; она не скована почти никакими формами; все для другихъ безусловное, обращается у него въ условное; многое важное для доктринеровъ и схоластиковъ, нисходитъ у него до степени пустяковъ, достойныхъ насмѣшки. Это потому, что признаваемое другими за невозможное, или по меньшей мѣрѣ за исключительное, Суворовъ принимаетъ за возможное и исполняетъ заурядъ. Главными правилами боя у Суворова—глазомѣръ, быстрота и натискъ; нормальнымъ дѣйствіемъ—наступленіе; преобладающею дѣйствующею силою—закаленная человѣческая душа. Все это, приведенное во взаимную связь, составляло полную систему, складывалось въ цѣльную военную теорію. Въ этой теоріи холодное оружіе получало преобладающее значеніе, но штыкъ былъ не столько дѣйствующимъ, сколько принципомъ боевого дѣйствія; требовался не собственно штыковой бой, а безхитростная, беззавѣтная готовность сойтись на штыкъ, т. е. нравственная сила. Таже самая сила выражалась и въ отрицаніи пристрастія къ обходамъ, фланговымъ атакамъ, къ опасеніямъ за свой тылъ и т. под. Мы видимъ въ каждомъ сраженіи Суворова и фланговыя атаки,

и ружейную оборону, и обереганіе своего тыла; онъ никогда не считалъ все это не нужнымъ, но только не придавалъ ничему подобному особенной важности и при этомъ зорко оберегалъ свои войска отъ усвоенія такихъ растлѣвающихъ понятій. На практикѣ выходило часто иначе, т. е. иногда употреблялась штыковая атака безъ существенной необходимости, пренебрегалось обходное движеніе, когда оно было полезно и возможно, и проч. Но надо различать принципъ отъ дѣйствія и помнить, что при приложеніи принциповъ къ дѣлу, они никогда не сохраняются въ безусловной неприкосновенности. Суворовъ былъ очень горячъ и нетерпѣливъ, а потому запальчивъ, и подъ вліяніемъ своего темперамента заходилъ часто дальше, чѣмъ самъ хотѣлъ. Кромѣ того, всякій предпочитаетъ употреблять тѣ способы, которыми лучше владѣетъ, хотя бы они въ данную минуту и не представлялись предпочтительными. Суворовъ владѣлъ солдатскими душами безгранично, и потому, любя кратчайшіе пути къ успѣху, требовалъ зачастую отъ войскъ такого высокаго проявленія духовной силы, къ которому другіе прибѣгаетъ лишь изрѣдка, какъ къ крайней мѣрѣ, или не прибѣгаютъ никогда.

Что Суворовъ пользовался необыкновеннымъ вліяніемъ на войска, — въ этомъ согласны всѣ, и поклонники его, и порицатели. Причина такого духовнаго владычества Суворова надъ войсками заключается въ указанной выше его особенности—замѣчательной полнотѣ его военнаго типа, необычайномъ богатствѣ его военной натуры. Если не всякій изъ его подчиненныхъ понималъ это, то всякій чувствовалъ. Побѣдный токъ (да позволено будетъ такъ выразиться) передавался отъ предводителя десятками путей; на кого не дѣйствовалъ одинъ изъ нихъ, дѣйствовалъ другой. Глазомѣръ, приводящій въ изумленіе своею вѣрностью; инициатива, никогда и ничѣмъ не парализуемая; быстрота рѣшенія и энергическое исполненіе, несмотря ни на какія препятствія; понятная всякому простота дѣйствій; полное пренебреженіе численнымъ перевѣсомъ непріятеля, такъ какъ «бьютъ умѣньемъ, а не числомъ»; взаключеніе, какъ вѣнецъ всего, неослабляемая никакими сомнѣніями вѣра въ самого себя и въ свои войска, т. е. безусловное убѣжденіе въ успѣхѣ, —

вотъ что передавалось отъ Суворова войскамъ и дѣлало ихъ послушнымъ побѣднымъ орудіемъ въ его рукахъ. Прибавимъ ко всему этому патріотизмъ, благочестіе, любовь къ солдату, близкое знакомство со всѣми мелочами его быта, со складомъ его понятій, съ процессомъ образованія его идей, умѣнье съ солдатомъ говорить и обращаться, и проч., и проч., и тогда увидимъ, какая масса могучихъ нравственныхъ нитей связывала послѣдняго солдата Суворовской арміи съ вождемъ. Слѣдствіемъ были постоянныя побѣды, и эти неизмѣнныя побѣдныя свойства Суворова сдѣлались въ свою очередь причиною, что солдатъ сталъ его считать какимъ-то высшимъ существомъ. Говорили, что зналъ онъ человѣческую душу насквозь; не могъ на него прямо смотрѣть тотъ, у кого не чиста совѣсть; видѣлъ труса по лицу, ставилъ его впередъ, и дѣлался трусъ храбрецомъ. Богъ далъ ему змѣиную мудрость, вѣдалъ онъ «Божью планиду», умѣлъ разрушать и волшебство, и козни дьявола именемъ Божіимъ, крестомъ да молитвой. Зналъ онъ все на свѣтѣ, проницалъ замыслы враговъ, чуялъ въ безводныхъ мѣстахъ ключи; не начиналъ сраженія прежде, чѣмъ отойдетъ обѣдня, что служатъ на небѣ ангелы Господу; Божій посланецъ оберегалъ его въ бою. И смѣло шли за вѣщимъ Суворовымъ войска, слѣпо довѣрясь своему вождю [7]).

Личное присутствіе Суворова, даже одно его имя, производило на войска чарующее дѣйствіе. Въ Италіи, въ какомъ-то сраженіи, при одной частной неудачѣ, рота или какая-то небольшая часть, услышавъ сзади крикъ: «Суворовъ здѣсь», рванулась впередъ и легла чуть не поголовно подъ губительнымъ огнемъ непріятеля. На Треббіи Фуксъ былъ зрителемъ упорнаго боя, наблюдая его съ небольшого возвышенія вмѣстѣ съ Дерфельденомъ; онъ замѣтилъ, что какъ только появится Суворовъ въ своей бѣлой рубашкѣ тамъ, гдѣ войска приходили отъ неудачи въ разстройство, порядокъ возстановлялся тотчасъ же. Дерфельденъ объяснилъ Фуксу, что насмотрѣлся на подобныя явленія въ продолженіе 35 лѣтъ, какъ знаетъ Суворова; что этотъ непонятный чудакъ есть какой-то талисманъ, который до-

вольно развозить по войскамъ и показывать, чтобы побѣда была обезпечена [8]).

Это обаяніе громаднымъ образомъ увеличивало противу другихъ рессурсы Суворова на полѣ сраженія; оно преимущественно и дѣлало его не похожимъ ни на кого, дозволяя не придавать большой цѣны многимъ тактическимъ правиламъ и формамъ, отступать отъ нихъ безбоязненно и вообще прибѣгать къ средствамъ необычнымъ. Такой способъ дѣйствій озадачивалъ и противниковъ Суворова на полѣ сраженія, и поверхностныхъ критиковъ въ кабинетѣ; но хотя первые были постоянно биты, вторые не убѣждались непрерывною цѣпью фактовъ. Доктрина, рутина, схоластика, преданіе, форма—были слишкомъ сильны, и Суворовъ оказался невѣждою въ военномъ дѣлѣ, незнакомымъ съ основными истинами тактики, варваромъ, одареннымъ инстинктомъ войны. Критики не замѣтили, что до этого «инстинкта» надо не спуститься, а подняться, и что такую военную теорію, какъ Суворовская, можетъ создать и усвоить не всякій желающій, а только избранная, въ высокой степени даровитая военная натура. Весьма мѣтко выразился одинъ англичанинъ того времени, лордъ Клингтонъ, сказавъ, что Суворовъ въ тактикѣ есть тоже самое, что Рембрантъ въ живописи [8]).

Отличительныя качества Суворова-тактика остаются присущими и Суворову-*стратегику*; но въ искуствѣ стратегическихъ соображеній, въ умѣньѣ двигать большія арміи, распредѣлять свои силы наиболѣе выгодно по театру войны и вообще въ механизмѣ военныхъ дѣйствій, Суворовъ имѣетъ нѣсколько слабыхъ сторонъ, которыми и уступаетъ полководцамъ первой величины. Наполеонъ сказалъ, что Суворовъ обладалъ душой великаго полководца, но не имѣлъ его головы; въ этихъ словахъ большая доля правды. По словамъ того же Наполеона, въ полководцѣ должно быть равновѣсіе ума и воли, а такъ какъ подобная гармонія встрѣчается въ жизни весьма рѣдко, и перевѣсъ одного изъ этихъ элементовъ надъ другимъ неизбѣженъ, то внутреннему достоинству военачальника меньше вредитъ преобладаніе воли надъ умомъ, чѣмъ на-оборотъ. Этотъ перевѣсъ былъ характерною чертою Суворова, который имѣлъ умъ об-

ширный и просвѣщенный, но въ тоже время отличался такимъ запасомъ воли, что верхъ послѣдней надъ первымъ былъ очень ощутителенъ. Стратегическіе принципы его были вѣрны, но при практическомъ примѣненіи во многомъ нарушались. Напримѣръ онъ всегда ратовалъ противъ раздробленія силъ и стоялъ за сосредоточенность ихъ, за нанесеніе главнаго удара массою; предписанія изъ Вѣны—объ осадѣ и блокадѣ многихъ крѣпостей и объ исполненіи иныхъ второстепенныхъ цѣлей одновременно нѣсколькими отрядами—приводили его въ негодованіе; а между тѣмъ онъ самъ погрѣшалъ въ томъ же смыслѣ. Одна изъ причинъ такой невыдержанности заключалась въ слишкомъ большой его чуткости къ молвѣ, а слѣдовательно и къ распускаемымъ непріятелемъ слухамъ, также къ его демонстраціямъ; это заставляло Суворова слишкомъ часто мѣнять свои планы, производить лишнія передвиженія войскъ, измѣнять маршруты и проч. Это замѣчается не только въ Итальянскую кампанію, но отчасти и въ послѣднюю Польскую войну. Можетъ въ силу сознанія такого въ себѣ недостатка, Суворовъ не любилъ составлять стратегическіе планы иначе, какъ въ самыхъ общихъ чертахъ, безъ всякихъ даже крупныхъ подробностей, и въ свое оправданіе ссылался на Юлія Цезаря, котораго вообще ставилъ на первое мѣсто въ ряду величайшихъ полководцевъ. Будучи во всѣхъ военныхъ операціяхъ, крупныхъ и мелкихъ, безусловнымъ поклонникомъ простоты и врагомъ всякой сложности и хитросплетеній, Суворовъ и въ этомъ отношеніи не всегда оставался вѣрнымъ самому себѣ. Такимъ образомъ онъ принялъ для Швейцарской кампаніи планъ сложный, гдѣ кромѣ того вовсе не были взяты въ разсчетъ дѣятельность, искуство и энергія противника, неоднократно имъ заявленныя.

При подобныхъ недостаткахъ, Суворовъ обладалъ однако большими достоинствами, общими замѣчательнымъ полководцамъ. У него былъ разсчетъ, предусмотрительность, осторожность; онъ не ограничивался отвагой, рѣшимостью и настойчивостью; не ломилъ на прямикъ, не глядя по сторонамъ, какъ утверждаютъ его хулители; не жертвовалъ массами людей, когда этого можно было избѣжать. Употреблялъ онъ и демонстраціи,

и рекогносцировки, и обходныя движенія; издѣвался же надъ ними для того, чтобы отнять отъ вспомогательныхъ средствъ придаваемое имъ первостепенное значеніе. При этомъ клеймилась не наука, а схоластика, не искуство, а рутина; но такъ какъ насмѣшки произносились безусловно, безоговорочно, то и пошли за невѣжество. Къ невѣжеству присоединилась жестокость, къ жестокости кровопійство; за характеристику пошелъ памфлетъ или и просто брань. Говорили и писали, что на границахъ Франціи появился варваръ, съ лицомъ обезьяны и съ душою кровожаднаго пса; что этотъ скифъ идетъ съ желѣзомъ въ одной рукѣ, съ огнемъ въ другой и топчетъ окровавленными лошадиными ногами жатву бѣднаго рабочаго народа. Пугали дѣтей переиначеннымъ именемъ этого варвара—Souwarou, вмѣсто loup garou; посылали къ нему по почтѣ пасквили, гдѣ его просто ругали, называли вандаломъ, одѣтымъ въ окровавленную львиную кожу и тому подобное [2]). А между тѣмъ Суворовъ не изобрѣталъ такихъ терминовъ, какъ «пушечное мясо», не вѣшалъ въ завоеванной Варшавѣ людей, какъ Нельсонъ въ Неаполѣ, не грабилъ какъ Массена, и если нѣкоторыя изъ его побѣдъ были кровопролитны, за то и рѣшительны, ограничиваясь однимъ ударомъ тамъ, гдѣ другому понадобилось бы два или три.

Мы уже знаемъ, когда и изъ-за чего началась дурная репутація Суворова въ западной Европѣ; война 1799 года раздула эту славу до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости. Суворовъ былъ страшенъ для Франціи и иноземныхъ сторонниковъ французской революціи, какъ не былъ страшенъ ни одинъ полководецъ коалиціи съ самаго начала революціонныхъ войнъ. Онъ олицетворялъ собою непріятельское вторженіе и кровавую контръ-революцію, а ручательствомъ въ успѣхѣ гибельнаго для республики предпріятія служило его дарованіе, гласно отрицаемое, но признаваемое съ ужасомъ въ глубинѣ смущенной души. Да и какъ было не бояться этого скифа или гунна, когда два изъ лучшихъ полководцевъ республики не могли отразить его ударовъ, а французскія войска, семь лѣтъ побѣдоносно противустоявшія образцовымъ европейскимъ арміямъ, были имъ разъ за разомъ побиваемы на голову? При такихъ условіяхъ всякіе выдумки и паск-

вили насчетъ Суворова представляются для того времени естественными и понятными; логичность этой ненависти подкрѣпляется еще діаметрально-противуположными революціонными идеями правительственными принципами Императора Павла и малою культурою, интелектуальною и матеріальною, той отдаленной страны, откуда появились грозныя полчища для разрушенія дѣла, вовсе до нихъ не касающагося. Но затѣмъ, когда острая пора миновала, настоящее сдѣлалось прошедшимъ и перешло въ область исторіи, уголъ зрѣнія долженъ бы былъ измѣниться. Если мы этого еще не дождались, и о Суворовѣ сохраняются въ западныхъ литературахъ невѣрныя понятія, то причинъ тому много: оскорбленная національная гордость; издавна усвоенная точка зрѣнія на Россію и на все русское; слишкомъ поверхностное знакомство съ оригинальною личностью Суворова, о которой и въ Россіи имѣются лишь смутныя понятія; своеобразныя свойства его военнаго дарованія; наконецъ, едва ли не больше всего, его чудачество. О послѣднемъ будетъ говориться подробнѣе впослѣдствіи.

Дабы показать, какого рода свѣдѣнія о Суворовѣ, вращавшіяся во время послѣдней его войны, перешли въ литературу, несмотря на очевидную ихъ нелѣпость, достаточенъ будетъ одинъ примѣръ. Генуэзскій анти-революціонный комитетъ будто бы обѣщалъ Суворову 7 милліоновъ франковъ, въ видѣ содѣйствія для изгнанія Французовъ изъ Ривіеры, и фельдмаршалъ отвѣчалъ комитету письмомъ. Довольно привести заголовокъ этого письма: «Возвышеннѣйшій, могущественнѣйшій, превосходительнѣйшій господинъ, графъ Суворовъ, слуга Божій и угодника его Николая чудотворца, кавалеръ орденовъ Тигра, Скорпіона, Барса и св. Александра Невскаго, главнокомандующій австро-русскими войсками въ четырехъ частяхъ свѣта, въ странахъ австралійскихъ и иныхъ, если какія существуютъ, поборникъ царей, разрушитель республикъ, архимандритъ и епископъ греческой церкви, представитель четырехъ орденовъ римскаго исповѣданія, архикатоликъ и прочая, и прочая, и прочая» [10]). Очевидно, письмо есть просто карикатура на Суворова и на издаваемые подъ монархическимъ правленіемъ

документы, а появленіе этого выдуманнаго посланія въ одномъ изъ современныхъ французскихъ журналовъ объясняется революціонными тенденціями. Но остается не вразумительнымъ, какимъ образомъ эта карикатура была принята за чистую монету и попала въ мемуары правительственнаго лица, изданные четвертью столѣтія позже?

Конечно не всякій иностранный писатель принимаетъ подобные «документы» за историческій матеріалъ, но за то мало кто изъ нихъ рѣшается идти прямо наперекоръ общесложившимся понятіямъ о русскомъ полководцѣ, хотя бы эти понятія онъ не раздѣлялъ. Для доказательства, къ какимъ ухищреніямъ прибѣгаютъ критики Суворова, чтобы не поставить его на слишкомъ высокій пьедесталъ, приведемъ тираду изъ одного позднѣйшаго о немъ сочиненія. «Когда воспроизводишь портретъ Суворова», говоритъ авторъ: «слѣдуетъ принять въ разсчетъ и вѣсъ его большой сабли. Тюреннъ, Конде, Фридрихъ, Наполеонъ носили шпагу; за Суворовымъ тащилась сабля, оружіе солдатское; для обыкновеннаго человѣка различіе тутъ не велико, но для философа огромное. Магометъ носилъ саблю, Вашингтонъ шпагу. Въ шпагѣ есть что-то божественное; она и ранитъ, и убиваетъ, но не терзаетъ плоть, не уродуетъ тѣло, не отсѣкаетъ члены. Шпага красуется около вѣсовъ юстиціи; рука архангела подымаетъ къ небесамъ пламенное лезвее шпаги же. Сабля, при ударѣ, наклоняется къ землѣ; она болѣе шпаги удалена отъ головы и сердца» [6]). Любопытно знать, чѣмъ бы авторъ указываемой книги замѣнилъ свое разсужденіе, если бы ему было извѣстно, что Суворовъ носилъ иногда саблю, иногда подобіе тесака, а иногда и ровно ничего, кромѣ нагайки?

Не всѣ смотрятъ на Суворова свысока, толкуя о немъ вкривь и вкось, лишь бы обойти правду; но такія исключенія не многочисленны и принадлежатъ къ первымъ годамъ нынѣшняго и къ послѣднимъ прошлаго столѣтія. Тогда слишкомъ рѣзко кидалась въ глаза истина, что гдѣ Суворовъ, тамъ и побѣда. Гриммъ, пораженный зрѣлищемъ неудачъ русскихъ войскъ Германа и Корсакова, пишетъ гр. Воронцову, что «слѣдовало бы имѣть еще двухъ или трехъ запасныхъ Суворовыхъ, дабы они находились

всюду во главѣ войскъ». Въ 1807 году, на балу въ тюльерійскомъ дворцѣ, Макдональдъ обратился къ стоявшему возлѣ него русскому посланнику и, указывая на окружавшихъ Наполеона лицъ, замѣтилъ: «не видать бы этой челяди тюльерійскаго дворца, если бы у васъ нашелся другой Суворовъ». Одинъ изъ иностранныхъ писателей того времени говоритъ, что «Суворовъ всегда будетъ гордостью и славой русскихъ армій, и имя его долгое время будетъ служить боевымъ ихъ кликомъ». И точно, наступившая вскорѣ эпоха Наполеоновскихъ войнъ была наибольшимъ поклоненіемъ Суворову; въ эту пору имя его неумолчно слышалось въ пѣсняхъ русскихъ солдатъ, даже народа, и сдѣлалось національною драгоцѣнностью. Когда, послѣ кончины Аркадія Суворова въ 1811 году, дѣти его, внуки генералисимуса, остались при скудныхъ средствахъ существованія, и Императоръ Александръ I, во уваженіе заслугъ дѣда, назначилъ имъ 20,000 руб. ежегоднаго пособія, то все русское общество встрѣтило съ горячимъ сочувствіемъ и благодарностью эту справедливую милость Государя. Имя Суворова продолжало жить и въ послѣдующее Николаевское время; въ войскахъ еще пѣлись пѣсни о Суворовскихъ дѣлахъ и походахъ, загроможденныя вымыслами; въ казармахъ еще разсказывались анекдоты, большею частію небывалые, о подвигахъ и причудахъ генералисимуса... Теперь все миновало, но за то настало время исторіи [11]).

Пока Суворовъ удалялся отъ театровъ войны, союзъ распадался. Мы видѣли, какъ разрывъ зародился и назрѣвалъ; вѣнская политика, продолжавшая преслѣдовать прежнія цѣли, привела его къ исходу. Съ удаленіемъ Суворова въ Швейцарію, Австрійцы распоряжались въ Италіи все съ большею безцеремонностью; Пьемонтъ подвергался возростающему разоренію, и въ Туринѣ вспыхнуло возмущеніе. По случаю новаго вторженія Французовъ, Австрійцы принуждены были прибѣгнуть къ мѣрѣ, на которой такъ безуспѣшно настаивалъ Суворовъ, — къ формированію пьемонтской арміи, однако и тутъ остались вѣрны самимъ себѣ, не дозволивъ издать воззванія отъ имени короля Сардинскаго, а самого его подвергали неоднократнымъ оскорбле-

ніямъ. Императоръ Павелъ требовалъ категорическихъ объясненій; Колычевъ, ненавидѣвшій Тугута, усердно исполнялъ волю своего Государя; но Тугутъ продолжалъ оттягивать и лавировать. Кромѣ того онъ подвергалъ союзъ новымъ испытаніямъ, завязавъ довольно давно тайныя сношенія съ Франціей чрезъ испанскаго посланника, въ надеждѣ пріискать путь къ сепаратному миру; Русскому Государю это было очень хорошо извѣстно, но онъ все терпѣлъ, въ надеждѣ сохранить союзъ. Наконецъ терпѣніе его лопнуло, по полученіи 10 октября извѣстія о цюрихскомъ погромѣ, и разрывъ совершился.

Октября 11 Императоръ Павелъ послалъ императору Францу сухое, проникнутое негодованіемъ письмо, въ которомъ виною случившагося несчастія выставлялось преждевременное выступленіе эрцъ-герцога Карла изъ Швейцаріи и въ короткихъ, но самыхъ категорическихъ выраженіяхъ разрывался съ Австріею союзъ. Францъ II былъ очень смущенъ, Тугутъ не менѣе, однако скоро ободрился, въ надеждѣ, что припадокъ раздражительности и гнѣва у Русскаго Государя пройдетъ, и повелѣніе будетъ отмѣнено. На этотъ разъ онъ однако ошибся. Суворову дано приказаніе занять позицію между Лехомъ и Изеромъ, т.-е. сдѣлать почти то, что онъ уже самъ сдѣлалъ, и затѣмъ заняться приготовленіями къ обратному походу въ Россію. Суворовъ тотчасъ приступилъ къ распоряженіямъ: у Баварскаго курфирста сдѣлалъ заемъ денегъ, донесъ императору Францу о предстоящемъ походѣ, просилъ выслать австрійскихъ комиссаровъ для заготовленія довольствія войскамъ, испрашивалъ средства къ перевозкѣ изъ Италіи оставшихся тамъ больныхъ, раненыхъ и резервной артиллеріи. Затѣмъ войска стали послѣдовательно стягиваться къ Аугсбургу и съ 15 ноября выступать въ дальнѣйшій путь.

Когда русская армія находилась уже въ походѣ, Суворовъ получилъ отъ императора Франца рескриптъ, съ просьбою повременить выступленіемъ, въ надеждѣ, что Русскій Государь отмѣнитъ свое повелѣніе. Еще настоятельнѣе была просьба эрцъ-герцога Карла, который приводилъ разные доводы, чтобы удержать Суворова, старался повліять на его самолюбіе

и давалъ обѣщаніе оказывать всевозможное ему, Суворову, содѣйствіе, если онъ останется для продолженія войны. Суворовъ отвѣчалъ, что не можетъ остановить движеніе войскъ безъ новаго повелѣнія и вскорѣ убѣдился изъ вновь полученныхъ рескриптовъ Государя, что поступилъ совершенно правильно. Подтверждались прежнія повелѣнія, приказывалось не обращать никакого вниманія на предложенія Австрійцевъ; рекомендовалось возвращаться малыми переходами, съ отдыхами, дабы постепенно перейти отъ усиленныхъ трудовъ къ полному покою. «Я весьма радъ», писалъ Императоръ Павелъ, «что узнаетъ эрцъ-герцогъ Карлъ на практикѣ, каково быть оставлену не вовремя и на побіеніе; но Нѣмцы люди годные, все могутъ снесть, перенесть и унесть». Ростопчину было дано 15 ноября такое словесное повелѣніе: «когда придетъ офиціальная нота о требованіяхъ двора Вѣнскаго, то отвѣчать, что это есть галиматья и бредни» [12]).

Разрывъ союза Россіи съ Австріей и возвращеніе въ отечество арміи Суворова произвели сильное впечатлѣніе въ Европѣ. Но перемѣна порядка вещей была еще радикальнѣе, чѣмъ казалась съ перваго взгляда, только совершилась она не сразу. За разочарованіемъ Русскаго Государя въ одномъ союзникѣ наступило недовѣріе къ другому, и первымъ къ тому поводомъ была неудачная Голландская экспедиція.

Ни главнокомандующій герцогъ Іоркскій, ни начальникъ русскаго корпуса генералъ Германъ не были способны выполнить возложенное на нихъ предпріятіе, и пророчество Суворова оправдалось вполнѣ. Первые шаги экспедиціи были счастливы, но потомъ пошли неудачи въ перемежку съ частными, безполезными успѣхами, и вскорѣ стало ясно, что разсчеты союзниковъ не оправдываются. Ни войска, ни народъ Батавской республики вовсе не соблазнялись предлагаемымъ имъ Оранскимъ знаменемъ; въ продолженіе шести недѣль произошло пять сраженій, которыя стоили очень дорого обѣимъ сторонамъ, но республиканская армія продолжала держаться упорно. Союзные госпитали были завалены больными и ранеными, изъ строя выбыло больше половины высаженныхъ на берега Голландіи, и

для пополненія этой убыли не имѣлось никакихъ средствъ, тогда какъ къ непріятелю подходили подкрѣпленія. Снабженіе войскъ продовольствіемъ и военными запасами также представляло для союзниковъ чрезвычайныя затрудненія, ибо сообщеніе съ Англіей производилось медленно и съ рискомъ. Между русскими и англійскими войсками не было единства въ дѣйствіяхъ, вслѣдствіе различія организаціи, обученія и даже темперамента; да и одни русскія войска, сравниваемыя въ разныхъ дѣлахъ, какъ бы не походили на самихъ себя, до того велико было отсутствіе точной идеи въ ихъ командованіи. Генералъ Германъ попалъ въ плѣнъ; замѣстившій его Эссенъ находился въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ; безпорядокъ царилъ во всемъ страшный. Ростопчинъ писалъ С. Воронцову про Суворовскую армію: «я не могу постигнуть, что это тѣ же самые русскіе люди, какъ и въ Голландіи»; и дѣйствительно постигнуть это было трудно [13]). Крупныя встрѣчи противниковъ продолжались до конца сентября; затѣмъ герцогъ Іоркскій вошелъ въ переговоры съ французскимъ главнокомандующимъ Брюномъ и заключилъ съ нимъ конвенцію о перемиріи и оставленіи союзниками Голландіи. Военныя дѣйствія были прекращены, и въ началѣ ноября Голландія очищена.

Императоръ Павелъ былъ въ сильномъ гнѣвѣ, который выразился, между прочимъ, въ разныхъ немилостяхъ къ войскамъ, участвовавшимъ въ экспедиціи. Они потерпѣли тутъ полную неудачу и не поддержали русской военной славы, съ чѣмъ особенно было трудно Государю примириться. Но этимъ дѣло не кончилось: экспедиція, стоившая большихъ жертвъ и издержекъ, оказалась безплодной только для Россіи; Англія же успѣла извлечь изъ нея выгоду, завладѣвъ почти всѣмъ батавскимъ военнымъ флотомъ. Это было горячимъ желаніемъ Лондонскаго кабинета, главною, хотя и тайною цѣлью экспедиціи; такъ что Петербургскому кабинету стало наконецъ видно, что онъ работалъ въ Голландіи на Англію, какъ въ Италіи потрудился въ пользу Австріи. Такое горькое сознаніе пришло однако не сразу, а потому разрывъ съ Англіей оставался еще дѣломъ будущаго,

тѣмъ болѣе, что ея содѣйствіе нужно было Императору Павлу для новыхъ политическихъ комбинацій.

Замыселъ Русскаго Государя состоялъ въ устройствѣ новаго союза, преимущественно изъ сѣверныхъ государствъ, для обезпеченія политическаго равновѣсія Европы, на случай примиренія Австріи съ Франціей. Англія приняла эту мысль холодно, предпочитая прежній союзъ новому, и стала усердно хлопотать о примиреніи двухъ императоровъ. Русскій Государь, всѣмъ своимъ существомъ преданный идеѣ о возстановленіи монархіи во Франціи и мира въ Европѣ, не безъ тайнаго удовольствія принялъ предложенія Лондонскаго кабинета, согласился возобновить переговоры о будущей кампаніи и съ обычною своею скоростью рѣшеній, не дождавшись отвѣта, послалъ 20 ноября приказаніе—всѣмъ бывшимъ за-границею русскимъ войскамъ остаться тамъ на зиму.

На этотъ разъ, какъ и прежде, Суворовъ предупредилъ повелѣніе, не даромъ же Государь въ своихъ рескриптахъ къ нему замѣчалъ, что оба они однихъ и тѣхъ же мыслей. Русская армія не успѣла въ Баваріи ни отдохнуть, ни одѣться, ни исправить свой обозъ, такъ что послѣ нѣсколькихъ недѣль похода потребовалась продолжительная остановка, и 5 декабря войска остановились въ Богеміи и верхней Австріи. Тутъ застало ихъ высочайшее повелѣніе, и они остались на занятыхъ мѣстахъ. Точно также Императоръ Павелъ былъ предупрежденъ Суворовымъ и относительно переговоровъ о кампаніи будущаго года. Суворовъ не меньше Павла I мечталъ о томъ, чтобы вознаградить потерянное время; его воля никакъ не хотѣла преклониться передъ необходимостью противоположнаго рѣшенія, самимъ же имъ сознаваемою. Еще въ Линдау и въ Аугсбургѣ входилъ онъ по этому въ совѣщаніе съ англійскимъ уполномоченнымъ Викгамомъ, который даже получилъ отъ него изложенныя на бумагѣ довольно подробныя предположенія. Сущность плана заключалась въ томъ, чтобы главное наступательное движеніе во внутрь Франціи было произведено со стороны Италіи, чрезъ Дофинэ къ Ліону, арміей, составленной изъ Русскихъ и Австрійцевъ, такъ какъ присутствіе Русскихъ вли-

вало бы мужество въ Австрійцевъ, а содѣйствіе послѣднихъ было бы полезно по лучшему у нихъ устройству генеральнаго штаба, осадной артиллеріи и нѣкоторыхъ другихъ частей (см. Прил. XII). Лондонскій кабинетъ одобрилъ планъ Суворова, сообщилъ его въ Вѣну и Петербургъ какъ свое собственное предложеніе, вызывался давать субсидію на 80,000-ную русскую армію, только бы она состояла подъ начальствомъ Суворова, и положилъ кромѣ того непремѣннымъ условіемъ, если будетъ принятъ какой-либо другой планъ, чтобы онъ былъ предварительно одобренъ Суворовымъ же.

Императоръ Павелъ составилъ свое предположеніе о будущей кампаніи; Вѣнскій кабинетъ предложилъ въ свою очередь тоже особый планъ. Начались переговоры, но въ самомъ разгарѣ были прерваны, потому что мысли Русскаго Государя опять измѣнились. Декабря 27 былъ посланъ Суворову собственноручный рескриптъ: «обстоятельства требуютъ возвращенія арміи въ свои границы, ибо виды вѣнскіе тѣ же, а во Франціи перемѣна, которой оборота терпѣливо и не изпуряя себя мнѣ ожидать должно;... идите домой немедленно».

Дѣйствительно, со стороны союзника ничего новаго и хорошаго не происходило и впредь не предвидѣлось, а непріятель давалъ надежду на коренной у себя поворотъ къ лучшему. Наполеонъ Бонапарте, вернувшись изъ Египетской экспедиціи, славной, но во всѣхъ отношеніяхъ безполезной, кромѣ утвержденія его личной военной репутаціи, произвелъ 18 брюмера (29 октября) государственный переворотъ. Прежняя конституція была замѣнена новою; во главѣ власти стали три консула или, лучше сказать, первый консулъ Бонапарте; съ первыхъ же дней проявилась сильная государственная власть, и анархія стала быстро исчезать, уступая мѣсто порядку во всѣхъ частяхъ управленія; революціонныя запосчивость и неуступчивость во внѣшней политикѣ замѣнились сговорчивостью и умѣренностію. Въ ходѣ французской революціи произошелъ такой поворотъ къ новому правительственному режиму, что въ Европѣ пошли слухи о возстановленіи королевской власти, а Императоръ Павелъ сталъ говорить, что ему все равно, кто бы ни

царствовалъ во Франціи, лишь бы тамъ было введено монархическое правленіе [12]). Въ другое время Императору Павлу было бы, можетъ быть, слишкомъ мало этихъ вѣяній, чтобы измѣнить свою политику, но въ настоящую пору горькое чувство разочарованія и обманутыя надежды поощряли его разорвать союзъ, оказавшійся искуственнымъ, тѣмъ болѣе, что Австрія не изъявляла готовности поступиться чѣмъ-либо изъ своихъ цѣлей и ужъ не скрывала ихъ по прежнему, хотя и обнаруживала искреннее сожалѣніе о разрывѣ союза съ Россіей.

Впрочемъ и это сожалѣніе скоро исчезло. Лондонскій кабинетъ въ сношеніяхъ съ Австріей былъ сговорчивѣе Петербургскаго, не стоялъ принципіально противъ австрійскихъ захватовъ въ Италіи, предлагалъ субсидіи, обѣщалъ свое содѣйствіе при заключеніи Австріей новаго займа. Все это потому, что англійская политика, по своимъ началамъ, была гораздо болѣе однородна съ австрійскою, чѣмъ съ русскою, и если впадала въ какія нибудь излишества, то никакъ не въ донъ-кихотство. Лондонскій кабинетъ желалъ во что бы то ни стало продолжать съ Франціей войну, а слѣдовательно и удержать Австрію отъ сепаратнаго мира. Тугутъ замѣтивъ, что съ Англіей поладить можно и Австрія не останется въ одиночествѣ, пересталъ дорожить другимъ союзникомъ, несговорчивымъ и лично къ нему, Тугуту, непріязненнымъ. Австрійскій министръ не находилъ уже нужнымъ скрытничать по прежнему и съ достаточною ясностью обнаруживалъ намѣренія своего правительства на счетъ пріобрѣтеній въ Италіи. Сверхъ того онъ довольно безцеремонно высказалъ свое мнѣніе на счетъ совершенной ненадобности сильной русской арміи для будущей кампаніи, объяснивъ, что 15,000-ный вспомогательный корпусъ есть все, въ чемъ Австрія нуждается; если-же Императоръ Павелъ желаетъ выставить бо́льшія силы, то ихъ лучше всего употребить вмѣстѣ съ англійскими войсками, въ видѣ десанта. Еще категоричнѣе высказался Вѣнскій кабинетъ противъ зимовки русскихъ войскъ въ предѣлахъ Австріи, прикрываясь предлогомъ, что она очень обременительна для края; даже Францъ II не счелъ неудобнымъ написать

объ этомъ прямо отъ себя Суворову и, для ускоренія выступленія русскихъ войскъ, послалъ къ нему графа Бельгарда. Тугутъ не останавливался и передъ поступками прямого неприличія; такъ на просьбу Суворова, обращенную къ императору Францу, чтобы при размѣнѣ плѣнныхъ не были забыты Русскіе, попавшіе въ руки непріятеля, Тугутъ отвѣчалъ Колычеву, что русскія войска, находясь въ Швейцаріи, состояли на субсидіяхъ Англіи, слѣдовательно дѣло не Австріи о нихъ заботиться. Суворовъ представилъ цифры для убѣжденія, что въ руки Австрійцевъ онъ передалъ плѣнныхъ Французовъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ оставилъ Русскихъ въ рукахъ непріятеля, слѣдовательно русскія войска заслуживаютъ, чтобы Австрійцы позаботились о попавшихся въ плѣнъ изъ корпуса Римскаго Корсакова. Сообщая объ этомъ Колычеву, Суворовъ писалъ ему: «будьте тверды, не заразитесь воздухомъ совинаго гнѣзда; чуть вы гибки, — Тугутова гибкость васъ одолѣетъ, и будете вы въ уздѣ, какъ Разумовскій» [14]). Но и твердость не помогла: Тугутъ отдѣлался отвѣтомъ очень неопредѣленнымъ, который ничего не разрѣшалъ, а только оттягивалъ рѣшеніе.

Затѣмъ произошелъ еще одинъ случай, составлявшій уже несомнѣнное оскорбленіе. Подъ Анкону, осаждаемую русской эскадрой Войновича и десантомъ при содѣйствіи ополченія Лагоца, прибылъ австрійскій генералъ Фрелихъ съ корпусомъ войскъ, занялъ мѣста итальянскихъ ополченій, которыя за только что послѣдовавшею смертью Лагоца были распущены, и повелъ дѣло такъ, чтобы совершенно отстранить Русскихъ отъ осады и капитуляціи, а забрать всю операцію въ свои руки. Несмотря на противодѣйствіе графа Войновича, Фрелихъ заключилъ съ французскимъ гарнизономъ капитуляцію на чрезвычайно выгодныхъ условіяхъ для осажденныхъ, ввелъ въ крѣпость свои войска и запретилъ впускать туда Русскихъ, съ которыми онъ вообще обращался крайне пренебрежительно, съ непонятнымъ высокомѣріемъ. Узнавъ объ этомъ, Войновичъ поднялъ русскій флагъ вмѣстѣ съ другими союзными на молѣ, на карантинѣ и на плѣнныхъ судахъ; австрійскіе офицеры силою

спустили русскій и турецкій флаги, оставивъ одинъ австрійскій. Главный начальникъ русскаго флота въ Средиземномъ морѣ, адмиралъ Ушаковъ, просилъ у Фрелиха объясненій; австрійскій генералъ отвѣчалъ, что по множеству занятій не имѣетъ времени входить въ подробности.

Императоръ Павелъ потребовалъ полнаго удовлетворенія и, до полученія его, отказалъ австрійскому послу въ пріѣздѣ ко двору. Вызвали Фрелиха въ Вѣну, нарядили военно-судную комиссію; депутатомъ съ русской стороны командировали Милорадовича; Фрелихъ былъ приговоренъ къ исключенію изъ службы. Это рѣшеніе нисколько не удовлетворило Русскаго Государя, да и послѣдовало оно уже въ февралѣ 1800 года; первое же донесеніе о дерзкомъ поступкѣ Фрелиха получено было въ Петербургѣ въ декабрѣ 1799 года, какъ бы въ подкрѣпленіе принятаго тогда Государемъ рѣшенія о разрывѣ съ Австріей. Переговоры еще продолжались, но разрывъ уже состоялся.

Измѣнились совершенно и отношенія Петербургскаго двора къ Лондонскому. Во время Голландской экспедиціи Англичане погрѣшили недостаточною заботливостью о русскихъ войскахъ, которыя чрезъ это терпѣли много лишеній; произошли недоразумѣнія въ разсчетѣ англійскихъ субсидій, по поводу чего Императоръ Павелъ отозвался, что онъ «подаетъ помощь своимъ союзникамъ, а не торгуетъ наемными войсками и не продаетъ своихъ услугъ»; возникли нѣкоторыя неудовольствія при переговорахъ о планѣ будущей кампаніи и по другимъ случаямъ. Все это, вмѣстѣ взятое, не составляло еще достаточной причины для разрыва, тѣмъ болѣе, что Лондонскій кабинетъ искренно желалъ поддержанія коалиціи, но во взглядахъ Императора Павла произошелъ уже поворотъ, и темпераментъ неудержимо увлекалъ его по направленію, противоположному прежнему. Задумавъ въ началѣ нѣчто въ родѣ крестоваго похода противъ Франціи, онъ подъ конецъ убѣдился, что въ основную мысль коалиціи только самъ и вѣрилъ, а другіе, дѣлая видъ будто вѣрятъ, эксплоатировали ее каждый въ своемъ интересѣ. Придя къ такому заключенію, онъ уже не могъ оставаться въ коалиціи; нужно было только пріискать логическое объясненіе своего

поступка для спасенія приличій и для собственнаго утѣшенія. Это было дѣломъ не труднымъ, и въ послѣднихъ числахъ декабря Ростопчинъ получилъ повелѣніе: «если будетъ рѣчь о выходѣ Императора изъ коалиціи, то объяснять, что при всеобщемъ желаніи мира, разрушеніе коалиціи этому помогаетъ»[12]).

Итакъ коалиція распалась, и русской арміи ничего больше не оставалось, какъ возвратиться во свояси, не ожидая весны. Суворовъ такъ и сдѣлалъ, опять не дождавшись высочайшаго повелѣнія, которое въ этомъ смыслѣ хотя уже послѣдовало, но не было еще ему извѣстно. Русскія войска стояли больше мѣсяца на просторныхъ квартирахъ, отдохнули, оправились, одѣлись и готовы были хоть сейчасъ въ походъ. Въ виду настойчивыхъ требованій Вѣнскаго кабинета, Суворовъ нашелъ возможнымъ не откладывать дальнѣйшій походъ, тѣмъ паче, что имѣлъ на это отъ Императора Павла полномочіе, и января 14 армія выступила двумя колоннами, кромѣ корпуса Конде, который перешелъ на содержаніе Англіи. Въ русскіе предѣлы войска вступили разновременно, большею частью въ мартѣ; самъ Суворовъ, захворавъ вскорѣ по выѣздѣ изъ Праги, остановился въ Краковѣ, сдалъ начальство Розенбергу и отдалъ по войскамъ прощальный приказъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

На пути въ Россію; 1799 — 1800.

Душевныя муки Суворова вслѣдствіе недостигнутыхъ цѣлей войны. — Общее вниманіе къ нему и его войскамъ во время обратнаго пути въ Россію. — Настроеніе Императора Павла и русскаго общества; переписка Государя съ Суворовымъ; восторженныя заявленія другихъ государей и лицъ. — Негодованіе Суворова по поводу французскихъ извѣстій о Швейцарской кампаніи; неудовольствіе, причиненное ему присылкою изъ Вѣны генерала Бельгарда съ особой миссіей; ея неудача. — Образъ жизни Суворова; пріемы, забавы, эксцентричности. — Суворовъ-чудакъ; происхожденіе и развитіе его странностей; усиленіе ихъ къ концу его жизни; отзывы о немъ, какъ о помѣшанномъ. — Другіе недостатки, ему приписываемые; объясненіе. — Заботы Суворова о будущности сына; помолвка князя Аркадія съ принцессой Саганской.

Обратный путь Суворова въ Россію, перемежавшійся вслѣдствіе колебаній политики частыми остановками, продолжался больше трехъ мѣсяцевъ. Это время, наполненное для Суворова заботами о войскахъ, страшно разстроившихъ въ Швейцарскую кампанію всю свою матеріальную часть, сопровождалось сверхъ того, какъ мы видѣли, многими непріятностями — наслѣдіемъ предшествовавшихъ событій. Но непріятности эти далеко уступали душевнымъ мукамъ, которыя выносилъ Суворовъ, удаляясь съ театра войны съ горькимъ сознаніемъ неполнаго успѣха Итальянской кампаніи и совершенной неудачи Швейцарской. Поправить эту неудачу новыми успѣхами было его мечтою, которая первое время не давала ему покоя и влекла за собою колебаніе и непослѣдовательность въ нѣкоторыхъ его поступ-

кахъ. Но мечта такъ и должна была остаться мечтою, въ силу неумолимо-отрицавшей ее дѣйствительности. Что кампанія была военнымъ дѣломъ славнымъ, блестящимъ, достаточнымъ для завидной боевой репутаціи любого генерала, — это для Суворова было слабымъ утѣшеніемъ, ибо въ его прошломъ не было ничего другого, кромѣ блестящаго и славнаго. Ему нужно было то, для чего онъ сюда явился изъ своего Кончанскаго уединенія, — изгнаніе Французовъ, возстановленіе престоловъ, торжество религіи; а въ результатѣ почти ничего такого не оказывалось. Не онъ былъ въ томъ виноватъ, а зависть, эгоизмъ и упорная робость союзника, однако все это оборвалось на немъ. Въ сердцѣ его осталась горечь, которую онъ унесъ съ собою и въ могилу.

Не совсѣмъ такъ смотрѣло на это большинство современниковъ въ анти-революціонной Европѣ. Одни изъ нихъ понимали, какъ связанъ былъ въ своихъ дѣйствіяхъ русскій полководецъ, и потому отдѣляли понятіе объ успѣхѣ отъ понятія о его недостаточномъ результатѣ. Другіе, не вдаваясь въ глубь, видѣли только блескъ и слышали только громъ побѣды и приходили въ восторгъ отъ необычнаго зрѣлища, составлявшаго сильный контрастъ съ длиннымъ рядомъ прежнихъ лѣтъ коалиціи. Для всѣхъ вообще особенно поразительна была Швейцарская кампанія, представлявшая собою одинъ непрерывный подвигъ съ драматической окраской. Имя Суворова, выросшее въ Итальянскую кампанію, послѣ Швейцарской облеклось двойнымъ блескомъ; и когда онъ, удалившись съ театра войны, вступилъ въ Германію, то сталъ центромъ общаго вниманія. Всюду на его пути, особенно же при болѣе продолжительныхъ его остановкахъ въ Линдау, Аугсбургѣ, Прагѣ, стекались путешественники, дипломаты, военные, наѣзжали изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ любопытные, чтобы услышать отъ него нѣсколько словъ, выразить ему удивленіе или хоть просто взглянуть на него. Общее почтеніе граничило съ благоговѣніемъ; дамы добивались чести поцаловать его руку, и онъ не особенно тому противился. Вездѣ были ему встрѣчи и проводы, хотя онъ этого избѣгалъ; всякое общественное собраніе жаждало имѣть его своимъ гостемъ. Отель барона Вимера, который онъ занималъ въ

Прагѣ, сдѣлался rendez-vous высшаго общества, обратился въ подобіе дворца владѣтельной особы, куда все стремилось, гдѣ ловилось каждое слово хозяина и гдѣ всякій гордился малѣйшимъ знакомъ его вниманія. Это настроеніе не ограничивалось одною особою Суворова, а распространялось и на его войска, которыя вездѣ встрѣчали дружескій и предупредительный пріемъ, особенно въ Австріи, и были предметомъ всякаго рода любезностей. «Мы здѣсь плавали въ медѣ и маслѣ», писалъ онъ Ростопчину передъ выступленіемъ въ Россію [1]).

Русское общество гордилось своимъ героемъ и восторженно ему поклонялось. Императоръ Павелъ былъ настоящимъ представителемъ національнаго настроенія; всѣ свои рескрипты онъ сопровождалъ изъявленіями самаго милостиваго расположенія къ генералиссимусу, говорилъ о своемъ съ нимъ единомысліи, спрашивалъ совѣтовъ, извинялся, что самъ даетъ наставленія. «Прощайте, князь Александръ Васильевичъ», писалъ Государь: «васъ да сохранитъ Господь Богъ, а вы сохраните россійскихъ воиновъ, изъ коихъ одни вездѣ побѣждали отъ того, что были съ вами, а другихъ побѣдили затѣмъ, что не были съ вами». Въ другомъ рескриптѣ говорилось: «извините меня, что я взялъ на себя преподать вамъ совѣтъ; но какъ я его единственно даю для сбереженія моихъ подданныхъ, оказавшихъ мнѣ столько заслугъ подъ предводительствомъ вашимъ, то я увѣренъ, что вы съ удовольствіемъ его примете, зная вашу ко мнѣ привязанность». Въ третьемъ читаемъ: «пріятно мнѣ будетъ, если вы, введя въ предѣлы россійскіе войска, не медля ни мало пріѣдете ко мнѣ на совѣтъ и на любовь». Въ четвертомъ значится: «не мнѣ тебя, герой, награждать, ты выше мѣръ моихъ, но мнѣ чувствовать сіе и цѣнить въ сердцѣ, отдавая тебѣ должное». Государь до того простеръ свою любезность, что, отвѣчая на поздравленіе Суворова съ новымъ годомъ добрыми со свой стороны пожеланіями, просилъ его подѣлиться ими съ войсками, если онъ, Государь, «того стоитъ» и высказывалъ желаніе — «быть достойнымъ такого воинства» [2]).

Не мало благосклонныхъ заявленій получилъ Суворовъ и отъ другихъ государей. Курфирстъ Баварскій, посылая ему

орденъ Губерта, писалъ, что такъ какъ ордена учреждены въ воздаяніе достоинствъ и заслугъ, то никто больше Суворова не имѣетъ на нихъ права. Сардинскій король прислалъ ему большую цѣпь ордена Анунціаты, причемъ писалъ: «мы увѣрены, что вы, братъ нашъ, не оставите ходатайствовать за насъ у престола Его Императорскаго Величества». Даже Вѣнскій дворъ какъ будто спохватился и счелъ нужнымъ обратиться къ нему съ любезностью: императоръ Францъ прислалъ ему большой крестъ Маріи Терезіи, говоря въ рескриптѣ: «я буду всегда вспоминать съ чувствомъ признательности о важныхъ услугахъ, мнѣ и моему дому вами оказанныхъ». Кромѣ того, Францъ II оставилъ Суворову на всю жизнь званіе австрійскаго фельдмаршала съ жалованьемъ въ 12,000 гульденовъ; позже, несмотря на то, что союзъ былъ разорванъ и русскія войска окончательно двинулись въ свое отечество, онъ повторилъ заявленіе искренняго своего уваженія къ Суворову и всегдашней признательности за его заслуги [2]). Курфирстъ Саксонскій прислалъ въ Прагу, во время пребыванія тамъ Суворова, извѣстнаго живописца Шмидта, поручивъ ему написать портретъ генералисимуса, что и было имъ исполнено [3]).

Знаменитый адмиралъ лордъ Нельсонъ, который, по словамъ русскаго посла въ Лондонѣ, былъ въ то время вмѣстѣ съ Суворовымъ «идоломъ» англійской націи, тоже прислалъ генералисимусу восторженное письмо. «Въ Европѣ нѣтъ человѣка», писалъ онъ: «который бы любилъ васъ такъ, какъ я; всѣ удивляются, подобно Нельсону, вашимъ великимъ подвигамъ, но онъ любитъ васъ за презрѣніе къ богатству». Кто-то назвалъ Суворова «сухопутнымъ Нельсономъ»; Нельсону это очень польстило. Кто-то другой увѣрялъ, что между русскимъ генералисимусомъ и англійскимъ адмираломъ существуетъ очень большое наружное сходство. Радуясь этому, Нельсонъ прибавляетъ въ письмѣ къ Суворову, что хотя дѣла его, Нельсона, не могутъ равняться съ Суворовскими, но онъ проситъ Суворова не лишать его дорогого имени любящаго брата и искренняго друга. Суворовъ отвѣчалъ Нельсону въ томъ-же родѣ, изъявлялъ удовольствіе, что портреты ихъ удостовѣряютъ въ дѣйствитель-

ности существующаго между оригиналами сходства, но въ особенности гордился тѣмъ, что оба они похожи другъ на друга направленіемъ мыслей. Получилъ онъ также горячій привѣтъ отъ стараго своего сподвижника, принца Кобургскаго. Въ Кобургъ ѣздилъ великій князь Константинъ Павловичъ, чрезъ котораго Суворовъ послалъ принцу поклонъ или письмо и получилъ черезъ великаго же князя отвѣтъ. Принцъ называетъ его величайшимъ героемъ времени, благодаритъ за память, жалѣетъ объ удаленіи русской арміи въ отечество и сѣтуетъ о горькой участи Германіи. Суворовъ отвѣчаетъ принцу и между прочимъ говоритъ, что вся причина неудачи состоитъ въ различіи системъ и что, не сойдясь въ системахъ, не стоитъ начинать и новой кампаніи [4]).

Получалъ Суворовъ и отъ незнакомыхъ лицъ привѣтствія и поздравленія. Какой то поэтъ Брежинскій прислалъ написанныя въ честь его, Суворова, свои стихи. Суворовъ отвѣчалъ стихами же.

И въ холодномъ краю свѣта
Есть къ наукамъ пылкій жаръ:
Благодарность для поэта
Вмѣсто лавровъ будетъ въ даръ.
Пусть въ отечествѣ любезномъ
Онъ Гомеромъ прослыветъ,
Будетъ гражданинъ полезный,
Вмѣстѣ съ музами живетъ [5]).

Въ дыму фиміама, который со всѣхъ сторонъ курили Суворову, проскакивали однако и терніи. Въ разныхъ газетахъ появился приказъ Массены по войскамъ о минувшей Швейцарской кампаніи, гдѣ успѣхъ Французовъ и неудача Русскихъ были представлены въ размѣрѣ преувеличенномъ до извращенія истины. Суворовъ пришелъ въ негодованіе, продиктовалъ два опроверженія и велѣлъ послать ихъ въ газеты. Въ репликѣ своей, написанной съ иронією, но въ весьма приличной формѣ, онъ говоритъ про пылкое воображеніе Массены, преувеличившее русскія потери до цифры, превышающей общее численное состояніе ихъ войскъ; напоминаетъ про бѣдственное для Францу-

зовъ мутентальское дѣло, опровергаетъ разныя другія хвастливыя выходки и въ заключеніи говоритъ, что если французскій главнокомандующій призналъ нужнымъ возбудить энтузіазмъ своей арміи, то ему слѣдовало бы прибѣгнуть къ какой нибудь другой баснѣ, получше составленной, а не къ грубому обману, который можно опровергнуть безъ всякаго труда. Появилось также изложеніе событій Швейцарской кампаніи въ Précis des évènements militaires, гамбургскомъ періодическомъ изданіи генерала Матье Дюма, предпринятомъ для ознакомленія публики съ современными военными дѣйствіями. Смыслъ изложенія событій былъ вовсе не непріязненъ Суворову, а только представлялись они не во всѣхъ подробностяхъ сходно съ истиной, какъ понималъ ее Суворовъ, не всегда въ его пользу и съ преувеличеніемъ русскихъ силъ. Это опять задѣло Суворова, и онъ снова продиктовалъ двѣ замѣтки для напечатанія въ газетахъ, одну на французскомъ, другую на нѣмецкомъ языкѣ [*]).

Произошло сверхъ того непріятное столкновеніе съ Вѣнскимъ кабинетомъ. Тугуту очень не нравилось, какъ было уже сказано, рѣшеніе Суворова—остановиться на зимнихъ квартирахъ въ австрійскихъ владѣніяхъ, а потому для убѣжденія генералиссимуса въ необходимости скорѣйшаго выступленія былъ посланъ къ нему графъ Бельгардъ. Это былъ горячій приверженецъ Тугута, интриганъ, человѣкъ заносчивый и несговорчивый, который къ тому же не любилъ Суворова. Колычевъ и англійскій посланникъ Минто старались уговорить Тугута—послать кого нибудь другого, но безуспѣшно, и потому Минто поѣхалъ самъ вслѣдъ за Бельгардомъ, дабы по возможности исправить, что онъ напортитъ. Офиціальною цѣлью переговоровъ былъ планъ будущей кампаніи, но Суворовъ былъ предупрежденъ на счетъ истинной цѣли порученія. Бельгардъ встрѣтилъ у него вѣжливый, но холодный пріемъ; на всѣ его убѣжденія о необходимости вывести русскія войска изъ Австріи, Суворовъ отзывался невозможностью этого исполнить безъ особаго повелѣнія Императора Павла; на всѣ подходы къ плану кампаніи говорилъ, что представитъ прежде свои мнѣнія на усмотрѣніе Государя. Бельгардъ возвышалъ голосъ, Суворовъ оставался при высказанномъ; Бель-

гардъ переходилъ въ дерзкій тонъ, говоря, что у Австріи довольно своихъ войскъ, что она въ Русскихъ не нуждается, и требовалъ, чтобы Суворовъ немедленно ушелъ изъ австрійскихъ земель впередъ или назадъ; Суворовъ невозмутимо выслушивалъ всѣ выходки и повторялъ прежніе отвѣты. Бельгардъ, выходившій изъ себя отъ безстрастности Суворова, дошелъ до крика и угрозъ, но и это не помогло ни на волосъ. Суворовъ, недавно узнавшій, что многіе его винятъ въ разрывѣ, запасся двойнымъ терпѣніемъ, «дабы не было поклепа, что я великаго монарха въ неудовольствіе привелъ на Вѣнскій дворъ». Бельгардъ уѣхалъ, ничего отъ него не добившись, но все таки выслушалъ отъ Суворова нѣсколько горькихъ истинъ. Ему было при удобномъ случаѣ сказано, что затрудненія въ продовольствіи войскъ есть только предлогъ, чтобы сжить русскія войска; да еще во время святочныхъ игръ привелось ему выслушать отъ Суворова фразу: «играли Неаполемъ, мстили Пьемонту, а теперь хотятъ играть Россіей». Кромѣ того Суворовъ открыто отзывался о присланныхъ съ Бельгардомъ военныхъ предположеніяхъ, что эти планы кампаніи краснорѣчивы, но искуственны; прекрасны, но не хороши; блистательны, но не основательны [7]).

Вообще же ни разныя мелкія непріятности, ни постоянный гнетъ неотвязной мысли о дурномъ исходѣ послѣдней кампаніи, не имѣли вліянія на образъ жизни Суворова во время обратнаго похода въ Россію. Этого было слишкомъ мало, чтобы его, веселаго, живого и подвижного по природѣ, превратить въ мизантропа. Не будучи охотникомъ до большихъ и шумныхъ обществъ, онъ въ настоящемъ случаѣ отступилъ отъ своего обычая, ѣздилъ въ гости довольно часто и принималъ у себя, особенно въ святки. Онъ всегда дорожилъ святками, справлялъ ихъ непремѣнно каждый годъ по укоренившемуся русскому обычаю и не отступилъ отъ этого и въ Прагѣ. Здѣсь устраивались у него святочныя игры,—фанты, жмурки, жгуты, гаданья; всѣ принимали въ нихъ участіе, въ угоду знаменитому хозяину: и лордъ Минто, и Бельгардъ и знатныя дамы, и путешественники, отовсюду наѣхавшіе. Шли оживленные танцы, пѣлись хоромъ пѣсни, одна забава смѣнялась другою, причемъ

происходила невообразимая путаница, такъ какъ для большинства все это представлялось новинкой. Суворовъ принималъ въ забавахъ самое живое участіе, танцовалъ, пѣлъ, исполнялъ со строгою точностью, что̀ требовалось вынутымъ фантомъ, нарочно спутывалъ игры и потомъ отъ души хохоталъ. Въ этомъ препровожденіи времени трудно было принять его за человѣка, вознесеннаго судьбою на недосягаемую для другихъ вышину, за 70-лѣтняго старика, дни котораго были уже сочтены [2]).

Бывали у него и утренніе пріемы, и обѣды; присутствовали гости и на богослуженіи въ его домовой церкви. За столъ садились обыкновенно между 8 и 9 часами утра; стряпня была такая же, какъ въ Италіи, т.-е. выносимая для однихъ привычныхъ; обѣдъ продолжался часа полтора или два. Выйдя къ гостямъ, Суворовъ обыкновенно цаловался со всѣми и благословлялъ каждаго; за столомъ ѣлъ и пилъ больше всѣхъ, ведя оживленный разговоръ, причемъ самъ говорилъ тоже больше всѣхъ. Темы для разговора были самыя разнообразныя, напримѣръ объ Иліадѣ, о пѣсняхъ Оссіана, о сочиненіяхъ Руссо, Вольтера, Монтескье; но бесѣда часто сворачивала на военныя заслуги хозяина. Суворовъ былъ очень не прочь затрогивать этотъ предметъ и не отличался скромностью въ сужденіяхъ о своихъ боевыхъ дѣлахъ, извиняя себя примѣромъ древнихъ Римлянъ, которые прибѣгали къ самовосхваленію для того, чтобы возбуждать соревнованіе въ слушателяхъ. При этомъ случаѣ Суворовъ развивалъ свои военные принципы; говорилъ, что мелочей не любитъ, а видитъ вещи en grand, какъ и учитель его Юлій Цезарь, и т. п. По окончаніи обѣда Суворовъ вставалъ, давалъ всѣмъ свое благословеніе и отправлялся на нѣсколько часовъ спать. Въ церкви онъ бывалъ часто, выстаивалъ непремѣнно всю службу, молился очень усердно, поминутно крестясь и дѣлая земные поклоны, пѣлъ на клиросѣ, дирижируя пѣвчими. Вообще въ церкви ли, дома ли, въ частныхъ ли собраніяхъ, или въ публичныхъ мѣстахъ, онъ держалъ себя одинаково непринужденно, согласно своему взгляду или усвоеннымъ привычкамъ. А какъ взгляды его и привычки во многомъ расходились съ общеприпятыми и кромѣ того безпрестанно проскакивали со-

всѣмъ уже необычныя причуды и выходки, то знаменитость Суворова, какъ эксцентрика, шла совершенно въ паралель съ его военной славой и даже брала надъ нею верхъ [8]).

Создались различныя мнѣнія о причинѣ странностей и причудъ Суворова, сдѣлавшихъ изъ него совершенно особаго человѣка, несмотря на то, что онъ жилъ въ эпоху и въ обществѣ, гдѣ рѣдкое выдающееся лицо не заявляло претензій на оригинальность, на несходство свое съ другими. Наиболѣе распространенный взглядъ на Суворова-чудака состоитъ въ томъ, будто императрица Екатерина высказала однажды мысль, что всѣ великіе люди непремѣнно отличались какими нибудь странностями и причудами, которыя и клали на каждаго изъ нихъ свою особую печать. Говорятъ, что слова Государыни запали Суворову въ душу и были исходною точкой всѣхъ его странностей. Съ такимъ объясненіемъ трудно согласиться. Во-первыхъ, Суворовъ настолько зналъ исторію, что Екатерина не могла сообщить ему ничего новаго о великихъ людяхъ. Во-вторыхъ, чудачества Суворова не появились внезапно, въ какую-нибудь опредѣленную пору, которая бы такимъ образомъ служила гранью между Суворовымъ-обыкновеннымъ и Суворовымъ-чудакомъ. Въ первой главѣ мы видѣли, что въ возрастѣ 10—12 лѣтъ Суворовъ уже отличался отъ другихъ дѣтей и получилъ поэтому какую-то кличку. Затѣмъ, находясь въ полку, онъ тоже былъ не такимъ, какъ другіе. Послѣ того, во время Семплѣтней войны, когда Екатерина не находилась еще на престолѣ, а Суворовъ былъ безвѣстнымъ штабъ-офицеромъ, его уже знали, какъ эксцентрика и, по случаю пріѣзда его на побывку къ отцу, приходили на него смотрѣть, какъ «на сущаго чудака» [9]).

Говорятъ еще, что задавшись мыслью выдѣлиться изъ ряда внѣшнею оригинальностью, Суворовъ составилъ себѣ такимъ образомъ систему, которой и держался сначала по разсчету, а потомъ по усвоенной привычкѣ, т.-е. привычка стала второю натурой, и оригиналъ искуственный обратился въ чудака натуральнаго. Объясняютъ, что маску на себя надѣлъ онъ для того, чтобы въ вѣкъ карьеръ, основанныхъ не на личномъ достоинствѣ, обратить на себя вниманіе, представляясь не опас-

нымъ ни для кого соперникомъ, и пробираться впередъ, никого не затрогивая. Существуетъ еще и такой взглядъ, что геніальный Суворовъ, чувствуя свое фальшивое положеніе въ тогдашней обстановкѣ, поневолѣ прибѣгнулъ къ причудливой личинѣ. Всѣ эти объясненія тоже едва ли справедливы. Одаренный большимъ умомъ, Суворовъ не могъ придавать такого чрезмѣрнаго значенія наружной оболочкѣ, каково бы ни было тогдашнее время; онъ конечно понималъ, что если величіе можетъ вести къ странностямъ, то странности никакъ не ведутъ къ величію. Сверхъ того, привить къ себѣ привычку шутить и ломаться до степени обращенія этой привычки въ натуру, невозможно ни для кого, если только въ натурѣ нѣтъ предрасполагающихъ эксцентрическихъ зачатковъ. Если же они у Суворова были, то систематическое его чудачество перестаетъ быть напускнымъ и дѣлается естественнымъ, прирожденнымъ.

Въ этомъ смыслѣ понимаютъ Суворова нѣкоторые, весьма немногіе, и взглядъ ихъ вѣрнѣе прочихъ. Натура Суворова отличалась самостоятельностью, непосредственностью; подражаніе, заимствованіе діаметрально противуположны ея основнымъ свойствамъ, а принужденіе, насилованіе себя — тѣмъ паче. Онъ съ раннихъ лѣтъ былъ предоставленъ самому себѣ, проводилъ большую часть времени въ одиночествѣ, бесѣдуя не съ людьми, а съ книгами, чуждался большихъ собраній, избѣгалъ даже игръ,— вотъ когда подъ эксцентрическія особенности его натуры былъ подведенъ житейскій фундаментъ. Поступивъ потомъ въ полкъ, онъ предался физически и морально своей всепоглощающей страсти къ военному дѣлу, не имѣлъ досуговъ, не бывалъ въ обществѣ и продолжалъ держаться прежняго пути, полный мечтами о будущемъ. При природной закваскѣ и такихъ условіяхъ, въ немъ неизбѣжно должны были развиться особенности, не подходящія къ общепринятымъ формамъ жизни; веселый, подвижный, юркій характеръ придалъ странностямъ направленіе шутливое, потѣшное, а долговременная солдатская служба, не номинальная, а заправская, безъ отгуливаній и уступокъ, наложила на шутки и потѣшныя выходки Суворова грубоватый характеръ, пахнувшій лагеремъ, солдатской палаткой. Когда же

при расширившейся служебной сферѣ и оказанныхъ заслугахъ, онъ натыкался на непріятности, на несправедливости и получалъ чувствительные уколы своему самолюбію, въ немъ, соотвѣтственно свойствамъ его ума, сталъ развиваться сарказмъ, и шутки дѣлались все болѣе ѣдкими и злыми. Такимъ образомъ сформировался Суворовъ-чудакъ, портретъ котораго въ главныхъ чертахъ извѣстенъ каждому.

Сформировался онъ не сразу; было бы большою ошибкой предполагать, что Суворовъ-чудакъ проявлялся одинаково во всю свою жизнь. Напримѣръ, мы находимъ въ 80-хъ годахъ въ его деревенскомъ домѣ стѣнныя зеркала, а въ 90-хъ годахъ онъ уже ихъ не переносилъ; въ началѣ службы онъ держалъ своихъ верховыхъ лошадей, а въ концѣ уже нѣтъ и ѣздилъ на казачьихъ. Если разница существовала въ мелочахъ, то тѣмъ скорѣе она должна была высказаться въ важномъ, потому что человѣкъ маленькій и человѣкъ большой—сами собой уже составляли разницу. Внутренній человѣкъ оставался одинъ и тотъ же, но человѣкъ практической жизни измѣнялся: сначала сдерживался больше, потомъ меньше, а подъ конецъ и вовсе не сдерживался. Не всѣ его поступки и не всегда укладываются подъ это объясненіе; зачастую онъ дозволяетъ себѣ, по отношенію наприм. къ Потемкину, многое такое, что совсѣмъ не ладится съ его обычнымъ поведеніемъ относительно всесильнаго временщика. Но эта неровность, эти порывы лучше всего и доказываютъ, что Суворовъ сдерживалъ себя, но что ему не всегда удавалось сладить со своей натурой. Въ отношеніяхъ его къ Зубову такихъ неровностей уже почти не замѣчается: слѣдить за собою можно было меньше.

Такимъ образомъ, Суворовъ явился въ Европу съ полнымъ проявленіемъ своей экцентрической натуры и представилъ своею особой обширное поле для наблюденій иностранцевъ, не привычныхъ къ подобнаго рода развитію личности. Побѣдная итальянская кампанія и эпическій швейцарскій походъ, усплившіе его военную славу, увеличили вниманіе и къ его странностямъ. Ничто не осталось незамѣченнымъ въ образѣ его жизни, занятій, въ обращеніи съ людьми, въ одеждѣ, не говоря уже про тѣ вы-

ходки, которыя выдѣлялись своею экстраординарностью въ его ординарномъ для привычнаго глаза чудачествѣ. А такихъ выходокъ было не мало. Въ Прагѣ ему представлялся австрійскій генералъ, большого роста, которымъ онъ почему-то имѣлъ причину быть недовольнымъ (можетъ быть Бельгардъ). Суворовъ поспѣшно вышелъ въ пріемную, схватилъ стулъ, всталъ на него, поцаловалъ генерала и, обратившись къ присутствующимъ, сказалъ: «это великій человѣкъ, онъ вотъ меня тамъ-то не послушалъ», а потомъ повторилъ свои слова по нѣмецки. Генералъ поблѣднѣлъ, а Суворовъ пересталъ обращать на него вниманіе. Въ Прагѣ же одинъ изъ мѣстныхъ вельможъ давалъ балъ; была приготовлена пышная встрѣча генералисимусу, вся лѣстница уставлена сверху до низу растеніями и отъ верху же до низу протягивались по ней двѣ шпалеры нарядныхъ дамъ. Выйдя изъ кареты и подойдя къ лѣстницѣ, Суворовъ сдѣлалъ «такую непристойность, которая заставила дамъ отвернуться» (вѣроятно высморкался по солдатски), а Прошка подалъ ему сейчасъ полотенце обтереть руки. Суворовъ пошелъ по лѣстницѣ, раскланиваясь на обѣ стороны; на верху его встрѣтили музыкой, и одна изъ дамъ (беременная) запѣла: «славься симъ Екатерина». Суворовъ слушалъ съ видимымъ удовольствіемъ, потомъ подошелъ къ пѣвицѣ, перекрестилъ ей будущаго ребенка и поцѣловалъ ее въ лобъ, отчего она вся вспыхнула. Начались танцы; Суворовъ ходилъ и смотрѣлъ на танцующихъ; когда же заиграли вальсъ, и пары понеслись одна за другой, онъ подхватилъ своего адъютанта и пошелъ съ нимъ вальсировать не въ тактъ, въ противуположную сторону, безпрестанно сталкиваясь съ танцующими. Обходя затѣмъ разныя комнаты, наполненныя гостями, онъ замѣтилъ прозрачную картину, изображавшую знаменитое отступленіе Моро (въ 1796 году). Суворовъ посмотрѣлъ на нее и обратился къ хозяину съ вопросомъ, не желаетъ ли онъ видѣть на самомъ дѣлѣ, какъ Моро ретировался; хозяинъ хотя и не понялъ вопроса, однако отвѣчалъ изъ вѣжливости утвердительно. «Вотъ какъ», сказалъ Суворовъ, побѣжалъ по комнатамъ, спустился съ лѣстницы, сѣлъ въ карету и уѣхалъ домой. Говорили потомъ, что вся эта неприличная сцена была

разыграна Суворовымъ потому, что хозяйка дома была дочь Тугута [10]).

Замѣтили, что онъ щеголялъ показной религіозностью. Что касается до пѣнія на клиросѣ во время православнаго богослуженія, чтенія псалтыря, многихъ земныхъ поклоновъ и проч., то въ этомъ не было ни какой утрировки, а выражалось какъ и всегда обычное благочестіе Суворова и ревностное исполненіе церковныхъ обрядовъ. Но затѣмъ, встрѣчаясь съ иновѣрческими прелатами и простыми священниками, онъ слѣзалъ съ лошади и подходилъ подъ благословеніе, иногда даже бросался передъ ними на колѣни. Такимъ образомъ онъ поступилъ въ Альторфѣ, встрѣтивъ одного мѣстнаго священника, но потомъ, получивъ на него весьма серьезную жалобу, приказалъ ему дать 50 палокъ. Это конечно объясняется тѣмъ, что воюя «съ атеистами, убившими своего короля», Суворовъ желалъ высказывать наибольшее уваженіе къ христіанской религіи и къ служителямъ алтарей, а въ альторфскомъ священникѣ наказывалъ простого преступника. Однако его способы совсѣмъ не ладились съ установившимися воззрѣніями, понятіями и обычаями, а потому цѣли не достигали и принимались за капризныя выходки варвара-чудака. Подъ эту категорію подводилось безъ разбора почти все, что дѣйствительно было чудачествомъ и что только такимъ казалось. Надѣвалъ ли онъ на себя среди обѣда шляпу одного изъ гостей, или ѣлъ за десертомъ солдатскую кашу, или выходилъ къ обѣду въ сапогѣ на одной ногѣ, а въ туфлѣ на другой, страдавшей отъ давней раны,—все это одинаково шло за афектацію, за утрировку эксцентрика, не отполированнаго цивилизаціей [11]).

Разнузданность чудака должна была отразиться и на другихъ проявленіяхъ натуры Суворова въ томъ же направленіи. Въ Линдау, за обѣдомъ, разговоръ коснулся между прочимъ Руссо, котораго Суворовъ считалъ одною изъ причинъ злодѣйствъ и ужасовъ французской революціи. Одинъ генералъ замѣтилъ, что между твореніями Руссо есть прекрасныя. Суворова это взорвало, и онъ съ рѣзкостью приказалъ спорщику убираться изъ-за стола. Озадаченный и сконфуженный генералъ замѣтилъ, что онъ разумѣлъ не Жанъ Жака, а Жанъ Батиста

Руссо. «Это другое дѣло», сказалъ Суворовъ и пригласилъ его остаться. Нѣсколько раньше, по выходѣ изъ швейцарскихъ горъ, Суворовъ, по свидѣтельству очевидца, сильно набросился на одного въ чемъ-то провинившагося генерала, долго его журилъ, а потомъ приказалъ надѣть солдатскую шляпу или каску и амуницію, взять ружье и стать на часы у его, Суворова, дверей, на два часа [10]).

Во время серьезной работы, съ кѣмъ нибудь глазъ-на-глазъ, или вообще у себя дома, безъ постороннихъ, а также въ бесѣдахъ съ иностранцами, особенно высоко стоящими или пользующимися его исключительнымъ уваженіемъ, онъ забывалъ свою «блажь» (по выраженію современниковъ) и дѣлался неизмѣнно серьезенъ, увлекательно краснорѣчивъ, обнаруживалъ обширный, многосторонне-образованный умъ и замѣчательную мѣткость сужденій. Такъ отзывалась о немъ покойная императрица Екатерина, и справедливость ея словъ нѣсколько разъ подтверждалась во время заграничнаго похода Суворова. Въ Аугсбургъ пріѣхалъ князь Эстергази съ орденами Маріи Терезіи, пожалованными Францомъ II великому князю Константину Павловичу и Суворову, и съ порученіемъ — склонить великаго князя на посредничество въ происшедшихъ между двумя императорами недоразумѣніяхъ. Ордена были приняты, но отъ улаживанія недоразумѣній Константинъ Павловичъ отказался, подъ предлогомъ, что состоитъ при арміи Суворова волонтеромъ. Посовѣтовали Эстергази обратиться къ Суворову; онъ замѣтилъ, что не стоитъ обращаться къ человѣку, отъ котораго нельзя добиться ничего, кромѣ разныхъ выходокъ; ему возразили, что наединѣ Суворовъ совсѣмъ не таковъ. Эстергази рѣшился сдѣлать попытку, съ большимъ трудомъ добился аудіэнціи и хотя не достигъ въ своихъ переговорахъ никакого успѣха, но сознался, что былъ обвороженъ обширнымъ и просвѣщеннымъ умомъ Суворова, вполнѣ соотвѣтствующимъ его великому военному таланту [13]).

Такіе случаи впрочемъ не составляли общаго правила, гарантировавшаго при всякихъ условіяхъ отъ Суворовскихъ странностей. Бывало большею частью такъ, но случалось и иначе. Сама Екатерина, говоря, что Суворовъ перестаетъ быть съ нею

наединѣ чудакомъ, прибавляла: «когда захочетъ», а одно изъ близкихъ къ нему лицъ замѣчаетъ, что серьезное, дѣловое его настроеніе быстро смѣнялось выходками и причудами, какъ только собесѣдникъ дѣлалъ какую нибудь незначительную безтактность или неловкость. Эта легкость — быть чудакомъ и трудность — не быть имъ, тоже доказываютъ, что Суворовъ былъ чудакомъ не напускнымъ, а натуральнымъ. Нѣкоторые иностранцы, видѣвшіе его въ послѣдніе годы, свидѣтельствуютъ, что онъ производилъ на нихъ впечатлѣніе человѣка полупомѣшаннаго, или даже просто помѣшаннаго, съ чѣмъ соглашались и его приближенные, говоря, что дѣйствительно онъ бываетъ иногда черезъ-чуръ страненъ. Развѣ можетъ человѣкъ, напустивъ на себя что-либо, не находящее себѣ почвы въ самой натурѣ, довести эту искуственную прибавку до измѣненія своего образа? [14]).

Въ Суворовѣ конечно не было и тѣни помѣшательства, а было безграничное чудачество, удивлявшее всѣхъ своими размѣрами, а иностранцевъ кромѣ того и характеромъ. Одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ военныхъ писателей [15]) прямо говоритъ, что странности Суворова «понизили его военную славу въ глазахъ иностранцевъ». Оно и понятно, если нѣчто подобное происходило и въ Россіи. Екатерина II и говорила, и поступками своими доказывала, что странностями своими Суворовъ прямо себѣ вредитъ, а Павелъ I просто ихъ не терпѣлъ и съ трудомъ выносилъ. Чудачества побѣдоноснаго полководца бросали сомнѣніе на прочность его побѣдной основы, тѣмъ болѣе, что онѣ какъ будто вторгались въ военную область, ибо Суворовъ побѣждалъ не такъ, какъ другіе, подготовлялъ войска къ побѣдѣ иначе, чѣмъ всѣ. Его военному дарованію довѣряли какъ-то опасливо, остерегаясь или «своенравія», или «увлеченія воображеніемъ», и все это благодаря тому, что онъ былъ чудакъ. Обыкновенно ищутъ въ человѣкѣ, чтобы онъ былъ не только годенъ на дѣло, но и удобенъ для употребленія въ дѣло, сплошь да рядомъ отказываясь отъ удовлетворяющаго первому условію, если онъ кажется не имѣющимъ второго. Исключенія очень рѣдки; исключеніемъ служитъ напримѣръ Петръ Великій, у котораго ни одинъ

годный не былъ неудобнымъ. Суворовъ былъ неудобенъ вслѣдствіе рѣзкой своей оригинальности, и если онъ все-таки совершилъ свое славное поприще, то единственно потому, что обладалъ слишкомъ крупнымъ военнымъ дарованіемъ, которое несмотря на всѣ сомнѣнія, все больше и больше бросалось въ глаза. А что Суворовъ-чудакъ тормозилъ карьеру Суворову-полководцу и повредилъ его военной славѣ, это понятно не только теперь, но видно было и тогда. У государственныхъ людей того времени такое мнѣніе сдѣлалось общимъ мѣстомъ въ ихъ сужденіяхъ о Суворовѣ. Невозможно предположить, чтобы Суворовъ одинъ оставался слѣпымъ; убѣждающіе факты были слишкомъ многочисленны. Если же онъ не сдерживался, то значитъ не могъ сдерживаться: натура брала свое.

Полагаютъ, что эксцентричность Суворова была одною изъ главнѣйшихъ причинъ его популярности между солдатами и нравственнаго ими обладанія. Выходки Суворова несомнѣнно нравились солдату, потѣшали его и служили источникомъ веселыхъ разговоровъ въ лагерѣ и на квартирѣ; но давать имъ значеніе могучей нравственной силы невозможно. Властелиномъ солдатскихъ душъ дѣлали Суворова не причуды, а его побѣдныя свойства, цѣльность его военнаго типа. Отнимите отъ Суворова дарованіе и оставьте его при однѣхъ странностяхъ,—результатъ конечно былъ бы другой, и солдатъ увидѣлъ бы въ своемъ вождѣ только шута. Странности Суворова имѣли лишь аксесуарное значеніе при главной его силѣ, которую составляли, кромѣ военнаго дарованія, благочестіе, патріотизмъ, духовное родство съ солдатомъ и любовь къ нему, простота жизни и т. под. Юродству нѣтъ мѣста между такими крупными данными. Не соглашаться съ этимъ, значитъ имѣть о русскомъ солдатѣ слишкомъ низкое понятіе, которое невѣрно уже по одному тому, что въ побѣдномъ поприщѣ Суворова простой солдатъ занимаетъ одну изъ первенствующихъ ролей.

Кромѣ чудачества, Суворову приписываютъ не мало другихъ недостатковъ, а такъ какъ они имѣютъ корень въ той же натурѣ, благодаря которой изъ Суворова образовался крайній чудакъ, и нѣкоторые изъ нихъ прямо отзываются

странностями и причудами, то надлежитъ и на нихъ нѣсколько остановиться.

Обвиняютъ его въ томъ, что онъ прибѣгалъ къ возбужденію въ войскахъ фанатизма, дѣйствуя на людское невѣжество, что онъ былъ скупъ, не стоекъ въ однажды данномъ словѣ и имѣлъ порокъ пьянства.

Обвиненіе Суворова въ скупости не безосновательно, но этотъ его недостатокъ не совсѣмъ подходитъ подъ общепринятое понятіе о скупости. Скряга отличается постоянствомъ и выдержкою, у Суворова ни того, ни другого не было; скряга довѣряетъ только себѣ, Суворовъ вѣрилъ чуть не каждому, оттого былъ всегда обманываемъ и утѣшался тѣмъ, что онъ «отъ этого не сдѣлается малъ»: скареду такое утѣшеніе не придетъ въ голову. Примѣры щедрости Суворова были приводимы не однократно; такъ настоящій скупецъ не поступаетъ. Скупость Суворова имѣла гораздо меньше корней въ жадности, чѣмъ въ ограниченности потребностей. Она, сама себя безпрестанно опровергающая, есть аномалія, непослѣдовательность, какихъ много въ его натурѣ, и находится въ прямомъ родствѣ съ его эксцентричностью.

Почти къ этой же категоріи принадлежитъ и недержаніе даннаго слова, въ чемъ Суворовъ дѣйствительно погрѣшалъ, хотя не такъ часто и крупно, какъ утверждаютъ его хулители. Будучи очень живъ, подвиженъ и впечатлителенъ, онъ иногда давалъ обѣщанія въ первомъ порывѣ, а потомъ просто о нихъ забывалъ, или же отдавъ соотвѣтственное приказаніе, считалъ его исполненнымъ, тогда какъ оно и не переходило въ дѣло. Главными виновниками были исполнители, люди, пользовавшіеся его довѣріемъ; они дѣлали изъ Суворова что хотѣли и перерѣшали его рѣшенія безъ дальнихъ опасеній. Примѣровъ тому было приведено много. Гнѣва его не боялись потому, что всегда могли привести въ свое извиненіе причины, соотвѣтствующія настроенію Суворова въ данную минуту. До какой степени его иногда дурачили, можно видѣть изъ разныхъ частностей дѣла Вронскаго. Напримѣръ, однажды на смотру въ Варшавѣ, обиженный подрядчикъ подалъ Суворову письменную жалобу,

которую тотъ принялъ, обѣщалъ разсмотрѣть и положилъ себѣ въ задній карманъ; но адъютантъ, заинтересованный въ дѣлѣ, осторожно вытащилъ бумагу изъ кармана и спряталъ, въ надеждѣ, что Суворовъ про нее забудетъ. Это показаніе Вронскаго не подтвердилось ни слѣдствіемъ, ни судомъ, но довольно того, что оно было заявлено, т. е. что подобный случай вовсе не представлялся нелѣпымъ [16]).

Что касается до страсти Суворова къ крѣпкимъ напиткамъ, то вѣрность этого обвиненія больше чѣмъ сомнительна. Молва приписывала ему этотъ недостатокъ и держалась много лѣтъ упорно при его жизни и по смерти, но многочисленныя и весьма солидныя свидѣтельства современниковъ, относящіяся къ разнымъ порамъ его жизни, опровергаютъ ее совершенно. Одинъ изъ такихъ свидѣтелей, иностранецъ, объясняетъ причину ложной молвы тѣмъ, что Суворовъ, будучи веселаго нрава, любилъ смѣяться, шутить и видѣть около себя веселыя лица, а это могло дать поводъ къ предположенію, что веселость его искуственная. Можно прибавить, что шутки Суворова бывали такого свойства и такъ прихотливы, что поневолѣ наводили на подозрѣніе ненормальнаго состоянія шутника. Говорили вѣстовщики, будто онъ сильно пристрастился къ рюмкѣ во время своей опалы и тоскливаго житья въ с. Копчанскомъ, но Николевъ, доносившій о разныхъ мелочахъ его поведенія и жизни, ни разу не упоминаетъ о его пристрастіи къ крѣпкимъ напиткамъ. Слѣдующіе мѣсяцы были, правда, еще тяжеле для Суворова, и Николевъ при немъ уже не состоялъ, но изъ собственнаго письма Суворова къ Хвостову мы видимъ, что онъ употреблялъ вино не каждый день, да и то не иначе, какъ съ водой.

Впрочемъ есть указанія, что во время войны 1799 года, Суворовъ часто бывалъ неумѣренъ за столомъ, ѣлъ и пилъ больше чѣмъ нужно и подъ конецъ обѣда иногда дремалъ. Кромѣ того, въ февралѣ 1800 года адъютантъ его пишетъ къ одному изъ князей Горчаковыхъ, что Суворовъ въ Краковѣ захворалъ и что «это происходитъ отъ извѣстной вамъ его *привычки*, которую онъ теперь по болѣзни оставилъ». Какая это привычка? Можетъ быть неумѣренное наружное употребленіе холодной воды,

по нѣскольку разъ въ день, несмотря ни на погоду, ни на состояніе здоровья; можетъ быть излишество въ ѣдѣ и питьѣ. Если принять послѣднее, то все таки неумѣренность Суворова не будетъ тѣмъ, что обозначается словомъ «пьянство». Вѣрнѣе всего, что въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, все сводилось къ капризамъ его натуры; одинъ изъ видѣвшихъ его въ концѣ Швейцарской кампаніи, говоритъ: «онъ ежедневно окачивался холодною водой, одну недѣлю пилъ воду, другую крѣпкіе напитки». Можетъ быть тутъ нѣтъ буквальной правды, но надо думать, что характеръ факта вѣренъ» [17]).

Подъ приписываемымъ Суворову фанатизмомъ вѣроятно подразумѣвалась или религіозная нетерпимость, или національная исключительность, или и то и другое вмѣстѣ. Мнѣніе это во всякомъ случаѣ ошибочно. Какъ человѣкъ вѣрующій и въ вѣрѣ своей убѣжденный, онъ съ ужасомъ отворачивался отъ атеизма, немногимъ лучше считалъ безформенный деизмъ и признавалъ заблужденіями всякія вѣроученія не христіанскія. Далѣе этого онъ не шелъ. Изъ всѣхъ войнъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, только одну послѣднюю ставилъ онъ въ связь съ религіей, потому что въ революціонной Франціи атеизмъ имѣлъ государственное значеніе. Турокъ онъ называлъ «нехристями, басурманами, варварами», но войнѣ съ ними не придавалъ смысла религіознаго, а войнѣ съ Поляками тѣмъ менѣе. Извѣстно, что высшее напряженіе нравственной силы войскъ было однимъ изъ главныхъ его путей къ побѣдѣ, которая тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе давалась въ руки, чѣмъ «отчаяннѣе» дрались войска. Самый легкій къ тому способъ, который и до Суворова и послѣ него употреблялся безъ особенной разборчивости, заключался въ связываніи войны съ религіознымъ элементомъ; но онъ къ этому средству не прибѣгалъ. «Слава, слава, слава», — вотъ чѣмъ завершалось его знаменитое поученіе войскамъ и чѣмъ онъ возбуждалъ ихъ воинственный духъ. Затѣмъ, будучи строгимъ исполнителемъ церковныхъ уставовъ и держась неотступно церковнаго обряда, онъ однако не олицетворялъ въ нихъ смысла религіи и духъ ея понималъ широко. Пониманіе это обозначалось словомъ «христіанство». Онъ не былъ причастенъ старому рус-

скому воззрѣнію на иновѣрцевъ, какъ на «поганыхъ недовѣрковъ»; прося благословенія у католическихъ прелатовъ и священниковъ, прикладываясь къ подаваемому ими кресту, служа на С. Готарѣ молебенъ въ католической церкви, онъ дѣлалъ это не для виду только, а по благочестію. Для вида, для внушенія публикѣ, назначались пріемы, которыхъ онъ не употреблялъ и въ Россіи по отношенію къ православному духовенству, въ родѣ колѣнопреклоненій на улицѣ. На русскихъ раскольниковъ онъ смотрѣлъ какъ на неразумныхъ и непослушныхъ дѣтей, что представляется совершенно понятнымъ при тогдашней разработкѣ вопроса о расколѣ. Наконецъ не мѣшаетъ припомнить, какъ дорога была Суворову его единственная дочь и до какой степени онъ ее любилъ, а между тѣмъ женихъ, котораго онъ считалъ для нея самымъ лучшимъ, былъ протестантъ. Для православной родни это обстоятельство казалось большимъ препятствіемъ къ браку, и Суворову понадобилось давать своимъ совѣтникамъ уроки терпимости, внушая племянницѣ: «Груша, не дури: онъ христіанинъ». Такимъ образомъ можно кажется безъ большого риска придти къ выводу, что приписываемый Суворову религіозный фанатизмъ въ дѣйствительности не существовалъ.

Въ такой же мѣрѣ не состоятельно мнѣніе о его національной исключительности. Патріотизмъ его былъ горячій, живой, но вмѣстѣ и сознательный. Любя Россію, русскій народъ, русскую жизнь съ ихъ національными особенностями, онъ однако понималъ, что національныя физіогноміи не могутъ быть одинаковы. Несмотря на саркастическое свойство своего ума, онъ не издѣвался надъ чѣмъ бы то ни было только ради того, что оно не русское; не считалъ все свое хорошимъ, все чужое дурнымъ. При самомъ тщательномъ изученіи Суворова, нельзя найти основы для иного на него взгляда, для приписыванія ему чего нибудь похожаго на вѣру въ исключительное призваніе Россіи, и т. под. Да и былъ онъ не мыслитель, а практическій дѣятель. Онъ гордился именемъ русскаго не потому, чтобы признавалъ нѣмца или француза низшими людьми, не удостоенными избранія, идущими по особой стезѣ, а потому, что былъ роднымъ сы-

номъ Россіи, сердце его билось русскою кровью и въ полномъ соотвѣтствіи съ сердцемъ дѣйствовалъ разумъ. Онъ видѣлъ, что Европа ушла дальше Россіи и особенно прельщался картиной современной Англіи, но не сдѣлавшись отъ этого англоманомъ, онъ въ ту же силу не былъ и французофобомъ, и патріотизмъ не побуждалъ его «травить» нѣмца или поляка. Перейдя отъ общаго къ частностямъ, увидимъ то же самое. Изучивъ въ молодости нѣсколько языковъ и продолжая изучать другіе почти до своей кончины, онъ довольно часто и употреблялъ ихъ, устно и письменно, не считая это грѣхомъ антипатріотическимъ. Ту же мѣрку прилагалъ онъ и къ другимъ, не терпя въ нихъ только слѣпой подражательности иноземному и обезьянства. Говоря про одного русскаго сановника, который не умѣлъ по русски писать, Суворовъ замѣтилъ, что это стыдно, но простить все-таки можно, лишь бы онъ думалъ по-русски [18]).

Суворовъ между прочимъ потому еще не можетъ быть причастенъ узкой quasi-патріотической исключительности или фанатизму, что былъ представителемъ не старой, а новой Россіи, вступившей при Петрѣ I на путь общехристіанской, европейской цивилизаціи. За идеалами онъ не обращался въ московскій государственный періодъ; наружные признаки, въ родѣ многихъ его странностей, внѣшняго благочестія, склада жизни, не имѣютъ значенія, опровергающаго это утвержденіе. Во внѣшнемъ благочестіи Суворова не было вовсе той мертвой обрядности, которую мы видимъ въ до-Петровскомъ періодѣ; не отступая отъ формы, Суворовъ однако не отождествлялъ эту форму съ сущностью, не принималъ ее за цѣль, не дорожилъ бородой больше, чѣмъ головой. А благочестіе вообще, вѣра въ догматы православія и исполненіе церковныхъ уставовъ — все это не есть принадлежность одного стараго времени. Точно также нельзя пріурочить Суворова къ старому времени изъ-за его странностей; онѣ были продуктомъ его натуры, проявлялись весьма различно, и если имѣли нѣкоторый оттѣнокъ юродства, то это только обнаруживаетъ въ Суворовѣ русскаго человѣка. Наконецъ и складъ его жизни не исходилъ изъ дореформеннаго періода, потому что если не былъ похожъ на обычный совре-

менный, то не больше имѣлъ общаго и съ прежнимъ, который по характеру своему былъ монастырскій, Суворовскій же — военный. Этотъ спеціальный оттѣнокъ, придававшій жизни Суворова простоту и немногосложность, былъ, какъ уже объяснено, его особенностью, которая имѣла еще и другую сторону: Суворовъ, какъ бы пренебрегавшій матеріальными благами цивилизаціи, принадлежалъ ей за то въ интеллектуальномъ отношеніи.

Лучшимъ доказательствомъ, что онъ былъ человѣкъ настоящаго (Петровскаго), а не прошедшаго русской исторіи, служитъ его взглядъ на Петра Великаго. Онъ благоговѣйно чтилъ его память, называлъ Прометеемъ, творцомъ и благодѣтелемъ своего народа, государемъ, вмѣщающимъ въ себѣ многихъ наилучшихъ государей; говорилъ, что одинъ Петръ «обладалъ тайной выбора людей»; удивлялся его генію «и на ладожскомъ каналѣ, и на полтавскомъ полѣ»; совѣтовалъ иностранцамъ «учиться по-русски для того, чтобы познакомиться съ этимъ великимъ человѣкомъ». Въ добавокъ къ такому взгляду Суворова на преобразователя, а слѣдовательно и на преобразованіе, надлежитъ еще имѣть въ виду, что Суворовъ, преданный военному призванію всецѣло и безраздѣльно, не могъ быть приверженцемъ дореформеннаго періода уже изъ-за одного жалкаго состоянія въ ту эпоху русской военной силы и военнаго искусства [19]).

Какъ бы впрочемъ ни были велики вышеприведенные и разные другіе недостатки Суворова, отъ какихъ бы причинъ ни происходили и въ какихъ бы формахъ ни проявлялись, они не умаляли въ описываемое время всеобщаго восторга и уваженія къ его особѣ и вниманія къ его войскамъ. Конечно, не всѣ поступали такимъ образомъ единственно по внутреннему влеченію, многими руководила задняя мысль — закупить союзника въ пользу Австріи на будущую кампанію, успокоивъ его раздражительное настроеніе. Дамы всѣхъ слосвъ общества, особенно высшаго, дѣйствовали во главѣ; не щадя усилій, удвоивая свою любезность, онѣ какъ бы оцѣпляли Суворова своимъ очаровательнымъ кругомъ, снисходительно вынося всѣ его причуды.

Между этими дамами выдѣлялась вдова покойнаго герцога Курляндскаго со своими красивыми дочерьми; Суворовъ обратилъ на нихъ вниманіе и задумалъ — устроить съ одною изъ этихъ дѣвицъ бракъ своего сына. Выборъ палъ на старшую, согласіе послѣдовало. Передъ выѣздомъ изъ Праги, Суворовъ написалъ объ этомъ Императору, испрашивая разрѣшенія, и просилъ предстательства у Ростопчина. Согласился и Государь [20]).

Аркадію Суворову въ то время было всего 15 лѣтъ; женитьбой его можно было бы и не торопиться. Трудно сказать положительно, какими побужденіями руководился его отецъ, устраивая этотъ бракъ. Сильной привязанности со стороны невѣсты не было, что ясно видно изъ ея писемъ къ генералиссимусу и Аркадію въ апрѣлѣ 1800 года. Въ письмѣ къ отцу она говоритъ, что питаетъ къ нему большую привязанность и что, благодаря этому чувству, пожелала съ нимъ породниться. Въ письмѣ къ Аркадію она, не обинуясь, сознается, что подвиги и слава его отца сдѣлали для нея сносной мысль — вступить съ нимъ, Аркадіемъ, въ бракъ и разстаться со своимъ семействомъ; называетъ его холодно «mon bon ami»; упоминаетъ про непріятности, которыя на нее отовсюду обрушились вслѣдствіе ея согласія на это замужество; прибавляетъ, что коронованныя лица рекомендуютъ ей разныя блестящія партіи и т. п. Впрочемъ, изъ письма ея все-таки видно, что предпочитая бракъ этотъ иному, изъ желанія сдѣлаться дочерью знаменитаго генералиссимуса, она озабочена долгимъ молчаніемъ ихъ обоихъ и неполученіемъ отъ нихъ проекта брачнаго контракта. Слѣдовательно, со стороны невѣсты предположенный союзъ былъ ничего больше, какъ партіею приличія. Такимъ же онъ былъ и со стороны жениха, потому что страстныхъ чувствъ въ Аркадіѣ не замѣчается, и все дѣло зародилось по почину его отца. За генералиссимусомъ очень ухаживали; особа, на которой выборъ его остановился, имѣла громкій титулъ герцогини Сагапской, большое состояніе, оцѣняемое въ 3 милліона, молодость, красоту. Государю Суворовъ писалъ: «сходство лѣтъ, права и душевныхъ свойствъ обѣщаетъ сыну моему благополучный бракъ»; Ростопчину сообщалъ: «Аркадій хотя и въ молодыхъ лѣтахъ, но я весьма

желаю еще при жизни моей имѣть ту отраду, чтобы пристроить судьбу его»; въ особой запискѣ, вѣроятно по тому же адресу, говорилъ: «я встшаю ежечасно, и сей годъ дожить не уповаю». Этимъ и ограничиваются всѣ данныя, объясняющія задуманный Суворовымъ брачный союзъ его единственнаго сына [21]). Можетъ быть руководился онъ еще другими соображеніями, но пріискивать ихъ и разбирать значило бы вращаться въ кругѣ простыхъ догадокъ. Менѣе другихъ гадательными представляются два: тщеславіе и опасеніе за будущность сына вслѣдствіе нѣкоторыхъ его склонностей. Первое трудно допустить потому, что Суворовъ пріобрѣлъ такое знаменитое имя и высокое положеніе, что женитьба сына на герцогинѣ Саганской едва ли могла очень много щекотать его любочестіе. Второе вѣроятнѣе.

Князь Аркадій Суворовъ жилъ не долго. Находясь на военной службѣ въ чинѣ генералъ-лейтенанта и начальствуя дивизіей, онъ 26 лѣтъ отъ роду утонулъ въ Рымникѣ въ 1811 году. Это былъ высокаго роста, стройный, бѣлокурый красавецъ, обладавшій пріятнымъ голосомъ и замѣчательной физической силой. Въ глазахъ его свѣтился природный ясный умъ, искрились благородство, честность и прямодушіе, на языкѣ всегда было острое, мѣткое слово. Душа его не знала страха ни въ какихъ случаяхъ и обстоятельствахъ; смѣлость и беззавѣтная храбрость его изумляли и приводили въ восторгъ самыхъ отчаянныхъ смѣльчаковъ. Эти душевныя качества и вся его природа производили чарующее дѣйствіе; его невозможно было не уважать и въ особенности не любить. Если прибавить сюда обаяніе великаго имени, то можно принять на вѣру свидѣтельство современниковъ, что Аркадій Суворовъ былъ идоломъ офицеровъ и солдатъ, и что его преждевременная кончина сопровождалась искреннимъ сожалѣніемъ арміи и всего русскаго общества. Но при всѣхъ своихъ огромныхъ и симпатичныхъ достоинствахъ, онъ имѣлъ и темныя стороны. Воспитаніемъ его управляли или неумѣлые, или чужіе люди; учился онъ кое-чему и кое-какъ и малу чему выучился; 14-ти лѣтъ находился уже при дворѣ, а потомъ дѣлалъ съ отцомъ Итальянскую и Швейцарскую кампаніи; не лишенъ былъ охоты къ чтенію, но не имѣя руководящей мысли, мало что отъ этого

пріобрѣталъ. Господствующею страстью въ немъ была карточная игра, а за нею охота; велъ онъ жизнь самую безпорядочную; шумныя бесѣды, кутежи, сумасбродныя проказы тянулись, чередуясь, непрерывною нитью, и довели его до несправедливой репутаціи развратника. Никому не дѣлалъ онъ завѣдомаго зла, но за то много терпѣлъ отъ другихъ; пользуясь его безконечной добротой и благородствомъ мыслей, люди темной нравственности, даже просто мошенники, обманывали и обирали его самымъ наглымъ образомъ, такъ что изъ всего доставшагося отъ отца состоянія, ко времени кончины Аркадія едва уцѣлѣло 1500 душъ [22]).

Весьма вѣроятно, что Суворовъ, имѣя при себѣ сына нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ, замѣтилъ въ немъ безпорядочныя склонности, если не зналъ о нихъ раньше, и задумалъ прибѣгнуть къ женитьбѣ, какъ къ радикальному средству. Молодость лѣтъ въ такомъ случаѣ не только не могла служить препятствіемъ, но напротивъ оправдывала спѣшность мѣры. Было у Суворова это соображеніе или нѣтъ, во всякомъ случаѣ ему не удалось исполнить своего намѣренія. Въ Прагѣ дѣло было рѣшено на словахъ, не оформлено и не закрѣплено документально; трауръ въ семействѣ невѣсты отсрочивалъ совершеніе брака на 4 мѣсяца; для составленія брачнаго акта требовалось многое разъяснить и приготовить, напримѣръ нужно было получить отъ Государя будущей княгинѣ Суворовой право выѣзда изъ Россіи за границу въ свои владѣнія [23]). А между тѣмъ Суворовъ-отецъ вскорѣ захворалъ и къ тому времени, когда кончался трауръ герцогини Саганской, умеръ; слѣдовательно бракосочетаніе опять отсрочивалось. Но такъ какъ съ кончиной генералиссимуса, исчезла главная движущая сила во всемъ этомъ дѣлѣ, то оно и разстроилось.

Суворовъ ни разу не былъ вмѣстѣ съ сыномъ столько времени, какъ въ эту войну. Полюбилъ ли онъ его сильнѣе прежняго, или могъ удѣлять ему больше вниманія, но только въ перепискѣ по домашнимъ дѣламъ съ Хвостовымъ изъ за границы, интересы Аркадія занимаютъ видное мѣсто, и Суворовъ какъ бы объясняетъ это, говоря, что хочетъ устроить будущность своего

сына, оставивъ ему все въ порядкѣ. А между тѣмъ это было трудно, потому что напоминая своему неизмѣнному повѣренному о заканчиваніи или ускореніи хода старыхъ дѣлъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждалъ и новыя. Старыя дѣла состояли въ искахъ (вѣроятно Ворцеля, Выгановскаго и кобринскихъ офицеровъ), въ уплатѣ кое-какихъ долговъ; новыя—въ покупкѣ новыхъ имѣній, въ обмѣнѣ старыхъ. Суворову пришла мысль—обмѣнять кобринскія деревни на какія нибудь другія, въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, ибо—«русскій князь, русскія и деревни надобны». Затѣмъ указано Хвостову прикупить къ кончанскому имѣнію небольшое сосѣднее, да еще другое, большое; впрочемъ «предавалось это мудрости» племянника, такъ какъ онъ, Хвостовъ, можетъ выдумать и что нибудь получше. Народилось и еще одно новое дѣло. Когда задумана была сложная операція по обмѣну деревень, по покупкѣ новыхъ и проч., и вниманіе Суворова сосредоточилось на интересахъ сына, то во избѣжаніе недоразумѣній и тяжбъ между нимъ и сестрой, потребовалось отмѣнить прежнее завѣщаніе и замѣнить его новымъ. Впрочемъ, по обыкновенію, одинъ изъ племянниковъ, князей Горчаковыхъ, сообщая Хвостову о этой новой «идеѣ» Суворова, писалъ въ заключеніе: «разсмотрите сіе и наставьте, какъ сдѣлать».

Съ дочерью Суворовъ переписывался рѣдко, короткими записочками, въ родѣ: «любезная Наташа, за письмо твое тебя цѣлую, здравствуй съ дѣтьми, благословеніе Божіе съ вами», а иногда и еще короче. Да и вся его кореспонденція съ родными и по хозяйственнымъ дѣламъ въ 1799 году очень не велика объемомъ и скудна содержаніемъ [24]). Не то чтобы нельзя было улучить время: его требовалось не много, и за нимъ дѣло не стало бы; но не доставало охоты, расположенія; была физическая возможность, а не было внутренней. Слишкомъ много пришлось перенести Суворову въ этотъ годъ душевныхъ ощущеній самаго тяжелаго свойства; онъ утомился до послѣдней степени, такъ что можно было ожидать остраго кризиса. Кризисъ дѣйствительно наступилъ и, по обыкновенію, какъ разъ въ то время, когда кипучая дѣятельность смѣнилась полнымъ покоемъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Болѣзнь Суворова, вторичная его опала и кончина; 1880.

Слабость здоровья Суворова въ послѣднее время; появленіе серьезныхъ болѣзненныхъ симптомовъ по выѣздѣ Суворова изъ Праги; остановка его въ Краковѣ и Кобринѣ. — Развитіе болѣзни; отсутствіе медицинской помощи; прибытіе врачей; высылка лейбъ-медика. — Продолжающаяся благосклонность Государя къ Суворову; петербургскія приготовленія къ торжественному его пріему; мечты Суворова о будущемъ. — Образъ его жизни въ Кобринѣ; домашнія и другія дѣла. — Выѣздъ изъ Кобрина; внезапная немилость Государя; ухудшеніе состоянія больного; пріѣздъ въ Петербургъ. — Существующія мнѣнія о причинахъ опалы; изслѣдованіе всѣхъ данныхъ; выводъ. — Суворовъ въ Петербургѣ; ухудшеніе его состоянія; кончина; торжественное погребеніе. — Народное представленіе о Суворовѣ въ формѣ картинокъ, преданій и пѣсенъ; отрывки изъ пѣсенъ; одна изъ легендъ.

Въ послѣднее время, начиная съ невольнаго пребыванія въ селѣ Кончанскомъ, Суворовъ часто не домогалъ; явившись на службу, онъ какъ будто поправился, но къ концу Итальянской кампаніи снова сталъ хирѣть. Передъ Швейцарской кампаніей слабость его была такъ велика, что онъ едва ходилъ; стали чаще прежняго побаливать глаза; давали знать о себѣ старыя раны, особенно на ногѣ, такъ что не всегда можно было надѣть сапогъ. Швейцарская кампанія еще усилила болѣзненное его состояніе; онъ началъ жаловаться на холодъ, чего прежде не случалось; не оставлялъ его и кашель, привязавшійся нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, и особенно сдѣлался чувствительнымъ вѣтеръ. Однажды,

въ Прагѣ, Суворовъ ночью озябъ, потому что откуда-то дуло; онъ выскочилъ изъ спальни и сталъ бѣгать по пріемной, ловя вмѣстѣ съ Прохоромъ вѣтеръ, — до того онъ ему прискучилъ. Не можетъ быть однако сомнѣнія, что главною виною болѣзненнаго состоянія Суворова были причины нравственныя; однѣ не давали ему душевнаго покоя въ селѣ Кончанскомъ, другія неотвязно преслѣдовали и мучили за-границей. Не поддаваясь во всю свою жизнь никакой крупной страсти, кромѣ славолюбія, Суворовъ не могъ вынести постоянныхъ ударовъ судьбы съ этой стороны. Непреклонность его характера только усиливала болѣзненное ощущеніе, и неотвязныя мечты о возобновленіи военныхъ дѣйствій растравляли душевныя раны. Онъ чувствовалъ, что слабѣетъ и, по полученіи званія генералиссимуса, сказалъ: «великъ чинъ, онъ меня придавитъ, не долго мнѣ жить». Это впрочемъ ни мало не заставляло его принимать какія нибудь мѣры предосторожности, въ родѣ напримѣръ измѣненія рода жизни, а напротивъ побуждало бороться съ болѣзнью, настаивая на прежнемъ режимѣ. Послѣ швейцарскаго похода, при самомъ выходѣ изъ горъ, его видѣли въ самомъ легкомъ костюмѣ, да и послѣ того онъ постоянно бравировалъ опасностью; на одномъ изъ смотровъ, въ холодное время, при рѣзкомъ вѣтрѣ, онъ былъ мало того что легко одѣтъ, но и мундиръ, и даже рубашка были у него разстегнуты [1]).

Суворовъ почувствовалъ себя серьезно нездоровымъ тотчасъ по выѣздѣ изъ Праги, а по пріѣздѣ въ Краковъ долженъ былъ остановиться и приняться за леченіе. Особенно мучилъ его кашель, совершенно разбивавшій грудь при малѣйшемъ вѣтрѣ. Однако Суворовъ не поддавался болѣзни, пробылъ въ Краковѣ не долго и пустился въ дальнѣйшій путь, соблюдая строгую діэту. Борьба была неравная, и 70 лѣтъ взяли свое: съ трудомъ дотащился онъ до Кобрина и здѣсь слегъ. Хотя онъ и написалъ въ Петербургъ, что остановился только на 4 дня, но такое рѣшеніе не основывалось ни на чемъ, кромѣ надежды, и остановка потребовалась въ 10 разъ длиннѣе. Здѣсь болѣзнь его развилась и выразилась въ новыхъ, небывалыхъ еще симптомахъ. Въ половинѣ февраля онъ пишетъ одному изъ своихъ племян-

никовъ, что у него «огневица», что 11 дней онъ ровно ничего не ѣлъ, что малѣйшая крупинка хлѣба противнѣе ему ревеня; «все тѣло мое въ гноищѣ, всякій часъ слабѣю, и ежели дня черезъ два тоже будетъ, я ожидать буду посѣщенія парковъ». Сыпь и вереда или пузыри, показавшіеся сначала на верхней части тѣла, стали множиться и распространяться книзу, бросились на ноги, преимущественно въ сгибы; ноги стали пухнуть. Больной, отличавшійся всегда особенною чистоплотностью, говоритъ въ письмахъ своихъ съ отвращеніемъ о состояніи, въ которомъ находится, и съ грустью сознаетъ свой близкій конецъ. «Мнѣ къ вамъ не писать», читаемъ мы въ его письмѣ къ Ростопчину: «развѣ только — простите на вѣки...» [2]).

Дѣйствительно болѣзнь, которую Суворовъ называлъ *флик-теною*, развивалась съ каждымъ днемъ. Врачей первое время не было, и больной лечился, какъ надо думать, одною діэтой; медицинская помощь явилась лишь въ Кобринѣ и то по прошествіи нѣкотораго времени. По всей вѣроятности, въ этомъ виноватъ былъ самъ Суворовъ, который вообще не любилъ лечиться «латинскою кухней»; когда же домашнія средства и діэта оказались недостаточными, онъ вспомнилъ про подаренную ему Императрицей Екатериной «аптечку» и написалъ Хвостову, чтобы ее непремѣнно разъискали и прислали. Впрочемъ, надежда на леченіе даже съ помощью «аптечки» была не велика; Суворовъ тутъ же говоритъ, что желаетъ имѣть при себѣ подарокъ покойной Императрицы только «для памяти». Какъ бы то ни было, по совѣту ли близкихъ, или по собственному рѣшенію, Суворовъ пригласилъ къ себѣ мѣстныхъ врачей; одинъ пріѣхалъ изъ Бреста, другой изъ Тересполя, третій оказался въ числѣ ближайшихъ помѣщиковъ; потомъ прибыло еще два военныхъ врача. Суворовъ держался больше одного, Кернисона, мѣстнаго землевладѣльца, который находился при немъ безотлучно, днемъ и ночью, окружая его всевозможными попеченіями и самымъ тщательнымъ уходомъ «Дружба его меня радикально избавила отъ смерти», писалъ онъ Ростопчину и просилъ ходатайства о награжденіи Кернисона чиномъ титулярнаго совѣтника. Хотя Кернисонъ на службѣ не состоялъ и

никакого чина не имѣлъ, но Государь немедленно исполнилъ просьбу Суворова [3]).

Въ бытность свою въ Прагѣ и вскорѣ по выѣздѣ оттуда, Суворовъ разстался почти со всѣми своими родными и приближенными, которые разъѣхались въ разныя стороны, преимущественно въ Петербургъ, по требованіямъ службы, такъ что при немъ остались всего двое или трое, въ томъ числѣ Багратіонъ. Когда болѣзнь усилилась, Багратіонъ поѣхалъ съ донесеніемъ объ этомъ къ Государю, и въ Кобринъ прискакали посланные Государемъ сынъ Суворова и лейбъ-медикъ Вейкартъ. Новый врачъ принялся за леченіе, но больной его не слушался, спорилъ съ нимъ и совѣтовался съ фельдшеромъ Наумомъ. «Мнѣ надобна деревенская изба, молитва (былъ постъ), баня, кашица да квасъ», говорилъ Суворовъ врачу въ отвѣтъ на упреки его за непослушаніе: «вѣдь я солдатъ». Вейкартъ на это возражалъ, что онъ, Суворовъ, не солдатъ, а генералисимусъ. «Правда», отвѣчалъ Суворовъ: «но солдатъ съ меня примѣръ беретъ». Однако, было ли то естественнымъ фазисомъ болѣзни, или Вейкарту удалось въ нѣкоторой степени переубѣдить больного, только состояніе Суворова стало нѣсколько улучшаться. Князь Аркадій сначала доносилъ Государю о своемъ отцѣ въ выраженіяхъ неопредѣленныхъ, говоря между прочимъ, что Вейкартъ разсчитываетъ скорѣе на улучшеніе, чѣмъ на ухудшеніе; но потомъ сталъ писать, что болѣзнь проходитъ, велика только слабость, которая однако не мѣшаетъ вскорѣ (послѣ 15 марта) тронуться въ дальнѣйшій путь [4]).

Если Вейкартово леченіе нѣсколько и пособило, то еще больше пособили пріятныя вѣсти, приходившія изъ столицы. Милостивое расположеніе къ Суворову Государя продолжалось неизмѣнно и выказывалось при всякомъ случаѣ. Императоръ былъ очень огорченъ вѣстью о его болѣзни; посылая къ нему своего доктора, рекомендовалъ «воздержность и терпѣніе» и совѣтовалъ уповать на Бога. Ростопчинъ писалъ, что всѣ съ нетерпѣніемъ его ждутъ «съ остальными героями, отъ злодѣевъ, холода, голода, трудовъ и Тугута»; что онъ, Ростопчинъ, жаждетъ момента—поцаловать его руку. Писали въ Кобринъ, что генера-

лисимусу готовится торжественный пріемъ, вѣрнѣе сказать тріумфъ; для его особы отведены комнаты въ Зимнемъ дворцѣ; въ Гатчинѣ долженъ его встрѣтить флигель-адъютантъ съ письмомъ отъ Государя; придворныя кареты приказано выслать до самой Нарвы. Войска предполагалось выстроить шпалерами по обѣимъ сторонамъ улицъ Петербурга и далеко за заставу; они должны были встрѣчать генералиссимуса барабаннымъ боемъ и криками *ура*, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, а вечеромъ приказано зажечь во всей столицѣ иллюминацію. Не мудрено, что подобныя вѣсти дѣйствовали на Суворова возбудительнымъ образомъ, крѣпили его духъ и задерживали теченіе болѣзни. Очень требовательный и тяжелый въ тѣсномъ кружкѣ домашнихъ и близкихъ людей, онъ сдѣлался было отъ болѣзни совершенно невыносимымъ для нихъ и для Вейкарта своею нетерпѣливостью, взыскательностью и капризами; но добрыя вѣсти изъ Петербурга подѣйствовали успокоительно. Онъ повеселѣлъ, заводилъ безпрестанно разговоръ о милостяхъ Государя, о готовившемся въ Петербургѣ торжествѣ и пояснялъ, что все это вылечитъ его успѣшнѣе, чѣмъ Вейкартъ. Въ перепискѣ съ Хвостовымъ онъ вошелъ въ мельчайшія подробности своего въѣзда въ Петербургъ и послѣдующей жизни и службы. Между прочимъ онъ писалъ, что остановится на послѣдней станціи для ночлега; что тамъ его долженъ встрѣтить сынъ или племянникъ съ запискою о всемъ ходѣ торжества; излагалъ свои предположенія на счетъ отъѣзда въ деревню и пріѣздовъ оттуда въ Петербургъ на торжественные дни; разбиралъ эти дни—когда слѣдуетъ и когда нѣтъ, когда пристойно, а когда неприлично; заглядывалъ въ своихъ разсчетахъ и предположеніяхъ даже на годъ впередъ; объяснялъ свое желаніе и возможность жить въ деревнѣ тѣмъ, что и самъ «монархъ склоненъ къ уединенной жизни», и на все спрашивалъ совѣта Хвостова [5]).

О житьѣ въ деревнѣ Суворовъ мечталъ постоянно, какъ обыкновенно тяжело-больной человѣкъ мечтаетъ о какомъ-нибудь хорошемъ послѣдствіи выздоровленія. Въ немъ была жива наклонность къ природѣ, къ безъискуственному; кромѣ того, несмотря на безграничную благосклонность Государя, онъ не могъ

не понимать, что совершенно не годенъ для военной службы мирнаго времени, при извѣстныхъ на нее взглядахъ Императора. Два года передъ кампаніей 1799 года служили убѣдительнымъ тому доказательствомъ, которое новыми заслугами Суворова конечно ни въ чемъ не измѣнялось. Поэтому Суворовъ предположилъ жить въ деревнѣ, но не въ кобринскомъ имѣніи, которое задумалъ промѣнять, а въ Кончанскѣ или по сосѣдству. Онъ разсчитывалъ задать тамъ праздникъ, построить каменный домъ съ церковью, вмѣсто существовавшихъ деревянныхъ, и обзавестись лѣтнимъ купаньемъ, купивъ для послѣдней цѣли у адмиральши Елмановой, на берегу рѣки Мсты, небольшую деревню. По обыкновенію, задумавъ что либо, онъ сейчасъ же перешолъ къ исполненію, и потому требовалъ, чтобы деревня была куплена немедленно, во что бы то ни стало. Тщетно ему представляли, что хотя мѣстоположеніе тамъ хорошее и красивое, но купанья нѣтъ, потому что въ рѣкѣ все ямы и водовороты; что домъ маленькій, ветхій, и лѣсу вокругъ никакого; что вся цѣна деревни 10,000 рублей, а Елманова узнавъ, что торгуетъ имѣніе генералисимусъ, спрашиваетъ 40,000. Суворовъ стоялъ на своемъ и указывалъ еще на большое и устроенное имѣніе Ровное, Жеребцовыхъ, которое желалъ бы купить съ разсрочкой платы.

Не забывалъ онъ и другихъ дѣлъ, затѣянныхъ въ разное время и порученныхъ Хвостову, которому и напоминалъ о нихъ безпрестанно, упрекая его во «влажности», въ летаніи «за облаками», въ «сонливости» и проч. Бѣдный Хвостовъ служилъ ему всегда souffre-douleur'омъ, но теперь требованія сдѣлались настойчивѣе, нетерпѣніе увеличилось и не принимались во вниманіе ни длинная канцелярская процедура, ни обычная судебная волокита. Во всемъ оказывалась виною медлительность Хвостова; рекомендовалось другимъ племянникамъ подгонять его и пособлять ему. Желаніе устроить какъ можно скорѣе земныя дѣла, тоже не давало Суворову покоя. «Хотя бы я и ожился, но много ли мнѣ надобно», пишетъ онъ Хвостову: «мнѣ хочется Аркадію все чисто оставить». Озабочивала его и предположенная женитьба сына, такъ какъ дѣло затянулось и

встрѣчались разныя мелкія недоразумѣнія; проситъ онъ о награжденіи разныхъ лицъ за минувшую кампанію; наводитъ справку—будетъ ли получать пенсію за орденъ Маріи Терезіи; напоминаетъ, что не награжденъ неаполитанскимъ орденомъ св. Януарія по недоразумѣнію и проситъ это исправить; пишетъ, что желалъ бы иногда показываться въ публикѣ въ австрійскомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, ибо «великому императору это слава»; признаетъ необходимымъ имѣть при себѣ постоянно лекаря, его помощника, фельдшера и аптеку; намекаетъ Хвостову: «мнѣ подло, совѣстно, грѣхъ что ни есть испрашивать у щедраго монарха; 900 душъ казенныхъ около Кончанска весьма были бы кстати»; вспоминаетъ про три пушки, пожалованныя ему Екатериной за послѣднюю Польскую войну, но донынѣ не полученныя, и проч. и проч. [9]).

По временамъ, когда болѣзнь ослабѣвала и являлась нѣкоторая надежда на выздоровленіе, Суворовъ возвращался къ своимъ любимымъ мечтамъ о кампаніи будущаго года, о средствахъ къ успокоенію Европы, говорилъ и диктовалъ замѣтки о послѣдней кампаніи. Но больше всего онъ посвящалъ свое время и свои послѣднія силы Богу, такъ какъ былъ великій постъ, который онъ привыкъ проводить со всею строгостью, предписываемою церковными уставами. Вейкарту это очень не нравилось, особенно употребленіе паціентомъ постной пищи; но протестовалъ онъ безъ всякаго успѣха. Суворовъ ревностно посѣщалъ божественную службу, пѣлъ на клиросѣ, читалъ апостолъ, билъ безчисленные земные поклоны и самого Вейкарта заставлялъ бывать на молитвѣ. Возможность скорой смерти усиливала обычное благочестіе Суворова, и онъ не только во время богослуженія, но и въ остальные часы дня обращался къ Богу, размышляя о предметахъ религіозныхъ. Однимъ изъ образчиковъ такого настроенія можетъ служить его записка съ толкованіемъ заповѣдей. «Первая и вторая заповѣди—почтеніе Бога, Богоматери и святыхъ; оно состоитъ въ избѣжаніи отъ грѣха; источникъ его—ложь; сей товарищи—лесть, обманъ. 3) Изрекать имя Божіе со страхомъ. 4) Молитва. 5) Почтеніе вышнихъ. 6) Убійство не однимъ тѣломъ, но словомъ, мыслью и злонамѣ-

реніемъ. 7) Кража не изъ одного кармана, но особливо въ картахъ, шашкахъ и обмѣнахъ. 8) Разумѣть въ чистотѣ жизни, юношамъ отнюдь и званія не выговаривать, не только что спрашивать.... коль паче греческихъ грѣховъ, упоминаемыхъ въ молитвахъ къ причащенію, отнюдь не касаться, какъ у насъ ихъ нѣтъ и что только служитъ къ беззаконному направленію. 9) Идетъ къ первой и второй, хотя значитъ только къ свидѣтельству. 10) Кто знатнѣе, идетъ къ интригамъ, а вообще.... не желать и не искать ничего. Будь христіанинъ; Богъ самъ дастъ и знаетъ что когда дать» [7]).

Сохранился также коротенькій набросокъ сцены или разговора между Харономъ, Фликтеною и Меркуріемъ, изъ котораго между прочимъ видно, что мысли и желанія больного Суворова, когда согрѣвала его надежда на выздоровленіе, устремлялись прежде всего къ Петербургу и Государю. Между тѣмъ осуществленіе этой мечты все какъ будто не приближалось, и въ кобринскомъ домѣ Суворова царили унынie, тоска, скука. Не было и въ поминѣ веселыхъ обѣдовъ, какъ за границей; пріѣзжали разныя лица по разнымъ надобностямъ и приглашались къ столу, но Суворовъ не показывался, или появлялся на нѣсколько мгновеній, чтобы привѣтствовать гостей и затѣмъ удалиться. Одинъ изъ приближенныхъ къ Суворову, Фуксъ, даже просилъ генералъ-прокурора вызвать его «изъ здѣшняго печальнаго мѣста». Съ большой натяжкой Вейкартъ наконецъ разрѣшилъ тронуться въ дальнѣйшій путь, да и то на разныхъ условіяхъ, между прочимъ чтобы ѣхать какъ можно тише. Въ Петербургѣ очень обрадовались полученному объ этомъ извѣстію, принявъ его за доказательство выздоровленія Суворова, но жестоко ошибались. Отправился въ столицу не Суворовъ, а скорѣе его призракъ или тѣнь; ѣхалъ онъ въ дормезѣ, лежалъ на перинѣ, заблаговременно сообщивъ по пути впередъ, чтобы не было никакихъ торжественныхъ встрѣчъ и проводовъ [8]).

Хотя нѣтъ подробныхъ медицинскихъ данныхъ о болѣзни Суворова, ея началѣ, ходѣ и развитіи, но по всѣмъ дошедшимъ свѣдѣніямъ можно кажется безошибочно заключить, что выздоровленіе его было больше, чѣмъ сомнительно. Такъ было до вы-

ѣзда изъ Кобрина, а во время пути въ Петербургъ постигъ его новый, тяжкій ударъ, котораго онъ уже не могъ вынести: внезапная немилость Государя. Марта 20, при паролѣ, отдано было въ Петербургѣ высочайшее повелѣніе: «вопреки высочайше изданнаго устава, генералисимусъ князь Суворовъ имѣлъ при корпусѣ своемъ, по старому обычаю, непремѣннаго дежурнаго генерала, что и дается на замѣчаніе всей арміи». Въ тотъ же день послѣдовалъ Суворову высочайшій рескриптъ. «Господинъ генералисимусъ, князь Италійскій, графъ Суворовъ Рымникскій. Дошло до свѣдѣнія моего, что во время командованія вами войсками моими за границею, имѣли вы при себѣ генерала, коего называли дежурнымъ, вопреки всѣхъ моихъ установленій и высочайшаго устава; то и удивляясь оному, повелѣваю вамъ увѣдомить меня, что васъ понудило сіе сдѣлать». Неизвѣстно, послѣдовалъ ли отъ Суворова отвѣтъ на этотъ грозный рескриптъ и если да, то въ чемъ состоялъ. Не знаемъ также, когда именно получилъ Суворовъ это высочайшее повелѣніе и каково было первое, произведенное имъ впечатлѣніе; извѣстно только, что немилость Государя объявили больному не сразу, и что онъ продолжалъ путь подъ тяжелымъ нравственнымъ гнетомъ мало понятной опалы.

Первые дни онъ хотя съ трудомъ, но выносилъ дорогу; потомъ это сдѣлалось ему не по силамъ, и онъ принужденъ былъ остановиться въ деревнѣ, не вдалекѣ отъ Вильны. Лежа на лавкѣ, въ крестьянской избѣ, онъ стоналъ въ голосъ, перемежая стоны молитвами и жалѣя, что не умеръ въ Италіи. Однако припадки болѣзни мало-по-малу стихли, больного опять положили въ карету и повезли дальше. При каждой остановкѣ народъ толпился у кареты, всякому хотѣлось во что бы то ни стало взглянуть на знаменитаго героя. Въ Ригѣ, гдѣ ему еще больше полегчало, онъ рѣшился остановиться на отдыхъ, тѣмъ паче, что наступалъ праздникъ св. Пасхи, который онъ привыкъ особенно чтить. Здѣсь Суворовъ надѣлъ на себя черезъ силу мундиръ, былъ въ церкви и разговѣлся у генералъ-губернатора; но такое насиліе надъ собой не прошло ему даромъ: дальнѣйшій путь онъ долженъ былъ продолжать еще медленнѣе

прежняго, и на переѣздъ до Петербурга потребовались цѣлыя двѣ недѣли. Въ Стрѣльнѣ встрѣтили его многіе изъ Петербурга, окружили дормезъ, подносили ему фрукты и цвѣты, дамы поднимали дѣтей подъ его благословеніе; тронутый Суворовъ благодарилъ дамъ, благословлялъ дѣтей. Слѣдовало однако торопиться, чтобы прибыть въ Петербургъ въ тотъ же день, и Суворовъ поѣхалъ дальше. Всѣ приготовленія къ торжественной встрѣчѣ были отмѣнены; онъ въѣхалъ въ столицу 20 апрѣля въ 10 часовъ вечера какъ бы тайкомъ, медленно проѣхалъ по улицамъ до пустынной Коломны, остановился въ домѣ Хвостова, на Крюковомъ каналѣ, между Екатерининскимъ каналомъ и Фонтанной, и тотчасъ же слегъ въ постель. Явился отъ Государя генералъ, но не будучи до Суворова допущенъ, оставилъ записку, въ которой было сказано, что генералиссимусу не приказано являться Государю [3]).

Поворотъ въ отношеніяхъ Государя къ Суворову былъ до того внезапенъ и крутъ, что породилъ множество толкованій и догадокъ. Одни говорятъ, что разочаровавшись въ тѣсномъ своемъ сближеніи съ Австріей и Англіей, Павелъ I не взлюбилъ и тѣхъ, кто былъ участникомъ этого сближенія. Ростопчинъ въ маѣ 1800 года говоритъ, что за разрушеніе союза съ Вѣнскимъ дворомъ обозначены четыре жертвы — Суворовъ, С. Воронцовъ, Англія и онъ, Ростопчинъ; что первые три уже принесены, а послѣдній ожидаетъ своего жребія (впалъ въ немилость чрезъ 9 мѣсяцевъ, за двѣ недѣли до кончины Государя). Другіе утверждаютъ, что Павелъ I, обманутый союзниками, особенно Австріей, обрушился со своимъ гнѣвомъ на Суворова за то, что тотъ не открылъ ему своевременно австрійскихъ замысловъ и козней. Третьи говорятъ, что Суворовъ своимъ неуступчивымъ образомъ дѣйствій съ Вѣнскимъ кабинетомъ былъ главною причиною разрыва коалиціи, что онъ настроилъ своего Государя во враждебномъ смыслѣ къ союзнику и что именно поэтому разразилась надъ нимъ нѣсколько позже гроза. Одинъ изъ историковъ свидѣтельствуетъ, будто нѣкоторые офицеры Суворовскаго штаба предвидѣли съ самаго начала Итальянской кампаніи возможность опалы ихъ начальника и собрали многочисленные до-

кументы въ его защиту, но въ чемъ состояли эти оправдательныя статьи, не говоритъ. Нѣкоторые приписываютъ внезапную немилость Государя къ побѣдоносному полководцу, между прочимъ, несправедливости Суворова въ назначеніи наградъ и явному пристрастію его къ родственникамъ и приближеннымъ. Есть такіе, которые главную причину опалы находятъ въ самихъ указаніяхъ Государя, т.-е. въ отступленіяхъ Суворова отъ устава и правилъ. Существуетъ также догадка, будто немилостью Государя Суворовъ обязанъ великому князю Константину Павловичу, который не взлюбилъ генералиссимуса со времени дѣла при Басиньянѣ. Наконецъ, очень многіе указываютъ на интриги завистниковъ и недоброжелателей Суворова, какъ на главную, если не единственную причину разразившейся внезапной опалы, причемъ допускается предположеніе, что къ этой категоріи лицъ принадлежалъ и близкій къ генералиссимусу Фуксъ. Все это дѣло остается понынѣ не разъясненнымъ, и одинъ изъ историковъ Суворова высказываетъ мысль, что оно, по всей вѣроятности, и не будетъ разъяснено. Такимъ образомъ послѣдняя опала Суворова представляется фактомъ, который заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія.

Императоръ Павелъ былъ самъ руководителемъ иностранной политики Россіи, особенно при составленіи коалиціи противъ Франціи. Это видно между прочимъ изъ принципа, котораго держались: преслѣдовалась идея, соотвѣтствующая рыцарскому, благородному характеру Государя и его безусловнымъ монархическимъ воззрѣніямъ, а насущные интересы, реальная почва пренебрегались. Если и были тутъ чьи либо совѣты или вліяніе, то во всякомъ случаѣ они Павломъ I не признавались. Не даромъ же, послѣ смерти Безбородки, Государь, видя общую скорбь, сказалъ съ досадой: «у меня всѣ—Безбородки», а въ февралѣ 1800 года отдалъ повелѣніе: «сказать графу Панину (вице-канцлеру), чтобы меньше говорилъ съ министрами и что онъ ни что иное, какъ инструментъ»[10]). При такомъ отрицаніи всякаго другого значенія въ политикѣ, кромѣ своего личнаго, Императоръ Павелъ могъ винить лишь себя въ послѣдствіяхъ. Неудовольствіе непроизвольное, нервическое конечно могло быть, но

тогда, при извѣстной скорости Государя на всякаго рода рѣшенія, должны были бы пострадать разомъ всѣ участники дѣла; между тѣмъ самый главный изъ нихъ, Ростопчинъ, долгое еще время оставался въ милости и у дѣлъ.

Трудно повѣрить также и тому, чтобы въ опалѣ Суворова играло видную роль неудовольствіе на него Государя за позднее раскрытіе своекорыстныхъ замысловъ Вѣнскаго двора: Суворовъ сообщилъ въ Петербургъ о характерѣ вѣнской политики въ Италіи тотчасъ, какъ только виды этой политики ясно обнаружились. Да и могъ ли Государь требовать отъ своего полководца, находившагося во главѣ арміи, того, что лежало на прямой обязанности русской дипломатической миссіи въ Вѣнѣ? Въ такой же мѣрѣ, если еще не больше, невѣрно предположеніе и о неудовольствіи Государя на Суворова, какъ на главнаго виновника разрушенія коалиціи. Изъ хода недоразумѣній и неудовольствій между Суворовымъ и Вѣнскимъ дворомъ можно было кажется убѣдиться, что не самолюбіе, не чрезмѣрная требовательность или неуживчивость Суворова произвели разрывъ, а совершенное различіе въ основныхъ цѣляхъ союзниковъ, какъ только оно выяснилось. Припомнимъ также, что раньше первыхъ жалобъ Суворова на Вѣнскій дворъ и на гофкригсратъ, императоръ Павелъ уже предвидѣлъ возможность своекорыстнаго направленія вѣнской политики, что и выразилъ въ данномъ Ростопчину въ половинѣ мая повелѣніи.

Минуя бездоказательное свидѣтельство, будто штабъ Суворова ожидалъ заранѣе немилости Государя къ главнокомандующему и собиралъ оправдательные документы, нельзя не остановиться на обвиненіи Суворова въ несправедливостяхъ и пристрастіи къ родственникамъ и приближеннымъ. Но для того, чтобы оцѣнить, въ какой мѣрѣ основательно это обвиненіе, нужно прежде знать, кѣмъ онъ былъ окруженъ въ послѣднюю войну.

Въ должности состоявшихъ при его особѣ, также адъютантовъ, волонтеровъ и проч., находилось при Суворовѣ много лицъ, которыя то прибывали, то убывали. Все время или большую его часть находимъ при Суворовѣ генералъ-маіора князя Андрея

Горчакова, полковника Лаврова, маіоровъ Румянцова и барона Розена, Фукса (подъ конецъ дѣйств. статскій совѣтникъ), штабсъ-капитана Ставракова; потомъ видимъ полковника Кушникова, поручика Кригера и нѣкот. другихъ. Изъ всѣхъ этихъ лицъ, родственникомъ Суворову приходился только князь Горчаковъ; Розенъ былъ сынъ его пріятеля; Румянцовъ — деревенскій сосѣдъ изъ мелкопомѣстныхъ; Ставраковъ—одинъ изъ офицеровъ, поселившихся въ кобринскомъ имѣніи, который добровольно отступился отъ своего надѣла, когда увидѣлъ, что мысли Суворова на этотъ счетъ обстоятельствами измѣнились. Въ этомъ тѣсномъ кружкѣ приближенныхъ Суворова не было ни одного крупнаго, выдающагося въ какомъ нибудь отношеніи лица, но онъ былъ вообще порядочнѣе и приличнѣе, чѣмъ штабы Суворова въ прежнія войны. Общимъ уваженіемъ пользовался Кушниковъ; правитель канцеляріи Лавровъ былъ хорошій дѣлецъ; Ставракова, Румянцова, Кригера не видать ни въ чемъ; о Фуксѣ будетъ сказано ниже [11]).

Что нѣкоторые изъ приближенныхъ злоупотребляли довѣріемъ Суворова, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Въ письмѣ его племянника къ Хвостову значится: «скажите Тизенгаузену, что его сынъ рекомендованъ, хотя ничего почти не дѣлалъ; также и гр. Шуваловъ;.. скажите гр. П. Уварову, что я его брата хотѣлъ втереть въ осаду Серавалле, чтобы доставить рекомендацію, да онъ на ту пору занемогъ немного». По поводу одной подобной же просьбы говорится: «ежели можно, не упущу обоброчить, но Римскій императоръ самъ скупится да и не хочетъ допустить воспользоваться намъ Сардинскимъ королемъ;..... король отложилъ свой пріѣздъ, а тутъ бы кожуринку можно было содрать». Эти немногіе примѣры достаточны для убѣжденія, что въ штабѣ главнокомандующаго наградныя дѣла велись не совсѣмъ чисто и что тутъ дѣйствовали пружины, Суворову не замѣтныя.

Кромѣ того и онъ самъ грѣшилъ иногда противъ справедливости; но факты подобнаго рода существовали всюду и были явленіемъ общимъ: при Суворовѣ дѣлалось тоже самое, что и при другихъ. Было бы ошибкой давать имъ именно при Суворовѣ широкіе размѣры и спеціальное значеніе. Предметомъ хода-

тайствъ Суворова бывали постоянно лица, служившія въ войскахъ; про штабныхъ и близкихъ онъ конечно не забывалъ, но они не занимали весь первый планъ, не оттирали остальныхъ. Пристрастіе его было замѣтно преимущественно въ назначеніи иностранныхъ орденовъ; но Государь, какъ видно, считалъ это естественнымъ или уважительнымъ, ибо утверждалъ представленія безъ всякихъ перемѣнъ; онъ не затруднился бы поступать иначе, если бы находилъ тутъ несправедливость или злоупотребленіе. Кромѣ того, не всѣ случаи несправедливостей могутъ быть отнесены именно къ Суворову. Напримѣръ говорятъ, что онъ назначилъ орденъ Маріи Терезіи старшему своему племяннику, князю Алексѣю Горчакову, хотя тотъ въ итальянской арміи совсѣмъ не служилъ; а находился въ войскахъ Римскаго Корсакова. Орденъ дѣйствительно былъ назначенъ старшему Горчакову, который нашелъ неудобнымъ принять эту награду и отъ нея отказался, такъ какъ она давалась за Итальянскую кампанію. Но орденъ назначилъ самъ императоръ Францъ, вѣроятно желая показать свое вниманіе Суворову и, несмотря на отказъ Горчакова, настоялъ на своемъ пожалованіи, что видно изъ его рескрипта отъ 2 января (22 декабря). До полученія этого рескрипта, Суворовъ возложилъ было орденъ на другого, но императоръ Павелъ не соизволилъ и тоже повелѣлъ дать эту награду никому другому, какъ князю Алексѣю Горчакову [12]). Изъявляя свое благоволеніе Суворову прямо и косвенно, Павелъ I собственной иниціативой жаловалъ его родныхъ и близкихъ, не скрывая, что это дѣлается ради заслугъ генералиссимуса. Такъ, того же Алексѣя Горчакова (генерала, дѣйствительно достойнаго), онъ наградилъ орденомъ св. Александра Невскаго, «уважая службу и особу дяди».

Вообще тщательное изученіе этого предмета приводитъ къ заключенію, что раздача отличій и наградъ не могла быть причиною неудовольствія Государя на Суворова ни коимъ образомъ. Злоупотребленія же близкихъ къ генералиссимусу лицъ, въ видѣ поползновенія «обоброчить» кого либо, или «содрать кожуринку», или «втереть» въ число отличившихся лицо, не сдѣлавшее ровно ничего,—остались скрытыми и никому не извѣстными, по

крайней мѣрѣ не проскакиваетъ нигдѣ ни малѣйшаго намека въ противуположномъ смыслѣ [13]).

Тоже самое можно сказать и о хозяйственныхъ злоупотребленіяхъ, ежели они существовали. Хотя вся провіянтская часть вѣдалась Австрійцами, все-таки возможность хищеній и воровства не была совершенно закрыта, однако ничего подобнаго злоупотребленіямъ въ послѣднюю Польскую войну теперь не обнаружилось, такъ что съ этой стороны Суворовъ въ глазахъ Государя былъ совсѣмъ чистъ.

Нельзя того же сказать относительно исполненія Суворовымъ устава и правилъ, касающихся механизма службы вообще и порядка управленія арміей въ частности. Мы знаемъ, что Государь напутствовалъ Суворова въ Италію словами: «веди войну по своему, какъ умѣешь», но это неопредѣленное выраженіе могло быть толкуемо и понимаемо на разные лады. До насъ дошли разнорѣчивыя свидѣтельства о характерѣ и размѣрѣ отступленій, допущенныхъ Суворовымъ въ русскихъ войскахъ за границей. Одни говорятъ, будто онъ не сохранилъ «ни одного изъ введенныхъ императоромъ Павломъ регламентовъ», но въ этомъ извѣстіи есть очевидное преувеличеніе, опровергаемое фактами. По словамъ другихъ, совершенно не употреблялись штиблеты, унтеръ-офицерскія 4-аршинныя алебарды изрублены на дрова въ Альпахъ и отчасти въ Италіи, офицерскіе эспонтоны брошены, примѣнялся временами разсыпной строй. Великій князь Константинъ впослѣдствіи докладывалъ Государю дважды, что обмундированіе и снаряженіе войскъ оказались въ походѣ неудобными; Государь какъ будто подался на доводы и приказалъ сыну представить образцы болѣе удобной экипировки; но когда увидѣлъ, что предлагаемое великимъ княземъ напоминаетъ нѣсколько Потемкинское снаряженіе, то страшно разсердился. Такимъ образомъ легко быть можетъ, что Императору Павлу не нравились допущенныя Суворовымъ отступленія отъ уставовъ; но такъ какъ они вызывались необходимостью и касались только практическаго примѣненія, въ видѣ временной мѣры, не посягая на букву самаго регламента, то въ виду даннаго Суворову полномочія, Павелъ I едва ли могъ считать по этому поводу гене-

ралисимуса ослушникомъ и быть имъ недовольнымъ за самовольство [14]).

За то Суворовъ провинился несомнѣнно въ организаціи высшаго управленія арміей, возстановивъ уничтоженную Государемъ должность дежурнаго генерала. Это сдѣлано было не почему иному, какъ по старой, издавна усвоенной привычкѣ; къ новымъ порядкамъ привыкнуть еще не успѣли и исполненіемъ ихъ затруднялись. Должность дежурнаго генерала исправляли при Суворовѣ разныя лица; сначала Ферстеръ, въ продолженіе приблизительно 3 мѣсяцевъ, а можетъ быть и больше; потомъ не видно кто именно, можетъ статься никто; затѣмъ, на возвратномъ пути въ Россію, старшій изъ Горчаковыхъ, а послѣ него Милорадовичъ. Узналъ объ этомъ Государь не по доносу, а случайно, прочитавъ въ рапортѣ генералъ-лейтенанта Баура о полученіи какого-то приказанія отъ Суворова чрезъ дежурнаго генерала Милорадовича, и съ этого момента прежнее свое благоволеніе къ генералисимусу смѣнилъ полною къ нему немилостію.

Многіе впрочемъ не считаютъ этого случая причиною немилости и ищутъ ее въ интригахъ завистниковъ и недоброжелателей Суворова. У него всегда бывали враги, не было недостатка въ нихъ и теперь, когда онъ такъ высоко поднялся; они только притихли. Весьма возможное дѣло, что зависть и недоброжелательство, улучивъ время, пустились въ происки; только эта подземная работа оставила по себѣ очень немногіе признаки. Одно изъ близкихъ къ Суворову лицъ разсказываетъ, что къ числу самыхъ отъявленныхъ враговъ или завистниковъ генералисимуса принадлежалъ графъ Паленъ (въ 1800 году петербургскій генералъ-губернаторъ), который зная близко характеръ Императора и пользуясь его довѣріемъ, неоднократно пытался косвенными внушеніями поколебать его благосклонность къ Суворову. Когда милость Государя къ генералисимусу дошла до апогея, и въ Петербургѣ готовилась торжественная встрѣча побѣдоносному вождю съ оказаніемъ ему царскихъ военныхъ почестей, Паленъ спросилъ у Императора, не прикажетъ ли онъ также, чтобы при встрѣчѣ съ Суворовымъ на

улицахъ, всѣ выходили изъ экипажей для его привѣтствованія, какъ это дѣлается для особы Императора. «Какъ же, сударь», отвѣчалъ Государь: «я самъ, какъ встрѣчу князя, выйду изъ кареты». На этотъ разъ маневръ, разсчитанный на возбужденіе въ Государѣ ревнивой подозрительности, не удался, но дальнѣйшія попытки не прекратились. Внушалось мимоходомъ, къ слову, стороною и другими подобными путями, что Суворовъ не питаетъ къ Государю должной преданности, а потому не хочетъ ѣхать въ Петербургъ; говорилось, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ попалъ въ члены королевской фамиліи, у него зародились честолюбивые замыслы, подданному не подобающіе; что признакомъ такого настроенія служитъ затѣянный имъ брачный союзъ сына съ принцессой Сагапской, а также самовольное учрежденіе должности дежурнаго генерала, полагаемой по закону только при Государѣ. Такой способъ дѣйствій всегда и всюду практикуется, потому что, несмотря на свою избитость и легковѣсность, онъ при извѣстныхъ условіяхъ часто удается, также напримѣръ какъ и грубая лесть. Другое дѣло — точно ли эти и подобныя внушенія могутъ быть въ настоящемъ случаѣ приняты за исходную точку совершившагося въ судьбѣ Суворова переворота? Къ этому предмету мы возвратимся вскорѣ [15]).

Въ число недоброжелателей Суворова нѣкоторые включаютъ великаго князя Константина Павловича [16]), другіе Фукса. Что касается перваго, то никакихъ фактовъ для подобнаго заключенія не существуетъ, а есть только догадка, основанная на непріятностяхъ, полученныхъ Константиномъ Павловичемъ отъ Суворова за дѣло при Басиньянѣ. Этого слишкомъ недостаточно. Начать съ того, что непріятность великому князю была, такъ сказать келейная, домашняя, и онъ конечно понималъ, что доведи Суворовъ о случившемся происшествіи до свѣдѣнія Государя, то результатъ былъ бы для него, великаго князя, гораздо хуже. Затѣмъ, послѣдующая жизнь Константина Павловича вовсе не обнаруживаетъ въ немъ подобной непримиримой злопамятности. Наконецъ, довольно многочисленные современные мемуары, достойные вниманія, въ томъ числѣ принадлежащіе лицу, приближенному къ великому князю и дѣлавшему съ нимъ кам-

панію 1799 года, не даютъ данныхъ въ пользу высказаннаго выше предположенія. Есть напротивъ гораздо больше поводовъ для заключенія, что великій князь если и не былъ горячимъ поклонникомъ Суворова, то все-таки благоволилъ къ нему.

Вопросъ о Фуксѣ разрѣшается такимъ же образомъ. Первоначально для заграничной войны предназначался одинъ корпусъ Розенберга. Генералъ Линденеръ сдѣлалъ доносъ, что въ рядахъ этого корпуса завелись вольнодумцы, и что Французы предполагаютъ увеличить ихъ число, распространяя въ полкахъ брошюры революціоннаго содержанія. Розенбергу приказано было обратить на этотъ предметъ особенное вниманіе, и для производства такого рода дѣлъ командированъ къ нему состоявшій на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ статскій совѣтникъ Фуксъ. Посылая Фукса, генералъ-прокуроръ писалъ Розенбергу: «а какъ онъ имѣетъ и другія препорученія, то въ нужныхъ обстоятельствахъ, по требованіямъ его, дѣлайте ему пособіе, и донесенія его доставляйте ко мнѣ». Эти «другія препорученія» заключались собственно въ томъ же самомъ, что предписывалось Розенбергу, т.-е. въ тайномъ надзорѣ за всѣми и за всѣмъ, и не только въ смыслѣ политической благонадежности, но вообще, чѣмъ конечно обусловливалась и необходимость прямыхъ донесеній Фукса генералъ-прокурору. Не Розенбергу, а Фуксу сообщенъ доносъ Линденера на предосудительный образъ мыслей нѣкоторыхъ офицеровъ Розенбергова корпуса, особенно Ломоносова и Буланина; ему же приказано слѣдить, чтобы книга «Les droits de l'homme» не проскользнула въ ряды войскъ; велѣно разузнавать о книгопродавцѣ Дюранѣ, пробирающемся въ Россію; о трехъ французскихъ эмиссарахъ, посланныхъ въ русскій корпусъ для пропаганды революціонныхъ идей, и т. п. Позже, когда отправка русскихъ войскъ за границу не ограничилась однимъ корпусомъ Розенберга, и Суворовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ, Фуксу дано было приказаніе — находиться по прежнему безотлучно при корпусѣ Розенберга, но имѣть наблюденіе и за прочими войсками, донося о всемъ замѣченномъ генералъ-прокурору [17]).

Познакомившись съ Фуксомъ, Суворовъ взялъ его въ апрѣлѣ

мѣсяцѣ къ себѣ и, какъ доносилъ Фуксъ, сталъ употреблять его «по всѣмъ военнымъ письменнымъ дѣламъ». Въ Петербургѣ ничего противъ этого не имѣли; даже когда Фуксъ донесъ нѣсколько позже, не безъ оттѣнка гордости, что Суворовъ поручилъ ему веденіе «иностранной переписки, военныхъ и дипломатическихъ дѣлъ, а также журнала военныхъ дѣйствій», — ровно ничего не возражали и иногда торопили Фукса составленіемъ запаздывавшихъ донесеній и свѣдѣній. Разумѣется, первоначальная миссія Фукса оставалась во всей своей силѣ: онъ продолжалъ сохранять свое независимое положеніе и посылалъ донесенія по прежнему прямо генералъ-прокурору.

Въ донесеніяхъ своихъ Фуксъ постоянно пишетъ, что все обстоитъ благополучно, что признаковъ революціонной пропаганды въ войскахъ не замѣчается ни малѣйшихъ, не исключая Ломоносова и Буланина; что надзоръ высшаго начальства строгій и бдительный. Не довольствуясь этою стороною предмета, онъ касается и всего прочаго, хвалитъ дисциплину, превозноситъ русскія войска, «благодаря преобразованіямъ Государя, доведшаго военное искуство до высшей степени совершенства»; доноситъ о разныхъ политическихъ слухахъ, пишетъ о ходѣ военныхъ дѣйствій, представляетъ даже планы нѣкоторыхъ сраженій и проч. Дурныхъ отзывовъ Фуксъ не даетъ ни о комъ изъ Русскихъ, кромѣ посла Разумовскаго, за его надменность съ соотечественниками, и генерала Львова, за дурное обращеніе съ жителями; Австрійцевъ же выставляетъ съ невыгодной стороны. О Суворовѣ, въ смыслѣ его характеристики или атестаціи, онъ не пишетъ ничего, но изрѣдка представляетъ копіи съ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ бумагъ, впрочемъ безъ всякой видимой причины или руководящей мысли. Такъ онъ представилъ копію съ рескрипта Франца II къ Суворову, гдѣ успѣхи послѣдняго приписывались главнымъ образомъ счастью; Павелъ I былъ очень доволенъ, получивъ этотъ любопытный документъ, и поручилъ Фуксу достать и прислать копію съ отвѣта Суворова; но этого Фуксу сдѣлать не удалось. Отношенія между Фуксомъ и Суворовымъ постоянно сохранялись хорошія; никакихъ неудовольствій ни съ которой стороны не замѣчается; по-

видимому доволенъ своимъ агентомъ и генералъ-прокуроръ, такъ что Фуксъ то по своему, то по военному начальству получаетъ награды или прибавки содержанія. Вообще въ донесеніяхъ Фукса, посылавшихся помимо главнокомандующаго, нѣтъ рѣшительно ничего такого, что представляло бы Суворова со сколько-нибудь невыгодной стороны, или что могло бы дать поводъ къ неудовольствію Государя на какіе-нибудь безпорядки или неустройства въ войскахъ [18]).

Не противорѣчитъ этому выводу и то обстоятельство, которое указывается однимъ изъ историковъ, допускающимъ предположеніе, что Фуксъ не былъ чуждъ происканъ завистниковъ противъ генералиссимуса. Князь Андрей Горчаковъ въ ноябрѣ 1799 года проситъ Хвостова употребить свое вліяніе, чтобы Фуксъ былъ изъ арміи отозванъ, потому что онъ «вдругъ теперь зачалъ себѣ задавать тоны, теряя уваженіе къ фельдмаршалу и къ его приказаніямъ, выискиваетъ разныя привязки и таковыя, что Государь нашъ всемилостивѣйшій, получа отъ него какія нибудь ложныя клеветы, можетъ придти въ гнѣвъ, не полагая, чтобы кто нибудь дерзнулъ Государю ложно донести.... Фельдмаршалъ полагалъ г. Фукса яко помощника себѣ и для того поручалъ ему исправленіе многихъ текущихъ дѣлъ, но нынѣ онъ объявилъ, что онъ не зависитъ отъ фельдмаршала, а имѣетъ секретныя порученія, и фельдмаршалъ не можетъ его иначе ни во что употреблять, какъ когда самъ г. Фуксъ захочетъ» [19]). Вся эта тирада можетъ быть принята на вѣру только условно и съ большою осторожностью. Мы видѣли, что въ донесеніяхъ Фукса не было ровно ничего, сколько нибудь неблагопріятнаго Суворову; знаемъ также, что Фуксъ дѣйствительно имѣлъ при арміи самостоятельное положеніе. Легко быть можетъ, что у него произошли какія нибудь мимолетныя столкновенія съ Суворовымъ (скорѣе—съ его приближенными), но они никакого слѣда по себѣ не оставили. По крайней мѣрѣ по всѣмъ даннымъ, послѣдующія отношенія между Суворовымъ и Фуксомъ были такъ же хороши, какъ и прежде, и въ перепискѣ самого Суворова нѣтъ и тѣни неудовольствія на Фукса. Вѣрнѣе всего, что въ тѣсномъ кружкѣ близкихъ къ генералиссимусу лицъ произошли какія нибудь

дрязги, столкновенія самолюбій, мелкихъ личныхъ интересовъ и тому подобное, что этому кружку было вполнѣ свойственно.

Такимъ образомъ заподозриваніе Фукса въ интригѣ противъ Суворова или въ недоброжелательствѣ къ нему должно быть, по бездоказательности, отвергнуто.

Не отыскиваются причины къ неудовольствію Государя на генералисимуса и въ офиціальной перепискѣ. Тутъ мы встрѣчаемъ только простыя замѣчанія, то есть указанія Государя на разныя мелочи, которыя не исполняются, а должны быть исполняемы. Пріѣхало въ Петербургъ одно частное лицо съ паспортомъ отъ Розенберга,—впредь выдавать паспорты только за подписью Суворова; начальники отрядовъ иногда не обозначаются поименно,—впредь обозначать; офицерскія вакансіи немедленно замѣщать, представляя Государю къ производству унтеръ-офицеровъ даже изъ другихъ полковъ; арестованъ маіоръ шефомъ полка безъ объясненія въ донесеніи вины,—донести немедленно и на будущее время обозначать. Нѣсколько крупнѣе другихъ представляется одинъ случай: въ гусарскомъ полку огромный недостатокъ строевыхъ лошадей; — велѣно полкового командира отставить отъ службы и приказать ему явиться въ генералъ-аудиторіатъ на слѣдствіе. Лишь единожды просвѣчиваетъ въ словахъ Государева рескрипта легкое неудовольствіе, именно по поводу проектированнаго Суворовымъ плана будущей кампаніи, гдѣ предполагается составлять арміи изъ русскихъ и австрійскихъ войскъ на томъ основаніи, что нѣкоторыя отрасли у Австрійцевъ лучше, чѣмъ въ русской арміи. По этому поводу Государь, отвѣчая Суворову, пишетъ съ ироніей: «признанные вами недостатки въ войскахъ нашихъ по частямъ артиллерійской, квартирмейстерской и провіянтской и большая превосходность Австрійцевъ во всѣхъ оныхъ частяхъ противу насъ, заставляютъ меня болѣе держаться намѣренія возвратить свои войска домой и оставить Австрійцевъ однихъ пользоваться преимуществами, которыя имъ даетъ совершенность ихъ въ военномъ искуствѣ». Однако никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій это неудовольствіе не имѣло, и до парольнаго повелѣнія 20 марта, т. е. цѣлые $2^1/_2$

мѣсяца, Государь продолжалъ оказывать Суворову неизмѣнную благосклонность [20]).

Это подробное разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ могла возникнуть немилость Павла I къ Суворову, остается дополнить развѣ еще однимъ мелочнымъ указаніемъ. Мы видѣли раньше, что при взрывѣ Государева негодованія на Вѣнскій дворъ за его эгоистическую политику, Ростопчинъ написалъ между прочимъ Суворову, что Государю желательно, чтобы онъ, Суворовъ, отказался отъ званія австрійскаго фельдмаршала, въ виду неблагодарности къ нему союзнаго двора. Такъ какъ это не было приказаніемъ, да и высказано было мимоходомъ, то Суворовъ не обратилъ особеннаго вниманія на слова письма и еще писалъ Хвостову, что считаетъ приличнымъ показываться иногда въ публику въ австрійскомъ мундирѣ. Вотъ все, что только можно собрать для объясненія постигшей его затѣмъ немилости. Самовольное учрежденіе имъ должности дежурнаго генерала и инсинуаціи завистниковъ составляютъ единственное объясненіе немилости, но очевидно мотивы эти слишкомъ мелки. Заслуги Суворова были такъ велики и благосклонность къ нему Государя такъ безпримѣрна и необычайна, что «дежурный генералъ» слишкомъ ничтоженъ для ихъ противовѣса, да и происки завистниковъ тоже, ибо Императоръ Павелъ не любилъ посторонннихъ внушеній и очень ревниво блюлъ свою личную самостоятельность. Все это могло служить развѣ послѣдней каплей въ переполненномъ сосудѣ, или *поводомъ* къ обнаруженію уже назрѣвшей немилости, но не самою *причиною* немилости. Причину слѣдуетъ искать не тутъ; она заключается не въ поступкахъ Суворова, а въ духовной натурѣ Императора Павла.

Царствованіе Павла Петровича было не продолжительно, но и въ этотъ короткій срокъ характерныя особенности Государя успѣли развиться до проявленій истинно-болѣзненныхъ. Не сдерживаемая никакой внутренней силой прихоть, или увлеченіе минуты, или упрямство, или все это въ совокупности, заступало въ Павлѣ I мѣсто серьезнаго убѣжденія, а непомѣрная экзальтація раздувала всякую идею, имъ овладѣвавшую, до изумительнаго увеличенія. Впечатлительность, воспріимчивость Павла I

дошли до такого развитія, что настроеніе его духа почти никогда не было спокойнымъ, и Государь постоянно вращался въ крайностяхъ, доходя то до безграничнаго великодушія, то до несдержимой страсти, то наконецъ (особенно въ послѣднее время жизни) до какой-то слѣпой ярости. Перемѣны въ немъ были безпрестанныя, неожиданныя и чрезвычайно рѣзкія; чѣмъ сильнѣе было возбужденіе, тѣмъ круче наступала реакція. Измѣнчивость эта была тѣмъ бѣдственнѣе, что каждое движеніе больной души Павла Петровича тотчасъ же переходило въ дѣло, и рѣшеніе приводилось въ исполненіе съ такою бурною стремительностью, какъ будто отсутствіе подобнаго спѣха способно было нанести прямой ущербъ авторитету верховной власти.

Въ это царствованіе завтра не было логическимъ послѣдствіемъ настоящаго дня; бѣду нельзя было предвидѣть, и она налетала внезапно, безъ предваряющихъ симптомовъ. Никто не былъ увѣренъ въ своемъ завтрашнемъ днѣ; очень многіе государственные люди, не исключая пользовавшихся долгою благосклонностью Государя, держали постоянно на готовѣ экипажъ, чтобы отправиться съ курьеромъ по первому приказанію. Подозрительность или недовѣрчивость Павла I была такъ велика, что ее не могъ избѣжать рѣшительно никто, безъ исключенія. Въ октябрѣ 1798 года повелѣно—всѣхъ курьеровъ, пріѣзжающихъ изъ за границы, направлять прямо во дворецъ, не разсылая никому привезенныхъ ими писемъ. Въ ноябрѣ приказано нѣсколько почтъ вскрывать письма къ князю Безбородко; тоже самое дѣлалось около того же времени съ перепискою князя Репнина и фрейлины Нелидовой; въ 1800 году снова приказано наблюдать за письмами Репнина въ чужіе края. По временамъ производилась перлюстрація писемъ и другихъ лицъ, даже великихъ княгинь Анны Павловны и Елизаветы Алексѣевны; распоряженіе это касалось одно время и кореспонденціи между Императрицей и фрейлиной Нелидовой. Раздражительность Государя тоже высказывалась такъ неожиданно и вслѣдствіе такихъ поводовъ, которые повидимому ничего не значили. Однажды происходилъ разводъ на сильномъ морозѣ, съ рѣзкимъ вѣтромъ; проходя мимо князя Репнина, Государь у него спросилъ: «каково, князь Ни-

колай Васильевичъ?»—Холодно, Ваше Величество, — отвѣчалъ Репнинъ. Когда послѣ развода поѣхали во дворецъ, и Репнинъ хотѣлъ, по обыкновенію, пройти въ кабинетъ Государя, то камердинеръ остановилъ его, сказавъ: «не велѣно пускать тѣхъ, кому холодно» [21]).

Вообще раздражительность, нетерпимость, недовѣрчивость, подозрительность Павла Петровича такъ развились, что не могли быть парализуемы или хоть ослабляемы ничѣмъ. Легко понять, какъ мало обезпечена была судьба тѣхъ, кто держалъ себя въ это нервозное царствованіе какъ въ обыкновенное, нормальное время. Благосклонность Государя, признаніе имъ заслугъ, самыя выдающіяся заявленія монаршей благодарности,—все это не только не спасало отъ опасности, но напротивъ увеличивало ее. Чѣмъ больше Павелъ I отличалъ и возвышалъ своего вѣрнаго, усерднаго и способнаго слугу, чѣмъ осязательнѣе выражалось его благоволеніе, тѣмъ ближе была вѣроятность реакціи и немилости. Вознестись высоко, значило и упасть глубоко. Почти никто изъ лицъ, пользовавшихся особеннымъ довѣріемъ Павла Петровича, не избѣгъ этой участи; немногіе, отличавшіеся благоразуміемъ и практическимъ взглядомъ на жизнь, во-время выходили въ отставку и только потому не подошли подъ общее правило. Суворовъ подвергся только общей участи, попавъ внезапно подъ опалу, и если опала его была явленіемъ особенно-замѣтнымъ, то единственно потому, что онъ самъ былъ человѣкъ особенно-замѣтный, и имя его гремѣло во всей Европѣ. Чему подвергся Суворовъ, почти тоже самое случилось нѣсколько раньше и съ княземъ Репнинымъ. Въ 1798 году онъ былъ посланъ въ Берлинъ и въ Вѣну съ порученіемъ—отвлечь Пруссію отъ дружескихъ сношеній съ Франціей и договориться съ Австріей о совмѣстномъ дѣйствіи противъ республики. Посольство его не имѣло успѣха, и Репнинъ впалъ въ немилость. Въ Берлинѣ онъ получалъ отъ Государя весьма благосклонныя письма, въ Вѣнѣ два собственноручныхъ и того милостивѣе, въ Люблинѣ тоже собственноручное съ приглашеніемъ ѣхать прямо въ Петербургъ: «дать себя обнять».

Въ Брестѣ его засталъ именной указъ — въ Петербургъ не ѣздить; указъ этотъ отправленъ на другой день послѣ письма въ Люблинъ, а чрезъ нѣсколько часовъ послѣ указа послано Репнину повелѣніе — остаться въ Вильнѣ. Нѣсколько погодя, Репнинъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, уволенъ, уѣхалъ въ Москву, находился въ отставкѣ до самой кончины Павла I и по временамъ подвергался полицейскому надзору въ видѣ распечатыванія писемъ[28]).

Сходство въ опалѣ Репнина и Суворова конечно не полное, но дѣйствующая сила и ея побужденія въ сущности одни и тѣ же; кромѣ того слѣдуетъ принять въ разсчетъ, что къ Репнину Государь чувствовалъ гораздо больше расположенія, чѣмъ къ Суворову. Къ послѣднему онъ питалъ нѣкоторое недовѣріе; Суворовъ въ немъ возбуждалъ какое-то смутное опасеніе; въ отношеніяхъ Государя къ знаменитому полководцу просвѣчивалъ недостатокъ полной искренности. Все это, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, существовало передъ Французской войной; подвиги Суворова въ эту войну не вполнѣ очистили атмосферу: Государь все какъ будто держался на сторожѣ и не хотѣлъ вполнѣ отдаться чувству признательности, которое въ немъ сильно говорило. Причина тому, между прочимъ, должна заключаться въ первой опалѣ Суворова и обстоятельствахъ, ее породившихъ, а высказывалась эта опасливость въ разныхъ мелкихъ непослѣдовательностяхъ, преимущественно же въ отказѣ Суворову титула *свѣтлости*.

Въ короткое царствованіе Павла I создано не мало свѣтлѣйшихъ князей, и раньше, и позже Суворова. Безбородко былъ пожалованъ въ князья съ титуломъ «свѣтлости»; Лопухинъ, пожалованный въ князья же, получилъ этотъ титулъ три мѣсяца спустя по особому указу. Въ указѣ о пожалованіи Суворова въ князья (8 августа 1799 года) было сказано, что жалуется ему княжеское достоинство съ титуломъ Италійскаго; про «свѣтлость» или «сіятельство» не упоминалось, а на вопросъ генералъ-прокурора (какъ потомъ стало извѣстно) при самомъ пожалованіи, Государь отвѣчалъ, что новому князю присвоивается титулъ «сіятельства». Затѣмъ

грамоты на княжеское достоинство не было выдано ни въ это, ни въ слѣдующее царствованіе; сдѣлано это лишь полстолѣтія спустя. Неупоминаніе въ указѣ про титулъ породило недоразумѣніе; разныя мѣста и лица стали титуловать Суворова не одинаково, одни «свѣтлостью», другія «сіятельствомъ». Такъ, состоявшій при Государѣ въ родѣ дежурнаго генерала графъ (впослѣдствіи князь) Ливенъ титуловалъ Суворова «свѣтлостью», посолъ Разумовскій тоже; Колычевъ употреблялъ то тотъ, то другой титулъ; Ростопчинъ писалъ постоянно «сіятельство»; Хвостовъ тоже; Государь называлъ Суворова въ своихъ рескриптахъ «вы, князь, фельдмаршалъ, генералисимусъ», не титулуя иначе; исключеніемъ служатъ лишь одинъ рескриптъ и одна записка, гдѣ употреблено «сіятельство», а не «свѣтлость». Суворовъ, къ удивленію, относился къ этой разноголосицѣ довольно безучастно и не разъяснялъ недоразумѣнія; но военная коллегія, изготовивъ полный титулъ генералисимуса, приняла въ руководство примѣръ князя Меншикова и назвавъ Суворова «свѣтлостью», въ такомъ видѣ поднесла документъ на высочайшее утвержденіе. Государь конфирмовалъ все, кромѣ «свѣтлости», въ ошибкѣ этой упрекнулъ президента военной коллегіи и тогда же, 22 ноября, приказалъ объявить всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, чтобы генералисимусу князю Суворову «не утвержденнаго указомъ титула свѣтлости впредь не давать». Послѣ этого всѣ, называвшіе Суворова «свѣтлостью», стали титуловать его «сіятельствомъ», въ томъ числѣ и графъ Ливенъ [23]).

Это высочайшее повелѣніе послѣдовало въ то время, когда благосклонность Государя къ Суворову дошла почти до своего апогея, и по свѣтлому фону признательности монаршей не пробѣгало ни одно облачко. Послѣ того милость Павла I продолжала рости, заявленія благоволенія отличались необыкновенною благосклонностью, писалось: «не мнѣ тебя, герой, награждать, ты выше мѣръ моихъ, но мнѣ это чувствовать». Въ Петербургѣ готовилась Суворову тріумфальная встрѣча съ царскими почестями, съ колокольнымъ звономъ и пушечными выстрѣлами. А титулъ «свѣтлости» ему все-таки не присвои-

вался. Это противорѣчіе сбивало съ толка; всѣ ожидали, что вотъ не сегодня, такъ завтра обремененный милостями Государя побѣдоносный полководецъ, cousin Сардинскаго короля, генералиссимусъ русскихъ войскъ, altesse serenissime (какъ ему писали иностранцы), получитъ то, что другимъ давалось даже не за заслуги, а по одному благоволенію; но ожидали напрасно. До какой степени это не ладилось съ положеніемъ Суворова и съ общимъ тономъ милостивыхъ къ нему отношеній Павла I, подтверждается слѣдующимъ. Когда спустя полстолѣтіе, было представлено Императору Николаю о присвоеніи князьямъ Суворовымъ титула «свѣтлости» и испрашивалось на это высочайшее соизволеніе, Государь сказалъ: «само собою разумѣется; въ Россіи покуда былъ еще одинъ Суворовъ, и тому, которому въ церкви, на молебствіи за побѣды, велѣно было возглашать *россійской арміи побѣдоносцу*, иного титула и быть не могло»[24]).

Такимъ образомъ постигла Суворова вторая опала. Она не походила на первую ни существомъ, ни формою, имѣла за собою гораздо менѣе осязательныхъ основаній и обрушилась совершенно неожиданно. Правда, она не представляла собою ничего исключительнаго и гармонировала съ общимъ тономъ царствованія Павла Петровича, но Суворову такое соображеніе не могло служить утѣшеніемъ, и онъ сильно страдалъ душою, не зная за собою никакой дѣйствительной вины. Тѣлесная его болѣзнь шла своимъ чередомъ, то усиливаясь, то временно ослабѣвая. Спустя нѣкоторое время по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ сталъ какъ будто нѣсколько поправляться, по крайней мѣрѣ его подымали съ постели, сажали въ большія кресла на колесахъ и возили по комнатѣ; но спалъ онъ уже не на сѣнѣ, и обѣденное его время назначено было не утромъ, а во второмъ часу дня. Когда онъ чувствовалъ себя пободрѣе, то, по примѣру послѣднихъ лѣтъ, продолжалъ заниматься турецкимъ языкомъ и разговаривалъ съ окружающими о дѣлахъ государственныхъ и военныхъ, причемъ никто не слышалъ отъ него ни упрековъ, ни жалобъ по поводу немилости Государя. Память однако измѣняла ему; хорошо помня и вѣрно передавая давнее прошлое, онъ

сбивался въ изложеніи Итальянской и Швейцарской кампаніи и съ трудомъ припоминалъ имена побѣжденныхъ имъ генераловъ. Императоръ Павелъ, прославшій къ нему въ самомъ началѣ Долгорукаго съ отказомъ въ пріемѣ, узнавъ объ отчаянномъ его положеніи, послалъ Багратіона съ изъявленіемъ своего участія. Багратіонъ нашелъ его чуть не въ агоніи; Суворовъ былъ очень слабъ, часто терялъ сознаніе и приходилъ въ себя только при помощи спирта, которымъ терли ему виски и давали нюхать. Вглядываясь потухшими глазами въ своего любимца, больной съ трудомъ его узналъ, оживился, проговорилъ нѣсколько благодарныхъ словъ для передачи Государю, но застоналъ отъ боли и впалъ въ бредъ. Наступившее затѣмъ улучшеніе было не продолжительно; первоначальное, безнадежное состояніе скоро возвратилось, и болѣзнь приняла несомнѣнный ходъ къ худшему.

Кратковременные эпизоды сравнительной бодрости, когда къ Суворову возвращалась природная его живость и острота ума, вводили въ заблужденіе не только его друзей, поселяя въ нихъ несбыточныя надежды, но также и врачей. Они то назначали ему чрезъ нѣсколько часовъ кончину, то измѣняли свое мнѣніе въ противуположномъ смыслѣ, обманываемые энергіей больного. Одинъ изъ врачей старался убѣдить товарищей въ тщетѣ ихъ надеждъ, говоря, что дошедшее до послѣдней степени разслабленіе больного не обѣщаетъ ничего хорошаго, и что живъ Суворовъ одною крѣпостью своего духа. «Дайте мнѣ полчаса времени», пояснялъ докторъ: «и я съ нимъ выиграю сраженіе». О характерѣ его болѣзни толковали на разные лады и лишь по смерти стали говорить, что у него былъ marasmus senilis. Первая знаменитость того времени, докторъ Грифъ, пріѣзжалъ дважды въ день, объявляя всякій разъ, что присланъ Императоромъ; это больному доставляло видимое удовольствіе. Посѣщали Суворова и другія лица изъ родныхъ и знакомыхъ, это не было запрещено; былъ и Ростопчинъ съ орденами, пожалованными Суворову Французскимъ королемъ-претендентомъ. Больной обрадовался Ростопчину, но сдѣлалъ видъ, что недоумѣваетъ—откуда могли явиться ордена. «Изъ Митавы», объяснилъ

ему Ростопчинъ; Суворовъ на это замѣтилъ, что Французскому королю мѣсто въ Парижѣ, а не въ Митавѣ.

Жизнь медленно потухала; съ каждымъ днемъ слабѣла память и учащался бредъ; на давнихъ, затянувшихся ранахъ открылись язвы и стали переходить въ гангрену. Невозможно уже было обманываться на счетъ исхода. Стали говорить умирающему объ исповѣди и св. причастіи, но онъ не соглашался: ему не хотѣлось вѣрить, что жизнь его кончалась. Зная его благочестіе, близкіе люди настаивали и наконецъ убѣдили; Суворовъ исполнилъ послѣдній долгъ христіанина и простился со всѣми. При этомъ случаѣ, или нѣсколько раньше, онъ, обратившись всѣми мыслями къ Богу, сказалъ: «долго гонялся я за славой,—все мечта: покой души у престола Всемогущаго». Однако то, чѣмъ онъ жилъ на землѣ, не могло оставить его сразу и при переходѣ въ вѣчность. Наступила агонія, больной впалъ въ безпамятство. Невнятные звуки вырывались у него изъ груди въ продолженіе всей тревожной предсмертной ночи, но и между ними внимательное ухо могло уловить обрывки мыслей, которыми жилъ онъ на гордость и славу отечеству. То были военныя грезы, боевой бредъ; Суворовъ бредилъ войной, планами новыхъ кампаній и чаще всего поминалъ Генуу. Стихъ мало по малу и бредъ; жизненная сила могучаго человѣка сосредоточилась въ одномъ прерывистомъ, хриплomъ дыханіи, и 6 мая, во второмъ часу дня, онъ испустилъ духъ [25]).

Тѣло набальзамировали и положили въ гробъ, обтянули комнату трауромъ, вокругъ гроба разставили табуреты съ многочисленными знаками отличій. Суворовъ лежалъ со спокойнымъ лицомъ, точно спалъ, только бѣлая борода отросла на полдюйма. Скорбь была всеобщая, глубокая; не выражалась она только въ официальныхъ сферахъ. «Петербургскія Вѣдомости» не обмолвились ни единымъ словомъ; въ нихъ не было даже простого извѣщенія о кончинѣ генералиссимуса, ни о его похоронахъ. Несмотря на это, печальная вѣсть разнеслась быстро, и громадныя, сплошныя толпы народа, вмѣстѣ съ сотнями экипажей, запрудили окрестныя улицы. Не было ни проѣзда, ни прохода; всякій хотѣлъ проститься съ покойникомъ, но далеко не всякому уда-

лось даже добраться до дома Хвостова. Похороны назначены были на 11 мая, но Государь приказалъ перенести ихъ на 12 число, военныя почести отдать покойному по чину фельдмаршала, а тѣло предать землѣ въ Александро-Невской лаврѣ. Главнымъ распорядителемъ былъ Хвостовъ; погребальная церемонія была богатая и обошлась наслѣдникамъ Суворова больше 20,000 рублей. Войска въ погребальную церемонію были назначены (кромѣ одного коннаго полка) не гвардейскія; говорили, будто потому, что гвардія устала послѣ недавняго парада.

Въ 10 часовъ утра 12 мая начался выносъ съ большою торжественностью. Духовенства была цѣлая масса, въ томъ числѣ придворные священники; пѣвчихъ два большихъ хора, въ томъ числѣ придворный, присланный по приказанію Государя. Ловкіе и осторожные люди остереглись участвовать въ процессіи и хотя такихъ было много, но отъ этого не порѣдѣла громадная толпа, валившая за гробомъ. Еще большее скопленіе народа было на пути процессіи, по всему протяженію Большой Садовой улицы и отъ Садовой по Невскому проспекту до Лавры. Тутъ собралось почти все населеніе Петербурга, отъ мала до велика; балконы, крыши были полны народомъ. По свидѣтельству иностранцевъ-очевидцевъ, печаль и уныніе выражались на всѣхъ лицахъ. Въ числѣ поджидавшихъ печальную процессію находился и Государь съ небольшой свитой, на углу Невскаго и Садовой. По приближеніи гроба, Павелъ I снялъ шляпу; въ это время за спиной его раздалось громкое рыданіе, онъ оглянулся и увидѣлъ, что генералъ-маіоръ Зайцевъ, бывшій въ Итальянскую войну бригадъ-маіоромъ, плачетъ на взрыдъ, не въ состояніи будучи удержаться. Гроза могла грянуть, но все обошлось благополучно: Государь не смогъ пересилить самого себя, и у него изъ глазъ капали слезы. Онъ похвалилъ Зайцева за искренность чувства; пропустивъ процессію, тихо возвратился во дворецъ, весь день былъ не веселъ, всю ночь не спалъ и безпрестанно повторялъ слово «жаль».

Процессія вошла въ ограду Лавры, гробъ внесли въ верхнюю монастырскую церковь, началась божественная служба. Надгробнаго слова сказано не было, «но лучше всякаго панегирика»,

говоритъ очевидецъ: «придворные пѣвчіе пропѣли 90 псаломъ, концертъ Бортнянскаго». Они пѣли: «Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится. Речетъ Господеви: заступникъ мой еси и прибѣжище мое, Богъ мой, и уповаю на него. Яко той избавитъ тя отъ сѣти ловчи и отъ словесе мятежна. Плещма своима осѣнитъ тя и подъ крилѣ его надѣешися.... Падетъ отъ страны твоея тысяща, и тма одесную тебе; къ тебѣ же не приближится.... Яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ, сохранити тя во всѣхъ путѣхъ твоихъ. На рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою. На аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія. Яко на мя упова, и избавлю и: покрыю и, яко позна имя мое. Воззоветъ ко мнѣ, и услышу его: съ нимъ есмь въ скорби, изму его и прославлю его: долготою дней исполню его, и явлю ему спасеніе мое». — Присутствовавшіе не въ силахъ были удерживать слезы; всѣ плакали, «и только что не смѣли рыдать», говоритъ тотъ же очевидецъ. Отпѣваніе кончилось, приступили къ послѣднему цѣлованію и понесли гробъ къ могилѣ. Залпы артиллеріи и ружейный огонь раздались при опусканіи гроба въ землю, и прахъ великаго воина скрылся отъ глазъ живущихъ на вѣки.

Суворовъ похороненъ въ нижней Благовѣщенской церкви, возлѣ лѣваго клироса. На могильной плитѣ его до 50-хъ годовъ была надпись: «Генералисимусъ князь Италійскій графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ Рымникскій. Родился 1729 года ноября 13 дня. Скончался 1800 года мая 6. Тезоименитство ноября 23». Потомъ эта надпись замѣнена другою, болѣе лаконическою, на которую Суворовъ указывалъ при своей жизни: «Здѣсь лежитъ Суворовъ» [26]).

Въ русской исторіи есть событія и имена, которыя неизгладимо запечатлѣлись въ народной памяти. Такія живыя страницы заключаютъ въ себѣ только то, что самъ народъ пережилъ, перечувствовалъ или выстрадалъ и только тѣхъ, которые во всемъ этомъ принимали участіе. Суворовъ къ числу такихъ лицъ не

принадлежитъ, также какъ и другіе полководцы, за весьма рѣдкими исключеніями. Это потому, что политическія событія и войны въ такомъ только случаѣ воспринимаются народнымъ сознаніемъ и глубоко въ него врѣзываются, когда они затрогиваютъ народные интересы и жизнь; тогда вмѣстѣ съ ними остаются въ народной памяти и имена дѣятелей. Суворовскія войны не имѣли такого значенія, какъ и самъ Суворовъ, а напримѣръ о князѣ Скопинѣ Шуйскомъ пѣсни поются во множествѣ.

При всемъ томъ Суворовъ не былъ совершенно изъятъ изъ числа лицъ, удостоившихся народнаго вниманія. И при его жизни, и первое время по смерти, пѣсни и преданія о немъ были довольно многочисленны; въ томъ числѣ не малая доля носила на себѣ баснословный характеръ. Передавалось, будто до рожденія его были видны на небѣ хвосты, ибо, по словамъ одного юродиваго, «рождался человѣкъ знаменитый и нехристямъ страшный»; говорилось, что никогда и никому не будетъ извѣстно мѣсто его рожденія (дѣйствительно, съ достовѣрностью неизвѣстно); объяснялось, что новорожденному было дано счастье святымъ перехожимъ или ангеломъ, котораго пріютили его родители. Существованіе такихъ преданій въ народѣ тѣмъ понятнѣе, что легендарные о Суворовѣ разсказы нашли себѣ мѣсто даже въ высшемъ русскомъ обществѣ и ходили не въ одной Россіи, а также въ Турціи, Польшѣ, Швейцаріи. Изъ числа генераловъ новаго времени, кромѣ Суворова, одинъ только Кутузовъ остался въ преданіяхъ русскаго народа; но о немъ упоминается несравненно рѣже и меньше, хотя 1812 годъ былъ для народа гораздо важнѣе и ближе всѣхъ войнъ, веденныхъ Суворовымъ. Причиною такого вниманія народа къ Суворову была необыкновенная цѣльность и оригинальность его личности, громадное дарованіе, выражавшееся въ фактахъ поразительныхъ, и внутренняя связь его съ солдатомъ, а слѣдовательно и съ народомъ, изъ котораго солдатъ вышелъ.

Не слѣдуетъ однакоже заблуждаться, допуская непосредственное вліяніе личности Суворова на народное воображеніе въ значительныхъ размѣрахъ. Самая большая доля пѣсенъ и легендъ о немъ пущены въ народъ солдатами, и ими же поддержива-

лись и распространялись. Солдатскій оттѣнокъ видѣнъ въ большинствѣ ихъ сразу, особенно въ пѣсняхъ; въ легендахъ больше народной поэзіи можетъ быть потому, что онѣ по самой формѣ своей легче измѣняются и передѣлываются. Періодъ времени, въ продолженіе котораго преданія и пѣсни о Суворовѣ обращались въ народѣ въ замѣтномъ количествѣ, былъ очень не великъ, и затѣмъ запасъ ихъ сталъ быстро скудѣть. Къ послѣднимъ годамъ нашей эпохи ихъ, по замѣчаніямъ изыскателей, оставалось очень немного; по всей вѣроятности не далека и та пора, когда исчезнутъ послѣдніе ихъ слѣды. Будущее однако не отнимаетъ значенія отъ прошедшаго и потому, для полноты представленія о Суворовѣ, нѣсколько словъ о народныхъ о немъ понятіяхъ не могутъ быть лишними.

Къ этой категоріи, кромѣ пѣсенъ и преданій, должны быть отнесены также народныя (лубочныя) картинки. Въ нихъ Суворовъ встрѣчается еще рѣже, чѣмъ подъ другими видами народнаго творчества, однако все-таки встрѣчается, а въ его время попадался навѣрное часто. Въ народныхъ картинкахъ мы находимъ между прочимъ портретъ Суворова; есть также изображеніе его и Багратіона, обоихъ на коняхъ, лицомъ другъ къ другу. Картинка содержаніемъ своимъ доказываетъ, что привязанность Суворова къ Багратіону была народу извѣстна, также какъ и причина этой привязанности, заключавшаяся въ свойствахъ военнаго дарованія Багратіона, Суворовскаго ученика. Подъ картинкой написано:

Еще при мнѣ бросать ты громы научился
И лавры смѣло пожиналъ,
Ко славѣ ревностно стремился
И я наперсникомъ тебя избралъ.

Затѣмъ въ кантатѣ Багратіону говорится, что въ бояхъ леталъ надъ нимъ духъ Суворова, и онъ, Багратіонъ, приглашается быть новымъ Суворовымъ [27]).

Пѣсни, въ которыхъ упоминается Суворовъ, относятся къ Семилѣтней войнѣ, къ обѣимъ Турецкимъ, къ штурму Измаила и Праги, отчасти къ Итальянской кампаніи. Историческихъ фактовъ въ нихъ искать нельзя; тутъ все перепутано, перемѣшано

и очень многое просто выдумано. Однако анахронизмы, извращенія и вымыслы имѣютъ одно общее свойство: характеристика Суворова въ нихъ выдержана съ замѣчательнымъ единствомъ. Тутъ онъ является любимымъ, избраннымъ героемъ; къ нему не относятъ ни одного темнаго дѣла или сомнительнаго поступка; онъ чистъ ото всего дурного; онъ одинъ ничего не боится и ни передъ чѣмъ не робѣетъ. Пѣсня подмѣтила и особенность Суворовскаго военнаго искуства — предпочтеніе холоднаго оружія огнестрѣльному, что и высказывается при разныхъ случаяхъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ отдаетъ приказаніе:

„Ступай наши на штыкахъ“.

Вѣра въ Суворова такъ велика, что бороться съ нимъ представляется дѣломъ, больше чѣмъ рискованнымъ. Поляки говорятъ:

„Лучше скрозь земли пройтить,
„Отъ Суворова уйтить“.

Къ Туркамъ дѣлается такое обращеніе:

„Ты, Гассанъ,
„Попадай намъ въ руки самъ
„И не дѣлай тамо споровъ,
„Гдѣ Рымникскій графъ Суворовъ“.

Суворовъ выхваляется за правдивость, за честную службу, за любовь къ солдату:

„Здравствуй, здравствуй графъ Суворовъ,
„Что ты правдою живешь,
„Справедливо насъ солдатъ ведешь.
„Ты военностей не тужишь,
„Радъ хочь въ воду и огонь,
„Ты царицѣ вѣрно служишь“.

Какъ бы впослѣдствіе всѣхъ такихъ добрыхъ качествъ, являются въ одной пѣснѣ стихи:

„Съ предводителемъ такимъ
„Воевать всегда хотимъ“.

Приведенные отрывки взяты изъ пѣсенъ несомнѣнно солдатскаго происхожденія; онѣ если и вращались въ народѣ, то не могли пустить въ немъ корня. Другія имѣютъ меньше солдатскаго и больше народнаго оттѣнка.

Екатерина II испугалась угрозъ внезапно поднявшагося на нее Шведскаго короля:

Закричала Государыня громкимъ голосомъ своимъ:
„Охъ вы гой еси, мои слуги, слуги вѣрные мои!
„Вы подите, приведите Суворова-графа ко мнѣ".
Вотъ приходитъ графъ Суворовъ къ Государынѣ самой:
„Ужъ ты гой еси, Государыня, не страшися ничего;
„У насъ есть чѣмъ принять, есть чѣмъ подчивать его".

Пѣсня эта впрочемъ носитъ на себѣ печать искуственности, дѣланности; менѣе искуственна слѣдующая, замѣчательная еще проводимою въ ней паралелью между тремя полководцами Екатерининскаго времени:

Князь Румянцевъ-генералъ
Много силы потерялъ.
Воръ Потемкинъ-генералъ
Въ своемъ полку не бывалъ,
Всеё силу растерялъ:
Кое пропилъ, промоталъ,
Кое въ карты проигралъ.
А Суворовъ-генералъ
Свою силу утверждалъ,
Мелки пушки заряжалъ,
Короля во полонъ бралъ.

Народный оттѣнокъ также осязателенъ въ слѣдующемъ отрывкѣ. Воронъ говоритъ:

Я леталъ, леталъ, полетывалъ,
По бѣлу-свѣту погуливалъ
Вслѣдъ за арміей православною.
Я клевалъ, клевалъ, поклевывалъ
Тѣло вражье, басурманское.
Я видѣлъ диво, диво-дивное,
Диво-дивное, чудо-чудное:
Какъ нашъ батюшка Суворовъ-князь
Съ малой силой соколовъ своихъ
Разбивалъ полки тму-численны
Полонилъ пашей и визирей,

Бралъ Измаилъ, крѣпость сильную,
Крѣпость сильную, завѣтную.

Еще видиѣе онъ въ слѣдующихъ немногихъ строкахъ:

Какъ у насъ было за городомъ, за Бендерой,
Не двѣ тученьки, не двѣ грозныя онѣ выкатались:
Выкаталася сила-армія во чисто поле,
Во чистомъ полѣ въ широкое раздолье.
Выходилъ тутъ самъ-отъ батюшка графъ Суворовъ,
Камышевой своей тросточкой онъ комендруетъ:
„Становитесь вы, солдатушки, по правому флангу,
„Вы берите, ребята, и не робѣйте,
„Своихъ бѣлыхъ рукъ не жалѣйте".

Тоже самое можно сказать и объ обломкѣ народной пѣсни, въ которомъ поется:

Что не сизый орелъ на лебедушекъ
Напускается изъ за синихъ тучь:
Напускается орломъ батюшка,
На поганыхъ, на Турковъ-нехристей,
Самъ Суворовъ-свѣтъ батюшка.

Вмѣстѣ съ пѣснями о Суворовѣ, вымираютъ или вымерли и легенды. Преданія о немъ были наиболѣе сосредоточены въ новгородской губерніи, преимущественно въ боровицкомъ уѣздѣ, гдѣ лежитъ село Кончанское, но и тутъ остаются отъ нихъ уже немногіе слѣды. Приведемъ въ заключеніе одну изъ такихъ полународныхъ легендъ.

Въ дремучемъ лѣсу, среди болотъ, лежитъ огромная каменная глыба, съ пещерою внутри; ходъ въ нее изъ подъ болота. Дурная слава про это мѣсто: тамъ блуждаютъ синіе огоньки, носятся блѣдныя тѣни, слышатся тоскливые, жалобные стоны. Филинъ не пролетаетъ надъ сѣдымъ мшистымъ камнемъ, волкъ на немъ не воетъ; крестьянинъ, невзначай сюда попавшій, обходитъ дикое мѣсто, кладя на себя крестное знаменіе. Всегда здѣсь тихо и мертво; только воронъ каркаетъ по временамъ надъ каменною глыбой, да вьется хищный орелъ, успокоивая клектомъ своимъ старца, почивающаго въ пещерѣ, внутри камня, неземнымъ сномъ. Чрезъ малое отверстіе брежжитъ оттуда тусклый,

слабый свѣтъ неугасимой лампады, да доносится глухое замогильное поминовеніе князю, рабу Божію Александру. Въ глубинѣ скалы спитъ, какъ говорятъ люди, самъ дѣдушка, склонивъ сѣдую голову на уступъ камня; давно онъ спитъ и долго спать будетъ. Только тогда, когда покроется Русская земля кровью боевому коню по щиколотку, проснется великій русскій воинъ, выйдетъ изъ своей усыпальницы и избавитъ отечество отъ лютой невзгоды [28]).

ССЫЛКИ И ПОЯСНЕНІЯ.

Краткое понятіе о матеріалахъ, на которые здѣсь сдѣланы ссылки, дано въ послѣднемъ отдѣлѣ этого тома, озаглавленномъ „Источники.“ Сокращенія въ наименованіи источниковъ будутъ понятны, если предварительно ознакомиться съ этимъ отдѣломъ.

КЪ ГЛАВѢ XXVII.

1. Война 1799 г., гр. Милютина.

2. Лаверн. — Воронц. архивъ, 24.

3. Книга гр. Милютина. — Левшинъ. — Анекдоты Фукса. — Воронц. архивъ, 9. — Рус. архивъ 1877 г.

4. Разсказы ст. воина. — Рус. старина 1872 г.

5. Сувор. сборникъ, В и Д. — Госуд. архивъ, X, 498. — Матеріалы гр. Милютина и его же книга.

6. Сувор. сборникъ, 4. — Книга гр. Милютина. — Рус. старина 1873 г.

7. Рус. архивъ 1877 г. — Разсказы ст. воина. — Анекдоты Фукса.

8. Сувор. сборникъ, 4. — Госуд. архивъ, VII, 2049. — Левенштернъ.

9. Книга гр. Милютина. — Лаверн. — Рус. архивъ 1867 г.

10. Книга гр. Милютина.

11. Сувор. сборникъ, 4. — Анекдоты Фукса.

12. Книга гр. Милютина.

13. Карабановскій сборникъ. — Книга гр. Милютина. — Глинка. — Жомини. — Воронц. архивъ, 24.

14. Сувор. сборникъ, 4. — Бошанъ. — Книга гр. Милютина.

15. Анекдоты Фукса.

16. Observations sur l'armée française. Переводъ этой небольшой книжки помѣщенъ въ Сборникѣ статей г. Драгомирова и въ Рус. старинѣ за 1875 годъ.

17. Глинка. — Дюбокажъ.

18. Сувор. сборникъ, Г. — Рус. старина 1872 г. — Рус. архивъ 1871 г. — Дюбокажъ.

19. Сувор. сборникъ, папка. — Дюбокажъ. — Лаверн.

20. Observations, etc. — Воронц. архивъ, 17.

КЪ ГЛАВѢ XXVIII.

1. Разсказы ст. воина.

2. Бошанъ. — Лаверн. — Кампанія 1799 г., Фукса.

3. Анекдоты Фукса.

4. Чтенія въ моск. общ., 1847 г. — Рус. старина 1877 г. — Бошанъ. — Тьеръ.

5. Документы помѣщены въ Приложеніи IX. Туда вошли: а) приказы Суворова, взятые изъ книги гр. Милютина, а имъ отысканные въ австрійскомъ военномъ журналѣ 1818 г.; б) инструкція, взятая у того же автора, а имъ найденная въ архивѣ бывшаго инспекторскаго департамента военнаго министерства; в) записка, попавшаяся автору настоящаго сочиненія въ моск. главномъ архивѣ (Campagnes, св. 3); г) приказъ Суворова, имѣющійся въ нѣсколькихъ источникахъ, но взятый изъ книги гр. Милютина. Первые два написаны по нѣмецки неправильнымъ и мѣстами невразумительнымъ языкомъ, а потому помѣщены въ приложеніи въ русскомъ переводѣ гр. Милютина. Инструкція составлена не въ Валеджіо, а позже, но помѣщается въ томъ же Приложеніи по однородности предмета, такъ же, какъ и приказъ 4 іюня.

6. Исторія Суворова, Фукса.

7. Воронц. архивъ, 8. — Тьеръ. — Жомини.

8. Распоряженіе на счетъ русскихъ войскъ было не исполнимо, такъ какъ ночью съ 15 на 16 число они находились по крайней мѣрѣ въ 30 верстахъ отъ назначеннаго имъ пункта переправы. Вѣроятно оно было сдѣлано заблаговременно, днемъ 15 числа, а потомъ отмѣнено.

9. Матеріалы гр. Милютина. — Бошанъ.

10. Матеріалы гр. Милютина.

11. Жомини.

12. Сувор. сборникъ, папка. — Воронц. архивъ, 17.

13. Бошанъ.

14. Сувор. сборникъ, папка. — Бошанъ. — Анекдоты Фукса.

15. Сувор. сборникъ, II.

16. Сувор. сборникъ, папка.—Бошанъ.—Кампанія 1799 г., Фукса.

17. Сувор. сборникъ, папка. — Воронц. архивъ, 17. — Тьеръ. — Жомини.

Главный матеріалъ для этой главы дала книга гр. Милютина «Война 1799 г.»

КЪ ГЛАВѢ XXIX.

1. Бошанъ.
2. Лавернъ.
3. Рус. архивъ 1867 г.
4. Тоже. — Рус. старина 1877 г.
5. Матеріалы гр. Милютина. — Рус. архивъ 1867 г.
6. Суворовскій сборникъ, Е.
7. Рус. старина 1874 г.
8. Разсказы стараго воина.
9. Сувор. сборникъ, папка.
10. Государств. архивъ X, 408. — Сувор. сборникъ, В.
11. Воронцовскій архивъ, 8.
12. Военный журналъ 1859 г.
13. Сувор. сборникъ, Н. — Госуд. архивъ, X, 408. — Левшинъ.

Книга гр. Милютина служила главнымъ источникомъ для этой главы.

КЪ ГЛАВѢ XXX.

1. Государств. архивъ, VII, 3378.
2. Матеріалы гр. Милютина.
3. Тоже. — Сѣверная Пчела 1843 г., № 72.
4. Матеріалы гр. Милютина. — Сувор. сборникъ, В.
5. Жомини.
6. Разсказы стараго воина.

Весь этотъ эпизодъ изложенъ въ указанномъ источникѣ не совсѣмъ вѣрно, не согласно съ ходомъ сраженія и довольно сбив-

чиво, что впрочемъ вообще характеризуетъ „Разсказы стараго воина“, за малыми исключеніями, хотя сущность передаваемыхъ имъ фактовъ едва ли подлежитъ сомнѣнію. Въ настоящемъ сочиненіи описываемый случай разсказанъ нѣсколько иначе, по соображеніи съ подробностями боя и не вполнѣ сходно съ книгою гр. Милютина.

7. Военный журналъ 1859 года.

8. Собраніе разныхъ сочиненій Фукса.

9. Исторія Суворова, Фукса.

10. Воронц. архивъ, 24.

11. Госуд. архивъ, X, 498. — Сувор. сборникъ, B, H и 4.

12. Сувор. сборникъ, H.

13. Воен. журналъ 1859 г. — Матье Дюма. — Тьеръ.

14. Кампанія 1799 г., Фукса.

15. Бошанъ.

Главнымъ источникомъ для главы служила книга гр. Милютина.

КЪ ГЛАВѢ XXXI.

1. Лавернъ.

2. Кампанія 1799 г., Фукса.

3. Военный журналъ 1859 года.

4. Разсказы стараго воина.

5. Матеріалы гр. Милютина.

6. Сувор. сборникъ, H.—Карабановскій сборникъ.—Воронц. архивъ, 24.

7. Сувор. сборникъ, H.

8. Сувор. сборникъ, H и папка.

9. Государств. архивъ, VII, 3378.

10. Воронц. архивъ, 24.

11. Сувор. сборникъ, B. — Собраніе разныхъ сочиненій Фукса.

12. Такого мнѣнія повидимому держится и гр. Милютинъ въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи сраженія при Нови (Война 1799 года), составленномъ по многочисленнымъ, но весьма разнорѣчивымъ даннымъ.

13. Жомини, Бошанъ и нѣкот. другіе.

14. Разсказы стараго воина.

По другимъ источникамъ, Суворовъ сидѣлъ запершись въ своей комнатѣ. Здѣсь предпочтено то свѣдѣніе, которое, по увѣренію „стараго воина", идетъ отъ князя Багратіона.

15. Матеріалы гр. Милютина.—Разсказы ст. воина. —Рус. архивъ 1877 г. — Лаверн.

16. Дюбокажъ. — Амберъ.

17. У гр. Милютина сказано, на основаніи донесенія Суворова, что Розенбергъ былъ передвинутъ изъ Виниколо къ Ривальтѣ, но Комаровскій (Рус. архивъ 1867 г.) и Толль (Воен. журналъ 1859 г.) про это перемѣщеніе не говорятъ. Послѣднее свидѣтельство особенно цѣнно, ибо Толль былъ офицеромъ генеральнаго штаба при Розенбергѣ.

18. Дюбокажъ.

19. Жомини.

20. Бошанъ.

21. Тьеръ.

22. Жомини, М. Дюма, Тьеръ, Амберъ и нѣкот. другіе.

23. Исторія Суворова, Фукса.

24. Воен. журналъ 1859 г. — Разсказы ст. воина.

Въ этой послѣдней книгѣ много напутано; видимо, память измѣнила автору; оттого нельзя было принять изложеніе гр. Милютина.

Главнымъ источникомъ для главы служила книга гр. Милютина.

КЪ ГЛАВѢ XXXII.

1. Анекдоты Фукса.

2. Эти и другія карикатуры, касающіяся современныхъ событій той эпохи, авторъ книги видѣлъ въ богатой коллекціи П. Я. Дашкова.

3. Воронцовскій архивъ, 10.

4. Государств. архивъ, VII, 3320. — Воронц. архивъ, 14 и 26. — Кампанія 1799 г., Фукса.

5. Моск. главный архивъ, 1799 г., Campagnes, св. 8. — Анекдоты Фукса.

6. Exposé des principales circonstances, etc. — Фукса: кампанія 1799 г. и собраніе разныхъ сочиненій.

7. Рус. архивъ 1876 г.

8. Суворовскій сборникъ, Н.

9. Воронц. архивъ, 24. — Рус. Вѣстн. 1842 г., т. 5.

10. Воронц. архивъ, 20.

11. Госуд. архивъ, X, 498.

12. Госуд. архивъ, тоже и VII, 3378.

13. Жомини.

14. Карабановскій сборникъ.

15. Анекдоты Фукса. — Разсказы ст. воина. — Воен. журналъ 1859 г.

16. Госуд. архивъ, VII, 3378.

17. Матеріалы гр. Милютина. — Воронц. архивъ, 24. — Воен. журналъ 1859 г. — Чтенія въ моск. обществѣ 1847 г. — Левшинъ. — Exposé etc.

18. Карабан. сборникъ. — Анекдоты Фукса. — Воронц. архивъ, 24. — Лавернъ. — Левшинъ.

19. Моск. главный архивъ, 1799, Campagnes, св. 8. — Сувор. сборникъ, 4. — Кампанія 1799 г., Фукса. — Разсказы ст. воина. — Левшинъ. — Воронц. архивъ, 24.

20. Воронц. архивъ, 20.

Главнымъ источникомъ для главы служила книга гр. Милютина.

КЪ ГЛАВѢ XXXIII.

1. Военный журналъ 1859 года.

2. Лавернъ.

3. Московск. вѣдомости 1805 г., № 48.

4. Левшинъ.

5. Тьеръ и другіе.

6. Разсказы стараго воина.

7. Собраніе разн. сочин. Фукса и другія.

8. Переходъ Суворова чрезъ Чортовъ мостъ описанъ историками весьма разнообразно и съ несогласимыми противорѣчіями. Трудно принять за безусловно-вѣрное и изложеніе гр. Милютина, даже объ устройствѣ самого моста, если сопоставить его со свидѣ-

тельствомъ участника и очевидца, Толля, находившагося при передовомъ батальонѣ. Есть и у Толля очевидныя погрѣшности и недомолвки; но онъ не могъ ошибиться, такъ сказать, въ тонѣ самаго дѣла. Поэтому описаніе атаки и обороны Чортова моста въ настоящей главѣ не во всемъ сходно съ книгою гр. Милютина, который, какъ надо полагать по его цитатамъ, не имѣлъ записокъ Толля въ числѣ своихъ источниковъ.

9. Государств. архивъ, XX, 381.

10. По этому поводу нѣкоторыми приводится анекдотъ о неумѣлости или копотливости австрійскихъ піонеровъ и о нарядѣ на мостовую работу русскихъ солдатъ-плотниковъ. Откуда здѣсь взялись австрійскіе піонеры? Нигдѣ не видать, чтобы они были приданы русскимъ войскамъ для швейцарскаго похода, а напротивъ извѣстно по документамъ, что при арміи Суворова находилась русская піонерная рота Назимова съ командою саперъ и минеръ. Анекдотъ этотъ конечно порожденъ существовавшимъ тогда въ Суворовскихъ войскахъ горькимъ чувствомъ къ Австрійцамъ.

11. Матеріалы гр. Милютина. — Жомини. — Военный журналъ 1859 г.

Главнымъ источникомъ для главы служила книга гр. Милютина.

КЪ ГЛАВѢ XXXIV.

1. Воен. журналъ 1859 г. — Разсказы ст. воина.

2. Разсказы стараго воина.

3. Жомини.

4. Exposé des principales circonstances, etc.

5. Существуютъ свидѣтельства, что на военный совѣтъ были созваны всѣ генералы и нѣсколько штабъ-офицеровъ. Здѣсь говорится только о десяти потому, что рѣшеніе совѣта подписано десятью лицами. Ни Суворовъ, ни великій князь не подписались.

6. Разсказы ст. воина.

Рѣчь Суворова и вообще ходъ всего совѣщанія приводятся не дословно, а въ общихъ чертахъ, потому что разсказчикъ (г. Старковъ), или и самъ Багратіонъ, все это ему передававшій, могли удержать въ памяти безошибочно только общій смыслъ и главныя подробности происходившаго, а не обороты фразъ и слова.

7. Военный журналъ 1859 г.

8. Москвитянинъ 1842 г., ч. 5. — Воен. журналъ 1859 г.

9. Матеріалы гр. Милютина.

Слова Массены впрочемъ могли относиться и къ переходу Суворова изъ Альторфа въ Мутенталь.

10. Кампанія 1799 г., Фукса.

11. Воен. журналъ 1859 г. — Разсказы ст. воина. — Рус. старина 1875 г.

12. Госуд. архивъ, VII, 3378. — Матеріалы гр. Милютина. — Анекдоты Фукса.

13. Восемнадцатый вѣкъ, Бартенева, кн. 3.

14. Фуксъ разсказываетъ, якобы солдаты ворчали въ глаза Суворову, говоря, что онъ выжилъ изъ ума, заведя ихъ Богъ знаетъ куда. При этомъ Суворовъ будто бы обращался къ своей свитѣ съ довольнымъ видомъ, увѣряя, что его хвалятъ точно такъ, какъ хвалили въ Турціи и Польшѣ. Этотъ анекдотъ однороденъ съ другимъ, о рытьѣ Суворову могилы, пущеннымъ Фуксомъ же, и заслуживаетъ такой же вѣры.

15. Дюбокажъ.

16. Рус. архивъ 1876 г. — Рус. старина 1875 г.

17. Госуд. архивъ, X, 498. — Рус. архивъ 1876 г.

18. Госуд. архивъ, X, 498.

19. Памятникъ этотъ открытъ въ Петербургѣ Императоромъ Александромъ I въ маѣ 1801 года, при торжественной обстановкѣ. Первоначально онъ стоялъ на Марсовомъ полѣ, а потомъ перенесенъ ближе къ Невѣ, гдѣ и нынѣ находится.

20. Древняя и новая Россія 1879 г. (Елисѣевъ).

Главный матеріалъ для главы дала книга гр. Милютина.

КЪ ГЛАВѢ XXXV.

1. Моск. главный архивъ, 1799, Campagnes, связка 2.

2. Exposé des principales circonstances, etc.

3. Воронц. архивъ, 20.

4. Дюбокажъ.

5. Кампанія 1799 г., Фукса.

6. Амберъ.

7. Древняя и новая Россія 1879 г. (Елисѣевъ).

8. Анекдоты Фукса.

9. Амберъ. — Анекдоты Фукса. — Дюбокажъ. — Сѣв. Пчела 1843 г., № 163.

10. Сынъ отечества 1842 г., № 2. — Mémoires de Gohier, 1824.

11. Матеріалы гр. Милютина. — Бошанъ. — Воронц. архивъ, 20 и 23. — Др. и нов. Россія 1879 г. (Елисѣевъ).

12. Государств. архивъ, X, 498.

13. Рус. архивъ 1876.

14. По свидѣтельству гр. Милютина, предположенія Суворова о будущей кампаніи изложены въ нѣсколькихъ запискахъ и замѣткахъ, въ числѣ которыхъ есть совершенно непонятныя по неправильности и темнотѣ языка. Въ Приложеніе XII вошли три главныя и по содержанію, и по объему; они взяты цѣликомъ изъ книги гр. Милютина, съ исправленіемъ лишь орфографіи по нынѣшнему.

15. Моск. главный архивъ, 1799, Campagnes, св. 4.

Главнымъ матеріаломъ для описанія разрыва служила книга гр. Милютина.

КЪ ГЛАВѢ XXXVI.

1. Госуд. архивъ, XX, 381. — Мемуары Левенштерна. — Книга гр. Милютина. — Разсказы ст. воина. — Воен. журн. 1859 г.

2. Суворовск. сборн., II. — Книга гр. Милютина.

3. Бюлеровскій сборникъ, кн. гр. Милютина и мн. др.

Копія съ этого портрета была сдѣлана для барона Бюлера, дипломатическаго чиновника, состоявшаго временно при Суворовѣ, и перешла потомъ къ сыну его, барону Ф. А. Бюлеру, у котораго находится и нынѣ. Фуксъ перепуталъ фамилію живописца, назвавъ его Миллеромъ вмѣсто Шмидта, и прикрасилъ свой разсказъ о портретѣ. Разныя варіаціи на эту тему напечатаны въ нѣкоторыхъ историческихъ сборникахъ.

4. Сувор. сборникъ, II. — Книга гр. Милютина. — Кампанія 1799 г., Фукса. — Воронц. архивъ, 27.

5. Сувор. сборникъ, папка.

6. Бошанъ. — Кампанія 1799 г., Фукса и анекдоты его же.

7. Госуд. архивъ, XX, 381.—Книга гр. Милютина.—Кампанія 1799 г., Фукса.

8. Бошанъ. — Рус. архивъ 1877 г. — Рус. старина 1876 г.

9. Записки А. Т. Болотова.

10. Русская бесѣда 1860 г., т. I.

11. Дюбокажъ. — Лавернъ. — Бошанъ. — Русская старина 1876 г. — Восемнадцатый вѣкъ, Бартенева, кн. 3.

12. Восемнадцатый вѣкъ, Бартенева, кн. 3. — Левшинъ. — Бошанъ.

13. Рус. архивъ 1867 и 1874 г.—Книга гр. Милютина.—Энгельгардтъ. — Дюбокажъ.

14. Дюбокажъ. — Рус. архивъ 1874 г. — Рус. старина 1878 г.

15. Жомини.

16. Моск. архивъ гл. штаба, оп. 99, св. 1.

17. Сувор. сборникъ, Д. — Рус. старина 1876 г. — Энгельгардтъ. — Книга гр. Милютина. — Восемнадцатый вѣкъ, Бартенева, кн. 3.

18. Левшинъ. — Анекдоты Фукса.

19. Разсказы ст. воина. — Анекдоты Фукса.

20. Сувор. сборникъ, С.—Карабановскій сборникъ.—Воен. журналъ 1859 г.

21. Тѣже и Рус. архивъ 1876 г.

22. Рус. архивъ 1873 г.—Рус. старина 1876 г.—Воронц. архивъ, 23.

23. Карабановскій сборникъ.

24. Сувор. сборникъ, 4 и С. — Рус. архивъ 1866 г.

КЪ ГЛАВѢ XXXVII.

1. Рус. бесѣда 1860 г., т. I. — Лавернъ. — Разсказы ст. воина. — Левшинъ. — Бошанъ. — Exposé des principales circonstances, etc.

2. Госуд. архивъ, VII, 3378.—Сувор. сборникъ, С.—Книга гр. Милютина.

3. Госуд. архивъ, XX, 381. — Сувор. сборникъ, С. — Книга гр. Милютина.

4. Госуд. архивъ, тоже. — Сувор. сборникъ, Н. — Вотчин. архивъ, 11. — Книга гр. Милютина. — Анекдоты Фукса.

5. Сувор. сборникъ, С и Н — Карабан. сборникъ. — Книга гр. Милютина.

6. Госуд. архивъ, XX, 381. — Сувор. сборникъ, Д, Н и С. — Книга гр. Милютина.

7. Карабан. сборникъ. — Книга гр. Милютина.

8. Государств. архивъ, VII, 3378. — Сувор. сборникъ, С. — Карабан. сборникъ. — Книга гр. Милютина. — Воен. журналъ 1859 г.

9. Матеріалы гр. Милютина. — Рус. архивъ 1871 г.

10. Госуд. архивъ, X, 498.

11. Госуд. архивъ, XX, 370.

12. Моск. главный архивъ, 1799, Campagnes, св. 2. — Сувор. сборникъ, Г, С и 4. — Кампанія 1799 г., Фукса.

13. Госуд. архивъ, XX, 381. — Сувор. сборникъ, Е, Н и С. — Книга гр. Милютина. — Рус. архивъ 1867 г.

14. Матеріалы гр. Милютина. — Воронц. архивъ, 10. — Рус. архивъ 1867 г. — Рус. старина 1877 г.

15. Госуд. архивъ, XX, 381. — Моск. главный архивъ, 1799, Campagnes, св. 6. — Матеріалы гр. Милютина. — Воронц. архивъ, 10.

16. Exposé des principales circonstances, etc.

Въ этой небольшой книжкѣ, изданной современнымъ швейцарцемъ, много вымышленнаго или помѣщеннаго по слухамъ, безъ всякой повѣрки.

17. Госуд. архивъ, VII, 3378. — Моск. гл. архивъ, 1799, Campagnes, св. 3. — Москвитянинъ 1843, № 4.

18. Госуд. архивъ, тоже. — Сувор. сборникъ, Г.

19. Книга гр. Милютина.

20. Тоже. — Сувор. сборникъ, В, Г и Е.

21. Госуд. архивъ, X, 498. — Воронц. архивъ, 18. — Лубяновскій.

22. Лубяновскій.

23. Сувор. сборникъ, Г, Е, Н, 4 и папка. — Сенатскій архивъ, 1799, 254, мин. юстиціи.

24. Сувор сборникъ, папка.

Представленіе Императору Николаю I было сдѣлано не совсѣмъ вѣрное. Въ немъ говорилось, будто Суворову былъ пожалованъ титулъ „свѣтлѣйшаго", но потомъ отнятъ, и въ доказательство приводилось то обстоятельство, что графъ (впослѣдствіи князь) Ливенъ, объявлявшій высочайшія повелѣнія, титуловалъ Суворова до 20 ноября 1799 года „свѣтлостью", а затѣмъ сталъ писать „сіятельство". Изъ изложенія дѣла въ главѣ XXXVII видно, что нельзя согласиться съ такими объясненіями всеподданнѣйшаго доклада, неправильность которыхъ произошла отъ недостаточной разработки историческаго матеріала.

25. Книга гр. Милютина. — Сѣв. архивъ 1822 г., ч. 2. — Глинка. — Рус. архивъ 1870 г.

26. Сувор. сборникъ, 2. — Вотчин. архивъ, 12. — Книга гр. Милютина. — Лавернъ. — Сѣв. архивъ 1822 г., ч. 3. — Рус. архивъ 1870 и 1873 г.

27. Русскія народныя картинки, Д. Ровинскаго.

28. Древняя и новая Россія 1879 г. (Елисѣевъ). — Восемнадцатый вѣкъ, Безсонова, вып. 9. — Храповицкій. — Рыбкинъ. — Рус. старина 1873 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ IX.

КЪ ГЛАВѢ XXVIII.

А. ПРИКАЗЫ

генералъ-фельдмаршала графа А. В. Суворова Рымникскаго по обученію австрійской арміи въ 1799 году.

(Изъ книги графа Милютина: „Война 1799 года").

1.

Обучаться пѣхотѣ на пѣхоту, кавалеріи на кавалерію, кавалеріи на пѣхоту, пѣхотѣ на кавалерію.

Пѣхота, стоя на мѣстѣ, стрѣляетъ по наступающей пѣхотѣ съ 60 шаговъ, а на 30 сама бросается въ штыки. Въ атакѣ дѣйствовать холоднымъ оружіемъ. Употреблять всегда шагъ военный — въ аршинъ, въ захожденіи въ $1^1/_2$ аршина. Сблизившись съ непріятельскою пѣхотою на 80 саженъ, пробѣжать впередъ до 15 шаговъ, а кавалерія карьеромъ на 30 саженъ, черезъ картечную черту полевой артиллеріи, чтобы летѣла картечь сверхъ головы; тоже самое на 60 саженяхъ противъ тяжелой артиллеріи. Черта вѣрнаго ружейнаго выстрѣла 60 шаговъ; разстояніе это уже пробѣгутъ со штыками.

На томъ же основаніи дѣйствуетъ и кавалерія.

2.

Въ строю становиться по локтю. Повороты и деплоированіе въ обыкновенныхъ случаяхъ дѣлать скорымъ шагомъ.

Движеніе производить въ колоннѣ по взводно, справа или слѣва; шагъ въ аршинъ, при захожденіи полтора.

Фронтъ выстраивать захожденіемъ по взводно.

Готовься къ атакѣ; тутъ пальба взводами не долго.

По командѣ готовься, люди задней шеренги отскакивають въ сторону, вправо, и становятся въ двѣ шеренги, а потомъ вскакивають опять на прежнія мѣста. Всѣмъ этимъ заниматься не долго.

По сигналу—маршъ, впередъ, линіи двигаются полнымъ шагомъ и живо. Ружье въ правую руку,—штыки держать вкось безъ помощи ремня. Какъ дойдетъ до рукопашнаго, если на кавалерію, то колоть штыкомъ и лошадь, и человѣка; если на пѣхоту, то штыкъ держать ниже и ближе обѣими руками. На 80 саженяхъ картечный выстрѣлъ изъ большихъ орудій,—пѣхота пробѣжитъ впередъ до 15 шаговъ; тоже самое на 60 саженяхъ, когда картечь изъ малыхъ пушекъ: непріятельская картечь летитъ поверхъ головы. Когда линія въ 60 шагахъ отъ непріятеля, офицеры съ фланговъ выбѣгаютъ впередъ: „вивать Францъ", рядовые впередъ и непріятеля колятъ... Тутъ ужъ только кровь.

3.

Штыкомъ можетъ одинъ человѣкъ заколоть троихъ, гдѣ и четверыхъ, а сотня пуль летитъ на воздухъ.

Казаки должны всегда держаться за кавалеріей; ихъ быстрота довершаетъ побѣду, и какъ только непріятель сбитъ, то ни одинъ человѣкъ не спасется.

Быстрота и натискъ — душа настоящей войны; бѣгущаго непріятеля истребляетъ одно преслѣдованіе.

Побѣдителю прилично великодушіе; бѣгущій непріятель охотно принимаетъ пардонъ. Смерть или плѣнъ,—все одно.

Пища поддерживаетъ силы человѣка; въ случаяхъ особенныхъ надобно довольствоваться малымъ. Кавалерія сама снабжаетъ себя фуражомъ.

4.

Казаковъ надо ставить вслѣдъ за пѣхотой, полками или сотнями, чтобы немедленно преслѣдовать непріятеля, лишь только начнетъ отступать.

Въ боевомъ порядкѣ казаки должны строиться, смотря по мѣстности, малыми или крупными частями, или позади линій, или по флангамъ. Какъ только непріятельская линія сбита, казаки по своей быстротѣ отлично преслѣдуютъ и въ особенности забираютъ плѣнныхъ. Иногда должны они кричать непріятелю: пардонъ, пардонъ.

5.

Когда непріятель бѣжитъ, его провожаютъ ружейнымъ огнемъ. Онъ не стрѣляетъ, не прикладывается, не заряжаетъ: много неудобствъ спасаться бѣгствомъ. Когда же за нимъ штыки, то онъ еще рѣже стрѣляетъ, а потому не останавливаться, а ускорять его бѣгство штыками.

День готовиться къ маневрамъ. Съ утра упражняться штыками и саблями. По временамъ производить натискъ пѣхотѣ противъ пѣхоты, кавалеріи противъ кавалеріи, кавалеріи противъ пѣхоты, пѣхотѣ противъ кавалеріи: по одиночкѣ, по взводно, ротами, эскадронами, батальонами, полками,— какъ признается удобнѣе. Особенно же слѣдуетъ беречь лошадей: человѣкъ лучше отдыхаетъ.

6.

Бой между двумя арміями на штыкахъ, бѣлымъ оружіемъ.

Въ каждой изъ двухъ линій, а частію и въ резервѣ, должны быть значительные интервалы. Конная артиллерія стрѣляетъ, смѣло наступая, совершенно независимо отъ направленія линій; конная артиллерія скачетъ впереди, какъ сама хочетъ. Вмѣсто разсыпанныхъ застрѣльщиковъ, въ каждомъ капральствѣ имѣть по 4 хорошихъ стрѣлка; они стрѣляютъ въ ранжирѣ (въ своемъ ряду и въ шеренгѣ), а могутъ также нѣсколько и выбѣгать впередъ; только не терять напрасно пуль.

Когда обѣ противныя арміи находятся въ разстояніи хорошаго пушечнаго выстрѣла, то атакующія линіи идутъ на противника. Подойдя на 80 саженъ, т. е. къ чертѣ хорошаго картечнаго выстрѣла (до того линіи шли скорымъ шагомъ въ

аршинъ и даже въ полтора), бѣгутъ впередъ до 15 или 30 саженъ отъ непріятельскихъ пушекъ, чтобы картечь летѣла поверхъ головы; тоже самое начинать съ 60 саженъ или 180 шаговъ передъ тяжелыми орудіями. Послѣдніе 60 шаговъ отъ непріятельскаго фронта, т. е. разстояніе вѣрнаго ружейнаго выстрѣла, пробѣгаютъ со штыками, колять, кричатъ вивать Францъ, а оберъ и унтеръ-офицеры — коли, коли.

Армія, стоящая на мѣстѣ, открываетъ дѣйствіе пушками. Ружейный огонь плутонгами начинается съ 60 или 80 шаговъ, а когда противникъ подойдетъ на 30 шаговъ, то стоящая армія сама двигается впередъ и встрѣчаетъ атакующую армію штыками. Штыки держать плоско, правою рукой, а колоть съ помощью лѣвой; при случаѣ не мѣшаетъ и прикладомъ въ грудь или по головѣ.

Вотъ въ чемъ весь секретъ: пѣхота проходитъ сквозь пѣхоту и кавалерію, кавалерія сквозь пѣхоту и кавалерію, а какъ только всѣ прошли насквозь, строятся линіи опять на прежнемъ разстояніи, гдѣ и командовать: стой. Задняя линія проходитъ сквозь переднюю и — на лѣво-кругомъ; кавалерія — по четыре на лѣво-кругомъ; тутъ уже станутъ на заднюю шеренгу.

Тотъ же самый маневръ повторяется снова. Армія, которая прежде была атакующею, теперь уже стоитъ на мѣстѣ, а стоявшая прежде,— теперь атакуетъ и тоже самое наблюдаетъ. Vinci!

Не худо сказать солдатамъ какую нибудь сильную рѣчь, а затѣмъ — по домамъ.

7.

Планъ операціонный—въ главную квартиру, въ корпусъ, въ колонну; ясное распредѣленіе полковъ; вездѣ разсчетъ времени.

Въ перепискѣ между начальниками войскъ слѣдуетъ излагать настоящее дѣло ясно и кратко, въ видѣ записокъ, безъ большихъ титуловъ; будущія же предпріятія опредѣлять впередъ на сутки или на двое.

Не довольно, чтобы одни главные начальники были извѣщены о планѣ дѣйствія; необходимо и младшимъ начальни-

камъ постоянно имѣть его въ мысляхъ, чтобы вести войска согласно съ симъ. Мало того, даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его по той же причинѣ; даже унтеръ-офицеры и рядовые. Каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ. Тайна есть только предлогъ, больше вредный, чѣмъ полезный: болтунъ и безъ того будетъ наказанъ.

Вмѣстѣ съ планомъ долженъ быть приложенъ небольшой чертежъ, на которомъ нѣтъ нужды назначать множество деревушекъ, а только главныя и ближайшія мѣста, въ той мѣрѣ, сколько можетъ быть нужно для простого воина; притомъ нужно дать нѣкоторое понятіе о гористыхъ мѣстахъ.

Б. ИНСТРУКЦІЯ,

данная генералъ-фельдмаршаломъ графомъ А. В. Суворовымъ Рымникскимъ австрійскимъ войскамъ въ 1799 году.

(Изъ книги графа Милютина: „Война 1799 года“).

Итальянская армія обязана большею частью своихъ побѣдъ быстрому наступленію и сомкнутымъ атакамъ въ штыки, а потому всѣ господа генералы должны на каждой дневкѣ упражнять ввѣренныя имъ войска въ дѣйствіяхъ этого рода.

Въ отдаленіи отъ непріятеля, въ походѣ идти рядами, потому что для нижнихъ чиновъ это легче и удобнѣе. На каждую нѣмецкую милю часъ отдыху. Если весь переходъ мили въ $3^1/_2$ и до 5, то подъемъ въ 2 часа утра; вьючныя лошади съ котлами и мясомъ посылаются впередъ, чтобы люди могли получить пищу, необходимую для поддержанія ихъ силъ.

Въ разстояніи около часа отъ непріятеля выстраиваются взводы, а лишь только подойдутъ подъ пушечный выстрѣлъ, берутъ ружья подъ прикладъ и идутъ въ ногу, потому что это единственное средство наступать скоро.

Въ 1000 шагахъ отъ непріятеля всегда строиться въ двѣ линіи, а потомъ съ музыкой обыкновеннымъ шагомъ подойти на 300 шаговъ отъ противника. Артиллерія всегда становится

такъ, чтобы не мѣшать движенію другихъ войскъ и дѣятельно производить пальбу.

Въ 300 шагахъ команда: стой, равняйсь; пальба взводами, заряжай, взводъ готовсь, кладсь — пли.

Взводы заряжаютъ разъ 6 или 8; между тѣмъ артиллерія стрѣляетъ картечью. Затѣмъ бить отбой и когда люди совершенно приготовятся, то командовать: слушай, атака всѣмъ фронтомъ, ружья на перевѣсъ. Войска берутъ ружья на перевѣсъ и крѣпко держатъ ихъ въ правой рукѣ. Маршъ. Войска трогаются нѣсколько усиленнымъ шагомъ, съ музыкой, съ распущенными знаменами и когда подойдутъ шаговъ на 200, то командовать: маршъ-маршъ. Войска удваиваютъ шагъ; въ разстояніи 100 шаговъ опять командовать: маршъ-маршъ. По этой командѣ люди хватаютъ ружья лѣвой рукой и бѣгомъ бросаются на непріятеля въ штыки, съ крикомъ вивать. Непріятеля надобно колоть прямо въ животъ, а если который штыкомъ не приколотъ, то прикладомъ его.

Во время ученья командовать стой и бить отбой на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ предполагается непріятель и которое всегда должно быть обозначено забором или плетнемъ. Господа офицеры должны въ этомъ случаѣ особенно наблюдать, чтобы фронтъ быстро выровнялся. Быстрота выравниванія фронта есть душа арміи на мѣстности пересѣченной; надобно упражнять въ этомъ войска какъ можно чаще.

Вторая линія подвигается впередъ сомкнуто и держа ружья на плечѣ, вслѣдъ за первою, на дистанціи 200 шаговъ, имѣя между батальонами по 300 шаговъ интервала.

Кавалерія становится въ третью линію или на флангахъ второй, смотря по обстоятельствамъ, но всегда по эскадронно или по дивизіонно; во время самой атаки она кидается на непріятеля съ фланга или съ тыла. Казаки остаются въ колоннѣ за кавалеріей, преслѣдуютъ непріятеля и окончательно его истребляютъ.

Этотъ родъ атаки, который я въ особенности рекомендую, долженъ быть сообщенъ фельдмаршалъ-лейтенантамъ, бригаднымъ и полковымъ командирамъ, для того, чтобы они въ точности слѣдовали ему и упражняли въ этомъ войска сколько лишь возможно, не утомляя людей.

В. КРАТКАЯ ЗАПИСКА

по тому же предмету.

(Изъ дѣлъ моск. главнаго архива, Campagnes, св. 3).

Батальонъ впередъ, маршъ. Вторая половина идетъ въ атаку и по первому колѣну похода береть ружье въ правую руку. Командиръ оной части увидя, что онъ подходитъ подъ картечный выстрѣлъ, дѣлаетъ фрунту знакъ шпагой. По сему знаку люди бѣгутъ, чтобы пробѣжать скорѣе картечный выстрѣлъ; потомъ, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, командиръ дѣлаетъ опять знакъ, по которому идутъ маршемъ.

Плутонгами, (командуетъ) первой линіи командиръ, увидѣвъ, что подходятъ на ружейный выстрѣлъ.

Маршъ-маршъ, въ штыки, ура, (командуетъ) наступающей линіи командиръ, когда стоявшая на мѣстѣ линія начала стрѣлять.

Маршъ-маршъ, въ штыки, ура, (командуетъ) стоящей части командиръ, не допуская до себя на 30 шаговъ наступающую линію.

Такимъ образомъ обѣ линіи пробѣгаютъ на-сквозь, солдаты примѣрно колятъ штыкомъ, и какъ можно стараться, чтобы не разрывались и чтобы середина была впереди.

Командиръ обѣихъ линій примѣтя, что первая линія пришла на мѣсто второй, а вторая на мѣсто первой, приказываетъ ударить отбой, по которому останавливаются. Исправься, — ружье берутъ на плечо. Обѣ линіи на право кругомъ, — ворочаются по барабану.

Такимъ же образомъ первая линія атакуетъ вторую, и симъ кончится линейная атака.

Если командиръ захочетъ дѣлать построенія, какъ-то колонны или каре, то дѣлать ихъ по уставу; но на теперешній разъ только требуется линейная атака.

Второй линіи должно, по окончаніи, пристроиться къ первой, маршируя скорымъ шагомъ по 4 ряда. Когда линія вытянулась, то можетъ быть залпъ.

Г. ПРИКАЗЪ

генералъ-фельдмаршала графа Суворова Рымникскаго 4 іюня 1799 года о дѣйствіи противъ Французовъ.

(Изъ книги графа Милютина: „Война 1799 года").

1. Непріятеля поражать холоднымъ ружьемъ—штыками, саблями и пиками. Артиллерія стрѣляетъ по непріятелю по своему разсмотрѣнію, почему она и по линіи не расписывается. Кавалеріи и казакамъ стараться непріятелю во флангъ ворваться.

2. Въ атакѣ не задерживать. Когда непріятель сколотъ, срубленъ, то тотчасъ его преслѣдовать и не давать ему времени ни сбираться, ни строиться. Если непріятель будетъ сдаваться, то его щадить, только приказывать бросать оружіе. При атакѣ кричать, чтобы непріятель сдавался, о чемъ и русскія войска извѣстить. Ничего не щадить, не взирать на труды, преслѣдовать непріятеля денно и нощно до тѣхъ поръ, пока истребленъ не будетъ.

3. Котлы и прочіе легкіе обозы чтобъ были не въ дальнемъ разстояніи при сближеніи къ непріятелю; по разбитіи же его чтобъ можно было каши варить, а впрочемъ побѣдители должны быть довольны взятымъ въ ранцахъ хлѣбомъ и въ манеркахъ водою. Кавалерія должна о фуражѣ сама пещись.

ПРИЛОЖЕНІЕ X.

КЪ ГЛАВѢ XXVIII.

Vorlaeufiger Operations-Plan für die Italienischen, Tyroler, und Rhein-Armeen.

Mailand, den 1 May 1799.

(Изъ книги гр. Милютина: „Война 1799 г.").

Die K. K. auch K. Russische Italienische Armee ist dermalen in zwey Armeen eingetheilt.

Die Belagerungs-Armee unter Commando des Herrn Generalen-Feldzeigmeister Baron von Kray belagert Pesciera, bloquirt Mantua, sorget für Sicherheit der Polesine und des untern Po bis zur Mündung des Oglio-Flusses, und bedrohet durch ihre Partheien das Ferareische und Modenaische mit Inbegriff der Garnisonen von Verona, Lenago, Brescia, die an selben angewiesen sind, macht beiläufig 25,000 Mann aus; in Venedig sind für sich unter Commando des Herrn F. M. Lieut. Monfrauld 3,600 Oesterreicher und 1,500 Dalmatier.

Die Haupt Operations-Armee unter Commando Seiner Excellenz des Herrn Feld-Marschalls Grafen Suvorow von Rimniksky bestehet in 18,000 Russen und 18,000 Oesterreicher, an dem Po zwischen Piazenza und Pavia und ist durch Besetzung dieser zwey Städte, und Brückenschlagung über dem Po und Ticino Meister diese zwey Flüsse zu passiren, und dem Feind welcher sich in Piemont zusammenziehet, oder jenem, welcher aus dem südlichen Italien heraufrücket entgegen zu gehen, und einzeln, vor seiner Vereinigung, mit Uebermacht angreifen zu können.

Zur Verbindung der Haupt und Belagerungs-Armee, und Vertheidigung des obern Po, stehet bei Cremona der Herr General-Major Graf Hohenzoller mit 2,500 Mann, und der Herr Obrist Graf Bussy hat längst diesen Strom und bei Cassal-Magior die sehr gut denkenden Landleute des Cremonesischen und Mantuanischen armirt und vertheidiget die Ufer des Stroms.

In Mailand sind unter dem Herrn Generalen Lattermann zur Erhaltung der Ordnung in dieser Hauptstadt und zur Einschliessung der dortigen Citadels, worin sich 1,200 Mann, theils Franzosen, theils Cisalpiner geworfen haben, 4,500 Mann.

Vorwärts Mailands, hinter Bufalora, stehet der Herr General Vukassovich unweit des Ticino, um vereinigt mit der Garnison von Mailand, den Feind am Ticino aufzuhalten, bis ihm die Haupt-Armee von Pavia entgegen rückt.

An dem Lago di Lecco und Como operiren, und zwar gegen Mittag von Lecco aus, der Obrist Prinz Victor Rohan mit 2,000 Mann, und gegen Norden auf Bergamo und Porgagna, Morbegno, gegen Forte de Tuentes und Riva, der Herr General-Major Alcaini mit 5,000 Mann, die aus Tyrol durch die Vall Camonica debouchirt sind.

Ihre erste Operation ist, sich an der nördlichen Spitze des Lago di Como zu vereinigen, alsdann gegen Belinzona an der nördlichen Spitze des Lago-Maggiore vorzurücken und sich am Fuss des Monte St. Gottardo festzusetzen, und so weit es möglich ist, die Avenuen von der Schweiz von dem Canton Uri zu besetzen.

Es wird der Kriegs-Erfahrung des Herrn Generalen Alcaini und des Prinzen Rohan nicht entgehen, dass die Operation auf Belinzona dann erst vor sich gehen kann, wenn die Valtelin und Graubunden wieder erobert sind, zu dieser Eroberung haben sie auf das Beste mitzuwirken, und sowohl gegen Tirano auf Silva-Pianta, gegen den Engedin als über Chiavena gegen St. Bernardin eine combinirte Operation zu machen.

Jener Theil der Tyroler-Armee, welcher noch in dieser Oesterreichischen Provinz unter Commando des Herrn Feld-

marschall-Lieutenants Bellegarde verblieben ist, stehet im Münsterthal gegen Valtelin, bei Nanters gegen Engedin, und bei Isgel, wo er zwar mit Mühe gegen das obere Rhein-Thal debouchiren kann, und ist beiläufig noch 16 bis 17,000 Mann.

Der Herr Feldmarschall-Lieutenant Hotze stehet bey Feldkirchen und besetzt den oberen Rhein von Lutziensteig bis am Bodensee mit 20,000 Mann.

Seiner Königlichen Hoheit der E. H. Carl stehet mit der Haupt-Armee hinter Schaffhausen, besetzt den Rhein von Ausgang des Bodensee gegen Basel an dem Ausgang der Gebürge bis Heidelberg.

Ein Blick auf die Land-Karte zeigt, dass die Eroberung von Graubünden und der Valteline, die erste und unumgänglichste Operation sein muss, dadurch wird die Communication erhalten, Tyrol am vollkommensten gedeckt, und der erste Schritt zur Befreiung der Schweiz, dieses so wichtigen militärischen Schlüssels von Italien, Deutschland und Frankreich gemacht.

Diese Operation könnte nach dem, von dem Herrn Feldmarschall-Lieutenant Graf Bellegarde im Monat März 1799 festgesetzen Plan, wo Endesgefertigter in Botzen unter seiner Leitung mitzuarbeiten die Ehre hatte, mit einigen den jetzigen Fortschritten der Italienischen Armee anpassenden Veränderungen, ausgeführt werden.

Diese Veränderungen bestehen darin: dass das Corps des Herrn General M. Alcaini und jenes unter dem Herrn Obristen Prinzen Rohan gegen die Valteline und Chiavena aus, und das Rheinthal und Engedin, wie schon vorhergesagt, über Poschiavo und St. Bernardin im Rücken angreifen, wodurch die Operation zu der gänzlichen Gefangennehmung des Feindes führen wird.

Seiner Königlichen Hoheit E. H. Carl werden gewiss nach Dero wohlbekannten hohen militärischen Einsichten und ausnehmender Thätigkeit, den Rhein zwischen Constanz und Basel passiren—und durch den nördischen Theil in die Schweiz eindringen, um den Massena von allen Seiten in die Enge zu treiben.

Nach der Eroberung von der Valteline und Graubünden,

vereiniget sich die Tyroler-Armee mit der Italienischen, und zwar meistens über die Valteline in der Gegend von Belinzona, wo alsdann über den St. Gottardo gegen den Thuner-See und in dem obern Valliser-Lande, an dem Ursprung des Rohns debouchirt wird; der rechte Flügel der Italienischen Armee dringt durch den Valle die Sessia, über Domo-d'Osolla und Simplon auf Hospetale ebenfalls in das Valliser-Land, um mit einer starken Colonne in der grössten Geschwindigkeit längst dem Rohn und über St. Morice, Aigle, Villeneuve, Vevay auf Lausanne zu marschiren, und dann den nemlichen Weg auf Freiburg und Bern einzuschlagen, welchen der Französische General Schaumbourg bei der Eroberung der Schweiz machte.

Es wird gleich bei dem südlichen Theil des Lago-Maggiore ein beträchtliches Magazin von Zwieback, Fleisch, und Reis angelegt, um die Verpflegung dieser Colonne so viel als möglich zu erleichtern.

Auch werden auf den obern Theil des Mailändischen, Bergamasischen und Brescianischen 500 Tragthiere in der Gegend von Como durch Requisition zusammengebracht, um die Zufuhr der Verpflegung in diesen unfruchtbaren Ländern zu erleichtern.

Die Italienische Armee nachdem sie die Französische, welche aus Neapel, Rom, Florenz, zum Secours anrücken kann, entgegen gegangen, und nun sie vor der Vereinigung mit jener die in Piemont steht, geschlagen hat, gehet schleunigst über den Po bei Pavia zurück, und marschirt dann längst dem linken Ufer des Po nach Turin. Die Belagerungs-Armee des Herrn General Kray, die einstweilen Pesciera und Mantua wird weggenommen haben, rücket über Cremona nach Piacenza, wo sie den Po passirt und dann Tortona investirt, und ein detaschirtes Corps des Herrn Generals Klenau marschirt auf Genua, um sich mit der Englischen Flotte zu vereinigen und sich der Stadt zu bemeistern.

Es wird alsogleich dem König von Neapel auf verschiedenen Wegen Couriers geschickt damit er mit den Englischen, Russischen und Ottomanischen Truppen der Armee von Magdonald auf den Fuss nachgehet, um ihn ganz aus Italien zu vertilgen.

ПРИЛОЖЕНІЕ XI.

КЪ ГЛАВѢ XXXIII.

ПРАВИЛА

для военныхъ дѣйствій въ горахъ.

Объявлены по войскамъ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Италійскимъ графомъ Суворовымъ Рымникскимъ въ сентябрѣ 1799 года.

(Изъ книги гр. Милютина: „Война 1799 года“).

По большей части дороги по горамъ столь узки, что едва и порожняя лошадь по онымъ оборотиться можетъ, тѣмъ менѣе отягощенные вьюками мулы; отчего въ маршѣ произойти можетъ великое затрудненіе, и для того колонны такимъ образомъ устроить должно, чтобы движеніямъ оныхъ ничто не могло препятствовать.

Хотя при головѣ колонны и нужно имѣть нѣсколько казаковъ, дабы помощію оныхъ о положеніи мѣстъ, удобныхъ проходахъ и даже о непріятельскихъ движеніяхъ заблаговременно извѣститься можно, равно и патрулями ихъ обезпечивать себя по боковымъ дорогамъ, но въ горахъ по вышеизъясненнымъ затрудненіямъ оные пользы сей приносить не могутъ, и для того офицеръ, ведущій колонну, по собственному ли своему о мѣстоположеніи знанію, или по свѣдѣніямъ, отъ достовѣрныхъ проводниковъ полученнымъ, прежде вступленія въ затруднительную дорогу, командующаго головою колонны генерала или штабъ-офицера увѣдомить долженъ.

Тогда вся кавалерія остается назади, а нѣсколько воору-

женныхъ піонеровъ подъ прикрытіемъ пѣхоты открываютъ путь для авангарда. Орудія съ ихъ принадлежностями не должны быть ни при головѣ, ни назади колонны, ибо будучи впереди, они мѣшать могутъ маршу, назади же, въ случаѣ востребованія оныхъ, не скоро пройти имъ удобно; а какъ всѣ мѣры употребить должно къ нанесенію вреда непріятелю, то и стараться все то, что въ ономъ препятствовать только можетъ, отвратить.

Прежде нежели приступить къ наставленію о дѣйствіяхъ, долженствуетъ распредѣлить орудія по колоннамъ слѣдующимъ порядкомъ. (Далѣе слѣдуетъ росписаніе орудій, по одному на одинъ или два батальона, всего на 24 батальона 17 орудій, по 2 запасныхъ при трехъ дивизіяхъ и 2 запасныхъ на весь корпусъ).

Кромѣ вышеизъясненнаго числа орудій и къ оным снарядовъ, получаетъ еще всякая дивизія 10 муловъ подъ ружейные запасные патроны.

Поелику одинъ только казацкій полкъ при войскахъ слѣдуетъ, то и дается на каждую дивизію изъ онаго по 50 человѣкъ, а остальные 300 человѣкъ остаются въ резервѣ.

Каждая дивизія составляетъ особливую колонну; если же онѣ всѣ по одной дорогѣ слѣдовать будутъ, то изъ сихъ четырехъ колоннъ составится одна колонна.

Каждая дивизіонная колонна формируется слѣдующимъ образомъ. При головѣ колонны, если мѣстоположеніе позволитъ, для авангарда 25 казаковъ, 20 піонеръ, 1 батальонъ пѣхоты—егерей или гренадеръ, 1 пушка со снарядами, 3 батальона, 1 пушка, 2 батальона, 1 пушка, 2 батальона, 1 пушка, 2 пушки запасныя. Засимъ 10 муловъ съ ружейными патронами. И симъ порядкомъ всѣ дивизіи слѣдуютъ, а взаключеніе всего мулы и казацкія лошади съ провіянтомъ; потомъ партикулярные вьюки, кои прикрываются однимъ батальономъ пѣхоты и 100 казаками, распредѣленными впереди, въ срединѣ и сзади.

Когда проводникъ объявитъ, что войска должны вступить въ тѣсную дорогу, то находящіеся казаки въ головѣ колонны, замыкаютъ оную.

Дивизіоннымъ колоннамъ сколько возможно быть сомкну-

тымъ и избѣгать растяженія. Между колоннами же надлежитъ имѣть 200 шаговъ разстоянія.

Для овладѣнія горою, непріятелемъ занимаемою, должно соразмѣрно ширинѣ оныя, взводомъ ли, ротою или и болѣе, разсыпясь, лѣзть на вершину; прочіе же батальоны во 100 шагахъ слѣдуютъ; а въ кривизнахъ горъ, гдѣ непріятельскіе выстрѣлы не вредны, можно отдохнуть, а потомъ снова идти впередъ.

Единою только твердою и непоколебимою подпорою колонны можно придать мужества и храбрости порознь разсѣяннымъ стрѣлкамъ, которые ежели бы по сильному непріятельскому отпору и не въ состояніи были далѣе идти, то должна колонна, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, съ великимъ стремленіемъ достигнуть вершины горы и штыками на непріятеля ударить. Сей, приведенный въ робость, не въ состояніи будетъ выдержать столь мужественнаго наступленія и конечно весьма слабую учинитъ оборону.

Одною стрѣльбою никакимъ возвышеніемъ овладѣть не можно, ибо стоящій на ономъ непріятель весьма мало вредимъ. Выстрѣлы большею частью на вышину или не доходятъ или перелѣтаютъ черезъ; напротивъ же того съ вышины внизъ стрѣльба гораздо цѣльнѣе, и для того стараться какъ наискорѣе достигнуть вершины, дабы не находиться долго подъ выстрѣлами и тѣмъ бы менѣе быть вредиму.

Само собою разумѣется, что не нужно на гору фронтомъ всходить, когда боковыми сторонами оную обойти можно.

Если непріятель умедлитъ овладѣть возвышеніями горъ, то должно на оныя поспѣшно взлѣзать и на непріятеля сверху штыками и выстрѣлами дѣйствовать.

ПРИЛОЖЕНІЕ XII.

КЪ ГЛАВѢ XXXV.

Замѣтки генералиссимуса князя Италійскаго графа А. В. Суворова Рымникскаго, писанныя имъ въ началѣ зимы 1799 — 1800 г., о будущей кампаніи противъ Французовъ.

(Изъ книги гр. Милютина: „Война 1799 г.").

I.

Mon mâitre Jules César me dit qne je n'ai rien fait si je n'ai tout fini. L'Italie est le prélude, aller aux colonnes d'Hercules, comme les Anglais viennent de finir Tipo-Saïb, — et l'éternité appartient à Dieu seul.

Au désir il faut un projet, le projet veut un plan. Déjà de Turin je veux par Grenoble à Lyon, ainsi jusques Paris; mais ayant fini tout-à-fait avec l'Italie. Lorsque dans la force de mes opérations je suis empêché par le pédantisme de Vienne qui, par ignorance, ne visait que pour Mantoue, déjà faible objet pour moi avec la Polésine illusoire, et pour tirer en long, pour parvenir à un autre affreux et lâche Campo-Formio, affaiblit totalement mon armée.

Ainsi sont les plans des cabinets. Il est sage qu'ils sachent, p. ex. celui de la Grande-Bretagne, quelles îles acquises lui doivent appartenir; mais l'art d'en conquérir d'autres n'appartient qu'au général au-dessus d'un quartier-maître, qui est au-dessus d'un scribe. On ne trouve pas toujours des Pitt, des Kaunitz, des Panine; mais moins rares sont des Thugutt qui sacrifient des pays héréditaires pour des envahissements étrangers d'autrui, illicites, sous titre d'arrondissements—mé-

téores qui ne peuvent pas longtemps subsister, comme injustes.

Ainsi était-il du dernier plan de nid du chat-huant, qui meurt avant d'éclore. Il n'en arrive que perdre un puissant allié et presque d'écraser le général au milieu de son élan pour ne l'avoir pas auparavant consulté.

Il ne faut pas se tenir au *beau*; mais rien n'est plus *beau* que la générosité de la Grande-Bretagne; elle est le radical du soutien de la bonne cause et de la prospérité de l'Europe, jusqu'aux autres parties du globe.

Dans le royaume de France on est fort pour deux opérations: 1) En rétablissant le dépôt à Turin, par le Dauphiné, Lyon, etc.; en érigeant une armée piémontaise; le roi à Turin (ne disons rien d'Alexandrie, Valence, Casal, Tortone, ancien Etat du Milanais), conservez-y les châteaux.... 2) Par la Franche Comté.....

Point de méthodique, intermédiaire, démonstration, jalousie,—qui ne sont que des jeux d'enfants. Point de descente si ce n'est vers la célèbre Vendée, lorsque telle ou autre armée est sur le chemin de Paris.

Voici le seul plan du géneral en gros; les détails dépendent des circonstances dont il doit être le maître. Les plans d'usage des Cabinets peuvent être pour la forme seule, puisqu'ils ne sont jamais accomplis, comme dernièrement la campagne devait finir sur l'Adda, et à son évènement on était à Milan.

Ainsi Mars, guidé par son jugement et non par le cabinet enseveli dans son obscurité, répondra du général que dans son essor la Providence fera tout finir, même dans une seule campagne....

Commencer par la Suisse au premier chemin de neige, pour nous rendre aussitôt prêts, au printemps, à la grande opération;.... mais il ne faut que le général seul à la tête des armées combinées en cas qu'il ne marche pas sur la Vistule...."

II.

Détails sur les opérations.

Côni doit être forcée au plus tôt et, par Nice, Gênes occupée. Froelich finit Ancône, se joint à Klenau et marche dessus, Gênes est peu de chose. Reste à nettoyer la rivière de Ponent. Après les dernières victoires de Mélas, les ennemis n'y pouvaient avoir au-delà de 15,000 soldats, le reste est paysans; mais le sera vers le printemps.

De là une opération par le Dauphiné. Il faut établir notre dépôt à Turin; beaucoup d'armes à feu pour une contre-révolution; jadis les perches pointues suffirent contre les lances.

Franche-Comté..... Il faut commencer par délivrer la Suisse et au premier chemin de neige praticable. L'archiduc Charles y suffirait, vu qu'en dernier lieu à Zurich et ailleurs l'ennemi a perdu trois, quatre fois plus que les Autrichiens; même si on lui ajouterait et les Suisses. Mais si le général y serait destiné, il y agirait ensemble en chef.... On armera la Suisse pour sa propre défense et de sa milice on pourra tirer ce que l'on peut pour seconder la grande opération qui, après le repos dans les quartiers, aura lieu au printemps. Il serait bon de commencer par Mayence comme un poste de dépôt sûr. Au reste on y laissera un corps d'observation en proportion de la garnison, pour lui couper au moins les vivres, quoique sans cela ils y seraient abondants. Vers Kehl il y aura un corps volant.

Les habitants armés des Grisons, du Tirol, et je dirai même du Milanais, comme à dos, seront soutenus par quelques détachements encore, en tâchant de ne pas affaiblir les armées ainsi que la Romagne, la Toscane, etc. contre des descentes ennemies, qui sans cela seront toujours empêchées par nos flottes. Le Piémont sera toujours couvert par ses propres milices et l'armée coalisée du roi pourra se combiner pour entrer en France.

Si le général sera destiné pour opérer en chef par ce côté, il faut qu'il s'y tourne à temps avec son armée; alors

il n'est plus temps qu'il s'amuse pour la Suisse; d'ici il ne peut sortir que par un grand détour....

III.

S. A. R. l'archiduc Charles nettoiera la Suisse, y érigera les braves milices en suffisance pour sa propre défense; en attendant elles pourraient rester neutres: il suffit qu'elle livre les levées auxiliaires. Il couvrira à son dos les pays par des troupes pour leur tranquillité. Il fera rester derrière lui des corps volants où bon lui semblera et.... avec l'armée impériale, Bavarois, Suisses etc. il pénétrera dans le royaume de France par la Franche-Comté. Dans ce pays, rendu ami par ses sages manifestes, il trouvera des subsistances, excepté ceux de réserve; il aura derrière lui de gros magasins ambulants en munitions de guerre, beaucoup d'armes à feu et bayonettes pour les contre-révolutionner: ainsi il avancera vers Paris.

Sur le même pied les Austro-Russes, garnissant les forts et les forteresses de troupes, comme ainsi le pays pour leur tranquillité autant qu'il faudra, auront leur principal dépôt en vivres et surtout un gros magasin en munitions de guerre et en armes à feu, pour les contre-révolutionner; pénétreront de l'Italie en France par le Dauphiné; il serait beau d'y avoir aussi une armée médiocre Piémontaise.... ses milices à part. Avec l'aide de Dieu on ira à Paris. Les Russes marcheront en Italie pour s'y combiner et y arriveront à temps.

On risque beaucoup pour les descentes; néanmoins les Anglo-Russes, s'ils le jugent à propos, en feront une sur les côtes de Normandie, pour tirer vers la Vendée et ensemble vers Paris. Si alors on pourra répondre du succès...., ce sera vers le temps lorsque telle armée se trouvera à mi-chemin de Paris: il n'est pas à douter que là les circonstances obligeront les athés à replier de la Hollande dans la France.

ИСТОЧНИКИ.

Довольно многочисленныя ссылки на источники, которыя сдѣланы въ главахъ, указываютъ на пользу ознакомленія читателя съ этими источниками, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы имѣть нѣкоторое о нихъ понятіе. Источники могутъ быть подведены подъ двѣ главныя рубрики: мало кому изъ публики доступныя или же и вовсе недоступныя, т. е. документы рукописные; затѣмъ тѣ, кои служатъ, или по крайней мѣрѣ могутъ считаться, общимъ достояніемъ, т. е. произведенія печати. Сообразно съ этимъ дѣленіемъ, ниже излагается краткій обзоръ источниковъ по отношенію къ задачамъ настоящаго труда, а потомъ приводятся нѣкоторыя свѣдѣнія, служащія косвенно той же цѣли обзора.

А. Рукописные матеріалы.

Сборникъ князя А. А. Суворова.

Сборникъ состоитъ изъ 15 переплетенныхъ томовъ рукописей и одной папки; документы эти собраны большею частью бывшимъ оберъ-прокуроромъ св. синода графомъ Д. И. Хвостовымъ, который былъ женатъ на племянницѣ генералиссимуса, княжнѣ А. И. Горчаковой. По смерти Хвостова, Суворовскій сборникъ перешелъ къ А. И. Хвостовой, а по кончинѣ ея, въ началѣ 40-хъ годовъ, стараніями барона А. Я. Бюлера, поступилъ во владѣніе князя Александра Аркадіевича Суворова. А. А. справедливо цѣня это сокровище, пріумножилъ его бумагами и документами, касающимися дѣда, которые по разнымъ случаямъ ему достались или были имъ пріобрѣтены. Сравнительно съ 15 переплетенными томами, такихъ бумагъ не много; всѣ они, а также листы, выпавшіе

изъ переплетенныхъ томовъ, собраны въ одно мѣсто авторомъ настоящей книги, распредѣлены по содержанію и сгруппированы въ одну категорію, которая обозначена словомъ папка. Нумерація томовъ сохранена существовавшая, а гдѣ мѣтки стерлись, сдѣлана произвольная.

Суворовскій сборникъ есть самое богатое собраніе документовъ, относящихся ко всѣмъ сторонамъ жизни и дѣятельности Суворова — и служебной, и домашней, и внутренней; уже одни эти бумаги даютъ столько матеріала, что можно по немъ составить довольно правильное понятіе о Суворовѣ. Въ Суворовскій сборникъ входятъ документы самые разнообразные; въ особенности цѣнны собственноручныя и за подписью Суворова письма, записки, замѣтки, отмѣтки на чужихъ письмахъ и проч. Все это относится преимущественно къ послѣднимъ 10 годамъ его жизни, но есть и болѣе раннія, писанныя даже въ его молодости. Попадаются въ томахъ сборника и незначащія бумаги, выписки изъ печатныхъ сочиненій, копіи съ общеизвѣстныхъ документовъ, но это не отнимаетъ отъ него первостепеннаго значенія для исторіи Суворова, въ ряду другихъ рукописныхъ матеріаловъ. Тутъ видны самыя затаенныя движенія души Суворова; раскрываются побужденія, объясняющія дѣйствія; казоваго конца нѣтъ, или онъ самъ себя выдастъ; отовсюду выступаетъ неумытая истина. Въ глухіе періоды жизни Суворова, Суворовскій сборникъ представляется подчасъ единственной темой и матеріаломъ для его исторіи, служа также цементомъ для связыванія фактовъ и явленій, стоящихъ въ одиночествѣ, безъ взаимной связи. Онъ даетъ хоть что нибудь почти для каждой главы; безъ него правдивое жизнеописаніе Суворова было бы невозможно.

Послѣдній изъ рода князей Суворовыхъ, князь Аркадій Александровичъ, принесъ въ нынѣшнемъ году этотъ сборникъ въ даръ Императорской публичной библіотекѣ въ Петербургѣ, основаніемъ которой послужила библіотека Залускаго, взятая по праву войны въ Варшавѣ, завоеванной въ 1794 году генералисимусомъ.

Кончанскій Сборникъ.

Это названіе авторъ книги далъ 24 тетрадямъ бумагъ, хранившихся въ селѣ Кончанскомъ, разобранныхъ и сгруп-

пированныхъ г. Рыбкинымъ, авторомъ книги „Генералисимусъ Суворовъ“, о которой упоминается въ рубрикѣ печатныхъ источниковъ. Такъ какъ г. Рыбкину была нужна собственно-хозяйственная дѣятельность Суворова, а автору настоящей книги вся вообще, то онъ счелъ полезнымъ ознакомиться съ самими рукописями, о чемъ и не сожалѣлъ. Въ этихъ бумагахъ дѣйствительно заключаются по преимуществу хозяйственныя распоряженія по имѣніямъ Суворова, дающія хотя не систематически полный, но все таки достаточный матеріалъ о генералисимусѣ, какъ помѣщикѣ; кромѣ того здѣсь почерпнуто нѣсколько неизвѣстныхъ читающему міру свѣдѣній о семейныхъ дѣлахъ Суворова и наконецъ не мало мелкихъ, отрывочныхъ, неизвѣстно какъ попавшихъ сюда данныхъ самаго разнообразнаго значенія. Хотя не все, въ Кончанскомъ сборникѣ отысканное, нашло себѣ мѣсто въ книгѣ; но за то оно способствовало освѣщенію Суворова съ разныхъ сторонъ и очень помогло установить правильную на него точку зрѣнія. Иногда незначительное повидимому письмо, коротенькая записка, помѣтка на бумагѣ числа и мѣсяца, служили къ разъясненію недоразумѣній или къ опроверженію какого нибудь ходячаго ошибочнаго свѣдѣнія. Во всякомъ случаѣ время, потраченное авторомъ на разсмотрѣніе бумагъ Кончанскаго сборника, оказалось употребленнымъ съ пользой, а по отношенію къ хозяйственной дѣятельности Суворова и отчасти къ семейнымъ его дѣламъ, найденный здѣсь матеріалъ можно назвать драгоцѣннымъ.

Вотчинный архивъ кн. Суворовыхъ.

Такое названіе дано авторомъ собранію бумагъ и документовъ, занимавшихъ въ вотчинной конторѣ села Кончанскаго особый шкапъ. Должно быть изъ числа этихъ бумагъ были выдѣлены тѣ, которыя названы выше Кончанскимъ сборникомъ. Документы этого собранія не относятся исключительно ко времени владѣнія Кончанска Суворовыми; есть болѣе ранніе, даже конца XVII столѣтія. При пересмотрѣ всей этой массы бумагъ, авторъ книги выдѣлилъ изъ нея лишь весьма незначительное количество для подробнаго разсмотрѣнія, именно 15 тетрадей; все остальное было или казалось не подходящимъ. По своему внутреннему составу эта часть

Вотчиннаго архива есть почти тоже, что Кончанскій сборникъ, т. е. заключаетъ въ себѣ хозяйственныя дѣла по разнымъ имѣніямъ; въ этомъ смыслѣ Вотчинный архивъ даже болѣе спеціаленъ, чѣмъ Кончанскій сборникъ. За то тутъ, какъ и тамъ, между разными отчетами и распоряженіями конторы и помѣщика, встрѣчаются свѣдѣнія, касающіяся другихъ предметовъ, совершенно случайныя и доселѣ неизвѣстныя; между ними есть и очень характерныя. Ихъ правда не много, гораздо меньше, чѣмъ въ Кончанскомъ сборникѣ; но это не отнимаетъ отъ Вотчиннаго архива его полезности для исторіи Суворова.

Переписка князя Алекс. Арк. Суворова.

Съ разрѣшенія покойнаго князя Александра Аркадіевича, авторъ получилъ на просмотръ нѣсколько тетрадей переписки князя по служебнымъ и фамильнымъ дѣламъ. Найдено тутъ мало касающагося А. В. Суворова и его времени, но знакомство съ этимъ найденнымъ было не лишнее, а два-три указанія разъяснили соотвѣтствующіе предметы въ видѣ прямого опроверженія общеусвоенныхъ невѣрныхъ свѣдѣній.

Военно-ученый архивъ, въ Петербургѣ.

Это есть богатое собраніе документовъ, представляющихъ собою матеріалъ для изученія различныхъ отраслей военнаго дѣла, преимущественно военной исторіи Россіи прошлаго и нынѣшняго столѣтій. Документы, касающіеся эпохи, въ которую жилъ Суворовъ, оказались значительною долею уже разработанными гр. Милютинымъ, гг. Саковичемъ, Петровымъ и др. При всемъ томъ тутъ найдено много для второй Турецкой и особенно для Польской войны 1794 года, которая, какъ извѣстно, вовсе еще не разработана; нашлось не мало данныхъ и для нѣкоторыхъ другихъ періодовъ Суворовской жизни и дѣятельности, въ томъ числѣ и для первой Турецкой войны, но большею частью уже не новыхъ. Полныхъ серій документовъ, для систематическаго описанія какой либо войны (по отношенію къ ней Суворова), здѣсь впрочемъ не нашлось; остались большіе пробѣлы, потребовались дополнительныя по другимъ архивамъ и источникамъ изысканія, даже для третьей Польской войны; но и то, что найдено, можно назвать цѣннымъ пріобрѣтеніемъ при бѣдности литературы этой войны.

Сверхъ подобныхъ военныхъ свѣдѣній, собрано также нѣсколько такихъ, которыя касаются не службы Суворова, а его домашней жизни и семейныхъ дѣлъ. Въ итогѣ изъ Военно-ученаго архива главнаго штаба получено многое.

Московскій архивъ главнаго штаба.

Это очень большое, богатое хранилище рукописныхъ военно-историческихъ документовъ, въ томъ числѣ свыше 10,000 дѣлъ, касающихся дѣятельности Суворова. Къ сожалѣнію, не было возможности все это тщательно пересмотрѣть, на что потребовались бы годы, а потому выбирались дѣла только наиболѣе нужныя, въ разсчетѣ пополнять пробѣлы. Документальныя данныя о Суворовѣ нашлись лишь съ 1769 года, т. е. за первую Польскую войну, и ихъ удалось собрать столько, что преимущественно по нимъ участіе Суворова въ этой войнѣ написано. Кромѣ того добыты документы, относящіеся къ 90-мъ годамъ и въ томъ числѣ къ войнѣ 1794 года; эти послѣдніе во многомъ дополнили матеріалъ, найденный въ Военно-ученомъ архивѣ. Получены также разныя свѣдѣнія, относящіяся къ другимъ годамъ, особенно за время пребыванія Суворова въ Херсонѣ; они большею частію отрывочны, случайны, почти ничего систематическаго не дали, но многія изъ нихъ существенно полезны и даже важны. Точно также сослужили службу и тѣ документы этого архива, неудовлетворительныя копіи съ которыхъ были найдены раньше въ другихъ мѣстахъ; такихъ бумагъ оказалось не мало. Вообще Московскій архивъ главнаго штаба заслуживаетъ особеннаго вниманія; было бы очень полезно дать ему надлежащее устройство и разобрать. Уже на многихъ тетрадяхъ появилась съ краевъ ржавчина; если не остановить ея распространеніе, масса документовъ, быть можетъ драгоцѣнныхъ, пропадетъ безвозвратно.

Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ этомъ громадномъ и по благоустройству своему образцовомъ хранилищѣ, автору было предъявлено 11 картоновъ, какъ заключающіе въ себѣ документы, имѣющіе прямое соотношеніе къ исторіи Суворова. Въ 9 изъ нихъ находились бумаги, касающіяся войны 1799 года; въ двухъ остальныхъ

относящіяся до Польской войны 1794 года, также за время пребыванія Суворова на югѣ Россіи до и послѣ этой войны. Свѣдѣнія о войнѣ 1799 года богаты, но для автора онѣ не представлялись существенно нужными, потому что 30 лѣтъ назадъ были разобраны гр. Милютинымъ и послужили матеріаломъ для его книги „Исторія войны 1799 года“. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ дѣлъ, которыми пользовался гр. Милютинъ, были тщательно прочитаны, причемъ оказалось, что гр. Милютинъ воспользовался всѣмъ, что имѣетъ какую либо важность, и что идти по его слѣдамъ въ Главномъ московскомъ архивѣ, значитъ терять время понапрасну. Такимъ образомъ авторъ удовольствовался лишь бѣглымъ знакомствомъ съ этими документами и извлекъ изъ нихъ очень немногое. Онъ былъ счастливѣе при разборѣ двухъ другихъ картоновъ, но и тутъ найденъ матеріалъ большею частію второстепеннаго значенія: крупныхъ данныхъ собрано мало. Свѣдѣнія, отсюда добытыя, послужили дополнительнымъ матеріаломъ для нѣкоторыхъ изъ 90-хъ годовъ, въ томъ числѣ и послѣдней Польской войны; отчасти нашли онѣ себѣ мѣсто и въ другихъ главахъ. По всей вѣроятности московскій Главный архивъ могъ бы дать гораздо больше свѣдѣній о Суворовѣ, при разсмотрѣніи дѣлъ Потемкинскихъ, Румянцовскихъ и иныхъ, но это потребовало бы очень много времени.

Государственный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ Петербургѣ.

Этотъ огромный и хорошо устроенный архивъ конечно только малою своею долею могъ быть полезенъ для историческаго изслѣдованія о Суворовѣ. По просмотрѣ очень объемистаго алфавита, было намѣчено для прочтенія до 200 дѣлъ, и хотя большая ихъ часть оказалась не подходящими къ темѣ сочиненія, но за то остальныя вознаградили потерянное время. Къ Государственному архиву авторъ прибѣгнулъ какъ къ послѣдней надеждѣ, послѣ долгихъ и неудачныхъ поисковъ въ другихъ мѣстахъ матеріала для пополненія нѣкоторыхъ пробѣловъ, преимущественно опалы и ссылки Суворова. Надежда эта не обманула. Правда, дѣла тайной экспедиціи этого архива не освѣщаютъ предметъ во всей его послѣдовательности и подробностяхъ, однако они все таки дали возможность подвести

подъ него историческую основу. Затѣмъ тутъ же оказались драгоцѣнные документы для исторіи Польской революціи и войны 1794 года; ничего подобнаго никакой другой архивъ не давалъ. Наконецъ, здѣсь же найдено много разнообразныхъ, крупныхъ и мелкихъ данныхъ, часто очень характерныхъ, такъ что почти въ каждой главѣ настоящаго сочиненія есть свѣдѣнія, основанныя на документахъ Государственнаго архива. Ихъ нашлось бы еще больше, если бы рамки труда были шире; однако многія подобныя данныя не остались мертвыми и теперь, потому что вошли если не въ описаніе, то въ освѣщеніе описываемаго. Вообще архивныя изысканія, требующія иногда большой траты времени какъ кажется по пустому, представляютъ ту выгоду, что вырабатываютъ взглядъ. Документы петербургскаго Государственнаго архива обладаютъ этимъ свойствомъ по преимуществу, потому что отличаясь разнообразіемъ, бросаютъ на дѣятелей, на событія и вообще на характеръ эпохи много свѣта съ разныхъ сторонъ.

Сенатскій архивъ, въ Петербургѣ.

Сюда понадобилось обратиться съ исключительною цѣлью отысканія въ генералъ-прокурорскихъ дѣлахъ свѣдѣній по опалѣ и ссылкѣ Суворова, но ничего не найдено, ибо данныя эти, какъ оказалось потомъ, находились въ дѣлахъ тайной экспедиціи, т.-е. въ Государственномъ архивѣ. Взамѣнъ того Сенатскій архивъ далъ нѣсколько случайныхъ, отрывочныхъ свѣдѣній по разнымъ другимъ предметамъ,—запасъ, небогатый ни качествомъ, ни количествомъ.

Синодскій архивъ, въ Петербургѣ.

Отсюда понадобилось только бракоразводное дѣло, затѣянное Суворовымъ, но ничѣмъ не кончившееся; оно пролило много свѣта на взаимныя отношенія Суворова и его жены.

Рукописное отдѣленіе Императорской публичной библіотеки, въ Петербургѣ.

Тутъ было указано автору на Карабановскій сборникъ и на Mémoires de Loevenstern. Первый составленъ изъ рукописей, принадлежавшихъ извѣстному ихъ собирателю, именемъ котораго и называется. Почти все содержаніе этого сборника было уже раньше исчерпано гр. Милютинымъ и нѣкоторыми другими, такъ что пришлось попользоваться не

многимъ. Мемуары Левенштерна состоятъ изъ двухъ тетрадей; одна изъ нихъ имѣетъ предметомъ настоящее столѣтіе, другая дала нѣсколько характерныхъ указаній на конецъ прошлаго, преимущественно на время Императора Павла. Отсюда извлечено, между прочимъ, нѣсколько анекдотовъ о Суворовѣ, но вообще получено очень не многое; Левенштернъ удерживается отъ своихъ собственныхъ сужденій на счетъ генералисимуса.

Сборникъ Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей.

Благодаря любезности покойнаго вице-президента Общества г. Мурзакевича, авторъ книги, въ бытность свою въ Одессѣ, получилъ на разсмотрѣніе часть рукописнаго архива Общества, имѣющую соотношеніе къ Суворову. Бумагъ было не много, не многимъ пришлось изъ нихъ и воспользоваться, больше всего перепискою Суворова съ Потемкинымъ изъ Крыма и Прикубанскаго края; встрѣчались, но рѣдко, бумаги и другого содержанія и за другое время.

Сборникъ барона Бюлера.

Автору книги была любезно предложена барономъ Ф. А. Бюлеромъ на разсмотрѣніе часть фамильнаго архива, подходящая къ предмету предпринятаго труда. Тутъ оказалось весьма мало такого, что было бы неизвѣстно изъ другихъ источниковъ, и въ книгу вошло изъ этого собранія документовъ всего два-три свѣдѣнія.

Матеріалы графа Д. А. Милютина.

Узнавъ въ началѣ 1881 года отъ автора настоящей книги о предпринятомъ имъ трудѣ, графъ Д. А. Милютинъ съ обязательнымъ вниманіемъ предложилъ ему большую картонку рукописей, сохранившихся отъ времени составленія книги „Исторія войны 1799 года“. Картонка заключала въ себѣ копіи съ документовъ, выписки изъ разныхъ источниковъ, замѣтки и проч. Большія достоинства сочиненія графа Милютина, и въ числѣ ихъ полнота, не обѣщали большой жатвы въ этихъ матеріалахъ, что и оправдалось на дѣлѣ; но разница цѣлей военно-историческихъ за одинъ годъ отъ біографическихъ за 70 лѣтъ, сдѣлала знакомство съ матеріалами графа Милютина производительнымъ. Они во-первыхъ дали одинъ очень важный документъ, дотолѣ тщетно разыскивав-

ный, и затѣмъ доставили порядочное количество свѣдѣній, относящихся къ двумъ послѣднимъ годамъ жизни Суворова, которыя хотя не внесли существенно-новаго въ изслѣдованіе, но служили дополненіемъ и разъясненіемъ разныхъ частностей.

Матеріалы г. Дубровина.

Нашъ извѣстный военно-историческій писатель, Н. Ф. Дубровинъ, любезно предложилъ автору настоящаго труда кое-что изъ рукописныхъ своихъ матеріаловъ. По отношенію къ Суворову оказалось не много такого, что было бы неизвѣстно изъ другихъ источниковъ, но въ этомъ немногомъ, кромѣ мелочныхъ свѣдѣній, нашлись отчасти и указанія по нѣкоторымъ не вполнѣ яснымъ или спорнымъ вопросамъ.

Знакомствомъ съ перечисленными выше архивами и собраніями документовъ не ограничились поиски автора за рукописными, не опубликованными источниками; но въ результатѣ получалась одна обманутая надежда, такъ какъ лица, у которыхъ предполагалось найти сборники подходящихъ документовъ, вовсе ихъ не имѣли, или имѣли кое-что слишкомъ незначительное, или же по разнымъ причинамъ ихъ утратили. Для характеристики подобныхъ неудачныхъ поисковъ можно привести примѣры.

По удостовѣренію редактора-издателя историческаго сборника „Русскій архивъ“, П. И. Бартенева, существовала записка А. С. Пушкина, написанная имъ по порученію покойнаго великаго князя Михаила Павловича и излагавшая фактъ личнаго оскорбленія Суворова генераломъ Нащокинымъ. Записка эта была составлена нашимъ великимъ поэтомъ со словъ его друга, Нащокина-сына, и должна была находиться въ бумагахъ великаго князя. Были приняты двѣ различныя дороги къ отысканію записки, но обѣ онѣ привели къ полной неудачѣ: записка, если существовала, то пропала.

Въ 60-хъ годахъ вышла во Франціи книга барона Амбера „Gens de guerre“, въ которой нашелъ мѣсто и Суворовъ. По поводу разразившейся надъ нимъ въ 1800 году немилости Императора Павла, въ книгѣ говорится, будто у автора, барона Амбера, хранятся документы, заранѣе собранные приближенными къ Суворову лицами для оправданія генералиссимуса. Хотя предвидѣть немилость Государя было рѣшительно нельзя,

и приведенное Амберомъ свѣдѣніе представлялось очень сомнительнымъ, однако не слѣдовало упускать случая—ознакомиться съ новыми документами. Было сдѣлано, чрезъ посредство третьяго лица, сношеніе съ русскимъ военнымъ агентомъ въ Парижѣ, барономъ Фредериксомъ, который взялся за дѣло горячо, розыскалъ мѣстопребываніе Амбера въ одномъ изъ департаментовъ Франціи и обратился къ нему съ письмомъ. Генералъ Амберъ отвѣчалъ, что документы о Суворовѣ, о которыхъ упоминается въ его книгѣ, находились первоначально у маршала Мармона, перешли къ его адъютанту (впослѣдствіи генералу) Деларю, а отъ послѣдняго достались отцу его, Амбера, слѣдовательно дѣйствительно существовали; но въ 1871 году разграблены въ Парижѣ комунарами вмѣстѣ со всѣмъ другимъ его, Амбера, имуществомъ и такимъ образомъ утрачены безвозвратно.

Для изслѣдованія и систематическаго изложенія Суворовскаго метода воспитанія и обученія войскъ, очень важно было познакомиться съ первыми шагами Суворова на этомъ пути, во время командованія Суздальскимъ полкомъ. Не подлежало сомнѣнію, что существовалъ сводъ составленныхъ имъ тогда правилъ, который онъ самъ называлъ въ 70-хъ годахъ „Суздальскимъ учрежденіемъ“; но несмотря на всѣ старанія ретиваго и знающаго архиваріуса, его не удалось отъискать въ дѣлахъ Московскаго архива главнаго штаба, гдѣ онъ скорѣе чѣмъ гдѣ либо долженъ былъ находиться. Разысканы были лишь отрывки „Суздальскаго учрежденія“, въ видѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ афоризмовъ, правилъ и указаній на прошлое, и хотя это прошлое было тогда очень не далеко (всего годъ или два), но между нимъ и тогдашнимъ настоящимъ уже легла грань. Однако разъисканіе „Суздальскаго учрежденія“ было такъ важно, что сдѣлана еще попытка: спрошенъ Суздальскій полкъ,—куда сданъ его архивъ за давнее время. Въ отвѣтѣ не получено ничего утѣшительнаго. Вопросъ повторенъ чрезъ начальство, отвѣтъ послѣдовалъ тотъ же: архивъ былъ сданъ въ два мѣста; въ одномъ онъ сгорѣлъ, въ другомъ „за давностью уничтоженъ“.

В. Печатныя книги и статьи.

Исторія войны 1799 года, Д. Милютина, изд. второе, 1857 года, Спб., три тома.

Первое изданіе, 1852 года, принадлежало отчасти перу г. Михайловскаго-Данилевскаго, второе же исключительно гр. Милютину, который притомъ воспользовался добавочными матеріалами, а потому оно, по этимъ двумъ причинамъ, значительно лучше. Этотъ замѣчательный военно-историческій трудъ не утратилъ до сихъ поръ ни одного изъ своихъ многочисленныхъ достоинствъ, а по отношенію собственно къ Суворову, т.-е. какъ систематическое сочиненіе за извѣстный періодъ его дѣятельности, книга гр. Милютина есть лучшее изъ всѣхъ произведеній русской и иностранныхъ литературъ. Гр. Милютинъ пользовался богатыми источниками, и методъ его изслѣдованія отличается замѣчательною основательностью, добросовѣстностью и критическимъ талантомъ; если къ этому прибавить прекрасное изложеніе, то не будетъ преувеличеннымъ утвержденіе, что книга его нисколько не устарѣла въ 30 лѣтъ. Есть конечно въ ней и слабыя стороны, къ числу которыхъ принадлежитъ отчасти односторонняя оцѣнка русской политики, недостатокъ категоричности въ нѣкоторыхъ выводахъ о Суворовѣ, не совсѣмъ удовлетворительная полнота его военной характеристики. Впрочемъ книга писалась больше 30 лѣтъ назадъ, а 30 лѣтъ изъ 85, прошедшихъ со времени смерти историческаго лица, значатъ много; да и причины, вызвавшія сочиненіе гр. Милютина на свѣтъ, также могли наложить на него особенную сдержанность тона. Можно указать еще на главу, содержащую въ себѣ небольшой очеркъ жизни и дѣятельности Суворова до 1799 года; въ этомъ очеркѣ особенно видно умѣнье сказать многое въ немногихъ словахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ попадаются и фактическія погрѣшности, и не совсѣмъ вѣрные выводы. Во всякомъ случаѣ частные недостатки прекраснаго труда графа Милютина видны только вооруженному глазу и совершенно заслоняются огромными его достоинствами.

Книга гр. Милютина избавила автора настоящаго сочиненія отъ лишнихъ 2—3 лѣтъ архивной работы, послуживъ ему главнымъ источникомъ для описанія послѣдней войны Суворова. Хотя приходилось обращаться къ нѣкоторымъ изъ первоначальныхъ источниковъ, которыми пользовался и гр. Милютинъ, но это требовалось только временами, для разъясненія недоразумѣній и провѣрки критическаго метода. Конечно не все, заключающееся въ соотвѣтствующихъ главахъ настоящаго сочиненія сходится съ книгою гр. Милютина; но это объясняется и невозможностью полнаго сходства двухъ взглядовъ, и нѣкоторыми добавочными источниками, гр. Милютину неизвѣстными, и неполною тождественностью двухъ сочиненій по ихъ цѣлямъ. Самая возможность не соглашаться въ чемъ либо съ гр. Милютинымъ служитъ косвеннымъ доказательствомъ большихъ достоинствъ его труда, такъ какъ во первыхъ, невольно обязываетъ на объясненіе причинъ, а во вторыхъ потому, что масса приложеній и оправдательныхъ документовъ, составляющая третій томъ его книги, указываетъ дальнѣйшій путь изслѣдованію и облегчаетъ работу критики.

Суворовъ и паденіе Польши. Соч. Ф. фонъ-Смитта. Пер. съ нѣмецкаго кн. Голицына, Спб., 1866.

Книга эта пользуется общею извѣстностью не только по ея достоинствамъ, но и по малому числу серьезныхъ сочиненій того же рода. Къ сожалѣнію, она оканчивается 1792 годомъ, такъ что между сочиненіями Смитта и гр. Милютина остается пробѣлъ въ 7 лѣтъ времени, не заполненный ничьимъ другимъ равносильнымъ трудомъ. Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ выводить заключеніе, чтобы книга г. Смитта могла стоять по своимъ достоинствамъ на ряду съ книгой гр. Милютина; она выше другихъ, но уступаетъ послѣдней во многихъ отношеніяхъ.

Г. Смиттъ, пользовавшійся обильными источниками и между ними Суворовскимъ сборникомъ, представляетъ Суворова не съ одной официальной, внѣшней стороны, а касается его внутренней жизни; поэтому книга г. Смитта выдѣляется своею полнотою изъ ряда другихъ, не страдаетъ официальною сухостью и читается довольно легко. Въ ней есть жизнь и

движеніе; попадаются мѣста драматичныя, даже увлекательныя, какъ напр. измаильскій штурмъ; г. Смиттъ очевидно много изучалъ предметъ и питаетъ симпатію къ своему герою. Но на ряду съ этими крупными достоинствами, книга имѣетъ и довольно значительные недостатки. Внутренняя жизнь Суворова только затронута, но не развита; легендарная, идеализованная его оболочка замѣнена историческою далеко не вполнѣ; въ книгѣ нѣтъ единства, а какая-то двойственность, соотвѣтствующая двойной цѣли, видной изъ заглавія. Критика военно-историческая довольно слаба, между прочимъ вслѣдствіе недостаточности офиціальныхъ данныхъ; біографическая еще слабѣе, такъ что попадаются часто промахи, фактическія ошибки, слишкомъ рискованныя заключенія; изложеніе разжижено совершенно лишними разсужденіями и разглагольствованіями. Говоря вообще, книга Смитта имѣетъ большія, неоспоримыя достоинства и стоитъ гораздо выше уровня нашей заурядной литературы о Суворовѣ, но все таки совсѣмъ не такъ высоко, какъ поставила ее слишкомъ снисходительная критика.

Les campagnes du feldmaréchal comte Souvorow Rymnikski, par Anthing, trad. d'allemand par Serionne, Gotha, 1796, 3 vol.

Антингъ—нѣмецъ, познакомившійся съ Суворовымъ въ началѣ 90-хъ годовъ и плѣнившійся его личностью, какъ былъ раньше плѣненъ его дѣлами. Принятый затѣмъ въ русскую службу, онъ однако никакого офиціальнаго положенія при Суворовѣ не имѣлъ. Написанная и изданная имъ книга кончается Польской войной 1794 года; первую ея часть читалъ самъ Суворовъ, вторую одно изъ довѣренныхъ его лицъ. По желанію Суворова, Антингъ избѣгалъ говорить въ своемъ сочиненіи о его личности, а излагалъ только военныя дѣла; онъ часто переписывался по этому предмету съ племянникомъ Суворова Хвостовымъ и получалъ отъ Суворова денежныя пособія. Въ книгѣ Антинга мало критики, сочиненіе его впадаетъ въ панегирикъ, въ цифрахъ частыя преувеличенія, встрѣчаются натяжки; вообще видно, что авторъ писалъ при жизни своего героя. Кромѣ того Антингъ зналъ плохо русскій языкъ, а между тѣмъ писалъ со словъ русскихъ людей и по рус-

скимъ документамъ. Но при всѣхъ своихъ дурныхъ сторонахъ, сочиненіе Антинга есть одинъ изъ самыхъ лучшихъ источниковъ для изученія военной жизни Суворова. Слѣдуетъ только смотрѣть на него не какъ на исторію, а какъ на лѣтопись, или на скелетъ историческаго произведенія. Антингъ воспроизводитъ фактическую сторону въ подробности и согласно съ офиціальными данными; не разъ случалось автору настоящаго сочиненія находить во вновь открываемыхъ архивныхъ документахъ такія свѣдѣнія, которыя имѣются только у Антинга, а у другихъ отсутствуютъ или искалѣчены. Встрѣчаются у него и ошибки, притомъ довольно часто, но большею частью въ мелочахъ; ошибки эти, при малѣйшемъ критическомъ пріемѣ, сами себя выдаютъ. Говорятъ еще, что у Антинга выставлена одна лицевая сторона предмета, но развѣ это не есть общій недостатокъ? Къ Антингу всѣ относятся свысока, особенно позднѣйшіе историки, и совершенно напрасно, потому что въ тоже время сами немилосердно у него черпаютъ, а если не дѣлаютъ этого, то плодятъ погрѣшности и ошибки. Вообще книга Антинга послужила основой для многихъ сочиненій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, и если онѣ почти всѣ плохи, то не Антингъ въ этомъ виноватъ.

Histoire des campagnes du maréchal de Souworov, Paris, 1802, 3 vol. (par Alphonse de Beauchamp).

Первые два тома есть переводъ съ Антинга, третій посвященъ кампаніи 1799 года. Послѣдній томъ есть произведеніе очень поверхностное, основанное на газетныхъ извѣстіяхъ, которыя приняты на вѣру, почти безъ разбора; вездѣ просвѣчиваютъ слабое знакомство съ военнымъ дѣломъ и тенденція—написать Суворову панегирикъ. Ошибокъ много и нѣкоторыя весьма грубы, такъ что иногда смыслъ событія извращенъ совершенно. При всемъ томъ нельзя браковать книгу безусловно; при знакомствѣ съ предметомъ и внимательности, изъ нея можно заимствовать свѣдѣнія, которыхъ у другихъ нѣтъ и которыя отзываются правдой.

Побѣды князя Италійскаго, графа А. В. Суворова Рымникскаго, Москва, 1815, второе изданіе, 7 частей.

Крупный представитель множества компилятивныхъ произ-

веденій о Суворовѣ. Большею частію это вольный переводъ съ Антинга и Бошана съ добавленіями изъ разныхъ другихъ печатныхъ источниковъ, безъ разбора, безъ критики. Неизвѣстный авторъ этой книги, или лучше сказать компиляторъ, пытается поправлять Антинга, то сокращая его, то расширяя новыми свѣдѣніями, но большею частью очень неудачно.

Исторія Суворова, Н. Полеваго, Петербургъ, 1858, изданіе второе.

Книга написана талантливо, но по источникамъ не многочисленнымъ и не первоначальнымъ, а печатнымъ, т. е. по сочиненіямъ и компиляціямъ значительною долею сомнительнаго достоинства. Г. Полевому былъ просторъ для развитія своего повѣствовательнаго дарованія, но не для историческаго изслѣдованія, и книга его, хотя названная исторіей, совсѣмъ не даетъ того, что обѣщаетъ заглавіе. Ошибокъ и сплошныхъ невѣрныхъ свѣдѣній въ ней очень много, можетъ быть больше, чѣмъ въ компиляціяхъ втораго разряда, потому что Полевой задался гораздо обширнѣйшей сравнительно съ ними задачей и, обладая для ея рѣшенія достаточными личными средствами, не могъ однако употребить ихъ производительно по крайней бѣдности матеріала и неблагопріятнымъ цензурнымъ условіямъ времени.

Histoire du feldmaréchal Souvorof liée à celle de son temps, par L. M. P. de Laverne, Paris, 1809.

Это громкое заглавіе придано одному тому въ 500 страницъ довольно крупной печати. Указывая на Антинга и Бошана, какъ на панегиристовъ, а не историковъ, Лавернъ говоритъ, что оба они страдаютъ многословіемъ, тенденціозностью, близорукостью, расплываются въ подробностяхъ и упускаютъ общее. Все это онъ, Лавернъ, рѣшился исправить своей книгой, запасшись будто бы громаднымъ матеріаломъ и массою свѣдѣній, который собралъ во время своего пребыванія въ Германіи и Россіи, особенно о послѣднихъ десяти годахъ жизни Суворова. Между тѣмъ онъ самъ впадаетъ въ ошибки именно такого рода, въ которыхъ упрекаетъ другихъ: характерныхъ подробностей даетъ мало, временами вдается въ панегирикъ, расплывается въ фельетонныхъ мысляхъ, отвлеченныхъ умствованіяхъ и такихъ разсужденіяхъ о военномъ дѣлѣ,

которыя обнаруживають недостаточное его знакомство съ предметомъ. Но книга его имѣетъ и достоинства; онъ старается быть безпристрастнымъ, въ чемъ мѣстами и успѣваетъ; критика у него сильнѣе, чѣмъ у другихъ; выводы его, особенно въ сферѣ политики, значительною долею вѣрны; Суворовъ представляется болѣе живымъ человѣкомъ, чѣмъ подъ перомъ большинства. Въ общемъ результатѣ книга Лаверна, не будучи глубокимъ историческимъ трудомъ, все-таки заслуживаетъ вниманія и въ особенности должна была имѣть значеніе въ эпоху своего появленія. Въ ней нѣтъ педантской сухости, читается она легко и въ литературѣ о Суворовѣ занимаетъ довольно видное мѣсто.

Précis historique sur le célèbre feldmaréchal comte Souworow Rymnikski, prince Italikski, par Guillaumanches-Duboscage, Hambourg, 1808.

Книга составлена изъ нѣсколькихъ отдѣловъ, трактующихъ о разныхъ предметахъ по отношенію къ Россіи; но все это не заслуживаетъ вниманія, кромѣ главъ, посвященныхъ Суворову.

Гильоманшъ-Дюбокажъ, французскій эмигрантъ, поступилъ въ русскую службу подполковникомъ и находился при Суворовѣ $1^1/_2$ или 2 года (съ ноября 1794). Въ это время было тихо, но Суворовъ готовился къ походу противъ Французовъ и съ рвеніемъ занимался подготовленіемъ войскъ къ предстоявшей войнѣ. Дюбокажъ описываетъ его, какъ лицо близко знакомое, но не давая систематическаго, полнаго его жизнеописанія, ограничивается сообщеніемъ разныхъ замѣтокъ, наблюденій, анекдотовъ, гдѣ Суворовъ находится постоянно на первомъ планѣ. Много тутъ встрѣчается ошибокъ и ложныхъ сужденій, такъ какъ о минувшемъ времени Дюбокажъ пишетъ съ чужихъ словъ, не усвоивъ еще ни русскаго языка, ни знакомства съ русскою жизнью. Онъ безпрестанно впадаетъ въ панегирикъ, подъ вліяніемъ безграничнаго энтузіазма и удивленія, которые Суворовъ успѣлъ ему къ себѣ внушить. При всемъ томъ книга Дюбокажа богата матеріаломъ для характеристики Суворова и въ особенности дорога многочисленными обстоятельными свѣдѣніями о Суворовскомъ методѣ воспитанія и обученія войскъ. Дюбокажъ

трактуетъ объ этомъ предметѣ какъ опытный, понимающій дѣло офицеръ и какъ очевидецъ, имѣвшій возможность, охоту и умѣнье—вникнуть въ то, что наблюдалъ. Въ этомъ отношеніи Дюбокажъ не имѣетъ соперниковъ; никто другой изъ современниковъ Суворова не остановился съ такимъ вниманіемъ на характерной чертѣ генералисимуса; никто другой не уразумѣлъ такъ правильно и не съумѣлъ передать такъ толково существенныя черты Суворовской военной теоріи.

Собраніе писемъ и анекдотовъ, относящихся до жизни князя Италійскаго графа А. В. Суворова Рымникскаго; изд. 3, Москва, 1814. (Левшина).

Напечатанные въ этой небольшой книжкѣ документы и свѣдѣнія большею частью заслуживаютъ довѣрія, хотя авторъ и не указываетъ источника, откуда они взяты. Между ними есть много очень характернаго, но попадаются и ошибки.

Жизнь Суворова, имъ самимъ описанная, или собраніе писемъ и сочиненій его, изданныхъ съ примѣчаніями С. Глинкою, 2 части, Москва, 1812.

Заглавіе слишкомъ громкое для двухъ небольшихъ книжекъ, въ которыхъ значительную часть занимаетъ собственное повѣствованіе автора, а меньшую письма Суворова, отчасти напечатанныя раньше у Левшина. Однако книжка Глинки (какъ и Левшина) имѣетъ значеніе для исторіографа, даже если онъ знакомъ съ Суворовскимъ сборникомъ, т. е. съ самымъ богатымъ собраніемъ бумагъ Суворова. Между письмами, помѣщенными у Глинки, есть нѣсколько наименѣе повидимому замѣтныхъ, которыя существенно важны для нѣкоторыхъ мало разъясненныхъ моментовъ жизни Суворова. Встрѣчаются впрочемъ и ошибки; одна изъ нихъ ввела Смитта въ заблужденіе и была причиною помѣщенія въ его книгу крупной небывальщины.

Разсказы стараго воина о Суворовѣ, Москва, 1847 года, 3 части. (Старкова).

Это не есть выдержанное, построенное на строгомъ планѣ историческое сочиненіе, а просто воспоминанія. Въ книгѣ можно встрѣтить все — описаніе походовъ, битвъ, анекдоты, даже сцены, написанныя въ драматической формѣ, есть и выписки изъ статей другихъ авторовъ. Первыя двѣ части отно-

сятся къ войнамъ 1794 и 1799 годовъ; третья составлена изъ разныхъ разностей.

Было бы напрасно искать въ книгѣ критическаго взгляда, оцѣнки; здѣсь мѣсто однимъ личнымъ впечатлѣніямъ очевидца, служившаго въ нижнихъ чинахъ. Изъ безхитростнаго повѣствованія Суворовскаго служаки можно наглядно удостовѣриться въ неотразимомъ обаяніи Суворова на подчиненныхъ и въ боевомъ энтузіазмѣ, который внушалъ онъ войскамъ. Изъ книги можно убѣдиться, что на войнѣ не всѣ дѣйствующія силы можно измѣрить, взвѣсить или исчислить и что этимъ неосязаемымъ боевымъ элементомъ Суворовъ и былъ особенно богатъ. Энтузіазмъ автора доходитъ чуть не до обожанія Суворова; этою стороною книга и дорога. Затѣмъ она дорога воспроизведеніемъ мелочей внутренней и бытовой стороны военной жизни того времени, т. е. тѣмъ, чего не находимъ въ реляціяхъ и офиціальныхъ документахъ и что обыкновенно не попадаетъ въ заурядныя военно-историческія сочиненія. Критиковать подобные мемуары, нельзя; онѣ внѣ обычной критики и ей не поддаются; тутъ безпрестанно натыкаешься на крупную наивность, на доказательство, выражающееся только подчеркиваніемъ словъ и тому подобное. Но по этому самому черпать изъ книги г. Старкова можно только послѣ основательнаго изученія предмета, или употреблять ее не иначе, какъ съ документальными данными. Г. Старковъ многое совсѣмъ забылъ, другое сильно перепуталъ; анахронизмовъ у него не перечесть; выставляются дѣйствующія лица, которыя находились совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ; приводятся цифры, совершенно невѣрныя. Это обстоятельство требуетъ осмотрительности и осторожности, но отнюдь не бракуетъ самый матеріалъ, и книга остается характернымъ и обильнымъ источникомъ для исторіи Суворова.

Gens de guerre, portraits; par général baron Ambert, Paris, 1863.

Въ книжкѣ нашли мѣсто нѣсколько типическихъ военныхъ лицъ, въ числѣ ихъ и Суворовъ. Амберъ беретъ матеріалъ о немъ изъ другихъ авторовъ, пытаясь быть въ своихъ взглядахъ самостоятельнымъ, что однако удается ему лишь изрѣдка. Онъ находится подъ давленіемъ общеусвоеннаго, шаблоннаго

взгляда большинства иностранныхъ критиковъ и потому бракуетъ Суворова со стороны стратегической и тактической, не сочувствуетъ его системѣ воспитанія и обученія войскъ и вообще доходитъ въ своей военно-цеховой рутинности до третированія Суворова какъ бы свысока, ссылаясь на авторитетъ Тьера. Это послѣднее обстоятельство достаточно свидѣтельствуетъ о легковѣсности сужденій и приговоровъ Амбера, и дѣйствительно у него встрѣчаются критическіе пріемы совершенно-ребяческіе, въ родѣ того, что Суворовское обученіе войскъ не помѣшало Русскимъ быть разбитыми подъ Альмой (въ 1854 году). Нечего и говорить, что фактическихъ ошибокъ въ книгѣ не оберешься. Но истина и военное чутье проскакиваютъ въ Амберѣ наружу противъ его воли, и онъ любуется Суворовымъ, какъ типомъ военнаго человѣка; теплая симпатія къ русскому полководцу сквозитъ у него явственно и высказывается въ признаніи, что Русскіе оцѣнили Суворова недостаточно и что Французы на ихъ мѣстѣ поступили бы иначе. Изъ крайности безусловнаго осужденія Амберъ то и дѣло переходитъ въ другую, — идеализируетъ, поэтизируетъ Суворова, впадаетъ въ исторически невѣрный панегирикъ. Вообще книга его не стоитъ, чтобы на ней долго останавливаться; сдѣлано же это здѣсь потому, что въ иностранныхъ литературахъ она есть позднѣйшее произведеніе о Суворовѣ, появившееся послѣ длиннаго періода молчанія. Въ этомъ отношеніи она заслуживаетъ вниманія, и въ настоящемъ сочиненіи дѣлаются неоднократныя на нее ссылки, иногда въ утвердительномъ, а чаще въ отрицательномъ смыслѣ.

Генералиссимусъ Суворовъ. Жизнь его въ своихъ вотчинахъ. Изд. Н. Рыбкинъ, Москва, 1874.

Небольшая книга эта составлена по документамъ Кончанскаго сборника, до той поры остававшимся неизвѣстными, и потому есть цѣнное пріобрѣтеніе для литературы, не имѣвшей ни одного сочиненія о Суворовѣ—помѣщикѣ и хозяинѣ. Къ сожалѣнію г Рыбкинъ не удольствовался своей задачей и взялъ шире, примѣшавъ разныя не идущія къ темѣ свѣдѣнія; такимъ образомъ онъ испортилъ планъ своего сочиненія и понизилъ его достоинства. Глава первая совсѣмъ не нужна, въ послѣдней многое не идетъ къ дѣлу, приложенія и того

больше, а между тѣмъ всѣ эти добавки изложены поверхностно и съ погрѣшностями, такъ что даже факсимиле Суворова вовсе не напоминаетъ его руку. Нельзя безусловно согласиться и съ многими выводами г. Рыбкина о хозяйственной дѣятельности Суворова; онъ смотритъ на своего героя скорѣе въ качествѣ энтузіаста, чѣмъ историка, а потому приходитъ иногда къ заключеніямъ слишкомъ поспѣшнымъ. При всемъ томъ книга г. Рыбкина имѣетъ не малое значеніе, заключая въ себѣ много цѣннаго матеріала, котораго нигдѣ, кромѣ ея, не найти.

Біографія Суворова, имъ самимъ писанная. Москва, 1848.

Книжка эта есть ничто иное, какъ поданное Суворовымъ прошеніе о внесеніи его въ родословную книгу дворянъ московской губерніи, съ нѣсколькими дополнительными документами послѣдующихъ лѣтъ. Все это было напечатано въ двухъ журналахъ, а потомъ уже издано особо, съ заглавіемъ автобіографіи. Здѣсь Суворовъ излагаетъ свою службу и пересыпаетъ изложеніе характерными военными и военно-педагогическими замѣтками и наставленіями. Не во всемъ можно слѣпо положиться на повѣствованіе Суворова о самомъ себѣ, такъ какъ онъ любилъ представлять себя въ выгодномъ свѣтѣ, да и многое изъ давнихъ лѣтъ успѣлъ забыть. Но это замѣчаніе относится только до подробностей и цифръ, а собственно канвѣ прошенія нѣтъ причины быть невѣрной. Къ числу ошибочныхъ свѣдѣній относится также изложенное Суворовымъ происхожденіе его фамиліи, о чемъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Вообще же автобіографія Суворова есть небольшое, но цѣнное пособіе въ смыслѣ дополнительнаго къ другимъ; она разрѣшаетъ многія недоразумѣнія, особенно хронологическія.

Наука побѣждать, Суворова, изд. Антоновскаго, Петербургъ, 1809.

Это сводъ Суворовскихъ правилъ по обученію войскъ, въ разборъ котораго здѣсь можно не входить, такъ какъ документъ помѣщенъ цѣликомъ въ приложеніи VII и вошелъ въ содержаніе главы XXII.

Дѣйствія Суворова въ Турціи въ 1773 году, Саковича, Спб., 1853.

Небольшую эту книжку составляютъ перепечатанныя изъ

Военнаго журнала 1853 года двѣ статьи того же автора, составленныя по архивнымъ документамъ, до того времени неизвѣстнымъ. Методъ изслѣдованія довольно строгій, сказано много новаго, но кое-что изъ документальныхъ данныхъ пропущено, вѣроятно вслѣдствіе цензурныхъ условій. Книжка написана зрѣло, съ критическимъ талантомъ, читается легко; Суворовъ понятъ довольно вѣрно и представляется живымъ. Къ сожалѣнію, брошюра эта не обнимаетъ въ одинаковой мѣрѣ изслѣдованія всю кампанію, а касается преимущественно Туртукая; о прочемъ говорится вскользь, упоминается и о Козлуджи (1774 годъ), такъ что сочиненіе не совсѣмъ отвѣчаетъ своему заглавію. Попадаются въ немъ и кое-какія фактическія погрѣшности, указывающія на нѣкоторую торопливость изслѣдователя. Но въ общемъ книжка положительно хорошая и принадлежитъ къ числу лучшихъ сочиненій о Суворовѣ, несмотря на свой незначительный объемъ.

Историческій обзоръ дѣятельности Румянцова, Прозоровскаго, Суворова и Бринка въ 1775 — 1780 гг., Саковича, Москва, 1858.

Книга эта тоже составлена по архивнымъ документамъ и есть самостоятельное изслѣдованіе. Она посвящена періоду не видному, мало разработанному, въ которомъ почти нѣтъ крупныхъ событій, все довольно мелко и незначительно въ военномъ отношеніи. Это не остановило г. Саковича, и онъ разработалъ предметъ очень обстоятельно. Трудъ его, можетъ быть не очень занимательный въ чтеніи, вслѣдствіе самыхъ свойствъ описываемаго времени, тѣмъ не менѣе достоинъ полнаго вниманія, служитъ обильнымъ матеріаломъ не для одной военной исторіи и долженъ быть отнесенъ къ числу источниковъ, самыхъ капитальныхъ по своей достовѣрности.

Война Россіи съ Турціей и Польскими конфедератами 1769—1774. А. Петрова, 1866—1874 год. Спб., 5 томовъ.

Книга составлена преимущественно по архивнымъ документамъ, а также и по нѣкоторымъ такимъ, которыми другіе писатели мало пользовались или не пользовались вовсе. Трудъ почтенный и добросовѣстный, изслѣдованіе подробное и тщательное; но какъ военно-историческое сочиненіе оставляетъ многаго желать. Книга эта есть скорѣе богатый матеріалъ, со-

бранный и сведенный въ одно цѣлое, чѣмъ обработанное и законченное сочиненіе. Встрѣчаются тутъ небрежности и погрѣшности, но онѣ не важны; важнѣе то, что книга даетъ представленіе лишь объ абрисѣ или чертежѣ, а не о картинѣ войны, о скелетѣ, а не о тѣлѣ. Не достаетъ освѣщенія, глазъ не поражается контрастомъ свѣта и тѣни, все одинаково сѣро и безцвѣтно. Характеровъ тутъ нѣтъ, а одни событія; самъ Суворовъ не привлекаетъ къ себѣ вниманія. Не только изложеніе, но и планъ могли бы быть лучше въ смыслѣ удобочитаемости; недостатки того и другого производятъ сухость и отрывочность. Причина сухости заключается между прочимъ и въ томъ, что г. Петровъ имѣетъ слишкомъ большое пристрастіе къ источникамъ офиціальнымъ и недостаточно пользуется неофиціальными. При всемъ томъ книга его есть безспорное пріобрѣтеніе для русской военно-исторической литературы, по обилію и качеству собраннаго въ ней матеріала.

Вторая Турецкая война 1787—1791. А. Петрова, 1880 г., Спб., 2 тома.

Характеръ этой книги, ея достоинства и недостатки тѣже, какъ и предъидущей; это есть тоже изслѣдованіе, дающее много новаго, доселѣ мало извѣстнаго или неизвѣстнаго. Хотя попадаются тутъ и ошибки, даже чаще, чѣмъ въ исторіи первой Турецкой войны, но нѣкоторыми своими частями вторая Турецкая война выходитъ подъ перомъ г. Петрова живѣе первой, напр. кампанія 1789 года, а еще больше Екатерина II и Потемкинъ. Однако на характерныя черты авторъ все-таки скупъ; о Суворовѣ онъ не говоритъ почти ничего новаго, и хотя, въ сущности, на Суворовѣ сосредоточивается весь интересъ и все движеніе до 1791 года, но это важное обстоятельство мало его оживляетъ. Даже измаильскій штурмъ сухъ и безжизненъ. Но все-таки, въ общемъ результатѣ, книга эта, обладая однородными съ первой достоинствами, болѣе ея сглажена относительно недостатковъ, читается легче и, въ смыслѣ военно-историческаго сочиненія, стоитъ нѣсколько выше.

Исторія Россійско-Австрійской кампаніи 1799 года, Е. Фукса, Спб., 1825 г., 3 части.

Это сочиненіе, не удовлетворяющее самымъ снисходитель-

нымъ требованіямъ критики, пользовалось большою, хотя, такъ сказать, невольною извѣстностью, до выхода въ свѣтъ сочиненія графа Милютина. Послѣ того произведеніе г. Фукса утратило всякое значеніе, но тѣмъ не менѣе должно быть помѣщено въ настоящій обзоръ. Первая часть можетъ быть обойдена, заключая въ себѣ собственно „исторію“ кампаніи; она не имѣетъ никакихъ даже относительныхъ достоинствъ, по отсутствію критики, громадному количеству ошибокъ, невѣрностей и даже нелѣпостей. Но двѣ послѣднія состоятъ исключительно изъ документовъ, которыми хотя и пользовался гр. Милютинъ изъ первыхъ источниковъ, однако далеко не всѣ эти документы приведены въ его книгѣ, такъ что автору настоящаго сочиненія представлялась иногда надобность дѣлать справки и провѣрки по Фуксу. Правда, документы напечатаны у Фукса нерѣдко съ произвольными исправленіями, сокращеніями и вообще измѣненіями, но при пользованіи ими (довольно впрочемъ рѣдкомъ) паралельно съ книгой гр. Милютина, опасность ошибочныхъ выводовъ устранялась сама собой. Отъискивать же нужные документы, для случайной надобности, по архивамъ, было бы трудомъ непроизводительнымъ по большой тратѣ времени.

Исторія генералиссимуса князя Италійскаго графа Суворова Рымникскаго, соч. Е. Фукса, Москва, 1811 г., 2 части.

Исторіи тутъ вовсе нѣтъ, а есть рядъ статей, литературно-историческій винегретъ, съ длиннымъ и безпорядочнымъ введеніемъ въ послужной списокъ Суворова, который однако тоже не выдержанъ, потому что одно въ немъ изложено слишкомъ коротко, другое слишкомъ пространно. Книгу нельзя даже назвать сборникомъ статей о Суворовѣ, потому что въ ней попадается много такого, что къ жизнеописанію Суворова не относится. Читатель безпрестанно натыкается на разъясненія, уподобленія, сравненія; поминутно обязанъ дѣлать съ авторомъ отчаянные прыжки то далеко впередъ, то далеко назадъ. Это сочиненіе есть въ сущности хаотическое вступленіе въ кампанію 1799 года, о которой сказано передъ симъ; напыщенный языкъ, высокопарныя разглагольствованія, пустота содержанія и странность плана—соперничаютъ между собою чуть не на каждой страницѣ. Отсутствіе малѣйшаго признака

дарованія и поразительное безсиліе Фукса справиться со своей задачей, вѣнчаются разными болѣе чѣмъ странными заимствованіями у другихъ; такъ напримѣръ, Фуксъ взялъ разсужденіе Фонтана о Вашингтонѣ и примѣнилъ это къ Суворову. Не меньше замѣчательно невѣжество Фукса въ военномъ дѣлѣ; „фузилеръ“ онъ переводитъ „оружейный мастеръ“; укрѣпленіе „кавальеръ“ у него обращается въ „коннаго ратника“, такъ что одна изъ колоннъ, штурмующихъ Прагу, должна взять двухъ кавалеристовъ.

Анекдоты князя Италійскаго графа Суворова Рымникскаго, изд. Е. Фуксомъ, Спб., 1827.

Наборъ анекдотическихъ подробностей о Суворовѣ, безъ всякой системы и порядка, притомъ часто и не новыхъ, а взятыхъ изъ прежнихъ изданій самого Фукса и изъ другихъ авторовъ. Въ формѣ анекдотовъ пущены въ ходъ небывальщины; случается и такъ, что слова Суворова передаются въ превратномъ смыслѣ, прямо противуположномъ истинѣ. Эта истина безпрестанно отходитъ у Фукса на послѣдній планъ, а впередъ выдвигается эффектъ, желаніе щегольнуть острымъ словцомъ, неожиданнымъ оборотомъ, реторикой.

Собраніе разныхъ сочиненій Е. Фукса, Спб., 1827.

Нѣсколько статеекъ, изъ которыхъ къ Суворову относятся немногія; въ нихъ есть довольно любопытныя о немъ свѣдѣнія.

Несмотря на низкій историческій уровень всѣхъ четырехъ сочиненій Фукса, они даютъ много разносторонняго матеріала о Суворовѣ. Было бы совершенно несправедливо отвергать сплошь все, написанное о Суворовѣ Фуксомъ; надо только осмотрительно пользоваться его свѣдѣніями, а осторожность эту можно пріобрѣсти единственнымъ путемъ,—близкимъ знакомствомъ съ Суворовымъ по другимъ, болѣе достовѣрнымъ источникамъ. Тогда въ нагроможденной Фуксомъ массѣ данныхъ найдется многое такое, что разовьетъ правильное представленіе о Суворовѣ, разъяснитъ недоразумѣнія, пополнитъ недосказанное, разсѣетъ сомнѣнія. Въ такомъ смыслѣ авторъ настоящаго сочиненія и старался пользоваться Фуксомъ

Histoire critique et militaire des guerres de la révolution, par Jomini, 14 vol, Paris, 1824.

Книга эта пользуется всеобщею заслуженною извѣстностью; два ея тома, 11 и 12, посвященные войнѣ 1799 года, можно признать лучшимъ описаніемъ этой войны въ иностранныхъ литературахъ, особенно потому, что оно отличается по отношенію къ Суворову безпристрастіемъ въ такой мѣрѣ, которая до сей поры оказывается для иностранныхъ писателей недостижимою. Книга была бы еще лучше, если бы въ нее вошло побольше свѣдѣній изъ русскихъ источниковъ; этотъ недостатокъ дѣлаетъ сочиненіе Жомини нѣсколько одностороннимъ, а относительно лично Суворова и несовсѣмъ удовлетворительнымъ, хотя историкъ и имѣлъ въ своихъ рукахъ мемуары маркиза Шателера, состоявшаго генералъ-квартирмейстеромъ при Суворовѣ въ Италіи. Сочиненіемъ Жомини пользовался и гр. Милютинъ, тѣмъ не менѣе источникъ этотъ такъ важенъ, что авторъ настоящей книги, руководясь преимущественно книгою Милютина при изложеніи войны 1799 года, обращался нерѣдко и къ сочиненію Жомини.

Histoire de la révolution française, par Thiers, Paris, 1823—1827, 10 vol.

Сочиненіе это пользуется огромною извѣстностью и выдержало очень много изданій. Минуя общую его характеристику, скажемъ только, что въ изложеніи военныхъ событій Тьеръ почти постоянно грѣшитъ противъ правды, давая читателю взамѣнъ ея блестящее изложеніе, которое мастерски маскируетъ недостатокъ здоровой основы содержанія. Въ описаніи войны 1799 года (томъ 10) Тьеръ обнаруживаетъ большое, плохо скрываемое нерасположеніе къ Русскимъ, а по отношенію собственно къ Суворову обращается въ совершеннаго памфлетиста. Сочиненіе его попало при настоящемъ случаѣ въ число источниковъ только потому, что, отличаясь самою причудливою критикой всѣхъ дѣйствій Суворова, даетъ много отрицательнаго матеріала, т. е. неизсякаемую тему для объясненій и опроверженій.

Краткій обзоръ этого небольшого числа сочиненій кажется достаточенъ для качественной оцѣнки литературы нашего предмета. Затѣмъ остается еще много книгъ, которыми тоже приходилось пользоваться, но онѣ или дали мало, или служили только для освѣщенія предмета, да и вообще разборъ ихъ

ничего къ сказанному не прибавилъ бы, такъ что можно ограничиться перечисленіемъ ихъ заглавій. Къ числу такихъ источниковъ относятся:

Précis des évènements militaires, ou essais historiques sur les campagnes de 1799—1814, par M. Dumas, Paris, 1816—1826, 20 vol.

Précis des dernières guerres des Russes contre les Turcs. Trad. de l'allemand par La Coste, Paris, 1828.

Remarques sur le militaire des Turcs et des Russes, 1771, par Warnery, Breslau.

Précis historique de la guerre 1769 — 1774, par Caussin de Perceval, Paris, 1822.

Des changements survenus dans l'art de la guerre 1700—1815, par Chambray, Paris, 1830.

Observations sur l'armée française en 1792—1808, St. Petersbourg, 1808.

Exposé des principales circonstances, qui ont occasionné les désastres des armées autrichiennes. Tr. de l'anglais, Londres, 1801.

Mémoires sur la Pologne et les Polonais, 1783—1815, par Oginski, 4 vol., Paris, 1826.

Mémoires de Ségur, 3 vol., Paris, 1827.

Перечень изъ журнала 1787—1790, Раана, Спб., 1792.

Анекдоты князя Италійскаго, Зейдель, Спб., 1865.

Описаніе лагеря въ Красномъ Селѣ, Спб., 1765.

Записки Энгельгардта, Москва, 1867.

Памятныя записки Храповицкаго, Москва, 1862.

Записки Державина, съ примѣчаніями Бартенева, Москва, 1860.

Записки Грибовскаго, изданіе второе, Москва, 1864.

Воспоминанія Лубяновскаго 1774—1834, Москва, 1872.

Записки А. Т. Болотова, 4 тома, Спб., 1871—1873.

Мои бездѣлицы, И. Вернета, Москва, 1840.

Біографіи русскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ, Бантышъ-Каменскаго, 4 тома, 1841, Спб.

Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, Бантышъ-Каменскаго, 8 томовъ, Москва и Петербургъ, 1836—47 г.

Военная исторія новыхъ временъ, кн. Н. Голицина, Спб., 1878.

Уставъ пѣхотной строевой, 1764, Спб.

Воинскій уставъ о полевой пѣхотной службѣ, 1797, Спб.

Инструкція полковничья пѣхотнаго полку, 1764, Спб.

Инструкція коннаго полку полковнику, 1766, Спб.

Памятники новой русской исторіи, 1871, Спб.

Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, В. Семевскаго, Спб. 1881.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, Д. Кобеко, 1883, Спб.

Военная библіотека, 16 томовъ, Спб., 1871—1874.

Военный сборникъ, 1858—1883, Спб.

Военный энциклопедическій лексиконъ, 14 томовъ, Спб., 1852—1858.

Сочиненія Д. Давыдова, Спб., 1848. (Встрѣча съ великимъ Суворовымъ).

Восемнадцатый вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ, Безсонова, вып. 9, Москва, 1872.

Затѣмъ было перелистовано нѣсколько десятковъ книгъ и брошюръ, имѣющихъ своимъ предметомъ преимущественно Суворова. Большую ихъ часть составляютъ такъ называемыя популярныя сочиненія и хотя попадаются между ними книги содержанія не общедоступнаго, но всѣ онѣ не имѣютъ никакого значенія для сколько нибудь серьезнаго читателя, а потому не стоятъ перечисленія. Совсѣмъ иное слѣдуетъ сказать о такъ называемыхъ историческихъ сборникахъ, которые зародились въ русской литературѣ довольно давно, но размножились лишь въ послѣднее время. Къ этому разряду относятся слѣдующія изданія.

Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей при московскомъ университетѣ, 1846—1882 г., Москва.

Русскій архивъ, 1863—1882 г., Москва.

Русская старина, 1870—1882 г., Спб.

Сборникъ русскаго историческаго общества, Спб., съ 1867 г., 38 томовъ.

Историческій вѣстникъ, 1880—1882 г., Спб.

Русская историческая библіотека, 1872—1880, семь томовъ, Спб.

Архивъ князя Воронцова, Москва, съ 1870 г., 29 томовъ.

Древняя и новая Россія, Петербургъ, 1875—1879 г.

Записки одесскаго общества исторіи и древностей, Одесса, съ 1844 г., 11 томовъ.

Библіографическія записки, 1858, 1859 и 1861 годовъ.

Осмнадцатый вѣкъ, изд. Бартенева, 4 книги, Москва, 1868—69.

Существованіе этихъ изданій составляетъ фактъ очень отрадный; они и теперь уже приносятъ несомнѣнную пользу исторической наукѣ, а впереди обѣщаютъ несравненно большую. Въ особенности дорогъ въ нихъ сырой матеріалъ, при условіи, что онъ добытъ изъ надежнаго источника. Этому условію удовлетворяютъ, правда, не всѣ свѣдѣнія, идущія за историческія; встрѣчается иногда просто путаница, неизвѣстно какимъ путемъ народившаяся; но это отсутствіе критики въ выборѣ матеріала еще не такъ важно, какъ въ статьяхъ обработанныхъ, имѣющихъ видъ изслѣдованія. Случается также натыкаться на дурно-прочитанные документы, чѣмъ затемняется и даже извращается смыслъ приводимыхъ свѣдѣній; встрѣчается не мало и баласту, т. е. данныхъ, давно извѣстныхъ, но идущихъ снова за новинку; наконецъ, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ изданій слишкомъ много анекдотовъ и мелкихъ свѣдѣній, годныхъ развѣ только для развлеченія читателей. Но все это не бракуетъ изданій для употребленія съ научной цѣлью. Матеріала въ нихъ такъ много, и между нимъ попадается такой серьезный, что онъ съ лихвою выкупаетъ время, потраченное на разборку баласта, да и самыя мелочи кидаютъ иногда лучь свѣта въ тьму и указываютъ путь изслѣдованія.

Изъ упомянутыхъ изданій были особенно полезны для исторіи Суворова: Сборникъ русскаго историческаго общества, Архивъ князя Воронцова, Русскій архивъ и Русская старина. Несмотря на то, что авторъ настоящаго сочиненія пользовался довольно обильнымъ архивнымъ матеріаломъ, не попадавшимъ еще въ печать, эти сборники дали ему массу цѣнныхъ свѣдѣній; много сомнѣній и недоумѣній было ими разъяснено, многое условно—вѣрное сдѣлалось благодаря имъ или несомнѣннымъ, или ложнымъ. Они сильно упростили и дополнили архивную работу; самое разнорѣчіе помѣщаемаго въ нихъ матеріала давало возможность прибѣгать къ сопоставленіямъ и облегчало задачу критики.

Въ заключеніе обзора источниковъ остается упомянуть про статьи русскихъ газетъ и журналовъ, не однихъ историческихъ, но вообще всѣхъ. При посредствѣ третьяго лица, авторъ книги обращался въ 1880 году за указаніями по этому предмету къ извѣстному нашему библіографу г. Межову и, благодаря его любезности и доброхотству, получилъ возможность познакомиться со всѣмъ или почти со всѣмъ, что въ русской періодической литературѣ нынѣшняго столѣтія было напечатано о Суворовѣ. Изъ статей, на которыя сдѣланы были г. Межовымъ указанія (около 250), конечно большая часть оказалась такими, которыя и искать не стоило, но въ остальныхъ найденъ матеріалъ, заслуживающій вниманія, а нѣкоторыя дали свѣдѣнія мелкія, но существеннаго значенія.

Всѣ эти статьи, а также и другія, напечатанныя въ историческихъ сборникахъ, въ военныхъ періодическихъ изданіяхъ и въ формѣ отдѣльныхъ брошюръ, заключаютъ въ себѣ обыкновенно разные случаи или эпизоды изъ жизни Суворова, анекдоты, какую нибудь частную его характеристику и т. под.; но между ними почти нѣтъ такихъ, которыя бы были посвящены разъясненію и опредѣленію его военнаго значенія. Исключенія рѣдки и качествомъ не высоки; онѣ касаются какихъ нибудь мелочей военнаго дѣла, или пускаясь въ обобщенія, не выходятъ изъ сферы общихъ мѣстъ и почти не разъясняютъ особенностей Суворовской военной теоріи. Лучшимъ изъ такихъ небольшихъ военно-біографическихъ трактатовъ о Суворовѣ слѣдуетъ признать двѣ или три публичныя лекціи г. Басова, напечатанныя въ Военномъ Сборникѣ 1874 года подъ заглавіемъ „Суворовъ и его образъ дѣйствій“. Въ общихъ чертахъ Суворовъ здѣсь изображенъ довольно вѣрно; въ разъясненіи его военной характеристики сдѣлано нѣсколько шаговъ за черту, которую другіе обыкновенно не переступаютъ; восхваленія не вращаются въ кругѣ риторическихъ фигуръ, возгласовъ и восклицаній. При всемъ томъ г. Басовъ далеко не совладалъ со своей задачей, не очертилъ Суворова рѣзкими штрихами, не провелъ грани между собственно Суворовскимъ и общимъ, безличнымъ. Представленіе получается неполное, и военный образъ Суворова остается не дорисованнымъ. Въ виду такой бѣдности нашей періодической

литературы по отношенію къ военной характеристикѣ самаго выдающагося лица русской военной исторіи, слѣдуетъ отмѣтить крупное исключеніе, а именно статьи г. Драгомирова, напечатанныя въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, преимущественно въ военныхъ журналахъ, и изданныя въ 1881 году подъ заглавіемъ:

Сборникъ статей М. Драгомирова, 1856—1881 гг., Спб., 1881, два тома.

Не слѣдуетъ искать въ этой объемистой книгѣ чего нибудь похожаго на трактатъ, посвященный военной характеристикѣ Суворова. Г. Драгомировъ не есть его военный историкъ, а только комментаторъ; тема его — не Суворовъ, а воспитаніе и обученіе войскъ. Суворовъ служитъ тутъ не цѣлью, а средствомъ для проведенія тѣхъ или другихъ принциповъ, — авторитетомъ, на котораго г. Драгомировъ указываетъ для подкрѣпленія своихъ сужденій и выводовъ. Коментаріи г. Драгомирова мастерскія; онѣ отличаются безъискусственностью и здравымъ смысломъ; аргументацію его трудно опровергать безъ натяжекъ, изворотовъ и иныхъ полемическихъ фортелей. Мало того, кому привелось изучать Суворова по многочисленнымъ даннымъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, вникая въ важное и второстепенное, тотъ можетъ засвидѣтельствовать, что коментаріи г. Драгомирова имѣютъ за собою самое важное достоинство—вѣрность. Изъ ссылокъ г. Драгомирова видно, что кромѣ „Науки побѣждать“ Суворова и приказовъ Австрійцамъ въ 1799 году, коментаріи основывались исключительно на книгѣ Дюбокажа. Если это такъ, то взглядъ г. Драгомирова на Суворова, какъ на военнаго педагога, свидѣтельствуетъ въ немъ большую точность мышленія и ясное пониманіе Суворовской военной теоріи. Дѣйствительно, г. Драгомировъ подмѣтилъ въ Суворовѣ то, чего другіе въ немъ не усматривали. Чѣмъ больше набиралось у автора настоящаго сочиненія данныхъ для военной и особенно военно-педагогической характеристики Суворова, тѣмъ больше онъ убѣждался въ мѣткости и вѣрности коментарій г. Драгомирова.

Г. Драгомировъ есть основатель и глава извѣстной военной школы; такимъ признаютъ его и нѣкоторые иностранные писатели, слѣдящіе за русской военной литературой. Если на-

правленіе этого ученія съ достаточною опредѣлительностью видно изъ „Сборника статей“, то съ большею систематичностью оно проведено въ другой книгѣ г. Драгомирова, „Учебникъ тактики“. Въ ряду другихъ ученій, оно по всей справедливости заслуживаетъ названія „школы Суворовской“, представляя собою наглядное доказательство, что Суворовскія военныя идеи у насъ еще не пропали безслѣдно.

Перечисленные здѣсь источники постоянно цитируются въ текстѣ книги, ибо авторъ считалъ долгомъ — указывать, откуда именно тѣ или другія фактическія данныя имъ извлечены. Если это не нужно для большинства читателей, то можетъ очень пригодиться будущимъ изслѣдователямъ, въ особенности указанія на рукописные матеріалы. Цитаты сгруппированы въ концѣ каждаго тома, въ особомъ отдѣлѣ; сдѣланныя въ наименованіяхъ источниковъ сокращенія будутъ понятны всякому безъ особаго объясненія.

Послѣ „Ссылокъ и Поясненій“ помѣщены въ каждомъ же томѣ „Приложенія“; сюда вошли подъ 12 нумерами по одному и по нѣсколько документовъ, наиболѣе существенныхъ для характеристики Суворова. Авторъ ограничился помѣщеніемъ въ книгѣ этого небольшого числа приложеній потому, что выписываніе цѣликомъ и печатаніе документовъ, которыми онъ пользовался, потребовало бы много лишняго времени и увеличило бы нынѣшній объемъ книги вдвое, а можетъ быть и больше.

Къ книгѣ приложено два портрета Суворова. Снимокъ, находящійся въ первомъ томѣ, сдѣланъ съ гравюры Вальбера, оригиналомъ для которой служилъ портретъ, писанный съ Суворова Аткинсономъ въ Петербургѣ, въ началѣ 1796 года. Ко второму тому приложенъ снимокъ съ портрета Суворова, писаннаго Шмидтомъ въ Прагѣ (Богемія) въ концѣ 1799 года и гравированнаго Уткинымъ. Обѣ гравюры любезно предложены автору книги Д. А. Ровинскимъ. Въ третьемъ томѣ помѣщенъ снимокъ съ маски, сдѣланной съ мертваго лица Суворова, оригиналъ которой (бронзовый) принадлежитъ князю А. А. Суворову. Маска эта до сихъ поръ оставалась никому неизвѣстной и воспроизводится въ первый разъ.

Снимковъ съ автографовъ Суворова приложено къ пер-

вому тому 3 и ко второму 1; всѣ они соотвѣтствуютъ тому періоду времени, который каждый изъ этихъ томовъ обнимаетъ. Два факсимиле на русскомъ языкѣ и по одному на французскомъ и нѣмецкомъ. Автографъ Суворова, относящійся къ 1759 году, составляетъ рѣдкость; въ Суворовскомъ сборникѣ есть только одно его собственноручное письмо 1764 года, остальныя всѣ принадлежатъ позднѣйшему времени; въ правительственныхъ архивахъ автору книги не удавалось видѣть Суворовскихъ автографовъ раньше 1769 года. Признано излишнимъ прикладывать еще факсимиле за послѣдніе годы жизни Суворова, потому что почеркъ его остался тотъ же. Сдѣланные подъ портретами его подписи взяты тоже съ автографовъ.

Изданіе снабжено 4 небольшими картами военныхъ дѣйствій Суворова въ Турціи, Польшѣ, Италіи и Швейцаріи. Карты эти приложены къ тѣмъ томамъ, къ которымъ относятся, но одна изъ нихъ (Польши), помѣщенная во второмъ томѣ для войны 1794 года, идетъ также и къ первому, для первой Польской войны.

Въ заключеніе авторъ считаетъ своею обязанностью — упомянуть о лицахъ, оказавшихъ ему наибольшее содѣйствіе въ трудѣ, нынѣ появляющемся въ свѣтъ. Покойный князь Александръ Аркадіевичъ Суворовъ не только сосласился подѣлиться съ авторомъ сокровищами своего фамильнаго архива, но даже всѣ документы, хранившіеся у него въ Петербургѣ и селѣ Кончанскомъ, довѣрилъ автору безъ всякихъ стѣснительныхъ условій и формальностей, на неопредѣленное время.—Графъ Д. А. Милютинъ, къ которому авторъ обратился за ходатайствомъ о допущеніи его въ Государственный архивъ, съ правомъ знакомиться со всѣми безъ исключенія документами, касающимися Суворова,—съ полнымъ доброхотствомъ взялъ на себя по этому дѣлу представительство, результатомъ котораго было высочайшее разрѣшеніе въ Возѣ почивающаго Императора Александра II. Не ограничиваясь этимъ, графъ Милютинъ предложилъ автору свои матеріалы, оставшіеся послѣ всѣмъ извѣстнаго его сочиненія о войнѣ 1799 года.—Такимъ же образомъ получены матеріалы отъ барона Ф. А. Бюлера и Н. Ф. Дубровина; не

послѣдовало отказа и отъ вице-президента Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей, покойнаго Н. Н. Мурзакевича, на просьбу ознакомиться съ рукописными документами Общества.—Затѣмъ, какъ было сказано, В. И. Межовъ оказалъ автору большую услугу своими указаніями на статьи о Суворовѣ въ повременныхъ русскихъ изданіяхъ съ самаго начала нынѣшняго столѣтія.—Равнымъ образомъ, извѣстный своими изданіями Д. А. Ровинскій познакомилъ автора съ колекціею портретовъ Суворова и постоянно помогалъ ему совѣтами, указаніями и содѣйствіемъ по выбору портретовъ, разъясненію разныхъ сомнѣній, по избранію способа воспроизведенія портретовъ и т. под.—Не мало приходилось автору пользоваться совѣтами по этому предмету и другого знатока, любителя и собирателя, П. Я. Дашкова.—Сверхъ того авторъ очень много обязанъ В. В. Стасову, который нѣсколько лѣтъ подрядъ, съ неослабѣвавшимъ интересомъ и доброжелательствомъ къ медленно-двигавшемуся труду, никогда не отказывалъ въ своемъ содѣйствіи при разъискиваніи нѣкоторыхъ источниковъ, въ качествѣ библіотекаря Императорской публичной библіотеки снабжалъ безпрепятственно цѣлою массою книгъ на-домъ и, такимъ образомъ постоянно облегчая работу, на много сократилъ время ея исполненія.—Наконецъ, нельзя не помянуть добрымъ, признательнымъ словомъ покойнаго Г. Н. Александрова, начальника московскаго архива главнаго штаба. Дряхлый и больной старецъ, съ трудомъ передвигавшій ноги, онъ употреблялъ все свое свободное время и скудный остатокъ силъ на разъискиваніе документовъ, сверялъ переписанное, наводилъ справки, разъяснялъ недоразумѣнія и только спрашивалъ—не можетъ ли быть еще въ чемъ полезенъ. И все это дѣлалось для лица, ему, г. Александрову, не извѣстнаго, безъ всякой задней мысли, изъ одного сочувствія къ предпринятому труду, изъ доброжелательства къ трудящемуся человѣку и изъ уваженія къ наукѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Глава XXVII. На пути въ армію; 1799.

Военные успѣхи Французовъ въ послѣдніе годы; новая коалиція съ участіемъ въ ней Россіи; назначеніе Суворова въ Италію по просьбѣ союзниковъ.—Пріѣздъ его въ Петербургъ; выходки; общее удовольствіе; благосклонность къ нему Государя съ оттѣнкомъ недовѣрія.—Отъѣздъ въ армію; посѣщеніе въ Митавѣ Французскаго короля-претендента; разныя встрѣчи въ пути; прибытіе въ Вѣну.—Аудіенція у императора; смотръ войскъ; народныя ваціи; переговоры о будущей кампаніи; ихъ неудовлетворительность.—Прощальная аудіенція; инструкція Суворову; ея вредное значеніе.—Прибытіе Суворова въ Верону; встрѣча.—Залогъ будущихъ его успѣховъ; французская и его собственная военныя теоріи; основное ихъ сходство, при неодинаковости происхожденія и частныхъ различіяхъ 1

Глава XXVIII. Итальянская кампанія: Адда; 1799.

Ходъ кампаніи до прибытія Суворова.—Пріемы у Суворова; его прокламаціи и распоряженія по боевой подготовкѣ австрійскихъ войскъ.—Наступательное движеніе; взятіе Брешіи; порядокъ похода; неудовольствіе Австрійцевъ; выговоръ Меласу.—Занятіе Бергамо и Кремы.—Расположеніе непріятеля на р. Аддѣ; диспозиція Суворова; дѣло при Лекко; переправа у С. Джерваэіо; сраженіе у Вапріо; Меласъ у Кассано; Вукасовичъ у Бривіо; плѣненіе Серюрье.—Смятеніе въ Миланѣ; занятіе города; торжественная встрѣча Суворова; любопытство, возбуждаемое имъ и Русскими.—Прибытіе корпуса Розенберга.—Уничтоженіе Цисальпійской республики и учрежденіе

временного правленія; народное возстаніе въ Италіи.—Боевыя наставленія Суворова и обученіе войскъ; планъ дѣйствій, не одобренный въ Вѣнѣ.—Упреки Суворову въ медлительности; объясненіе 36

Глава XXIX. Итальянская кампанія: Басиньяна, Маренго; 1799.

Распредѣленіе союзныхъ силъ; осада крѣпостей; приготовленія къ переправѣ черезъ По; прибытіе къ арміи великаго князя.— Перемѣны въ маршрутахъ войскъ; занятіе Тортоны; Розенбергъ у Борго-Франко; неисполненіе имъ полученныхъ приказаній; вмѣшательство великаго князя въ его распоряженія; неудачное дѣло при Басиньянѣ; приказъ по арміи.— Новое измѣненіе плана по ложнымъ слухамъ; встрѣча съ Французами при Маренго; неполный успѣхъ.—Движеніе къ Турину; обстановка Суворова на походѣ; занятіе Турина; шумный пріемъ; переговоры съ комендантомъ цитадели.—Сдача Александріи, Феррары и миланской цитадели; торжество въ Туринѣ.— Непріятности изъ Вѣны; негодованіе Суворова; переписка его съ Разумовскимъ.— Приписываемыя Суворову ошибки и грабежи войскъ; объясненіе. 69

Глава XXX. Итальянская кампанія: Треббія; 1799.

Нерѣшительныя дѣйствія въ Швейцаріи; дипломатическая переписка.—События на югѣ; движеніе Макдональда къ Апенинамъ, а союзниковъ къ Александріи; быстрый поворотъ ихъ на встрѣчу Французамъ.—Распорядительность Суворова; его наставленія и приказъ по арміи.—Упорное дѣло у Сантъ-Джіованни; прибытіе Суворова; отступленіе Французовъ за Тидону; распоряженіе на слѣдующій день.—Атака; непослушаніе Меласа; отступленіе непріятеля за Треббію.—Возобновленіе боя на утро; вторичное ослушаніе Меласа; атака Лихтенштейна; бѣгство Французовъ. — Изнеможеніе войскъ; приготовленія къ завтрашней атакѣ; отступленіе непріятеля; бой на Нурѣ.—Упреки критиковъ Суворову; объясненіе. — Дѣло Моро съ Австрійцами у Касино-Гроссо.—Слабое преслѣдованіе Макдональда; сдача туринской цитадели 103

Глава XXXI. Итальянская кампанія: Нови; 1799.

Въѣздъ Суворова въ Александрію; маневры и ученья; прибытіе дивизіи Ребиндера; капитуляція александрійской цитадели; осада тортонскаго замка; сдача Мантуи; Суворовъ-

князь.—Событія въ южной и средней Италіи; бездѣйствіе въ Швейцаріи; начало неудовольствій между Суворовымъ и эрцъ-герцогомъ Карломъ. — Замѣчанія изъ Вѣны; ненормальное состояніе командованія; интриги; затрудненія со стороны провіантскаго вѣдомства. — Сильное неудовольствіе Суворова и просьба объ отозваніи. — Наступательный его планъ; планъ Французовъ.—Колебанія новаго главнокомандующаго, Жубера; атака Австрійцевъ; смерть Жубера.—Неудачныя атаки Края, Багратіона и Дерфельдена; настойчивость Суворова; роздыхъ; возобновленіе атаки по всей линіи, съ присоединеніемъ Меласа; побѣда.— Суворовъ въ концѣ боя; ночная тревога въ Нови.—Упреки критиковъ; объясненіе. — Приготовленія къ наступленію; отмѣна изъ Вѣны 135

Глава XXXII. Итальянская кампанія: перемѣна театра войны; 1799.

Неудобное положеніе Суворова вслѣдствіе распоряженій, получаемыхъ изъ Вѣны.—Успѣхи Французовъ въ Швейцаріи; демонстраціи со стороны французской границы.—Капитуляція тортонскаго замка.—Союзный лагерь при Асти.—Чествованіе Суворова отовсюду; интересъ, возбуждаемый его именемъ; его занятія, образъ жизни, странности. — Новое распредѣленіе войскъ по театрамъ войны; назначеніе Суворова въ Швейцарію; его неудовольствіе и жалоба.—Несогласія между Римскимъ Корсаковымъ и эрцъ-герцогомъ Карломъ; бездѣятельность послѣдняго и удаленіе изъ Швейцаріи; объясненіе причинъ. — Переписка Павла I съ Суворовымъ. — Двукратное выступленіе послѣдняго изъ Италіи; порядокъ похода; сдача тортонскаго замка. — Прощаніе съ австрійскими войсками; мнѣніе Суворова о нихъ и поведеніе его по отношенію къ нимъ.—Опасенія за будущее 179

Глава XXXIII. Швейцарская кампанія: С. Готаръ, Чортовъ мостъ; 1799.

Силы воюющихъ.—Расположеніе войскъ въ Швейцаріи.—Различные туда пути; путь, избранный Суворовымъ; недостатки принятаго плана.—Неподготовленность русскихъ войскъ къ горной войнѣ; наставленіе Суворова. — Движеніе Русскихъ; Суворовъ въ походѣ.—Троекратная атака Сенъ-Готара; осужденіе Суворова критиками; опроверженіе. — Вымышленный анекдотъ.—Обходное движеніе Розенберга; дѣло при Урзернѣ; отступленіе Французовъ. — Преслѣдованіе по указанію Сувo-

рова; соединеніе Суворова съ Розенбергомъ.—Атака Урнеръ-Лоха и Чортова моста; причины удачи и малой потери.— Занятіе Альторфа; безпрепятственное отступленіе Французовъ и занятіе ими фланговой позиціи; объясненіе причинъ.— Критическое положеніе Суворова; пути изъ Альторфа; избраніе самаго прямого и труднаго; приговоры критики; объясненіе. 218

Глава XXXIV. Швейцарская кампанія; Мутенталь, Кленталь, Рингенкопфъ; 1799.

Трудное движеніе чрезъ Росштокскій хребетъ.—Дѣйствія аріергарда и авангарда.—Дурныя вѣсти; разгромъ Римскаго Корсакова и Готце; боязливыя дѣйствія Линкена и Елачича; Суворовъ оставленъ на произволъ судьбы.—Его отчаянное положеніе; военный совѣтъ; разстройство Суворова.—Наступленіе къ Кленталю; неудачная атака Французовъ; ихъ отступленіе и оборона при Нетсталѣ и Нефельсѣ.—Розенбергъ въ Мутенталѣ; рекогносцировка Массены; упорное дѣло на другой день; паническое бѣгство Французовъ.—Движеніе Розенберга на соединеніе съ Суворовымъ.—Ужасное состояніе русскихъ войскъ; раздраженіе противъ Австрійцевъ; новое рѣшеніе Суворова; военный совѣтъ.—Возводимыя на русскія войска несправедливыя обвиненія.—Выступленіе изъ Гларіса; дѣйствія аріергарда.—Бѣдственный переходъ чрезъ Рингенкопфъ.—Суворовъ-генералиссимусъ.—Опроверженіе дѣлаемыхъ ему упрековъ; мѣстныя легенды; особенное значеніе Швейцарской кампаніи 250

Глава XXXV. Разрывъ союза; 1799.

Переписка Суворова съ эрцъ-герцогомъ Карломъ; острый ея характеръ; раздражительность и колебанія Суворова; причины.—Соединеніе Корсакова и Конде съ Суворовымъ; различный ихъ пріемъ.—Ненависть Русскихъ къ Австрійцамъ.—Зимнія квартиры; конецъ боевого поприща Суворова.—Военная его характеристика: военный человѣкъ вообще, тактикъ, стратегикъ; его заграничная извѣстность; память о немъ въ Россіи и русскихъ войскахъ.—Голландская экспедиція англо-русскихъ войскъ; ея неудача; охлажденіе Павла I къ Англіи.—Остановка Суворова въ Прагѣ; переговоры и планы военныхъ дѣйствій.—Признаки перемѣны въ политикѣ Франціи; новые поводы къ неудовольствіямъ на Вѣнскій дворъ; окончательный разрывъ союза Россіи съ Австріей и затѣмъ съ Англіей.—Выступленіе русскихъ войскъ въ дальнѣйшій путь. . . . 286

Глава XXXVI. На пути въ Россію; 1799—1800.

Душевныя муки Суворова вслѣдствіе недостигнутыхъ цѣлей войны. — Общее вниманіе къ нему и его войскамъ во время обратнаго пути въ Россію. — Настроеніе Императора Павла и русскаго общества; переписка Государя съ Суворовымъ; восторженныя заявленія другихъ государей и лицъ.— Негодованіе Суворова по поводу французскихъ извѣстій о Швейцарской кампаніи; неудовольствіе, причиненное ему присылкою изъ Вѣны генерала Бельгарда съ особой миссіей; ея неудача.—Образъ жизни Суворова; пріемы, забавы, эксцентричности. — Суворовъ-чудакъ; происхожденіе и развитіе его странностей; усиленіе ихъ къ концу его жизни; отзывы о немъ, какъ о помѣшанномъ. — Другіе недостатки, ему приписываемые; объясненіе. — Заботы Суворова о будущности сына; помолвка князя Аркадія съ принцессой Саганской 317

Глава XXXVII. Болѣзнь Суворова, вторичная его опала и кончина; 1800.

Слабость здоровья Суворова въ послѣднее время; появленіе серьезныхъ болѣзненныхъ симптомовъ по выѣздѣ Суворова изъ Праги; остановка его въ Краковѣ и Кобринѣ. — Развитіе болѣзни; отсутствіе медицинской помощи; прибытіе врачей; высылка лейбъ-медика.—Продолжающаяся благосклонность Государя къ Суворову; петербургскія приготовленія къ торжественному его пріему; мечты Суворова о будущемъ. — Образъ его жизни въ Кобринѣ; домашнія и другія дѣла. — Выѣздъ изъ Кобрина; внезапная немилость Государя; ухудшеніе состоянія больного; пріѣздъ въ Петербургъ. — Существующія мнѣнія о причинахъ опалы; изслѣдованіе всѣхъ данныхъ; выводъ. — Суворовъ въ Петербургѣ; ухудшеніе его состоянія; кончина; торжественное погребеніе. — Народное представленіе о Суворовѣ въ формѣ картинокъ, преданій и пѣсенъ; отрывки изъ пѣсенъ; одна изъ легендъ 343

Ссылки и поясненія.

Къ главѣ XXVII 383
Къ главѣ XXVIII 384
Къ главѣ XXIX. 385
Къ главѣ XXX. 385
Къ главѣ XXXI. 386
Къ главѣ XXXII 387
Къ главѣ XXXIII 388

Къ главѣ XXXIV 389
Къ главѣ XXXV 390
Къ главѣ XXXVI 391
Къ главѣ XXXVII 392

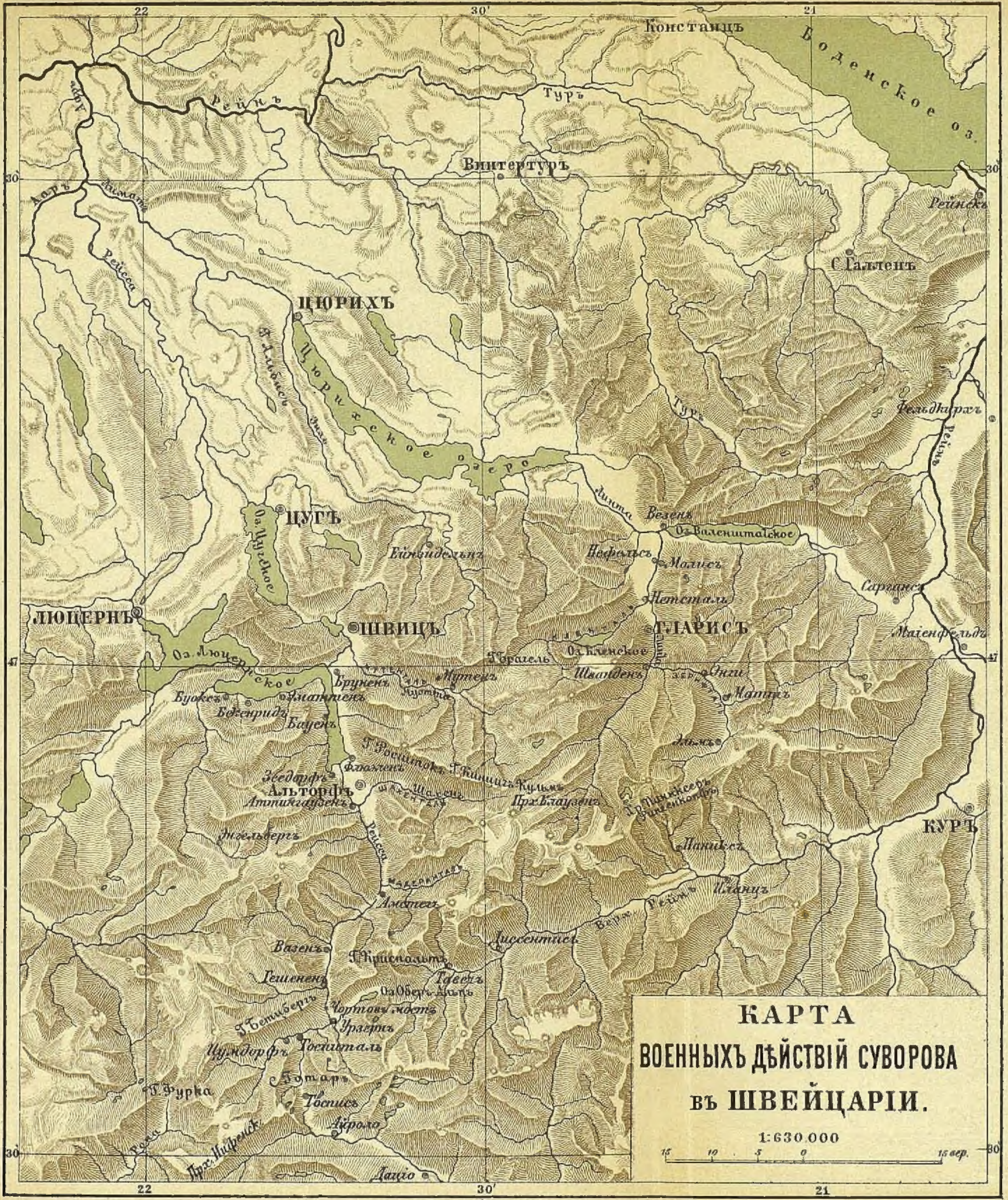
Приложенія.

Девятое, къ главѣ XXVIII 397
Десятое, къ главѣ XXVIII 405
Одиннадцатое, къ главѣ XXXIII 409
Двѣнадцатое, къ главѣ XXXV 412

Источники.

Рукописные 419
Печатные 429

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.


КАРТА
ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ СУВОРОВА
въ ШВЕЙЦАРІИ.
1:630 000
15 10 5 0 15 вер.
Констанцъ
Боденское оз.
Рейнъ
Туръ
Винтертуръ
Рейнекъ
С. Галленъ
ЦЮРИХЪ
Цюрихское озеро
Фельдкирхъ
Рейнъ
ЦУГЪ
Везенъ
Оз. Валенштадское
Ейнзидельнъ
Нефельсъ
Молисъ
Саргансъ
ЛЮЦЕРНЪ
ШВИЦЪ
ГЛАРИСЪ
Майенфельдъ
Оз. Люцернское
Брунненъ
Муттенъ
Оз. Кленское
Швандевъ
Энги
Матъ
Бауенъ
Альтдорфъ
Зеедорфъ
Флюэленъ
КУРЪ
Паниксъ
Иланцъ
Верх. Рейнъ
Диссентисъ
Амштегъ
Вазенъ
Гешененъ
Чертовъ мостъ
Урзернъ
Госпиталь
Гот. Фурка
Айроло
Дацiо
Рейсса
Аарь
Линта

2007081665